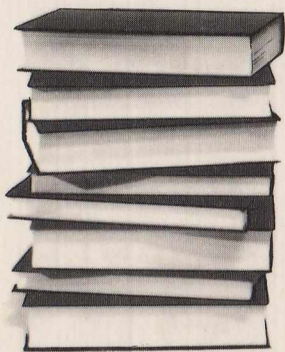

Утопический
социализм
в РОССИИ

*Утопический
социализм
в России*

Виссарион Григорьевич
БЕЛИНСКИЙ
Александр Иванович
ГЕРЦЕН
Михаил Васильевич
БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ
и петрашевы
Владимир Алексеевич
МИЛЮТИН
Александр Владимирович
ХАНЫКОВ
Дмитрий Дмитриевич
АХШАРУМОВ
Михаил Александрович
ФОНВИЗИН
Николай Платонович
ОГАРЕВ
Николай Гаврилович
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
Николай Александрович
ДОБРОЛЮБОВ
Михаил Ларионович
(Илларионович)
МИХАЙЛОВ
Николай Васильевич
ШЕЛГУНОВ
Петр Григорьевич
ЗАЙЧНЕВСКИЙ
Дмитрий Иванович
ПИСАРЕВ
Николай Васильевич
СОКОЛОВ
Петр Никитич
ТКАЧЕВ
Михаил Александрович
БАКУНИН
Петр Лаврович
ЛАВРОВ
Василий Васильевич
(Вильгельм Вильгельмович)
БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ
Николай Константинович
МИХАЙЛОВСКИЙ
Петр Алексеевич
КРОПОТКИН
Сергей Михайлович
СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ
Георгий Валентинович
ПЛЕХАНОВ
Андрей Иванович
ЖЕЛЯБОВ
Николай Иванович
КИБАЛЬЧИЧ

Утопический социализм в РОССИИ

Хрестоматия

*Москва
Издательство
политической
литературы
1985*

Составители: доктор философских наук, профессор
А. И. ВОЛОДИН и кандидат философских наук
Б. М. ШАХМАТОВ.

Вступительная статья к хрестоматии написана
А. И. Володиным и *Б. М. Шахматовым*. Биографи-
ческие справки (или вводные заметки), библиография,
подбор текстов и примечания к разделам до «*Н. А. Доб-
ролюбов*» включительно и к разделу «*Д. И. Писарев*»
подготовлены *А. И. Володиным*, к остальным разделам —
Б. М. Шахматовым. Им же подготовлены общая библио-
графия, иллюстрации.

Общая редакция хрестоматии *А. И. ВОЛОДИНА*.

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ В РОССИИ 1833—1883

(Краткий очерк)

Очень разные мыслители и публицисты 30—80-х годов прошлого века представлены в этой книге. Разные по происхождению и социальной принадлежности. Разные по уровню культуры и образованности, по глубине теоретического мышления и художественному таланту. По отношению к коренным мировоззренческим проблемам. По предлагаемым конкретным способам и средствам решения насущных вопросов социально-политического развития России... Но при всем их различии все они были демократами, выразителями интересов и чаяний трудового народа, а в подавляющем большинстве — и революционерами, противниками трусливого либерального соглашательства с властью и силу имущими, сторонниками наиболее радикальных методов в разрушении старых, изживших себя общественных порядков... Самое же главное, что объединяет этих мыслителей и публицистов, состоит в том, что все они были отечественными *социалистами*.

Это означает: каждый из них мыслил себе будущее человечества и своего народа как строй без эксплуатации и угнетения, как строй, который и по характеру отношений между людьми, и по экономическому и духовному развитию представляет собой нечто качественно, принципиально отличное не только от полуазиатских российских самодержавно-крепостнических порядков, но и от порядков самых передовых по тем временам западных капиталистических государств. Каждый из них не просто мечтал о таком будущем, не только стремился доказать его историческую неизбежность, но в меру сил и возможностей стремился к практическому его приближению.

Официальное общество преследовало их, большинство современников не понимало и не принимало их взглядов. На протяжении десятилетий социалистические идеи в России — расценивались ли они как занесенные чумным ветром с «гниющего» Запада или как плод фантазий и досужих вымыслов доморощенных ниспровергателей всего и вся — подвергались запрету со стороны правительства, гонениям со стороны господствовавшей православной церкви, сокрушительной критике со стороны идеологов официальной народности; в идеях социализма усматривалось нечто несвойственное духу русского народа, отвергаемое самой сутью общественной и го-

сударственной жизни России... Были, разумеется, особенности, оттенки и нюансы в отвержении социализма правящими верхами и представителями дворянско-буржуазной интеллигенции. Но основной смысл утверждений большинства противников социализма в России был, в сущности, одним и тем же: Россия и социализм — вещи, друг друга исключающие.

Однако, вопреки всему, в общественной мысли России прошлого столетия на протяжении пяти десятилетий, с 1833 по 1883 г., когда на смену утопическому социализму пришел социализм научный, пролетарский, марксистский, существовала и развивалась сильная социалистическая традиция, запечатленная во множестве литературных документов.

Так уж получилось, что хрестоматии по истории утопического социализма в России ни разу не издавались — ни в нашей стране, ни за рубежом. Советский читатель до сих пор не имел пособия, по которому он мог бы познакомиться с текстами произведений главных представителей отечественного утопического социализма, имевшего богатую и сложную историю развития — от первого своего выражения в творчестве А. И. Герцена и Н. П. Огарева до возникновения группы «Освобождение труда». Даже исследователь-специалист, обращавшийся к этой тематике, вынужден был в большинстве случаев выискивать необходимые тексты в разнообразных отдельных изданиях (некоторые из них являются библиографической редкостью) или в еще менее доступной периодике прошлого века.

Именно по той причине, что представляемая вниманию читателей книга является *первым опытом* издания такого рода, ее составители сочли необходимым предпослать произведениям отечественных мыслителей-социалистов XIX в. общую характеристику самого этого явления — «утопический социализм в России», а также краткий очерк основных этапов его развития.

I

Как известно, под утопическим социализмом понимается совокупность тех учений, которые выразили (правда, в еще незрелой форме) идею о желательности и возможности установления такого общественного строя, где не будет эксплуатации человека человеком и иных форм социального неравенства и угнетения.

Будучи качественно особой ступенью в развитии социально-теоретической мысли, более высокой по сравнению и с предшествовавшими ей многовековыми мечтаниями народных масс о порядках, основанных на «общности имущества» и всеобщем труде, и с буржуазным Просвещением, домарксистский утопический социализм родился как идейное отражение противоречий возникавшей капиталистической цивилизации. Объясняя причины его появления, В. И. Ленин писал: «Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось *«свободное»* капиталистическое общество,—

сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него»¹.

Какую бы из великих буржуазных революций Запада мы ни взяли, в каждой из них наряду с движением шедшей к политической власти революционной буржуазии обнаруживается движение таких социальных слоев и групп, которые, действуя наиболее радикально в процессе самих этих революций, оказались неудовлетворенными их результатами. Стремясь углубить революцию, выйти за ее исторически обусловленные буржуазные рамки, они выразили в своих требованиях новый общественный идеал — представления об обществе подлинного, а не только формального, юридического равенства.

Первые проблески утопического социализма в Европе Ф. Энгельс отметил, анализируя представления о будущем, развитые вождем Крестьянской войны в Германии XVI в. Томасом Мюнцером. В более определенной форме идеи нового учения были высказаны идеологом плебейского крыла в английской революции XVII в. — Джерардом Уинстенли. И уже совершенно явственную форму представления о необходимости нового, коммунистического строя, который сменит собой многовековое общество частной собственности и эксплуатации, получили в бабувизме — теории французского революционера конца XVIII в. Бабефа и его сторонников.

Как первые проявления идеологии, соответствующей в общем и целом устремлениям предпролетариата, того социального слоя, из которого впоследствии развился пролетариат, эти учения, подобно иным социальным утопиям нового времени (Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ж. Мелье, Г. Мабли, Морелли и др.), были весьма неразвитыми. Их отягощают черты грубой уравнительности, столь свойственной тем представлениям о равенстве, которые были характерны для мечтаний трудовых масс с тех пор, как возникли частная собственность, эксплуатация человека человеком и началась борьба бедных против богатых, эксплуатируемых против эксплуататоров, угнетенных против угнетателей. Наиболее совершенную форму, классическую разработку идеи утопического социализма получили в теориях трех великих мыслителей XIX в. — Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Их последователи, менее глубокие в теоретическом отношении, дали детальную разработку многих подробностей нового учения.

Правда, даже и в своей наиболее развитой, классической форме западноевропейский утопический социализм — и в этом заключалось его коренное отличие от научного коммунизма Маркса — Энгельса — так и не смог обосновать закономерность движения общества к новому, подлинно справедливому строю. Он не увидел в пролетариате как классе той главной социальной силы, для которой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 46.

уничтожение капиталистических порядков и установление новых отношений собственности и форм коллективистского общежития составляют прямую жизненную необходимость. Говоря словами В. И. Ленина, утопический социализм «не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества»¹.

При всем том громадной заслугой утопического социализма явилось выдвижение ряда идей, впервые привнесенных в социальную науку, общественное сознание.

Отметим, прежде всего, идею об ограниченности политически-правового равенства, установление которого было результатом буржуазных революций. Выдвигая требование не формального только, а реального равенства — равенства социального, вплоть до равенства в отношении к собственности, утопический социализм со всей определенностью выявил ограниченность тех общественных преобразований, которые совершаются буржуазными революциями, осуществляемыми народом, но удовлетворяющими лишь классовые интересы буржуазии. Требование углубить политическую революцию, превратить ее в революцию «социальную» составляло важнейшую отличительную черту утопического социализма.

Утопический социализм отличался, далее, от всех прочих утопий тем, что в нем зародилась и получила разработку идея, отсутствовавшая у прежних социальных мечтателей: общество подлинного равенства он предлагал строить на базе или, по крайней мере, с учетом достижений материальной и духовной культуры, которые несла с собой буржуазная цивилизация.

С этим была связана и родившаяся в ходе развития утопического социализма новая трактовка самого общественного идеала — представление о таком будущем строе, где потребности людей не механически уравниваются, не нивелируются, а получают полное развитие, где будет осуществлено совпадение, соединение, гармонизация личных и общественных интересов.

Правда, утопический социализм не решил поставленные им проблемы строго научным образом. Это выражалось, в частности, в том, что на деле он зачастую не мог последовательно отмежеваться от предшествовавших ему уравнительных антиэксплуататорских учений, а также от развивавшихся одновременно и параллельно с ним течений грубого, примитивного коммунизма, существовавшего также в виде рудиментов и внутри самого утопического социализма.

Тем не менее критика буржуазной революции и строя капитализма с точки зрения более высокого социального идеала, усматривающего «золотой век» человечества не в его прошлом, а в будущем, венчающем весь пройденный человечеством путь развития, иначе говоря — *позитивная антибуржуазность* — вот что объединяет всех

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 46.

утопических социалистов, к какому бы направлению или школе они ни принадлежали. Это и было самым главным, самым существенным в содержании той формы общественной теории, которую мы называем утопическим социализмом.

И когда мы говорим об утопическом социализме в России, то естественно предполагаем, что в своем основном содержании он должен был соответствовать и действительно соответствовал этим чертам утопического социализма вообще. Но...

Что сразу бросается в глаза уже при первом знакомстве с отечественными социалистами-утопистами? Тот очевидный факт, что исторически они выступили существенно позже западных социалистов, учения которых явились идейным истоком социалистических теорий в России. Указывая на этот факт, многие буржуазные авторы писали (и сейчас еще пишут) о подражательном, неоригинальном характере социализма в России; в этой его «подражательности», «неоригинальности» («русский сенсимонизм» будто бы сменился «русским фурьеризмом», затем появился «русский прудонизм» и т. д.) усматривается как раз его «своеобразие».

Подобное представление, связанное зачастую с откровенно предвзятыми, ненаучными соображениями, является неверным. При таком подходе даже не ставится действительно серьезная проблема, решением которой и определяются главные направления в обсуждении вопроса о действительном своеобразии, отличительных чертах утопического социализма в России.

Речь идет о том, что он возникает и развивается тогда, когда в России еще не было уничтожено крепостничество, не произошли радикальные экономические и политические преобразования буржуазного типа. Иначе говоря, он возникает в этой стране в ту историческую эпоху, когда в экономическом и социальном отношении она была значительно более отсталой по сравнению с более высоко развитыми в этом отношении странами Западной Европы. Россия в то время еще не пережила буржуазной революции, здесь, в сущности, только-только начинала развиваться противоположность между неимущими и молодой, но крайне трусливой буржуазией, а самыми насущными были вопросы, в принципе уже снятые к этому времени с повестки дня социально-политической жизни Англии и Франции, — о ликвидации крепостничества и об уничтожении крайне реакционной формы политической власти — деспотического самодержавия. Этим в конечном счете и определялись основные особенности социалистической мысли в России, предшествовавшей утверждению в освободительном движении подлинно научной идеологии рабочего класса — марксизма.

В самом деле, что представляли собой эти полвека в истории России, когда в ней возник и развивался утопический социализм?

В отношении социально-экономическом это был период все более обострявшегося кризиса феодально-крепостнической системы и постепенного втягивания страны на рельсы буржуазного развития. Однако в силу определенных исторических условий рос-

сийская буржуазия не обладала достаточными потенциями, чтобы возглавить процесс демократических преобразований в различных сферах жизни общества. Против переживших себя экономических и социальных порядков средневековья выступало угнетенное полупатриархальное крестьянство. Но формы его борьбы не поднимались обычно выше уровня стихийных, разрозненных бунтов, подавить которые для военной машины самодержавного политического режима не представляло больших трудностей. Куда больше царские власти опасались того, как бы эти народные стихийные движения не соединились с организованными, сознательными выступлениями представителей так называемых образованных, просвещенных классов — сначала выходцев из дворянства, помещичьей среды, затем — из нового, разночинского слоя.

«В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»¹. Тайные организации прогрессивно настроенных дворян, преимущественно офицеры, предприняли тогда попытку осуществить в стране военно-политический переворот. Однако они потерпели поражение, одной из главных причин которого была оторванность первых русских революционеров от народа², их боязнь «новой пугачевщины», стихии массового крестьянского движения.

Разгром декабристов знаменовал собой начало длительного периода реакции. «Тридцать лет тяготела над Россией правительственная система Николая «Незабвенного». Застой возведен был прямо в догмат. Все живые, все мыслящие, все протестующие элементы были либо уничтожены, либо вынуждены заgrimироваться до полной неузнаваемости...»³

После довольно продолжительного периода напряженной «внутренней работы», нравственно-идеологической подготовки со второй половины 50-х годов, как отражение растущего протеста крестьян против крепостного права, формируется значительно более широкий по социальному составу, общедемократический натиск на самодержавие; его основную силу составляли политические радикалы из среды разночинцев, так называемые «революционеры 61 года», идейным вождем которых был Н. Г. Чернышевский. Но и этот натиск был отражен, революционная ситуация так и не переросла в революцию.

Произошло это главным образом вследствие того, что, умело лавируя между различными группировками, правительство Александра II смогло осуществить грабительскую по отношению к крестьянам, но буржуазную по существу социально-экономическую реформу, — крестьянскую реформу 1861 г.; за ней последовал еще ряд реформ 60—70-х годов — земская, судебная, военная... Отмена

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

² См. там же, т. 21, с. 261.

³ Плеханов Г. В. Соч. М., 1925, т. 5, с. 1.

крепостного права и иные реформаторские акты открыли известный простор для развития в России капиталистических форм производства, буржуазных отношений.

При осуществлении крестьянской реформы 1861 г. правительство находилось в большом страхе, опасаясь общественного «возмущения». И не зря: социальный инстинкт не обманул правящие верхи. Куцая, убогая реформа вызвала резкий протест в народных низах: весной 1861 г. крестьянские выступления всколыхнули Россию. Крестьяне справедливо увидели в царской «милости» обман и новые цепи взамен прежних. Они ждали подлинной воли, настоящей свободы — а им объявили о ликвидации личной их зависимости от помещика, но вместе с тем и о новых формах подчинения тому же помещику. Крестьяне жаждали получить в собственность землю, ту, которую они издревле обрабатывали, — а получили они земли куда меньше и худшего качества, да и за эту землю они должны были еще долго-долго расплачиваться, притом платить за нее втридорога. «...Падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу»¹.

Но до революции дело не дошло, выступления крестьян были жестоко подавлены царскими войсками; в широких массах народа отсутствовала организованность и политическая сознательность, в стране не сформировалась еще та политическая сила, которая могла бы повести народ на завоевание власти. «В России в 1861 году, — писал В. И. Ленин, — народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу»².

Не поднялся русский народ на такую борьбу и в следующие два десятилетия, несмотря на самоотверженные попытки революционеров-разночинцев пробудить его к активным выступлениям. Не переросла в революцию и вторая революционная ситуация, имевшая место на рубеже 70—80-х годов.

Иначе говоря, социалистам-утопистам России довелось жить и выступать со своими теоретическими разработками и программными предложениями в тот исторический период, когда все вопросы общественной жизни в стране сводились в конечном счете к борьбе с крепостным правом и его пережитками в социально-экономической сфере, к борьбе с царским самодержавием, обросшим мощным бюрократическим аппаратом, — в области политической. И это составляло отнюдь не исторический фон творчества российских социалистов, а «контекст» всей их жизни и деятельности, пронизанной идеями освобождения крестьян, уничтожения политического насилия.

Но вместе с тем эпоха деятельности отечественных социалистов — это та эпоха, когда в странах Запада буржуазный строй уже

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 141.

² Там же, с. 140.

вполне обнаружил, что правовое, юридическое равенство лишь прикрывает органические пороки нового строя: еще более изощренные формы эксплуатации трудящихся, пауперизацию масс населения, распространение морали чистогана и эгоизма...

Сравнительно слабое развитие капиталистических начал в русской действительности рассматриваемого периода составляло объективную основу для постановки проблемы «Россия и Запад» — проблемы, остро дискутируемой в особенности в 30—50-е годы, но вовсе не снятой с арены идейной борьбы и в последующие десятилетия. А нельзя ли России миновать насыщенный кровавыми столкновениями путь развития, проделанный уже странами Западной Европы, но тем не менее не приведший — что становилось все очевиднее — к всеобщему благоденствию? Стоит ли повторить печальный опыт Запада? Нет ли иных, особых, соответствующих национальным традициям, внутренним условиям России путей к ее будущему?

Отечественные мыслители самых разных мировоззрений (мы оставляем здесь за скобками идеологов официальной народности), объединенные, однако, общим беспокойством о будущем страны, народа, государства, проявляют в это время предельную активность в поисках ответов на эти вопросы, в осмыслении проблемы соотношения путей Запада и России, их будущего. Амплитуда предлагаемых ими решений — громадная. Сами решения подчас настолько сложны, что выстроить их в один ряд — по политическому или философскому или какому-либо иному признаку — попросту невозможно. Вспомним хотя бы о том, что писали на эту тему Чаадаев... Гоголь... Киреевский... Достоевский... Салтыков-Щедрин... Тютчев... Чернышевский... Чичерин... и т. д. и т. д. В этом практически необозримом ряду, одну «закраину» которого выражало космополитическое «западничество», а другую — националистическое «русифильство», мыслители, составлявшие когорту социалистов, занимали едва ли не центральное место.

Опыт буржуазной историографии истории общественной мысли убедительно свидетельствует о том, что с помощью таких понятий, как «западничество» или «славянофильство» («русифильство»), общую природу и характерные черты утопического социализма в России выяснить невозможно: если отбросить некоторые крайние случаи, предлагавшееся отечественными социалистами решение проблемы «Россия и Запад» оказывалось куда более сложным и куда более глубоким, нежели те, которые фиксировались этими словами: «западничество», «славянофильство»... Суть дела состояла в том, что понятием, «интегрирующим», спаивающим воедино прошлое, настоящее и будущее России, с одной стороны, и итог развития, главное наследие западноевропейского мира, с другой, выступало у отечественных социалистов само понятие *социализма*.

Можно сказать и по-другому: идею социалистического будущего человечества, которая была одним из наивысших достижений западноевропейской общественной мысли, идею, которая даже очень

многим представителям просвещенного Запада казалась предельно фантастической, химерической, — эту идею русские социалисты попытались приложить к порядкам отсталой, полуазиатской, патриархально-крестьянской России и, как в 40-е годы любил выражаться Герцен, «действотворить» ее здесь.

Это была, конечно, утопия. Но это была такая утопия, которая явилась идеологическим выражением интересов многомиллионного угнетенного российского крестьянства, его жажды радикального аграрного переворота, его стремления к революционному сокрушению помещичьего землевладения. Это была такая, по выражению В. И. Ленина, форма «субъективного социализма», которая оказалась идейным знаменем наиболее революционного направления освободительного, антифеодального движения. И именно социалистическая убежденность определяла особое место передовых мыслителей и политических деятелей России среди других социальных группировок и идейных течений рассматриваемого периода.

Вместе с так называемыми западниками, т. е. сторонниками демократических преобразований в России по образцу западноевропейских, отечественные социалисты резко выступали в 40-х годах против реакционной официальной идеологии с ее культом самодержавия, православия и догматом о безусловной покорности народа политическим и духовным властям, а кроме того — против славянофилов, воззрения которых, независимо от их личных намерений, объективно смыкались с «идеологией официальной народности»: «патриотическая» утопия славянофилов, идеализировавших порядки, которые существовали в России до Петра I, сильно отдавала национализмом, означала отрицание общих закономерностей в развитии человечества.

Вместе с тем уже первые отечественные социалисты выступили принципиальными противниками тех «западников», которые без всякой критики воспринимали развивавшуюся на Западе буржуазную действительность как наиболее соответствующую человеческой природе, вольно или невольно занимались апологетикой капиталистического образа жизни. Отсюда неизбежное и все более нараставшее размежевание социалистов с теми представителями отечественной интеллигенции, политическое лицо которых все четче определялось как буржуазный либерализм, предпочитающий радикальным преобразованиям, народной крестьянской революции соглашение с самодержавием.

При всем различии взглядов представленных в данной книге отечественных социалистов каждый из них мог сказать о себе словами Герцена: «Господствующая ось, около которой шла наша жизнь, — это *наше отношение к русскому народу, вера в него, любовь к нему... и желание деятельно участвовать в его судьбах*»¹. Отмечая, что важнейшей чертой утопического социализма в России явля-

¹ Герцен А. И. Собр. соч., в 30-ти т., М., 1959, т. 18, с. 276.

лось стремление связать вопрос о будущем социалистическом обществе с судьбами крестьянства, с ликвидацией крепостничества и самодержавия, В. И. Ленин писал, что вплоть до конца XIX в. демократизм и социализм в России «сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое»¹.

Идею освобождения крестьянства, идею борьбы за свободу человека, против сковывающих его социальных и духовных, религиозно-нравственных пут отечественные социалисты попытались соединить, слить воедино с антибуржуазным общественным идеалом, с идеалом общества, где будет уничтожена власть частной собственности и обеспечено не формальное только, а фактическое социальное равенство людей.

В процессе разработки теории будущего и путей к нему применительно к особым условиям России отечественным социалистам не удалось преодолеть многих иллюзий и заблуждений, свойственных, вообще говоря, как творцам социальных утопий, так и идеологам крестьянской демократии. Однако это ни в коей мере не может умалять значения их напряженных и — подчеркнем это — плодотворных теоретических исканий, как и роли их пропагандистско-практической деятельности. В. И. Ленин писал в работе «Что делать?»: «...роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...»²

II

Настоящий сборник не является настолько полным, чтобы исчерпывающим образом представить утопически-социалистическую мысль нашей страны, охарактеризовать все ее течения и оттенки. Ограниченные определенным объемом издания, мы отобрали для этой книги образцы теоретического и публицистически-пропагандистского творчества лишь двадцати пяти представителей социалистической традиции общественной мысли в России. Если эпитета «наиболее выдающийся» заслуживают лишь некоторые из них, то творчество каждого является, во всяком случае, характерным для того или иного из этапов развития этой традиции.

Когда отобранные тексты были соединены вместе, разом возникло четкое ощущение глубокой справедливости и конкретно-точного смысла слов из работы В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»: «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 280.

² Там же, т. 6, с. 25.

под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

Прежде чем читатель начнет знакомиться с содержанием данной хрестоматии, необходимо предупредить его о тех ограничениях, на которые пошли составители при отборе текстов для нее.

Первое из этих ограничений — хронологическое: в хрестоматию включены имена и тексты, не выходящие за рамки периода 1833—1883 гг., хотя утопический социализм в России (в разных формах, но главным образом в виде так называемого неонародничества) продолжал существовать еще не одно десятилетие. Ряд его представителей, даже из тех, которые включены в хрестоматию, такие, как Н. В. Шелгунов, П. Г. Заичневский, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, В. В. Берви-Флеровский, П. А. Кропоткин, и после 1883 г. продолжали достаточно активную — в разной, конечно, степени — деятельность, играли заметную роль в литературно-общественном движении как в самой России, так и за ее пределами.

Второе ограничение осуществлено уже внутри принятых хронологических рамок: в основной состав сборника включены только те произведения, которые в рассматриваемый период либо были опубликованы, либо имели хождение среди современников в виде рукописных копий, обсуждались в кружках и в революционной среде. Исключения сделаны для показаний М. В. Буташевича-Петрашевского на процессе петрашевцев (в частности, потому, что, согласно версии ряда исследователей, эти показания имели, в сущности, характер пропагандистского действия), а также для опубликованной лишь в 1977 г. статьи М. А. Фонвизина «О коммунизме и социализме». Эта работа крайне интересна тем, что, незнакомый с соответствующими сочинениями Герцена бывший декабрист М. А. Фонвизин, находясь в Сибири, самостоятельно сформулировал в ней идеи «русского», общинного социализма. Стоит подчеркнуть, что эта работа имела две редакции; один из списков первой редакции был отослан автором в Москву в конце 1849 г.; со статьей были знакомы и другие декабристы, находившиеся, подобно М. А. Фонвизину, в Сибири, а также некоторые литераторы в центре России. За пределами хрестоматии оказались многие интересные сочинения социалистов, не ставшие, однако, в рассматриваемый период достоянием общественного, массового сознания, — письма, дневниковые записи, другие рукописные произведения 30—80-х годов: погребенные в архивах, они были опубликованы лишь значительно позже, а некото-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 7—8.

рые — только в советское время (как, например, относящиеся к 70-м годам сочинения В. И. Танеева).

Наконец, о третьем ограничении, точнее, о принципе отбора материалов. Характерной чертой утопически-социалистической мысли в России была ее тесная связь с практикой освободительного движения; многие социалистические сочинения представляли собой — в той или иной форме — программы различных кружков и организаций. При отборе фигур и текстов для хрестоматии предпочтение отдавалось тем мыслителям, которые оказали наибольшее воздействие на сознание современников, выступали идейными вождями различных революционных организаций и групп, и тем произведениям, которые имели программный характер или в наиболее адекватной степени выражали настроения и практические устремления участников того или иного течения освободительного движения. Вследствие этого в хрестоматию не попали некоторые заметные социалистические публицисты, такие, как Г. Е. Благосветлов и В. А. Зайцев, писатели и поэты, чье творчество определенно носило социалистическую окраску: А. И. Пальм, А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, В. А. Слепцов, А. А. Шеллер-Михайлов и др., представители социалистической мысли некоторых народов, входивших в состав России.

Последние также выдвинули в 30—80-е годы прошлого века замечательную плеяду демократических деятелей, мыслителей, писателей, однако собственно социалистическая традиция все же не получила в их идейном творчестве данного периода содержательного развития¹.

В итоге сознательно осуществленных нами ограничений состава книги история утопического социализма в России стала сравнительно легко обозримой, но это достигнуто лишь благодаря вынужденно жесткому отбору наиболее значительного, по нашему убеждению, материала из огромного многообразия различных проявлений социалистической мысли в нашей стране.

III

Вообще говоря, то идейное образование, которое называется «утопический социализм в России», было поразительно сложным как по своей сути, так и по проявлениям, отличалось крайней противоречивостью.

Эта противоречивость необходимо определялась уже тем, что социалистическая мысль, будучи даже еще и на донаучном, утопическом ее уровне, *интернациональной* по существу, закономерно принимала здесь, в России, особые формы, развивалась именно *российскими* мыслителями, озабоченными, разумеется, в первую

¹ Тем не менее о некоторых представителях ряда народов бывших окраин России, причастных к процессу распространения социалистических идей в стране и к социалистическому движению, мы скажем ниже.

очередь «приспособлением» общих принципов социализма к условиям своего отечества.

Противоречивость эта проявляется прежде всего в том, что основной формой утопического социализма в России закономерно оказался социализм крестьянский («русский», общинный, народнический), выступивший идеологическим оформлением и облачением интересов пусть революционного и демократического, но все же буржуазного развития. В. И. Ленин неоднократно писал об этом. Вот одно из его высказываний: «Ирония истории состоит в том, что народничество во имя «борьбы с капитализмом» в земледелии проводит такую аграрную программу, полное осуществление которой означало бы *наиболее* быстрое развитие капитализма в земледелии»¹. Поэтому часто, говоря о крестьянском социализме в России, В. И. Ленин брал слово «социализм» в кавычки, называл его фразой. Противоречивое единство теоретически-ошибочного (даже реакционно-утопического) и практически-прогрессивного, олицетворявшееся народническим социализмом, нашло одну из характеристик и в таких словах В. И. Ленина: «Созидательные планы народников — утопия. Но в их созидательных планах есть элемент разрушительный по отношению к средневековью. А этот элемент совсем не утопия. Это — самая живая реальность»².

Противоречивость социалистической мысли в России выражается и в том, что наряду с народничеством и в противовес ему (противовес этот был достаточно весомый, хотя и не «перетягивавший» основного, народнического начала) в этой мысли существовала также и не- и даже антинародническая тенденция, представленная, например, ярким и самобытным творчеством Д. И. Писарева. В работе «Аграрная программа русской социал-демократии» В. И. Ленин писал, что «весь старый русский социализм был, в последнем счете, «крестьянским» социализмом»³. Это осторожно-точное «в последнем счете» мы и хотим здесь подчеркнуть.

В ходе формирования и развития утопический социализм в России находился в постоянном соприкосновении и противостоянии с иными социальными утопиями, в том числе с патриархально-феодальными и катедер-социалистическими.

Утверждая это, мы имеем в виду, помимо всего прочего, то обстоятельство, что для обоснования своих собственных, отнюдь не социалистических концепций из социалистических учений Запада полной пригоршней черпали представители и некоторых иных направлений общественно-политической и социально-философской мысли, вроде, например, славянофильства. Критика социалистами Западной Европы пороков капиталистической цивилизации истолковывалась ими как весомый аргумент в пользу тезиса об особом, самобытном пути России, а этот «особый путь» на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 405.

² Там же, с. 386.

³ Там же, т. 6, с. 305—306.

деле выступал как формула, прикрывающая консервативно-патриархальные утопии в духе феодального социализма.

Вместе с тем, как и на Западе, идеи социализма в России пытались уже в XIX в. использовать в своих целях — в превращенной и извращенной, конечно, форме — представители буржуазного реформаторства; и здесь, так же как, например, в Германии, возникает целое течение профессорского, кафедрального буржуазного социализма, представленное сначала такими деятелями, как И. К. Бабст, затем И. И. Иванюков и др. Этот «катедер-социализм» был попыткой выхолостить реальное содержание социализма, перехватить идейное знамя у революционеров, обескровив и умертвив сами принципы социализма.

В России, как и на Западе, утопический социализм нет-нет да и выступал у некоторых деятелей, считавших себя его приверженцами, в огрубленной, примитивной его форме — как уравнительный коммунизм. Критика со стороны Герцена, Писарева и некоторых других отечественных социалистов грубого, уравнительного коммунизма имела, помимо всего прочего, то немаловажное значение, что противостояла намеренному или неумышленному отождествлению социалистического идеала с представлениями о равенстве, свойственными теоретикам «казарменного коммунизма». Писал же, к примеру, славянофил И. С. Аксаков, что «равенство, о котором мечтают социалисты, есть что-то вроде казарменного равенства и того солдатского однообразия, за которым наблюдает начальство, а не живое, свободное равенство»¹.

Утопический социализм в России не есть нечто константное, неизменявшееся, стабильное: социалистические идеи находились здесь в процессе постоянного развития.

Основой этого развития было изменение социально-политической действительности — как в самой России, так и за рубежом. Не случайно именно основными вехами революционно-освободительного движения в общем и целом определяются те границы, которые отделяют один период в истории социалистической мысли в России от другого. А если говорить о самом процессе ее зарождения, то мы мало что поймем в нем, если не примем во внимание того воздействия, которое оказали на духовную жизнь российского общества восстание декабристов 1825 г. и наряду с ним (хотя исторически и после него) июльская революция 1830 г. во Франции. Мы не сможем вполне научно объяснить также и процесс смены утопического социализма в России научным, марксистским, если не примем во внимание события, характеризующие вторую революционную ситуацию (1879—1881 гг.) и ее последствия.

Вехой, разделяющей историю отечественного утопического социализма на два крупных периода, явилась первая революционная ситуация (1859—1861 гг.). Осуществленная в 1861 г. крестьянская реформа свидетельствовала, с одной стороны, о невозмож-

¹ Аксаков И. С. Собр. соч. М., 1891, т. 2, с. 88.

ности развития страны на старых путях и постепенном переводе экономического и государственного механизма на буржуазные рельсы, а с другой — о слабости революционных сил, которые оказались неспособными сломать старую самодержавно-бюрократическую машину и уничтожить крепостничество радикальными методами. Если период с 1833 г. по, условно говоря, 1860 г. характеризовался прежде всего движением преимущественно в сфере идей, попытками общетеоретического (и в целом достаточно абстрактного) обоснования грядущего социалистического преобразования, то второй период — с 1861 по 1883 г. — отмечен разработкой утопического социализма в такой его форме, когда он вступает уже в непосредственный контакт с освободительным, революционным и, уже, собственно социалистическим движением. Недаром у В. И. Ленина мы находим и специальное понятие для обозначения этого периода, по крайней мере значительной его части, — *действенное народничество*¹.

Сравнивая эти два основных периода, мы не можем не указать на закономерность более органичной связи теории утопического социализма во втором из них с фактами и событиями именно российской жизни, хотя, разумеется, и здесь нельзя игнорировать воздействия таких международных факторов и событий, как, скажем, деятельность I Интернационала или опыт Парижской коммуны 1871 г.

В свою очередь, история социалистической мысли в России 30—50-х годов сравнительно больше зависит от воздействия зарубежных факторов, имевших, однако, международный характер. Мы имеем в виду, во-первых, революцию во Франции 1830 г., в ходе и вскоре после которой утопический социализм впервые приковал к себе внимание широкой общественности во всей Европе, а буржуазный либерализм впервые достаточно отчетливо продемонстрировал свою контрреволюционную природу. Во-вторых, мы имеем в виду события общеевропейской революции 1848—1849 гг., поражение которой в самой сильной степени способствовало оформлению уже родившихся, точнее, только что рождавшихся разрозненных идей «русского», крестьянского социализма в более или менее цельную теорию и превращению ее в идейное знамя деятельности Герцена, Чернышевского, их сподвижников и сторонников.

В литературе, касающейся проблем развития домарксистского социализма в России, зафиксированы разные трактовки самой его сущности, характера, видов и разновидностей, социальных корней и идейных истоков (как внутренних, национальных, так и интернациональных). Существуют разные точки зрения на вопросы о времени возникновения и об этапах развития отечественного утопического социализма, о его соотношении с социализмом Западной Европы, о его роли в освободительном движении и в общественной мысли, в литературе, философии и т. п.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 304.

Не имея возможности освещать здесь историографию данной темы и отсылая читателей к помещенному в конце книги списку литературы, отметим, что и по сей день среди советских исследователей не установилось единства мнений по целому ряду не только частных, но и общих проблем изучения утопического социализма в России. Это обстоятельство не стоит, впрочем, расценивать как странное; оно естественно — и как показатель некоторого отставания в научной разработке данной отрасли исторического знания, и как свидетельство того, что только в форме дискуссий, столкновения мнений, творческого соревнования исследователей может осуществляться движение к истине, лишь бы руководящей нитью, компасом этого движения были методологические принципы марксизма-ленинизма.

Далее мы представляем вниманию читателей краткий очерк истории социалистических идей в России, акцент в котором сделан не столько на фактической стороне дела, сколько на прочерчивании некоторых общих линий и выявлении особенностей отдельных этапов данной истории.

IV

Во вводной заметке к подборке отрывков из произведений и писем Герцена и Огарева 1833—1840 гг. — этот раздел является «Прологом» к данной хрестоматии — указаны главные основания того, почему именно этих двух мыслителей мы считаем основоположниками, родоначальниками социалистической традиции в общественной мысли нашей страны.

Справедливости ради надо сказать о том, что существует и иной подход к данному вопросу: по мнению некоторых авторов, история утопического социализма должна связываться не столько с теоретической деятельностью тех или иных личностей, сколько с духовным развитием самих народных масс; они считают, что в России «народный утопический социализм» нашел свое яркое выражение задолго до 30-х годов XIX в. в документах крестьянских восстаний, а также в разного рода еретических и сектантских учениях, произведениях фольклора и т. д., поскольку уже там содержались идеи «общности имущества» и свободного труда¹.

Нет сомнений, история народного сознания эпохи феодализма представляет собой благодарный предмет изучения². И все же социальные мечтания российских крестьян о равенстве и свободе не составляют социалистическую мысль в собственном смысле этого

¹ См., напр.: Рындынский П. Г. Идеиная сторона крестьянских движений 1770—1850-х годов и методы ее изучения. — Вопросы истории, 1983, № 5.

² В исследовании народных утопий советские ученые достигли больших успехов. Укажем хотя бы на обстоятельный труд А. И. Клибанова «Народная социальная утопия в России. Период феодализма» (М., 1977). См. также: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967; Коган Л. А. Идея равенства в русском народном свободомыслии второй половины XVIII — начала XIX века. — Философские науки, 1964, № 1, и др.

слова, точно так же как не являются социалистическими, скажем, наивные представления о равенстве, свойственные первым христианам, или идеи справедливого общества, выдвигавшиеся таборитами и анабаптистами. Эти народные антиэксплуататорские мечтания, и в частности крестьянские социальные утопии в России, представляют собой лишь одно из важнейших слагаемых *предыстории* социализма. Дело не только в их смутности и теоретической неразработанности, в их «религиозной оболочке», в сведении — по общему правилу — идеи равенства к коммунизму потребления. Содержавшиеся в этих утопиях представления о будущем были обращены, так сказать, назад, в прошлое, к строю патриархального, первобытнообщинного равенства. Эти учения не содержали, да и не могли содержать, необходимого отличительного признака социализма, о котором мы говорили, — позитивной антибуржуазности.

Мечты о равенстве, запечатленные в народном, крестьянском духовном творчестве, — это своеобразный источник, точнее, возможный источник собственно социалистической мысли. Проблема состоит в том, когда и как он влияет на разработку социалистических теорий. Во всяком случае, в России вплоть до середины XIX в., когда некоторые из мыслителей-социалистов обратились к анализу движения и учений сектантов, этого не происходило.

Существовал и другой тип духовных образований, олицетворявших предысторию утопического социализма в России: те идеи, которые разрабатывались некоторыми выдающимися дворянскими мыслителями при осмыслении ими опыта и крайне противоречивых последствий революций XVII—XVIII вв. в Англии, Северной Америке и Франции. Круг этих мыслителей был крайне узким.

В конце XVIII в. это прежде всего пионер русской революционной мысли Александр Николаевич Радищев. В своих сочинениях он обратил внимание на антинародный характер социально-политических процессов, имевших место буквально на второй день после уничтожения деспотизма в Англии и во Франции. Духовная драма Радищева, особо остро выразившаяся в произведениях последних лет его трагически закончившейся жизни, — красноречивое обнаружение тупиков буржуазной революционности в эпоху великих буржуазных революций¹.

Характерно, что вторая половина XVIII — начало XIX в. — время широкого распространения в России социально-утопических романов западноевропейских авторов, их переводов и переделок², а вместе с тем и возникновения доморощенных форм

¹ См.: Плимак Е. Г. «Дорогу проложить, где не бывало следу...» (К 200-летию российской революционной традиции). — Вопросы философии, 1982, № 5.

² Примечательный факт: в мартовском номере «Московского журнала» за 1791 г. Н. М. Карамзин пишет, рецензируя русский перевод книги Т. Мора «Утопия»: «Сия книга содержит описание идеальной, или мысленной, республики, подобной республике Платоновой; но только слог англичанина не есть слог греческого философа. Сверх того, многие идеи его одна другой противоречат и вообще никогда не могут быть произведены в действо» (Карамзин Н. М. Сочинения в 2-х т. Л., 1984,

литературных утопий — как подражательных, так и оригинальных. Некоторые из них близки по духу так называемому феодальному социализму. Примером подобной утопии является «Путешествие в землю Офирскую» князя М. М. Щербатова¹.

Сочинения западных социалистов были известны некоторым деятелям первого в России политического движения — декабристам. Однако говорить о реальном воздействии этих сочинений на их социальное мышление вряд ли приходится: слишком значительна разница тех идеалов, которые выражались в утопическом социализме, и тех, к осуществлению которых были устремлены декабристы. Пожалуй, только в строе размышлений П. И. Пестеля можно увидеть самостоятельное предощущение проблем, которые поставили и пытались решить западноевропейские социалисты начала XIX в.: усматривая в Великой французской революции громадный шаг человечества к свободе, Пестель вместе с тем прямо указывал на рождение в послереволюционные времена новых групп эксплуататоров — «аристократии богатств».

Как первые в России социалистические мыслители выступают только Герцен и Огарев периода начала 30-х гг. XIX в. Их горячо сочувственное, хотя и не лишенное критического начала, отношение к сенсимонизму и учению Ш. Фурье — лишь внешнее выражение явлений более глубокого порядка. Знакомству с этими учениями предшествовали собственные размышления Герцена и Огарева об ограниченном характере происшедших на Западе буржуазно-революционных преобразований, обсуждение ими в письмах вопроса о том, что французская революция XVIII в. «ломала, и только», что она не привела к действительному равенству, что надо положить «новые основания» общественному порядку. Непосредственным стимулятором этих размышлений явилось подавление французской буржуазией революционных выступлений начала 30-х гг. (лионских ткачей, в частности), а дополнительным поводом, пробудившим живой интерес в кружке Герцена — Огарева к учению Сен-Симона, стал судебный процесс, учиненный в 1832 г. в Париже над участниками «секты Анфантена».

Социалистическая мысль в России возникает, таким образом, как своеобразное осознание кризиса буржуазно-демократической идеологии, обнаружение ее тупиков, указание на ее ограниченность, как результат идейного поиска иных путей, чем те, по которым пошел послереволюционный Запад, как антибуржуазная форма общественного сознания.

т. 2, с. 17). Подробнее об этом см.: *Валлич Э. И.* Н. М. Карамзин — первый русский рецензент «Утопии» Томаса Мора. — История социалистических учений. Вопросы историографии. Сб. статей. М., 1977; *Валлич Э. И.* К истории первого русского перевода «Утопии» Томаса Мора. — В кн.: Томас Мор. 1478—1978. Коммунистические идеалы и история культуры. М., 1981.

¹ См.: *Федосов И. А.* Из истории русской общественной мысли XVIII века. М. М. Щербатов. М., 1967.

Отражая общеевропейские проблемы социального развития, социалистическая мысль родилась в России как ответ на определенные запросы национального духовного развития; она выступила как форма преодоления той кризисной ситуации, которая сложилась в российском Просвещении в период после 14 декабря¹.

Конкретнее первый, начальный этап в развитии социалистической мысли в России — примерно с 1832 по 1841 г. — можно определить как этап утробного² развития. Дать ему именно такое определение вынуждает ряд его отличительных особенностей. Укажем на наиболее характерные.

Хотя о социалистической литературе Запада в 30-е годы пишут и говорят весьма многие, а в журналах печатаются статьи, посвященные проблеме обнищания народных масс в Англии и Франции, ряды сторонников социализма в России крайне немногочисленны. Прежде всего, это Герцен и Огарев, отныне и навсегда включившие главные принципы социализма в свое мировоззрение. Кроме того, идеи социализма наложили определенный отпечаток на мировоззрение Н. И. Сазонова — одного из участников кружка Герцена — Огарева, а также на независимо от них увлекшихся социалистическими учениями (впрочем, ненадолго) В. П. Боткина³, В. С. Печерина, П. А. Галицкого, А. В. Бердяева⁴ и некоторых других. В той или иной степени идеи социализма оказали воздействие также и на некоторых других русских мыслителей, во всяком случае отразив-

¹ Подробнее см.: *Володин А. И.* Начало социалистической мысли в России. М., 1966.

² Мы пользуемся здесь этим термином в том значении, в котором его употреблял В. И. Ленин при анализе процесса становления марксизма в России (см.: Полн. собр. соч., т. 6, с. 180).

³ Так, в статье «Русский в Париже (1835). Из путевых записок», напечатанной в журнале «Телескоп» в 1836 г. (№ 14), В. Боткин, характеризуя бурную жизнь «страстей и мыслей» во Франции, выражающую преимущественно ее характер, писал: «Давно ли видели мы, как учение политической экономии преобразовалось в религию, изрекавшую обществу новые законы нравственности и гражданственности; давно ли видели, как сектаторы публично, с увлекательным энтузиазмом, проповедовали свое учение, безденежно раздавали свои книги и журналы и, теснимые правительством, избрали страну, которой не коснулась еще европейская цивилизация, и отправились сеять учение свое на девственной почве ее?» (*Боткин В. П.* Письма об Испании. Л., 1976, с. 198). Боткин имел в виду сенсимонистов, община которых была осуждена в 1832 г., а вожди посажены в тюрьму. Выйдя из заключения, П. Анфантен с группой соратников отправился в Египет для организации там социалистической общины; это мероприятие потерпело крах, и в 1837 г. Анфантен вернулся во Францию. Любопытно, как иллюстрация отношения правительства Николая I к сенсимонистам, что 2 мая 1834 г. российское министерство иностранных дел направило послу Поццо ди Борго в Париж циркуляр, в котором говорилось: «Иностранцам Барро и Марешалю, принадлежащим к секте сенсимонистов и намеревающимся прибыть в Одессу, воспрещен по высочайшему повелению въезд в пределы России... Сие запрещение распространено и на другие лица, принадлежащие к означенной секте...» (Цит. по: *Орлик О. В.* Передовая Россия и революционная Франция (1-я половина XIX в.). М., 1973, с. 166).

⁴ О произведениях (они остались в рукописях) двух последних см.: *Орлик О. В.* Россия и французская революция 1830 года. М., 1968, с. 114—115.

ших их в своем творчестве (В. П. Андросов¹, П. Я. Чаадаев²).

Утробный характер социалистической мысли в России этого времени всего нагляднее выражается в том, что в собственно литературном, научном, тем более в социально-политическом движении она себя почти не обнаруживает: идеи первых российских социалистов, точнее, их представления о желаемом, идеальном обществе высказываются главным образом в переписке между ними, в не опубликованных тогда поэтических произведениях. В напечатанных же сочинениях они проступают предельно скупой и не очень явно. Иначе говоря, социализм в России 30-х годов — факт не столько общественного, национального, массового, сколько личностного, в лучшем случае — узкогруппового сознания.

О младенческом его характере говорит также и то, что при определенной развитости его критического начала позитивная, творческая, конструктивная его сторона практически не развита. Представления о желанном грядущем социальном устройстве весьма смутны и малоопределенны.

Более того, если они конкретизируются, то принимают очертания религиозного, христианского социализма, смыкаясь, с одной стороны, с идеями первоначального христианства (которое при этом идеализируется), а с другой — с учениями французских христианских социалистов, вроде Ф. Ламенне и П. Леру. Такой характер первоначального утопического социализма в России отчетливо виден и из писем Герцена периода тюрьмы и первой ссылки (1834—1839 гг.), и из его произведений «Лициний» и «Вильям Пен», и из стихотворений Огарева тех же лет.

В творчестве Герцена и Огарева это религиозное начало их социалистических воззрений впоследствии, уже в первой половине 40-х гг., было преодолено. Однако в истории социалистических идей в России мы еще не раз столкнемся с подобным сближением, переплетением и даже слиянием социалистических идей с религиозными — и в статьях и письмах В. Г. Белинского, и в мировоззрении некоторых участников Кирилло-Методиевского общества (1846—1847 гг.), и у ряда петрашевцев (отсюда внимание некоторых из них к «Словам верующего» Ламенне), и даже у революционных народников 70-х гг.

О Кирилло-Методиевском обществе необходимо сказать здесь еще несколько слов, хотя это и будет грубым нарушением хроно-

¹ Современные исследователи отмечают, что воздействие идей сенсимионизма прослеживается в ряде произведений В. П. Андросова — «Статистической записке о Москве» (М., 1832), статье «О предметах и настоящем состоянии экономики политической» («Телескоп», 1833, ч. XVI, с. 152—153), повести «Современная русская быль», напечатанной в «Телескопе» в 1834 г. См.: Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969, с. 82—83.

² Князь П. А. Вяземский считал (в начале 30-х годов), что Чаадаев «сенсимионствует» в Москве (Остафьевский архив. СПб., 1899, т. 3, с. 236; см. также: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883, т. 8, с. 287—288). А сам Чаадаев писал так А. С. Пушкину: «Скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени. Быть может, на первых порах это будет нечто подобное той политической религии,

логии. Впрочем, нарушение это логически оправдано. Возникшее на Украине, это общество не было вполне оформленной организацией, его членов скрепляло не столько организационно-деятельное начало, сколько духовная общность, и вот в этой-то духовной их общности весьма существенную роль играли идеи не только патриархального равенства¹, но и христианского социализма. Вот как один из членов общества — В. М. Белозерский — формулировал главную задачу ближайшего будущего: «...развив в своей жизни идеи общины христианской, привнести их в жизнь, потерявшей главнейшую общественную подставу — религию...»² Известный советский историк П. А. Зайончковский дал следующую характеристику идеологии общества: «Идеи христианского демократизма, идеи равенства, основанные на евангельских положениях, занимают... большое место в идеологии кирилло-мефодиевцев, что говорит об определенном влиянии на них идей христианского социализма. Отдельные положения «Закона божия», «Записки» Белозерского имеют много общего с концепцией Ламенне, развиваемой им в своем памфлете «Слова верующего», вышедшем в Париже в 1834 г.»³. Правда, добавляет исследователь, «идеи христианского социализма не занимают большого места в идеологии кирилло-мефодиевцев, но все же накладывают на нее известный отпечаток»⁴.

V

Второй этап в развитии утопического социализма в России — это примерно 1841—1848 гг., от первых обнаружений сознательной пропаганды социалистических идей в русской журналистике до событий революции 1848—1849 гг. Под воздействием этой революции, с одной стороны, происходит значительное разочарование в тех формах социалистического утопизма, которые имели место прежде, и формируется концепция так называемого «русского», крестьянского социализма — своеобразная разновидность мировой утопически-социалистической мысли, а с другой — в идеологической деятельности правящих кругов России начинает четко проводиться резкий антисоциалистический курс.

Внешне этот период характеризуется такими чертами, как:
а) заметный рост интереса широкой общественности к идеям

которую в настоящее время проповедует Сен-Симон в Париже» (Чаадаев П. Я. Сочинения и письма, т. 2, с. 179—180). Изданные в начале 30-х годов французскими сенсимонистами книги «Изложение учения Сен-Симона» и «Религия сенсимонизма» (один из выпусков), а также роман Ж. Лебассю «Сен-симонистка» находились в библиотеке А. С. Пушкина (см.: Гроссман Л. Пушкин и сен-симонизм. — Красная новь, 1936, № 6).

⁴ Идеализация прошлого отличает один из главных документов Кирилло-Мефодиевского общества, носивший название «Закон божий». В нем, в частности, говорится: «Племя Славянское еще до принятия веры Христовой не имело ни царей, ни господ, и все были равны, и не было идолов, поклонялись славяне одному Богу Вседержителю» (цит. по: Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959, Приложение, с. 155).

² Там же, с. 79.

³ См. там же, с. 80.

⁴ Там же, с. 90.

утопического социализма; б) значительное расширение круга приверженцев этого учения, среди которых лидирующее место — как социалистический публицист революционного направления — занимает В. Г. Белинский, ранее относившийся к различным формам утопического социализма либо скептически, либо просто враждебно; в) выход идей социализма на страницы отечественной журналистики: примерно с 1841—1842 гг. социалистическая пропаганда более или менее систематично ведется журналом «Отечественные записки», затем — «Современником»; г) появление первого собственного социалистического «общества», точнее, нескольких кружков петрашевцев, процесс над ними, осуждение и наказание их именно за социалистические убеждения.

Что касается содержания, внутреннего развития социалистической мысли этого периода, то здесь следует указать прежде всего на нарастание критики в адрес западного социализма, негативных его сторон, в частности теоретической необоснованности, оторванности от действительности, черт уравнилности.

Эта критика в значительной мере связана с основными направлениями в разработке социалистической теории отечественными мыслителями 40-х годов: во-первых, принципиальное преодоление религиозной формы социализма, во-вторых, выдвижение и попытка реализации идей о «союзе» социализма с немецкой философией (имелись в виду диалектика Гегеля и антропологизм Фейербаха), в-третьих, все большее настаивание на необходимости связи социализма с экономическими науками, с самой действительностью.

В это же время ставится — только лишь ставится — проблема отношения социалистического идеала именно к русской действительности, намечаются подходы к мысли о возможной роли крестьянской общины в грядущей судьбе России.

Раскроем эти тезисы несколько подробнее, проиллюстрируем их некоторыми фактами.

Нарастающий в 40-е гг. интерес отечественной интеллигенции к социалистической мысли в немалой степени связан с появлением на Западе и обсуждением в России новых изданий Фурье, сочинений В. Консидерана, Л. Блана, П. Прудона, П. Леру и др., ряда французских социалистических журналов, художественных произведений таких писателей, как Жорж Санд. Кроме того, привлекла к себе внимание книга немецкого историка Л. Штейна «Социализм и коммунизм современной Франции» (1842), где была сделана попытка «изложить связь социалистической литературы с действительным развитием французского общества»¹. Несмотря на свой критический по отношению к социалистам дух, эта книга давала довольно пространное представление об их учениях. А. И. Тургенев даже рекомендует ее читателям «Москвитянина», не отличавшегося никогда своими симпатиями к социализму².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 496.

² Об этом выступлении А. И. Тургенева, хорошо знакомого (и даже лично) со многими социалистами Запада, хотелось бы сказать несколько подробнее. В статье

С достаточно обстоятельной информацией о западноевропейском социализме часто выступали в 40-х гг. на страницах «Отечественных записок» живший в то время в Париже П. В. Анненков¹, а кроме того, в меньшей мере К.-Р. Липперт, В. Боткин и др.

Некоторая парадоксальность ситуации состоит в том, что пропагандистами идей социализма в это время выступают — независимо от их намерений — люди, сами социалистами не являющиеся. Так, в приобщении многих петрашевцев к социализму большую роль сыграли лекции В. С. Порошина в Петербургском университете по политической экономии. Сам он был поборником частной собственности, полагающим, что «существующее теперь состояние общества должно быть оставлено (т. е. сохранено.— *Ред.*), а только злоупотребления уничтожены», что социалистические и коммунистические «системы, придуманные различными преобразователями, не могут считаться удовлетворительными»², но его подробный и добросовестный рассказ об этих системах факти-

«Хроника русского в Париже» («Москвитянин», 1845, № 1—4), полемизируя с запиской некоего NN (скорее всего — М. А. Бакунина), А. И. Тургенев ставит задачу проинформировать соотечественников о том, что «творят здесь (т. е. во Франции.— *Ред.*) так называемые социалисты и коммунисты и какое действие производят в разных слоях здешнего общества возбуждаемые ими силы или элементы? «Действие сие выражается более в книгах и в журналах, кои сосредоточивают их отголоски, нежели в самом обществе: да и как в него проникнуть?» — такой вопрос ставит автор. Ответ А. И. Тургенева таков: «...вообще я весьма мало важности или существенного влияния на настоящее общество приписываю сим социальным или коммунистским проявлениям, не отказывая, впрочем, социализму в будущем влиянии на европейский общественный быт; но кто это угадать или хотя отчасти определить может? — Социализм будет изменять общества и изменяться сам, смотря не по состоянию тех сословий, из коих он возникать будет, а по государствам, в коих сии сословия находятся: иначе в Германии, иначе в Англии, иначе здесь. Меры или приемы (борьбы? — *Ред.*) правительств с проявлениями социализма тоже много могут изменить самые направления оного. — Но сии развития разных общественных элементов еще нам совершенно чужды! Мы должны обращать внимание соотечественников на такие события или явления в нравственном или в политическом мире, из коих могут и для нас возродиться польза или пагуба: остерегаться от предстоящей опасности или советовать следовать данному примеру... Где у нас — почва для социализма? Из каких элементов составиться сим направлениям сил или болезней общественных?» (*Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.)*. М.— Л., 1964, с. 244). А далее следует рекомендация книги Л. Штейна как лучшего пособия для ознакомления с социализмом и коммунизмом.

¹ Кстати сказать, в течение трех лет, в 1831—1834 гг., в Париже жил молодой украинский помещик Савич, слушавший лекции в College de France и сильно увлекшийся социализмом, главным образом фурьеризмом. Позже он стал одним из членов Кирилло-Мефодиевского общества, где слыл наиболее начитанным в социалистической литературе человеком. Н. И. Костомаров на следствии так сказал о Савиче: «Он был помещан на французском коммунизме и считал возможным, что общество человеческое дойдет до того, что все будет общим, даже жены...» Проект, написанный Савичем, под названием «Освобождение женщин» определенно свидетельствует о влиянии на него учения Ш. Фурье (см.: *Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847)*, с. 98. См. также: *Зильберфарб И. И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века*. М., 1964, с. 340).

² Цит. по: *Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы*. Под ред. В. Водовозова. М., 1922, ч. I, с. 37.

чески был формой их распространения, популяризации. Комиссия князя А. Голицына, на которую было возложено рассмотрение рукописей, отобранных при обыске у петрашевцев, нашла, что содержание двух тетрадей записей лекций Порошина (они были найдены у одного из петрашевцев) доказывает «вредное направление, даваемое учащимся, чрез занятия ума и воображения их подробным философским разбором теорий о социализме и коммунизме и притом не в духе благонамеренном, соответствующем монархическим правилам, которые должны руководить русское юношество на пути будущей их жизни, но в выражениях соблазнительных, часто выставляя благодетельную цель систем, влекущих к ниспровержению всякого законного порядка»¹.

Интерес к социализму и в эти годы, как и ранее, проявляется в изучении и обсуждении в узком кругу европейской социалистической литературы; о социалистической мысли России этого этапа ее развития мы во многом судим по переписке и дневникам русских мыслителей (важнейшими источниками для ее изучения являются письма Белинского 1841—1847 гг., дневник Герцена 1842—1845 гг.).

Вместе с тем социалистические устремления начинают все больше находить публичное, печатное литературное выражение: в философских и публицистических статьях Герцена, в литературной критике Белинского, в «Карманном словаре иностранных слов», изданном петрашевцами, в повестях молодого М. Е. Салтыкова-Щедрина и во многих других произведениях. Иначе говоря, русская социалистическая литература уже существует в 40-х гг. как факт национальной идейной жизни.

И у наиболее чутких охранителей существующего режима этот факт начинает вызывать серьезное беспокойство. 1 октября 1844 г. в дневнике цензора А. В. Никитенко появляется запись о том, что министр народного просвещения С. С. Уваров «ужасно вооружен против «Отечественных записок», говорит, что у них дурное направление — социализм, коммунизм и т. д.»². В секретной докладной записке «Социализм, коммунизм и пантеизм в России в последнее время», направленной весной 1846 г. в III отделение — главный центр политического сыска России того времени, Ф. Булгарин пишет: социализм и коммунизм — это «два вида одной и той же идеи, породившей якобинизм, санкюлотизм, карбонаризм и все вообще секты и общества, стремившиеся и стремящиеся к ниспровержению монархии и всякого гражданского порядка». Вместе с философией безверия, т. е. атеизмом, и пантеизмом они «вперяют» в головы людей «идеи равенства между людьми, натурального права на общее владение землею и уничтожения всех различий между людьми и всякого частного имущества». Одно из проявлений этих зловредных идей в русской литературе Булгарин усматривает в романе Герцена «Кто виноват?», где «дворяне изображены подле-

¹ Цит. по: *Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашесцы*. Под. ред. В. Водозова, ч. I, с. 37.

² *Никитенко А. В. Дневник. В трех томах. М., 1955, т. 1, с. 284.*

цами и скотами, а учитель, сын лекаря, и прижитая дочь с крепостной девкой — образцы добродетели»¹.

Причем вот что показательно: если в 30-е гг. социалистическое настроение первых адептов нового учения находило выражение прежде всего в романтических формах (стихотворения Огарева, драмы Герцена, аллегорическая поэма В. С. Печерина «Торжество смерти»), то в 40-е годы воздействие социалистической мысли на отечественную литературу сказалось прежде всего в ориентировании ее на проблему «социальности». Идея «социальности» становится руководящей для так называемой натуральной школы, представлявшей течение литературно-художественного реализма. В работе «О развитии революционных идей в России», отмечая, что «после 1830 года, с появлением сен-симонизма, социализм произвел (в России.— *Ред.*) большое впечатление», Герцен утверждал: «Мало-помалу литературные произведения проникались социалистическими тенденциями и одушевлением. Романы и рассказы, даже писания славянофилов, протестовали против современного общества с точки зрения не только политической. Достаточно упомянуть роман Достоевского «Бедные люди»².

Как неоспоримый факт существует в 40-е гг. и первое в России социалистическое «общество» — кружки, группирующиеся вокруг М. В. Буташевича-Петрашевского и некоторых других близких к нему по социалистическому образу мыслей лиц. Это общество не имело ни подпольного, ни строго организованного характера. Внутри его царил разногласие по многим мировоззренческим вопросам. Тут были и безусловные приверженцы фурьеризма и его критики (вроде Н. Спешнева). Тут были и сторонники исключительно мирной пропагандистской деятельности и люди, склонявшиеся к революционному авантюризму, наряду с теми, кто, как сам Петрашевский, пытался ставить проблему насущных потребностей страны на реальную почву³. Тут были атеисты, были и скептики, были и глубоко верующие. Отсюда — дискуссии и острые споры, столкновения внутри общества, на собраниях кружков. Тем не менее всех, в сущности, объединяла именно приверженность к социализму. Недаром В. И. Ленин исчислял историю отечественной социалистической интеллигенции именно с деятельности петрашевцев⁴.

Стоит в этой связи обратить внимание на богатейшую библиоте-

¹ Цит. по: Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., 2-е изд. СПб., 1909, с. 300—301, 305.

² Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 7, с. 252.

³ См.: Плимак Е. Г. Революционный процесс и революционное сознание. М., 1983, с. 56—59.

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 438. Отметим внимание петрашевцев к деятельности Кирилло-Мефодиевского общества, судьбе Т. Г. Шевченко (см.: Дело петрашевцев. М.— Л., 1937, т. 1, с. 161—162, 309—312). Из новейшей литературы о социализме петрашевцев см.: Егоров Б. Ф. Возникновение социалистической мысли в России.— В кн.: Первые русские социалисты. Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984.

ку социально-философской литературы, созданную совместными усилиями петрашевцев. Своеобразным приступом к практическому делу, переходом к прямой социалистической пропаганде был выпуск ими «Карманного словаря иностранных слов», о котором крупный царский чиновник И. П. Липранди писал, что тот, кто его создавал, «имел дерзость напечатать между бесчисленным множеством наполненных ядом социализма, коммунизма и прочих современных безумств... небывалые в русском языке строки...»¹.

Мы уже сказали, что круг российских социалистов становится в 40-е годы более широким (к ним следует причислить и М. А. Бакунина, действовавшего, правда, на Западе). Возникают уже и отношения определенной преемственности: так, петрашевец А. В. Ханыков в ноябре 1848 г. начинает «толковать» Чернышевскому учение Фурье². Впрочем, еще раньше, в сентябре, будущий идейный вождь революционных демократов 60-х годов записывает в дневнике: «Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительным партизаном социалистов и коммунистов...»³

Конечно, степень социалистичности общественной мысли России этого времени вряд ли стоит преувеличивать: последовательных, убежденных социалистов в России 40-х годов еще мало. От них необходимо отличать довольно значительный слой тех мыслителей, которые, симпатизируя идеям социализма и испытывая на себе их воздействие (В. Н. Майков, например), социалистами все же не становились.

Что касается подавляющего большинства просвещенного и даже оппозиционно настроенного российского общества, то оно в целом учений социализма не принимает, считая их в принципе несостоятельными. Так, один из славянофилов, А. С. Хомяков, сам выдвигавший своеобразную социальную утопию, правда, ретроградного характера, писал: «...все социалистическое и коммунистическое движение с его гордым притязанием на логическую последовательность есть не что иное, как жалкая попытка слабых умов, желающих найти разумные формы для бессмысленного содержания»⁴. Многие, правда, признают социализм естественным порождением западных порядков, но применимость его к России — именно поэтому — ни в какой мере не допускают. Как однажды выразился один из интереснейших русских мыслителей XIX в., В. Ф. Одоевский (сам испытывавший некоторое воздействие фурьеризма), такие слова, как «коммунизм» или «сенсимонизм», не имеют в России никакого смысла — по той же самой причине, «почему самум и сирокко — слова, невозможные в Сибири, а пурга — слово, невозможное в Аравии или Италии»⁵.

¹ Русская старина, 1872, № 7, с. 82.

² См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939, т. 1, с. 178.

³ Там же, с. 122.

⁴ Хомяков А. С. Мнение русских об иностранцах. — Полн. собр. соч. М., 1900, т. 1, с. 48.

⁵ Цит. по: Сакулин П. Русская литература и социализм, ч. I. Ранний русский социализм. М., 1922, с. 442.

Тем не менее сама проблема социализма становится предметом весьма активного обсуждения в отечественной журналистике: в учениях социализма (и в сочинениях таких авторов, как Э. Сю) усматривается подтверждение порочности того пути, по которому идет Запад, что волей-неволей способствовало поискам иных путей. Социалистическая критика западноевропейских буржуазных порядков оказывалась созвучной развивающемуся в России национальному самосознанию...

Однако вот что заслуживает особого внимания: наиболее значительные социалистические мыслители России этого времени — Герцен, Огарев, Белинский, Петрашевский, Милютин — ни одно из западноевропейских социалистических учений не принимают без критики. Среди отмечаемых ими недостатков, даже «нелепостей» этих учений особо выделяются: тенденция к регламентированию жизни в будущем обществе, дух уравнительности, нивелирования, оторванность от реальной действительности и т. п., но прежде всего — слабая философско-теоретическая обоснованность.

Стремясь подвести под социалистический идеал солидный теоретический фундамент, дать социализму более или менее цельное философское обоснование, такие представители утопического социализма, как Герцен, Огарев, Белинский, Петрашевский, пытаются «опереть» его, во-первых, на антропологическую идею «природы человека», полной реализацией которой только и может быть социализм, а во-вторых, на диалектику, логику мирового разума, понятого как дух человечества, будто бы изначально стремящегося к разумному строю — строю свободы и равенства всех и каждого. Практически это выражается в настойчиво осуществляемом «сочленении» социалистического идеала с гуманистической философией Фейербаха, с одной стороны, а с другой — с диалектикой Гегеля.

Такой теоретический поиск, весьма симптоматичный по своим тенденциям (ведь речь шла о попытках синтеза тех именно учений, которые выступили — в иных исторических условиях — как теоретические источники марксизма), имел интернациональный характер: сходные усилия по «соединению» сенсимонизма и фурьеризма с положениями немецкой философии мы наблюдаем и у ряда других мыслителей той поры в Германии, Франции, Польше, Чехии, Италии и других странах.

Важнейшей чертой утопического социализма в России этого времени, особенно конца 40-х гг., является попытка «навести мосты» (выражение А. И. Герцена¹) между идеалом и исторической действительностью, между будущим и настоящим.

Если коренной недостаток утопического социализма вообще заключался, по словам Г. В. Плеханова, в том, что «данный идеал общественного устройства рассматривался с точки зрения его желательности для данной группы интеллигенции, а не с точки зрения отношения его к объективному ходу общественного развития и не с точки зрения народной самодеятельности, в большей или меньшей

¹ См.: Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1955, т. 5, с. 62.

степени поощряемой этим развитием»¹, то социалистическая мысль России уже в 40-х гг. начинает преодолевать этот недостаток. Проблема историзма, взаимосвязи хода идей и хода вещей, единения мечты и реальности оказывается в центре напряженных размышлений отечественных социалистов. Это находит выражение в их намерениях и попытках подкрепить социалистическое учение данными таких наук об обществе, как история и политическая экономия, в пристальном внимании к процессам современного им экономического и социально-политического развития, в особенности в поисках зародышей социализма в самой социальной жизни.

Отмечая несовершенство наличных учений о будущем и путях к нему, Герцен уже в первой половине 40-х годов ставит проблему грядущего единства слова и дела, совпадения социалистических идей и радикальных социальных преобразований. В произведениях, написанных за границей в 1847 г., перед грозой революции 1848—1849 гг., он отчетливо выделяет экономический вопрос, вопрос о материальном благосостоянии трудящихся масс как главный в теории социализма.

Незадолго перед смертью Белинский, высказывая очень резкие критические суждения по адресу социалистов типа Луи Блана, со всей определенностью подчеркивает утопизм и фантастичность их идей, их оторванность от реальной жизни, их несоответствие реальному ходу общественного процесса; по мнению Белинского, это проявляется, в частности, в безоговорочном отрицании Луи Бланом исторически-прогрессивной роли буржуазии². Признание Белинским позитивной (конечно, в определенных пределах) роли буржуазии в истории отнюдь не означало, разумеется, ни выхода его за пределы утопизма, ни, напротив, отказа от социализма вообще. Просто Белинский поставил этим в очень резкой форме проблему необходимости соотнесения идеала с действительностью, точнее, конкретно-исторического обоснования социализма.

Эту проблему пытался по-своему сформулировать и решить В. А. Милютин. В сочинениях, относящихся к 1847 г., он призывал освободить утопию от ее мистического, мечтательного характера и придать ей характер рациональный и положительный, другими

¹ Плеханов Г. В. Соч. М.—Л., 1925, т. 6, с. 14.

² См.: Белинский В. Г. Поли. собр. соч., т. 12, с. 323. Не принимая той отрицательной оценки, которую Герцен дал буржуазии в статьях 1847 г., Белинский настаивал на различии «буржуазии в борьбе» и «буржуазии торжествующей», т. е. завоевавшей политическое господство. Он полагал, что, когда буржуазия только еще шла к власти, «она не отделяла своих интересов от интересов народа» (там же, т. 12, с. 449). В сущности, Белинский здесь по-своему выражал то, о чем писали и некоторые другие социалисты той эпохи. Так, в 1843 г. В. Консидеран утверждал: «В 1789 году, сражаясь за свои собственные интересы, буржуазия, проникнутая тогда широкими идеями, возвышенными принципами и благородными стремлениями, сражалась также за народ и за человечество... У победившей в 1830 году буржуазии нашлось только узкое чувство ее эгоистических интересов. Народ сражался вместе с ней и за нее. После победы вопрос о народе ставится только для того, чтобы заткнуть ему рот или чтоб его эксплуатировать» (цит. по: Зильберфарб И. И. Социальная философия Шарля Фурье..., с. 189).

словами, изучить и понять действительность, раскрыть ее стремления и силы и сообразно с этим видоизменить самую мечту, сблизив ее с жизнью¹. В результате слияния социализма с политэкономией должна быть, по мысли Милютин, создана новая наука об обществе, основная задача которой состоит «в приложении открытых истин к жизни и в преобразовании экономического устройства сообразно с требованиями разума и общей пользы»².

Как ни вспомнить в этой связи слова Г. В. Плеханова: «Что передовые русские люди 40-х гг. не могли сделаться основателями научного социализма, это в достаточной степени объясняется экономической отсталостью России и их неполным знакомством с экономикой Запада. Но что эти люди дошли до сознания неудовлетворительности утопического социализма, это свидетельствует об их выдающейся даровитости»³.

Охарактеризованная здесь тенденция теоретических исканий социалистов России находит свое выражение в конечном счете в возникновении зародышевых идей своеобразной разновидности утопического социализма, так называемого «русского», общинного, крестьянского социализма, иначе называемого народническим.

Эта концепция сложилась уже после революции 1848—1849 гг. Но проблема социальных потенций крестьянской общины привлекает внимание русских мыслителей еще в первой половине 40-х гг. Подтверждения этого мы находим, в частности, в дневнике Герцена. В 1843 г., после беседы с путешествовавшим по России бароном А. Гакстгаузеном, Герцен записывает в дневнике, что Гакстгаузен «находит важным элементом, сохранившимся из глубокой древности, общинность, его-то надобно развивать, сообразно требованиям времени etc»⁴. Несколько дней спустя Герцен отмечает: «Наши славянофилы толкуют об общинном начале, о том, что у нас нет пролетариев, о разделе полей — все это хорошие зародыши, и долею они основаны на неразвитости... но они (славянофилы.— *Ред.*) забывают, с другой стороны, отсутствие (у русского крестьянина.— *Ред.*) всякого уважения к себе, глупую выносливость всяких притеснений, словом, возможность жить при таком порядке дел»⁵. В феврале 1844 г., не в первый уже раз размышляя о том, какой же народ первым проложит дорогу к социалистическому будущему, начнет новую эпоху, «которая на знамени своем поставит не личность, а общину, не свободу, а братство, не абстрактное равенство, а органическое распределение труда», Герцен пишет: «Славяне ли, оплодотворяясь Европой, одесствотворяют идеал ее и приобщат к своей жизни дряхлую Европу, или она нас приобщит к поюневшей жизни своей? Славянофилы

¹ См.: Милютин В. А. Избранные произведения. М., 1946, с. 355—356.

² Там же, с. 380.

³ Плеханов Г. В. Собр. соч. М.—Л., 1926, т. 23, с. 408.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч., в 30-ти т. М., 1954, т. 2, с. 281.

⁵ Там же, с. 288; см. также с. 328.

разрешают этого рода вопросы скоро, как будто дело давно решенное. Есть указания, но далеко нет полного решения»¹.

Выдвигая положение: «чем выше и совершеннее общественное развитие, тем более предметов общего пользования, общего владения», Петрашевский также обратил внимание на сохранившийся в русской деревне «передел полей — общее пользование землею»².

Однако все это были лишь слабые зародыши народнической концепции, получившей первое более или менее четкое выражение лишь после революции 1848—1849 гг.

VI

Третий этап в развитии утопического социализма в России — 1849—1860 гг. — время возникновения и разработки теории крестьянского, общинного социализма. И не только разработки, но и широкой его пропаганды, сначала главным образом в произведениях Герцена, предназначенных западноевропейскому читателю, затем — уже на страницах «Колокола» и примерно с 1857 г. — на страницах «Современника».

Определяющую роль в повороте отечественных мыслителей-социалистов к действительности, что, в частности, и выразилось в настоячивых попытках обосновать социалистический идеал, опираясь на общину как элемент самой реальной социальной жизни, сыграли события революции 1848—1849 гг.

«Революция во всех странах, — писал В. И. Ленин, — показывает в *действии* разные классы общества. Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже окончательно определяет социалистическую природу *одного* пролетариата. Либеральная буржуазия во сто раз больше боится самостоятельности этого класса, чем какой угодно реакции. Трусливый либерализм пресмыкается перед ней. Крестьянство удовлетворяется отменой остатков феодализма и переходит на сторону порядка, лишь изредка колеблясь между *рабочей демократией* и *буржуазным либерализмом*. Все учения о неклассовом социализме и о неклассовой политике оказываются пустым вздором»³. Обусловив крах прежних форм утопического социализма (отражением этого краха была, в частности, духовная драма Герцена), дав громадный толчок развитию в главных странах Западной Европы пролетарского социализма, революция 1848—1849 гг. оказала вместе с тем громадное воздействие на общественную мысль других стран. Для мыслителей-социалистов России, где важнейшим продолжал оставаться вопрос о ликвидации самодержавно-крепостнических порядков, она стала не только мощнейшим катализатором в развитии реалистической тенденции их мышления, но

¹ Герцен А. И. Собр. соч., в 30-ти т., т. 2, с. 336; см. также с. 338.

² См.: Дело петрашевцев, т. 1, с. 95.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 23, с. 2.

также отправным моментом для оформления концепции «русского» общинного социализма, обосновывавшей возможность достижения социализма путем, существенно отличным от западноевропейского, минуя фазу «мещанства», связанную с этим пауперизацию трудящихся и т. п.

Столкнув классы буржуазного общества в непримиримой кровавой борьбе, выявив иллюзорность многих прежних представлений о ходе истории, революция 1848—1849 гг. обратила взоры отечественных социалистов к тому, что Н. А. Добролюбов назвал «организацией общественных отношений». Их нелепое устройство как «причина всеобщего разлада», который, по мнению Добролюбова, «тревожит теперь всякого человека, задумавшегося хоть раз о смысле своего существования», — вот какой, как считает русский мыслитель, «более простой взгляд входит в общее сознание»¹. «Благодаря историческим трудам последнего времени и еще более новейшим событиям в Европе, — подчеркивал Добролюбов, — мы начинаем немножко понимать внутренний смысл истории народов и теперь менее чем когда-нибудь можем отвергать постоянство во всех народах стремления — более или менее сознательного, но всегда проявляющегося в фактах — к восстановлению своих естественных прав на нравственную и материальную независимость от чужого произвола»².

Стремление сделать предметом пристального анализа социальную действительность как таковую вело к тому, что акцент в рассуждениях передовых русских мыслителей все более делался на том, чтобы из самой жизни выводить теорию, а не просто пытаться объяснить общество, его прошлое, настоящее и будущее посредством какой-либо социально-философской доктрины. Если в целом для домарксистского социализма было характерно априорное изобретение формул решения социального вопроса, то в творчестве социалистов России после событий революции 1848—1849 гг. очень сильной оказывается тенденция иного рода — к анализу процессов развития самой объективной действительности.

В истории утопического социализма можно отметить такую характерную черту: чем ближе к действительности социалистическая мысль, тем настойчивее при выдвижении общечеловеческого идеала будущей социальной гармонии она обращается к условиям той или иной страны, нации как к реальной исходной основе движения к социализму. «Русский» социализм и был такого рода приспособлением социалистической теории к своеобразным условиям российской действительности середины — второй половины XIX в.

Хотя начало социалистической мысли в России относится к 30-м годам прошлого столетия, некоторые исследователи считают все же ее основоположниками Герцена и Чернышевского периода

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч., в 9-ти т. М.—Л., 1964, т. 6, с. 176—177.

² Там же, с. 241.

50-х годов ¹; эти исследователи, как видно, не признают те духовные явления, которые не замыкаются непосредственно на национальную социально-экономическую «почву», органическим элементом процесса национального развития.

Не разделяя такой точки зрения и полагая, что социализм в России 30—40-х годов отнюдь не был иноземным явлением, чужеродным для российской общественной мысли того времени, мы тем не менее должны признать: это был еще такой этап в истории утопического социализма в России, когда даже сами русские мыслители вынужденно констатировали: концепция приобщения страны к решению проблемы социализма не создана, задача «согласить эти крайности», т. е. социалистический идеал и Россию, выполнить труд «применения тех общих начал, которые выработала наука на Западе, к нашей действительности...» ², остается нерешенной. И только в этом смысле социализм двух первых выделенных нами этапов его развития не был национальным, «русским», хотя, несомненно, составлял органическую часть социальной мысли России.

Разработка народнического социализма представляла собой с этой точки зрения *качественный рубеж* в развитии социализма в России: отныне социалистический идеал оказывается привязанным к колеснице российского развития. Начиная с этого времени — и чем дальше, тем все более резко и определенно — утопический социализм в России выступает как теоретическое выражение альтернативы помещичье-буржуазному, «прусскому» пути развития страны. Он выступает как ясное обнаружение противоположности интересов не просто «капитала и труда», богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых, дармоедов и тружеников, а именно российского подневольного крестьянства (а отчасти и формирующегося рабочего класса, предпролетариата) и российского же буржуазного либерализма.

Не случайно как раз ко времени формирования теории народничества представители охранительной идеологии уже вполне осознали социализм как учение, опасное не только для Западной Европы, но и для России. Так, в первой половине февраля 1848 г. в III отделение поступил анонимный донос на журналы «Отечественные записки» и «Современник», в котором, в частности, говорилось: «Нет сомнения, что Белинский и его последователи нисколько не имеют в виду коммунизма, но в их сочинениях есть что-то похожее на коммунизм, а молодое поколение может от них сделаться вполне коммунистическим» ³. В октябре 1849 г. министерство народного просвещения в специальном «Настав-

¹ Ср., напр.: «Н. Г. Чернышевский — родоначальник социализма в России... Он явился действительно первым русским социалистом» (Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973, с. 35, 39).

² Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953, с. 392.

³ Цит. по: Оксман Ю. Г. Летопись жизни и деятельности В. Г. Белинского. М., 1958, с. 545.

лении» предостерегает от преподавания с университетских кафедр «разных политико-экономических систем», среди авторов которых особо выделяются «сенсионисты и фурьеристы, социалисты и коммунисты»¹. С 50-х годов в цензурном уставе начинает фигурировать такой пункт: «Не следует допускать к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и водворению анархии»².

К идеям народничества одновременно шел ряд русских мыслителей. Но все же приоритет в разработке этой концепции принадлежит А. И. Герцену: он первым увидел в сельской общине реальную опору социализма, фактически данный, хотя и требующий развития, элемент будущего общества. И, указав на это, он поставил основательно развить данную идею. «Герцен,— писал В. И. Ленин,— основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с земель, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю»... На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве... нет ни *грана* социализма. Это — такая же прекраснотдушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе... Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»³.

Отодвигая — после событий революции 1848—1849 гг. — установление социалистического общества в Западной Европе в неопределенно далекое будущее или даже вообще весьма пессимистически высказываясь насчет перспектив ее развития, Герцен полагал, что «если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны»⁴. Страну, наиболее способную к социальному преобразованию, Герцен нашел, обратившись мыслью к родине.

Да, русские значительно отстали от Европы, признает Герцен. Исторические события как бы пронесли над этим народом. Но в этой-то «молодости» русского народа, не отягощенного, как народы западные, вековыми традициями исторической жизни, и счастье его. Задавленный и забитый, русский народ сохранил свой самобытный характер, неотъемлемой особенностью которого является естественное, безотчетное сочувствие коммунизму, всего нагляднее выраженное в сельской общине. «Община спасла русский

¹ См.: Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры 1700—1863 г. СПб. 1892, с. 342—343.

² См.: Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, с. 208, 257—258.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257—258.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч., в 30-ти т. М., 1955, т. 6, с. 190.

народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательств власти; она благополучно дожидается *до развития социализма в Европе*¹. В патриархально-коммунистических порядках сельской общины Герцен и усмотрел средство радикального грядущего социального преобразования, реальные элементы социализма: «...в избе русского крестьянина мы обрели зародыш экономических и административных установлений, основанных на общности землевладения, на аграрном и инстинктивном коммунизме»².

Подчеркивая вместе с тем негативные стороны общины (личность «поглощается» здесь «миром»), говоря о том, что «всякий неразвитой коммунизм подавляет отдельное лицо»³, Герцен выдвигал в качестве важнейшего компонента концепции «русского» социализма положение о необходимости «оплодотворения» крестьянского «мира» западной наукой, т. е., собственно говоря, социалистической теорией. Без развития посредством науки Запада «аграрный коммунизм» останется грубым, совпадающим по своим основным принципам с тем, который проповедовался западными уравнилителями вроде Гракха Бабефа. Но это, по Герцену, вовсе и не социализм, ибо не может быть социализма, не основанного на свободе личности.

Россия, между прочим, потому и может через общину, минуя некоторые фазы европейского развития, перейти к социализму, что ее передовые люди, «прошедшие через западную цивилизацию» и усвоившие себе социалистические теории, как бы впитали в себя мировой исторический опыт. «Россия проделала свою революционную эмбриогению в европейской школе... Мы сослужили народу эту службу»⁴, — говорил Герцен.

Таким образом, его «русский» социализм отнюдь не представлял собой идеализации крестьянской общины и не означал своего рода поворот Герцена от западничества к славянофильству или русофильству. Он был выражением — в тех условиях, разумеется, иллюзорным, утопическим — теоретического поиска варианта ускоренного движения России к социалистическому переустройству при посредстве духовного (значит, и социального) опыта стран Западной Европы; ведь этот опыт и воплощали, по мнению Герцена, социалистические теории — важнейшее «движимое» достояние западной жизни.

Анализируя в свое время взгляды французского экономиста Ф. Кенэ (его, в сущности, буржуазные идеи носили, как писал Маркс, «феодалную вывеску», в которую верил и сам Кенэ), автор «Капитала» высказал такую мысль: «Этикетка системы

¹ Герцен А. И. Собр. соч., в 30-ти т. М., 1956, т. 7, с. 323.

² Там же. М., 1958, т. 13, с. 179.

³ Там же. М., 1957, т. 12, с. 109.

⁴ Там же, с. 186.

взглядов отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца»¹. Это высказывание Маркса вполне может быть применено, как представляется, и при оценке «русского» социализма Герцена.

Выше мы цитировали статью В. И. Ленина «Памяти Герцена», в которой было показано, что «русский» социализм, являвшийся выражением революционности буржуазной крестьянской демократии в России, представлял собой всего лишь неадекватную теоретическую форму радикальных антифеодальных устремлений крестьянства. Это одна сторона дела, касающаяся, так сказать, типа «социалистичности» народнической утопии.

Другая состоит в том, насколько верным являлось определение (самоопределение) этого социализма как «русского»: не было ли и здесь «этикетки системы взглядов», объективно вводившей в заблуждение не только читателей и истолкователей Герцена, как сторонников, так и противников его, но и его самого? Не впадал ли сам Герцен в преувеличение, во власть иллюзии, когда писал, к примеру, что «человек будущего в России — *мужик*, точно так же, как во Франции *работник*»?²

Социалистические взгляды Герцена — при всей их противоречивости и не всегда адекватной форме выражения — не дают оснований для трактовки их как одной из форм панславизма, русофильства, национализма. Националистическими были скорее представления славянофилов, усмотревших в общине не то, что объединяет Россию с Западом, с его будущим, а то, что спасет её от социализма, к которому устремлен западный мир. Один из них, А. И. Кошелев, писал, к примеру: «В Европе громадные богатства нескольких лиц и страшная нищета масс; а потому коммунизм и социализм, в том виде, как они на Западе вырабатываются, вполне там уместны, законны, неумолимы и должны все более распространяться, крепнуть и угрожать общественному спокойствию. У нас, слава богу, дело обстоит совершенно иначе... Нам нечего опасаться западного социализма и коммунизма, ибо у нас есть владеющая землею община, которая ограждает большинство людей от бездольства и нищеты и которая обеспечивает государству спокойствие и устойчивость»³.

Разрабатывая концепцию «русского» социализма, Герцен преследовал цель не отрицания «единоспасающей цивилизации Запада»⁴, а поисков путей к социализму, как ему казалось, наиболее соответствующих историческим особенностям России, посредством ускоренного освоения данным народом мировой культуры. Преследуя эту цель, Герцен жаждал наибольшей безболезненности при осуществлении исторического прогресса, смягчения «мук родов» социализма. «Русский» социализм Герцена не озна-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 405.

² См.: Герцен А. И. Собр. соч., в 30-ти т., т. 7, с. 326.

³ См.: Колупанов Н. П. Биография А. И. Кошелева. М., 1899, т. 2, с. 196.

⁴ См.: Герцен А. И. Собр. соч., в 30-ти т. М., 1960, т. 19, с. 187.

чал отрицания возможности иных путей к социализму. «Мы представляем *частный случай* нового экономического устройства, новой гражданственности, *одно из... приложений*»¹, — подчеркивал Герцен, убежденный в том, что «социальные идеи, в своем воплощении, будут обладать многообразием форм и применений...»².

Проблема единства путей развития России и Запада не снижалась Герценом и вот еще в каком смысле: не переставая настаивать на том, что общий план развития допускает бесконечное число вариаций, частью — непредвидимых, он сам уже в 1863 г. пишет, что мещанство (т. е. буржуазные формы жизни) может быть для России своего рода «переходным» состоянием и что, «достигая социализма», Россия, «вероятно, *пройдет* и мещанской полосой»³.

Примерно за два года до смерти Герцен дал такую итоговую формулу своему «русскому» социализму: «Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, — и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»⁴.

Вслед за Герценом идеи народнического социализма развивал в статьях конца 50-х годов Чернышевский. В одной из работ 1857 г. он писал: «То, что представляется утопиею в одной стране, существует в другой как факт... Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта... Скоро и мы, может быть, вовлечемся в сферу полного действия закона конкуренции... В настоящее время мы владеем спасительным учреждением, в осуществлении которого западные племена начинают видеть избавление своих земледельческих классов от бедности и бездомности... Да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землями...»⁵

Правда, взгляды Герцена и Чернышевского на общину (как и на вопрос о судьбах социализма на Западе) совпадали далеко не во всем. Так, Чернышевский всячески подчеркивал, что общинное владение не есть какая-то особенность национального развития России; на него надобно смотреть как на «общую челове-

¹ Герцен А. И. Собр. соч., в 30-ти т. М., 1960, т. 18, с. 357.

² Там же, т. 20, кн. 1, с. 65.

³ Там же, М., 1959, т. 16, с. 196; см. также т. 18, с. 371.

⁴ Там же, т. 19, с. 193.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1948, т. 4, с. 742—745. Любопытна реакция одного из славянофильских публицистов на трактовку Чернышевским общины: «Господин Чернышевский защищает мирское пользование или владение землей — в этом мы с ним вполне согласны, но господин Чернышевский смотрит на нынешнюю общину, как на ступень другой, где явится общинный труд со всеми принадлежностями: туда за господином Чернышевским мы следовать не расположены» (Кошелев А. По поводу журнальных статей. — Русская беседа, 1857, кн. IV, с. 170).

скую принадлежность известного периода в жизни каждого народа»¹. В этом, пожалуй, нет еще существенного отличия его позиции от позиции Герцена. Но вот следующие затем слова выявляют уже своеобразие точки зрения Чернышевского: «Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам тоже нечего, как вообще никому не следует гордиться какою бы то ни было стариною, потому что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития»².

Полемизируя с Герценом в статье «О причинах падения Рима», утверждая там: «Идеалы будущего осуществляются развитием цивилизации, а не бесплодным хвастовством остатками исчезающего давно прошедшего», Чернышевский писал: «...Западная Европа идет к осуществлению этого (общинного, коллективистского.— *Ред.*) принципа совершенно независимо от нас... помощи нашей не нужно ей; и то, что существует у нас по обычаю, неудовлетворительно для ее более развитых потребностей, более усовершенствованной техники»³. В этой связи заслуживает быть отмеченным, что большое место в рассуждениях Чернышевского о пути России к социализму занимает идея «довольно долгого переходного состояния»⁴.

Идеи народнического социализма проповедовал и Н. П. Огарев. Так, на страницах «Колокола» он писал в 1858 г.: «Наша община есть нечто само по себе, а не только собрание людей для платежа повинностей. В ее основании лежат более свежие элементы государственного благоустройства и человеческой справедливости. Нисколько не видя в русском общинном быте идеала общественной жизни, мы не можем не видеть в нем зародыша ее более спокойного, рационального и гуманного развития»⁵. И несколько позже — еще более определенно: «В форме общинного землевладения социализм становится на почву, потому что при наследственном (т. е. частном.— *Ред.*) землевладении почва для него невозможна. Может быть, теоретический социализм не признает этого, потому что не найдет в социалистических общинах своих выработанных форм. Но в исторической жизни, как и во всякой органической жизни, формы вырабатываются не по рецепту, а по необходимому сцеплению страшно сложных элементов, движущихся от причин к следствию,— со всеми данными случайностей, личностей, уклонений, зигзагов»⁶.

Констатируя эту общую — народническую — окраску утопического социализма в России 50-х годов, отметим также еще од-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1950, т. 5, с. 362.

² Там же.

³ Там же, т. 7, с. 662—663.

⁴ См. там же, т. 5, с. 151; т. 4, с. 329, 437—438. Подробнее см.: Хессин Н. В. Н. Г. Чернышевский в борьбе за социалистическое будущее России. М., 1982, раздел IV.

⁵ Колокол, 1858, 1 января, л. 7, с. 55.

⁶ Там же, 1859, 15 марта, л. 38, с. 312.

ну важнейшую его особенность, с особой силой реализовавшуюся прежде всего в творчестве Н. Г. Чернышевского, а именно разработку экономических вопросов теории социализма.

Почти одновременно внимание на эту проблему обратили еще в конце 40-х годов А. И. Герцен и В. А. Милютин, первый — в достаточно общем виде, второй — в гораздо более развернутой форме, что и определило особое место этого мыслителя среди других социалистов того времени¹.

Понимая социализм как отражение интересов пролетариата в экономической науке, В. А. Милютин писал в 1847 г.: «Всеобщее неудовольствие и брожение умов, беспрестанные коалиции работников и восстания их против капиталистов — все предвещало неминуемость социального кризиса и доказывало необходимость радикального преобразования экономических отношений. Одни экономисты оставались равнодушны к тому...»² Продолжая эту традицию, Чернышевский утверждал в статье «Капитал и труд» аналогичным образом: «Открытая ненависть между простолюдинами и средним сословием во Франции произвела в экономической теории коммунизм»³.

Нельзя не заметить, что Милютин говорил о «работниках» и «капиталистах» и борьбе между ними, а у Чернышевского речь идет о «простолюдинах» и «среднем сословии». С точки зрения категориальной точности наблюдается как бы определенное снижение мысли. Однако, с другой стороны, это «снижение» отражает, очевидно, желание истолковывать идею социализма как соответствующую интересам не только пролетариев, «работников», но и простолюдинов, тружеников вообще, т. е. и крестьянских масс. А принципы подхода к проблеме генезиса социализма оставались, в сущности, теми же — выявление в первую очередь классово-экономической подоплеки социалистической теории.

Более того, у Чернышевского эти принципы — выявлять за борьбой идей и теорий борьбу классов, пытаться обосновать социализм, опираясь на политическую экономию, — получают столь основательную разработку и плодотворное применение в конкретном анализе, что это вплотную приближает его к научному социализму. Недаром в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» Маркс назвал Чернышевского «великим русским ученым и критиком», мастерски показавшим в своих работах «банкротство буржуазной политической экономии»⁴. Недаром в статье «Из прошлого

¹ Интерес к экономическому обоснованию социализма замечен и у некоторых петрашевцев. Так, осенью 1848 г. И. Л. Ястржембский в продолжение пяти или шести собраний объяснял основные начала политической экономии, давая «определение промышленности, богатства, источников богатства — природы, труда и капитала» (см.: *Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы*, ч. 1, с. 120).

² *Современник*, 1847, т. 6, с. 24.

³ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 39.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 17—18.

рабочей печати в России» В. И. Ленин писал: «...Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы... Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»¹.

Именно настойчивое стремление представить социализм как неизбежный результат социально-экономического развития общества и делает прежде всего из Чернышевского «величайшего представителя утопического социализма в России»². «...Великий социалист домарковского периода...»³ — так назвал его В. И. Ленин.

Уже в ноябре 1849 г. Чернышевский писал, что политическая экономия и история «стоят теперь во главе всех наук. Без политической экономии теперь нельзя шагу ступить в научном мире. И это не то что мода, как говорят иные, нет, вопросы политико-экономические действительно теперь стоят на первом плане и в теории, и на практике, то есть и в науке, и в жизни государственной»⁴.

И на жизнь России Чернышевский смотрит опять-таки под этим углом зрения: «...каждому очевидно, что с окончанием нашей последней войны (имеется в виду Крымская война.— *Ред.*) начинается для России более деятельное, нежели когда-либо, участие в общем европейском экономическом движении. Каждый видит, что наша промышленная деятельность начинает очень быстро усиливаться. Наши собственные капиталы, нравственные и материальные, выходят из своего летаргического бездействия: иностранные капиталы начинают находить у нас выгодное и безопасное помещение... Россия вступает в тот период экономического развития, когда к экономическому производству прилагаются капиталы»⁵.

А вот что писал Н. Г. Чернышевский в ноябрьском номере «Современника» за 1857 г.: «...в наше время главная движущая сила жизни, промышленное направление, все-таки гораздо разумнее, нежели тенденции многих прошлых эпох... Быть может, иным из нас приятнее было бы господство какого-нибудь более возвышенного стремления,— но чего нет, того нет, а из того, что есть, более всего добра приносит промышленное направление. Из него выходит и некоторое содействие просвещению, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость; из него выходит и некоторая забота о законности и правосудии, потому что для промышленности нужна безопасность; из него выходит и некоторая забота о просторе для личности, потому что для промышленности нужно беспрепятственное обращение капиталов и людей... Когда

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

² Там же, т. 24, с. 335.

³ Там же, т. 41, с. 55.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 14, с. 167.

⁵ Там же, т. 4, с. 303—304.

развивается промышленность, прогресс обеспечен. С этой точки зрения мы преимущественно и радуемся усилению промышленного движения у нас...»¹.

Уже одни только эти положения свидетельствуют о том, что Чернышевский делает решительный шаг навстречу материалистическому пониманию истории. В принципе отказываясь от «догматического предвосхищения будущего»², характерного для большинства утопистов, он переходит к изучению исторического процесса рождения нового, будущего общества из старого, из наличной экономической действительности. Всего нагляднее это проявилось в его работах, связанных с переводом и комментированием сочинения Д. С. Милля «Основания политической экономии».

Исходным пунктом всех рассуждений о человечестве, обществе, его развитии должно быть, считает Чернышевский, настоящее. Конечно, это не исключает догадок и гипотез относительно будущего, особенно таких, которые имеют очень сильную степень вероятности. Однако всегда надо помнить, утверждает Чернышевский, что эти догадки и гипотезы — все-таки не факты, а «только выводы из признаков, указывающих на близкое осуществление известных фактов. Но чего еще нет, о том нельзя слишком много заботиться, когда есть уже осуществившиеся факты, требующие всей силы нашего внимания. Мысли о будущем, хотя бы довольно близком, имеют лишь малую степень практической важности по сравнению с обстоятельствами, влиянию которых человек уже подвергается в настоящем»³.

Вместе с тем ориентация на настоящее не означает, по Чернышевскому, отказа от идеалов, отказа от устремленности к иным, желаемым порядкам. Анализ настоящего как раз и выявляет определенную цель, ведущую тенденцию социального движения. Вся проблема заключается в приближении действительности, настоящего к этой цели. В обязанность человека, озабоченного судьбами народа, входит постоянно держать в уме эту цель, соотнося с ней свои действия: «Близка или далека цель, все равно, нельзя выпускать ее из мысли, нельзя, потому что как бы далеко ни была она, ежеминутно представляются и в нынешний день случаи, в которых надобно поступить одним способом, если вы имеете эту цель, и другим способом, если вы не имеете ее»⁴.

Но какова же цель исторического процесса? Согласно Чернышевскому, ее обнаруживают факты самого экономического развития — возрастание обобществления труда, в частности рост крупной промышленности, требующий, чтобы хозяином производства стал сам труженик. Это прежде всего и предопределяет грядущую неизбежность краха отношений эксплуатации и угнетения, ликвидации частной собственности вообще.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 4, с. 860—861.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 379.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 9, с. 217—218.

⁴ Там же, с. 353.

Под пером Чернышевского социализм выступает как экономическая необходимость — точно так же, как в свое время капитализм, принеший человечеству более развитые формы производства по сравнению с феодальным «невольничеством»: «...опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов»¹. Дело не просто в очевидных экономических преимуществах крупных предприятий перед мелкими, а в том, что «человечество, действительно, идет к замене вражды, принимающей в промышленных делах форму конкуренции, товариществом, союзом»², что «экономическая история движется к развитию принципа товарищества...»³.

Реальные начала, ростки будущего обнаруживаются Чернышевским в экономической жизни современной ему действительности: «...в сфере громадных предприятий стала все сильнее и сильнее выступать тенденция, противоположная безграничному праву частной собственности (укажем развитие этой тенденции по двум направлениям, известным каждому: акционерные общества захватывают все больше и больше места в промышленной деятельности; когда частная собственность мешает осуществлению громадных предприятий, замыслиаемых акционерными обществами, закон устраняет ее с их пути посредством экспроприации, которая все больше и больше входит в законное правило и при столкновениях государственной деятельности с частною собственностью...) Тут везде — нечто похожее на коммунизм...»⁴

Можно и, разумеется, нужно отметить и абстрактность, и наивность данных рассуждений: но не стоит удивляться этому: Чернышевский остался утопистом, он не смог «выпрыгнуть» за рамки своего времени и своей страны, как не смог он и переступить границ собственного антропологического мировоззрения: для него последним критерием общественного прогресса является степень соответствия социальных учреждений и отношений «природе человека», врожденным «потребностям человеческой натуры»⁵. Важно, однако, другое: Чернышевский совершенно точно фиксирует историческую обреченность частнособственнических порядков не только в их капиталистической форме, но и в принципе, а также правильно указывает на решающее экономическое преимущество перед ними такого строя, «когда отдельные классы наемных работников и нанимателей труда исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе»⁶.

Решение мучившей Чернышевского проблемы смыкания социалистической теории и действительной жизни видится ему прежде всего на пути практического, в том числе и массового револю-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 9, с. 222.

² Там же, т. 7, с. 168—169.

³ Там же, т. 9, с. 643.

⁴ Там же, с. 902.

⁵ Там же, с. 334.

⁶ Там же, с. 487.

ционного, действия, максимально соответствующего тем или иным историческим условиям. Но эти проблемы найдут у него разработку главным образом уже после крестьянской реформы 1861 г. Так, размышляя в Петропавловской крепости о том, «сколько же времени понадобится, чтобы приобрел господство в исторической жизни простой народ, которому одному и выгодно и нужно устройство, называемое социалистическим!», Чернышевский напишет в 1862 г.: «По одному большому сражению в начинающейся вековой борьбе за социализм было уже дано в обеих передовых странах Западной Европы. Во Франции это была июньская битва на улицах Парижа; в Англии колоссальная апрельская процессия хартистов по лондонским улицам¹. Обе битвы были даны в 1848 г. Обе были проиграны. Но на нашем веку еще будут новые битвы, — с каким успехом, мы увидим»².

Таким образом, почти за 30 лет своего развития — от возникновения до эпохи крестьянской реформы 1861 г. утопический социализм в России прошел, условно говоря, три этапа: 30-е годы — этап утробного развития, в основном на уровне и в формах индивидуального сознания; 40-е годы — время первого литературного обнаружения, превращения утопического социализма в реальный факт общественного сознания, время философского обоснования социалистического идеала; 50-е годы характеризуются в первую очередь стремлением к социально-экономическому обоснованию социализма, разработкой теории народничества, ставшего одним из влиятельных течений общественной мысли России XIX в.

60-е годы вносят в социалистическую мысль России — не только в содержание ее, но и в самые формы ее существования и выражения — новые моменты.

VII

Вольное русское слово Герцена, революционно-политическая проповедь Чернышевского на страницах «Современника» пробудили к действию новое поколение борцов против самодержавия во имя социалистического будущего. В пореформенную эпоху идеи социализма впервые обретают в России относительно массовую базу, распространяясь среди значительной части интеллигенции, преимущественно разночинной. Выдвижение разночинца в качестве ведущей силы освободительного движения В. И. Ленин считал существенным признаком его нового крупного этапа, названного им разночинским³. Это оказалось самым непосредственным образом связано с коренными изменениями в самом статуте, в характере утопического социализма в России.

Собственно, и раньше приверженцами социализма были здесь

¹ Чернышевский имеет в виду демонстрацию английских рабочих 10 апреля 1848 г., организованную Национальным конвентом хартистов.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 9, с. 833.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

отнодью не исключительно дворяне — достаточно напомнить, что и Белинский, и многие петрашевцы, и Чернышевский, и Добролюбов по своему происхождению и социальному положению являлись разночинцами. Теперь, после того как в годы первой революционной ситуации идеи крестьянского социализма стали господствующими в массах разночинной интеллигенции, типичной фигурой становится *социалист-разночинец*. Более того, в наэлектризованной атмосфере политического брожения на рубеже 50-х и 60-х годов произошло соединение двух потоков — утопического крестьянского социализма и массового революционного движения разночинной интеллигенции — соединение, приведшее к образованию все более крепнущего направления *революционного утопического социализма*, нацеленного на штурм самодержавия, на радикальное преобразование России.

Ориентация этого направления утопического социализма на революционную практику приводила к многообразным формам соединения теории и практики, к обилию социалистических программ и связанных с ними практических действий, которые в своем историческом развитии с 1861 г. до 1880-х годов сменяли друг друга в некоторой логической последовательности. Это дает возможность для выделения определенных периодов в истории утопического социализма этого времени. Для каждого из этих периодов характерны и свои особые теоретические искания, и свои программы, и свои революционные действия.

Таких наиболее крупных периодов в истории утопического социализма в России пореформенной эпохи можно выделить три: 1861—1866, 1867—1874, 1875—1883 гг. Каждый из них соответствует одному из трех крупных натисков революционеров-разночинцев на самодержавие и отмечен в конце определенными революционными акциями: в 1866 г. это покушение Д. В. Каракозова на царя, в 1874 г. — массовое «хождение в народ», в 1881-м — осуществленная по решению революционной организации «Народная воля» казнь Александра II. Соответственно освободительное движение и утопически-социалистические теории меняли свою форму.

В целом же главную, определяющую черту социалистической мысли в России пореформенного времени составляло стремление к наивозможно полному соответствию социалистической теории и революционной практики. Особенно ощутимо это стремление проявлялось в том, что, в сущности, не было ни одного сколько-нибудь значительного теоретика-социалиста, который бы так или иначе не принимал непосредственного участия в борьбе в составе каких-то революционных организаций. Проявлялось это стремление со всей наглядностью и в острой полемике этих организаций между собой именно по программным и тактическим вопросам. Это и позволяет брать революционную практику в качестве ведущего момента для периодизации истории утопического социализма в России 60—80-х годов XIX в. Конечно, не все в этой практике носило социалистический характер, были течения и общедемократического, несоциали-

стического содержания, но это не меняет самой сути дела, ибо не они, а именно *социалистическое движение* (т. е. единство, спаянность утопического социализма с революционно-демократическим процессом) было преобладающим в это время. «Наше социалистическое движение, — писал В. И. Ленин, — концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием»¹.

Нелишним будет подчеркнуть, что это новое качество утопического социализма не только в значительной степени было подготовлено и обеспечено теоретической и практической деятельностью А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, но и нашло в ней свое классическое проявление. В этой их деятельности было продемонстрировано такое сочетание социалистической теории и революционной практики, какое только было возможно в условиях того времени в рамках утопического социализма. Они продемонстрировали такую силу примера служения народу и вместе с тем — борьбы за социалистическое будущее России, что к их творчеству и опыту, особенно к творчеству и опыту Н. Г. Чернышевского, как к своеобразному эталону, обращались все последующие социалисты.

Что касается первого периода (1861—1866 гг.), то их деятельность была в нем главной, определяющей, особенно в начальной стадии. Она послужила мощным импульсом для теоретических поисков и революционных начинаний всех других революционеров-социалистов. Достаточно сказать, что в период революционной ситуации А. И. Герценом был выдвинут лозунг «В народ!»², ставший символом движения революционной молодежи на протяжении десятилетий. Н. П. Огаревым была написана статья «Что нужно народу?»³, ставшая своеобразной программой первой крупной подпольной организации — общества «Земля и воля» 60-х годов. Н. Г. Чернышевским была написана одна из самых первых революционных прокламаций, обращенных непосредственно к народным «низам», — «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», в которой содержался призыв к подготовке общего крестьянского восстания. Н. А. Добролюбов в своих последних стихотворениях, завещающая новому поколению революционеров-социалистов шествовать «тою же стезею», что и их предшественники⁴, звал их вместе с тем «начать в союзе нашем живое дело вместо слов»:

Но знаю я — дорога наша
Уж пилигримов новых ждет,
И не минет святая чаша
Всех, кто ее не оттолкнет⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 374.

² В статье «Исполин просыпается!», напечатанной в 110-м листе «Колокола» от 1 ноября 1861 г.

³ Впервые опубликовано в 102-м листе «Колокола» от 1 июля 1861 г. Написана при участии Н. Н. Обручева. В обсуждении ее основных положений принимали также участие Н. А. Серно-Соловьевич, А. А. Слепцов, М. Л. Налбандян.

⁴ В стихотворении «Милый друг, я умираю...» (см.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1969, с. 123).

⁵ Добролюбов Н. А. Еще работы в жизни много... (там же, с. 113—114).

Но какой бы значительной ни была деятельность Герцена, Огарева, Чернышевского и Добролюбова, все же подлинный размах революционной борьбе, новые стимулы к поискам в теории, в разработке социалистического идеала и — особенно — путей его осуществления в России придали со времени первой революционной ситуации десятки их талантливых учеников, соратников и последователей, сотни и тысячи менее известных и безвестных участников освободительного движения. В годы революционной ситуации рядом с Герценом, Огаревым, Чернышевским и Добролюбовым, в строй беззаветных бойцов за народную свободу встают такие блестящие социалистические публицисты, как М. Л. Михайлов, Н. В. Шелгунов, Н. А. Серно-Соловьевич, Г. Е. Благодетель, Д. И. Писарев, такие деятели революционного подполья, как П. Г. Заичневский, П. Э. Аргиропуло, В. А. Обручев, А. А. Слепцов, Н. И. Утин. В эти же годы, бежав из сибирской ссылки, вернулся к политической деятельности М. А. Бакунин, вошли в революционное движение П. Л. Лавров, В. В. Берви-Флеровский, Н. В. Соколов, сформировались революционные и социалистические убеждения П. Н. Ткачева, В. А. Зайцева, П. А. Кропоткина, А. П. Щапова, И. А. Худякова, Н. Я. Николадзе, К. С. Калиновского, М. Л. Налбандяна и др. Можно даже сказать, что почти все крупные деятели освободительного движения последующих двух десятилетий, внесшие определенный вклад в развитие, разработку и распространение социалистической мысли в России, в той или иной мере были деятелями 1861 г. И уже в период первого натиска российских революционеров на самодержавие большинство из них проявили себя довольно заметно.

С падением в 1861 г. крепостного права условия существования, интенсивность и формы проявления социалистических идей и действий изменились коренным образом.

Возникло *организованное подполье*. Это уже были не только отдельные кружки, периодически существовавшие в обеих столицах, причем, как правило, недолго. Теперь это была уже сеть кружков, и не только в Петербурге и Москве, но и во многих крупных городах Российской империи, сеть, имевшая тенденцию к устойчивости и к консолидации, к формам совместной работы, с центральными органами во главе, целые общества, самое заметное из которых — «Земля и воля» 1861—1863 гг. Подполье стало неуничтожимым, его существование — непрерывным, оно сохранилось даже в периоды самой жестокой реакции.

Конечно, не стоит преувеличивать ни многогранности, ни организованности, ни сознательности, ни социалистичности в деятельности вновь возникшего революционного подполья, но нельзя не заметить уже в первый же пореформенный год ростки почти всех тех видов подпольной работы, которые в последующем были развиты революционерами-социалистами.

Революционному подполью уже было мало пропаганды социалистических и демократических, атеистических и материалистических идей в легальной печати, прежде всего в «Современнике» и «Русском

слове», какой бы большой размах она ни приобретала, какой бы талантливой и содержательной ни была. Подполью мало было и вольной русской печати за границей, какой бы многообразной и мощной она ни являлась, как бы широко она ни распространялась в России. Возникает собственная, подпольная печать, ставшая существенным фактором освобождения, в том числе и социалистического, движения в пореформенное время.

Поначалу эта печать копировала для своих нужд произведения заграничной вольной печати (номера «Колокола», отдельные издания Герцена и Огарева), отдельные произведения социалистов Западной Европы. Так поступали, например, в начале своей деятельности московские кружки — «Библиотека казанских студентов» и особенно группа П. Г. Заичневского и П. Э. Аргиропуло. Но вскоре возник особый род *социалистической подпольной печати* — прокламации-программы и даже прокламации-журналы. Обращенные к различным слоям населения — к «обществу» (имелись в виду образованные слои), к крестьянам, к солдатам, к офицерам, к молодежи и даже к верующим, эти прокламации представляли собой поистине небывалое ранее явление общественной жизни и литературы.

Необходимость воздействия на широкие слои населения закономерно породила и множество иных форм деятельности революционеров, причем поиски здесь велись преимущественно в двух направлениях.

Первое из них связано с использованием легальных форм для пропаганды социалистических идей: пропаганда в многочисленных студенческих землячествах, кассах взаимопомощи, кухмистерских, книжных магазинах, читальнях, культурно-просветительских обществах и т. д. Известно, к примеру, использование в целях пропаганды воскресных школ для детей и взрослых из «простого народа», а также такой организации, как «Шахматный клуб».

Второе направление — открытые, публичные заявления своих убеждений и прямая агитация с целью поднять на борьбу новые силы, особенно из студентов, крестьян, солдат (один из примеров — выступление П. Г. Заичневского летом 1861 г. перед крестьянами Мценского уезда с призывом идти в города и запасаться оружием). Нередко это делалось во время актов протеста против произвола местных властей, правительственного террора. Напомним в этой связи о речи А. П. Шапова 16 апреля 1861 г. на панихиде в Казани по расстрелянным участникам бездненского крестьянского восстания, в которой он указывал на «демократических конспираторов» как на народных пророков и выражал надежду, что «земля воззовет Народ к восстанию и свободе...»¹. Напомним и о речи П. Г. Заичневского 17 марта 1861 г. на панихиде в Москве по расстрелянным участникам демонстрации в Варшаве: в ней он при-

¹ Шапов А. П. Речь во время панихиды по убитым крестьянам в с. Бездне. — В сб.: Шестидесятники. М., 1984, с. 355.

зывает поляков «идти под одним общим знаменем» — «...будет ли это красное знамя социализма или черное знамя пролетариата»¹.

Разумеется, было бы упрощением считать, будто развитие утопического социализма в России в пореформенный период целиком определялось нуждами подполья, революционно-освободительного движения вообще. Но вместе с тем было бы не меньшей ошибкой отрицать следующий бесспорный факт: теоретические поиски в отечественном утопическом социализме 60—80-х годов сосредоточиваются на *практических путях перестройки настоящего* на социалистических основах. «Полное теоретическое изложение системы известного быта, основанного на известном принципе, — вещь необходимая, — писал Н. Г. Чернышевский в «Очерках из политической экономии (по Миллю)» (в разделе «Собственность», не пропущенном цензурой для июньской книжки «Современника» за 1861 г.), — нужно же знать, что в самом деле хорошо и справедливо, а сверх того, у кого не уяснены принципы во всей логической полноте и последовательности, у того не только в голове сумбур, но и в делах чепуха. Но, если были на свете гениальные мыслители (и Чернышевский называет их ниже: Сен-Симон, Фурье, Оуэн. — *Ред.*) и нашли себе достойных учеников и приобрели популярность, то ведь надобно же положить, что или сами они, или некоторые из учеников их догадались же, кроме этих рассуждений об отвлеченной теории, поговорить и о возможном в современной действительности»². И далее, намекая на цензур, Чернышевский писал, что он не имеет возможности «говорить о всех таких предложениях, имеющих в виду границы возможного для нынешней эпохи», ни «перечислить много таких программ», это-де «и лишнее было бы», «потому что в существенном все они сходны»³; тем не менее отсюда совершенно логично следовал вывод о том, что именно эти «предложения» и такие «программы» относятся к «вопросу, занимающему нас»⁴.

Таким образом, самый важный и самый больной вопрос всякой утопически-социалистической теории — вопрос о соотношении идеала и действительности — в условиях пореформенной России должен был сойти и уже действительно сходил с высот абстрактно-теоретических размышлений на уровень прикладной разработки и, что не менее важно, практической проверки. Это означало значительный шаг вперед в эволюции утопического социализма в России. Шаг этот состоял во введении проблем революции, ее стратегии

¹ Заичневский П. Г. (Речь...). — В сб.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968, с. 76. (Это наиболее полный список речи Заичневского; опубликован в статье: Бакулич В. Б. Речь П. Г. Заичневского о русско-польском сотрудничестве.)

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т 9, с. 354—355. Раздел «Собственность» впервые был напечатан за границей в 1870 г.

³ Там же, с. 355.

⁴ Там же, с. 354.

и тактики в саму ткань социализма. Отечественные социалисты вплотную занялись тщательным, детальным рассмотрением, применительно к наличной действительности того или иного периода, таких вопросов, как движущие силы, характер революции, соотношения экономических и политических задач, программы-максимум и программы-минимум, пропаганды и организации, политики и нравственности и тому подобных вопросов, которые ранее считались по общему правилу не относящимися к составу теории социализма. Теперь они, такие вопросы, стали неотъемлемой частью этой теории, более того, такой ее частью, из-за которой постоянно велись споры между различными социалистами, из-за разного толкования которой они расходились, раскалывались, делились на направления, общества, кружки, партии.

Да и невозможно было социалистам России 60—80-х годов достичь единства по этим вопросам, составляющим сердцевину проблемы соотношения идеала и действительности, — потому невозможно, что, как показала история утопического социализма, и не только в России, но и в Западной Европе (вспомним, кстати, о бабулизме и бланкизме и других направлениях революционного домарксистского социализма), вопросы эти в рамках социального утопизма в принципе не решаются. Не случайно на протяжении всей истории утопического социализма в России 60 — начала 80-х годов его представители, фигурально выражаясь, мечутся между идеалом и действительностью, отдавая в своих теоретических разработках предпочтение то одному, то другому, пытаясь рассматривать пути социалистического преобразования существующей российской действительности (равно как и его средства и орудия) то преимущественно через призму идеала, то исходя лишь из действительности.

Характерно, что в первый год после реформы 1861 г. в период революционной ситуации, в атмосфере крестьянских и студенческих волнений, когда господствовало ожидание близости крестьянского восстания, для которого даже дата была определена — лето 1863 г., социалистические идеалы у российских демократов как бы отошли на второй план. Во всяком случае, в таких прокламациях, как «Великорусс» (да и в «Ответе «Великоруссу» Н. А. Серно-Соловьевича») и «К молодому поколению», об этих идеалах речь практически не идет. То же самое даже и в неопубликованных прокламациях «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» Чернышевского и «Русским солдатам от их доброжелателей поклон» Шелгунова и Михайлова и в несохранившемся печатном сокращенном варианте ее под названием «К солдатам». «Границы возможного для нынешней эпохи», как об этом писал Чернышевский, в них очерчены лишь вокруг справедливого решения крестьянского вопроса, иначе говоря, их содержание не выходит, в сущности, за границы общедемократических требований.

По каким бы соображениям ни проводилось это ограничение целей и задач освободительного движения, ситуация парадоксальная: ведь некоторые из авторов упомянутых выше прокламаций в легаль-

ной печати выражали вполне социалистические стремления. Возможно, что дело было здесь не только в одной тактике или в «границах возможного», но и в возможностях самого социалистического утопизма как типа мировоззрения. Иначе как объяснить, почему, когда речь заходила о путях коренного преобразования существовавших тогда отношений, этот разрыв, так сказать, между революционностью и социалистичностью в тех же произведениях обнаруживался снова, но уже как бы в перевернутом виде. Так, в прокламациях при решении ближайших задач мы видим радикальную проповедь насильственной революции, вплоть до уничтожения дворянского сословия и царской семьи (как это было провозглашено в прокламации Шелгунова и Михайлова «К молодому поколению») и установления народовластия с республиканскими или полуреспубликанскими (конституционная монархия) политическими формами. В легальной же печати — социалистическое решение социальных задач путем таких мер, как просвещение, нравственное воспитание и т. п., где в центре общественного идеала — так или иначе понимаемая ассоциация, построенная на началах равенства и справедливости.

Конечно, в подцензурной печати не скажешь того, что можно прямо сформулировать в прокламации. Между легальной и нелегальной литературой было определенное разделение функций. И, в конце концов, статьи М. Л. Михайлова по женскому вопросу высоко ценились современниками не столько за высказанные в них и протекающие из социалистических представлений автора требования одинакового для лиц обоего пола воспитания и образования, равного права на труд, на участие в науке и искусстве и т. д., сколько за вытекающую из общего смысла этих статей идею коренного преобразования данных семейных и общественных отношений как неперемennого условия перехода к социализму и, пожалуй, еще более за указание на трудности этого перехода. Ведь М. Л. Михайлов писал, что «светлый идеал будущего счастья общества начинает владеть мыслью даже лучших людей нашего времени часто только после тяжелой борьбы с господствующим злом и неправдой»¹. Равным образом и статья Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» вызвала большой интерес, т. к. привлекла внимание читателей к вопросу о положении рабочего класса; детально знакомила российское общество с его положением в развитых капиталистических странах. (Следует отметить, что в своей статье Н. В. Шелгунов опирался на книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».) Именно поэтому Шелгунова и стали называть «творцом рабочего вопроса в России», а Михайлова — соответственно «творцом женского вопроса».

Включение в ткань размышлений и творчества отечественных социалистов вопросов практического преобразования существующей российской действительности предъявляло, естественно, повы-

¹ Михайлов М. Л. Соч. М., 1958, т. 3, с. 430.

шенные требования и к самой теории социализма. Необходимость перейти от общетеоретического рассмотрения проблемы отношений между идеалом и действительностью и призывов к анализу настоящего как реальной исходной основы будущего (все это мы наблюдаем уже у отечественных социалистов 40—50-х годов), — необходимость перейти от этого к детальному изучению окружающей действительности и возможно более конкретному определению путей ее преобразования на социалистических основах привела к изучению и освещению в социалистической журналистике таких поистине наболевших вопросов, как крестьянский, рабочий, женский, национальный и т. п. Предлагаемые решения этих вопросов вошли в программы революционных организаций и прежде всего нашли отражение в прокламациях; например, «женский вопрос» вошел в одну из первых прокламаций-программ вполне коммунистического характера — в прокламацию П. Г. Заичневского «Молодая Россия».

В начале 60-х годов, в ожидании всеобщего крестьянского восстания, которое все не начиналось, участники социалистических кружков занялись организацией своих рядов, консолидацией в тайные общества (самым значительным из них и стала «Земля и воля»). В это же время все активнее идет процесс размежевания их с либералами. Да и «прокламационная война» с правительством все более приобретала социалистическую окраску. Еще недавно некоторые из либералов, будучи политическими реформаторами, заигрывали с идеями социалистов¹. Теперь, отбрасывая прежний идеологический наряд, вступая в борьбу с социализмом и социалистами, они неизбежно переставали быть и демократами, тем более революционерами. «Последнее, — писал П. Ф. Николаев в 1885 г., — представляет характернейшее обстоятельство, определявшее прежде, определяющее теперь и имеющее впредь определять все течение русской мысли. Не быть для русского социалистом — значит не быть и революцио-

¹ Вот пример такого заигрывания. В 1861 г. в рецензии на русский перевод книги Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего» буржуазный публицист И. Вабст писал: «Еще недавно слово социализм произносилось у нас шепотом; оно было изгнано из литературы, его боялись произносить с кафедр, и отсюда происходило, как и всегда, то печальное явление, что все бросилось на запрещенный плод, каждый ловил жадно социальные брошюры, и кто громче кричал о социализме, кто громче его проповедовал, конечно, благодаря какой-нибудь запоздалой брошюре, потерявшей всякое значение в Европе, тот считался передовым человеком. Слава богу, теперь можно говорить спокойно и безбоязненно о социальных реформах... Социализм и социальные теории — это великий современный исторический факт. Отвергать его значение и смешно и дико, и в этом-то состоит великая ошибка большинства представителей господствующей школы политической экономии... Нисколько не увлекаясь утопиями социалистов, мы все-таки должны сознаться, что общее сочувствие всегда и везде будет на их стороне, потому что они впервые указали на слабые стороны современной промышленной жизни, на бедствия миллионов людей и подняли завесу будущности, которая может грозить европейскому обществу, ежели оно не позаботится об изменении коренных основ своего быта. Тут-то и заключается вся положительная заслуга социалистов» (Вестник промышленности, 1861, т. 11, № 2, с. 53—55).

нером. С другой стороны, невозможно быть социалистом, не будучи революционером. В этом лежит характерное различие истории современной России от истории Европы»¹.

VIII

С момента соединения утопического социализма с освободительным движением разночинной демократии социалистические идеи и революционная практика выступают в одном общем потоке.

Характерной особенностью социалистической мысли в России периода 1861—1866 гг. было то, что она представляла собой все же нечто целое, хотя по преимуществу неоформленное; при всем многообразии трактовок и мнений внутренняя дифференциация различных течений внутри отечественного социализма была еще относительно незначительной. Упомянувшийся выше П. Ф. Николаев с большим основанием называл этот период в истории социализма в России «синтетическим»: «Время анализа не наступило... Анализ наступил с реакцией и разочарованием»².

Но и в этот период цельность социалистического учения, прочность социалистической традиции по отношению к предшественникам по крайней мере дважды подвергалась испытаниям среди нового поколения революционеров: в первый раз весной 1862 г., когда после майских пожаров реакция перешла в наступление; были арестованы Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев, приостановлены журналы «Современник» и «Русское слово», прекращена деятельность «Шахматного клуба» и т. д.; во второй — в конце 1863 — начале 1864 г., после подавления восстания в Польше, Литве, Белоруссии и Правобережной Украине и самоликвидации «Земли и воли». В обоих случаях среди социалистов возникли горячие споры о путях и средствах преобразования России.

В первом случае полемика развернулась по поводу прокламации «Молодая Россия», в которой П. Г. Заичневский выступил с критикой всех оппозиционеров и политических публицистов (и прежде всего позиций А. И. Герцена и кружка «Великорусса») за отсутствие определенных принципов, «на которых должно построиться новое общество», за «пустое... либеральничанье»³. Изложив собственно социалистическую программу, он высказался за якобинский, по существу, бланкистский путь осуществления революции в России, инициатива которой должна принадлежать революционной молодежи и войску⁴. Прокламация взбудоражила революционное подполье, всколыхнула все общество. Все, кто только мог и хотел высказаться

¹ Николаев П. Ф. Очерк развития социально-революционного движения в России.— Литературное наследство. М., 1977, т. 87, с. 418.

² Там же, с. 414.

³ Заичневский П. Г. Молодая Россия.— В сб.: Народническая экономическая литература. Избранные произведения. М., 1958, с. 104.

⁴ См. там же, с. 106—107.

по ее поводу, высказались — как в легальной, так и в нелегальной и заграничной печати. Из этих отзывов особенно примечательны выступления Герцена в «Колоколе» (статьи «Молодая и старая Россия», «Журналисты и террористы») и авторов прокламации «Предостережение». «Говорить чужими образами, звать чужим кличем,— писал Герцен, считая «Молодую Россию» произведением «юношей-фанатиков»,— это непонимание ни дела, ни народа; это — неуважение ни к нему, ни к народу. Ну есть ли тень вероятия, чтобы народ русский восстал во имя социализма Бланки...» «Децентрализация — первое условие нашего переворота, идущего от нивы, от поля, от деревни. Народу надо проповедовать не Фейербаха и не Бабефа, а понятную для него религию земли»¹. «Революционная партия никогда не бывает в силах сама по себе совершить государственный переворот,— говорилось в «Предостережении».— Пример тому — многочисленные попытки парижских республиканцев и коммунистов, которые всегда так легко подавлялись несколькими батальонами солдат. *Перевороты совершаются народами...*»²

В этой полемике обнаружилось, что в утопическом социализме в России возникло бланкистское течение, получившее позднее в народничестве развитие в лице так называемого русского якобинизма (или «бланкизма») П. Н. Ткачева. В ней вместе с тем более отчетливо выявились слабые стороны и ограниченность «крестьянского социализма», особенно уязвимость позиции тех его выразителей, которые ожидали народной революции в ближайшем будущем.

Когда же ожидаемого летом 1863 г. народного восстания не произошло и через год было подавлено восстание в Польше, Литве, Белоруссии и на Украине, эта уязвимость стала приобретать кризисные черты. Вместе с фактическим свертыванием деятельности подполья, с прекращением «прокламационной войны» с самодержавием, с уменьшением практической роли деятельности вольной русской прессы за границей в рядах революционеров-социалистов стали заметны явления разброда, в их мировоззрении началась сумятица идей, получившая и определенное литературное выражение в печати.

Настроения того времени — рубежа 1863—1864 гг.— получили яркое отражение, в частности, в статье М. Е. Салтыкова-Щедрина «Несколько слов о современном состоянии русской литературы вообще и беллетристики в особенности» (Современник, 1863, № 12, хроника «Наша общественная жизнь»). Там говорилось: «Предположим, читатель, что путем наблюдения, размышления и размена

¹ Колокол, 1862, № 23, с. 12—13.

² Цит. по: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961, с. 275. Правда, авторы «Предостережения», объявляя себя людьми, любящими «народ настолько, чтобы не покинуть его, когда он сам, без нашего возбуждения ринется в борьбу», умоляли публику, чтобы она помогла им в их «заботах смягчить готовящееся в самом народе восстание», ибо, писали они, «нам жаль образованных классов; просим их уменьшить грозящую им опасность» (см. там же).

мыслей ты дошел до некоторых положений, совокупность которых составляет твой так называемый идеал. Предположим даже, что это... идеал поистине честный, могущий дать действительное мерило для оценки явлений. Обладая своим сокровищем, ты мыслишь идти твердой стопой по жизненному пути... Но увы! практика на каждом шагу разбивает твой идеал, и даже не идеал собственно, а, что всего обиднее, разбивает его отношения к действительности. ...С разбитием идеала примириться можно... но примириться с бессилием, но признаться себе, что сам-то я молодец, да вот руки, ноги у меня связаны, не позволяет ни самолюбие, ни здравый смысл... «Господи! да где я? да что со мной делается?» — придется беспрестанно восклицать каждому искателю идеалов в этом море яичницы, каковым представляется жизнь, не выросшая еще в меру естественного своего роста»¹.

Условия для осуществления идеала в действительности (конечно, имеется в виду социалистический идеал и российская действительность) еще не созданы — таков один из итогов размышлений Салтыкова-Щедрина. Ставя вопрос: «Нет ли в самой жизни чего-то такого, что ставит разделяющую черту между идеалами человека, с одной стороны, и практической, живою его деятельностью, с другой?»² — публицист на ряде примеров подводил читателей к признанию того, что «бывают такие моменты в истории человечества, когда массы самым странным и грубым образом ошибаются насчет своих собственных интересов, когда они являют собой жалкую зависимость и самое горькое неразумие», и что «в это время многое упраздняется, а преимущественно упраздняются именно те представления и понятия, которые заключают в себе семя жизни и залог общественного прогресса»³. Считая, что «семя это не может до конца погибнуть», что оно «сохраняется в меньшинствах», вынужденных идти как бы наперекор мнению народных масс, Салтыков-Щедрин полагал тем не менее, что в его время, при данных условиях «всякое поползновение создать что-либо целое и гармоническое должно сопровождаться постоянною неудачей и что попытки этого рода могут представлять лишь искомое, которого достижение составляет задачу более или менее отдаленного будущего»⁴. Как видим, вывод, к которому приходит мыслитель, отличается суровой трезвостью, но в том-то и дело, что эта реалистическая трезвость никак не могла удовлетворить большинство его современников-социалистов.

В январе 1864 г., обращаясь к той же проблеме в статье «Естественное и народная экономия» (Русское слово, 1864, № 1), А. П. Щапов утверждал: «...в литературе нашей одни идеалы сменяются другими, одно направление быстро чередуется с другим.

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Литературная критика. М., 1982, с. 82.

² Там же, с. 83.

³ Там же, с. 85.

⁴ Там же, с. 85, 87.

Каждая новая книжка журнала приносит в провинцию разнообразные и глубокие идеи, которые так и остаются идеями, без всякого приложения к жизни. Жизнь тащится сама по себе, а надежды и стремления мыслящих людей — сами по себе... Подумаешь да взглядишься... и невольно задаешься вопросами: да в идеалах ли, в теориях ли заключается та искомая сила, которая должна пробудить и обновить громадный мир русского народа?.. Пора уничтожить этот вредный, неестественный дуализм умственный и бытовой, эту, так сказать, аристократию мысли, знания, просвещения — в меньшинстве, отрешенном от дела народного, и эту демократию невежества, суеверия и рутины — в громадных массах работающего люда, не знающего и не понимающего идей и теорий меньшинства. Если оставить это раздвоение в обществе и на будущее время, то светлой силе меньшинства будет постоянно противодействовать темная сила большинства, и всякое движение вперед сделается невозможным»¹. Следовательно, проповедуя идеалы и идеи в меньшинстве, нужно «скорее открывать и указывать и практические пути и способы для развития и распространения реального просвещения в рабочих массах»². Такую задачу ставит Шапов.

Еще два года назад он в духе общинного крестьянского социализма писал (в статье «Сельская община» — Век, 1862, № 1—6): «Пора, пора!.. Нам, разъединенным сословными предрассудками и ненавистями, разрозненными отвлеченными теориями... нам нужен освежительный, оживляющий, примиряющий дух мира, мирской социальной жизни, мирского социализма... Нам нужен крестьянский мирской такт, артельный дух, мирской ум-разум и умение в устройстве, деловодстве наших ассоциаций»³. Теперь же Шапов утверждает, что «не идеалы и, вообще, не теоретический путь, а экономический утилитаризм есть, на первой поре, лучший путь для того, чтобы мало-помалу ввести рабочие массы в естественнонаучную область реализма»⁴. Он проповедует о том, что нужны фабрики и заводы, устроенные на рациональных, естественнонаучных основах, с училищами при них, разнообразные экономические ассоциации. По его мнению, никакими историко-юридическими и административными мерами нельзя добиться того, чтобы «не было бедных, голодных и, следовательно, неразвивающихся людей»; это возможно лишь с помощью «естественнонаучных ключей и руководств к разнообразным кладовым и мастерским экономии природы»⁵. Теперь уже не «Пора, пора!» восклицает Шапов, а нечто совсем иное: «работы этой хватит на несколько веков», но «без этой страдной работы мы не выйдем из этих болот, над которыми блещут блуждающие огоньки, освещающая собою непроглядную тьму и тину, лежащую на дне...»⁶.

¹ Цит. по: Шестидесятники. М., 1984, с. 358.

² Там же.

³ Цит. по: Народническая экономическая литература, с. 114—115.

⁴ Шестидесятники, с. 359.

⁵ Там же, с. 364—365.

⁶ Там же, с. 359.

А вот какотреагировал на сложившуюся ситуацию Д. И. Писарев: «Конечная цель лежит очень далеко, и путь тяжел во многих отношениях,— писал он в статье «Цветы невинного юмора» (Русское слово, 1864, № 2),— быстрого успеха ожидать невозможно; но если этот путь к счастью, путь умственного развития, оказывается необходимым, единственно верным путем, то это вовсе не значит, чтобы исключить из истории все двигатели событий, кроме опытной науки. Народное чувство, народный энтузиазм (читай: народная революция.— Авт.) остаются при всех своих правах; если они могут привести к цели быстро, пускай приводят»¹. Последнее уточнение — это уже в адрес М. Е. Салтыкова-Щедрина, который в № 1 «Современника» за 1864 г. упрекнул сотрудников «Русского слова» в том, что они признают только путь опытной науки.

Полемика между «Современником» и «Русским словом», развернувшаяся после спада революционной волны, полемика, в которой обе стороны обвиняли друг друга в отступлении от идей Н. Г. Чернышевского, была наглядным и самым серьезным проявлением в легальной печати кризиса в утопическом социализме России середины 60-х годов. Не стоит думать, будто полемизировали какие-то два противостоящих друг другу направления в революционной демократии, персонифицированные в сотрудниках этих двух журналов. Линия раздела пролегла не только между этими печатными органами, но и через них, отделяя социалистическое течение в общественной мысли в России, с одной стороны, от либерализма, а с другой — от иллюзий скорого и сравнительно легкого социалистического преобразования в России.

Эта полемика знаменовала собой тенденцию к трезвому социальному реализму, наиболее ярко выраженную Д. И. Писаревым, у которого к тому же отсутствовали такие неперенные атрибуты народничества, как безусловная вера в социалистические потенции крестьянства, в общинный уклад сельской жизни как зародыш социализма и т. п. В этом отношении Писарев развивал реалистическую линию Н. Г. Чернышевского. «Местные и временные условия нашей русской жизни,— писал он в статье «Нерешенный вопрос» (Русское слово, 1864, № 10),— заявляют свои определенные требования, и русский реалист не может оставлять их без внимания»².

В сущности, ту же мысль выразил Н. А. Серно-Соловьевич в письме к А. И. Герцену и Н. П. Огареву из Алексеевского равелина Петропавловской крепости (написано в первой половине 1864 г.): «На общее положение взгляд несколько изменился. Почва болотистее, чем думалось... Дитя (т. е. социальная революция.— Авт.) будет, но должно созреть,— продолжал Серно-Соловьевич.— Это досадно, но все же лучше иметь ребенка, чем ряд выкидышей. Природа вещей не уступает своих прав. Но в умственном мире ее можно заставить работать скорее или медленнее»³.

¹ Писарев Д. И. Соч. М., 1955, т. 2, с. 364.

² Там же, т. 3, с. 68. Настоящее, авторское название статьи: «Реалисты».

³ Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма. М., 1963, с. 265.

Вот эта тенденция «заставить работать скорее» (конечно, скорее, а не медленнее) «в умственном мире», когда «дело» не ждет, рушится,— отличительная черта развития отечественной социалистической мысли в кризисные моменты освободительного движения. Она проявилась не только в легальной печати, но и в литературной деятельности эмиграции. Особо острое выражение она получила в спорах А. И. Герцена с деятелями так называемой молодой эмиграции¹, добивавшимися превращения «Колокола» в общеэмигрантский орган, не только теоретический и пропагандистский, но и организующий революционное движение в России.

Здесь уместно отметить, что не просто массовая, но все более внутренне организованная *российская революционная и социалистическая эмиграция* (ставшая затем постоянным фактором в освободительном движении России вплоть до 1917 г.) образуется именно в это время. Представители «молодой эмиграции», собравшиеся в декабре 1864 г. на съезд в Женеве (А. А. Серно-Соловьевич и др.), упрекали Герцена (он участвовал в этом съезде) в уступках либерализму, в политической непоследовательности, противопоставляя его Чернышевскому. При этом многие из «молодых штурманов будущей бури», как называл их Герцен², особенно их вожаки (А. А. Серно-Соловьевич, Н. И. Утин), не отличались пониманием сути позиции Герцена вообще, не замечали положительных сдвигов в его деятельности в направлении к революционному решению социального вопроса в России. «В некоторых случаях они были отвлеченно правы,— замечал Герцен,— но сложного и запутанного процесса уравнивания идеала с существующим они не брали в расчет и, само собой разумеется, свои мнения и воззрения принимали за воззрения и мнения целой России»³.

Один из представителей революционных «птенцов» (выражение Герцена) — Н. Я. Николадзе в письме из Парижа от 12 июня 1865 г. просил Н. П. Огарева принять «к сведению»: «...молодое поколение, проникнутое мыслью о необходимости общественной инициативы и самостоятельности... не было удовлетворено вами...». Но как его удовлетворить? «Для этого нужны не только «исторические монографии» и «теоретические статьи», а прежде всего и главное всего, так сказать, «учебники»...», ибо, по словам Николадзе, разночинная молодежь «действует по инстинкту, потому что в непроницаемой тьме, в которой она находится, иначе почти и невозможно действовать»⁴.

¹ Подробнее об этом см.: Козьмин Б. П. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» в его книге: Из истории революционной мысли в России. Избр. труды. М., 1961; Рудницкая Е. Л. Русская революционная мысль. Демократическая печать 1864—1873. М., 1984.

² См.: Герцен А. И. Собр. соч., т. 11, с. 341.

³ См. там же.

⁴ Литературное наследство. М., 1955, т. 62, с. 408, 409.

Подобный этому революционно-утилитарный, узкопрагматический подход к социалистической теории отличал многих социалистов-практиков. Для них прежде всего и были написаны «Частные письма об общем вопросе» Н. П. Огарева и работа Л. И. Мечникова «Прудонova «Новая теория собственности»¹, проникнутые идеей «общинного социализма» в противовес западноевропейскому. Модели «русского социализма», выдвинутые Огаревым и Мечниковым, предвосхищали в известной мере идеи позднейшего народничества с его отрицанием буржуазного характера развития России.

Но, пожалуй, более всего революционной молодежи в самой России импонировали в то время идеи Чернышевского из романа «Что делать?», давшего толчок новым поискам и в теории, и в социалистическом движении. Как призыв к ним звучали его слова: «...ты знаешь будущее. Оно светло, оно прекрасно... Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести»².

Таким призывом заканчивался рассказ светлой красавицы из «Четвертого сна Веры Павловны» — рассказ о чудесном грядущем царстве, где «всякое счастье, какое кому надобно», где «все живут, как лучше кому жить», где «всем и каждому — полная воля, вольная воля»³. А написал эти слова один из самых трезвых мыслителей России XIX в., многократно и зло иронизировавший по поводу всяких «фантазий» и «идиллий» относительно устройства общественного быта!

После опубликования романа в «Современнике» (1863, № 3—5) в жизненный обиход разночинной молодежи бурно стали входить различные формы производственных артелей и товариществ, бытовых коммун. Наиболее известной из последних была так называемая знаменская коммуна в Петербурге, организованная сотрудничеством «Современника» — писателем В. А. Слепцовым, бывшая предметом многочисленных издевок реакционной печати. Удивляться тут не приходится, ибо все это «коммунальное движение» в России 60-х годов расценивалось и самими его участниками, и системой политического надзора как практическое осуществление социалистических и коммунистических идей.

Идея коммун (артелей) нашла широкое воплощение в деятельности революционной организации Н. А. Ишутина — И. А. Худякова, самой крупной организации подполья середины 60-х годов. Ей принадлежат попытки осуществления коммуны наборщиц,

¹ Колокол, 1866, л. 218, 219, 221, 225, 226 (от 15 апреля, 1 мая, 1 июня, 1 и 15 августа).

² Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч., т. 11, с. 283—284.

³ Там же, с. 283.

переплетной артели, швейной мастерской, ватной фабрики на артельных началах, издательской артели. Замыслили также ишутинцы организацию артельного завода и создание сельскохозяйственной ассоциации. Некоторые из осуществленных ими артелей вместе с бесплатными школами активно использовались в целях социалистической пропаганды и для прикрытия конспиративной деятельности¹.

С данным артельным движением, размеры которого и, главное, коммунистическое содержание вряд ли стоит преувеличивать, естественно, сопрягался большой интерес, который передовая российская журналистика проявляет в это время к производственным и потребительским ассоциациям на Западе, в частности к социальному эксперименту Р. Оуэна в Нью-Ленарке. Достаточно указать на статью Н. В. Шелгунова «Рабочие ассоциации» (Русское слово, 1865, № 2 и 11), дававшую обзор такого рода попыток, и статью Г. Е. Благосветлова о Р. Оуэне (Русское слово, 1865, № 11).

Вообще, примерно с 1863 г. в социалистической журналистике начинается новая волна переосмысления опыта Западной Европы, особенно по экономическим вопросам. Вместе с тем вновь предпринимаются попытки экономического обоснования социализма. В этом отношении особый интерес представляют статьи Н. В. Соколова и П. Н. Ткачева.

IX

Репрессивные меры, немедленно последовавшие за неудачным покушением ишутинца Д. Каракозова 4 апреля 1866 г. на царя Александра II, прервали начавшийся было подъем социалистического движения в России. Высоко вверх поднимается волна «белого террора», символизируя разгул крайней реакции. Прекратила существование организация Н. А. Ишутина — И. А. Худякова, были закрыты журналы «Современник» и «Русское слово», начались разногласия в эмиграции, сначала был приостановлен, а затем и вовсе прекращен выпуск «Колокола», революционное подполье фактически вернулось к прежней кружковщине, на уровень студенческих землячеств. Попытки создания более крупных организаций, как, например, «Рублевое общество» Ф. В. Волховского и Г. А. Лопатина, очень быстро пресекались правительством.

В 1866—1874 гг. в социалистическом движении и социалистической мысли начинают все больше и резче заявлять о себе процессы дифференциации: внутри российского социализма возникают и все сильнее размежевываются между собой различные течения, вступающие подчас в непримиримые отношения друг к другу. На фоне упадка революционного подполья, свертывания форм

¹ Подробнее см.: Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965, гл. IV и V.

и понижения уровня социалистической пропаганды возникают такие явления, как «нечаевщина» и анархизм М. А. Бакунина. На рубеже 60 — 70-х годов вполне оформилось народничество и стало господствующим направлением и освободительного движения, и революционно-социалистической мысли. Главные его идеологи — М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, В. В. Берви-Флеровский и Н. К. Михайловский — как раз в это время выступили с трудами, в которых достаточно определенно выявилось своеобразие их теоретических позиций. Распространение их идей сопровождало начавшийся вскоре новый подъем революционного движения. Этот новый натиск на самодержавие приобрел характер массового «хождения в народ» в 1873—1874 гг. Такова общая схема развития социалистической мысли в 1866—1874 гг.

Было бы совершенно неправильно на основании этой схемы делать заключение о том, что на первом этапе этого периода, от выстрела Каракозова до Парижской коммуны и процесса «нечаевцев», в 1866—1871 гг., в развитии социалистической мысли имел место какой-то застой или даже попятное движение. Скорее, независимо от субъективных желаний ее ведущих представителей и рядовых сторонников, она стала получать несколько иное направление в своей эволюции. На место старого крестьянского социализма Герцена и Чернышевского, концептуально цельного и богатого, но теоретически абстрактного, стали приходить теории социализма нового, «действенного народничества»¹, в котором общетеоретические концепции старого народничества конкретизируются в программы непосредственного социального действия². Несколько упрощая и огрубляя реальную ситуацию, можно даже сказать, что именно во второй половине 60-х годов происходит кризис старого народнического социализма, проявившийся, между прочим, в уже упомянутой полемике деятелей «молодой эмиграции» с Герценом по конкретным вопросам социального развития России, соотношения социальных и политических задач революционного движения и т. д.

Крайне интересно, что у некоторой части революционной разночинской молодежи неудовлетворенность наличными социалистическими учениями проявилась в своеобразной тоске по теории, так удачно выраженной одним из деятелей «молодой эмиграции», Н. И. Жуковским, в письме к Огареву от сентября 1867 г. Он предлагал свою собственную программу издания «Полярной звезды», призванной, по его мнению, служить органом по разработке теории социализма. Цель журнала, считал Жуковский, должна состоять в разработке того, о чем нужно думать и что нужно узнать, «чтобы с успехом послужить крестьянской революции». Это значит: разъяснить историю «всех учений социализма», «построить целую систему

¹ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 22, с. 304—305.

² Подробнее см.: Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973.

жизни социальной на русской общине» и показать «практические попытки Запада, т. е. ныне действующие в Европе ассоциации. Их устройство, их успехи, неуспехи»¹.

Однако соглашение с Герценом и на этот раз не состоялось. Не сразу был удовлетворен и запрос на новую — в смысле: возможно более конкретную, практически-прикладную — теорию социалистического преобразования России, но работа уже велась и в России, и за границей. В России с 1867 г. — публицистами нового журнала «Дело» Г. Е. Благосветлова, с 1868-го — преобразованных «Отечественных записок» Н. А. Некрасова и газеты «Неделя» Н. С. Курочкина и П. А. Гайдебурова. За границей наряду с изданиями Герцена и Огарева — в новых печатных органах эмиграции: «Подпольном слове» М. К. Элпидина и Н. Я. Николадзе (1866), «Современности» Н. Я. Николадзе и Л. И. Мечникова (1868), «Народном деле» Н. И. Утина и др. (1868—1870).

Крушение надежд сначала на стихийные, самостийные народные восстания, а затем и попыток вызвать их в крестьянской среде путем каких-то отдельных акций со стороны революционеров-разночинцев поневоле сосредоточивало работу мыслителей-социалистов конца 60-х годов в двух (впрочем, в своем общем виде уже ранее намеченных идейными вождями революционной демократии 50—60-х годов) направлениях: во-первых, в направлении изучения этого загадочного «сфинкса» — народа, его судьбы и революционных потенций и, во-вторых, в направлении подготовки, формирования и воспитания революционных кадров из среды интеллигентной, по преимуществу разночинской молодежи, которая эти потенции с очевидностью обнаружила.

Что касается первого направления, то в эти годы происходило интенсивное изучение истории массовых крестьянских движений как в Западной Европе (особенно Крестьянской войны и Реформации в Германии — статьи В. А. Зайцева и П. Н. Ткачева), так и в России (восстаний С. Т. Разина и Е. И. Пугачева, новгородского веча и раскола — статьи Н. В. Шелгунова, А. П. Щапова и С. С. Шашкова в «Деле», М. А. Бакунина и Л. И. Мечникова — в заграничной прессе). Наряду с этим предметом пристального анализа становится «народный быт», жизнь провинции, особенно в художественной литературе (Н. А. Некрасов, В. А. Слепцов, Ф. М. Решетников, Н. и Г. Успенские и др.) и в связанной с ней критике и публицистике. В эти же годы В. В. Берви во время своих ссыльных скитальчеств проводил титаническую работу по изучению положения трудящихся масс России (его высоко оцененная Марксом книга «Положение рабочего класса в России» печаталась в «Деле» частично по главам и целиком вышла в 1869 г. под псевдонимом Н. Флеровский). Необходимо отметить, что результаты всей этой работы хотя и сказались на начавшейся дифференциации различных течений социалистической мысли, не поколебали, одна-

¹ Литературное наследство, т. 62, с. 136—137.

ко, убеждений большинства социалистов в революционных потенциях крестьянства. Более того, одна из теорий «действенного народничества» — анархическая концепция М. А. Бакунина — покоилась на тезисе (с которым были согласны и ее антагонисты, сторонники якобинской, или «бланкистской», концепции), что народ является «социалистом по инстинкту и революционером по природе»¹.

В общем практически все сходились и в том, что именно революционная разночинская молодежь может и должна разбудить и развить эти социалистические инстинкты народа, дать проявиться его революционной природе.

Разногласия начинались при осмыслении вопроса, как именно это сделать — пропагандой ли социалистических идей в народе, агитацией ли к бунту против власти государства или завоеванием этой власти революционной социалистической партией; споры начинались при обсуждении проблемы, что и когда надо предпринять и какими знаниями и качествами должны обладать революционеры-социалисты.

Вокруг вопроса о характере этих знаний и качеств революционеров («реалистов» по Писареву, «новых людей» по Ткачеву и работам других публицистов «Дела») и развернулась полемика как в печати, так и в кружках разночинской молодежи во второй половине 60-х годов. Тем не менее начало студенческих волнений 1869 г. застало молодежь не подготовленной к осознанным социальным акциям. У некоторых революционеров, которые формировались в условиях глубокого подполья в период белого террора, господствовали идеи нравственного нигилизма, вседозволенности во имя революционного дела, столь характерные для анархистских выступлений Бакунина и авантюризма С. Г. Нечаева.

Среди тех, кто противостоял в то время такого рода настроениям, в России были молодые Г. А. Лопатин и М. Ф. Негрескул, ссыльный философ П. Л. Лавров, а за границей — Герцен. Его письма «К старому товарищу», ставшие политическим завещанием мыслителя, всего ярче запечатлели его раздумья последних лет жизни о сущности социализма и революции, о возможности и исторической роли их превращенных форм, о принципиальной теоретической порочности и практической вредности квазиреволюционности и псевдосоциализма.

Это произведение имеет своим адресатом революционный авантюризм и анархизм Бакунина. Вместе с тем «К старому товарищу» — это еще и завет непримиримой борьбы с идеями казарменного коммунизма. Опасность этих явлений Герцен почувствовал еще в Западной Европе в середине XIX в. и вполне осознал, познакомившись с тем, что впоследствии получило название «нечаевщины».

¹ Бакунин М. А. Избранные сочинения. Пг.— М., 1920, т. 3, с. 112. Ср.: Ткачев П. Н. Избранные сочинения. М., 1933, т. 3, с. 90—91.

Характерно: Нечаев с порога отрицал «лживую экономическую науку», кабинетные измышления «авторитетных умников» и одновременно занимался самой откровенной и целенаправленной фетишизацией «политической мудрости» неграмотного народа. На самом деле, утверждал Нечаев, то, что называется социализмом, не есть нечто новое. Это те стремления, что всегда и везде были присущи массам, для осуществления их только и подымался народ. Мужики всегда и везде вставали, чтобы стереть с лица земли сильного, гнетущего, будь он капиталист или барин. Конечно, мужики никогда не занимались измышлением форм будущего общинного быта, но тем не менее они по устранению всего, мешающего им (т. е. после всеразрушительной революции, первого дела, а потому для нас теперь самого главного), сумеют устроиться гораздо осмысленней и лучше, чем то, что может выйти по всем теориям и проектам, писанным доктринерами-социалистами, навязывающимися народу в учителя, а главное, в распорядители ¹.

С сознательным отказом от формирования ясной положительной платформы, четкого понимания будущего прямо связана беспринципность и идейная неразборчивость Нечаева, его неумение, точнее, нежелание отличать подлинные социальные ценности от мнимых, гуманизма от антигуманизма. Нечаев, в сущности, цинично, но вполне убежденно внушал своим соратникам: «Любить народ — значит вести его под картечь» ². В статье «Главные основы будущего общественного строя» Нечаев декларировал: «Выход из существующего общественного порядка и обновление жизни новыми началами может совершиться только путем *сосредоточения всех средств... в руках нашего комитета и объявлением обязательной для всех физической работы*» ³.

В письмах «К старому товарищу», как бы предвидя развитие нечаевщины в самом скором времени, Герцен в качестве одного из главных объектов своей критики избирает именно извращенное представление о социализме и путях к нему. Он пишет о невозможности и недопустимости строить новые, социалистические формы жизни посредством насилия — и в этом его существеннейшее отличие от многих предшествовавших ему домарксистских и немарксистских социалистов. «Не начать ли новую жизнь с сохранения социального корпуса жандармов?» ⁴ — иронически обращается Герцен к продолжателям линии бабуизма в современной ему общественной мысли.

Одна из важнейших идей писем «К старому товарищу» — о созидательном, творческом характере грядущей социалистической революции. Дело не только в том, что она есть прежде всего экономи-

¹ Цит. по: Сватиков С. Г. Студенческое движение в 1869 году. — Наша страна. Исторический сборник. СПб, 1907, с. 238.

² Цит. по: Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. М., 1923, кн. 1, с. 27.

³ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 413.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч., т. 20, с. 585.

ческий переворот — это для Герцена своего рода социальная азбука. Дело главным образом в том, что социализм, точнее, вводящий его в мир революционный переворот «должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего бывшего ижитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании»¹.

Мы не станем детальнее раскрывать содержание этой герценовской работы, высоко оцененной В. И. Лениным². Скажем только, что этот замечательный труд — труд-предупреждение, труд-предостережение не нашел понимания даже у Огарева³ и был встречен в штыки С. Нечаевым, противившимся его опубликованию. Не нашел он должного приема и у многих социалистов последующих поколений, трактовавших задачу социализма уже и беднее того, как раскрывал ее Герцен.

В условиях, когда на рубеже 60—70-х годов русская революционная эмиграция входила в широкие контакты с международным социалистическим движением (в том числе принимая активное участие в деятельности I Интернационала и впоследствии в боях Парижской коммуны), анархистские идеи Бакунина, его совместная деятельность с Нечаевым нанесли значительный вред не только российскому, но и международному рабочему движению. Раскольническая политика Бакунина и созданного им тайного «Альянса» в I Интернационале, беспардонный авантюризм Нечаева, выдававшего себя за агента Интернационала, отняли значительные силы этой организации на борьбу с их влиянием.

Разоблачение К. Марксом и Ф. Энгельсом псевдосоциализма и псевдореволюционности левацких доктрин Бакунина и Нечаева, работы основоположников научного социализма, посвященные развитию России и ее революционному движению, имели для последнего и, в частности, для развития отечественной социалистической мысли большое значение. В тесном контакте с Марксом и Энгельсом работали деятели Русской секции I Интернационала Н. И. Утин, А. Д. Трусов и др., которые, хотя и не смогли подняться до научного социализма (оставаясь в целом в рамках народнического мировоззрения), все же немало сделали для его пропаганды и для борьбы с влиянием Бакунина и Нечаева.

Что касается развития социалистического движения в самой России с начала 70-х годов, то его деятели находились здесь под

¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. 20, с. 581.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

³ Даже и после смерти Герцена, который в письмах от 20 и 23 сентября 1869 г. высказывал сожаление, что не напечатал «К старому товарищу» (см.: Герцен А. И. Собр. соч., т. 30, ч. I, с. 197, 198), Огарев считал публикацию этой статьи несвоевременной.

значительным влиянием бакунинского варианта народнического социализма. Свою работу в народе, составлявшую существенный прогресс и завоевание социалистического движения этого этапа, они строили в иллюзорной надежде поднять народ на восстание, взбунтовать его. Влияние идеологии бакунизма заметно и на программе самой крупной организации революционеров-социалистов начала 70-х годов — организации чайковцев, или «Большого общества пропаганды» (члены организации впервые выдвинули и осуществили идею «хождения в народ»), написанной будущим вождем анархизма П. А. Кропоткиным («Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?», 1873 г.). Наряду с проектом общинного, «безгосударственного» самоуправляющегося строя будущего России она содержала идеи строгой регламентации внутриобщинных отношений. Чайковцы, которые, как и некоторые другие кружки того времени (долгушинцы, например), отвергая нечаевщину, не замечали близости идейных платформ Нечаева и Бакунина.

Заметно влияние бакунизма и на массовое «хождение в народ»¹. «Расцветом действенного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов»², — писал В. И. Ленин. «Хождение в народ» охватило 37 губерний в течение 1874—1875 гг. Число арестованных и привлеченных к дознанию достигло 4 тыс. человек. Это движение, имевшее целями социалистическую пропаганду и народное восстание, было стихийным, неорганизованным.

Однако ошибочно считать, что «хождение в народ» теоретически было подготовлено лишь идеями Бакунина. Субъективная социология П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, их «формулы прогресса», близкая им этико-философская концепция В. В. Берви-Флеровского (равно как и некоторые статьи и работы П. Н. Ткачева) оказали на них не меньшее влияние. Так что у истоков движения «блестящей плеяды революционеров 70-х годов», как их называл В. И. Ленин³, стояли все главные теоретики народничества.

Как раз накануне «хождения в народ» за границей появились программные манифесты главных теоретиков революционного народничества: «Прибавление А» к «Государственности и анархии» М. А. Бакунина (1873), программа журнала «Вперед!» П. Л. Лаврова (1873) и «Задачи революционной пропаганды в России» П. Н. Ткачева (1874). Не случайно, что все эти работы обнаруживали при арестах участников «хождения в народ», которые уже в ходе движения стали разделяться на сторонников той или иной программы.

С выходом названных выше работ Бакунина, Лаврова и Ткачева главные идейные основы трех направлений революционного

¹ О нем подробнее см.: Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1972.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 304.

³ См. там же, т. 6, с. 25.

народничества — бакунистского, или бунтарского, анархистского; лавристского, или подготовительного, пропагандистского; ткачевистского, или заговорщического, «бланкистского», — определились окончательно. Между их сторонниками началась длительная полемика на страницах издаваемых ими заграничных органов печати («Вперед!», «Работник», «Набат» и др.), в ходе которой происходила «притирка» отстаиваемых ими доктрин к нуждам революционного движения в России.

X

Теоретические позиции трех направлений народничества 70-х годов достаточно полно представлены в хрестоматии основными работами их идеологов — Бакунина, Лаврова и Ткачева, — ясность и категоричность высказываний которых дает возможность исключить их толкование со страниц настоящей вступительной статьи. В этих работах легко заметить как общие, так и особенные трактовки ими проблем социализма.

Общим для них было понимание социалистического идеала как в целом, так и применительно к России, идеала, ждущегося на крестьянской общине (распространенной и на города, на всю систему социальных отношений); общими были основы критики капитализма (независимо от того, признавалась ли или нет историческая прогрессивность его как строя применительно к Европе); общим было признание капиталистического развития регрессом по отношению к России; общим было понимание социальной революции как крестьянской революции; общими были задачи уничтожения монархии и феодальных отношений и т. п. Конечно, здесь, в этих общих положениях, теоретики народничества были наименее оригинальны по отношению к идеям общинного социализма, развитым еще Герценом и Чернышевским. Ф. Энгельс справедливо указывал на эту неоригинальность в полемике с Ткачевым¹, вскрывая несостоятельность общинных иллюзий последнего сравнительно с научным социализмом, доказывая, что источник этих иллюзий — в общинном социализме Герцена. Да, это были иллюзии, но в условиях крестьянской страны, еще только вступающей на путь капиталистического развития, они сближали семидесятников с социалистами 60-х годов на почве революционного демократизма, воодушевлявшего революционеров на борьбу. Эту относительную прогрессивность утопических идеалов революционного народничества и отмечал В. И. Ленин, когда, отвечая нападавшему на них либеральному народнику С. Н. Кривенко, писал: *«Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции, — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на героическую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов*

¹ См.: Энгельс Ф. О социальном вопросе в России. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18.

в том, что они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти»¹.

Тем не менее для истории утопического социализма в России представляет наибольший интерес то новое, что внесли теоретики народничества 70-х годов в разработку теории социализма, то, в чем они были наиболее оригинальны. Оригинальность же их началась как раз в тех пунктах программ, которые разделяли три направления в народничестве. А расхождения между ними начинались тогда, когда они переходили к трактовке не только существа той революции, которая должна привести Россию к социализму, но и, что особенно важно, к изысканию путей и средств ее осуществления применительно к тем социально-политическим условиям, в которых приходилось действовать революционерам-социалистам. Здесь, в полемике, несмотря на издержки, связанные с такого рода борьбой, и во многом благодаря ей происходила разработка ряда важных вопросов социалистической теории, которые в той или иной степени сослужили службу социалистическому движению как в то время, так и в последующие годы.

Если говорить о главном, что внесли теоретики революционного народничества 70-х годов, то это *разработка теории социальной революции*. Впервые в истории утопического социализма в России проблемы революции и социализма разрабатывались в единстве и всесторонне, на основе изучения опыта революционного движения как в России, так и в Европе, а в последней особенно деятельности I Интернационала и Парижской коммуны. Народ и революция (с соответствующей детализацией: революция и крестьянство, революция и фабричные рабочие, революция и интеллигенция и т. п.), революция и экономическое развитие России, экономическая (социальная) и политическая революции, революция и государство, революционная партия и революция, знание и революция, революция и мораль, революция и религия, революция и национальный вопрос и т. п., вплоть до мельчайших подробностей, что нужно делать революционерам накануне, в ходе и на другой день после революции, — таков далеко не полный перечень проблем, обсуждавшихся со всей тщательностью в печати, в революционных кружках на протяжении всех 70-х и в начале 80-х годов (кстати, этот перечень почти дословно повторяет названия статей в народнической печати, разве что иногда вместо слова «революция» стояло слово «социализм» и т. д.).

При этом и отрицательный и положительный результаты этой разработки проблем революции и социализма были, хотя и в разной степени, полезны, так как детальная разработка и, добавим, забегая вперед, испытание на практике даже отрицательных результатов отсекали тупиковые пути и тем самым служили уроком для последующих поколений революционеров-социалистов. Не разби-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 271.

рая всех вопросов разработки теории революции, укажем в качестве примера на отрицательный эффект анархистской проповеди Бакуниным немедленной отмены государства. С одной стороны, она привела к длительному и упорному отказу большинства революционеров-социалистов от всякой политической борьбы, нанесшему серьезный вред социалистическому движению, с другой стороны — к положительной постановке и серьезной разработке вопроса о необходимости государственной власти в период революции и последующей революционной диктатуры, осуществленных антагонистами Бакунина — Лавровым и Ткачевым и реализованных впоследствии в политической практике партии «Народная воля». Равным образом требование упразднения религии, выдвигавшееся тем же Бакуниным и сочетавшееся у него с признанием раскольников, сектантов и других религиозных фанатиков в качестве одной из главных движущих сил революции, в отрицательном смысле подготовило почву для своеобразного рецидива религиозного социализма и даже сектантства среди революционеров¹, порожденного, особенно в период «хождения в народ», стремлением согласовать идею социализма с мироощущением и образом мышления забитого, необразованного и верующего русского крестьянства, которому, по словам В. И. Ленина, свойственны «воздыхания о божеской жизни»². В положительном же смысле оно привело потом к борьбе против подобных деформаций революционного социалистического учения³ и различных форм христианского социализма (развивавшихся, например, Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым) и к разработке важной проблемы единства социализма и атеизма (в частности, в работах П. Л. Лаврова, имеющих определенный интерес и для современного читателя).

Говоря о развитии утопического социализма в России в 70 — начале 80-х годов, мы не можем ограничиться только деятельностью ведущих идеологов революционного народничества, таких, как Бакунин, Лавров и Ткачев. Конечно, их литературная деятельность определила основные направления, или течения, в социалистической мысли и в революционном движении. Конечно, каждый из них имел своих сторонников, и в революционном подполье в России имелись, особенно в начале движения действенного народ-

¹ Например, использование религиозного облачения («религия равенства») В. В. Берви-Флеровским («О мученике Николае, или Как должно жить по закону правды и природы») и обработка этой брошюры для народа под названием «Как должно жить по закону природы и правды», 1873 г.), А. В. Долгушиным («Русскому народу», 1873 г.) и членами его кружка или пропаганда сектантского учения о «богочеловечестве» А. К. Маликовым (1874).

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 23. В другом месте он писал: «Крестьяне хотели, чтобы жизнь была по справедливости, по-божьи, не зная, как это сделать» (там же, т. 7, с. 371).

³ Так, например, Лавров отказался печатать брошюру для народа С. М. Степняка-Кравчинского «О правде и кривде» (1875 г., вышла в типографии «Работника» в Женеве), поскольку она «опирается на прославление христианства (первобытно-го), как социалистического учения» (Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы в 2-х т. Дордрехт — Бостон, 1974, т. 1, с. 326).

ничества, кружки бакунистов, лавристов или ткачевистов. Конечно, их программы в определенной степени служили основой программ движения, но уже со значительными оговорками. Основой социалистического движения и его главной характерной чертой со времени «хождения в народ» являлись *программы революционных организаций*. В них заключались, концентрировались цели движения, его идеология, его организационные формы, политическая линия, характер деятельности и поведения каждого его члена. В этом смысле без особенного преувеличения можно сказать, что история социалистической мысли 1875—1881 гг. есть история программ революционных организаций и их органов печати, и среди них таких крупнейших, как вторая «Земля и воля» и ее преемник — «Народной воли» и «Черного передела».

Вокруг программ революционных организаций как их спутники в 70-е годы появились и другие виды социалистической пропаганды, определившие облик социалистической мысли того времени, и среди них особое место занимает социалистическая *литература для народа*, получившая бурное развитие со времени «хождения в народ», когда революционеры-социалисты приступили к непосредственной работе в народе. Ее писали сами участники движения, такие, как С. М. Степняк-Кравчинский, Л. Э. Шишко, Л. А. Тихомиров, И. Н. Мышкин, А. И. Иванчин-Писарев, З. К. Ралли-Арборе, В. Е. Варзар и другие выдающиеся пропагандисты. Использовалась и легальная литература.

Но крестьянин по неграмотности мало читал книги, пусть даже народные. Чтецами выступали сами пропагандисты. Серьезным завоеванием социалистического движения народничества была *устная пропаганда* социалистических и революционных идей, имевшая различные формы: от «летучей пропаганды» (из села в село) до систематических кружковых занятий, имевших успех особенно в рабочей среде.

В 70-е — начале 80-х годов изменилась и социальная база движения. Наряду со студенчеством и вообще представителями социалистической интеллигенции в революционное движение вступают представители рабочих и даже крестьян. Более того, подъем рабочего движения привел не только к все большему вниманию народнических организаций к социалистической пропаганде в рабочей среде (ей уделялось особое внимание в «Земле и воле» и в «Народной воле»), но и к возникновению самостоятельных рабочих организаций, какими были «Южно-российский союз рабочих» (1875), устав которого создавался под сильным влиянием I Интернационала, и «Северный союз русских рабочих» (1878—1880 гг.).

Внешняя история социалистического движения и социалистической мысли в рассматриваемый период наиболее ярко выражена в деятельности уже упомянутых трех самых значительных организаций народников — «Земли и воли» (1876—1878 гг.), «Народной воли» и «Черного передела» (1879—1882 гг.). Она широко известна

из исторической и художественной литературы, «Земля и воля», организацию которой В. И. Ленин называл «превосходной»¹, учитывая уроки неудачи «хождения в народ», приступила к длительной подготовительной работе в народе, сначала путем поселений в крестьянской среде, затем путем подготовки кадров для социалистической работы из рабочих, которые, как считали землевольцы, лучше сойдутся с крестьянами, чем интеллигентная молодежь. Однако и эти виды социалистической деятельности не давали ощутимых результатов. Постепенно землевольцы стали приходить к пониманию необходимости политики и часть из них переходить к непосредственной политической борьбе. В 1878 г. в рядах «Земли и воли» наступил идейный кризис, парализовавший ее деятельность и приведший в 1880 г. к окончательному расколу на две организации: «Народную волю» и «Черный передел». Последующая история социалистического движения фактически сводилась к единоборству «Народной воли» с самодержавием в ходе второй революционной ситуации².

Поражение «Народной воли», резкий спад практического революционного движения после событий 1 марта 1881 г., неудача ряда попыток создать новую организацию народников — все это означало, что домарксистский социализм в качестве главного знамени освободительной борьбы вполне исчерпал себя.

Дополнительно это демонстрируется еще и тем фактом, что очень многие представители этого социализма, в сущности отказываясь от собственного народничеству субъективистского понимания истории, пытались так или иначе вклучить в свои теории отдельные положения марксизма, научного социализма. Это хорошо видно и при обращении к произведениям Лаврова, Бакунина, Ткачева, а также таких публицистов начала 80-х годов, как Н. С. Русанов, с одной стороны, и Г. В. Плеханов — с другой.

Образование группы «Освобождение труда» знаменовало собой конец домарксистского периода развития социалистической мысли в России, смену утопического социализма научным, крестьянско-го — пролетарским, что, разумеется, не исключало последующей острой борьбы между ними.

* * *

Мы смогли дать здесь лишь общую схему эволюции утопического социализма в России и привести некоторые факты, иллюстрирующие эту схему. За пределами нашего очерка, как и за пределами данной хрестоматии в целом, остается еще очень значительный эмпирический материал. Но нам представляется, что из сказанного уже

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.

² О развитии социалистической мысли в России в годы второй революционной ситуации см.: Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг. М., 1969.

должно быть ясно: в целом важнейшей чертой утопического социализма в России являлось стремление связать вопрос о будущем социалистическом обществе с судьбами крестьянства, с ликвидацией крепостничества и самодержавия.

Не сводящийся, однако, к народничеству, утопический социализм в России представлял собой, как мы видели, довольно сложное, противоречивое образование.

Учитывая всю сложность и динамичность утопического социализма в России, своеобразие его как разновидности мировой утопически-социалистической мысли, следует искать все же не столько в национально-народнической, крестьянской окраске, сколько в глубине и степени разработки отечественными социалистическими мыслителями проблем, общих для утопического социализма в целом.

История утопического социализма в России, как и домарксистской социалистической мысли вообще, является наглядным свидетельством подлинно интернациональной сущности знания об обществе, его настоящем и будущем — даже и на том уровне развития этого знания, когда оно не стало еще подлинно научным.

Социализм и коммунизм, даже в своей донаучной, утопической форме,— явление несомненно интернациональное, хотя проявляется оно в своих национальных формах, выражающих исторические особенности развития тех или иных стран. Как явление интернациональное, всеобщее, оно открыто влияниям учений, родившихся на почве других стран; как явление той или иной конкретной страны, оно не только выражает своеобразные исторические потребности, но и даже сходные по типу учения вынуждено как бы рождать заново в национально окрашенных формах.

Утопический социализм в России был преодолен с победой в освободительном движении научной идеологии пролетариата, марксизма. Однако В. И. Ленин неоднократно писал о той положительной роли, которую играли в XIX в. передовые мыслители России, выступившие предшественниками российской социал-демократии.

* * *

Несколько замечаний о принципах составления хрестоматии.

1. Материал в хрестоматии сгруппирован по персоналиям, за исключением разделов «Пролог» и «Эпилог», содержащих произведения нескольких авторов, и раздела «М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы», названного так потому, что авторство представленных в нем статей из «Карманного словаря иностранных слов» не установлено вполне точно.

2. Расположение материала в хрестоматии хронологическое. Это означает, во-первых, что разделы внутри хрестоматии расположены в порядке дат опубликования или написания первых из помещенных в них произведений. При этом составители по возможности старались включать в хрестоматию тексты тех первых опубликованных произведений каждого из социалистов, в которых

его социалистические убеждения проявились наиболее явно и в характерной для него форме. Во-вторых, тексты произведений, помещенные в хрестоматию, внутри разделов печатаются в порядке их первой публикации или (в тех случаях, когда они не были опубликованы своевременно, но имели известность до этого) по установленной дате их написания или распространения.

3. В примечаниях к каждому разделу приводятся источники, по которым печатается тот или иной текст в хрестоматии. Библиографическое описание наиболее употребляемых источников дается условными обозначениями или аббревиатурой. Список условных обозначений с их расшифровкой см. в конце хрестоматии.

4. Большинство текстов печатается с сокращениями или в отрывках, что обозначается отточиями в квадратных скобках. Абзацы сохраняются.

5. Все необходимые для понимания текста вставки, сделанные составителями, даны в скобках с пометкой «Ред.». Авторские сокращения слов расшифровываются составителями (или их расшифровка воспроизводится по источнику, с которого печатается текст) в квадратных скобках, равно как недостающие или пропущенные слова. В необходимых случаях составители дают пояснения в примечаниях к текстам в конце каждого раздела хрестоматии.

6. Перевод иностранных слов и выражений, встречающихся в текстах, дается в сносках на соответствующих страницах с пометкой «Ред.». Все остальные сноски в текстах принадлежат авторам печатаемых в хрестоматии произведений.

ПРОЛОГ

Первая идея, которая запала
в нашу голову, когда мы были
ребятами,— это социализм.

Н. П. ОГАРЕВ

Сен-симонизм лег в основу
наших убеждений и неизменно
остался в существенном.

А. И. ГЕРЦЕН

Первыми русскими мыслителями, провозгласившими — в начале 30-х годов — приверженность идее социалистического переустройства общества, были А. И. Герцен и Н. П. Огарев; верность ей они пронесли через всю свою жизнь. «Социалист я не со вчерашнего дня,— писал Герцен в 1864 г.— Тридцать лет тому назад я высочайше утвержден Николаем Павловичем * в звании социалиста — *cela commence à compter*** (Герцен, т. 18, с. 277).

Возникновению утопического социализма в России предшествовали духовные искания угнетенных масс, мечтавших о свободе и равенстве, что находило выражение в произведениях фольклора, в разного рода религиозных ересьях, учениях сектантов, в документах массовых крестьянских движений. Важнейшее место в предыстории отечественного социализма занимает идейное творчество таких революционных мыслителей, как А. Н. Радищев и П. И. Пестель, их глубокие раздумья над противоречивой сущностью западных буржуазных революций. Однако только в 1832—1833 гг. в письмах и произведениях Герцена и Огарева начинает явственно проявляться — и чем дальше, тем все сильнее — устремление к новому общественному идеалу, к такому строю, который, не отвергая плодов буржуазной цивилизации, осуществит действительное, а не только формально-правовое равенство людей.

«Дети декабристов и мира нового ученики, ученики Фурье и Сен-Симона» (Огарев Н. П. Избранные произведения. М., 1956, т. 2, с. 252), Герцен и Огарев потому с таким вдохновением восприняли идеи великих французских социалистов начала XIX в.,

* Императором Николаем I.

** С этого начинается счет (франц.).— Ред.

что в начертанном ими «плане иных времен» (там же, с. 27), в их идеале новой общественной организации — «фазы гармонии», «ассоциации», «гармонического целого» — они увидели ответ на столь волновавший духовных наследников декабристов вопрос о будущем человечества; ведь уже в начале 30-х годов Герцен и Огарев не только вполне сознали историческую допотопность, крайнюю отсталость российских самодержавно-крепостнических порядков, но и пришли к выводу о коренном несовершенстве и того строя, который устанавливался в Западной Европе под лозунгами свободы, равенства и братства, но оказался на деле всего лишь компромиссом между феодализмом и свободой. Политически-правовые демократические институты капиталистического общества не смогли скрыть от глаз молодых русских мыслителей того обстоятельства, «что и в Европе [...] дела идут неладно» (Герцен, т. 8, с. 161), затмить от них «бесплодие либерализма и бессилие конституционализма» (Герцен, т. 12, с. 76), внутренние пороки буржуазного строя, его ограниченность, столь явно обнаружившуюся во время июльской революции 1830 г., в частности, в том преследовании, которому в 1832 г. подверглась в «свободной» Франции сенсимонистская школа.

Обращение Герцена и Огарева в 1832—1833 гг. к социализму как антибуржуазному социальному учению знаменовало собой начало преодоления того глубокого кризиса, в котором находилась отечественная освободительная мысль после поражения восстания декабристов. Отныне в течение полувека последовательный, революционный демократизм выступает в России, как правило, в форме утопического социализма.

В жизни молодого Герцена был один эпизод, который ярко подчеркивает смысл его обращения к идеям социализма, — идейный разрыв с историком и журналистом Н. А. Полевым. С юных лет относившийся к Полевому с большим уважением, Герцен незадолго до своего ареста познакомился с ним лично. И вот в беседах и спорах между ними остро выявилось, насколько Полевой, издатель прогрессивного по тем временам журнала «Московский телеграф», уже тогда, в начале 30-х годов, отстал от Герцена. Приверженцу буржуазно-правовых идей, Полевому социалистические идеи казались всего лишь «безумием, пустой утопией, мешающей гражданскому развитию». «Уже тогда, в 1833 году, — писал впоследствии Герцен, — либералы смотрели на нас исподлобья, как на сбившихся с дороги. Перед самой тюрьмой сен-симонизм поставил рубеж между мной и Н. А. Полевым [...] Сколько я ни ораторствовал [...] Полевой был глух, сердился, становился желчен» (Герцен, т. 8, с. 163).

Нерешенность многих проблем общественной науки, неумение Герцена и Огарева справиться с ними на пути рационального познания, их идеализм в понимании хода развития человечества, далекий отлет их социальных мечтаний от окружавшей российской действительности, а также некоторые обстоятельства их личной

судьбы — все это обусловило тот факт, что утопически-социалистическая мысль в России 30-х годов выступает преимущественно в религиозном облачении, как своеобразная разновидность христианского социализма.

Правда, с самого начала Герцен отвергает «религиозную форму» сенсимонизма, имея в виду мистический характер воззрений некоторых последователей Сен-Симона во Франции, вроде П. Анфантена, превращение ими великого социального учения в «новую церковь». Тем не менее, даже признавая идею закономерного характера общественного развития, Герцен и Огарев (как и сам Сен-Симон, как и его французские ученики) не имеют ответа на вопрос о тех реальных силах, которые могли бы сделать неизбежным осуществление социалистического идеала, воплощение его в жизнь. Поскольку же жизнь и идеал оставались, в сущности, разорванными, Герцену и Огареву, не умеющим «навести мосты» из настоящего в будущее, необходимо оставалась лишь вера в новый мир; социализм же трактовался ими как нечто аналогичное первоначальному христианству, как воплощение, реализация его заветов.

К началу 40-х годов религиозные черты в социалистических воззрениях Герцена и Огарева сходят на нет; это выражается, в частности, в их отказе придумывать для мира «новую религиозную форму». Позже, перейдя (в первой половине 40-х годов) на позиции атеизма, Герцен и Огарев становятся решительными противниками соединения идей социализма с какими бы то ни было религиозными верованиями и теориями.

ЛИТЕРАТУРА

- Чечулин Н. Д.* Русский социальный роман XVIII века. Изд. 2-е. СПб., 1900.
Святловский В. В. Русский утопический роман. Пг., 1922.
Федосов И. А. Революционное движение в России во 2-й четверти XIX в. М., 1958.
Володин А. И. Начало социалистической мысли в России. М., 1966.
Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.
Парамонов Ю. И. Социальные утопии в России последней трети XVIII — первой четверти XIX в. Свердловск, 1971.
Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977.
Мирошниченко П. Я. Возникновение утопического социализма в России. Киев — Донецк, 1976.
Нович И. С. Молодой Герцен. М., 1980.

ТЕКСТЫ

Из статьи А. И. Герцена

«О МЕСТЕ ЧЕЛОВЕКА В ПРИРОДЕ»¹

[...] Никогда умственная деятельность не была столь сильна и столь исполнена жизни, как в два последние века. Человечество переходило от одной крайности к другой, часто обливая кровью путь свой, и, наконец, видя неполноту всех исключительных теорий, оно, усталое, потребовало соединения крайностей: «*ni bonnet rouge, — говорит В. Гюго, — ni talon rouge!*»* Конечно, с сим не остановится деятельность умственная, ибо самое соединение двух начал не есть ли задача в бесконечность, ибо кто исчислит пропорции, в коих можно соединять сии начала, даже не прекратится боре-ние противоположных стихий — это жизнь умственная; но стремление соединить противоположности сильно влилось в умы. [...] Мысль эта [...] принадлежит юным идеям, столь исполненным надежд, и всякий должен почесть весьма счастливым себя, ежели послужит хотя самым слабым отголоском их. Теперь человек может порадоваться, подышать надеждами: XVIII век, век анализа и разрушения, окончился тем колоссальным огненным извержением, которое столь похоже на мощные перевороты допотопные, изменявшие все лицо планеты, которого горящие камни разлетелись по всему свету и которого лавы крови разлились от гильотины *Площади революции* (Place de la Révolution) до подножия родного Кремля. Из развалин возник новый человек, стряхнул с себя пыль и, благодаря предшественников, начал новое здание. Теперь он строит, погодим судить его, — это великое дело будет принадлежать потомству; мы можем только наслаждаться лучом надежды, который на нас льет яркий свет свой [...].

Из статьи А. И. Герцена

«ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ»²

[...] В тенденции Европы сомнения нет — каждый знает и никто не спорит в том, что она развивает гражданственность и устремляет к дальнейшей цивилизации (в обширном смысле) человечество, доставшееся ей от Рима и от Греции — сих переходных состоя-

* «Ни красного колпака, ни красного каблука» (*франц.*), т. е. ни якобинца, ни аристократа. — *Ред.*

ний — и соединившееся с племенами новыми ³. Приняв за основание высокое начало — христианство, развивалась с востока и с запада жизнь Европы.

Доселе развитие Европы была непрерывная борьба варваров с Римом, пап с императорами, победителей с побежденными, феодалов с народом, царей с феодалами, с коммунами ⁴, с народами, наконец, собственников с неимущими. Но человечество и должно находиться в борьбе, доколе оно не разовьется, не будет жить полною жизнью, не взойдет в фазу человеческую, в фазу гармонии, или должно почить в самом себе, как мистический Восток.

В этой борьбе родилось среднее состояние, выражающее начало слиятия противоположных начал, — просвещение, европеизм. Были ли у славян или, частнее говоря, у России элементы к такой оппозиции? Ежели и были, то весьма слабые [...].

ИЗ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА

Н. П. ОГАРЕВУ

от 19 июля (1833 г.) ⁵

[...] Ты прав, *saint-simonisme* * имеет право нас занять ⁶. Мы чувствуем (я тебе писал это года два тому назад и писал *оригинально*), что мир ждет обновления, что революция 89 года ⁷ ломала — и только, но надобно создать новое, *палингенезическое* ⁸ время, надобно другие основания положить обществам Европы; более права, более нравственности, более просвещения. Вот опыт — это *s[aint]-sim[onisme]* *. Я не говорю о нынешнем упадке его, таковыми я называю его религиозную форму (*P[ère] Enfantin*) ** etc. Мистицизм увлекает всегда юную идею. Возьмем чистое основание христианства — как оно изящно и высоко; посмотри же на последователей — мистицизм темный и мрачный. Есть еще «*Système d'association par Fourier*» ***. Ее ты прочтешь в «*Revue Encyclopedique*» **** за февраль 1832. Цель оправдывает странности ⁹ [...].

ИЗ ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА

А. И. ГЕРЦЕНУ

от 29—30 июля (1833 г.) ¹⁰

[...] Философия истории — это величайший предмет нашего времени [...] Мне уже хочется созидать; из (об)щих начал моей философии должен я вывести план ассоциации. *Fourier* ***** я еще не прочел, но прочту, может быть сегодня ¹¹.

* — сенсимонизм (франц.).— Ред.

** Пьер Анфантен (франц.).— Ред.

*** «Система ассоциации Фурье» (франц.).— Ред.

**** Энциклопедический журнал (франц.).— Ред.

***** Фурье (франц.).— Ред.

**ИЗ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА
Н. П. ОГАРЕВУ**

*от 7 или 8 августа 1833 г.*¹²

[...] И я не в бездействии, я много размышляю [...]. Вот очерк: развитие гражданственности в древности было односторон[не]. Греки и римляне не знали частной жизни, а общая жизнь была не гармония, но искусственный синтез. Платонова республика вполне показывает даль тогдашней философии от истины. Аристотель хвалит рабство. В формах нет *развиваемости*, не было мысли вперед, может, оттого, что каждое государство жило тогда отдельно, должно было раз блеснуть, раз служить ступенью роду человеческому — и потухнуть. Римлянин, как скоро вселенная пала к его ногам, стал рабом в республиканском платье; просто Рим начал гнить; в это время являются кимвры и тевтоны,— девственные народы Севера начинали выливаться в Италию, чистые, добродетельные¹³. Должны ли они были погубить себя без возврата в смердящемся Риме? Обновленья требовал человек, обновленья ждал мир. И вот в Назарете рождается сын плотника, Христос. Ему (говорит апос[тол] Павел) назначено примирить бога с человеком. Пойми его, не хочет ли он, великий толкователь Христа, сказать сим, что Христос возвратит человека на истинный путь, ибо истинный путь есть путь божий. «Все люди равны»,— говорит Христос. «Любите друг друга, помогайте друг другу» — вот необъятное основание, на котором зиждется христианство. Но люди не поняли его. Его первая фаза была мистическая (католицизм); но вред ли это? Нет (об этом после, как-нибудь). Вторая фаза — переход от мистицизма к философии (Лютер). Ныне же начинается третья, *истинная*, человеческая, фаланстерская (может быть с[ен]-симонизм??) [...]

**ИЗ ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА
А. И. ГЕРЦЕНУ**

*от 10 августа (1833 г.)*¹⁴

«[...] Одна не бездушная философия последних времен, где высоко поняты требования века.— это Saint Simon. *» [...]

**ИЗ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА
Н. П. ОГАРЕВУ**

*от 31 августа 1833 г.*¹⁵

[...] Вот новые мысли и ипотезы мои. Век анализа и разрушений, начавшийся Реформациею, окончился революциею. Франция

* Сен-Симон (франц.).— Ред.

выразила его *полноту*; поелику же народ выражает одну идею, а Франция выразила свою в век критический, то и возникает вопрос: в ней ли будет *обновление*? Кажется, по феории, нет, да и разбирая фактально, выйдет то же. Французский народ в грубом невежестве; сверх того, он сделался участником разврата XVIII столетия, он нечист. Годился рушить, но им ли начинать новое, огромное здание обновления? Где же? В Англии? Нет, ее девиз — эгоизм, их патриотизм — эгоизм, их тори и виг — эгоисты, нет характера общности, нет пространного основания [...]. Где же? Я смело отвечаю: в Германии, да, в стране чистых тевтонов, в стране вемических судов, в стране Burschenschaft * и правила: Alle für einen, einer für alle! ** Дивятся поверхностные люди, что Германия не принимает ярко нынешнее направление; но что такое нынешнее направление — une transaction entre la feodalité et la liberté ***, контракт между господином и слугою; но не нужно ни господина, ни слуги ¹⁶. С чего же Германия начала — с просвещения. Вот ответ-то! [...]

Из произведения Н. П. Огарева

«ТОЛПА (РАЗГОВОР НА ПЛОЩАДИ)» ¹⁷

[...] *Леонид*. [...] Досадно и жалко! Целая толпа, которая живет без всякой цели в жизни или с какою-нибудь мелочною целью, с каким-нибудь эгоистическим чувством, унижающим человечество.

Тысячи людей, не одушевленных никаким общим стремлением, никакою общею идеей, тысячи людей, разъединенных в глубине души, занятые частностями, жалкими видами — и это тебе кажется смешно? Вольдемар, Вольдемар! Любил бы я видеть человечество прекрасное, могущественное, гордое своим достоинством, напрягающее все силы свои к добру, изощряющее все способности свои для блага общего, а не эту жалкую толпу, которой кумир — золото, действия — расчет, которая теряется в ничтожных спекуляциях, отвратительных покушениях на счастье ближнего, в эгоистическом стремлении к безумным наслаждениям. Нет, друг, что тебе смешно, мне кажется жалким и горестным.

Вольдемар. Ты уж не мизантроп ли? Вот и это мне смешно. Можно ли ненавидеть все эти обыкновенные явления? Эти контрасты в мире, эти caricatures на род человеческого смешны каждому, как ребенку, когда он смотрит на безобразную горбатенькую куклу, и, право, веселее быть таким ребенком, чем грустить обо всех людских глупостях.

Леонид. Нет, я не ненавижу людей, но жалею об них. О Вольдемар, если б я мог зажечь в них хотя одну искру жизни общей,

* — студенчества (*нем.*) (в смысле студенческого братства).— *Ред.*

** Все за одного, один за всех (*нем.*).— *Ред.*

*** — компромисс между феодализмом и свободой (*франц.*).— *Ред.*

устремить их к общей деятельности, где забыли бы они свои корыстолюбивые виды, где перевес имели бы одни качества души, где не ползали бы перед богатым, где бы не трепетали сильного, но где труд для блага общего был бы единым уровнем людей, и это благо их единой целью — о, если б я смог это, я бы всем пожертвовал, верь, Вольдемар, для этого я бы всем пожертвовал!

Вольдемар. Что за безумная мысль, Леонид. Миллионы людей, как ты, перемрут и все еще не успеют ее исполнить. Прогрустите вы целую жизнь, а толку мало. Лучше посмеяться и по крайней мере прожить весело.

Леонид. Одушевить эту толпу хотя бы на один миг — нет, Вольдемар, не говори, чтобы это было невозможно. Возьми в пример хотя бы и наш православный народ: неужели в этих остроумных физиономиях, в этой огромной способности понимать и производить, в этой оборотливости ума не заключается достаточных элементов, чтобы созидать стройное гармоническое целое, чтобы человечеству показать чудный пример общественной жизни, выкачать его прекрасное назначение? [...]

ИЗ БУМАГ Н. П. ОГАРЕВА, ОТОБРАННЫХ У НЕГО ПРИ АРЕСТЕ ¹⁸

«Европа требует новой жизни; век всеразрушающего анализа пал. Но в чем должна состоять новая жизнь? В новой организации всего мира. В чем же должна состоять эта организация, на какой основе она должна развиваться? Вот в чем вопрос.

Человечеству должна открываться новая великая идея, эта идея должна стать его верой, без которой он впадет в гибельное состояние скептицизма и даже в отчаяние. Итак, вера, вера в живительную идею, которая одна только может спасти человечество. Но где же следует искать сущности этой веры? Там, где небо сливается с землей, где небо открывает себя земле, где божество говорит с человеком. Следовательно, этой новой верой должна быть религия. Но что такое религия? Она всегда была чем-то сверхъестественным, таинственным, являющимся только под покровом; должна ли она и теперь явиться в том же виде? Нет — верой современного человечества должна быть сияющая идея, которая, будучи всеми понятой, поведет людей к их истинной цели» ¹⁹.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДОПРОСА Н. П. ОГАРЕВА СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ

20 августа 1834 г. ²⁰

«1. *Вопрос.* [...] Объясните, что вы понимаете об упоминаемом Герценом [в письме от 31 августа 1833 г. — см. наст. изд., с. 81] веке разрушений; чем Франция выразила полноту его; что

закключают в себе слова об обновлении, могущем быть в Германии, и к чему относится выражение его: «контракт между господином и слугою, но не нужно ни господина, ни слуги»?

Ответ. Письмо сие от г. Герцена я понимаю следующим образом. В начале христианской эпохи католицизм соединил под одну идею все государства европейские; все народы жили под единою волею папы; все умы имели одно направление, господствовала везде одна вера, одно начало развивалось повсюду. Реформация впервые потрясла веру разбором, анализом, — где разбирали, там уже не могли верить. Посему-то в письме г. Герцена реформация отнесена к веку аналитическому, разрушительному. Такое направление умов, где господствовали разбор и критика, более и более потрясало здание общественное, и, наконец, революция французская²¹ оное разрушила; место централизации иерархической заступила республика, анархия или конституционное правление, которое представляет только видимое слияние трех элементов общества, т. е. аристократии, народа и власти государя, но на самом деле мешает каждой из частей общества идти путем улучшения. А сей-то путь улучшения, совершенствования есть то, что в упомянутом письме названо нынешним направлением. Действительно, разрушенные элементы жизни гражданской требуют обновления. Обновление же сие, по моему мнению, должно состоять в уничтожении эгоизма, поселившегося во всех разрядах гражданского общества от влияния революционного анализа. Даже эгоизм наций должен бы кончиться, и место вражды заступят мир и любовь. Как в порядке историческом человек свое себялюбие уничтожил в семействе, семейство — в нации; так, как любовь к семейству одержала верх над любовью к самому себе, любовь к отечеству, к нации над любовью к семейству, так нация должна уничтожиться в человечестве; все народы должны соединиться в одно целое — человечество. В таком состоянии, действительно, нет ни господина, ни слуги, в том смысле, как ныне это понимается, то есть нет ни покорителя, ни покоряющегося, но в сем состоянии общего соединения человечества всегда найдется человек, волею провидения предназначенный освещать людям путь их к совершенствованию, вести их выше и выше на ступени, провидением предначертанные. Такой человек будет центром всего человечества; такое же состояние человечества есть, может быть, сказанное в святом Евангелии в следующих словах: *и будет едино стадо и един пастырь.*

Что же касается до упомянутого в письме г. Герцена о Германии, то я понимаю это таким образом, что Германия по чистоте своих нравов более способна к принятию вышеписанных мыслей, нежели Франция, где наиболее господствует эгоизм, воспрещающий людям жить соединенно в совершенном мире и любви.

2. В[опрос]. [...] Поясните весь смысл письма Герцена [от 19 июля 1833 г.] [...].

О[твет]. Saint-Simonisme * есть учение Сен-Симона, в котором изложена та мысль, что Европе недостаточно теперешнего устройства и что для нее необходимо обновление; о сем я писал к г. Герцену, вероятно, после чтения о сем предмете в каком-либо журнале; он с сим согласен и полагает, что революция 89 года не иное что сделала, как разрушила старое, не построив, не создав ничего на месте одного, между тем, как государства европейские (что в письме г. Герцена разумеется под обществами Европы) требуют замену уничтоженному. Системы Фурье я не помню и не помню даже, читал ли даже ее или нет. [...]

4. В[опрос]. Какого вы мнения о письме Герцена, писанном 7 или 8 августа [1833 г.] [...]?

О[твет]. С мнениями, изложенными в сем письме г. Герценом касательно христианской религии, я согласен и сам почитаю христианскую религию, как высочайшее божественное откровение, величайшую эпоху в жизни человечества. Сенсимонизм мне кажется попыткой продолжить учение христианское, возвратить умы к вере, которую они в себе уничтожили гибельным анализом. Ожидаю же я от людей такового рода большого усовершенствования [...]».

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДОПРОСА А. И. ГЕРЦЕНА СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ

23 августа 1834 г.²²

[...] 7-й вопрос. Что значат [...] слова [Огарева в письме от 26 августа 1833 г.]: «...мне хочется созидать; из общих начал моей философии истории должен я вывести план ассоциации?»

Ответ. [...] Что касается до вывода ассоциации из философии, то это есть опыт, делаемый многими мыслителями, которые выводили из начал мышления идеальные построения общества или ассоциаций, так сочинил Платон свою Республику, Бакон свою Атлантиду и др. Само собою понимается, что здесь слово «ассоциация» принято за слово «государство», а не за общество между частными людьми, словом, так, как понимают это слово нынешние сочинители. [...]

9-й вопрос. [...] Объясните [...] в подробности, что означают все Ваши выражения (в письме от 19 июля 1833 г.). [...]

Ответ. Теория Сен-Симона, читанная мною в журналах и разных отрывках, мне нравилась в некоторых частях, особенно в историческом смысле. Я видел в нем дальнейшее развитие учения о совершенствовании рода человеческого, так было мною написано и в статье моей о книге Бюше²³, здесь под сен-симонизмом я совершенно понимал другое, нежели секту Эн-Фантена (см. в статье о Бюше). Главное положение Сен-Симона — что за разрушением следует создание; мне приходили эти мысли и прежде, ибо я не мог

* — сенсимонизм (франц.).— Ред.

представить, чтоб человек жил токмо разрушая, что видим с реформации до революции 89 года, которая разрушала остатки общества феодального. В нравах европейских есть еще много ветхого, что ныне не имеет совсем смысла того, который прежде; мне казалось, что сии остатки должны замениться нравами, из новых начал истекшими, с более чистой нравственностью. [...]

13-й вопрос. Объясните смысл письма вашего от 7 или 8 августа к Огареву. [...]

Ответ. В письме моем довольно ясно объяснены мои мнения о христианской религии; может, токмо пояснить надлежит, что я разумею под третьею фазою веры христианской; я думаю, что эта фаза есть именно такое обновление человечества, в которое христианство будет принято и исполняемо всеми; не столько форм наружных, сколько истинной благодати и нравственности. Сен-симонизм, — сказал я в письме, — *может быть*, начало этой фазы, и прибавил два вопросительных знака; здесь опять речь о самом начальном развитии Сен-Симонова учения, которое им самим названо «*La nouveau Christianisme*» *; последствия доказали, что сен-симонисты не выполнили того, что хотел Сен-Симон, и, следственно, моя фраза разрешается отрицательно. [...]

ИЗ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

от 21 февраля (1835 г.) ²⁴

[...] Меня в комиссии обвиняли в сен-симонизме; я не с[ен]-симонист, но вполне чувствую многое с ним заодно. Нет жизни истинной без веры. [...]

ИЗ ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА Н. Х. КЕТЧЕРУ

(лето 1835 г.) ²⁵

[...] У меня есть мысль. Вот она:

Каким образом образовался tiers état ** там? Его начало в общинах (communes ***, смотри Тьера). Отчего у нас его не было? Оттого, что мы не имели общин. Что значили общины во времена феодализма? Собрание людей, отыскивающих права свои, защиту от угнетения властителей ²⁶. Принорови это к настоящему ходу дел. Tiers état может у нас (со временем) образоваться из почетных граждан. Но нужен ли, но полезен ли, но справедлив ли tiers état? Я думаю, ты знаешь, что нет. Итак, образовывать общины — dans la lie du peuple ****. Но общины, между собой связанные одною общиною, которая была бы их censorum communis *****. Распро-

* — новое христианство (франц.).— Ред.

** — третье сословие (франц.).— Ред.

*** — коммуна, община (франц.).— Ред.

**** — в гуще народа (франц.).— Ред.

***** — общим мозгом (франц.).— Ред.

страняться об этом не вижу надобности. Если вы уверились в пользе этого, то придумаете способы и разовьете все устройство [...].

ИЗ ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА Н. Х. КЕТЧЕРУ И МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ

(конец 1836 — начало 1837 г.)²⁷

[...] Что у нас нет аристократии такой, как в чужих краях, аристократии исторической, это правда. У нас помещики, а выше помещик помещиков, помещик en grand *, а что хуже: один или многие, не знаю. Полноте желать усиления касты притеснителей, ведь это анахронизм. С чего берут, что России нужно иметь развитие такое, какое было во Франции, — для этого ей надобно начать жить сызнова, но только иначе, нежели она жила. Полноте-с! Снимите ваш фрак, наденьте серый кафтан, вмешайтесь в толпу, страдайте с нею, пробудите в ней сочувствие, возвысьте ее, ее возвышение будет глас трубный!..

Но извините, если вас тогда свяжут и посадят в тюрьму, желтый или смиренный дом или во что-нибудь подобное [...].

ИЗ ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА Н. Х. КЕТЧЕРУ

(весна 1837 г.)²⁸

[...] Теперь я намекну только на задачу общественной организации: «сохранить при высочайшем развитии общности полную свободу индивидуальную». Да, это задача для жизни рода человеческого, чем ближе к разрешению, тем ближе к совершенству; эту задачу пусть разрешает человечество как скоро сбросит ветхую епанчу свою. Да, человек должен по своей воле двигаться в кругу братьев; до тех пор, пока есть преграды развитию моей индивидуальной воле, до тех пор у меня нет братьев, есть враги, до тех пор нет гармонии и любви, но борьба моего эгоизма с эгоизмом других. Сочетать эгоизм с самопожертвованием, вот в чем дело; вот к чему должно стремиться общественное устройство. [...]

Из произведения А. И. Герцена

«ВИЛЬЯМ ПЕН (СЦЕНЫ В СТИХАХ)»²⁹

ВИЛЬЯМ

[...] Не стыдно ль христианами вам зваться?
И не обман ли то позорный, низкий, —
С евангелием в руках теснить
Миллионы бедных, их, как машины,
Заставлять работать на себя,
Их жизни поглощать для прихотей своих [...]
Личиной хитрою законности покрыли вы

* — крупнейший (франц.). — Ред.

Насилье, рабство,
И, святотатства верх, — на слово божие
Вы оперли неправо созданье.
Хотите христианами вы быть,
Так исполняйте слово божье,
А нет, так всенародно, громогласно
Вы отрекитесь от него!

(Берет со стола евангелие.)

Тут ясно все, двусмысленности нет,
Не так, как в вычурных проповедях.

(Читает.)

«У верующих всех душа была одна;
Они отдельно не имели ничего,
Все было общее, и между ними
Нуждающийся быть не мог [...]».
Вот быт общественный, текущий ясно
Из слов Спасителя [...]»
Богатым кто богатство дал, скажите?
Одно насилие, наглое насилие,
Двойной грабеж войны и мира!
Где ж право их? Ужель благий господь
Так учредил свой мир,
Чтоб десятеро пили через край
Все радости земли, а тысячи
Страдали бы, согбенные работой?
Пора окончить мрачную эпоху.
Христос сказал: «Иду рабов
Освободить и погранных воздвигнуть»,
И скоро слово будет делом!» [...]».

ИЗ ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА Н. Х. КЕТЧЕРУ

*от 7—8 января 1839 г.*³⁰

[...] В отношении общественном многие мнения изменились, многие предметы представляются иначе, закрылись пути, по которым думалось идти прежде, открылись новые. Заключение одно: высочайший предмет в обществе это — индивидуал, цель — совершенствование индивидуалов, христианство, а общество уладится по потребностям; ему не предпишешь именно такую-то форму, вопреки Фурье и Комп[ании]. Нельзя взять за основание индустриализм, — это все-таки низшая часть человека. Он сам собой пойдет вперед, с образованием; главная вещь — голова и сердце, мысль и чувство. Тело — форма, посредством которой выражается идея. Индустрия в обществе то, что тело для души. А все-таки главное — душа. [...]

ИЗ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА Н. П. ОГАРЕВУ

*от 14 ноября — 4 декабря 1839 г.*³¹

[...] Пойдем в школьники опять, я учусь, учусь истории, буду изучать Гегеля, я многое еще хочу уяснить во взгляде моем и имею залоги, что это не останется без успеха [...]. Кончились тюремные годы ученья, кончились ссылкой годы искуса, пора наступить времени Науки в высшем смысле и действия практического. [...]

от 20 февраля — 6 марта 1840 г.³²

[...] Первая идея, которая запала в нашу голову, когда мы были ребятами,— это социализм. Сперва мы наше я прилепили к нему, потом его прилепили к нашему я, и главной целью сделалось: мы создадим социализм. [...] Отсюда вышло когда-то желание набросить миру новую религиозную форму. [...] Дух современности не может отречься от разумного самосознания, не может снизить до мира представлений; и новая религиозная форма так же невозможна, как была невозможна новая форма греческого полифеизма со времен Сократа. [...]

ИЗ ПИСЬМА Н. П. ОГАРЕВА М. Л. ОГАРЕВОЙ

от 27 июля 1841 г.³³

[...] Вследствие общественного сознания и любви, политическое положение общества должно возбуждать участие каждого и быть делом каждого. Каждый внесет свое. Мысль ли Фурье или другое что осуществится — не знаю; но знаю то, что современный человек необходимо привязан к социальному вопросу. Разумное, свободное общество — вот задача современная, которая разрешится в будущем. Все будут работать около этой задачи, и только все решат ее. Артист или мыслитель, каждый будет тут архитектором или поденщиком — все равно. Социализм, который представляет разумную волю человека, это одна сторона духа; наука — разум — другая; искусство — творчество — любовь — третья. Пусть каждый избирает одно и работает. Блажен, кто заключит в себе все три стороны, его жизнь будет самая полная. [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Печатается по: *Герцен*, т. 1, с. 24—25. Рукопись статьи, в конце которой имеется авторская дата «Декабря 1, 1832», была изъята у Герцена при аресте в июле 1834 г., побывала в следственной комиссии. Впервые опубликована: *Герцен*. ПСС. Пг., 1915, т. 1. Один из предпосланных статье эпиграфов (см. т. 1, с. 13) содержит отсылку к с. 168 книги «Религия сенсимонизма» («Religion St. Simonienne») (сенсимонисты издали в начале 30-х годов XIX в. несколько сборников).

² Печатается по: *Герцен*, т. 1, с. 31. Рукопись статьи (авторская дата — «28 января 1833») была конфискована при аресте Герцена в июле 1834 г., содержит пометки следственной комиссии. Впервые опубликовано: Былое, 1907, кн. 7. Статья озаглавлена по дате смерти Петра I; оценке его деятельности она в основном и посвящена.

³ Далее в рукописи следовали зачеркнутые Герценом слова: «Может, не так ясен путь, по коему она достигает к своей цели, но мы скажем, смело опираясь на Гизо, на Тьерри и других, что своим развитием [она] Европа обязана борьбе противоположных стихий в каждом государстве. Условие всякой жизни, всякой производительности есть борьба, противоположение разнородного — одним словом, оппозиция. Оппозиция между побежденными и победителями, между общинами и феодалами, между парламентами и королями, между whigs i toru * развилась не в равной степени во Франции, в Англии, в Италии, в Германии» (*Герцен*, т. 1, с. 463).

⁴ Речь идет о средневековых городских и сельских коммунах в странах Западной Европы, боровшихся против сеньюальной зависимости (так называемое коммунальное движение).

⁵ Печатается по: Герцен, т. 21, с. 20; впервые опубликовано: МБ, 1906, № 1. Письмо было изъято у Огарева при его аресте, фигурировало при обвинении Герцена.

⁶ В письме от 10 июля 1833 г. Огарев (см.: Огарев, т. 2, с. 263) рекомендовал Герцену читать Сен-Симона.

⁷ Французская буржуазная революция 1789—93 гг.

⁸ «Палингенезия» означает в приблизительном переводе «возрождение». Термин введен в общественную науку П. С. Балланшем, был взят на вооружение сенсимонистами. Уже в статье «О месте человека в природе» (см.: Герцен, т. 1, с. 21) Герцен противопоставлял «века палингенезические» эпохам низвергающим, разрушающим.

⁹ Речь идет о статье А. Трансона «Doctrine d'association de M. Charles Fourier» («Учение об ассоциации г. Шарля Фурье»), напечатанной в февральской (окончание — в майско-июньской) книжке парижского журнала «Revue Encyclopedique».

¹⁰ Печатается по: Огарев, т. 2, с. 265—266; письмо фигурировало во время допросов Герцена и Огарева в следственной комиссии 1834 г.; полностью впервые опубликовано: ЛН. М., 1953, т. 61.

¹¹ Отклик на рекомендацию Герцена (в письме от 19 июля 1833 г.) познакомиться с са статьей об учении Фурье.

¹² Печатается по: Герцен, т. 21, с. 23. Изъято у Огарева во время его ареста и фигурировало при обвинении Герцена в следственной комиссии 1834 г. Впервые опубликовано: МБ, 1906, № 1.

¹³ Нашествие кимбров и тевтонов — первое нашествие варварских древнегерманских народов на Рим.

¹⁴ Печатается по: Огарев, т. 2, с. 267. Впервые опубликовано: МБ, 1906, № 1.

¹⁵ Печатается по: Герцен, т. 21, с. 26, с исправлением опечатки: «контракт» вместо «контраст». Не отправленное адресату, письмо было изъято у Герцена при его аресте. Впервые опубликовано: МБ, 1906, № 1.

¹⁶ В «Былом и думах», рассказывая о допросе в следственной комиссии 1834 г., Герцен так воспроизвел это место: «Все конституционные хартии ни к чему не ведут, это контракты между господином и рабами; задача не в том, чтоб рабам было лучше, но чтоб не было рабов» (Герцен, т. 8, с. 206).

¹⁷ Время написания — предположительно 1833 — первая половина 1834 г. Впервые напечатано: сб. «Звенья». М.— Л., 1936, т. 6, где авторство было ошибочно приписано Герцену. Печатается по: Огарев Н. П. Избранные произведения. М., 1956, т. 2, с. 322—323.

¹⁸ Перевод с немецкого. Печатается по предисловию Е. Л. Рудницкой к ее публикации «Допрос Огарева 24 сентября 1834 г.» — Л. Н. М., 1956, т. 63, с. 288. Текст, написанный рукою Огарева, — по-видимому, выписка, сделанная им из сочинения неустановленного автора; не исключено, однако, что автором является сам Огарев, хорошо владевший немецким языком.

¹⁹ На этом текст кончается.

²⁰ Печатается по: Герцен. ПСС. Пг., 1919, т. 12, с. 335—338 (комментарии); опубликовано впервые в 1915 г.

²¹ См. выше, прим. 7.

²² Печатается по: Герцен, т. 21, с. 420—424; впервые опубликовано: ГМ, 1918, № 7—9.

²³ Эта статья остается неизвестной. На допросе 24 июля 1834 г. Герцен показал, что им написана статья о книге Бюше «Введение в науку о развитии человечества» (см.: Герцен, т. 21, с. 414). Полное название этой, изданной в 1833 г., работы французского историка-сенсимониста, христианского социалиста Ф. Ж. Бюше — «L'introduction à la science de l'histoire ou science du développement à l'humanité» — «Введение в историческую науку, как науку о развитии человечества»). На следствии Герцен заявил (см.: Герцен, т. 21, с. 414), что статья о книге Бюше была передана им Н. А. Полевому.

²⁴ Печатается по: *Герцен*, т. 21, с. 33. Впервые опубликовано: «Сочинения А. И. Герцена и переписка с Н. А. Захарьиной. В 7-ми т. Издание Ф. Ф. Павленкова. СПб., 1905, т. 7.

²⁵ Печатается по: *Огарев*, т. 2, с. 270—271, где опубликовано впервые.

²⁶ См. наст. изд., с. 90, прим. 4.

²⁷ Печатается по: *Огарев*, т. 2, с. 285. Полностью письмо опубликовано впервые в «Записках отдела рукописей» Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, 1951, вып. 12.

²⁸ Печатается по: *Огарев*, т. 2, с. 288, где опубликовано полностью впервые.

²⁹ Время написания — весна — лето 1839 г. Печатается по: *Герцен*, т. 1, с. 225—226, 230; впервые опубликовано по копии: *Герцен*. ПСС. Пг., 1915, т. 2, отрывки — в *РБ*, 1912, № 3. 18 апреля 1839 г. Герцен писал А. Л. Витбергу, что в его «Вильяме Пене» христианство квакеров (В. Пенн был основателем квакерской колонии в Северной Америке) изображено как «социальная, прогрессивная религия» (*Герцен*, т. 2, с. 25—26). В начале 60-х годов Герцен указывал, что в его «драматических опытах» конца 30-х годов — «Лицинии» и «Вильяме Пене» «ясно виден остаток религиозного воззрения и путь, которым оно перерабатывалось не в мистицизм, а в революцию, в социализм» (*Герцен*, т. 1, с. 337).

³⁰ Печатается по: *Рудницкая Е. Л.* Социалистические идеалы Н. П. Огарева. — Сб. История социалистических учений. Памяти академика В. П. Волгина. М., 1964, с. 375—376, где опубликовано по рукописи.

³¹ Печатается по: *Герцен*, т. 22, с. 53—54; впервые полностью опубликовано: *ЛН*. М., 1953, т. 61.

³² Печатается по: *Огарев*, т. 2, с. 306; впервые опубликовано в журнале *РМ*, 1889, кн. I.

³³ Печатается по: *Огарев*, т. 2, с. 320—321; впервые опубликовано: *ВЕ*, 1907, кн. X.

Виссарион Григорьевич
БЕЛИНСКИЙ

...Идея социализма... стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Высочайший и священнейший интерес общества есть его собственное благосостояние, равно простертое на каждого из его членов.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

«Неистовый» — так называли его друзья...

Он родился 30 мая (11 июня) 1811 г. в Свеаборге (ныне — один из районов Хельсинки, Финляндия; тогда находился в составе Российской империи); умер 26 мая (7 июня) 1848 г. в Петербурге. Детство провел в Кронштадте (отец служил там флотским лекарем) и Чембаре (ныне г. Белинский) Пензенской губернии, где отец получил должность уездного врача. Учился в Чембарском уездном училище и Пензенской гимназии. В 1829 г. поступил в Московский университет, на словесное отделение. В студенческие годы написал антикрепостническую драму «Дмитрий Калинин». В 1832 г. университетское начальство, воспользовавшись тем, что Белинский по болезни не сдал экзаменов, исключает вольнодумного студента из университета. В 1833 г. Белинский начал посещать философский кружок Н. В. Станкевича. Тогда же он стал сотрудником журнала

«Телескоп», издававшегося Н. И. Надеждиным. В приложении к «Телескопу» — еженедельнике «Молва» была напечатана первая крупная статья Белинского «Литературные мечтания» (1834). В 1837 г. он лечился от туберкулеза в Пятигорске, где познакомился с М. Ю. Лермонтовым. В 1838 г. стал редактором преобразованного им журнала «Московский наблюдатель», где напечатаны, в частности, первые философские работы М. А. Бакунина. Осенью 1839 г. Белинский переехал в Петербург, стал вести в журнале «Отечественные записки» литературно-критический отдел. Здесь опубликовано большинство его сочинений. Нещадно эксплуатируемый издателем журнала А. А. Краевским, Белинский в 1846 г. прекращает сотрудничество в «Отечественных записках». В 1847 г. он возглавил критический отдел в преобразованном Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым журнале «Современник».

На протяжении пятнадцати лет напряженной творческой деятельности Белинский прошел сложный путь идейных исканий — от религиозной веры и идеализма к атеизму и материализму, от просветительских иллюзий, через кратковременный период так называемого «примирения с действительностью», к идее революционного преобразования общества, отражавшей настроения крепостного крестьянства. По определению В. И. Ленина, Белинский явился «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами» в российском освободительном движении (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 25, с. 94). В начале 40-х годов, ранее критически настроенный по отношению к литературе социалистического направления, в частности к носившим социалистическую окраску романам французской писательницы Жорж Занд, Белинский утверждает на позициях утопического социализма.

Через всю свою жизнь Белинский пронес убеждение, что «люди — братья друг другу, хотя неразумность их отношений и делает их естественными врагами» (*Белинский*, т. 7, с. 595).

Основоположник русской реалистической критики и эстетики, Белинский с большим талантом проводил радикальные философские и социальные идеи в подцензурной журналистике 40-х годов. В написанном в июле 1847 г. письме к Н. В. Гоголю, которое «было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 25, с. 94), Белинский сформулировал свое политическое кредо — требования уничтожения крепостного права, отмены телесных наказаний и соблюдения элементарной законности в России. Характеризуя капитализм как новое рабство для трудового народа, принимая и развивая критическое начало учений западноевропейских социалистов, Белинский вместе с тем настаивал на реалистическом отношении к действительности. Он видел относительную прогрессивность развивающихся буржуазных порядков, резко отрицательно высказывался — особенно в конце жизни — об утопии и романтических иллюзиях некоторых социальных мыслителей вроде Луи Блана и М. Бакунина. В письме В. П. Боткину от 2—6 декабря 1847 г., обсуждая вопрос

о месте буржуазной цивилизации в истории человечества, Белинский писал: «Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над трудом» (*Белинский*, т. 9, с. 700).

Всю жизнь Белинский испытывал острую материальную нужду. Бесперывный напряженный труд подрывал и без того слабое здоровье. Обострение туберкулеза заставило предпринять в 1847 г. (май — октябрь) поездку за границу для лечения. Вернувшись осенью в Петербург, Белинский успел опубликовать в «Современнике» несколько статей, но вскоре болезнь окончательно сломила его. Смерть спасла Белинского от ареста и заключения в крепость — именно такое намерение созрело в это время у царских охранителей.

СОЧИНЕНИЯ

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. СПб., 1900—17, т. 1—11. Под ред. С. А. Венгерова.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М.— Л., 1926—48, т. 12—13. Под ред. В. С. Спиридонова.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М.— Л., 1953—59, т. 1—13.

Белинский В. Г. Собрание сочинений в девяти томах. М., 1976—82, т. 1—9.

Белинский В. Г. Собрание сочинений. М., 1948, т. 1—3.

Белинский В. Г. Избранные философские сочинения, [М.], 1948, т. 1—2.

ЛИТЕРАТУРА

Плеханов Г. В. В. Г. Белинский. Сборник статей. М.— Пг., 1923.

Щукин С. Е. Белинский и социализм. М., 1929.

В. Г. Белинский и его корреспонденты. [М., 1948].

Литературное наследство. М., 1948—51, т. 55—57 (в т. 57 — библиографический указатель сочинений Белинского и литературы о нем).

Нечаева В. С. В. Г. Белинский. М., 1949—67 [т. 1—4].

Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958.

Степанов В. И. Философские и социологические воззрения В. Г. Белинского. Минск, 1959.

Поляков М. Я. Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха. М., 1960.

Белинский и современность. М., 1964.

Филатова Е. М. Белинский. М., 1976.

В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977.

Славин Л. Неистовый. Повесть о Виссарионе Белинском. М., 1977.

ТЕКСТЫ

РУКОВОДСТВО К ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ¹

Век наш — по преимуществу *исторический* век. *Историческое созерцание* могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. [...]

Историческое созерцание проникло всю современную действительность — даже самый быт наш. Чувство общности теперь везде сильнее, чем когда-либо прежде было. Каждый живет чувствует себя в обществе и общество в себе, и каждый по крайней мере претендует служить обществу, служа себе самому. Вражда между сословиями исчезает, и они примиряются в признании взаимной необходимости и взаимной важности для общества. Зависть уступает место соревнованию. Общественные предприятия возбуждают общий интерес, как дело, лично до каждого касающееся. Какая-нибудь железная дорога утверждается на основании опытов прошедшего, на предвидении результатов в будущем. Для обществ как будто исчезло различие между прошедшим, настоящим и будущим: общества равно живут теперь во всех трех этих отношениях времени, — и настоящее для них есть результат прошедшего, на основании которого должно осуществиться и их будущее. *Прогресс* и *движение* сделались теперь словами ежедневными. Новизна никого не пугает; предела усовершенствованиям никто не видит. [...]

[...] Сущность истории как науки состоит в том, чтоб возвысить понятие о человечестве до идеальной личности; чтоб во внешней судьбе этой «идеальной личности» показать борьбу необходимого, разумного и вечного с случайным, произвольным и преходящим, а в движении вперед этой «идеальной личности» показать победу необходимого, разумного и вечного над случайным, произвольным и преходящим. [...]

[...] Без исторического созерцания, без понятия о прогрессе человечества, без веры в разумный промысл, вечно торжествующий над произволом и случайностью, — нет истинного и живого знания в наше время. Будьте вы ориенталистом, изучите всю восточную мудрость, блистайте фактическими познаниями в естественных науках, удивляйте свет огромною начитанностью и фейерверчным остроумием; издевайтесь, в угождение толпе, над всяким так на-

зываемым априорным знанием и прославляйте немой, мертвый эмпиризм ² — вы все-таки не будете от этого ученым человеком, не сделаетесь органом века, но удивите одну лишь чернь и заставите мудрых пожалеть о столь блестящих и так дурно употребленных способностях, если вы не понимаете, что современное состояние человечества есть необходимый результат разумного развития и что от его настоящего состояния можно делать посылки к его будущему состоянию, что свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу и — будет новая земля и новое небо... ³ [...]

ИСТОРИЯ МАЛОРОССИИ [...] ⁴

Одна из самых характеристических черт нашего времени — стремление к единству и сродству доселе разрозненных элементов умственной жизни. Жизнь очевидно стремится теперь стать единою и всецелою. И если доселе проявлялась она в тысячах односторонностей, разъединенною и раздробленною на бесконечное множество сторон, из которых каждая претендовала на право исключительной монополии в области духа, превозносясь над всеми другими и горделиво не признавая их важности, — это противоположное органическому единству стремление было необходимо для самого же этого органического единства, заря которого уже занимается на горизонте человечества. [...] Народы начинают сознавать, что они — члены великого семейства человечества, и начинают братски делиться друг с другом духовными сокровищами своей национальности. Каждый успех одного народа быстро усваивается другими народами, и каждый народ заимствует у другого особенно то, что чуждо его собственной национальности, отдавая в обмен другим то, что составляет исключительную собственность его исторической жизни и что чуждо исторической жизни других. Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, что успехи человечности вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности. Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания старины, которыми так дорожит невежественная посредственность; они знают, что национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с людьми. И недалеко уже время, когда исчезнут мелкие, эгоистические расчеты так называемой политики, и народы обнимутся братски, при торжественном блеске солнца разума, и раздадутся гимны примирения ликующей земли с умиловитвенным небом! Если настоящее историческое положение так резко противоречит этой картине и представляет её несбыточною мечтою разгоряченной фантазии, то для умов мыслящих и способных проникать в сущность вещей это настоящее историческое положение человечества, как ни безотрад-

но оно, представляет все элементы и все данные, на основании которых самые смелые мечты в настоящем становятся в будущем самую положительную действительностью. [...]

СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА ⁵

[...] Если б вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастье, а наше личное счастье заключалось бы только в одной любви,— тогда жизнь была бы действительно мрачною пустынею, заваленной гробами и разбитыми сердцами, была бы адом, перед страшною существенностию которого побледнели бы поэтические образы подземного ада, начертанные гением сурового Данте... Но — хвала вечному разуму, хвала попечительному промыслу! есть для человека и еще великий мир жизни, кроме внутреннего мира сердца,— мир исторического созерцания и общественной деятельности,— тот великий мир, где мысль становится делом, а высокое чувство — подвигом, и где два противоположные берега жизни — *здесь и там* — сливаются в одно реальное небо исторического прогресса, исторического бессмертия... Это мир непрерывной работы, нескончаемого делания и становления, мир вечной борьбы будущего с прошедшим,— и над этим миром носится дух божий, оглашающий хаос и мрак своим творческим и мощным глаголом «*да будет!*» ⁶ и вызывающий им светлое торжество настоящего — радостные дни нового тысячелетнего царства божия на земле... И благо тому, кто не праздным зрителем смотрел на этот океан шуму несущейся жизни, кто видел в нем не одни обломки кораблей, яростно вздымающиеся волны да мрачную, лишь молниями освещенную ночь, кто слышал в нем не одни вопли отчаяния и крики гибели, но кто не терял при этом из вида и путеводной звезды, указывающей на цель борьбы и стремления, кто не был глух к голосу свыше: «Борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты — братья твои наслаются им и восхвалят вечного бога сил и правды!» Благо тому, кто, не довольствуясь настоящею действительностью, носил в душе своей идеал лучшего существования, жил и дышал одною мыслию — споспешествовать, по мере данных ему природою средств, осуществлению на земле идеала,— рано поутру выходил на общую работу и с мечом, и с словом, и с заступом, и с метлою, смотря по тому, что было ему по силам, и кто являлся к своим братьям не на одни пиры веселия, но и на плач и сетования... Благо тому, кто, падая в борьбе за святое дело совершенствования, с упоением страстного блаженства погружался в успокоительное лоно силы, вызвавшей его на дело жизни, и восклицал в священном восторге: «Все тебе и для тебя, а моя высшая награда — да святится имя твое и да придет царствие твое!..» [...]

[...] Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом и, по вине, наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник с этой платы берет 99 процентов на сто... Хорошо равенство! И будто легче умирать зимою, в холодном подвале или на холодном чердаке, с женою, с детьми, дрожащими от стужи, не евшими уже три дня, будто легче так умирать с хартикою, за которую пролито столько крови, нежели без хартии, но и без жертв, которых она требует?.. Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода. Мещане-собственники — люди прозаически положительные. Их любимое правило: *всякий у себя и для себя*. Они хотят быть правы по закону гражданскому и не хотят слышать о законах человечества и нравственности. [...] Бедствия народа в Париже выше всякой меры превосходят самые смелые выдумки фантазии ⁸.

Но искры добра еще не погасли во Франции — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя; но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума. Горе научило его уму-разуму и показало ему конституционную мишуру в ее истинном виде. Он уже не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет больше проливать своей крови за слова, которых значение для него темно, и за людей, которые любят его только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками, чтоб воспользоваться некупленным теплом. В народе уже быстро развивается образование, и он уже имеет своих поэтов, которые указывают ему его будущее, деля его страдания и не отделяясь от него ни одеждою, ни образом жизни. Он еще слаб, но он один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях «образованного» общества. Но и теперь еще у него есть истинные друзья: это люди, которые слили с его судьбою свои обеты и надежды и которые добровольно отреклись от всякого участия на рынке власти и денег. Многие из них, пользуясь европейскою известностью, как люди ученые и литераторы, имея все средства стоять на первом плане конституционного рынка, живут и трудятся в добровольной и честной бедности. Их добросовестный и энергический голос страшен продавцам, покупателям и акционерам администрации, — и этот голос, возвышаясь за бедный, обманутый народ, раздается в ушах админи-

стративных антрепренеров, как звук трубы судной⁹. Стоны народа, передаваемые этим голосом во всеуслышание, будят общественное мнение и потому тревожат спекулянтов власти. С этими честными голосами раздаются другие, более многочисленные, которые в заступничестве за народ видят верную спекуляцию на власть, надежное средство к низвержению министерства и занятию его места. Таким образом, народ сделался во Франции вопросом общественным, политическим и административным. [...]

[...] Изображая французский народ в своем романе, Эжен Сю смотрит на него, как истинный мещанин (*bourgeois*), смотрит на него очень просто — как на голодную, оборванную чернь, невежеством и нищетою осужденную на преступления. Он не знает ни истинных пороков, ни истинных добродетелей народа, не подозревает, что у него есть будущее, которого уже нет у торжествующей и преобладающей партии, потому что в народе есть вера, есть энтузиазм, есть сила нравственности.

РУКОВОДСТВО К ПОЗНАНИЮ НОВОЙ ИСТОРИИ [...] ¹⁰

История есть наука нашего времени, и потому наука новая. Несмотря на то, она уже успела сделаться господствующею наукою времени, альфою и омегою века. Она дала новое направление искусству, сообщила новый характер политике, вошла в жизнь и нравы частных людей. Ее вопросы сделались вопросами жизни и смерти для народов и для частных людей. Это *историческое* направление есть великое доказательство великого шага вперед, который сделало человечество в последнее время на пути совершенствования: оно свидетельствует, что отдельные лица начинают сознавать себя живыми органами общества — живыми членами человечества, и что, следовательно, само человечество живет уже не объективно только, но как живая, сознающая себя личность.

Есть две истории: одна непосредственная, другая сознательная. Первая — это сама жизнь человечества, из самой себя развивающаяся по законам разумной необходимости. Вторая — это изложение фактов жизни человечества, история писанная — сознание истории непосредственной. Все разумное имеет свою точку отправления и свою цель; движение есть проявление жизни, цель есть смысл жизни. В непосредственной жизни человечества мы видим стремление к разумному сознанию, стремление — непосредственное сделать в то же время и сознательным, ибо полное торжество разумности состоит в гармоническом слиянии непосредственного существования с сознательным. [...]

Мы знаем, что во времена глубокой древности и даже среди грубых, невежественных народов являлись гениальные личности, возвышавшиеся до значительных ступеней человеческого сознания. Но человек не есть сам себе цель: он живет среди других и для дру-

гих, так же как и другие живут для него. Народ — тоже личность, как и человек, только еще высшая; человечество — та же личность, что и народ, только еще высшая. Итак, если цель жизни каждого человека, отдельно взятого, — сознание, то что же, если не сознание, должно быть целью существования и каждого народа и всего человечества? Это тем яснее, что, как бы ни велик был человек, народ всегда выше его, и соединенные усилия многих людей всегда превзойдут в своих результатах его усилия.

А между тем мы видим, что доселе успехи сознания состоят только в том, что от индивидуумов они перешли к сословиям. Следовательно, человечеству предлежит пройти на пути совершенствования или сознания еще более длинный путь, нежели какой оно прошло уже; но этот путь будет уже более прямой и широкий; а это уже много — из чащей и дебрей выйти наконец на большую дорогу. Вот почему мы видим великий успех человечества в историческом направлении нашего века. Если человечество уже начало сознать себя человечеством — значит, близко время, когда оно будет человечеством не только непосредственно, как было доселе, но и сознательно. [...]

[...] Как из разнообразия характеров, способностей и воль множества людей, разнообразия, впрочем, запечатленного чем-то общим, образуется органическое единство политического тела — народ или государство, так из разнообразия характеров народов образуется единство человечества. [...] Каждый народ потому отличается более или менее от всех других, что должен в общую сокровищницу человечества принести свою лепту. В обществе один — земледелец, другой — ремесленник, третий — воин, четвертый — художник и так далее, каждый по своей способности и своему призванию, — и каждый по этому самому представляет собою необходимое колесо для движения общественной машины. То же и с народами в отношении к человечеству. [...] Ничто из прожитого человечеством не пропало втуне, но все сохранилось, чтоб ожить в новых, более сложных и полных формах, чтоб войти, подобно питательным сокам, в новое общественное тело и, присуществовавши ему, утучнить его на новое здравие и новые силы! И даже теперь, в наш век, холодный и расчетливый, положительный и мануфактурный, в наш век, в котором малодушие видит только гниение и близкую смерть и в котором действительно маленькими самолюбиями заменились великие страсти, а маленькими людьми — великие люди, — разве даже и в наш век развитие человечества остановилось? Да, если хотите, оно остановилось, но для того только, чтоб собраться с силами, запастись материальными средствами, которые столь же необходимы для него, как и духовные! И эти паровые машины, эти железные дороги, электрические телеграфы — все это что же такое, если не победа духа над грубою материею, если не предвестник близкого освобождения человека от материальных работ, унижающих душу и сокрушающих волю, от рабства нужды и вещественности! И одна-ко ж еще нелепее было бы думать, что теперь развитие должно оста-

новиться, потому что дошло до самой крайней степени и дальше идти не может. Нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: «Стой, довольно, больше идти некуда!» То, что мы называем человечеством, не есть какая-нибудь реальная личность, ограниченная в самой духовности ее материальными условиями и живущая для того, чтоб умереть: человечество есть идеальная личность, для которой нет смерти, ибо умирают люди, но человечество не только от этого не умирает, даже не умалется. Человечество — это дух человеческий, а всякий дух бессмертен и вечен! И в чем же бы состояла вечная жизнь человечества, чем бы наполнилась она, если б ее развитие остановилось навсегда? Жизнь только в движении; в покое — смерть. В чем будет состоять развитие человечества через тысячу лет? — подобный вопрос нелеп, потому что неразрешим. Но в эпоху всеобщего разложения элементов, которые доколе составляли жизнь обществ, в эпоху отрицания старых начал, на которые опиралась эта жизнь, в эпоху всеобщей тоски по обновлении и всеобщего стремления к новому идеалу можно предчувствовать и даже предвидеть основание будущей эпохи, ибо самое отрицание указывает на требование, и разрушение старого всегда совершается чрез появление новых идей. Если до сих пор человечество достигло многого, это значит, что оно еще большего должно достигнуть в скорейшее время. Оно уже начало понимать, что оно — человечество: скоро захочет оно в самом деле сделаться человечеством...

Мысль гордая и великая! Нет более случайности: дух божий ведет и движет дух человеческий к его цели! Исторический фатализм — богохульство; живая вера в прогресс и — ее следствие — сознание своего человеческого достоинства — вот плоды изучения истории, вот великое значение великой науки!.. [...]

[...] Понятие о *прогрессе* как источнике и цели исторического движения, производящего и рождающего события, должно быть прямым и непосредственным выводом из воззрения на народ и человечество как на идеальные личности. Но это движение и результат его — *прогресс* — должны быть определены и охарактеризованы как можно глубже и многостороннее. Есть люди, которые под прогрессом разумеют только сознательное движение, производимое благородными деятелями, и, как скоро на сцене истории не видят таких деятелей, сейчас приходят в отчаяние, их живая вера в провидение уступает место признанию враждебного рока, слепой случайности, дикого произвола. Такие люди во всяком материальном движении видят упадок и гниение общества, унижение человеческого достоинства, преклонившего колено перед тельцом златым и жертвенником Ваала. Есть другие люди, которые, напротив, думают, что общий прогресс может быть результатом только частных выгод, корыстного расчета и эгоистической деятельности нескольких сословий на счет массы общества, и вследствие этого хлопочут из всех сил о фабриках, мануфактурах, торговле, железных дорогах, машинах, об основании обществ на акциях и тому подобных *насушенных и по-*

лезных предметах. Такие люди всякую высокую мысль, всякое великодушное чувство, всякое благородное деяние считают донкихотством, мечтательностью, бесполезным брожением ума, потому что все это не дает процентов. Очевидно, это две крайности. [...] Общество [...] предмет многосторонний, организм многосложный, который состоит из души и тела и в котором, следовательно, *нравственная* сторона должна быть тесно слита с *практической* и интересы *духовные* — с выгодами материальными. Общество тогда опирается на прочном основании, когда оно живет высокими верованиями — источником великих движений и великих деяний; в верованиях скрываются идеи; через распространение и обобщение идей общества двигаются вперед. Но идеи не летают по воздуху; они расходятся по мере успехов коммуникации между обществами, а коммуникации требуют путей материальных. Отсюда великое нравственное значение, например, железных дорог, кроме их великого материального значения как средства к усилению материального благосостояния обществ. Историк должен показать, что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если б человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни, — он навсегда остался бы в животном состоянии. Этой истины может пугаться только детское чувство или пошлый идеализм. Но эта истина не поведет ума дельного к разочарованию; дельный ум увидит в ней только доказательство того, что дух не гнушается никакими путями и побеждает материю ее же собственным содействием, ее же собственными средствами. И потому в истории являются необходимыми не одни герои добра и сердечного убеждения, но и честолобивые эгоисты и даже самые злодеи [...]. И все они равно работали одному и тому же духу человеческому, только одни сознательно, действуя для него и во имя его, а другие — бессознательно, действуя для себя самих, во имя своего я. И нигде, ни в чем не видно так ясно присутствия миродержавных судеб божиих, как в этом равномерном служении духу и добрых, и эгоистов, и злых, в котором скептики видят неопровержимое доказательство, что человечеством правит слепой случай: ибо где же было бы обеспечение прогресса, порука за высокую цель, к которой стремится человечество, если б судьба народа или человечества зависела только от явления честолобивых личностей, подверженных и смерти и всем случайностям? Напротив, так как источник прогресса есть сам же дух человеческий, который непрерывно живет, то есть непрерывно движется, то прогресс не прерывается даже в эпохи гниения и смерти обществ, ибо это гниение необходимо, как приготовление почвы для цвета новой жизни, и самая смерть в истории, как и в природе, есть только возродительница новой жизни. [...]

[...] Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль,— об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими... [...]

[...] Не любя гаданий и мечтаний и пуще всего боясь произвольных, личных выводов, мы не утверждаем за непреложное, что русскому народу предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себе все чуждое ему; но смеем думать, что подобная мысль, как предположение, высказываемое без самохвальства и фанатизма, не лишена основания... [...]

Человеческое присуще человеку потому, что он — человек; но оно проявляется в нем не иначе, как, во-первых, на основании его собственной личности и в той мере, в какой она может его вместить в себе, а во-вторых, на основании его национальности. Личность человека есть исключение других личностей и по тому самому есть ограничение человеческой сущности: ни один человек, как бы ни велика была его гениальность, никогда не исчерпает самим собою не только всех сфер жизни, но даже и одной какой-нибудь ее стороны. Ни один человек не только не может заменить самим собою всех людей (то есть сделать их существование ненужным), но даже и ни одного человека, как бы он ни был ниже его в нравственном или умственном отношении; но все и каждый необходимы всем и каждому. На этом и основано единство и братство человеческого рода. Человек силен и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — *национальность*. Она есть самобытный результат соединения людей, но не есть их произведение: ни один народ не создал своей национальности, как не создал самого себя. Это указывает на кровное, родовое происхождение всех национальностей. Чем ближе человек или народ к своему началу, тем ближе он к природе, тем более он ее раб; тогда он не человек, а ребенок, не народ, а племя. В том и другом человеческое развивается по мере их освобождения от естественной непосредственности. Этому освобождению часто способствуют разные внешние причины; но человеческое тем не менее приходит к народу не извне, а из него же самого, и всегда проявляется в нем национально.

Собственно говоря, борьба человеческого с национальным есть не больше, как риторическая фигура; но в действительности ее нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы переработывать их, самодея-

тельностью собственной национальности, в собственную же сущность,— тогда он гибнет политически. [...]

[...] Со дня на день более и более обнаруживается в наше время сочувствие и любовь народа к народу. Это утешительное, гуманное явление есть результат просвещения. Но из этого отнюдь не следует, чтобы просвещение сглаживало народности и делало все народы похожими один на другой, как две капли воды. Напротив, наше время есть по преимуществу время сильного развития национальностей. Француз хочет быть французом и требует от немца, чтобы тот был немцем, и только на этом основании и интересуется им. В таких точно отношениях находятся теперь друг к другу все европейские народы. А между тем они нещадно заимствуют друг у друга, несколько не боясь повредить своей национальности. [...]

Разделение народа на противоположные и враждебные будто бы друг другу большинство и меньшинство, может быть, и справедливо со стороны логики, но решительно ложно со стороны здравого смысла. Меньшинство всегда выражает собою большинство, в хорошем или в дурном смысле. Еще страннее приписать большинству народа только дурные качества, а меньшинству — одни хорошие. Хороша была бы французская нация, если бы о ней стали судить по развратному дворянству времен Людовика XV-го! Этот пример указывает, что меньшинство скорее может выражать собою более дурные, нежели хорошие стороны национальности народа, потому что оно живет искусственной жизнью, когда противопоставляет себя большинству, как что-то отдельное от него и чуждое ему. Это видим мы и в современной нам Франции, в лице *bourgeoisie* * — господствующего теперь в ней сословия. [...]

Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности. То, что для нас, русских, еще важные вопросы, давно уже решено в Европе, давно уже составляет там простые истины жизни, в которых никто не сомневается, о которых никто не спорит, в которых все согласны. И — что всего лучше — эти вопросы решены там самою жизнью, или если теория и имела участие в их решении, то при помощи действительности.— Но это несколько не должно отнимать у нас смелости и охоты заниматься решением таких вопросов, потому что, пока не решим мы их сами собою и для самих себя, нам не будет никакой пользы в том, что они решены в Европе. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы те же, да не те, и требуют другого решения.— Теперь Европу занимают новые великие вопросы¹². Интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми. Но в то же время для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы как наши собственные. В них нашего только то, что применимо к нашему положению; все остальное чуждо нам, и мы стали бы играть роль донкихотов, горячася из него. Этим мы заслужили бы скорее насмешки европейцев,

* — буржуазии (франц.).— *Ред.*

нежели их уважение. У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения. Это направление будет плодотворно, если и не будет блестяще. И начатки этого направления видим мы в современной русской литературе [...].

[ПИСЬМО К Н. В. ГОГОЛЮ] ¹³

[...] Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и неволе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками*; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута треххвостой плетью ¹⁴. Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом полусне! И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое как будто в зеркале, — является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их *неумными рылами!*.. [...] Нет, если бы Вы действительно преисполнились истиною Христова, а не дьяволова учения, — совсем не то написали бы Вы Вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему, что так как его крестьяне — его братья во Христе, а как брат не может быть рабом своего брата, то он и должен или дать им свободу, или хотя, по крайней мере, пользоваться их трудами как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном в отношении к ним положении. [...]

[...] Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и

угодницей деспотизма; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлен, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, — чем и продолжает быть до сих пор. Но смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели Вы этого не знаете? [...]

СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ [...] ¹⁵

В последнее время положение народа всюду стало возбуждать особенное внимание правительств, обществ, науки и литературы. Торжество божественного учения евангелия и успехи образованности должны были наконец довести до этого Европу, несмотря на царствовавшие в ней феодальные предрассудки и учреждения, долго разъединявшие государственные сословия.

В Европе и у нас — это тот же вопрос, но не тот его характер. У нас не было завоевания и — результата его — феодализма, стало быть, в нашей истории не было борьбы двух враждебных элементов, из которых один представлялся бы племенем завоевавшим, другой — покоренным. Отсюда, например, система поземельной собственности у нас совсем другая. При дворянстве, владеющем своею землею, у нас существует многочисленный класс свободных земледельцев, владеющих своею землею на коммунальном начале. Это обстоятельство, вместе с слабым развитием мануфактурной промышленности, причиною того, что у нас нет пролетариата в том виде, как он существует в Европе. Отсюда явление нищеты у нас имеет другой характер и другие причины. Оно делается очевидным, бросается в глаза только при неурожаях. Стало быть, это зло временное и местное, которое, по обширности России, никогда не может быть для нее общим. Но тем не менее это зло трудно предупредить и также трудно облегчать. И вот тут-то, стало быть, настоящее наше зло. А какие его причины? — невежество, старые закоренелые привычки и предрассудки, ложные начала, на которых опирается наше земледелие, неразвитость, или, лучше сказать, почти несуществование той промышленности, которой потребителем должна б быть масса народа, затруднительность сообщений. Очевидно, что самое верное лекарство против такого зла должно состоять в

успехах цивилизации и просвещения. Путь мирный и спокойный, рущающийся за достижение великой цели общего благосостояния! [...]

[...] Мы не знаем доселе ни одного народа, которого развитие и ход вперед не были бы основаны на разделении народной жизни на народ и общество. Этого разделения нет у азиатских коснеющих народов, ибо у них разделяют народ касты, привилегии, но не просвещение и образование. Начиная с греков, родоначальников европейской цивилизации, у всех европейских народов высшие сословия были представителями образования и просвещения, по крайней мере везде то и другое начиналось с них и от них шло и к народу. Без этих высших сословий, которым обеспеченное положение и присвоенные права давали возможность обратить свою деятельность на предметы умственные, народы навсегда остались бы на первобытной степени их патриархального быта. Ученые и художники большею частью везде выходили из народа, но не к народу обращались они. Правда, во времена всеобщего невежества, например, в мрачной ночи средних веков, ученые в особенности составляли особую касту, равно чуждую и народу и обществу, и с той и другой стороны могли ожидать для себя только обвинения в чернокнижничестве и костра. Но когда мрак невежества начал рассеиваться, к кому обратились служители науки, кто принял в них участие? — средние и высшие сословия, а не народ. Что касается до искусств, они всегда существовали и поддерживались высшими сословиями. Стало быть, это разделение народа на классы было необходимо для развития человечества. Личность вне народа есть призрак, но и народ вне личности есть тоже призрак. Одно условливается другим. Народ — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы. Развитие всегда и везде совершалось через личности, и потому-то история всякого народа так похожа на ряд биографий нескольких лиц. История показывает, как часто случалось, что один человек видел дальше и понимал лучше всего народа то, что нужно было народу, один боролся с ним и побеждал его сопротивление, и самым народом причислялся потом за это к числу его героев. [...]

Итак, очевидно, что разделение на классы было необходимо и благотельно для развития всего человечества и что выйти из привычек и обычаев простого народа совсем не значит выйти из стихии народной жизни в какую-то пустоту и отвлеченность и сделаться призраком. Один народ, разумея под этим словом только людей низших сословий, не есть еще нация: нацию составляют все сословия. Люди, которые презирают народ, видя в нем только невежественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно в работе и голоде, такие люди теперь не стоят возражений: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вместе. Люди, которые смотрят на народ человечнее, но думают, что, по причине его невежества и необразованности, он не заслуживает изучения и что вовсе нечему учиться у него, такие люди, конечно, ошибаются, и с ними мы готовы

всегда спорить. Но еще больше их ошибаются те, которые думают, что народ нисколько не нуждается в уроках образованных классов и что он может от них только портиться нравственно. Нет, господа мистические философы, нуждается, да еще как! Народ — вечно ребенок, всегда несовершеннолетен. Бывают у него минуты великой силы и великой мудрости в действии, но это минуты увлечения, энтузиазма. Но и в эти редкие минуты он добр и жесток, великодушен и мстителен, человек и зверь. Никакая личность не сравнится с ним в эти минуты ни в способности ясно видеть истину, ни в способности грубо заблуждаться, ни в добре, ни в зле, ни в гениальности, ни в ограниченности. Это сила природная, естественная, непосредственная, великая и ничтожная, благородная и низкая, мудрая и слепая в ее торжественных проявлениях. Это — море, величественное и в тишине и в буре, но никогда не зависящее от самого себя, никогда не управляющее само собою: ветер его повелитель... Просвещение и образование никогда не могут лишить народ его силы и очень могут исправить или по крайней мере смягчить его недостатки. [...]

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 1847 ГОДА ¹⁶

[...] «Что за охота наводнять литературу мужиками?» — восклицает аристократы известного разряда. [...] А разве мужик — не человек? — Но что может быть интересного в грубом, необразованном человеке? — Как что? — его душа, ум, сердце, страсти, склонности, — словом, все то же, что и в образованном человеке. [...] Конечно, отвернуться с презрением от человека падшего гораздо легче, нежели протянуть ему руку на утешение и помощь, так же как осудить его строго, во имя нравственности, гораздо легче, нежели с участием и любовью войти в его положение, исследовать до глубины причину его падений и пожалеть о нем, как о человеке, даже и тогда, когда он сам окажется много виноватым в своем падении. Искупитель рода человеческого приходил в мир для всех людей; не мудрых и образованных, а простых умом и сердцем рыбаков призвал он быть «ловцами человеков» ¹⁷, не богатых и счастливых, а бедных, страждущих, падших искал он, чтобы одних утешить, других ободрить и восстановить. Гнойные язвы на едва прикрытом нечистыми лохмотьями теле не оскорбляли его исполненного любви и милосердия взгляда. Он — сын бога — человечески любил людей и страдал им в их нищете, грязи, позоре, разврате, пороках, злодействах; он разрешил бросить камень в блудницу тем, которые ничем не могли упрекнуть себя в совести, и устыдил жестокосердных судей и сказал падшей женщине слово утешения, — и разбойник, испуская дух на орудии заслуженной им казни, за одну минуту раскаяния услышал от него слово прощения и мира... ¹⁸ А мы — сыны человеческие — мы хотим любить из наших братьев только равных нам, отворачиваемся от низших, как от парий, от падших, как от прокаженных... Какие добродетели и

заслуги дали нам на это право? Не отсутствие ли именно всяких добродетелей и заслуг?.. Но божественное слово любви и братства не втуне огласило мир. То, что прежде было обязанностью только призванных лиц или добродетелью немногих избранных натур, — это самое делается теперь обязанностью обществ, служит признаком уже не одной добродетели, но и образованности частных лиц. Посмотрите, как в наш век везде заняты все участью низших классов, как частная благотворительность всюду переходит в общественную, как везде основываются хорошо организованные, богатые верными средствами общества для распространения просвещения в низших классах, для пособия нуждающимся и страждущим, для отвлечения и предупреждения нищеты и ее неизбежного следствия — безнравственности и разврата. Это общее движение, столь благородное, столь человеческое, столь христианское, встретило своих порицателей в лице поклонников тупой и косной патриархальности. Они говорят, что тут действует мода, увлечение, тщеславие, а не человеколюбие. Пусть так, да когда же и где же в лучших человеческих действиях не участвовали подобные мелкие побуждения? Но как же сказать, что только такие побуждения могут быть причиною таких явлений? Как думать, что главные виновники таких явлений, увлекающие своим примером толпу, не одушевлены более благородными и высокими побуждениями? Разумеется, нечего удивляться добродетели людей, которые бросаются в благотворительность не по чувству любви к ближнему, а из моды, из подражательности, из тщеславия; но это добродетель в отношении к обществу, которое исполнено такого духа, что и деятельность суетных людей умеет направлять к добру! Это ли не отрадное в высшей степени явление новейшей цивилизации, успехов ума, просвещения и образованности? [...]

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Первая статья, в которой Белинский выступил с проповедью идей социализма. Написана по поводу книги «Руководство к всеобщей истории. Сочинение Фридриха Лоренца. Часть 1». (СПб., 1841); впервые опубликована: ОЗ, 1842, № 4, без подписи. Отрывки печатаются по: Белинский, т. 4, с. 390, 391—392, 393, 395—396.

В самом начале 40-х годов Белинский приходит к выводу: «Вообще все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно. Пора освободиться личности человеческой, и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности — мнения черни и предания варварских веков» (Белинский, т. 9, с. 434.— Письмо В. П. Боткину от 30 декабря 1840 — 22 января 1841 г.). Письмо Белинского к Боткину от 8 сентября 1841 г. свидетельствует о его неистовой одержимости «идеями социализма», или, как он еще выражается, идеей «социальности»: «Социальность, социальность — или смерти! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? [...] Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее

представителей. [...] И настанет время — я горячо верю этому, настанет время, когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы [...] когда не будет бессмысленных форм и обрядов, не будет договоров и условий на чувство, не будет долга и обязанностей, и воля будет уступать не воле, а одной любви [...]. Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос сдаст свою власть Отцу, а Отец-Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новою землею» (Белинский, т. 9, с. 482—484). Белинский излагает здесь в своей интерпретации, в духе христианского социализма первое послание св. апостола Павла к Коринфянам (15—24). При этом Белинский едко высмеивает мысль о том, что установление мира социальной гармонии «может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов» (Белинский, т. 9, с. 484). В статье «Руководство к всеобщей истории» Белинский попытался печатно выразить свои социалистические убеждения той поры.

² Под ориентализмом, прославлявшим «немой, мертвый эмпиризм», имеется в виду журналист и издатель, профессор кафедры восточных языков Петербургского университета О. И. Сенковский.

³ Данные слова — одна из первых характеристик Белинским будущего социалистического общества. Одновременно с написанием статьи о книге Ф. Лоренца Белинский начал работу над большим сочинением, не напечатанным при его жизни и получившим при первой публикации (в 1862 г.) заглавие «Общее значение слова литература». В этом произведении также получила выражение идея грядущего социалистического общества (см.: Белинский, т. 6, с. 502—503, 649). Что касается путей к «великому семейству человечества», то они мыслятся Белинским следующим образом: «[...] Тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснотушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» (Белинский, т. 9, с. 511).

⁴ Статья по поводу выхода в свет четырехтомной «Истории Малороссии» (М., 1842) Н. А. Маркевича; впервые опубликована: 03, 1843, № 5, без подписи. Отрывки печатаются по: Белинский, т. 5, с. 223, 224.

⁵ Отрывок из «статьи второй» (впервые опубликована: 03, 1843, № 9, без подписи) пушкинского цикла статей Белинского, написанного в связи с завершением издания посмертного Собрания сочинений А. С. Пушкина (1838—1841), печатается по: Белинский, т. 6, с. 159—160.

⁶ Реминисценция из Библии (Ветхий завет, Бытие, I).

⁷ Статья по поводу вышедшего в 1844 г. в Петербурге русского перевода романа Эжена Сю «Парижские тайны»; напечатана впервые: 03, 1844, № 4, без подписи. В переводе К. Р. Липперта, сделанном либо с рукописи, либо с корректуры статьи до ее просмотра в цензуре, значительная часть статьи была напечатана по-немецки (с некоторыми разночтениями) под заглавием «Eugen in Rußland» («Эжен Сю в России») в лейпцигской газете «Zeitung für die elegante Welt» (1844, 7 августа, № 32). Извлечения печатаются по: Белинский, т. 7, с. 62—65, 67.

⁸ Далее в немецком тексте следуют отсутствующие в 03 слова: «Рассмотрим теперь другую сторону картины: человек-собственник одержим злым духом стяжательства. Его жизнь — непрерывная азартная игра, постоянный крик: *va banque!* Ажиотаж, оппозиция в палате, подкуп избирателей, покровительство эфемерной власти, от которой зависит раздача доходных мест, — это зеленый стол, на который он ставит свой капитал. Неутолимая жажда собственности, ненасытный волчий голод по золоту составляет единственный пафос в жизни богачей, которые хотят стать еще богаче: так называемые «talants» [...] (адвокаты, ученые, литераторы), у которых еще нет состояния, стремятся только к одному — обогатиться, а если они уже богаты, то стать еще богаче. Отсюда можно вывести заключение о нравственности общества. Все там покупается, до голоса избирателя до совести, там не верят ни во что, кроме власти денег [...]» (Белинский, т. 7, с. 661—662).

⁹ Под «истинными друзьями» народа здесь явно подразумеваются французские социалисты Луи Блан, Пьер Леру и др.

¹⁰ Рецензия на «Руководство к познанию новой истории для средних учебных

заведений, сочиненное С. Смарагдовым, адъюнкт-профессором императорского Александровского лицея». СПб., 1844; впервые напечатана: 03, 1844, № 9, без подписи. Отрывки воспроизводятся по: *Белинский*, т. 7, с. 86, 87, 90—92, 93—95.

¹¹ Впервые опубликовано: С, 1847, № 1, без подписи. Отрывки печатаются по: *Белинский*, т. 8, с. 195—196, 202—203, 204, 205—206.

¹² Намек на проблемы, поставленные развитием капиталистического общества (пауперизация масс и т. п.) и обсуждаемые в работах западноевропейских социалистов. Несколько месяцев спустя, 7(19) июля 1847 г., Белинский писал из Дрездена Боткину: «Что за нищета в Германии, особенно в несчастной Силезии [...]. Только здесь я понял ужасное значение слов *пауперизм* и *пролетариат*. В России эти слова не имеют смысла» (*Белинский*, т. 9, с. 648).

¹³ Ответ (написан 14(26) июля 1847 г. в Зальцбрунне) на письмо Н. В. Гоголя из Франкфурта (около 8(20) июня 1847 г.), вызванное опубликованием рецензии (С, 1847, № 2, подпись: В. Б.) на книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Широко распространялся в списках в России, был известен петрашевцам. Впервые опубликован в 1855 г. Герценом (неисправно) в ПЗ, кн. 1. Отрывки печатаются по: *Белинский*, т. 8, с. 282—284.

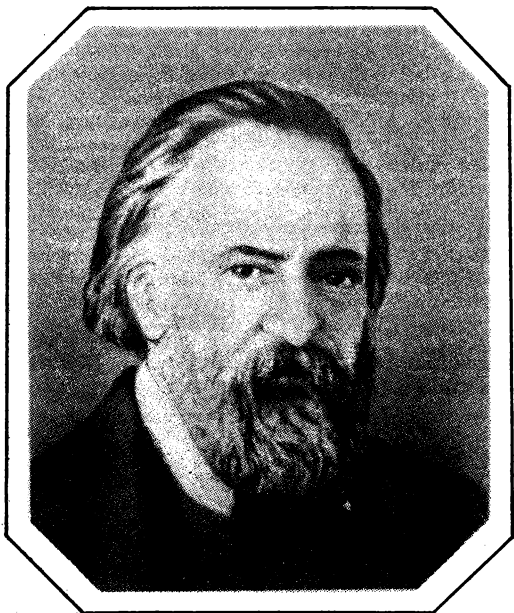
¹⁴ Имеется в виду «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., согласно которому наказание кнутом заменялось увеличенным количеством ударов плетью.

¹⁵ Рецензия на книгу «Сельское чтение, издаваемое князем В. Ф. Одоевским и А. П. Заблочким. Книжка четвертая». СПб., 1848. Впервые опубликована: С, 1848, № 1, без подписи. Отрывки печатаются по: *Белинский*, т. 8, с. 600—601, 603—604.

¹⁶ Впервые опубликовано: С, 1848, № 1 и 3, первая статья без подписи, вторая с подписью: В. Белинский. Отрывки печатаются по: *Белинский*, т. 8, с. 357—359, 367.

¹⁷ См.: Евангелие от Матфея, 4, 18—19.

¹⁸ См.: Евангелие от Луки, 23, 39—43.

Александр Иванович **ГЕРЦЕН**

Все несчастье прошлых переворотов состояло именно в опущении экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрела, чтоб занять свое место.

А. И. ГЕРЦЕН

Понять всю ширину и действительность, понять всю святость прав личности и не разрушить, не раздробить на атомы общество — самая трудная социальная задача. Ее разрешит, вероятно, сама история для будущего [...].

А. И. ГЕРЦЕН

Александр Герцен родился в Москве 25 марта (6 апреля) 1812 г. Отец его — богатый помещик И. А. Яковлев; мать — немка Луиза Гааг. Брак родителей оформлен не был, фамилия для сына была придумана отцом (от немецкого Herz — сердце).

Свое «духовное рождение» Герцен вел от выступления декабристов; вместе с другом Николаем Огаревым он поклялся отомстить за казненных царем Николаем I руководителей движения. Готовясь «пожертвовать жизнью борьбе», юноша Герцен зачитывается «потаенными» стихами К. Рыльева и А. Пушкина, восторгается идеями Ж.-Ж. Руссо, увлекается драмами Ф. Шиллера, размышляет над Плутархом. Большое воздействие на формирование мировоззрения Герцена оказали события июльской революции 1830 г. во Франции и Польского восстания 1830—31 гг., особенно жестокая

расправа царизма над польскими повстанцами и кровавое подавление французской буржуазией восстания лионских ткачей (1831 г.). Подтверждение своим размышлениям о несовершенстве порядков в современной ему Западной Европе, опору своим мечтаниям об обществе всеобщего счастья Герцен нашел в сенсимонистском учении, с которым он впервые познакомился (как и с идеями Ш. Фурье) в 1832—33 гг.

В 1833 г. Герцен окончил физико-математическое отделение Московского университета. В июле 1834 г. вместе с Огаревым и некоторыми другими участниками сложившегося вокруг них кружка вольномыслящих юношей Герцен был арестован; за образ мыслей, «не свойственных духу правительства, мнения революционные и проникнутые пагубным учением Сен-Симона» (*Герцен*, т. 8, с. 206) его ссылают в апреле 1835 г. в Пермь, оттуда — в Вятку; в конце 1837 г. он переводится во Владимир. В начале 1840 г. Герцен вернулся в Москву, в мае переехал в Петербург, к месту службы в канцелярии министерства внутренних дел. В июле 1841 г. за резкий отзыв в частном письме о полиции выслан в Новгород.

Выйдя в отставку, Герцен по возвращении из ссылки (июль 1842 г.) живет в Москве, занимается писательской деятельностью (роман «Кто виноват?», 1841—46, и др.), участвует в идейно-литературной борьбе, печатает в журнале «Отечественные записки» блестящие философские работы («Дилетантизм в науке», 1842—43, «Письма об изучении природы», 1844—45, и др.), в которых «сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 256). В это время Герцен окончательно укрепляется на позициях атеизма, материализма, социализма и революционного демократизма.

В 1847 г. Герцен уехал с семьей за границу, был очевидцем событий революции 1848 г. во Франции и Италии. В 1849 г. переехал в Женеву (Швейцария). Участвовал в газете Прудона «*La Voix du peuple*» («Голос народа»). В 1850 г. поселился в Ницце. В том же году на требование царского правительства вернуться в Россию ответил отказом.

Поражение революции 1848—49 гг. привело Герцена к пересмотру некоторых важных положений мировоззрения. Он отказывается от идей разумности истории, которую прежде в общем разделял, резко критикует разного рода социальные утопии и романтические иллюзии, ставя под сомнение даже способность науки верно отразить и предвидеть направление исторического движения («С того берега», 1847—50 и др.). Не видя совпадения хода истории и развития человеческой мысли, выдвинувшей и разрабатывавшей социалистический идеал, Герцен впадает в пессимистическое и скептическое настроение относительно возможных перспектив социального переворота на Западе. По словам В. И. Ленина, эта «духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демокра-

тии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не созрела*» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256). Формой преодоления этой духовной драмы была герценовская теория «русского» крестьянского социализма: в сельской общине Герцен усмотрел, как ему казалось, реальный зародыш социалистического будущего: он полагал, что «человек будущего в России — *мужик*, точно так же, как во Франции *работник*» (Герцен, т. 7, с. 326), и ставил в этой связи вопрос о возможности для России миновать буржуазную, «мещанскую» фазу развития.

С августа 1852 г. Герцен живет в Лондоне; здесь он основал (1853 г.) Вольную русскую типографию для борьбы с крепостничеством и царизмом, издавал с 1855 г. альманах «Полярная звезда», в 1857—67 гг. вместе с Огаревым выпускал первую русскую революционную газету «Колокол». Вскоре после крестьянской реформы 1861 г. Герцен резко выступил в «Колоколе» против либерализма, опубликовал статьи, разоблачающие грабительский характер реформы, напечатал прокламации и другие документы революционного подполья. В период Польского восстания 1863—64 гг., понимая обреченность движения, Герцен вместе с тем счел необходимым выступить в защиту Польши.

В произведениях 50—60-х годов («Былое и думы», 1852—68, «Концы и начала», 1862—63, «Письма к противнику», 1864, и др.), уделяя особое внимание разработке проблем личности и общества, Герцен выступал последовательным критиком как буржуазного индивидуализма, «мещанства», так и уравнилельных коммунистических утопий (Бабефа, Кабе и др.). Стремясь избежать крайностей фатализма и волонтаризма, понять историю как «свободное и необходимое дело» человека, Герцен развивает идею единства среды и личности, исторических обстоятельств и человеческой воли. Пересматривая свое прежнее понимание перспектив социального развития Европы, он вновь ставит вопрос о «современной борьбе капитала с работой». Теоретическим завещанием Герцена стала последняя его работа — «К старому товарищу» (1869), в которой, адресуясь к М. А. Бакунину, Герцен осуждает крайне экстремистские призывы к немедленному социальному перевороту, уничтожению государства, требование не «учить народ», а «бунтовать его».

В последние годы жизни, разойдясь по ряду вопросов с молодой революционной эмиграцией, Герцен жил в разных городах Европы. Умер Герцен 9(21) января 1870 г. в Париже, похоронен на кладбище Пер-Лашез. Впоследствии прах его был перевезен в Ниццу.

СОЧИНЕНИЯ

Сочинения А. И. Герцена и переписка с Н. А. Захарьиной. В 7 т. Издание Ф. Ф. Павленкова. СПб., 1905—06.

Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Под редакцией М. К. Лемке. Пг., 1919—25, т. 1—22.

- Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. М., 1954—66.
Герцен А. И. Сочинения. М., 1955—58, т. 1—9.
Герцен А. И. Избранные философские сочинения. В 2 т. М., 1948.
Герцен А. И. О социализме. Избранное. Вступительная статья В. П. Волгина. М., 1974.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. Памяти Герцена.— Полн. собр. соч., т. 21, с. 255—262.
Плеханов Г. В. Сочинения. М.—Л., 1926, т. 23 [Статьи о Герцене].
Ветринский Ч. Герцен. СПб., 1908 (в приложении — А. Г. Фомин. Библиография произведений Герцена и литературы о нем).
Стеклов Ю. А. И. Герцен. Л., 1930.
Пипер Л. Мировоззрение Герцена. М.—Л., 1935.
Литературное наследство. М., 1941—58, т. 39/40, 41/42, 61—64.
Чесноков Д. И. Мировоззрение Герцена. /М./, 1948.
Эльсберг Я. Е. Герцен. Жизнь и творчество. Изд. 3-е. М., 1956.
Герцен в воспоминаниях современников. /М./, 1956.
Гинзбург Л. «Былое и думы» Герцена. Л., 1957.
Володин А. И. В поисках революционной теории (А. И. Герцен). М., 1962.
Проблемы изучения Герцена. Сборник статей. М., 1963.
Володин А. И. Герцен. М., 1970.
Розанова С. А. Толстой и Герцен. М., 1972.
Смирнова З. В. Социальная философия Герцена. М., 1973.
Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973 (2-е изд.— 1984).
Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. М., 1974—83, т. 1—3.
Прокофьев В. Герцен. М., 1979 (имеется библиография).
Славин Л. И. Ударивший в колокол. Повесть об Александре Герцене. М., 1983 («ПР»).

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография литературы об А. И. Герцене. 1917—1970. Л., вып. 1, 1978.

ТЕКСТЫ

ДИЛЕТАНТИЗМ В НАУКЕ ¹

[...] Во все времена долгой жизни человечества заметны два противоположные движения; развитие одного обуславливает возникновение другого, с тем вместе борьбу и разрушение первого.

В какую обитель исторической жизни мы не всмотримся — увидим этот процесс, и притом повторяющийся рядом метемпсихоз ². Вследствие одного начала лица, имеющие какую-нибудь общую связь между собою, стремятся отойти в сторону, стать в исключительное положение, захватить монополию. Вследствие другого начала массы стремятся поглотить выгородивших себя, взять себе плод их труда, растворить их в себе, уничтожить монополию. В каждой стране, в каждой эпохе, в каждой области борьба монополии и масс выражается иначе, но цехи и касты беспрерывно образуются, массы беспрерывно их подрывают, и, что всего страннее, масса, судившая вчера цех, сегодня сама оказывается цехом, и завтра масса степенью общёе поглотит и побьет ее, в свою очередь. Эта полярность — одно из явлений жизненного развития человечества, явление вроде пульса, с той разницей, что с каждым биением пульса человечество делает шаг вперед. Отвлеченная мысль осуществляется в цехе, группа людей, собравшихся около нее, во имя ее, — необходимый организм ее развития; но как скоро она достигла своей возмужалости в цехе, цех делается ей вреден [...]. Натура мысли лучезарна, всеобща; она жаждет обобщения, она вырывается во все щели, утекает между пальцами. Истинное осуществление мысли не в касте, а в человечестве; она не может ограничиться тесным кругом цеха; мысль не знает супружеской верности — ее объятия всем; она только для того не существует, кто хочет эгоистически владеть ею. Цех падает по мере того, как массы постигают мысль и симпатизируют с нею; жалеть нечего — он сделал свое. Цель отторжения непременно единение, общение. [...] Можно предположить, что *pour la bonne bouche* * цех человечества обнимет все прочие. Это еще не скоро. Пока — человек готов принять всякое звание, но к званию человека не привык ³.

[...] Будущее — возможность, а не действительность: его, собственно, нет. Идеал для всякой эпохи — она сама, очищенная от случайности, преображенное созерцание настоящего. Разумеется, чем

* — напоследок (франц.). — Ред.

всеобъемлемее и полнее настоящее, тем всемирнее и истиннее его идеал. Такова наша эпоха. Народы, грядя на совершение судеб человечества, не знали аккорда, связывавшего их звуки в единую симфонию; Августин на развалинах древнего мира возвестил высокую мысль о веси господней, к построению которой идет человечество, и указал вдали торжественную субботу успокоения. Это было поэтико-религиозное начало философии истории; оно очевидно лежало в христианстве, но долго не понимали его; не более, как век тому назад, человечество подумало и в самом деле стало спрашивать отчета в своей жизни, провидя, что оно не даром идет и что биография его имеет глубокий и единый всесвязывающий смысл. Этим совершеннолетним вопросом оно указало, что воспитание оканчивается. Наука взялась отвечать на него; едва она высказала ответ, явилась у людей потребность выхода из науки — второй признак совершеннолетия [...]. Из врат храма науки человечество выйдет с гордым и поднятым челом, вдохновенное сознанием: *omnia sua secum portans* * — на творческое создание веси божией. Примирение науки ведением сняло противоречия. Примирение в жизни снимет их блаженством **. [...]

Но как будет это? Как именно — принадлежит будущему. Мы можем предузнавать будущее, потому что мы — посылки, на которых оснуется его силлогизм, — но только общим, отвлеченным образом. Когда настанет время, молния событий раздерет тучи, сожжет препятствия, и будущее, как Паллада, родится в полном вооружении⁵. Но вера в будущее — наше благороднейшее право, наше неотъемлемое благо; веруя в него, мы полны любви к настоящему.

И эта вера в будущее спасет нас в тяжкие минуты от отчаяния; и эта любовь к настоящему будет жива благими деяниями⁶.

ПИСЬМА ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ⁷

[...] Что касается до Руссо, я не могу безусловно принять за вранье того, что он говорит об искусственности в жизни современного ему общества: искусственным кажется неловкое, натянутое, обветшалое. Руссо понял, что мир, его окружавший, неладен; но, нетерпеливый, негодующий и оскорбленный, он не понял, что хранила устаревшей цивилизации о двух дверях. Боясь задохнуться, он бросился в те двери, в которые входят, и изнемог, борясь с потоком, стремившимся прямо против него. Он не сообразил, что восстановление первобытной дикости более искусственно, нежели выжившая из ума цивилизация. Мне, в самом деле, кажется, что наш образ жизни, особенно в больших городах — в Лондоне или Берлине, все

* — все свое неся с собой (лат.). — Ред.

** При этом невольно вспомнилась великая мысль Спинозы: «*Beatitudo non est virtutis praemium, sed ipsa virtus*»⁴ (Счастье не награда за доблесть, а сама доблесть [лат.]) — [Прим. А. И. Герцена].

равно, — не очень естествен; вероятно, он во многом изменится, — человечество не давало подписки жить всегда, как теперь; у развивающейся жизни ничего нет заветного. [...]

[...] Во всех этих учениях [стоицизме, эпикуреизме, скептицизме, неоплатонизме. — *Сост.*] веет грядущее, но во всех *чего-то* недостает, — того властного глагола, той молнии, которая сплавляет из отрывчатых и полувывказанных начинаний единое целое. У неоплатоников — почти как у нынешних мечтателей-социалистов — пробиваются великие слова: примирение, обновление, παλιγγενεῖς⁸, αλοχατάδης лавтwν, но они остаются отвлеченными, неудобопонятными, так, как их теодицея⁹; неоплатонизм был для ученых, для немногих. [...]

[...] Человек не отошел, как думали мыслители XVIII века, от своего естественного состояния, — *он идет к нему* [...].

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ¹⁰

[...] Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности. Она была минутно хороша как отрицание, как переход, как противоположность, как отстаивание себя. Ее сил стало на борьбу и на победу; но сладить с победою она не могла: не так воспитана. Дворянство имело свою общественную религию; правилами политической экономии нельзя заменить догматы патриотизма, предания мужества, святыню чести; есть, правда, религия, противоположная феодализму, но буржуа поставлен между этими двумя религиями. [...]

[...] Политическая экономия, именно вследствие своей исключительности, при всей видимой практичности, явилась отвлеченной наукой богатства и развития средств, она рассматривала людей как производительную живую силу, как органическую машину; для нее общество — фабрика, государство — рынок, место сбыта; она в качестве механика старалась об употреблении наименьшей силы для получения наибольшего результата, о раскрытии законов увеличения богатств. Она шла от принятых данных, она брала *политический* факт (*эмбриогенический*, если хотите) современного общественного устройства — за нормальный; отправлялась от того распределения богатства и орудий, на котором захватила государства. До человека собственно ей не было и дела, она занималась им по мере его производительности, равно оставляя без внимания того, который не производит за недостатком орудий, и того, который лениво тратит капитал. В такой форме наука о богатстве, основанная на правиле «имущему дается», могла иметь успех в мире торговли и купечества; но для неимущих такая наука не представляла больших прелестей. Для них — напротив — вопрос о материальном благосостоянии был неразрывен с критикой тех данных, на которых основывалась политическая экономия и которые явным образом были причиной их бедности.

Несколько энергических, сильных, юных умов, глубоко сочув-

ствуя с несчастным положением пролетариев, поняли невозможность исторгнуть их из жалкого и грубого состояния, не обеспечив им насущного хлеба.

Они обратились тоже к политической экономии.

Но какой ответ, какое наставление могли они найти в науке, последовательно говорившей неимущему «не женись, не имей детей, поезжай в Америку, работай 12, 14 часов в сутки, или ты умрешь с голоду!». К этим советам человеколюбивая наука прибавляла поэтическую сентенцию, что не все приглашены природой на пир жизни¹¹, и злую иронию, что вольному воля, что нищий пользуется теми же гражданскими правами, как Ротшильд.

Они увидели, что сытый голодному не товарищ, и бросили старую, безжалостную науку.

Критика — сила нашего века, наше торжество и наш предел. Политическая экономия, в ее ограниченно доктринерской и мешанской форме, была разбита, место расчищено, но что же было поставить вместо ее? Все то, что ставила она, казалось, было неуклюже. Видя это, критика свирепела еще больше.

Но критика и сомнение — не народны. Народ требует готового учения, верования, ему нужна догматика, определенная мета. Люди, сильные на критику, были слабы на создание, народ слушал их, но качал головой, и чего-то было доискивался.

Во всех новых утопиях¹² было много разъедающего ума и мало творческой фантазии.

Народы слишком поэты и дети, чтоб увлекаться отвлеченными мыслями и чисто экономическими теориями. Они живут несравненно больше сердцем и привычкой, нежели умом, — сверх того, из-за нищеты и тяжелой работы так же трудно ясно видеть вещи, как из-за богатства и ленивого пресыщения.

Попытки нового хозяйственного устройства одна за другой выходили на свет и разбивались об чугунную крепость привычек, предрассудков, фактических стародавностей, фантастических преданий. Они были сами по себе полны желанием общего блага, полны любви и веры, полны нравственности и преданности, но не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение.

[...] Надежда у буржуазии одна — невежество масс. Надежда большая, но ненависть и зависть, месть и долгое страдание образуют быстрее, нежели думают. Может, массы долго не поймут, чем помочь своей беде, но они поймут, чем вырвать из рук несправедливые права, не для того, чтоб воспользоваться, а чтоб разбить их, не для того, чтоб обогатиться, а чтоб пустить других по миру. [...]

Народ сначала не замечал, какой монополизм в руках буржуазии, видя в ней защитника этих мнимых, а в сущности бесполезных для него прав; но страсть, с которой буржуазия предавалась стяжанию и ажиотажу, пренебрежение ко всем другим вопросам, ожесточение ее против неимущих — не могли не раскрыть глаза народу, особенно когда за него принялись такие офталмисты¹³, как Сен-Симон, Фурье, Прудон и пр.

Борьба началась; кто победит, не трудно предсказать: рано или поздно, *per fas et nefas* *, *победит* новое начало. Таков путь истории. Вопрос тут не в праве, не в справедливости — а в силе и в современности. [...]

[...] Социализм предполагает республику как необходимо уже пройденный путь; политическая республика, представительная, составляет именно переход от монархии к социализму. Республика [...] не может быть совершенно свободна до тех пор, пока она принимает неизменными основы существующего исторического, общественного устройства. А в ту минуту, в которую она их переступит, она становится социальной — название условное и присвоенное именно для означения этого перехода.

Обыкновенно думают, что социализм имеет исключительную целью разрешение вопроса о капитале, ренте и заработной плате, т. е. об уничтожении людоедства в его образцованных формах. Это не совсем так. Экономические вопросы чрезвычайно важны, но они составляют одну сторону целого воззрения, стремящегося, наравне с уничтожением злоупотреблений собственности, уничтожить на тех же основаниях и все монархическое, религиозное — в суде, в правительстве, во всем общественном устройстве и, всего более, в семье, в частной жизни, около очага, в поведении, в нравственности. [...]

В XVIII столетии республика была пламенным верованием, религией, ее имя тогда была целая революция¹⁴. В 92 году республика являлась на горизонте светлою и тожественной вестью освобождения, как некогда царство небесное. Разумеется, ни царство небесное, ни мечтаемая республика не могли осуществиться так, как их ожидали современники, — в самом водворении церкви и ниспровержении трона лежало освобождение людей от доли прошедших уз; но скоро люди наткнулись на предел.

Бабеф, прежде нежели сложил голову на плаху, сказал Франции, что ее революция только начало, *l'avant — courier* ** другого переворота и что этот грядущий переворот дотронется не до форм, а до сущности, до нервной пульпы гражданских обществ. Его не поняли, да и тогда не время было понимать его [...]. С наполеоновской эпохи прошли века — безумие Бабефа, безумие Сен-Симона и Фурье выросли с своей стороны в религию. [...]

[...] Обвинение, что социализм не выработал своего воззрения, не развил своих учений, а принялся их осуществлять, школьно и пусто; общественные перевороты никогда не бывают готовы перед борьбою; готово бывает отрицание старого; борьба — действительное рождение на свет общественных идей, она их делает живыми из абстракции, учреждениями из теоретических мыслей; готовы и выработаны являются утопии — Платонова республика, Атлантида Томаса Моруса¹⁵, царство небесное, весь божия христиан. [...]

* — правдами и неправдами (лат.).— *Ред.*

** — предвестница (франц.).— *Ред.*

Пока социализм был теоретическою мыслию, он делал окончательные построения (фаланстер), выдумывал формы и костюмы¹⁶; как скоро он стал осуществляться, сен-симонизм и фурьеризм исчезли и явился социализм коммунизма, т. е. борьбы на смерть, социализм Прудона, который сам недавно сказал, что у него не система, а критика и негация. [...]

[...] Революция¹⁷ не остановилась. Вместо неосторожных попыток и заговоров работник думает крепкую думу и ищет связи не с цеховыми революционерами, не с редакторами журналов,— а с крестьянами. [...]

В груди крестьянина собирается тяжелая буря. Он ничего не знает ни о тексте конституции, ни о разделении властей, но он мрачно поглядывает на богатого собственника, на нотариуса, на ростовщика; но он видит, что, сколько ни работай, барыш идет в другие руки,— и слушает работника. Когда он его дослушает и хорошенько поймет, с своей упорной твердостью хлебопашца, с своей основательной прочностью во всяком деле, тогда он сочтет свои силы — а потом сметет с лица земли старое общественное устройство. И это будет настоящая революция народных масс.

Всего вероятнее, что действительная борьба богатого меньшинства и бедного большинства будет иметь характер резко коммунистический.

Слово это пугает старых революционеров, так, как слово «якобинец» пугало вольнодумов-дворян и слово «иезуит» полукатоликов. Они проповедовали всю жизнь равенство и братство, теперь они хотят отпрыгнуть, когда народ берет их за слово,— и всё еще воображают, что они идут с ним заодно и представляют во всей чистоте его стремления. [...]

[...] Пролетарий будет мерить в ту же меру, в которую ему мерили. Коммунизм пронесется бурно, страшно, кроваво, несправедливо, быстро. Среди грома и молний, при зареве горящих дворцов, на развалинах фабрик и присутственных мест — явятся новые заповеди, крупно набросанные черты нового символа веры.

Они сочтутся на тысячу ладов с историческим бытом; но как бы ни сочетались они, основной тон будет принадлежать социализму; современный государственный быт с своей *цивилизацией* погибнут — будут, как учтиво выражается Прудон, *ликвидированы*.

Вам жаль цивилизации?

Жаль ее и мне.

Но ее не жаль массам, которым она ничего не дала, кроме слез, нужды, невежества и унижения. [...]

[...] Великие революции никогда не совершаются по заранее и окончательно установленной программе. Это осознание того, чего не хотят. Борьба есть истинное рождение общественных обновлений; посредством борьбы и сравнения общие и отвлеченные идеи, неясные стремления превращаются в установления, законы и обычаи. Эмбриогенез всего живущего длителен и запутан, зародыш проходит через различные безобразные и странные состояния,

его развитие — не отвлеченная наука, а действительность, развитие семенного ядра и постоянное посредничество противоположностей. Когда социализм был еще беднее содержанием, носил более общий характер и был еще ближе к своей колыбели, он формулировал себя с значительно большей легкостью и предстал в религиозной форме, в которой выступает всякая великая идея в своем младенчестве; у него были тогда свои верующие, свои фанатики, свои внешние приметы — это был сен-симонизм. Затем социализм явился в виде рациональной доктрины, это был его период метафизики и отвлеченной науки; он построил общество а priori, он предпринял социальную алгебру, психологические расчеты, для всего создал рамки, все формулировал и не оставил никаких открытий будущим людям, которым предназначил зачислиться в фантастерий. Вскоре настало время, когда социализм спустился в массы и предстал как страсть, как мечь, как буйный протест, как Немезида. Едва рабочие, подавленные вопиющей несправедливостью существующего беспорядка, услышали издали слова сочувствия, едва увидели они занимавшую зарю сулившего им освобождение дня, как они перевели социальные учения на иной, более суровый язык, создали из них коммунизм, учение о принудительном отчуждении собственности, учение, возвышающее индивидуум при помощи общества¹⁸, граничащее с деспотизмом и освобождающее между тем от голода. В наше время никто не говорит о сен-симонизме, о фурьеризме или о коммунизме. Все эти системы и учения, и еще многие другие, склонились перед мощным голосом критики и отрицания, который ничего вперед не осуждал и не систематизировал, который однако зывал к уничтожению всего того, что препятствует общественному возрождению, и вскрывал пошлость и лицемерие всего того, что поддерживается друзьями порядка. Я не хочу отрицать солидарности, поневоле связывающей нас с нашими традициями, нет, конечно, нет, ибо почему человек должен презирать мечты своей юности? Предшествующие формы были слишком детскими, заключали истину лишь в одностороннем восприятии, но учения из-за этого вовсе не были ложными. Одна и та же великая мысль, содержащая целый мир в своем зародыше, пронизывает все социальные доктрины, не исключая даже прогрессивнейшего коммунизма. Этим учениям мы обязаны тем, что начинают сознавать, что нельзя достигнуть спасения мира, разладив старую политическую машину; от них исходит громкий призыв к реабилитации плоти, к прекращению эксплуатации человека человеком, в них впервые получили признание страсти человека и была сделана попытка использовать их, а не подавлять. Солидарность однако, признаваемая мною, не означает, что я ответственен за каждую мысль, каждую фразу, детали, всю организацию каждого рассматриваемого в отдельности учения.

Одни хотят видеть в социализме лишь странные подробности, в которые впали некоторые из первых социалистов, увлеченные и ослепленные красотой идей. Скорее пророки, чем организаторы,

они оставались на верном пути в своих неопределенных стремлениях и запутывались в их применении и их последствиях. Этого никто не отрицает. Но сколько бы вы ни повторяли, что историческое развитие есть непрерывная метаморфоза, в которой каждая новая форма более пригодна к содержанию истины, чем предшествующая, — на нас взваливают преувеличения папаши Анфантена, все чрезмерности Фурье и все ошибки икарыйцев. Другие, напротив, удивленно и иронически спрашивают, что же нового в социализме, за исключением самого слова; они находят, что социализм является лишь развитием и продолжением политической экономии, и обвиняют его в неблагодарности и в плагиате. Ведь разве не было идеалом Ж. Б. Сэя, как он сам говорит, отсутствие управления? Да. Разумеется, социализм — осуществление идеала национальной экономии. Политическая экономия является вопросом, социализм его разрешением. Политическая экономия — это наблюдение, описание, статистика, история производства и оборота, обращения богатств. Социализм — это философия, организация и наука. Политическая экономия дает материалы и документы, она производит следствие — социализм выносит приговор. Политическая экономия констатирует естественную данность богатства и нищеты — социализм разрушает их не как исторический факт, а как неизбежную данность, уничтожает все границы и преграды, препятствующие обращению, сообщает собственности текучесть, т. е. одним словом уничтожает богатство и нищету. Уже в самом этом антагонизме можно усмотреть, что социализм находится в тесной связи с национальной экономией. Это анализ и синтез одной и той же мысли. В этом однако нет ничего удивительного. С тех пор, как в мире существуют доктрины, религии, системы, с тех пор, как существует умственное движение, каждое новое учение имело свои корни в каком-нибудь отошедшем. Пусть новое учение отрицает отошедшее, тем не менее последнее является его точкой опоры, его почвой [...].

Социальные идеи являются, если угодно, одновременно не только с политической экономией, но даже и со всеобщей историей. Всякий протест против несправедливого распределения средств производства, против ростовщичества, против злоупотребления собственностью — есть социализм. Евангелие и апостолы — мы имеем здесь в виду только новый мир — проповедуют коммунизм. Кампанелла, Томас Мюнцер, анабаптисты, частично монахи, квакеры, моравские братья, большая часть русских раскольников — социалисты. Но социализм как учение, как политика и как революция восходит лишь к июльским дням 1830 года.

С ТОГО БЕРЕГА

[...] Либералы всех стран, со времени Реставрации, звали народы на низвержение монархически-феодалного устройства во имя равенства, во имя слез несчастного, во имя страданий притеснен-

ного, во имя голода неимущего; они радовались, гоняя до упаду министров, от которых требовали неудобноисполнимого, они радовались, когда одна феодальная подставка падала за другой, и до того увлеклись наконец, что перешли собственные желания. Они опомнились, когда из-за полуразрушенных стен явился — не в книгах, не в парламентской болтовне, не в филантропических разглагольствованиях, а на самом деле — пролетарий, работник с топором и черными руками, голодный и едва одетый рубищем. Этот «несчастный, обделённый брат», о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же *его* доля во всех благах, в чем *его* свобода, *его* равенство, *его* братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступом улицы Парижа, покрыли их трупами и спрятались от *брата* за штыками осадного положения, спасая *цивилизацию и порядок!*²⁰ [...]

[...] Сила социальных идей велика, особенно с тех пор, как их начал понимать истинный враг, враг по *праву* существующего гражданского порядка — пролетарий, работник, которому досталась вся горечь этой формы жизни и которого миновали все ее плоды. Нам еще жаль старый порядок вещей, кому же и пожалеть его, как не нам? Он только для нас и был хорош, мы воспитаны им, мы его любимые дети, мы сознаемся, что ему надобно умереть, но не можем ему отказать в слезе. Ну, а массы, задавленные работой, изнуренные голодом, притупленные невежеством, они о чем будут плакать на его похоронах?... [...]

[...] Наша цивилизация — цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве чернорабочих. Я не моралист и не сентиментальный человек; мне кажется, если меньшинству было действительно хорошо и привольно, если большинство молчало, то эта форма жизни в прошедшем оправдана. Я не жалею о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтоб сделать возможным Гёте, и радуюсь, что псковский оброк дал возможность воспитать Пушкина. Природа безжалостна; точно как известное дерево, она мать и мачеха вместе; она ничего не имеет против того, что две трети ее произведений идут на питание одной трети, лишь бы они развивались. Когда не могут все хорошо жить, пусть живут несколько, пусть живет один — на счет других, лишь бы кому-нибудь было хорошо и широко. Только с этой точки и можно понять аристократию. Аристократия — вообще более или менее образованная антропофагия; каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет на счет своего работника, составляют только видоизменения одного и того же людоедства. [...]

Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколений, едва догадывалось, отчего ему так ловко жить; пока большинство, работая день и ночь, не совсем догадывалось, что вся выгода работы — для других, и те и другие считали это естественным порядком, мир антропофагии мог держаться. Люди часто принимают предрассудок, привычку за истину, — и тогда она их не теснит; но когда они

однажды поняли, что их истина — вздор, дело кончено, тогда только силою можно заставить делать то, что человек считает нелепым. Учредите постные дни без веры? Ни под каким видом; человеку сделается так же невыносимо есть постное, как верующему есть скоромное.

Работник не хочет больше работать для другого — вот вам и конец антропофагии, вот предел аристократии. Все дело оставилось теперь за тем, что работники не сосчитали своих сил, что крестьяне отстали в образовании; когда они протянут друг другу руку, — тогда вы распроститесь с вашим досугом, с вашей роскошью, с вашей цивилизацией, тогда окончится поглощение большинства на выработку светлой и роскошной жизни меньшинству. В идее теперь уже кончена эксплуатация человека человеком. Кончена потому, что никто не считает это отношение справедливым! [...]

— [...] Христианство осталось благочестивым упованием; теперь, накануне смерти, как в первом столетии, оно утешается небом, раем; без неба оно пропало. Водворение мысли о новой жизни несравненно труднее в наше время, у нас нет неба, нет «веси божией», наша *весь*²¹ человеческая и должна осуществиться на той почве, на которой существует все действительное, — на земле. [...] Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саван прошедшему и пеленки новорожденному. Социализм соответствует назарейскому²² учению в Римской империи.

— Если припомнить, что вы сейчас сказали о христианстве, и продолжить сравнение, то будущность социализма незавидная, он останется вечным упованием.

— И по дороге разовьет блестящий период истории под своим благословением. Евангелие не осуществилось, да это и не нужно было; а осуществились средние века, века восстановления, века революции, но христианство проникло во все эти явления, участвовало во всем, указывало, напутствовало. Исполнение социализма представляет также неожиданное сочетание отвлеченного учения с существующими фактами. Жизнь осуществляет только ту сторону мысли, которая находит себе почву, да и почва при том не остается страдательным носителем, а дает свои соки, вносит свои элементы. Новое, возникающее из борьбы утопий и консерватизма, входит в жизнь не так, как его ожидала та или другая сторона; оно является переработанным, иным, составленным из воспоминаний и надежд, из существующего и водворяемого, из преданий и возникновений, из верований и знаний, из отживших римлян и неживших германцев, соединяемых одной церковью, чуждой обоим. Идеалы, теоретические построения никогда не осуществляются так, как они носят в нашем уме. [...]

[...] Сердитесь сколько хотите, но мира никак не переделаете по какой-нибудь программе; он идет своим путем, и никто не в силах

его сбить с дороги. Узнавайте этот путь — и вы отбросите нраво-учительную точку зрения, и вы приобретете силу. Моральная оценка событий и журьба людей принадлежат к самым начальным ступеням понимания. [...]

[...] Объясните мне, пожалуйста, отчего верить в бога смешно, а верить в человечество не смешно; верить в царство небесное — глупо, а верить в земные утопии — умно? Отбросивши положительную религию, мы остались при всех религиозных привычках и, утратив рай на небе, верим в пришествие рая земного и хвастаемся этим. Вера в будущее за гробом дала столько силы мученикам первых веков; но ведь такая же вера поддерживала и мучеников революции²³; те и другие гордо и весело несли голову на плаху, потому что у них была непреложная вера в успех их идей, в торжество христианства, в торжество республики. Те и другие ошиблись — ни мученики не воскресли, ни республика не водворилась. Мы пришли после них и увидели это. Я не отрицаю ни величие, ни пользу веры; это великое начало движения, развития, страсти в истории, но вера в душе людской — или частный факт, или эпидемия. Натянуть ее нельзя. [...] Можно ли, например, меня уверить, что после смерти дух человека жив, когда так легко понять нелепость этого разделения тела и духа; можно ли меня уверить, что завтра или через год водворится социальное братство, когда я вижу, что народы понимают братство, как Каин и Авель? [...]

[...] Как аристократия, выродившаяся до болезненных кретинов, измелчавшая Европа изживает свою бедную жизнь в сумерках тупоумия, в вялых чувствах без убеждений, без изящных искусств, без мощной поэзии. Слабые, хилые, глупые поколения протянутся как-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая их покроет каменным покрывалом и предаст забвению — летописей.

А там? —

А там настанет весна, молодая жизнь закипит на их гробовой доске, варварство младенчества, полное неустroенных, но здоровых сил, заменит старческое варварство; дикая, свежая мощь распахнется в молодой груди юных народов, и начнется новый круг событий и третий том всеобщей истории.

Основной тон его мы можем понять теперь. Он будет принадлежать социальным идеям. Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией...

Вечная игра жизни, безжалостная, как смерть, неотразимая, как рождение, *corsi e ricorsi* * истории, *perpetuum mobile* ** маятника! [...]

* Здесь: приливы и отливы (итал.).— Ред.

** — вечное движение (лат.).— Ред.

Подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее — продолжение человеческих жертвоприношений, заклятие агнца для примирения бога, распятие невинного за виновных. Все религии основывали нравственность на покорности, т. е. на добровольном рабстве, потому они и были всегда вреднее политического устройства. Там было насилие, здесь разврат воли. Покорность значит с тем вместе перенесение всей самобытности лица на всеобщие, безличные сферы, независимые от него. Христианство, религия противоречий, признавало, с одной стороны, бесконечное достоинство лица, как будто для того, чтоб еще торжественнее погубить его перед искуплением, церковью, отцом небесным. Его воззрение проникло в нравы, оно выработалось в целую систему нравственной неволи, в целую искаженную диалектику, чрезвычайно последовательную себе. Мир, становясь более светским или, лучше сказать, приметив, наконец, что он, в сущности, такой же светский, как и был, примешал свои элементы в христианское нравочужение, но основы остались те же. Лицо, истинная, действительная монада ²⁴ общества, было всегда пожертвовано какому-нибудь общему понятию, собирательному имени, какому-нибудь знамени. Для кого работали, кому жертвовали, кто пользовался, кого освобождали, уступая свободу лица, об этом никто не спрашивал. Все жертвовали (по крайней мере, на словах) самих себя и друг друга.

Не место здесь разбирать, насколько неразвитость народов оправдывала такие меры воспитания. Вероятно, они были естественны и необходимы, мы их встречаем везде, но мы можем смело сказать, что если они и привели к великим результатам, то наверное настолько же замедлили ход развития, искажая ум ложным представлением. [...]

Дело просто в том, что эгоизм и общественность — не добродетели и не пороки; это основные стихии жизни человеческой, без которых не было бы ни истории, ни развития, а была бы или рассыпчатая жизнь диких зверей, или стада ручных троплодитов. Уничтожьте в человеке общественность, и вы получите свирепого орангутанга; уничтожьте в нем эгоизм, и из него выйдет смиренное жокю. Всего меньше эгоизма у рабов. Самое слово «эгоизм» не имеет в себе полного содержания. Есть эгоизм узкий, животный, грязный, так, как есть любовь грязная, животная, узкая. Действительный интерес совсем не в том, чтоб убивать на словах эгоизм и подхваливать братство,— оно его не пресилит,— а в том, чтоб сочетать гармонически свободно эти два неотъемлемые начала жизни человеческой. [...]

Гармония между лицом и обществом не делается раз навсегда, она *становится* каждым периодом, почти каждой страной и изменяется с обстоятельствами, как все живое. [...]

[...] Социализм отрицает полнейшим образом весь старый порядок вещей с его правом и представительством, с его церковью и судом, с его гражданским и уголовным кодексом,— вполне отрицает так, как христиане первых веков отрицали мир римский.

Такое отрицание — не каприз больного воображения, не личный вопль человека, оскорбленного обществом, — а смертный приговор ему, предчувствие конца, сознание болезни, влекущей дряхлый мир к гибели и к возрождению в иных формах. Современное государственное устройство падет под протестом социализма. [...]

РОССИЯ ²⁵

[...] Я ничего не пророчу, но я и не думаю также, что судьбы человечества и его будущее привязаны, пригвождены к Западной Европе. Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны; есть среди них и такие, которые уже готовы к этому движению, другие к нему готовятся. Одна из них известна, я говорю о Северо-Американских Штатах. Другую же, полную сил, но вместе и дикости, — знают мало или плохо.

Вся Европа на все лады в парламентах и в клубах, на улицах и в газетах, повторяла вопль берлинского крикуна: «Они идут, русские! вот они! вот они!» ²⁶ [...]

Никто однако не знает, что же собой представляют эти русские, эти варвары, эти казаки, что собой представляет этот народ, мужественную юность которого Европа имела возможность оценить в бою, из коего он вышел победителем ²⁷. Чего хочет этот народ, что несет он с собой? Кто хоть что-либо знает о нем? Цезарь знал галлов лучше, чем Европа знает русских. Пока Западная Европа имела луч в себя, пока будущее представлялось ей лишь продолжением ее развития, она не могла заниматься Восточной Европой; теперь же положение вещей сильно изменилось.

Это высокомерное невежество Европе более не к лицу; оно теперь являлось бы не сознанием превосходства, а смешной претензией какого-нибудь кастильского гидальго в сапогах без подметок и дырявом плаще. Опасность нынешнего положения не может быть скрыта. Упрекайте русских сколько вам вздумается за то, что они рабы, — в свою очередь они вас спрашивают: «А вы, разве вы свободны?» Они могут даже прибавить, что без раскрепощения России Европе никогда не суждено быть свободной. [...]

[...] По его [Гакстгаузена ²⁸. — *Ред.*] словам, сельская община составляет в России всё. В ней, по мнению барона, ключ к прошлому России и зародыш ее будущего, животворящая монада русского государства. [...]

Я полностью разделяю мнение Гакстгаузена, но думаю, что сельская община — еще не всё в России. Гакстгаузен действительно уловил животворящий принцип русского народа; но по своей врожденной склонности ко всему патриархальному и вследствие полного отсутствия критического дара он не заметил, что именно отрицательная сторона общинной жизни и вызвала петербургскую реакцию. Если бы в общине не было полного поглощения личности,

то самодержавие, о котором с таким справедливым ужасом говорит Кюстин, не могло б образоваться.

Мне кажется, что в русской жизни есть нечто более высокое, чем община, и более сильное, чем власть; это «нечто» трудно выразить словами, и еще труднее указать на него пальцем. Я говорю о той внутренней, не вполне сознающей себя силе, которая так чудодейственно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под восточным кнутом татарина и под западной розгой капрала; я говорю о той внутренней силе, при помощи которой русский крестьянин сохранил, несмотря на унижительную дисциплину рабства, открытое и красивое лицо и живой ум и который, на императорский приказ образоваться, ответил через сто лет громадным явлением Пушкина; я говорю, наконец, о той силе, о той вере в себя, которая волнует нашу грудь. Эта сила, независимо от всех внешних событий и вопреки им, сохранила русский народ и поддержала его несокрушимую веру в себя. Для какой цели?.. Это-то нам и покажет время.

«Русские сельские общины и республика, славянские деревни и социальные установления». Эти слова, таким образом сгруппированные, без сомнения, звучат весьма странно для слуха читателей Гакстгаузена. Многие, я уверен в этом, спросят, находился ли вестфальский агроном в здравом уме. И однако Гакстгаузен совершенно прав: социальное устройство сельских общин в России — истина, столь же великая, как и могущественная славянская организация политической системы. Это странно!.. Но разве еще не более странно, что рядом с европейскими рубежами в течение тысячелетия жил народ, насчитывающий теперь пятьдесят миллионов душ, и что в середине девятнадцатого века его образ жизни является для Европы неслыханной новостью?

Русская сельская община существует с незапамятного времени, и довольно схожие формы ее можно найти у всех славянских племен. Там, где ее нет,— она пала под германским влиянием. У сербов, болгар и черногорцев она сохранилась в еще более чистом виде, чем в России. Сельская община представляет собой, так сказать, общественную единицу, нравственную личность; государству никогда не следовало посягать на нее; община является собственником и объектом обложения; она ответственна за всех и каждого в отдельности, а потому автономна во всем, что касается ее внутренних дел.

Ее экономический принцип — полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом²⁹. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины; эта земля предоставлена ему в пожизненное владение, он не может, да и не имеет надобности передавать ее по наследству. [...]

[...] Вследствие этого сельский пролетариат в России невозможен.

Каждый из владеющих землею в общине, то есть каждый совершеннолетний и обложенный податью, имеет голос в делах общины. Староста и его помощники избираются миром³⁰. Так же поступают при решении тяжбы между разными общинами, при разделе земли и раскладке податей. [...]

Человек, привыкший во всем полагаться на общину, погибает, едва лишь отделится от нее; он слабеет, он не находит в себе ни силы, ни побуждений к деятельности: при малейшей опасности он спешит укрыться под защиту этой матери, которая держит, таким образом, своих детей в состоянии постоянного несовершеннолетия и требует от них пассивного послушания. В общине слишком мало движения; она не получает извне никакого толчка, который побуждал бы ее к развитию,— в ней нет конкуренции, нет внутренней борьбы, создающей разнообразие и движение; предоставляя человеку его долю земли, она избавляет его от всяких забот.

Общинное устройство усыпляло русский народ, и сон этот становился с каждым днем все более глубоким, пока, наконец, Петр I грубо не разбудил часть нации. Он искусственно вызвал нечто вроде борьбы и антагонизма, и именно в этом-то и заключалось providенциальное назначение петербургского периода.

С течением времени этот антагонизм стал чем-то естественным. Какое счастье, что мы так мало спали; едва пробудившись, мы оказались лицом к лицу с Европой, и с самого начала наш естественный, полудикий образ жизни более соответствует идеалу, о котором мечтала Европа, чем жизненный уклад цивилизованного германно-романского мира; то, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия,— для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем; угнетенные императорским самодержавием,— мы идем навстречу социализму, как древние германцы, поклонявшиеся Тору или Одину, шли навстречу христианству.

Утверждают, что все дикие народы начинали с подобной же общины; что она достигла у германцев полного развития, но что ввиду она вынуждена была исчезнуть с началом цивилизации. Из этого заключили, что та же участь ожидает русскую общину; но я не вижу причин, почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития, не вижу я также, почему цивилизация будущего должна неизменно подчиняться тем же условиям существования, что и цивилизация прошлого.

Германская община пала, встретившись с двумя социальными идеями, совершенно противоположными общинной жизни: феодализмом и римским правом. Мы же, к счастью, являемся со своей общиной в эпоху, когда противоположная цивилизация гибнет вследствие полной невозможности отделаться, в силу своих основных начал, от противоречия между правом личным и правом общественным. Почему же Россия должна лишиться теперь своей сельской общины, если она сумела сберечь ее в продолжение всего своего

политического развития, если она сохранила ее нетронутой под тягостным ярмом московского *царизма*, так же как под самодержавием — в европейском духе — императоров?

Ей гораздо легче отделаться от администрации, насильственно насажденной и совершенно не имеющей корней в народе, чем отказаться от общины [...].

[...] До сих пор русский народ совершенно не занимался вопросом о правительстве; вера его была верой ребенка, покорность его — совершенно пассивной. Он сохранил лишь одну крепость, оставшуюся неприступной в веках, — свою земельную общину, и в силу этого он находится ближе к социальной революции, чем к революции политической. Россия приходит к жизни как народ, последний в ряду других, еще полный юности и деятельности, в эпоху, когда другие народы мечтают о покое; он появляется, гордый своей силой, в эпоху, когда другие народы чувствуют себя усталыми и на закате. Его прошлое было скудно, его настоящее — чудовищно; конечно, все это не создает еще никаких прав.

Множество народов сошло с исторической сцены, не изведав всей полноты жизни, но у них не было таких колоссальных притязаний на будущее, как у России. Вы знаете это. В истории нельзя сказать: *tarde venientibus ossa* *, наоборот, им-то предназначены лучшие плоды, если только они способны ими питаться. В этом-то и заключается главный вопрос. [...]

О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ ³¹

[...] Община не спасла крестьянина от закрепощения; далекие от мысли отрицать значение общины, мы дрожим за нее, ибо, по сути дела, нет ничего устойчивого без свободы личности. Европа, не ведавшая этой общины или потерявшая ее в превратностях прошедших веков, поняла ее, а Россия, обладавшая ею в течение тысячи лет, не понимала ее, пока Европа не пришла сказать ей, какое сокровище скрывала та в своем лоне. Славянскую общину начали ценить, когда стал распространяться социализм. Мы бросаем призывы славянофилам, пусть они докажут обратное.

Европа не разрешила противоречия между личностью и государством, но она все же поставила этот вопрос. Россия подходит к проблеме с противоположной стороны, но и она ее не решила. С появления перед нами этого вопроса и начинается наше равенство. У нас больше надежд, ибо мы только еще начинаем, но надежда — лишь потому надежда, что она может не осуществиться.

Не надобно слишком доверяться будущему — ни в истории, ни в природе. Не каждый зародыш достигает зрелости, не все, что живет в душе, осуществляется, хотя при других обстоятельствах все могло бы развиваться. [...]

* — позднему гостю — одни лишь кости (лат.).— *Ред.*

[...] После 1830 года, с появлением сенсимонизма, социализм произвел в Москве большое впечатление на умы. Привыкнув к общинам, к земельным разделам, к рабочим артелям, мы видели в этом учении выражение чувства, более нам близкого, чем в учениях политических. Нас, свидетелей самых чудовищных злоупотреблений, социализм смущал меньше, чем западных буржуа.

Мало-помалу литературные произведения проникались социалистическими тенденциями и одушевлением. Романы и рассказы, даже писания славянофилов, протестовали против современного общества с точки зрения не только политической. Достаточно упомянуть роман Достоевского «Бедные люди».

В Москве социализм развивался вместе с гегелевской философией. Союз новой философии с социализмом представить себе не трудно, но лишь в последнее время немцы признали тесную связь науки и революции, и не потому, чтобы они прежде не понимали ее, а потому, что социализм, как все практическое, их не интересовал. Немцы могли быть глубоко радикальными в науке, оставаясь консервативными в своих поступках, поэтами — на бумаге и буржуа — в жизни. Нам же, напротив, дуализм противен. Социализм нам представляется самым естественным философским силогизмом, приложением логики к государству.

Нужно отметить, что в Петербурге социализм принимал иной характер. [...]

Петербургской учащейся молодежи больше подходит фурьеризм, нежели сенсимонизм. Фурьеризм, который стремился к немедленному претворению в жизнь, требовал практического приложения, который тоже мечтал, но основывал свои мечты на арифметических выкладках и скрывал свою поэзию под именем промышленности, а любовь к свободе — под объединением рабочих в бригады, — фурьеризм должен был найти отклик в Петербурге. Фаланстер — не что иное, как русская община и рабочая казарма, военное поселение на гражданский лад, полк фабричных. Замечено, что у оппозиции, которая открыто борется с правительством, всегда есть что-то от его характера, но в обратном смысле. И я уверен, что существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом: коммунизм — это русское самодержавие наоборот ³². [...]

В 1849 году новая фаланга героических молодых людей отправилась в тюрьму, а оттуда на каторжные работы и в Сибирь *. [...]

* Мы имеем в виду общество Петрашевского. У него собирались молодые люди, чтобы обсуждать социальные вопросы. Этот клуб существовал уже несколько лет, когда, в начале венгерской кампании ³, правительство решило объявить его широким заговором и усилило аресты.

Оно нашло лишь мнения там, где искало преступный сговор, это не помешало ему осудить *всех* обвиняемых на смертную казнь. Чтобы придать себе ореол милосердия, царь заменил это наказание каторгой, ссылкой или солдатчиной. Среди осужденных называют Спешнева, Григорьева, Достоевского, Кашкина, Головинского, Момбелли и др.

[...] Мне всякий раз становится не по себе, когда я говорю о *народе*. В наш демократический век нет ни одного слова, смысл которого был бы так извращен и так мало понятен. Идеи, которые связываются с этим словом, по большей части неопределенны, исполнены риторики, поверхностны. То народ поднимают до небес, то топчут его в грязь. К несчастью, ни благородное негодование, ни восторженная декламация не в состоянии выразить верно и точно понятие, обозначаемое словом «народ»; народ — это мощная гранитная основа, скрепленная цементом вековых традиций, это обширный первый этаж, над которым надстроен шаткий балаган современного политического устройства.

На вопрос, чего ждет русский народ, я отвечаю: начала социальной революции в Европе, — ждет бессознательно, в силу самого своего положения, инстинктом. Благодаря социалистическому движению в вопросе об освобождении крестьян сделан уже огромный шаг вперед. Правительство, дворяне, народ — никто больше не верит в возможность освобождения общины, т. е. крестьянина, без земли. Если придерживаться точки зрения безусловного и неотъемлемого права собственности, задача эта неразрешима. [...]

Говорят об уничтожении русской общины! Хотел бы я знать, думали ли серьезно об этом те немногие русские, которые предлагают подобную меру. Что же останется, спрашиваю я, если мы вырвем этот жизненный нерв нашего национального существования? Русский народ перенес всевозможные потери и сохранил только общину. И неужто именно в то время, когда многие западноевропейские мыслители указывают на плачевные последствия раздробления земельной собственности, мы со слепым легкомыслием подорвем установление, которое призваны лишь пассивно сохранять; община ведь сама собой держится в народе и с помощью народа, привязанного к ней своими интересами и традициями, и это — единственное право, которое еще не вырвано из его рук хищничеством и насилием.

Общине, я знаю, ставят в вину несовместность ее с личной свободой. Но разве чувствовался недостаток в этой свободе до отмены Юрьева дня (дня св. Георгия)? Разве наряду с постоянными поселениями не развивались подвижные общины — вольная артель и чисто военная община казаков? Неподвижная сельская община оставляла достаточно широкий простор для личной свободы и инициативы; она никогда не отказывала в заботе и пропитании двум своим законным отпрыскам, двум близнецам: один из них охранял и раздвигал границы страны, другой, с топором в руках, шел туда, куда призывала его работа. [...]

Стремления позднейших европейских теоретиков не могут, разумеется, найти удовлетворение в общинном укладе русской деревни и республиканском строе казачьих поселений. Все в них было неразвито; личная свобода то и дело приносилась в жертву демокра-

тическому и патриархальному братству. Но кто же разрушает недостроенный дом, с тем чтобы снова построить его по прежнему плану? Не наша заслуга, что мы, при неизменном квиетизме, сохранили тот общинный строй, который германские народы давно уже утратили среди превратностей своей истории. Но это преимущество не надобно выпускать из рук. Воспользуемся опытностью наших предшественников; она им дорого стоила. [...]

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ³⁵

[...] Деревенские мещане-собственники составляют на Западе слой народонаселения, который тяжело налег на сельский пролетариат и душит его, по мелочи и на чистом воздухе, так, как фабриканты душат работников гуртом в чаду и смраде своих рабочих домов.

Сословие сельских собственников почти везде отличается изверством, несообщительностью и скупостью; оно сидит назаперти в своих каменных избах, далеко разбросанных и окруженных полями, отгороженными от соседей. Поля эти имеют вид заплат, положенных на земле. На них работает батрак, бобыль, словом, сельский пролетарий, составляющий огромное большинство всего полевого населения.

Мы, совсем напротив, государство сельское, наши города — большие деревни, тот же народ живет в селах и городах; разница между мещанами и крестьянами выдумана петербургскими немцами. У нас нет потомства победителей, завоевавших нас, ни раздробления полей в частную собственность, ни сельского пролетариата; крестьянин наш не дичает в одиночестве — он вечно на миру и с миром, коммунизм его общинного устройства, его деревенское самоуправление делают его сообщительным и развязным. [...]

[...] Говорят, что община поглощает личность и что она несовместима с ее развитием. В этом мнении есть доля правды. Всякий неразвитой коммунизм подавляет отдельное лицо. Но не надобно забывать, что русская жизнь находила сама в себе средства отчасти восполнять этот недостаток. Сельская жизнь образовала рядом с неподвижной, мирной, хлебопашенной деревней подвижную общину работников — артель и военную общину казаков.

Артель — лучшее доказательство того естественного, безотчетного сочувствия славян с социализмом, о котором мы столько раз говорили. Артель вовсе не похожа на германский цех, она не ищет ни монополии, ни исключительных прав, она не для того собирается, чтоб мешать другим, она устроена для себя, а не против кого-либо. Артель — соединение вольных людей одного мастерства на общий прибыток общими силами. [...]

Само собою разумеется, что ни в коммунизме деревень, ни в казачьих республиках мы не могли бы найти удовлетворения нашим стремлениям. Все это было слишком дико, молодо, неразвито, но из

этого не следует, что нам должно ломать эти незрелые начинания, — напротив, их надобно продолжать, развивать, образовывать. Тут нет большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину, в то время как германские народы ее утратили, но это большое счастье, и его не надобно выпускать из рук. Мы долго ждали, долго временили, воспользуемся опытностью наших соседей, она им страшно дорого стоит.

Мир западный утратил свое общинное устройство; хлебопашцы и несобственники были принесены на жертву развитию меньшинства; зато развитие дворянства и горожан было велико и богато. Оно имело рыцарство с его высоким понятием независимой личности и среднее состояние с его непреклонной идеей права, оно имело искусство и литературу, науку и промышленность, наконец, реформацию и революцию, которые грозно и торжественно низвергнули половину церкви и половину трона.

Одна Россия, эта падчерица, эта Сандрильона ³⁶ между народами европейскими, не имела никакой доли в приобретениях и победах своих соседей. Народ русский так же мало был способен к торжественному западному развитию трех последних веков, как к крестовым походам, как к схоластике и теологическим спорам, как к римскому праву и германскому феодализму. Народ русский ничего не приобрел со времен Владимира и Киевского периода; под монгольским гнетом ханов, под византийским царей, под немецким императоров, под суринамским помещиков ³⁷ он сохранил только свою незаметную, скромную общину, т. е. владение сообща землею, равенство всех без исключения членов общины, братский раздел полей по числу работников и собственное мирское управление своими делами. Вот и все приданое Сандрильоны, зачем же отнимать последнее?.. «Затем, что при всем этом на Руси жить тяжело, ни уму, ни сердцу нет простора». Тяжко, дурно жить в России — это правда, и тем тяжелее было для нас, что мы думали, что в других странах легко и хорошо жить.

Теперь мы знаем, что и там тяжело. Оттого что и там не разрешен вопрос, около которого сосредоточилась теперь вся человеческая деятельность, вопрос об отношении лица к обществу и общества к лицу. Крайние, односторонние развития привели к двум нелепостям — к гордому своими правами, независимому англичанину, которого свобода основана на вежливой антропофагии, и к бедному русскому мужику, безлично потерянному в общине, бесправно отданному в крепость ³⁸ и в силу того служащему съестным припасом барину.

Где их примирение, как снять их противуречие, как сохранить независимость британца без людоедства, как развить личность крестьянина без утраты общинного начала? В этом-то вся мучительная задача нашего века, в этом-то и состоит весь социализм.

Безумно было бы начать переворот с уничтожения свободных учреждений потому, что они на деле доступны только меньшинству;

еще безумнее уничтожить общинное начало, к которому стремится современный человек, за то, что оно не развило еще свободной личности в России. [...]

СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ ³⁹

[...] Русский народ — народ земледельческий. В Европе улучшения в социальном положении владеющего собственностью меньшинства коснулись лишь горожан. А крестьянам революция принесла только отмену крепостного состояния и раздробление земель. Между тем известно, что разделение земельных участков нанесло бы смертельный удар русской общине.

В России ничто не окаменело; все в ней находится еще в текущем состоянии, все к чему-то готовится. Гакстаузен справедливо заметил, что в России всюду видны «незаконченность, рост, начало». Да, всюду дают о себе знать извесь, пила и топор. И при всем том люди остаются смиренными крепостными помещика, верноподданными царя.

Естественно возникает вопрос — должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития или ей предстоит совсем иное ⁴⁰, революционное развитие? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений. Мы можем и должны пройти через скорбные, трудные фазы исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит низшие ступени зоологического существования. Оконченный труд, достигнутый результат свершены и достигнуты для всех понимающих; это круговая порука прогресса, *майорат* ⁴¹ человечества. Я очень хорошо знаю, что результат сам по себе не передается, что по крайней мере он в этом случае бесполезен, — результат действителен, результат усваивается только вместе со всем логическим процессом. Всякий школьник заново открывает теоремы Эвклида, но какая разница между трудом Эвклида и трудом ребенка нашего времени!..

Россия проделала свою революционную эмбриогению в европейской школе. Дворянство вместе с правительством образуют европейское государство в государстве славянском. Мы прошли через все фазы либерализма, от английского конституционализма до поклонения 93-му году. Все это было похоже — я об этом говорил в другом месте ⁴² — на аберрацию звезд, которая в малом виде повторяет пробег земли по ее орбите.

Народу не нужно начинать снова этот скорбный труд. Зачем ему проливать свою кровь ради тех полурешений, к которым мы пришли и значение которых только в том, что они выдвинули *другие* вопросы, возбудили *другие* стремления?

Мы сослужили народу эту службу, мучительную, тягостную; мы поплатились виселицами, каторгой, казематами, ссылкой и жизнью, над которой тяготеет проклятие, — да, жизнью, над которой *тяготеет* проклятие. [...]

[...] Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное self-government * на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли — вот основной вопрос русской революции — тот самый, что и вопрос о великом социальном освобождении, несовершенные решения которого так волнуют западные умы.

Государство и личность, власть и свобода, коммунизм и эгоизм (в широком смысле слова) — вот геркулесовы столбы великой борьбы, великой революционной эпопеи.

Европа предлагает решение ущербное и отвлеченное. Россия — другое решение, ущербное и дикое.

Революция даст синтез этих решений. Социальные формулы остаются смутными, покуда жизнь их не осуществит.

Англосаксонские народы освободили личность, отрицая общественное начало, обособляя человека. Русский народ сохранил общинное устройство, отрицая личность, поглощая человека.

Закваска, которая должна была привести в движение силы, дремлющие в бездействии общинно-патриархальной жизни, — это принцип индивидуализма, личной воли. [...]

[...] Без страха и сожалений мы дошли в политике до социализма, в философии — до реализма и отрицания всякой религии.

Социализм объединяет европейских революционеров с революционерами славянскими.

Социализм снова привел революционную партию к народу. Это знаменательно. Если в Европе социализм воспринимается как знамя раздора, как угроза, — перед нами социализм предстает как радуга революций, надежда на будущее. [...]

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ ⁴³

[...] Мы так привыкли видеть с 1789, что все перевороты делаются взрывами, восстаниями, что каждая уступка вырывается силой, что каждый шаг вперед берется с боя, — что невольно ищем, когда речь идет о перевороте, площадь, баррикады, кровь, топор палача. Без сомнения, восстание, открытая борьба — одно из самых могущественных средств революций, но отнюдь не единственное. В то время, как Франция с 1789 года шла огнедышащим путем катаклизмов и потрясений, двигаясь вперед, отступая назад, метаясь в судорожных кризисах и кровавых реакциях, Англия совершала свои огромные перемены и дома, и в Ирландии, и в колониях с обычным флегматическим покоем и в совершенной тишине. Весь правительственный такт ториев и вигов состоит в умении упираться, пока можно, и уступать, когда время пришло. Так, как Роберт Пиль переходом своим на сторону свободной торговли одержал экономическое

* — самоуправление (англ.).— Ред.

Ватерлоо для правительства ⁴⁴, так одно из будущих министерств вступит в сделку с чартистами и даст интересам работников голос и представительство.

На наших глазах переродился Пиэмонт. В конце 1847 года управление его было иезуитское и инквизиторское, без всякой гласности, но с тайной полицией, с страшной светской и духовной ценсурой, убивавшей всякую умственную деятельность. Прошло десять лет, и Пиэмонт нельзя узнать, физиономия городов, народонаселения изменилась, везде новая, удвоенная жизнь, открытый вид, деятельность; а ведь эта революция была без малейших толчков, для этой перемены достаточно было одной *несчастной войны* ⁴⁵ и *ряда уступок общественному мнению* со стороны правительства ⁴⁶.

Артисты-революционеры не любят этого пути, мы это знаем, но нам до этого дела нет, мы просто люди, глубоко убежденные, что нынешние государственные формы России никуда не годны, — и от души предпочитаем путь мирного, человеческого развития путю развития кровавого; но с тем вместе так же искренно предпочитаем самое бурное и необузданное развитие — застою николаевского *statu quo*. [...]

Нас пугает отсталое и ужасное состояние народа, его привычка к бесправию, бедность, подавляющая его. Все это неоспоримо затрудняет и затруднит развитие, но в противоположность Бюргеровой баллады мы скажем: *живые ходят быстро* ⁴⁷, и шаг народных масс, когда они принимают двигаться, необычайно велик. У нас же не к новой жизни надобно их вести, а отнять то, что подавляет их собственный стародавний быт. [...]

РОССИЯ И ПОЛЬША ⁴⁸

[...] Людям дальнего идеала, пророкам разума и прорицателям будущего, мало дела до прикладных затруднений, они указывают на разумные начала, к которым общество стремится, его законы, общую формулу его движения, предоставляя грядущим поколениям посылить осуществлять их в ежедневной борьбе сталкивающихся выгод и партий.

Одного из этих людей, месяца полтора тому назад, опустила в шотландскую землю скромная кучка друзей, и я очень благодарен судьбе, что успел еще застать его в живых и познать почтенную и многотрудившуюся руку Роберта Оуэна. Оуэн был прав, и Англия поймет его, но конечно не в XIX столетии. Такие люди, восстановители прав разума в капризной и фантастической сказке истории, велики и необходимы, и все эти предтечи мира, как Сен-Симон, Фурье, займут огромное место в сознательном развитии человечества, в самопознании общественного быта, но им почти нет прямого участия в текущих делах — это доля нас, будничных работников. [...]

[...] Мало знать станцию, к которой мы едем, надо определить, которую версту по пути к ней мы проделываем и какие рытвины и мосты именно на этой версте. [...]

[...] Европа после всех реформ и революций остановилась на грудах трупов, по колена в крови перед страшным, неразрешимым сфинксом — поземельной собственности и пролетариата, капитала и работника. Ни французский дележ земли на атомы, ни паразитная жизнь английского фермерства ничего не устраняют, ничего не предупреждают. Земли становится меньше и меньше, владелец губит пахаря, капитал работника, и хор пролетариев из мастерских, из фабрик, с полей сильнее и сильнее поет лионский припев: «Свинец или хлеб! Смерть или работу!»⁴⁹.

Говорят, что возле есть народ, у которого совсем другое отношение к поземельной собственности, у которого на деле существуют веками уцелевшие разные виды коммунистического владения землею — от ежегодного дележа полей между общинниками до полной собственности; правда ли, нет ли, но согласитесь, что при настоящем положении экономического вопроса нельзя не исследовать такого важного факта. Изучение его может же дать столько же наблюдения, как микрометрические опыты Фаланги и Икарийцев?⁵⁰ [...]

[...] Социализм — *необходимое последствие*; пока существуют посылки, — а они так глубоко вросли в современную жизнь или выросли из такой глубины ее, что их с корнем вырвать нельзя, — социализм будет ставиться их живым силлогизмом, по крайней мере до тех пор, пока мозг будет действовать нормально.

Силлогизм этот, последний логический вывод западного сознания, является у нас как естественная непосредственность. Мы общинный быт, право на землю нашли, как наши руки, т. е. они были тут, когда мы пришли в себя и в первый раз подумали об них. Так дикое, но резкое начало личных прав лежало в непосредственности доисторической природы германских племен [...].

РУССКИЕ НЕМЦЫ И НЕМЕЦКИЕ РУССКИЕ⁵¹

[...] Что европейские гражданские формы были несравненно выше не только старинных русских, но и теперичних, в этом нет сомнения. И вопрос не в том, догнали ли мы Запад или нет, а в том, следует ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можем пуститься прямее. Нам кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ею, мы можем стать на свои ноги и вместо того чтоб твердить чужие зады и прилаживать стоптанные сапоги, нам следует подумать, нет ли в народном быту, в народном характере нашем, в нашей мысли, в нашем искусстве чего-нибудь такого, что может иметь притязание на общественное устройство несравненно высшее западного. Хорошие ученики часто переводятся через класс. [...]

Исторические формы западной жизни в одно и то же время, будучи *несравненно выше* политического устройства России, не со-

ответствуют больше современной нужде, современному пониманию. Это понимание развилось на Западе; но с той минуты, как оно было создано и высказано, оно сделалось общечеловеческим достоянием всех понимающих. Запад носит в себе зародыш, но желает продолжать свою прежнюю жизнь и делает всё, чтоб произвести абортив. Кто из них останется жив — мать ли, ребенок ли, или как они примирятся — этого мы не знаем. Но что мать представляет больше воспоминаний, а зародыш больше надежд — в этом нет сомнения.

В виду этой борьбы возникает страна, имеющая только маску, и то прескверную, западной гражданской жизни, только ее фасад и народный быт неразвитый, полудикий, но нисколько не похожий на народный быт европейских народов. Он в своей маске так же мало может идти, как Европа в своей коже. Что же ему делать? Следует ли ему пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы дойти в поте лица, с подгибающимися коленами через реки крови до того же выхода, до той же идеи будущего устройства и невозможности современных форм, до которых дошла Европа? И притом зная вперед, что все это не в *самом деле*, а только для какого-то искуса? Да разве вы не видите, что это безумно? [...]

Перед *социальным* вопросом начинается наше равенство с Европой, или, лучше, это действительная точка пересечения двух путей; встретившись, каждый пойдет своей дорогой.

Западный мир, дойдя до своего предела, сам указал, что ему мешает, и отрицательно определил свое искомое. Случайное распределение сил, богатств, орудий работы, оставленное ему в наследство, окаменело давностью и, укрепленное всеми новыми средствами, ставит стену, которую до сих пор нельзя взять никаким приступом. Труд с одной стороны, капитал с другой, работа с одной стороны, машина с другой, голод с одной стороны, штыки с другой. Сколько социализм ни ходит около своего вопроса, у него нет другого разрешения, кроме лома и ружья. «Vivre en travaillant ou mourir en combattant!» * — кричат работники⁵². «Qui a du plomb a du pain» ** — отвечает им Бланки⁵³.

Мирное решение у них было одно, но зато оно не было решение. Социальное меньшинство требовало у Законодательного собрания *признание права на работу*⁵⁴. Под ним крылось министерство работ, т. е. разрешение правительством борьбы между капиталом и работой, доходом и трудом, заведование государством всеми производительными силами, иначе — промышленный деспотизм, прибавленный ко всем остальным.

Сверх всего, такое решение могло только водвориться на полном устранении старого порядка вещей, на полном отречении его от всех прав своих. Но он вовсе не похож на качающийся зуб, который стоит тронуть, чтоб он выпал, а скорее на слоновый клык, почернелый, испорченный, но глубоко вросший в челюсть.

* «Жить работая или умереть сражаясь!» (франц.).— Ред.

** «У кого меч, у того и хлеб!» (франц.).— Ред.

Единственная органическая попытка и была сделана рабочими артелями и товариществами⁵⁵. При том общественном устройстве, в котором капитал, сверх своей силы, гнетет всю силой правительства, они не могли выдержать ни конкуренции, ни полицейского преследования — стало, и тут не было выхода. [...]

Итак, элементы, вносимые русским крестьянским миром, — элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота, — состоят из трех начал, из:

- 1) *права каждого на землю,*
- 2) *общинного владения ею,*
- 3) *мирского управления.*

На этих началах, и только на них, может развиваться будущая Русь. [...]

[...] Задача новой эпохи, в которую мы входим, состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плутая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтоб у свободной личности земля осталась под ногами и чтобы общинник был совершенно свободное лицо. [...]

Лучшего времени для внутреннего переворота нельзя найти. [...]

* Не воспользоваться этим временем, чтоб тихо, бескровно взойти в новый возраст, или сбиться с дороги, когда она так ясна, было бы великое несчастье и великое преступление. [...]

Петр I, Конвент 1793 не несут на себе той ответственности за все ужасы, сделанные ими, которую хотят на них опрокинуть их враги. Они оба были увлечены, хотели великого, хотели добра, ломали что им мешало и, сверх того, верили, что это единственный путь. Но не такая ответственность падет на наше поколение, искушенное мыслию, когда оно примется ломать, искажать народный быт, зная вперед, что за всяким насилием такого рода следует ожесточенное противодействие, страшные взрывы, страшные усмирения, казни, разорение, кровь, голод.

Мы не западные люди, мы не верим, что народы не могут идти вперед иначе, как по колена в крови; мы преклоняемся с благоговением перед мучениками, но от всего сердца желаем, чтоб их не было. [...]

Не то важно, что у кельтов, германов, пожалуй, у кафров и готтентотов было общинное владение в диком состоянии, а то, что у нас сохранилось оно в государственный период.

А потому в настоящем положении дел серьезно можно поставить только два вопроса:

Есть ли личное, наследственное, неограниченное владение землею *единственно возможное* для развития личной свободы — и, в

таком случае, как спасти большинство населения, не имеющего собственности, от рабства собственников и капиталистов?

Есть ли, с другой стороны, поглощение лица в общине *необходимое, неминуемое* последствие общинного землевладения, или оно относится к неразвитому состоянию народа вообще, и в таком случае как соединить полное, правомерное развитие лица с общинным устройством? [...]

РОБЕРТ ОУЭН ⁵⁶

[...] Ахиллова пята Оуэна не в ясных и простых основаниях его учения, а в том, что он думал, что обществу легко понять его *простую* истину. Думая так, он впал в святую ошибку любви и нетерпения, в которую впадали все преобразователи и предтечи переворотов от Иисуса Христа до Томаса Мюнстера, Сен-Симона и Фурье. [...]

[...] Неразвитость масс, не умеющих понимать, с одной стороны, и корыстный страх — с другой, мешающий понимать меньшинству, долго продержат на ногах старый порядок. Образованные сословия, противно своим убеждениям, готовы сами ходить на веревке, лишь бы не спускали с нее толпу. [...]

Противуположность Роберта Оуэна с Гракхом Бабефом очень замечательна. Через века, когда все изменится на земном шаре, по этим *двум коренным зубам* можно будет восстановить ископаемые остовы Англии и Франции до последней косточки. Тем больше, что в сущности эти мастодонты социализма принадлежат одной семье, идут к одной цели и из тех же побуждений, — тем ярче их различие.

Один видел, что, несмотря на казнь короля, на провозглашение республики, на уничтожение *федералистов* ⁵⁷ и демократический террор, народ остался ни при чем. Другой — что, несмотря на огромное развитие промышленности, капиталов, машин и усиленной производительности, «веселая Англия» ⁵⁸ делается все больше Англией скучной и Англия обжорливая — все больше Англией голодной. Это привело обоих к необходимости изменения основных условий государственного и экономического быта. Почему они (и многие другие) почти в одно и то же время попали на этот порядок идей — понятно. Противоречия общественного быта становились не больше и не хуже, чем прежде, но они выступали резче к концу XVIII века. Элементы общественной жизни, развиваясь розно, разрушили ту гармонию, которая была прежде между ними при меньших благоприятных обстоятельствах.

Встретившись так близко в точке исхода, оба идут в противоположные стороны.

Оуэн видит в том, что общественное зло приходит к сознанию, последнее *достижение*, последнюю победу тяжелого, сложного исторического похода; он приветствует зарю *нового* дня, никогда не бывалого и невозможного в прошедшем, и уговаривает детей как можно скорее покинуть пеленки, помочи и стать на свои ноги. Он

заглянул в двери будущего и, как путешественник, доехавший до места, не сердится больше на дорогу, не бранит ни станционных смотрителей, ни кляч.

Но конституция 1793 года думала не так, а с ней не так думал и Грахх Бабеф⁵⁹. Она декретировала *восстановление естественных прав человека, забытых и утраченных*. Государственный быт — преступный плод узурпации, следствие злодейского заговора тиранов и их сообщников — попов и аристократов. Их следует казнить как врагов отечества, достояние их возвратить законному *государю*, которому теперь есть нечего и который называется поэтому *санкюлотом*. Пора восстановить его старые *неотъемлемые права*... Где они были? Почему пролетарий государь? Почему ему принадлежит все достояние, награбленное другими?.. А! Вы сомневаетесь, — вы подозрительный человек, ближний государь сведет вас к гражданину судье, а тот пошлет к гражданину палачу, и вы больше сомневаться не будете!

Практика хирурга Бабефа не могла мешать практике акушера Оуэна.

Бабеф хотел силой, т. е. властью, разрушить созданное силой, разгромить неправое стяжание. Для этого он сделал заговор; если б ему удалось овладеть Парижем, комитет *insurrecteur* * *приказал бы* Франции новое устройство, точно так, как Византии его приказал победоносный Османлис⁶⁰; он втеснил бы французам свое *рабство общего благосостояния* и, разумеется, с таким насилием, что вызвал бы страшнейшую реакцию, в борьбе с которой Бабеф и его комитет погибли бы, бросив миру *великую мысль в нелепой форме*, — мысль, которая и теперь тлеет под пеплом и мутит довольство *довольных*.

Оуэн, видя, что люди образованных стран подрастают к переходу в новый период, не думал вовсе о насилии, а хотел только облегчить развитие. С своей стороны он так же последовательно, как Бабеф с своей, принялся за изучение зародыша, за развитие ячейки. Он начал, как все естествоиспытатели, с частного случая; его микроскоп, его лаборатория был New Lanark⁶¹; его учение росло и мужало вместе с ячейкой, и оно-то довело его до заключения, что главный путь водворения нового порядка — *воспитание*.

Заговор для Оуэна был не нужен, восстание могло только повредить ему. Он не только мог ужиться с лучшим в мире правительством, с английским, но со всяким другим. Он в правительстве видел устарелый, исторический факт, поддерживаемый людьми отсталыми и неразвитыми, а не шайку разбойников, которую надобно неожиданно накрыть. Не домогаясь ниспровергнуть правительство, он не домогался нисколько и *поправлять его*. Если б святые лавочники не мешали ему, в Англии и Америке были бы теперь сотни New Lanark и New Harmony^{62**}, в них втекали бы

* — повстанческий (франц.). — Ред.

** С легкой руки Оуэна начались в Англии развиваться кооперативные *рабочничьи ассоциации*; их считается до 200. [...] (Прим. Герцена).

свежие силы рабочего народонаселения, они исподволь отвели бы лучшие жизненные соки от отживших государственных цистерн. Что же ему было бороться с умирающими? Он мог их предоставить естественной смерти, зная, что каждый младенец, которого приносят в его школы, *c'est autant de pris* * над церковью и правительством!

Бабеф был казнен. Во время процесса он вырастает в одну из тех великих личностей, мучеников и побитых пророков, перед которыми невольно склоняется человек. Он угас, а на его могиле росло больше и больше всепоглощающее чудовище *Централизации*. Перед нею особенность стерлась, завянула, побледнела личность и исчезла. Никогда на европейской почве, со времен тридцати тиранов афинских до Тридцатилетней войны⁶³ и от нее до исхода Французской революции, человек не был так пойман правительственной паутиной, так опутан сетями администрации, как в новейшее время во Франции.

Оуэна исподволь затянуло илом. Он двигался, пока мог, говорил, пока его голос доходил. Ил пожимал плечами, качал головой; неотразимая волна мещанства росла, Оуэн старелся и все глубже уходил в трясину; мало-помалу его усилия, его слова, его учение — все исчезло в болоте. [...]

Ни природа, ни история *никуда не идут* и потому готовы идти *всюду*, куда им укажут, *если это возможно*, т. е. если ничего не мешает. Они слагаются *à fur et à mesure* ** бездной друг на друга действующих, друг с другом встречающихся, друг друга останавливающих и увлекающих частностей; но человек вовсе не терется от этого, как песчинка в горе, не больше подчиняется стихиям, не круче связывается необходимостью, а вырастает тем, что понял свое положение, в рулевого, который гордо рассекает волны своей лодкой, заставляя бездонную пропасть служить себе путем сообщения.

Не имея ни программы, ни заданной темы, ни неминуемой развязки, растрепанная импровизация истории готова идти с каждым, каждый может ставить в нее свой стих, и, если он звучен, он останется *его* стихом, пока поэма не оборвется, пока прошедшее будет бродить в ее крови и памяти. [...]

[...] Гордиться должны мы тем, что мы не нитки и не иголки в руках фатума, шьющего пеструю ткань истории... Мы знаем, что ткань эта не без нас шьется, но это не цель наша, не назначение, не заданный урок, а следствие той сложной круговой поруки, которая связывает все сущее концами и началами, причинами и действиями.

И это не все: мы можем *переменить узор ковра*. Хозяина нет, рисунка нет, одна основа, да мы одни-одинехоньки. Прежние ткачи судьбы, все эти Вулканы и Нептуны, приказали долго жить. [...]

* — это новая победа (франц.).— Ред.

** — постепенно (франц.).— Ред.

Стремление людей к более гармоническому быту совершенно естественно, его нельзя ничем остановить, так, как нельзя остановить ни голода, ни жажды. Вот почему мы вовсе не боимся, чтобы люди сложили руки от какого бы учения ни было. Найдутся ли лучшие условия жизни, совладеет ли с ними человек или в ином месте собьется с дороги, а в другом наделает вздору — это другой вопрос. [...]

Люди не так покорны, как стихии, но мы всегда имеем дело с современной массой, — ни она не самобытна, ни мы не независимы от общего фона картины, от одиноких предшествовавших влияний; связь общая есть. Теперь вы понимаете, от кого и кого зависит будущность людей, народов?

— От кого?

— Как от кого?... да от НАС С ВАМИ, например. Как же после этого нам сложить руки!

REPETITIO EST MATER STUBIORUM *⁶⁴

[...] То, что на Западе может только совершиться рядом катастроф, потрясений, то может развиваться в России на основании существующего. Один факт *общинного владения землей*...

— Дошли-таки, наконец, до вашего больного места, ха! ха! ха!.. Я так и слышу это возражение. [...]

Тем не меньше я смело повторяю, что один факт общинного владения землею и передележа полей сам по себе оправдывает предположение,* что наша неводеланная почва, наш чернозем *способнее* для посева зерна, собранного с западных полей. Способнее по стихиям, из которых она состоит, способнее потому, что на ней меньше мусора и всякого рода развалин, чем на западных полях.

— Стало быть, Россия все-таки от Запада возьмет это оплодотворяющее зерно? **

— Стало быть.

— Ну, где же тот новый элемент, который она вносит в жизнь устарелого Запада, долженствующий пересоздать его?

— На это пусть отвечают те, которые это говорят. Я этого никогда не говорил ***.

* Повторение — мать учения (лат.). — Ред.

** «Одна могучая мысль Запада, к которой примыкает вся длинная история его, в состоянии оплодотворить зародыши, дремлющие в нашем патриархальном быту. Артель и сельская община, раздел прибытка и раздел полей, мирская сходка и соединение сел в волости, управляющиеся сами собой, — все это краугольные камни, на которых соизидется храмина нашего будущего свободнообщинного быта. Но эти краугольные камни все же камни... и без западной мысли наш будущий собор остался бы при одном фундаменте» (Полярная звезда, 1855, с. 168 и 169 ⁶⁵).

*** Во французских статьях я много раз употреблял слово, еще более выражающее мою мысль, — *l'aptitude*. *Aptitude* не значит, что что-нибудь сделано, что клад найден, оно даже не обуславливает развитие, а показывает большую способность к нему.

[...] Мещанство — идеал, к которому стремится, подымается Европа со всех точек дна. Это та «курица во щах», о которой мечтал Генрих IV ⁶⁷. Маленький дом с небольшими окнами на улицу, школа для сына, платье для дочери, работник для тяжелой работы, да это в самом деле гавань спасения — *havre de grâce!*

Прогнанный с земли, которую обрабатывал века для барина, потомок разбитого в бою селянина, осужденный на вечную каторгу, голод, бездомный поденщик, батрак, родящийся нищим и нищим умирающий, только делаясь собственником, хозяином, буржуа, оттирает пот и без ужаса смотрит на детей; его сын не будет отдан в пожизненную кабалу из-за хлеба, его дочь не обречена ни фабрике, ни публичному дому. Как же ему не рваться в мещане? Идеал *хозяйина-лавочника* — этих рыцарей, этих попов среднего сословия — носится светлым образом перед глазами поденщика до тех пор, пока его заскорузлые и усталые руки не опустятся на надломленную грудь и он не взглянет на жизнь с тем ирландским покоем отчаяния, которое исключает всякую мечту, всякое ожидание, кроме мечты о целом полуштофе виски в следующее воскресенье.

Мещанство, последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности, — демократизация аристократии, аристократизация демократии; в этой среде Альмавива равен Фигаро: снизу все тянется в мещанство, сверху все само падает в него по невозможности удержаться. Американские Штаты представляют одно среднее сословие, у которого нет ничего внизу и нет ничего вверху, а мещанские нравы остались. Немецкий крестьянин — *мещанин* хлебопашества, работник всех стран — *будущий* мещанин. Италия, самая поэтическая страна в Европе, не могла удержаться и тотчас покинула своего фанатического любовника Маццини, изменила своему мужу-геркулесу — Гарибальди, лишь только гениальный мещанин Кавур, толстенький, в очках, предложил ей взять ее на содержание.

С мещанством стираются личности, но стертые люди сытее; платья дюжинные, незаказные, не по талии, но число носящих их больше. С мещанством стирается красота природы, но растет ее благосостояние. [...]

[...] Мир безземельный, мир городского преобладания, до крайности доведенного права собственности, не имеет другого пути спасения и весь пройдет мещанством, которое в наших глазах отстало, а в глазах полевого населения и пролетариев представляет образованность и развитие. [...]

Перед нами цивилизация, последовательно развившаяся на безземельном пролетариате, на безусловном праве собственника над собственностью. То, что ей пророчил Сизс, то и случилось: среднее состояние сделалось *всем* — на условии владеть *чем-нибудь*. Знаем ли мы, как выйти из мещанского государства в государство народ-

ное, или нет — все же мы имеем право считать мещанское государство односторонним развитием, уродством. [...]

Может, какой-нибудь кризис и спасет от китайского маразма. Но откуда он придет, как, и вынесет ли его старое тело или нет? Этого я не знаю, да и Ст. Милль не знает. Опыт нас проучил; острее рожнее Маццини, мы смиренно держимся точки зрения *прозектора*. Лекарств не знаем, да и в хирургию мало верим. [...]

Да, любезный друг, пора прийти к покойному и смиренному сознанию, что *мещанство* окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие — *état adulte*; им замыкается длинный ряд его сновидений, оканчивается эпопея роста, роман юности — все, вносящее столько поэзии и бед в жизнь народов. После всех мечтаний и стремлений... оно представляет людям скромный покой, менее тревожную жизнь и посильное довольство, не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. Народы западные выработали тяжким трудом свои зимние квартиры. Пусть другие покажут свою прыть. [...]

Общий план развития допускает бесконечное число вариаций непредвидимых, как хобот слона, как горб верблюда. [...]

В чем же состоит та злая ересь, то отпадение от своих собственных принципов, от непреложных законов мироздания и от всех божественных и человеческих учений и уставов, что я не считаю мещанства окончательной формой русского устройства, того устройства, к которому Россия стремится, и, достигая которого, она, вероятно, *пройдет* и мещанской полосой. Может, народы европейские сами перейдут к другой жизни, может, Россия вовсе не разовьется, но именно потому, что это *может быть* — *может быть* и другое. [...]

ПИСЬМА К ПРОТИВНИКУ ⁶⁸

[...] Для вас русский народ преимущественно народ *православный*, т. е. наиболее христианский, наиболее близкий к *веси небесной*. Для нас русский народ преимущественно *социальный*, т. е. наиболее близкий к осуществлению одной стороны того экономического устройства, той *земной веси*, к которой стремятся все социальные учения.

Не мы перенесли на русский народ свой идеал, и потом, как это бывает с увлекающимися людьми, сами же стали им восхищаться, как находкой. Мы просто встретились. [...] Я решительно не вижу выхода из всеобщего импаса * образованного мира, кроме старческого обмиранья или социального переворота — крутого или идущего исподволь, нарастающего из жизни народной или вносимого в нее теоретической мыслью — все равно. Вопрос этот нельзя обойти, он не может ни устареть, ни сойти с очереди, он может быть оттерт, поставлен другими, но он тут, как скрытая болезнь, и если он не постучится в дверь, когда всего меньше думают, то постучится смерть.

* — тупика (от франц. *impasse*). — *Ред.*

Политическая революция, пересоздающая формы государственных, не касаясь до форм жизни, достигла своих границ, она не может разрешить противуречия юридического быта и быта экономического, принадлежащих совершенно разным возрастам и воззрениям, — а оставаясь при их противуречии, нечего и думать о разрешении антиномий, и прежде существовавших, но теперь пришедших к сознанию — вроде безусловного права собственности и неотрицаемого права на жизнь, правомерной праздности и безвыходного труда... Западная жизнь, чрезвычайно способная ко всем развитиям и улучшениям, не касающимся первого плана ее общественного устройства, оказывается упорно консервативной, как дело доходит до линии фундамента. [...]

Когда я спорил в Москве со славянофилами (между 1842 и 1846 годами), мои воззрения в основах были те же. Но тогда я не знал Запада, т. е. знал его книжно, теоретически, и еще больше я любил его всею ненавистью к николаевскому самовластью и петербургским порядкам. Видя, как Франция смело ставит социальный вопрос, я предполагал, что она хоть отчасти разрешит его, и оттого был, как тогда называли, *западником*. Париж в один год отрезвил меня — зато этот год был 1848. Во имя тех же начал, во имя которых я спорил с славянофилами за Запад, я стал спорить с ним самим.

Обличая революцию, я вовсе не был обязан переходить на сторону ее врагов — падение февральской республики не могло меня отбросить ни в католицизм, ни в консерватизм, оно меня снова привело *домой*.

Стоя в стану побитых, я указывал им на народ, носящий в быте своем больше условий к экономическому перевороту, чем окончательно сложившиеся западные народы. Я указывал на народ, у которого нет тех нравственных препятствий, о которые разбивается в Европе всякая новая общественная мысль, а, напротив, есть *земля под ногами* и вера, что *она его*.

И вот пятнадцать лет я постоянно проповедую это. [...]

ПИСЬМА К ПУТЕШЕСТВЕННИКУ ⁶⁹

[...] Европейские *дальние* горизонты сливаются с нашими *близкими* и европейская выстрадавшая наука ярко освещает наши поля и наши проселки.

Сырой материал нашего быта оставался в тени за дворянской грамотой, за массами войск, за императорской порфирой, за либеральными идеями. Мы его не знали, и он в самом деле был непонятен, для разрешения его формулы недоставало какого-то элемента, недоставало определения чего-то неизвестного. Его нам указали социальные теории. Мы представляем *частный случай* нового экономического устройства, новой гражданственности, *одно* из их приложений.

Так, как Северная Америка начала с последнего слова революционной философии, с алгебры *прав человека*, так мы начнем с приложения социальных учений к бытовой практике нашей.

История развития мысли человеческой и сознания дошла, спускаясь с вершин государственных сфер, конституционных хартий, правительственных форм, до вопросов о насущном хлебе и хозяйстве, о работе и выработанном, о голоде и капитале, о грамоте и праве... Вопросы мало разрешились, но поставлены они ясно наукой, и их-то свет, падая на наши низменные поля, говорит будто с Кольцовым:

Что ты спишь, мужичок,
Ведь весна на дворе ⁷⁰.

Наше дело на череду. Наши десять заповедей, наш гражданский катехизис — в социализме.

«Да неужели социализм, этот незрелый плод тридцатых годов, выкинутый самой Францией, еще существует?»

Если б он и в самом деле умер и был схоронен в Европе, то и тогда это мало бы имело влияния на нас. Наследство свое он передал нам при жизни — но, сверх того, я сильно сомневаюсь в его смерти. Он, как евангельская девица, *не умер, а спит* ⁷¹. [...]

В гонении на социализм, поднятом у нас в подражание Западу, есть что-то невероятно бессмысленное и тупоумное, трусливое и нечеловечное. Европа боялась социального переворота потому, что он был страшен для нее; встретив суровый отпор, он шел путем отчаяния и насилия на разрушение узкого, но веками слепленного и привычного государственного устройства... У нас *этот быт непривычен*, у нас он чужой; где же, в чем вред, причиненный России социализмом, или чем может он повредить ей? Разве освобождение крестьян с землею — не *социальный переворот*? Разве общинное владение и право на землю — не *социализм* (как там себе ни голоси наши славянофильские кликуши)? Ненависть к социализму крепостника, оплакивающего землю свою и барщину свою, понятна, так, как понятен был страх откупщика, боявшегося отмены откупа; но наших теоретических, литературных врагов социализма нельзя понять. [...]

В самой Европе преследование социализма безумно. Как будто какое-нибудь развитие на череду, какое-нибудь логическое последствие ряда осуществившихся посылок можно остановить кулаком и бранью, не убивая организма или не делая из него урод. Нашли ли главные социальные вопросы решения или нет — все равно, ошибочны ли эти решения или односторонни — все равно, они не менее живы и не менее стучатся во все двери и бьются во все стороны, ломая и подмывая стены и заборы, мешающие им. [...]

Социальные идеи не убиты и не отстранены, их побежденный авангард без знамени и шума занял множество неприятельских мест, и не один *новый* Дионисий Сиракузский делал социализм, как Мольеров Журден делал прозу, не зная того. Не только сен-симонизм и фурьеризм не прошли бесследно, но неопределенные стрем-

ления, нашедшие отголосок в поэзии Гюго, в романах Сю, в целой литературе 30-х годов, женский протест Ж. Санда, индийская триада Пьера Леру⁷², полемика Прудона — все это не только разбудило людей и направило их мысли в известную сторону, но все это принялось, прозябло и проросло старую почву. Вглядитесь внимательно, и вы найдете социальные оттенки в тюльерийских декретах⁷³ и прусских министерских указах; следы проповедей Менильмонтанской улицы остались в оборотах Перейры⁷⁴ в ликвидации недвижимой собственности; добродушная голова старика Р. Оуэна просвечивает со дна всех английских кооперативных обществ. [...]

Я так и жду обыкновенного возражения: что за разрешение ломать зря и устраивать общество насильно, на какой-то каторжный манер?.. а социализм только так и разрешал вопрос.

Он ошибался и горько пострадал за это. Но кто же сказал, что он только *так* хотел разрешать и только *так и мог* их разрешать?..

Прудон упрекал в этом социализм, разумея под социализмом организацию работ Луи Блана, коммунизм Теста⁷⁵, отца Кабе, а не социализм вообще. [...]

Восставая против социализма под тем предлогом, что он хочет зря ломать и насильственно строить, люди со всеми своими прогрессивными стремлениями становятся на сторону закоснелого консерватизма и защищают падающие институты, составляющие главное препятствие развитию. Разве не на наших глазах в 1848 г. республиканцы сделались гонителями и дали тот вопрок пошедший урок, который научил всех царей и все власти, как надобно подавлять противников.

Противников они подавили и с тем вместе их односторонность — идеи остались, вопросы остались. Выброшенные полицией за дверь, они за нею притаились и постоянно готовы взойти во всякую щель. [...]

Лихорадочный, острый период зарождения для социализма прошел.

Страстная, вдохновенная форма, в которой является новое учение, глубоко захватывающее жизнь от очага до площади, его церковные ризы, его фантазия, не знающая пределов, его фанатизм, не знающий сомнений, его юная нетерпимость, его ревность прозелитизма — все это на месте вначале. Без идеалов, без поэзии люди не оставляют одр свой, чтоб идти за учителем; но за яркими цветами зари настает дневная работа, с помехами и ошибками, с дождем и ведроми, с каменистой почвой и болотами, с отклонениями и уступками, с компромиссами и диагоналями. Для этой работы нужны не кадилы и не рипиды⁷⁶, а простые орудия труда и простые формулы разума. [...]

[...] Социальные идеи пережили свою героическую интродукцию; ни бархатный жилет верховного отца Анфантена, ни фаланстер Фурье, ни государственная барщина, ни *communa bonorum* *,

* — коммуна добрых (лат.).— *Ред.*

ни разрушение семьи, ни отрицание собственности — ничего не сделают теперь сверх того, что они сделали для вызова на сцену и постановки вопросов.

Поле, по-видимому, стало беднее, но замечательно очистилось, много выяснилось в том, где искать ответы и где их не может быть.

Люди недовольны экономическими условиями труда, упрощенным неравновесием сил, их потерей, рабством работы, злоупотреблением накопленных богатств — но они

не хотят переезжать в рабочие казармы,

не хотят, чтоб правительство гоняло их на барщину,

не хотят разрушать семьи и очага,

не хотят поступиться частной собственностью,

т. е. они хотят при обновлении, при перерождении сохранить, насколько возможно, свою привычную жизнь, согласуя ее с новыми условиями. На каких же разумных основаниях можно сделать, согласить такие сложные и противуречающие потребности? В этом-то и задача, весь социальный вопрос так и становится, освобожденный от громовых туч своих и молний.

Есть ли решенья? [...]

[...] Одно из *действительных* решений представляет русский народный быт в его современном развитии. Бедное село наше, с своей скромной общинной жизнью, с своим общинным землеуладением, наша черная Русь и крестьянская изба невольно вырываются на сцене, с которой больше и больше исчезают в тумане фаланстеры, Икарии, национальные рабочие, государственные подряды⁷⁷ и пр. [...]

Недостаточность прежних гражданских идеалов ясна не только для тех народов, которые прошли ими, но и вообще для всех народов *идуших*. Для нас это особенно важно. Нам нет никакой необходимости переходить *всеми* фазами политической эволюции, для того чтоб вступить в фазу экономического развития. [...]

[...] В России есть почва в быте народном, — почва невозделанная, но готовая принять первое семя; семя это принесло к нам с Запада. Признание за народом права на землю — величайшая победа, сделанная народным смыслом и *социальной идеей*. [...]

ПОРЯДОК ТОРЖЕСТВУЕТ!⁷⁸

[...] Теперь вся Европа — больница, лазарет и, главное, дом умалишенных. Она решительно не может переварить противоречий, до которых дожила, не может сладить с переломленной революцией внутри, с двойной цивилизацией, из которых одна в науке, другая в церкви, одна чуть не двадцатого столетия, а другая сдана XV. Да и легко ли спаять в одно органическое развитие — буржуазную свободу и монархический произвол, социализм и като-

лизм, право мысли и право силы, уголовную статистику, объясняющую дело, и уголовный суд, рубящий голову, чтоб она поняла.

Иной раз кажется, будто Европа успокоилась, но это только кажется. [...]

...Несколько месяцев тому назад я долго беседовал с одним старцем. Он половину своего с лишком шестидесятилетнего существования провел в тюремном заключении; его гнали всю жизнь, гонят теперь — не только враги, но свои. [...]

Старик этот — *Огюст Бланки* ⁷⁹.

Некогда грозный трибун, потрясавший массы, заставлявший бледнеть своих судей с лавки обвиняемых, стал тих, его речь, полная мысли, стала мягче, сдержаннее, но когда я с недоверием отозвался о роли Франции, глаза его сверкнули. «Европе одно спасенье — Париж... подавленный, молчащий Париж... вы не знаете, что бродит и зреет в парижских массах... парижский работник выручит Францию, Республику... всю Европу». И какая-то юная улыбка показалась на губах его. Он встал, худой, седой, — одни кости и кожа, — прошелся по комнате и молча остановился, глядя вдаль, потом покачал головой и сказал: «Если я не очень скоро умру, я еще увижу это, а вы и подавно». [...]

О земле не поминала ни одна революция, домогавшаяся воли, по крайней мере после крестьянских войн. Ни с горных высот Конвента, ни с высот июньских баррикад мы не слышали слова *земля*. Понятие земельного участка так чуждо европейскому пониманию, что Лассаль старался вытолкнуть землю из-под ног работника, как гирю, мешающую его свободной личности.

У нас право на землю — не утопия, а реальность, бытовой факт, существующий в своей естественной непосредственности и который следует возвести в факт вполне сознательный. Все сельское население принимало⁸⁰ спокон века это *естественное право* свое, не рассуждая о нем. Его только не знали в высших слоях, образованных на западный лад.

Сельская община при тех обстоятельствах, при которых она развивалась, ценой воли продала землю общиннику. Личность, имеющая право на землю, сама становилась крепка земле, крепка общине. Вся задача наша теперь состоит в том, чтоб развить полную свободу лица, не утрачивая общинного владения и самой общины.

Возможно ли это? В этом, в свою очередь, наш вопрос будущего. [...]

Мы предвидим улыбку многих при слове *русский социализм*. Чему люди не смеялись прежде понимания? Это одна из принадлежностей той миродержавной силы, которая нами не была принята в расчет.

Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, — и идет вместе с рабочей артелью на-

встречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука.

Название это тем необходимее, что рядом с нашим учением развивались, с огромным талантом и пониманием, теории чисто западного социализма, и именно в Петербурге. Это раздвоение, совершенно естественное, лежащее в самом понятии, вовсе не представляло антагонизма. Мы служили взаимным дополнением друг друга.

Первые представители социальных идей в Петербурге были *петрашевцы*. Их даже судили как «фурьеристов» *. За ними является сильная личность *Чернышевского*. Он не принадлежал исключительно ни к одной социальной доктрине, но имел глубокий социальный смысл и глубокую критику современно существующих порядков. Стоя один, выше всех головой, среди петербургского брожения вопросов и сил, среди застарелых пороков и начинающихся угрызений совести, среди молодого желания иначе жить, вырваться из обычной грязи и неправды, Чернышевский решился схватиться за руль, пытаясь указать жаждавшим и стремившимся, *что им делать*. Его среда была городская, университетская, — среда развитой скорби, сознательного недовольства и негодования; она состояла исключительно из работников умственного движения, из пролетариата, интеллигенции, из «способностей». Чернышевский, Михайлов и их друзья первые в России звали не только труженика, съедаемого капиталом, но и труженицу, съедаемую семьей, к иной жизни. Они звали женщину к освобождению работой от вечной опеки, от унижительного несовершенноголетия, от жизни на содержание, и в этом — одна из величайших заслуг их.

Пропаганда Чернышевского была ответом на *настоящие* страдания, слово утешения и надежды гибнувшим в суровых тисках жизни. Она им указывала выход. Она дала тон литературе и провела черту между в *самом деле* юной Россией и прикидывавшейся такою Россией, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крепостнической. Идеалы ее были в совокупном труде, в устройстве мастерской, а не в тощей палате, в которой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали «дворян в мещанстве» и помещиков в оппозиции.

Огромный успех социальных учений между молодым поколением, школа, вызванная ими, нашедшая себе не только литературные отголоски и органы, но начала практического приложения и исполнения, имеют историческое значение. Освобождение крестьян с признанием их права на землю, с сохранением общины и обращение к социализму молодых и деятельных умов, не загубленных жизнью, не сбитых с толку доктринаризмом, служили неопровержимым доказательством в пользу нашей всегдашней веры в характер русского развития. [...]

* Нас в 1834 году правительство обвиняло в сен-симонизме. (Прим. А. И. Герцена.)

[...] Собственно говоря, нет безусловной необходимости в том, чтобы ясно выраженный идеал осуществился в том или ином определенном месте, — лишь бы он осуществился. [...] Мы вовсе не хотим сказать, что латино-германский мир исключен из новой социальной палингенезии ⁸¹, которую он сам же и открыл миру. У природы и истории — все званые гости, однако невозможно вступить в новый мир, неся, подобно Атласу, на своих плечах мир старый. Надобно умереть «в старом Адаме», чтобы воскреснуть в новом, — т. е. надобно пройти через *подлинно радикальную революцию*. [...]

И когда ж это революция была безнравственной? Революция всегда сурова, доблестна по обязанности, чиста по необходимости; она всегда — самопожертвование, ибо она всегда — опасность, гибель личностей во имя всеобщего. Разве были безнравственны первые христиане? или гугеноты, или пуритане, или якобинцы? Вот вооруженные заговоры, государственные перевороты — те и вправду не слишком-то непорочны, но ведь это ретрореволюции. Что же касается религии, то революция в ней не нуждается, она сама — религия.

Даже социализм, в своих наиболее восторженных, юношеских фазах, в сенсимонизме и в фурьеризме, никогда не доходил ни до общности имущества, проповедовавшейся апостолами, ни до Платоновой республики подкидышей ⁸², ни до полного отрицания семьи посредством создания специальных заведений для детоубийства во чреве матери и публичных домов безбрачия и воздержания...

На самом деле речь идет не о семье, не о нравственности — речь идет о том, чтобы спасти *незначительную долю свободы и значительную — собственности*; все же остальное — красноречие, иносказания. Собственность — это блюдо чечевичной похлебки, за него вы ⁸³ продали великое будущее, которому ваши отцы широко распахнули ворота в 1789 году. Вы предпочитаете обеспеченное будущее удалившегося от дел рантье — отлично, но не говорите же, что делаете это ради счастья человечества и спасения цивилизации. [...]

Мы не говорим, что наше отношение к земле является *разрешением* социального вопроса, однако мы убеждены, что это *одно из решений*. Социальные идеи, в своем воплощении, будут обладать многообразием форм и применений. [...]

К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ ⁸⁴

[...] Экономически-социальный вопрос становится теперь иначе, чем он был двадцать лет тому назад. Он пережил свой религиозный и идеальный, юношеский возраст — так же, как воз-

раст натянутых опытов и экспериментаций в малом виде, самый период жалоб, протеста, исключительной критики и обличенья приближается к концу. В этом великое знамение его совершеннолетия. Оно достигается наглазно, *но не достигнуто* — не от одних внешних препятствий, не от одного отпора, но и от внутренних причин. Большинство, идущее вперед, не доработалось до ясных истин, до практических путей, до полных формул будущего экономического быта. Большинство — наиболее страдающее — стремится одною частью (городских работников) — выйти из него, но удержано старым, традиционным мирозерцанием другой и самой многочисленной части. Знание и понимание не возьмешь никаким *coup d'Etat* * и никаким *coup de tête* **.

Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это или нет? В этом весь вопрос.

Следует ли толчками возмущать с целью ускорения внутреннюю работу, которая очевидна? Сомнения нет, что акушер должен ускорять, облегчать, устранять препятствия, но в *известных* пределах — их трудно установить и страшно переступать. На это, сверх логического самоотвержения, надобен такт и вдохновенная импровизация. [...]

Наше время — именно время окончательного изучения, того изучения, которое должно предшествовать работе осуществления так, как теория паров предшествовала железным дорогам. Прежде дело хотели взять грудью, усердием, отвагой и шли зря, на авось — мы на авось не пойдем.

Ясно видим мы, что дальше дела не могут идти так, как шли, что конец исключительному царству капитала и безусловному праву собственности так же пришел, как некогда пришел конец царству феодальному и аристократическому. Как перед 1789 обмирание мира средневекового началось с сознания несправедливого соподчинения среднего сословия, так и теперь переворот экономический начался сознанием общественной неправды относительно работников. Как тогда упрямство и вырождение дворянства помогло собственной гибели, так и теперь упрямая и выродившаяся буржуазия тянет сама себя в могилу.

Но общее постановление задачи не дает ни путей, ни средств, ни даже достаточной среды. Насильем их не завоеуешь. Подорванный порохом, весь мир буржуазный, когда уляжется дым и расчистятся развалины, снова начнет с разными изменениями *какой-нибудь буржуазный мир*. Потому что он *внутри не кончен, и потому еще, что ни мир строящийся, ни новая организация не настолько готовы*, чтоб пополниться, осуществиться. Ни одна основа из тех, на которых покоится современный порядок, из тех, которые должны

* — государственный переворот (*франц.*); здесь в значении «насилие». — *Ред.*

** — безрассудный поступок, наскок (*франц.*). — *Ред.*

рухнуть и пересоздаться, не настолько почата и расшатана, чтоб ее достаточно было вырвать силой, чтоб исключить из жизни. Государство, церковь, войско отрицаются точно так же логически, как богословие, метафизика и пр. В известной научной сфере они осуждены, но вне ее академических стен они владеют всеми нравственными силами.

Пусть каждый добросовестный человек сам себя спросит, готов ли он. Так ли ясна для него новая организация, к которой мы идем, как общие идеалы — коллективной собственности, солидарности, — и знает ли он процесс (кроме простого ломанья), которым должно совершиться превращение в нее старых форм? И пусть, если он лично доволен собой, пусть скажет, готова ли та среда, которая по положению должна первая ринуться в дело.

Знание неотразимо — но оно не имеет принудительных средств — излеченье от предрассудков медленно, имеет свои фазы и кризисы. Насильем и террором распространяются религии и политика, учреждаются самодержавные империи и нераздельные республики, насильем можно разрушать и расчищать место — не больше. Петроградизмом ⁸⁵ социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдет. Новые формы должны все обнять и вместить в себе все элементы современной деятельности и всех человеческих стремлений. Из нашего мира не сделаешь ни Спарту, ни бенедиктинский монастырь. Не душить одни стихии в пользу других следует грядущему перевороту, а уметь все согласовать — к общему благу (как мечтали о страстях фурийерысты).

Экономический переворот имеет необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями — в трезвости своей основы. Таковы должны быть и пути его — таково обращение с данным. По мере того как он вырастает из состояния неопределенного страдания и недовольства, он невольно становится на *реальную почву*. Тогда как все другие перевороты постоянно оставались одной ногой в фантазиях, мистицизмах, верованиях и неоправданных предрассудках патриотических, юридических и пр. [...]

Прежние перевороты делались в сумерках, сбивались с пути, шли назад, спотыкались... и, в силу внутренней неясности, требовали бездну всякой всячины, разных вер и геройств, множество выпренных добродетелей, патриотизмов, пиетизмов. Социальному перевороту ничего не нужно, кроме *пониманья и силы*, зная — и средств.

Но пониманье страшно обязывает. Оно имеет свои неотступные угрозыния разума и неумолимые упреки логики.

Пока социальная мысль была неопределенна, ее проповедники — сами верующие и фанатики — обращались к страстям и фантазии столько, сколько к уму. Они грозили собственникам карой и разорением, позорили, стыдили их богатством, склоняли их на добровольную бедность страшной картиной ее страданий. [...]

Из этих средств социализм вырос. Не то надобно доказать собственникам и капиталистам, что их обладание грешно, безнравственно, незаконно (понятия, взятые из совсем иного мирозерцания, чем наше), а то, что [современная монополия их — вредная и обличенная] *нелепость*, [нуждающаяся в огромных] контрфорсах, чтоб не рухнуть, что эта нелепость пришла к сознанию немущих, в силу чего оно становится *невозможным*. Им надобно показать, что борьба против неотвратимого — бессмысленное истощение сил и что чем она упорнее и длиннее, тем к большим потерям и гибелям она приведет. Твердыню собственности и капитала надобно потрясти расчетом, двойной бухгалтерией, ясным балансом дебета и кредита. Самый отчаянный скряга не предпочтет утонуть со всем товаром, если может спасти часть его и самого себя, бросая другую за борт. Для этого необходимо только, чтоб опасность была *так же* очевидна для него, как *возможность спасения*.

Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого делает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании.

Но этого и не будет. Человечество во все времена, самые худшие, показывало, что в него в *potentialiter* * — больше потребностей* и больше сил, чем надобно на одно завоевание жизни, — развитие не может их заглушить. Есть для людей драгоценности, которыми оно не поступится и которые у него из рук может вырвать одно деспотическое насилие, и то на минуту горячки и катаклизма. [...]

Международные рабочничьи съезды становятся ассизами ⁸⁶, перед которыми вызывается один социальный вопрос за другим, они получают больше и больше организующий склад, их члены — эксперты и следопроизводители. Они самую стачку и остановку работ допускают как тяжелую необходимость, как *pis aller* **, как средство сосчитать свою силу как боевую организацию. Серьезный характер их поразил врагов. Сильное *их покоя* испугало фабрикантов и заводчиков. Было бы огромное несчастье, если б они преждевременно вышли из этого строя.

Работники, соединяясь между собой, выделяясь в особое «государство в государстве», достигая своего устройства и своих прав помимо капиталистов и собственников, помимо политических границ и границ церковных, составляют первую сеть и первый всход будущего экономического устройства. Международный союз может вырасти в Авентинскую гору à l'intérieur ***⁸⁷ — отступая на

* — в потенции (лат.).— *Ред.*

** — крайнее средство (франц.).— *Ред.*

*** — внутри (франц.).— *Ред.*

нее, мир рабочих, сплоченный между собой, покинет мир, пользующийся без работы, на свою доходную непроизводительность... и он, отлученный, *polens-volens* * пойдет на сделки. А не пойдет — тем хуже для него, он сам себя поставит *вне закона* — и тогда гибель его отсрочится только настолько, насколько у нового мира нет сил. А пока их нет — надобно в тиши собирать полки и не грозить. Угроза при бессилии вредна. Подавленный взрыв двинет назад. Досуг нужен для двойной работы — серьезного изучения и вербованья пониманьем, — а настороженный враг, имеющий силу в руках, схватится за оружие для своей обороны, прежде чем противный стан успеет построиться. Уничтожать и топтать всходы легче, чем топить их рост. Тот, кто не хочет ждать и работать, тот идет по старой колее пророков и прорицателей, иересиархов, фанатиков и цеховых революционеров... А всякое дело, совершающееся при пособии элементов безумных, мистических, фантастических, в последних выводах своих непременно будет иметь и безумные результаты рядом с дельными. Сверх того, пути эти все больше и больше зарастают для нас травой, пониманье и обсуживание — наше единственное оружие. [...]

Всякая попытка обойти, перескочить сразу — от нетерпенья, увлечь авторитетом или страстью — приведет к страшнейшим столкновениям и, что хуже, к почти неминуемым поражениям. Обойти процесс пониманья так же невозможно, как обойти вопрос о силе. [...]

Между конечными выводами и современным состоянием есть практические облегчения, компромиссы, диагонали, пути. Понять, которые из них короче, удобнее, возможнее, — дело практического такта, дело революционной стратегии. Идя без оглядки вперед, можно затесаться, как Наполеон в Москву, — и погибнуть, отступая от нее... не доходя даже до Березины.

Международное ссоединение работников, всевозможные соединения их, их органы и представители должны всеми силами достигать того невмешательства власти в *работу*, которое она не делает в *управлении собственностью*, должны становиться вольным парламентом четвертого состояния и вырабатывать, вырабатывать свою внутреннюю организацию, будущую канву, без всяких вперед идущих теодицей и космологий.

Формы, сдерживающие людей в полунасильственных и в полудобровольных ковах, *à la longue* ** не вынесут напора логики и развития общественного пониманья. Одни из них до того внутри сгнили, что им стоит дать толчок ногой; другие, как рак, держатся корнями в дурной крови. Ломая одинаким образом и те и другие, можно убить организм и наверное заставить огромное большинство отпрянуть. Всего яростнее восстанут за «рака»... наиболее

* — волей-неволей (лат.).— *Ред.*

** — в конце концов (франц.).— *Ред.*

страждущие от него... Это очень глупо, но пора с глупостью считаться как с громадной силой. [...]

[...] Отрицание собственности — само по себе бессмыслица. «Собственность не погибнет», скажу, парафразируя известную фразу Людовика-Филиппа, видоизменение ее, вроде перехода из *личной* в *коллективную*, неясно и неопределенно⁸⁸. Крестьянину на Западе так же необходимо привилась его любовь к *своей* земле, как в России легко понимается крестьянством общинное владение. Нелепого тут ничего нет. Собственность, и особенно поземельная, для западного человека представлялась освобождением, его самобытностью, его достоинством и величайшим гражданским значением. Может быть, он убедится в невыгоде беспрерывно крошащихся и дробимых участков и в выгоде сводного хозяйства, общинных запашек полей... но как же его «без пристрастия» уломать, чтоб он спервоначала отказался от веками взлелеянной мечты, которой он жил и тешился и которая действительно поставила его на ноги — прикрепила к *нему* землю — к которой *он* был прежде крепок?

Вопрос, прямо идущий за тем — вопрос о наследстве, — еще труднее. [...] Отними у самого бедного мужика право завещать — и он возьмет кол в руки и пойдет защищать «своих, свою семью и свою волю», т. е. непременно станет за попа, квартального и чиновника, т. е. за трех своих злейших опекунов, обирающих его, предупреждающих, чтоб он ничего не оставил своим... но не оскорбляющих его человеческое чувство к семье, как он его понимает.

Что же тогда?.. Или свернуть свое знамя и отступить, потому что сила, очевидно, будет с их стороны, или ринуться в бой и в случае местной, временной победы начать водворение нового порядка — нового освобождения... избиением! [...]

Неужели цивилизация кнутом, освобождение гильотиной составляет вечную необходимость всякого шага вперед?.. [...]

[...] Боевой порядок не терпит рассуждений и колебаний. Но кто же, кроме наших врагов, готов на бой и силен *на дело*? Наша сила — в силе мысли, в силе правды, в силе слова, в исторической *попугности*... Международные сходы только сильны проповедью, материально дальше отрицательной силы грёвы* они не могут идти.

— Стало быть, остается по-прежнему сидеть сложа руки весь век, довольствуясь прекрасными речами.

— Не знаю, весь ли век или часть его, но наверное до тех пор не сходить в рукопашную, пока нет ни единства убеждений, ни сосредоточенных сил... Быть правым в бою немного значит, правота давала победу только в суде божием — у нас на небесное вмешательство надежды мало. [...]

* — забастовки (от франц. grèves). — Ред.

Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы.

В сущности, все формы исторические — *volens-nolens* — ведут от одного освобождения к другому. Гегель в самом рабстве находит (и очень верно) шаг к свободе⁸⁹. То же — явным образом — должно сказать о государстве: и оно, как рабство, идет к самоуничтожению... и его нельзя сбросить с себя, как грязное рубище, до известного возраста.

Государство — форма, через которую проходит всякое человеческое сожитие, принимающее значительные размеры. Оно постоянно изменяется с обстоятельствами и прилаживается к потребностям. Государство везде начинается с полного порабощения лица — и везде стремится, перейдя известное развитие, к полному освобождению его. Сословность — огромный шаг вперед как расчленение и выход из животного однообразия, как раздел труда. Уничтожение сословности — шаг еще больший. Каждый восходящий или воплощающийся принцип в исторической жизни представляет *высшую правду* своего времени — и тогда он поглощает лучших людей; за него льется кровь и ведутся войны — потом он делается *ложью* и, наконец, воспоминанием... Государство не имеет собственного определенного содержания — оно служит одинаково реакции и революции — тому, с чьей стороны сила; это — сочетание колес около общей оси, их удобно направлять туда и сюда — потому что единство движения дано, потому что оно примкнуто к одному центру. Комитет общественного спасения представлял сильнейшую государственную власть, направленную на разрушение монархии. Министр юстиции Дантон был министр революции. Инициатива освобождения крестьян принадлежит самодержавному царю. Этой государственной силой хотел воспользоваться Лассаль для введения социального устройства⁹⁰. Для чего же — думалось ему — ломать мельницу, когда ее жернова могут молоть и нашу муку? [...]

[...] Из того, что государство — форма *преходящая*, не следует, что это форма уже *прешедшая*... С какого народа, в самом деле, может быть снята государственная опека, как лишняя перевязка, без раскрытия таких артерий и внутренностей, которые *теперь* наделают страшных бедствий, а *потом* спадут сами? [...]

Нет, великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей. Христианство проповедовалось чистыми и строгими в жизни апостолами и их последователями, аскетами и постниками, людьми, заморившими все страсти — кроме одной. Таковы были гугеноты и реформаторы. Таковы были якобинцы 93 года. Бойцы за свободу в серьезных поднятиях оружия всегда были святы, как воины Кромвеля, — и оттого сильны.

Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и гру-

бую силу развитию и сделкам. Проповедь нужна людям,— проповедь неустанная, ежеминутная,— проповедь равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения,— апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам. [...]

Дико необузданный взрыв, вынужденный упорством, ничего не пощадит; он за личные лишения отомстит самому безличному достоянию. С капиталом, собранным ростовщиками, погибнет другой капитал, идущий от поколения в поколение и от народа к народу. Капитал, в котором оседала личность и творчество разных времен, в котором сама собой наслоилась летопись людской жизни и скристаллизовалась история... Разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевými знаками и те *пределы* сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях... с начала цивилизации.

Довольно христианство и ислаимизм наломали древнего мира, довольно Французская революция наказнула статуй, картин, памятников — нам не приходится играть в иконоборцев. [...]

П Р И М Е Ч А Н И Я *

¹ Общее название статей, впервые напечатанных в 03, 1843, № 1, 3, 5 и 12; под первыми двумя подписи: *Ис* — *р*, под третьей и четвертой: *И* — *р* (т. е. *Искандер*). Отрывки печатаются по: *Герцен*, т. 3, с. 43—44, 87—88.

² *Метемпсихоз* (от древнегреч.) — буквально: переодушевление; термин для обозначения перенаселения душ. Герценом употребляется в более широком значении — в смысле взаимопревращения.

³ В обнаруженном среди материалов архива П. Л. Лаврова черновом автографе этой статьи далее следует: «На слово человек откликаются только наши слуги» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 417, л. 2).

⁴ Цитируется «Этика» Спинозы (ч. V, теорема 42). Ср. *Спиноза Б.* Избранные произведения в двух томах. М., 1957, т. 1, с. 617: «Блаженство не есть награда за добродетель, но сама добродетель [...]».

⁵ Согласно древнегреческому мифу, Афина Паллада, богиня мудрости и справедливой войны, появилась (родилась) из головы Зевса в полном боевом вооружении и с воинственным кличем.

⁶ Этими словами, пророчащими установление социализма — «веси божией» на земле, заканчивается цикл «Дилетантизм в науке». Далее — лишь творческая дата четвертой статьи: «23 марта, 1843». Дневник Герцена этого времени содержит записи, конкретизирующие его представления о социалистическом идеале. Например: «Не может человечество идти далее в этих путях незакония. Но как выйти? Тут-то весь вопрос, но на него не может быть полного теоретического ответа. События покажут форму, плоть и силу реформации. Но общий смысл понятен. Общественное управление собственностями и капиталами, артельное житье, организация работ и возмездий и право собственности, поставленное на иных началах. Не совершенное уничтожение личной собственности, а такая инвестируа ** общест-

* При составлении примечаний использованы некоторые материалы комментариев, помещенных в тридцатитомном Собрании сочинений Герцена.

** Помещение капитала в какие-либо предприятия. — *Ред.*

вом, которая государству дает право общих мер, направлений. Фурьеризм, конечно, всех глубже раскрыл вопрос о социализме, он дал такие основания, такие начала, на которых можно построить более фаланги и фаланстера» (Герцен, т. 2, с. 266—267).

⁷ Цикл из восьми статей, впервые опубликованных: 03, 1845, № 4 (первое и второе «письма»), 7, 8, 11 (пятое и шестое «письма»); 1846, № 3 и 4; подпись: *И — р.* Отрывки печатаются по: Герцен, т. 3, с. 92, 204, 294.

⁸ См. наст. изд., с. 90, прим. 8.

⁹ Теодицея — буквально «оправдание бога»: свойственная некоторым религиозно-философским учениям идея согласования представлений о благом и разумном божественном управлении миром с наличием мирового зла. Сам термин был введен Лейбницем в трактате «Теодицея» (1710). Ср. с записью в дневнике Герцена 24 марта 1844 г. (см.: Герцен, т. 2, с. 344—345).

¹⁰ Это произведение создавалось Герценом в течение четырех с лишним лет, в 1847—52 гг. Первые «письма» в первоначальной редакции были опубликованы в С, 1847, № 10 и 11 под названием «Письма из Avenue Marigny». Еще два цикла «писем» — «Письма с via del Corso» и «Опять в Париже», написанные в 1848 г., напечатаны тогда не были; в копиях по частям тайно переправлялись они друзьям в Россию. В 1850 г. вышло немецкое издание «Писем из Италии и Франции», видоизмененное и значительно сокращенное по сравнению с первоначальным текстом («Письма из Avenue Marigny» в него не вошли). В 1855 и 1858 гг. Герцен (под псевдонимом *Искандер*) выпустил в Лондоне два отдельных издания «Писем из Франции и Италии» на русском языке. Отрывки печатаются по: Герцен, т. 5 (здесь воспроизведено издание 1858 г.), с. 34, 57—58, 59, 60—62, 64, 66, 159, 169, 178, 179, 184, 185, 186—187, 205, 216—217, 427—429.

¹¹ Имеются в виду слова создателя реакционной теории «перенаселения» Т. Р. Мальтуса в первом издании его книги «Опыт о законе народонаселения» (1798) о том, что для человека, пришедшего в «занятый уже мир», нет места «на великом жизненном пиру».

¹² Речь идет об учениях западноевропейских социалистов.

¹³ Буквально: окулисты (от греч. *ophthalmos* — глаз); Герцен уподобляет социалистов врачам, исправляющим больное человеческое зрение, способствующим социальному прозреванию народа.

¹⁴ См. наст. изд., с. 90, прим. 7.

¹⁵ Герцен имеет в виду «Утопию» Т. Мора, однако ошибочно называет ее «Атлантидой»; «Новая Атлантида» — произведение Ф. Бэкона.

¹⁶ Речь идет о фурьеристском фаланстере (дворце, в котором, согласно Фурье, располагается первичная ячейка нового общества — фаланга) и об особой форме одежды, принятой в сенсимонистской общине.

¹⁷ Революция 1848—49 гг.

¹⁸ В немецком оригинале (Герцен, т. 5, с. 420): «[...] die Lehre welche das Individuum durch die Gemeinschaft aufhebt [...]». Учитывая многозначность немецкого глагола *aufheben* (возвышать, поднимать, отменять, упразднять, ликвидировать, прекращать) и характер представлений Герцена конца 40-х годов о коммунизме как уравнительном учении, представляется возможным дать иной перевод: «учение, упраздняющее индивидуум посредством общности».

¹⁹ Написано в 1847—50 гг. В 1850 г. в Цюрихе анонимно вышло немецкое издание; отдельные статьи, вошедшие в состав книги, печатались в различных периодических изданиях — немецких, французских и итальянских. Первое русское издание вышло в Лондоне в 1855 г. под псевдонимом *Искандер*. С небольшими изменениями перепечатано там же в 1858 г. Значительная часть книги написана в диалогической форме. Отрывки печатаются: Герцен, т. 6 (здесь воспроизведено издание 1858 г.), с. 53, 55, 56—57, 77—78, 91, 104—105, 109—110, 125—126, 130, 137.

²⁰ Речь идет о кровавом подавлении французской буржуазией восстания парижских пролетариев в июне 1848 г.

²¹ Весь — устаревшее русское слово, означающее: деревня, село; здесь в смысле: царство, государство.

²² Назареями называли в Древнем Риме христиан.

²³ См. наст. изд., с. 90, прим. 7.

²⁴ Монада — философский термин, означающий структурную, субстанциональную единицу бытия.

²⁵ Впервые опубликовано на немецком языке в книге «С того берега» (1850, напечатано осенью 1849 г.) под названием «К Георгу Гервегу» с подписью: *Barbar* (Барвар) и с датой «25 августа 1849». В ноябре — декабре 1849 г. за подписью *Un Russe* (Русский) появилось на французском языке в прибавлениях к газете «*La Voix du peuple*» («Голос народа»), издававшейся Прудоном в Париже. При жизни Герцена на русском языке статья ни разу напечатана не была. Отрывки печатаются по: *Герцен*, т. 6 (здесь воспроизведен французский вариант и дан русский перевод), с. 190—191, 199—201, 204—205, 220—221.

²⁶ Юмористический иллюстрированный журнал «*Berliner Krakehler*» («Берлинский крикун») в номере от 22 июня 1848 г. напечатал огромный аншлаг: «*Die Russen kommen!*» («Русские приходят!», повторенный на одной странице четырнадцать раз шрифтами разных размеров.

²⁷ Имеется в виду Отечественная война 1812 г.

²⁸ Прусский барон Август Гакстгаузен — автор книги «*Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands*» («Исследование внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России»), первый том которой вышел в 1847 г. Герцен встретился с Гакстгаузеном в Москве в 1843 г. и уже тогда заинтересовался его наблюдениями над положением русского крестьянства (см.: *Герцен*, т. 2, с. 281, 282).

²⁹ См. наст. изд., с. 162, прим. 11.

³⁰ Здесь и в ряде других случаев Герцен, как и некоторые другие русские социалисты XIX в., употребляет слово «мир» в значении «сельская община».

³¹ Написано в 1850 г. В январе — мае 1851 г. опубликовано на немецком языке в журнале «*Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben*» (Бремер) за подписью *Iscander* (перевод авторизован не был). В том же 1851 г. выпущено в Ницце отдельной книгой по-французски, в заголовке: *A. Iscander*, на титуле местом издания указан Париж. В 1853 и 1858 гг. книга в дополненном и отредактированном виде была издана Герценом по-французски (в 1854 г. с некоторыми изменениями по-немецки). В русском переводе впервые опубликована в 1861 г. нелегально литографским способом московским студенческим кружком П. Г. Заичневского и П. Э. Аргиропуло под названием «Историческое развитие рев[олюционных] идей в России А. Герцена. Издание первое в переводе. Посвящается студентам Московского универси[те]та». Отрывки печатаются по: *Герцен*, т. 7 (здесь воспроизведено издание 1858 г. и его русский перевод), с. 242—243, 252—254.

³² Герцен имеет в виду течение уравнилельного утопического коммунизма, склонного к регламентированию.

³³ 21 апреля 1848 г. император Франц-Иосиф обратился к Николаю I с просьбой о помощи в борьбе с революцией; в мае началась вооруженная интервенция царских войск в Венгрию. Петрашевцы были арестованы 23 апреля (5 мая) 1849 г.

³⁴ Написано в конце 1852 г. Впервые опубликовано на английском языке в газете «*The Leader*» в ноябре 1853 г.; подпись: *Alexandre Herzen*. Отрывки печатаются по: *Герцен*, т. 12, с. 43, 44—45, 46—47 (перевод издания 1853 г.).

³⁵ Впервые опубликовано отдельной брошюрой в Лондоне в 1853 г.; в 1857 и 1858 гг. были там же осуществлены второе и третье издания брошюры. Отрывки печатаются по: *Герцен*, т. 12 (здесь воспроизведено издание 1858 г.), с. 98, 109—110, 111—112.

³⁶ Сандрильона — Золушка, действующее лицо в одноименной сказке III. Перро.

³⁷ Называя гнет русских помещиков суринамским, Герцен уподобляет его рабовладельческому, плантаторскому укладу в Голландской Гвиане (Суринаме).

³⁸ То есть закрепощенному.

³⁹ Впервые опубликовано в 1854 г. на английском языке в журнале В. Линтона «*The English Republic*» («Английская республика»), т. 3. В том же году статья была напечатана на французском языке в газете «*L'Homme*» и вышла отдельным французским изданием. По-русски напечатано отдельным изданием в 1858 г. в

Лондоне. Орывки печатаются по: *Герцен*, т. 12 (здесь воспроизведено французское издание 1854 г. и перевод 1858 г., принадлежащий не Герцену), с. 185—186, 189—190, 194—195.

⁴⁰ Во французском тексте запятая отсутствует (см.: *Герцен*, т. 12, с. 152).

⁴¹ Здесь в смысле «общее наследство», «общее достояние».

⁴² Вероятно, Герцен имеет в виду свою работу «О развитии революционных идей в России» (ср., в частности, *Герцен*, т. 7, с. 199).

⁴³ Впервые опубликовано: *К*, л. 2 от 1 августа 1857 г. за подписью: *И — р*; затем в сб. «*За пять лет*», 1860. Орывки печатаются по: *Герцен*, т. 13, с. 21—22, 24.

⁴⁴ Будучи в 1841—46 гг. премьер-министром правительства тори, Р. Пиль провел ряд законов в интересах промышленной буржуазии и в ущерб партии тори.

⁴⁵ Возглавляемая Сардинией (Пьемонтом) война итальянских провинций 1848—49 гг. против господства Австрии, окончившаяся поражением итальянцев.

⁴⁶ Имеются в виду реформы, осуществленные в 50-х годах главой пьемонтского правительства К. Б. Кавуром.

⁴⁷ В балладе Г. А. Бюргера «Ленора» в виде рефрена повторяются слова: «Как быстро скажут мертвецы».

⁴⁸ Впервые опубликовано в виде пяти статей в *К* в январе 1859 г.—апреле 1860 г. (л. 32—33, 34, 37, 65—66, 67); перепечатано в виде одного цикла в сб. «*За пять лет*», 1860. Орывки печатаются по: *Герцен*, т. 14, с. 10, 11, 13, 33, 57—58.

⁴⁹ Лозунги лионских рабочих во время восстания 1831 г.

⁵⁰ Герцен имеет в виду попытки практического осуществления своих идей, предпринимаемые фурьеристами и сторонниками Э. Кабе, главное произведение которого называлось «Путешествие в Икарию»; отсюда и «икарийцы».

⁵¹ Впервые опубликовано: *К*, л. 53, 54, 56, 57—58, 59, октябрь — декабрь 1859 г. Перепечатано в сб. «*За пять лет*», 1860. Орывки печатаются по: *Герцен*, т. 14, с. 154—155, 175—176, 179—180, 182—183, 184, 186, 189.

⁵² Лозунг парижских рабочих во время восстания 1848 г. (ранее — девиз вооруженного восстания лионских ткачей 1831 г.).

⁵³ Так Герцен передает основную мысль обращения Бланки к народу, написанного в Бель-Ильской тюрьме в связи с третьей годовщиной революции 1848 г.

⁵⁴ По требованию восставших парижских рабочих Временное правительство приняло 25 февраля 1848 г. декрет о праве на труд. Созданный под председательством Луи Блана и Альбера правительственная (так называемая Люксембургская) комиссия (или конференция) предложила организовать министерство труда «с специальной миссией подготовить социальную революцию и осуществить постепенно, мирным образом и без потрясений, уничтожение класса пролетариата» (*Луи Блан. История французской революции 1848 г.* СПб., 1907, с. 183). 10 мая 1848 г. Учредительное собрание отвергло проект создания «министерства труда и прогресса».

⁵⁵ В 1848—49 гг. во Франции было создано несколько сот производственных и потребительских товариществ. Конкуренция и полицейские преследования обусловили кратковременность их существования; последние из них были распущены властями после бонапартистского контрреволюционного переворота 2 декабря 1851 г.

⁵⁶ Впервые опубликовано: *ПЗ*, 1861, кн. VI. Орывки печатаются по: *Герцен*, т. 11, с. 220, 225, 240—242, 246, 249, 250, 253.

⁵⁷ Во время революции 1789—94 гг., федералисты — противники якобинской диктатуры, централизованной революционной власти.

⁵⁸ «Веселая Англия» («old merry England») — традиционное название старой Англии, распространенное в быту и литературе.

⁵⁹ Бабеф и его сторонники опирались в своей деятельности на конституцию, принятую Конвентом 24 июня 1793 г.

⁶⁰ Турецкий султан Мухаммед II Эль Фатих (Османлис) взял в 1452 г. Константинополь, завершив завоевание Византии.

⁶¹ В Нью-Ланарке, поселке близ Глазго (Шотландия), Оуэн, управляя в 1800—29 гг. прядильным предприятием, пытался практически осуществить некоторые из своих идей: улучшить условия труда и жизни рабочих, осуществил ряд мер в области образования и воспитания и т. п.

⁶² «Новая Гармония» — коммунистическая колония, основанная Оуэном в 1825 г. в Штате Индиана (Соединенные Штаты Америки); распалась в 1828 г.

⁶³ Тридцатилетняя война в Европе длилась с 1618 по 1648 г.

⁶⁴ Впервые опубликовано: *К*, л. 107, от 15 сентября 1861 г., с подписью: *Искандер*. Печатается по: *Герцен*, т. 15, с. 143—144, 147, 148—149.

⁶⁵ Автоцитата из «Былого и дум» — из главы «Еще раз юная Москва», напечатанной в первоначальной редакции в *ПЗ* за 1855 г., кн. 1 (ср. *Герцен*, т. 9, с. 149—150).

⁶⁶ Впервые опубликовано: *К*, л. 138, 140, 142, 144, 145, 148, 149, 154, 156, июль 1862 г. — февраль 1863 г.; при жизни Герцена дважды переиздавалось — в 1863 г. и 1866 г.; оба издания не авторизованные. Отрывки печатаются по: *Герцен*, т. 16, с. 137—138, 141, 147, 148, 183, 196.

⁶⁷ Генриху IV приписывается высказывание, что он хотел бы видеть курицу на обеденном столе каждого крестьянина по воскресеньям.

⁶⁸ Обращено к Ю. Ф. Самарину. Впервые опубликовано: *К*, л. 191, 193, 194, ноябрь 1864 г. — февраль 1865 г., с подписью: *И — р*. Отрывок печатается по: *Герцен*, т. 18, с. 276—278.

⁶⁹ Впервые опубликовано: *К*, л. 197, 199, 200, 201, 202, 203, июль — сентябрь 1865 г., с подписью: *И — р*. Непосредственный адресат точно не установлен. Отрывки печатаются по: *Герцен*, т. 18, с. 357—358, 359, 360, 362, 363—364, 381.

⁷⁰ Первые строки стихотворения А. В. Кольцова «Что ты спишь, мужичок?» (1841).

⁷¹ Имеется в виду евангельская легенда о воскрешении Христом дочери священнослужителя (Евангелие от Марка, гл. V, с. 35—43).

⁷² В книге «Человечество» (1840) Леру утверждал, что в основе республики будущего и каждого ее учреждения должна лежать «триада»; например, ассоциация должна удовлетворять трем элементам психики — ощущению, чувству и познанию; государство есть единство законодательной власти, административного действия и питания.

⁷³ Очевидно, имеются в виду декреты Наполеона III первой половины 60-х годов, представлявшие собой некоторую уступку общественному мнению. Тюльери, Тюльери — парижский дворец, одна из резиденций французских королей.

⁷⁴ Герцен усматривает следы сенсимонизма в высказываниях банкира Э. Перейры в Законодательном корпусе Франции о недвижимой собственности; в 30-х годах Э. Перейра примыкал к сенсимонистской общине, расположенной на Менильмонтанской улице.

⁷⁵ Ж. Б. Тест был в 1840—43 гг. министром общественных работ во Франции.

⁷⁶ Кадила и рипиды — принадлежности архиерейского богослужения.

⁷⁷ Имеются в виду фурьеристские фаланстеры, колонии икарийцев — последователей Кабе — в Америке, «национальные рабочие» и «государственные подряды», предлагавшиеся Луи Бланом.

⁷⁸ Впервые опубликовано: *К*, л. 230, 231—232, 233—234. декабрь 1866 г. — февраль 1867 г., с подписью: *И — р*. Отрывки печатаются по: *Герцен*, т. 19, с. 167, 178, 179, 186, 193—194.

⁷⁹ Герцен встречался и беседовал с Бланки в октябре 1866 г.

⁸⁰ Впервые опубликовано на французском языке: *Kolokol* (La Cloche) № 1 от 1 января 1868 г. под названием «Prolégomènes», с подписью: *Islander*. Перевод отрывков печатается по: *Герцен*, т. 20, кн. 1, с. 57—58, 60—61, 65.

⁸¹ См. наст. изд., с. 90, прим. 8.

⁸² По учению Платона, в идеальном государстве родители, принадлежащие к касте воинов (стражей), лишены права на семью, дети воспитываются в созданных специально для этой цели домах.

⁸³ Герцен обращается к представителям французской буржуазной демократии своего времени.

⁸⁴ Обращено к М. А. Бакунину. Замысел статьи относится, вероятно, к осени 1868 г. Написана она в январе — июле 1869 г. Впервые опубликована, с пропусками и искажениями, в «Сборнике посмертных статей Александра Ивановича Герцена». Женева, 1870. В полном виде, по автографу, напечатана: *ЛН*, т. 61. М., 1953. Отрывки печатаются по: *Герцен*, т. 20, кн. 2, с. 575—579, 580—582, 583—584, 584—585, 585—586, 587—588, 590—591, 592—593.

⁸⁵ От имени Петр Великий. В трактовке Герцена «петроградизм» — государственный переворот, осуществляемый посредством насилия сверху.

⁸⁶ Речь идет о конгрессах I Интернационала. Ассизы — суды присяжных (от фр. — *cour d'assises*).

⁸⁷ По преданию, плебеи Древнего Рима в знак протеста против притеснений со стороны патрициев удалились в 494 г. до н. э. на Авентинскую гору.

⁸⁸ Эти слова Герцена относятся не к самому идеалу общественной, коллективной собственности, а к вопросу о путях, средствах, формах преобразования отношений собственности. Придавая исключительно большое значение привязанности западного крестьянина к «своей» земле, Герцен не считал вполне оправданным решение Базельского конгресса I Интернационала (сентябрь 1869 г.) о необходимости упразднения частной собственности на землю.

⁸⁹ Рассматривая рабство как несправедливое состояние, Гегель вместе с тем считал его возникновение моментом прогрессивного развития.

⁹⁰ По Лассалю, новое социальное устройство, исключающее возможность эксплуатации, может быть достигнуто посредством образования производительных ассоциаций рабочих, которые должны быть созданы при помощи и под покровительством государства; последнее же преобразуется на основе всеобщего и прямого избирательного права.

Михаил Васильевич
БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ
и петрашевцы

Человечество тогда только может почесть достигшим нормального развития или состояния, когда дух единства и единения проникнет всех людей.

Карманный словарь иностранных слов

На нас лежит труд немалый — труд применения тех общих начал, которые выработала наука на Западе, к нашей действительности.

М. В. ПЕТРАШЕВСКИЙ

Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский по происхождению был дворянином. Он родился 1 (13) ноября 1821 г. в Петербурге. Его отец — один из образованнейших русских медиков первой половины XIX в.

Окончив Царскосельский лицей (1839 г.), Петрашевский поступил вольнослушателем в Петербургский университет на юридический факультет, который окончил в 1841 г. Служил переводчиком в министерстве иностранных дел. К началу 40-х годов относится знакомство с идеями утопического социализма, затем — сильное увлечение ими, особенно взглядами Ш. Фурье. «Когда я в первый раз прочитал его соч[инения], — вспоминал он позже, — я как бы заново родился, благоговел пред величием его гения; будь я не христианин, а язычник, я б разбил всех моих других богов... сделал бы его единым моим божеством» (Петрашевцы, с. 412). К середине

40-х годов окончательно складываются радикальные политические и социально-философские взгляды Петрашевского; в своих сочинениях он выступает горячим сторонником демократизации политического строя России, освобождения крестьян с землей, последовательным проповедником идей социализма фурийеристского толка и антропологической философии (Петрашевский высоко ценил произведение Л. Фейербаха).

Начиная с 1844 г. в доме Петрашевского происходят собрания вольномыслящих молодых людей, как дворян, так и разночинцев; с осени 1845 г. они становятся еженедельными (так называемые «пятницы» Петрашевского), получают широкую известность среди столичной общественности. Посетителями «пятниц» были чиновники, писатели, художники, военные, учителя, студенты: Д. Д. Ахшарумов, А. П. Баласогло, В. А. Головинский, Н. П. Григорьев, И. М. и К. М. Дебу, М. М. и Ф. М. Достоевские, С. Ф. Дуров, А. И. Европеус, Н. С. Кашкин, Ф. Н. Львов, В. Н. Майков, А. П. Милюков, В. А. Милютин, Н. А. Момбелли, А. И. Пальм, А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков, Н. А. Спешнев, Ф. Г. Толь, П. Н. Филиппов, А. В. Ханыков, И. Л. Ястржембский и др. Первоначально ограничиваясь самообразованием, изучением социалистической и философской литературы (в доме Петрашевского была обширная библиотека запрещенных книг), участники «пятниц», получавших все более организационно оформленный характер, со временем (особенно под влиянием революционных событий во Франции 1848 г.) стали рассматривать и политические вопросы, в частности проблему возможности революции в России. 15 апреля 1849 г. в кружке Петрашевского горячо обсуждалось прочитанное Ф. М. Достоевским зальцбруннское «Письмо к Гоголю» Белинского. При обсуждении в узком кругу вопроса о создании тайного революционного общества Петрашевский отверг предлагавшуюся Николаем Спешневым идею немедленного восстания; безусловный противник существующего режима, он считал, однако, необходимой длительную и тщательную подготовку социально-революционных преобразований в стране.

Важнейшим практическим делом петрашевцев было издание ими двух выпусков Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка. В апреле 1846 г. в Петербурге вышел первый выпуск. Он включал в себя слова от «А» до «Мариоттова трубка». Редактором и автором большинства статей был В. Н. Майков (участвовали также Петрашевский, Р. Р. Штрاندман и др.). «...Составлен умно, со знанием дела... превосходен... советуем запастись им всем и каждому» — так оценил этот труд В. Г. Белинский (т. 7, с. 565). В апреле 1846 г. был отпечатан второй выпуск этого словаря — от «Мариоттова трубка» до «Орден Мальтийский». Кто принимал в нем участие в качестве авторов-составителей, точно неизвестно, но несомненно, что редакция и большая часть входивших в него теоретических статей принадлежали перу Петрашевского. Цензура задержала выход в свет книги, затем по распоряжению министра просве-

щения С. С. Уварова ее изъяли, а в 1849 г. 1599 экземпляров книги сожгли (всего было отпечатано 2 тысячи). Те экземпляры, которые успели разойтись, произвели большое впечатление в публике, прежде всего почти открытой пропагандой идее социализма.

23 апреля 1849 г. по доносу провокатора Петрашевский был арестован (всего было привлечено по этому делу 123 человека). На следствии он стойко защищал свои убеждения, доказывая незаконность ареста, раскрывая закономерность развития социалистических идей, неизбежность социалистических преобразований в обществе.

По приговору военного суда Петрашевский и еще двадцать подсудимых по этому делу были приговорены к расстрелу. После обряда приготовления к казни 22 декабря 1849 г. на Семеновском плацу в Петербурге (среди осужденных на смертную казнь находился и Ф. М. Достоевский) они по конфирмации Николая I были сосланы на каторжные работы, Петрашевский — бессрочно.

Каторгу Петрашевский отбывал в Восточной Сибири. С 1856 г. он — ссыльнопоселенец, жил в Иркутске, организовал газету «Амур». В феврале 1860 г. за выступления против местных властей выслан в Минусинский округ. Умер Петрашевский 7(19) декабря 1866 г. в с. Бельское (ныне Красноярского края).

СОЧИНЕНИЯ

[Петрашевский М. В. Сочинения. Показания].— В кн.: Дело петрашевцев. М.-Л., 1937, т. 1.

[Петрашевский М. В. Сочинения. Показания. Письма].— В кн.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. [М.], 1953.

Первые русские социалисты. Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Сост. Б. Ф. Егоров. Л., 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Семевский В. И. М. В. Бутаевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922, Часть I.

Петрашевцы. Сборник материалов. М.-Л., 1926—28, т. 1—3.

Дело петрашевцев. М.-Л., 1937—51, т. 1—3.

Прокофьев В. Петрашевский. М., 1962.

Лейкина-Свирская В. Р. Петрашевцы. М., 1965.

Лейкина-Свирская В. Р. Утопический социализм петрашевцев.— История социалистических учений. Сб. статей «Памяти В. П. Волгина». М., 1964.

Усакина Т. И. Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века. [Саратов], 1965.

Никитина Ф. Г. Петрашевцы и Ламенне.— Философские науки, 1978, № 6.

Кокин Л. М. Зову живых. Повесть о М. Петрашевском. М., 1981. (ПР).

ТЕКСТЫ

КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ [...] ¹

МОДА. Свойство природы человеческой, многообразие ее требований, постоянное их развитие, подаваемое никакими формами общежития, хотя бы оно было основано на безусловных началах квиетизма [...], побуждая человека к вечному прогрессу и движению, делает для него опостылыми издавна установленные формы быта общественного; заставляет его не довольствоваться однажды придуманными способами удовлетворения его потребностей, но заботиться непрестанно об отыскании новых, более соответственных с его природою; заставляет его смотреть с улыбкою презрения на все, освящаемое более стародавним преданием, чем живой, изменчивой потребностью минуты, глядеть на пережитое, как на несвоевременное, негодное, как на стеснительное для свободного развития его деятельности; побуждает его искать всего прекрасного в будущем и ждать всего хорошего в новом. [...] Абсолютного тождества между людьми нет и быть не может, и общие требования природы человеческой в каждом индивидууме являются различными; по этому уже видно, что стремление к однообразию, *монотонности* [...] неестественно и что мод должно быть бесконечное множество по существу самой природы человеческой и что они должны не только изменяться соответственно с изменением общих требований человечества, но даже соответственно с требованиями отдельных лиц. Так что, собственно говоря, при настоящем развитии общественной жизни в странах действительно образованных каждый человек для полного и всестороннего развития своего должен необходимо руководствоваться собственным сознанием в избрании способов удовлетворения своих нужд и изменять их постоянно, соответственно развитию своих требований. Господство моды всемирно, власть ее проявляется и у народов, обреченных вечному застою (китайцев и т. п.) и неподвижности благодаря началам религиозным и политическим их общественного быта. Но истинной почвой, серединой ² для проявления господства моды со всеми ее прихотливыми и разнообразными требованиями могут быть те общества, где промышленность достигла значительного развития, где творческая мысль человека покорила уже своей власти силы природы и сделала их покорными орудиями своего произвола, где все — металл, камень, огонь, воздух — привыкло менять свои первобытные формы на искусствен-

ные, чтоб только сделаться более способными к удовлетворению причудливых желаний человека. Степень бессознательной привязанности какого-либо народа к прежним формам одежды или быта общественного, отчуждения его от новизны и боязнь нововведений могут служить удостоверением незначительности его развития нравственного и промышленного и совершенного подчинения его духа грубой и животной материи.

Однообразие и тождество всего и во всем прямо противно жизненному принципу природы. Мода, побуждая человека не довольствоваться одними старыми формами, но жить, так сказать, общему современной жизнью, поддерживает и развивает в нем благородное стремление к усовершенствованию, мирит с действительностью, заставляя его считать возможным осуществление абсолютно прекрасного в настоящей жизни. [...]

МОНОГАМИЯ. [...] *Любовь* — высокое правило, провозглашенное христианством для междучеловеческих отношений, а тем уже более для супружеских, — является почти совершенно позабытым и изгнанным в настоящих брачных отношениях, — так что брак, рассматриваемый каким он является в жизни действительной, есть договор более соединения хозяйств, чем святого единения и осуществления слов бога: и сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будет два в плоть едину (книга Бытия, гл. 2, ст. 24). Так что мы ни одну из положительно существующих форм брака не можем почесть удовлетворяющей рациональным требованиям природы человеческой, ибо при установлении ни в одной из них не было истинное знание биологических законов природы человеческой (да и самые эти знания еще не достигли полного совершенства) принято за положительное основание для точного определения естественных форм супружеских отношений. Все они, как не основанные на общем воззрении на сущность природы человеческой, грешат односторонностью и требуют взаимного дополнения и исправления. [...]

НАТУРАЛЬНОЕ ПРАВО. Натуральным, или естественным, правом называется та наука, которая из начал чистого разума или идеи о справедливости выводит все права и обязанности человека как человека и как члена человеческого разумно основанного общества. В этом смысле натуральное право противопоставляется законодательству положительному, развившемуся под влиянием совершенно разнородных случайностей. У римлян содержанием праву натуральному (*jus naturale*) служило изложение тех требований природы человеческой, которые общи человеку с животными. Вообще основные начала натурального права, его определение зависят от того понятия, которое имел писатель о натуральном, нормальном или естественном состоянии человечества [...], так что мы не можем указать ни на одно сочинение о натуральном праве, как на удовлетворяющее абсолютным требованиям разума. Одною из главных причин неразвития натурального права должно считать странное мнение: будто бы безусловное принятие законов правды

и справедливости (без применения к личностям) при определении внешних форм междучеловеческих отношений неудобосогласимо с действительными интересами целого общества? точно так, как и то мнение, что справедливость и истина никогда не может соделаться всеобщим достоянием человечества (духа человеческого) и что для счастья большинства людей невежество и заблуждения необходимы! [...] Впрочем, и теперь некоторые положения натурального права можно считать абсолютно верными, как, напр., следующее: *«что человек имеет, подобно всякому другому существу, право (par le fait même) и обязанность на жизнь, которая для него, как и для всего в природе, состоит во всестороннем развитии, соответственно требованиям или законам его природы»*; *«что на человека самым фактом его рождения возлагается прямая обязанность гармонического развития духа и материи»*; *«что жизнь человека всегда и везде и для всех безусловно священна»*; *«что всякое благоустроенное общество должно стремиться к тому, чтоб не было никакого противоречия или разногласия между интересами различных его членов»*, чтоб не Галлерово: *bellum omnium contra omnes*, т. е. не вражда всех противу каждого ³, но *общее и единодушное стремление всех содействовать к полному благосостоянию и благоденствию каждого было бы общим законом для всех гражданственных отношений* и чтоб самое общество было практическим осуществлением завета братской любви и общения, оставленного нам спасителем; одним словом, чтоб каждый сознательно *полюбил ближнего, как самого себя*. Так тождественны истины положительной философии с истинным учением религии! [...] Еще важнее попытки новейших мыслителей ⁴ установить его безусловно на началах разума, без всякого отношения к известным и определенным формам государственного или общественного быта, и даже из начал его определить самые формы оного. Они признают вообще необходимость общежития, общности и общежительности (*société, sociabilité i socialité*), а государство, каким оно является в настоящее время у народов образованных, считают формой быта общественного сравнительно совершеннейшей с другими формами, предшествовавшими государству в историческом порядке развития человечества — как, напр., варварством, патриархальностью ⁵, — но не считают его достижимым полным своего развития, ибо оно еще не доставляет человеку вполне всех способов удовлетворения разнообразных требований его природы вследствие самой неполноты развития различных основных элементов государственной жизни, как, напр., промышленности, образованности, общности, публичности и солидарности всех интересов. [...]

НАТУРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. [...] Жизнь всего в природе обнаруживается и действительно состоит в непрерывном преобразовании внешних форм, замене одних явлений другими. В этом смысле все, одинаково мыслящие с Руссо, правы, утверждая, что *преобразование общественного быта соответственно требованиям природы человека безусловно нужно* и что оно действительно

постепенно происходит вследствие самого развития общественного быта, и совершение этих преобразований в нем есть *sine qua non* * для самого его существования. Но они неправы в том отношении, что утверждали, будто бы тип, идеал, первообраз общественного благоустройства и человеческого счастья должно искать в мире прошедшего, а не в будущем; в сфере пережитых человечеством явлений, на страницах истории, а не в разумном сознании человеческого, очищенном от влияния местных предубеждений всякого рода (?!). Не преданием о прошедшем, но сказаньем о *грядущем* должно считать в этом смысле золотой век. Осуществление его практическое или содеяние общества живым орудием полного благоденствия и счастья всякого человека принадлежит будущему и составляет еще неокончательно разрешенную общественную задачу. [...] ⁶

НАЦИЯ. [...] Всякий народ или нация, рассматриваемая с гуманной точки зрения, является в тех же отношениях к целому человечеству, как вид — в отношении к роду, и только постепенно развиваясь, т. е. *утрачивая свои индивидуальные, частные признаки или прирожденные свойства, он может стать на высоту человеческого, космополитического развития* (*s'élever au degré du perfectionnement humain*), тогда только может настать для него время постижения общечеловеческих интересов, тогда только развитие его жизненных сил будет совершаться гармонически с требованиями целого человечества. Тогда только может какой-либо народ внести свою собственную лепту в сокровищницу человеческих знаний, дать самостоятельный толчок общечеловеческому развитию, когда будет им усвоена, вменится в нем совершенно вся предшествовавшая образованность и будут поняты все интересы жившего до него человечества и пережиты им все его страдания путем собственного тяжелого опыта. В этом смысле Россию и русских ждет высокая и великая будущность. [...]

НЕОХРИСТИАНИЗМ. [...] Основная идея христианства — *любовь*, выразившаяся в этих многозначительных словах Христа: *возлюби ближнего, как самого себя*, — подобно всякой другой идее, являющейся практической формулой для определения разнообразных отношений жизни общественной в известном обществе, должна была подчиниться общему закону органического развития; значение и практическое действие этой идеи должно сохранять до тех пор всю свою целостность, пока все возможные выводы из нее не будут проверены действительной практикой и пока все постороннее, примешанное к основному догмату, не будет от него отделено путем сознательного анализа и опыта. И тол ко потом может начаться круг действий *другой, новой и более разумной идеи*. Проникновение общества идеей христианства, или *любви*, совершалось медленно и постепенно, пока, наконец, не достигло оно полноты и не проявилось, по мнению неологов, в неохристианизме. [...]

* — необходимое условие (лат.).— *Ред.*

НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. [...] Выражение «нормальное состояние» во многих новейших философских сочинениях, особенно социальных, употребляется как техническое для обозначения *нормальности развития общества, человека и человечества.*

Нормально развитым человеком обыкновенно называют того, в котором все силы его природы, все страсти, гармонически развитые, являясь вполне свободно-деятельными, пробуждая его к деятельности, непосредственно ведут его к исполнению его высокого назначения. Таковое нормальное развитие, всего менее зависящее от лица, им пользующегося, всегда предполагает определенную массу средств, доставленную обществом для удовлетворения нужд человека (*minimum de l'existence*), без которой акт его жизни или жизненного развития являлся невозможным, так что нормальность развития или нормальное состояние человека находится не только в связи, но и в полной зависимости от нормальности развития самого общества.

Нормально развитым, или благоустроенным, обществом — обществом, находящимся в нормальном состоянии, — будет то, которое доставляет всякому из членов своих средства для удовлетворения их нужд пропорционально потребностям и поставляет всякого человека в такое положение или отношение к целому обществу, что он, предаваясь вполне влечению естественных своих побуждений, нисколько не может нарушать гармонии общественных отношений, но будет деятелем, не только полезным самому себе, но и целому обществу без самозаклания личности.

Человечество тогда только можно почесть достигшим *нормального развития или состояния*, когда дух единства и единения проникнет всех людей⁷

и будет едино стадо и един пастырь (ев. Иоан., гл. 10, ст. 16)⁸. Когда физические и нравственные силы отдельного человека достигнут апогея их возможного развития и для человека вообще настанет пора самосознания, самозакония, общности и общительности; когда человек войдет в непосредственное общение с природою и *все люди в совокупности явятся полными властелинами живых и действующих сил ее (земли)*, и они будут покорными орудиями человеческого произвола; когда все, что считается трудом удручающим, отвратительным... обратится в *источник непосредственного наслаждения жизнью*⁹

НОВАТОРСТВО. [...] Чем важнее будет новаторство в сфере быта общественного, тем большее количество интересов оно должно потрясти, тем наибольшую реакцию встретить в нравах общественных, так что сила противодействия новаторству будет находиться в прямом отношении к его полезности. [...] Примером смелого новаторства в быте общественном могут служить системы Овена, Сен-Симона, Фурье, где аналитическая мысль, с большею или меньшею точностью пройдя по всем составам общественного организма, пыталась вычислить все, даже сколько биений потребно в секунду для правильности и нормальности его отправлений.

ОБСКУРАНТИЗМ [...] ОБСКУРАНТ [...] ¹⁰ ОВЕНИЗМ. Так называется, от имени ее творца, Роберта Овена (Robert Owen, род. 1771 ¹¹ г.), *система взаимного содействия и общей собственности* (système de la coopération mutuelle et la communauté des biens), возникшая в Англии в первых годах XIX столетия и возбудившая на Западе всеобщее внимание. Основная идея овенизма следующая: «Истинное назначение человека на земле есть жизнь, сообразная с законами его природы, т. е. полное удовлетворение ее требований, выражающихся в потребностях, наклонностях и вкусах. Содействовать человеку в таком удовлетворении потребностей значит содействовать ему в достижении *счастья*, — высшей, конечной цели всей его деятельности». Отсюда непосредственно выводится разумная необходимость «уничтожить во всех видах его проявления зло, как начало, противоборствующее счастью человека». [...]

Признав полную зависимость деятельности человеческой от обстоятельств, овенизм отвергает свободу человеческого произвола и *всякую ответственность человека за причиняемое им зло, а принуждение и наказание признает средствами несправедливыми и недостаточными к искоренению зла в союзе общественном*. Почему он должен был искать радикального излечения всех недугов общества в *изменении формы его организации*, ибо настоящая, по выражению Овена и его последователей, «заставлять быть членов общества во враждебном отношении между собою [...]».

[...] Овенизм представляет новую форму общественного устройства, основание которой есть *ассоциация* [...] или добровольное соединение людей в отдельные общины. [...]

Условиями ассоциации, по учению Овена, должны быть следующие:

1) Участие в ассоциации основывается единственно на убеждении. Каждый может от него отказаться и получить обратно внесенный им капитал, увеличенный частью, пропорциональную содействию, оказанному им в умножении общественного богатства.

2) Свободное выражение мыслей и мнений ничем не стесняется. В религиозных верованиях каждый руководится частными убеждениями.

3) Все работы добровольны. Различные меры должны быть приняты, дабы они могли сделаться привлекательными. Работы же, для благосостояния общества необходимые, но отвратительные, тягостные или могущие быть вредными для здоровья человеческого, производятся машинами. Каждый соучастник может избрать занятия по своим склонностям.

4) Во всяком промышленном производстве и во всяком материальном занятии члены общества должны взаимно друг другу содействовать. Это содействие может быть или механическое, или умственное; но во всяком случае оно должно быть добровольное, возникшее или из убеждения в полезности предпринимаемого труда, или же из сознания того, что он доставит какое-либо наслажде-

ние, удовольствие. При этом никогда не д[олжна] б[ыть] упущена из вида польза общественная, требующая отстранения от участия в подобном содействии лиц, действительно неспособных к оному.

5) Общую собственность составляют: орудия производства, сырые материалы, назначенные к употреблению для воспроизведения новых, и все то, что, нося название капитала, не предназначено к непосредственному потреблению.

6) Предметы, уничтожающиеся чрез потребление, хранятся в общественном магазине, и тогда только, когда берутся из него, обращаются в собственность потребителей. Предметы же, не тотчас уничтожающиеся, делаются частною собственностью только на время пользования ими (*usus fructus*).

7) Общество своими делами заведывает или само непосредственно — в общих собраниях его членов — или чрез сменяемых поверенных, действия коих подлежат надзору и обсуждению. В этом отношении права и обязанности всех взрослых членов общества одинаковы; мнения лиц обоего пола равноценны, и женщины допускаются к должностям, их полу соответственным.

8) Несогласия и раздоры прекращаются полюбовно. Исключение из общества есть крайняя мера, допускаемая и признаваемая необходимою только в начале его существования.

9) Воспитание детей овенизм устанавливает общественное, нимало не устранившее влияние родителей. Оно обнимает теоретическое и практическое изучение всех наук, искусств и ремесл, полезных в обществе. Сироты пользуются совершенно одинаковыми правами с прочими детьми.

10) Для избежания беспорядка в занятиях, без утраты притом возможности открытия и применения способов производства, требующих совокупного действия многих лиц, в *minimum* определяется число участников в общине 500, а в *maximum* 2 000.

По этому плану основана была Овеном в 1800 году промышленная колония в деревне Нью-Лэнарк (*New Lanark*) в Шотландии, и англичане вскоре назвали ее «Картиною удобства, счастья, опрятности и довольства». Позже возникли колонии: Нью-Гармони (*New Harmony*) в Пенсильвании и Орбейстон (*Orbiston*) близ Глазгова. [...]

ОППОЗИЦИЯ. [...] Она есть явление, необходимое при всякой форме быта общественного, ибо она есть не что иное сама в себе, как обнаружение в мире нравственном общего закона противодействия сил, под условием воздействия или взаимодействия которых совершается развитие всех форм бытия в природе. Мы не можем указать на земле ни на одно человеческое общество, в котором элементы жизни общественной не находились бы между собой в дисгармонии и которое бы не представляло собою картину хаотического состояния мироздания, в которой все было бы делом божественной любви и святого общения, а не борьбы и вражды всего противу всего и всех. Отсутствие солидарности [...] интересов — причина такой

ненормальности. Анализируя постепенное развитие жизни общественной и общительности (*sociabilité*), мы находим постоянную замену одних интересов другими, появление новых требований рядом с небывалыми до сего способами их удовлетворения. Цель этой борьбы, этого движения — все та же: развитие, *прогресс* [...], но характер и свойство употребляемых средств для достижения этой цели изменяется по мере улучшения быта общественного и исправления в духе безусловной, а не кастической справедливости установлений общественных. Прежде оппозиция — при неразвитии общественности (*социальности*) и *публичности* [...] — проявлялась у многих народов кроваво и не без некоторого величия, ибо для иных без потоков крови нет величия и величества [...]. Высокое преимущество новейших обществ состоит в том, что в них чрез признание *оппозиции законной* для развития человечества, для торжества истины, разума не нужно того, что бывало некогда, напр., в древнем Риме, где *идеи христианства*, этого высокого учения *всеобщей любви*, получили свое господство только чрез *кровопролитие!*... [...]

ОРГАНИЧЕСКАЯ ЭПОХА [...] Это выражение находится в тесной связи с воззрением сенсимонистов на мир. [...]

[...] По их учению, в человечестве идеи играют такую же роль как силы в природе, и эпохи нового направления в развитии человечества определяются появлением идей, имевших направляющее влияние на развитие человечества [...].*

*Вторую критическую эпоху они считают начавшеюся с пробуждения разума в Европе: от начала реформы Лютера и последовавшего затем упадка католицизма. Эта эпоха обнимает три века и простирается до Сен-Симона, которого учение (по мнению сен-симонистов) положило начало новой органической эпохе, которой задача состоит в уничтожении антагонизма частных интересов, в постановлении полного общения человечества, без отношения к различным народностям, и в признании глагола любви, завещанного спасителем, общим законодательным началом для всех междучеловеческих отношений*¹². В статье *Сен-симонизм* показана недостаточность этой формулы со стороны практической. [...]

[...] Все критические эпохи [...] как в науке, так и в жизни суть эпохи антагонизма, противоречия, противоборства новых требований и способов их удовлетворения со старыми, эпохи переходного состояния. В эти эпохи господствует *скептицизм*, [...] сомнение и равнодушие к разрешению этих проблем. Одним словом, всегда, ког-

* Здесь выражение «идея» собственно употребляется в смысле философского воззрения на природу, в смысле общей формулы, теории всех жизненных отправлениях, в смысле систематической мысли, обнимающей все роды человеческой деятельности, разрешающей все вопросы, предлагаемые человеку его общественным бытом (целым обществом) и его частной личностью (*примечание авторов «Карманного словаря»*...).

да разрешаются задачи общественные, тогда начинаются эпохи *органические*; когда же нет общего, удовлетворительного для современников разрешения этих вопросов, тогда бывает эпоха *критическая*. [...]

[...] В начале ее замечается совокупность в деятельности разных членов общества, устанавливаемая всеобщей попыткой разрушить созданное деятельностью прежней эпохи. Разница в основе этих стремлений не замедлит, однако, обнаружиться, и скоро каждый из действовавших в этом направлении начинает заботиться только об усвоении себе части разрушающегося общественного организма. Тогда совершенно утрачивается сознание цели общественной деятельности, имевшее место в прежнюю эпоху, равно как и сознание законности власти или, точнее сказать, законности основания власти тех, которым она принадлежит *de facto*. [...] Такой же антагонизм является между интересами общественными и частными, ежеминутно получающими преобладание над интересами общими; и человек, перестав признавать *справедливыми формы своих отношений к существам, ему подобным, к целой вселенной, переходит к сомнению, а от сомнения — к отрицанию прежних своих верований*... [...]

[НАБРОСКИ РЕЧЕЙ] ¹³

[...] Наша mission * как социалистов фурьеристского толку в России не так легка, как может показаться она с первого взгляда. Если мы освобождены судьбою от труда изобретательности, если имеем эту звезду путеводную в учении Фурье, то при самом акте практического применения могут или, лучше сказать, должны встретиться такие трудности, почти местные неудобства, которые никак не могли быть предвидены ни самим нашим учителем, ни его талантливыми истолкователями на Западе. Условие местности никогда не следует упускать из виду. Трудностей много. Пристальный взгляд на действительность нас может ознакомить с ними; открытый враг не опасен, так и трудности, препятствия, поставляемые нам самим бытом общественным, — эти враги, противудействующие нам, не должны нимало утешать людей, сознательно положившихся стремиться к достижению известной цели. Знание трудностей и препятствий, ожидающих какого-либо общественного действующего на пути его к достижению его цели, отнюдь не должно печалить, но скорее должно радовать его; чем полнее будет знание его действительности, тем положительнее может быть его уверенность в успехе, тем вернее будет каждое его действие, тем с наименьшими средствами можно будет произвести наибольших результатов. [...]

Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить. [...]

* — миссия (лат.).— Ред.

[...] Первое препятствие в достижении нами избранной цели лежит в нас самих и заключается — грустно признаться — в нашем малознании, в нашем невежестве. Невежество наше есть наш первый враг, враг опаснейший, враг внутренний, которого победить нам следует сперва. [...]

[...] По нашему понятию, под словом «социализм» следует разуметь учение или учения, имеющие целью устройство быта общественного, сделать согласным [и] действия с потребностями природы человеческой. [...]

Не станем для того только, чтоб огласить себя в кругу невежд — и не более ума [ми] самостоятельными и гениальными, все ложные взгляды великих мыслителей выда [ва]ть за догмат придуманного нашего учения. Не возведем срочную обязательность работ Морелли ¹⁴, противуестественную и простительную в первое время социализма, в догмат учения. [...]

[...] Наш век не дал нам в удел обольстительной славы изобретателей, но призвал нас к труду, если не столь блистательному, но зато не менее того общепольному. [...]

На нас лежит труд немалый — труд применения тех общих начал, которые выработала наука на Западе, к нашей действительности, высших формул быта общественного осуществление в фактах жизни действительной, внедрение в общественное сознание тех общих понятий, которые и могут дать человеческому общежитию надлежащий цвет и движение. Постараемся совершить достойно ту частицу общечеловеческого труда. Начнем с того, что вспомним, что мы стоим на дикой почве нашего отечества, что все в нашей общественной жизни являет следы восточной патриархальности и варварства, что разумение народа русского еще не пробуждалось, что мы не только как социалисты, но даже как люди, отбросившие в сторону предрассудки и умеющие глядеть в глаза истине, не можем надеяться единственно за такие наши достоинства мгновенно возбудить к себе и к нашим убеждениям сочувствия в массах... Кто ждет мгновенного успеха, сочувствия... то [т] пусть простудит свой пропагаторский жар. Те перевороты, которые остаются на память веков в виде мириад разрушенных созданий или обозначаются рядом новых совершеннейших созданий, долго и медленно вырабатываются на недрах природы. Ряд творческих преобразований может и быть незаметен взгляду близорукого наблюдателя, но закон постепенности и логической связи везде повторяется. Уподобимся же мы в отношении к несозданной массе нашего быта общественного живой и творческой силе природы, вдохнем в него жизнь, и тогда дотоле разрозненные члены быта общественно [го] будут являть гармоничность в своих движениях и явления общественной жизни не будут, как доселе, поражать нас нестройностью. [...]

Мы стоим на дикой почве России. Если Моисея навел осел на животворный источник, чтоб спасти от смерти [от] жажды целый народ, ¹⁵ ужель философия всех веков и наука Запада нас, довольно коротко знакомых с нею, останется безответною для нас? Ужель

результаты знания всего предшествующего человечества не принесут нам пользы менее, чем принес осел для народа еврейского? Мы не утолим жажды к лучшему наших соотечественных, не сумеем перелить в других нашу любовь к прогрессу, истине... Быть убежденным в противном и позволять продолжать себе жизнь — это значит поставять себя в противоречие, которое разрешить достойно может одно самоубийство от сознания своего бессилия. Чтoб не впасть в апатию, отчаяние и не сравниться самоубийством с великим Катонoм, для этого нужно немножко уверенности в самих себя. [...]

[...] Слово свобoда в 1-ую в[еликую] ф[ранцузскую] р[еволюцию]¹⁶ имело было употребление более для обозначения свободы п[олитической], и ныне оно употребляется для обозначения св[ободы] социальной; поэтому человека м[ожно] б[удет] почест[ь] [тогда] только пользующимся действительной свободой, когда для него не только будет *возможно* развитие полное и гармоническое всех потребностей его природы, но самое такое развитие б[удет] *действительно*. П[олитическая] с[вобода] будет [иметь] возможность т[олько] п[осле] р[еволюции] стать и социальной.

[ОУТОЖНЕНИЕ О СИСТЕМЕ ФУРЬЕ И О СОЦИАЛИЗМЕ]

[...] *Социализм* не есть изобретение новейшего времени, хитрая выдумка XIX века, подобная пароходу, паровозу или светописи, — он всегда был в природе человека и в ней пребудет до тех пор, пока человечество не лишится способности развиваться и усовершенствоваться. [...]

Что первые христиане были социалисты по чувству (*les socialistes par le sentiment*), т. е. коммунисты, — прочтите Деяния апостольские [...]. Вы из них увидите, что у них существовал на деле коммунизм — общность владения, как и у ессенин, одной еврейской секты, им по времени предшествовавшей. [...]

Не надо силы ума необыкновенной или замесловатости воображения чрезвычайной, чтоб, остановясь на догмате «любви к ближнему, как к самому себе», суметь дойти до коммунизма; это должно совершиться само собою, если только в вас возникнет желание этому догмату добросовестно следовать... [...]

Со времени утверждения завета «любви» идет ряд утопий или теорий социальных, которые представляют идеал надежд и желаний заветных человечества [...].

Между этими всеми утопиями или теориями и их появлением¹⁸ современной действительностью находится органическая связь: в «Республике» Платона рабство — необходимое условие быта общественного, ибо во времена Платона везде оно было; в Морелли «*Basyliade*»¹⁹ существует обязательность труда; в системе Фурье самый акт труда превращается в дело привлекательное, в наслаждение. [...]

[...] Социализм вообще не есть прихотливая выдумка нескольких

причудливых голов, но результат развития всего человечества: это догмат христианской любви, ищущий своего практического осуществления в современной нам действительности.. «Nonni soit qui mal u pense» *.

Так поставлен был этот вопрос в сфере философского мышления. Поглядим, как современная нам действительность наводила на разрешение этого вопроса человечество... Этим объяснится и разность социальных учений и историческая необходимость их появления.

В состоянии современной промышленности всего отчетливее обнаружилась еще не уничтоженная враждебность отношений, которая была при начале учреждения человеческого общежития. Борьба капиталов противу капиталов, так сказать, пожрание большими капиталами или капиталистами маленьких, принесение личности человека в жертву капиталу,— вот что представляет собою настоящая промышленность взорам даже посредственного наблюдателя. Она являет собою анархию совершенную, т. е. применение совершенное начал либерализма и его правила — *laisser faire, laisser aller* **.

Благодаря сему существует неправильное распределение произведений, т. е. богатств; мы видим совершенную нищету, отсутствие возможности удовлетворить первым нуждам при совершенном обилии средств к этому. Видим голод при урожае, дороговизну товара при существенной его дешевизне и т. п. *Социализм в современном обществе, вытекающий даже и не из общего философского воззрения, мною выше приведенного, но из простого наблюдения действительности, и есть не что иное, как реакция духа человеческого противу анархического, разрушительного для быта общественного влияния начал либерализма — выше означенных противуестественных явлений в жизни общественной* ²¹. Социализм требует устранения этих явлений из жизни общественной. Вот почему большинство сочинений социальных и носят на себе названия «Organisation du travail», «Organisation de l'industrie», «Organisation de la production» *** и т. п.

Причина, почему социализм при всей благодатности своего направления и стремления так много подвергался и подвергается еще поныне в Европе превратным истолкованиям и даже площадным ругательствам и насмешкам, заключается в том главным образом, что он есть учение (начало), прямо противоположное либерализму, и то, что, восставая противу тех злоупотреблений, тех законами дозволяемых по сие время разбоев, которые могут производить в настоящее время в обществе Ротшильды и другие владельцы капиталов в деньгах чрез скупы (ассарагаж), биржевую игру (agio-lage), он таковые безнравственные действия представляет в настоящем их виде и вредит этим удаче их спекуляций подобного рода. [...]

* «Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает» ²⁰ (франц.).— Ред.

** — не мешайте каждому делать то, что он хочет, предоставьте все естественному ходу вещей (франц.).— Ред.

*** «Организация труда», «Организация промышленности», «Организация производства» (франц.).— Ред.

Все социалисты или социальные учения между собою в одном сходятся, именно они единогласно говорят: «Должны же быть какие-либо неправильности в настоящей организации общественной (так говорят они, глядя на окружающую их действительность), ибо естественным потребностям человека нет соответственного удовлетворения; и что следует сделать общественные отношения более правильными». Во всем остальном они расходятся.

Все различие социальных систем проистекает от точки их исхода, от тех явлений жизни общественной, которые их поразили наиболее, от того взгляда, который они получили на причины таковых нерадостных явлений. Такой взгляд определяет и направление, и характер их систем, и способы, предложенные к разрешению общественных вопросов.

Так, например, коммунисты (их множество подразделений) — социалисты по чувству — мы выше об них уже несколько говорили, — горестно пораженные видом нищеты ужасной рядом с чрезмерным богатством, усмотрели в собственности, капитале главный источник всех общественных бедствий, и в замене частной собственности общею увидели способ к уничтожению всех зол. Упустив из виду, что бедность не оттого происходит собственно, что есть богатые, а оттого, что в человечестве еще до сих [пор] производится менее ценностей, нежели сколько того общественные потребности требуют; и забыли еще необходимость скопления больших капиталов для изобретений и движения промышленности. Их формула «à chacun selon ses besoins» *.

Так St-Simon'исты **, видя, что множество людей способных и талантливых пропадает, не принося ни себе, ни другим пользы надлежащей, придумали для устранения этого иерархическое распределение людей по способностям их, предоставив право с его распределения главе их. В формулу же себе выбрали выражение «à chacun selon ses capacités» ***. А из их учения сделали нечто, подобное вероучению. [...]

Еще считаю долгом отстранить от социалистов обвинение, неправильно на них делаемое, что будто они произвели последнюю французскую революцию ²². Нет, произвела ее политика худая Louis Philippe ****, шедшая наперекор общественным потребностям, упорство Guizot ***** против réforme électorale *****, неуважение требованья de la petit bourgeoisie ***** партии Odillon Barrot *****. Движением воспользовались les républicains pures *****. Louis Philippe **** пал от общего к нему равноду-

* «Каждому по потребностям» (франц.).— Ред.

** — сенсимонисты (франц.).— Ред.

*** «От каждого по способностям» (франц.).— Ред.

**** Луи-Филиппа (франц.).— Ред.

***** Гизо (франц.).— Ред.

***** — избирательной реформы (франц.).— Ред.

***** — мелкой буржуазии (франц.).— Ред.

***** Одиллона Барро (франц.).— Ред.

***** — чистые республиканцы (франц.).— Ред.

шая. В будущей законодательной палате через 3 или 4 года от сего социалистов партия будет сильна. Еще не один настоящий социалист в управлении не был.

Движение же национальностей произведено либерализмом, ибо социализм есть доктрина космополитическая²³, стоящая выше национальностей: для социалиста различия народностей исчезает, есть только люди. Движение национальностей естественно сосредоточится вредно успеху социализма, как отвлекающее жизненные силы общества от предметов, могущих увеличить массу общественного благосостояния, и заставляющее прибегать к войне — оружию.

Вот в главных чертах изображение того, что есть *социализм* и новейшего времени *социальные стремления*. Вы из предшествовавшего могли усмотреть, что это есть живая творческая сила общества, гений усовершенствований, догмат христианства, внедряющийся в жизнь практическую, что, чем выше и совершеннее общественное развитие, тем более предметов *общего пользования, общего владения* (коммунистических учреждений), или тем дешевле пользование или *складчино* (par association, как, например, плата за места в театре). Бросьте ваши взоры на храмы божьи, где всякий бесплатно молится, гульбища, комнаты приюта, монастыри, казармы, публичные заведения для воспитания и т. д., — везде, где только есть какое-либо удобство, доступное многим, вы найдете дух социализма. Взгляните на ваши деревни, на вашего мужика, при всей нерадивости не дошедшего до той нищеты, которая бы его лени соответствовала; ищите причину, — вы найдете, что передел полей — общее пользование землею — и есть этому причина. [...]

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Петрашевцы ринулись горячо и смело на деятельность и удивили всю Россию «Словарем иностранных слов»» (Герцен, т. 10, с. 344). Отрывки из второго выпуска Карманного словаря... печатаются по: *Петрашевцы* (воспроизведено издание 1846 г. с исправлением некоторых опечаток), с. 149, 150—151, 159, 160, 185, 186—187, 188, 189, 190, 192—193, 221, 238—240, 247, 248, 249—250, 257, 260—261, 263, 264—265, 266—267, 292, 297—298, 336, 337, 339, 340.

² Здесь слово «середина» употребляется в значении «среда».

³ Формула «война всех против всех» принадлежит Гоббсу.

⁴ См. наст. изд., с. 162, прим. 12.

⁵ Ступени общественного развития определяются здесь в соответствии с учением Фурье и в его терминологии.

⁶ Далее в статье в качестве сочинений, рассматривающих вопрос о «натуральном состоянии», указываются «Теория всеобщего единства» (1838) Фурье и ее первоначальный вариант — «Трактат о домашней земледельческой ассоциации» (1822).

⁷ Так в издании 1846 г., очевидно, следы цензурского вымарывания части текста.

⁸ В скобках — ссылка на Евангелие от Иоанна.

⁹ См. выше, прим. 7.

¹⁰ В Карманный словарь 1846 г. по цензурным условиям не вошли статьи «Обскурантизм» и «Обскурант». Рукописи их были захвачены полицией во время обыска у Петрашевского. Впервые полный текст обеих статей по копиям из архива В. И. Семевского напечатан в кн.: *Петрашевцы*. Приводим извлечения из этих статей.

ОБСКУРАНТИЗМ [...] В сфере общественного образования он проявляется гонением на философию и вообще на все те науки, где может или должен вообще

рассматриваться человек, как человек, без отношения ко времени и месту, и где показывается *солидарность*, [...] зависимость благосостояния частного от общего и наоборот, и на все то, что убеждает человека в необходимости дружеского, братского между собою общения; даже с этой целью он препятствует изучению по источникам христианства и восстает против важности развития публичности и естественности в общественном быте (в этом случае очень часто люди образованные, но легкомысленные и тупоумные, бывают его орудиями). Людей, принадлежащих к этой касте, к этой партии, мы находим везде в администрации, в войне, в церкви и в академиях (училище, университете), т. е. в сословии, призванном к нравственному и умственному образованию всех прочих. [...]

ОБСКУРАНТ [...] — враг всякой публичности, [...] как в судопроизводстве, так и в общественной жизни, и в выражении понятий он любит таинственность, привилегии, разделение и вражду различных классов народа между собою, как и целых народов, для него непонятна или ему кажется невыгодным понять, а следовательно, и признать возможность мирных отношений всего человечества и утверждения на земле царства мира, гармонии и разума и самоупорядочения [общее]ительности. [...]

¹¹ В издании 1846 г. ошибочно: 1772.

¹² Здесь дана ссылка на «Exposition de la doctrine de St. Simon» par M. Bazard et Enfantin, Paris, 1829, v. 1 («Изложение учения Сен-Симона» Базара и Анфантена, Париж, т. 1, 1829).

¹³ Наброски Петрашевского (скорее всего, подготовительные, черновые) для речи, произнесенной им 7 апреля 1849 г. на обеде по случаю дня рождения Фурье. По предложению Н. С. Кашкина он возглавлял один из кружков петрашевцев, обед в складчину был устроен на квартире А. И. Европеуса. Присутствовали, кроме специально приглашенного Петрашевского, десять участников кружка Кашкина: он сам, два брата Дебу, А. В. Ханыков, Н. А. Спешнев, Д. Д. Ахшарумов, два брата Европеусы, Есаков и Ващенко (двенадцатый должен был быть приглашенный Н. Я. Данилевский, но он не приехал). По свидетельству Д. Д. Ахшарумова, Петрашевский предлагал пригласить также Момбели, Львова и Дурова и «сделать обед более политический, нежели социальный», но его предложение не нашло поддержки (см.: Ахшарумов Д. Д. Из моих воспоминаний. СПб., 1909, с. 18—19). На стене комнаты, где был устроен обед, висел выписанный из Парижа портрет Фурье. На обеде с речами выступили Петрашевский, Ханыков и Ахшарумов. Кашкин прочитал в русском переводе стихотворение Беранже «Чудаки». Наброски речи Петрашевского впервые опубликованы: *Дело петрашевцев*. М.—Л., 1937, т. 1. Отрывки печатаются по: *Петрашевцы*, с. 388—389, 390, 391, 392—393, 393—394, 395.

¹⁴ Полемика по свойственным учению Морелли идеям регламентирования и грубой уравнительности, нашедшими выражение в его книгах «Базилиада» (1753) и «Кодекс природы, или Истинный дух ее законов» (1755).

¹⁵ Моисей (древнеевр. — Мошэ) — согласно библейским преданиям, предводитель еврейских племен, выведенных им (около 13 в. до н. э. ?) из египетского рабства сквозь расступившиеся воды «Черного» (Красного) моря; в течение сорока лет Моисей скитался в пустыне вместе с предводительствуемыми им племенами, поскольку бог Яхве запретил им вступить в «землю обетованную» (Палестину).

¹⁶ См. наст. изд., с. 90, прим. 7.

¹⁷ Написано в конце мая 1849 г. в заключении во время следствия. Впервые опубликовано в сб.: *Петрашевцы*, т. 2, 1927. Отрывки печатаются по: *Петрашевцы*, с. 423, 424, 425, 426, 428—429, 430—431, 431—433.

¹⁸ Вероятно, описка; по смыслу фразы должно быть: порождением.

¹⁹ См. выше, прим. 14.

²⁰ Ходячее выражение со значением: в сказанном (написанном) не следует искать никакого скрытого смысла (первоначально — девиз «Ордена Подвязки», учрежденного английским королем Эдуардом III в 1344 г.). Эти слова Петрашевский поставил эпиграфом к третьей части своего «Объяснения...», озаглавленной «Объяснение, что такое социализм» (см.: *Петрашевцы*, с. 422).

²¹ Здесь опущено примечание Петрашевского.

²² См. наст. изд., с. 162, прим. 117.

²³ Понятие «космополитический», вслед за Фурье, употребляется в смысле: общечеловеческий, интернациональный (ср. наст. изд., с. 173).

Владимир Алексеевич МИЛЮТИН

Новейшие школы, в своем стремлении к отысканию идеального устройства общества, заботятся преимущественно о решении экономических задач, об организации хозяйственных отношений. Нынешним утопистам это дает огромное преимущество над их предшественниками.

В. А. МИЛЮТИН

Как скоро при построении наших теорий мы перестаем довольствоваться воображением и начинаем изучать самую действительность, утопия уже начинает терять характер утопии и принимает мало-помалу характер чисто научный.

В. А. МИЛЮТИН

Владимир Милютин родился 4(16) декабря 1826 г. в Петербурге в семье небогатого фабриканта. В детстве он испытал сильное влияние матери (она была родной сестрой П. Д. Киселева, одного из крупных государственных деятелей царствования Николая I) и старших братьев — Дмитрия Алексеевича, будущего военного министра в правительстве Александра II, и Николая Алексеевича, участвовавшего в подготовке крестьянской реформы 1861 г.; в молодости оба они разделяли оппозиционные настроения по отношению к самодержавно-бюрократическому режиму. Учился Милютин сначала в Московском, затем — в Петербургском университете, на юридическом факультете, где слушал лекции В. С. Порошина, знакомившего студентов с учениями Фурье, Сен-Симона и других западноевропейских социалистов.

Бликий по характеру своих взглядов к петрашевцам, Милютин в 1845—46 гг. посещал «пятницы» М. В. Петрашевского, был связан личной дружбой с будущим писателем-сатириком М. Е. Салтыковым-Щедриным, входил в кружок В. Н. Майкова. Когда в апреле 1849 г. происходили аресты петрашевцев, Милютин в Петербурге не было; это, вероятно, и спасло его от немедленного заключения в крепость. Вскоре приказ о его аресте, очевидно, был отменен.

В год окончания университета (1847 г.) Милютин дебютировал в русской журналистике, выступив с четырьмя большими статьями: «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» («Отечественные записки», № 3—4), «Мальтус и его противники» («Современник», № 8, 9) и две статьи по поводу трехтомной работы вульгарного экономиста А. Бутовского «Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии» («Современник», № 10—12 и «Отечественные записки», № 11, 12). В них Милютин с социалистических позиций дал критику западноевропейского общества (вполне понимая вместе с тем относительную прогрессивность капитализма) и апологетической буржуазной политэкономии, глубоко и остро поставил проблему соединения социалистической теории с экономической наукой. В данной связи Милютин высказал немало замечаний по адресу абстрактности, мечтательности, умозрительности и других недостатков учений западноевропейских социалистов, полагая, что идеи гармонического будущего и путей к нему не получили еще вполне научного обоснования.

Критикуя прежних и современных ему социалистов-утопистов и вообще представителей социальной науки за субъективизм, Милютин, в частности, писал: «Одна из главных целей приложения положительной методы к общественным наукам состоит именно в том, чтоб доказать существование [...] независящих от воли человека законов и уничтожить таким образом заблуждение относительно неограниченной власти людей над миром общественных явлений. Впрочем, положительная философия, доказав в этом отношении несбыточность самолюбивых притязаний человека, должна доставить ему взамен утрачиваемых им иллюзий, недоступную для него в настоящее время возможность рационального предвидения предстоящих видоизменений. Такое предвидение, ограниченное, разумеется, известными пределами, доступно для человека в отношении к явлениям астрономическим, физическим, химическим и т. д.; нет никакого сомнения, что оно будет возможно и в отношении к явлениям общественным, как скоро наука положительная раскроет действительное соотношение этих явлений и тот необходимый, постоянный порядок, которому подчиняется общественная жизнь в своем постепенном развитии» (Милютин, с. 383).

Статьи Милютина с увлечением читались в кружках петрашевцев — одно из свидетельств тому мы находим в мемуарном романе А. И. Пальма (Альманского) «Алексей Свободин». В начале

ноября 1847 г. Белинский писал В. П. Боткину: «Теперь есть еще в Петербурге молодой человек Милютин. Он занимается соп атоге * и специально политическою экономией. Из его статьи о Мальтусе ты мог видеть, что он следит за наукою и что его направление дельное и современно-гуманное, без прекраснотушения» (*Белинский*, т. 9, с. 659). Реакционная газета «Северная пчела» писала (26 ноября 1847 г.) о статьях Милютина, что они «внушены фантастическими идеями социализма»; проповедь «анархии социалистической» увидел в них непосредственный и идейный противник Милютина А. Бутовской (см.: *Сын отечества*, 1849, № 2). Цензурно-полицейский террор 1848—49 гг. оборвал только-только начавшуюся активную литературно-публицистическую деятельность Милютина.

В 1849 г. он защитил магистерскую диссертацию «О недвижимых имуществах духовенства в России» (напечатана в 1859—61 гг. в «Чтениях Московского общества истории и древностей Российских», отдельное издание. М., 1862). Назначенный в 1850 г. адъюнкт-профессором Петербургского университета, Милютин читал на юридическом факультете. Став в 1853 г. профессором по кафедре законов благочиния и благоустройства, он много внимания в своих лекциях уделял вопросам экономической политики. С 1849 по 1855 г. участвовал в работе Русского географического общества (в 1853—55 гг. — его секретарь). Продолжалось и сотрудничество в журнале «Современник». В последние годы жизни Милютин работал над докторской диссертацией «О дьяках», оставшейся незавершенной.

Уехав в 1854 г. лечиться за границу, Милютин должен был в августе 1855 г. вернуться в Россию. Узнав от врачей, что его болезнь неизлечима, 5 (17) августа 1855 г. Милютин застрелился (Эмс, Германия). Сообщая о смерти Милютина, редакция журнала «Современник» писала: «Русская наука лишилась одной из надежд своих, русская литература — одного из умных и даровитых писателей...» (С, 1855, № 9, с. 54). Высоко ценил труды Милютина Чернышевский (см.: *Чернышевский*, т. 3, с. 223, т. 4, с. 470, 932, 936).

СОЧИНЕНИЯ

Милютин В. А. Избранные произведения. [М.] 1946 (вступительная статья И. Блюмина).

ЛИТЕРАТУРА

Дубнов А. С. Экономические взгляды. В. А. Милютина. М., 1958.

Лейкина-Свирская В. Р. Петрашевы. М., 1965.

* — с любовью (итал.).— *Ред.*

ТЕКСТЫ

ПРОЛЕТАРИИ И ПАУПЕРИЗМ В АНГЛИИ И ВО ФРАНЦИИ

[...] Близоруким судьям Запада ² можно сказать, что они смотрят и не видят, слушают и не слышат. Они не понимают, что эта борьба интересов есть признак не распада, а жизни, что она показывает не гнилость общества, а напротив, его зрелость, его свежесть, его силу. Они не видят, что над этим противоречием мнений и убеждений возвышается стремление к добру. И можно ли назвать устаревшим то общество, которое сознает в себе несправедливость и силится победить ее? Можно ли находить признаки упадка там, где все дышит свежестью юности, где все взоры и все умы с надеждой обращены на будущее, где все движется, все живет, все развивается? [...]

[...] Ныне капитал и труд совершенно отделены друг от друга и ничем между собой не связаны. Интересы капиталистов не только не тождественны с интересами работников, но даже противоположны им; между ними, в настоящую минуту, нет ничего общего, но есть множество разъединяющего. Работник ныне не соучастник, не товарищ капиталиста, а его наемник и служитель. Ныне то, что выгодно для капиталиста, невыгодно для работника, и наоборот. Интерес капиталиста состоит в том, чтоб уменьшать плату за труд, между тем как увеличение этой платы составляет необходимое условие для улучшения судьбы работника. От этой противоположности интересов происходит недоверчивость и вражда между двумя классами производителей. [...]

[...] Не надо думать, однако, чтобы развитие производительности само в себе было вредно для рабочих классов; не надо восставать против успехов мануфактурной промышленности, против усовершенствования способов производства, как делают это некоторые критики современного экономического устройства, не умеющие отличить видимых и случайных причин нищеты от причин действительных и существенных. [...]

[...] Ныне очень часто забывают, что успехи промышленности состоят в улучшении судьбы большинства людей, что не человек существует продуктом, а продукты нужны для человека, и потому, стараясь усилить производства, не обращают внимания на улучшение судьбы потребителей, не заботятся о их потребностях и о их способах. От этого мы, при нынешнем положении вещей, очень часто видим, что в той или другой отрасли промышленности произ-

водство вдруг оказывается излишним, несоответствующим средствам потребителей. Это относительно чрезмерное усиление производства служит постоянной и деятельною причиной всех тех кризисов и катастроф, которые ежедневно приводят промышленность в расстройство. [...]

[...] Нельзя положить преграду открытиям и развитию науки точно так же, как нельзя остановить успехов промышленности; оба эти явления — полезны, необходимы и разумны; оба они должны возбуждать к себе не ненависть, а сочувствие, — должны быть предметом не стеснения, а покровительства. И если мы, указывая на благотворительное и вредное влияние машин, встречаемся и на этом пути с противоречием между последствиями одного и того же начала, то и тут не должно забывать, что это противоречие только мнимое, а не действительное, только условное и случайное, а не абсолютное и необходимое. Причины этого противоречия и тут, — точно так же, как и при других экономических вопросах, — должно искать не в самом изобретении машин, а в том, что эти машины принадлежат одному только классу производителей, в том, что другой, более многочисленный класс не пользуется ими, в том, наконец, что эти усовершенствованные орудия производства, сосредоточиваясь в руках немногих капиталистов, дают им средство угнетать население рабочее, живущее физическим трудом своим. Причины противоречия, одним словом, должно искать в том же самом недостатке современной экономической организации, на который мы уже указывали несколько раз, — в тех отношениях, которые существуют между производительными силами, — в отсутствии всякой связи, всякой общности интересов между капиталом и трудом. До тех пор, пока не изменится это отношение, различные необходимые условия и элементы прогресса будут постоянно находиться между собою в несогласии и в разрыве. До тех пор, пока работник будет совершенно чужд капиталисту, пока он не будет участвовать в его выгодах и барышах, пока он будет только наемником его, а не товарищем, до тех пор между производителями всегда будет борьба, и всегда борьба эта будет оканчиваться для сильнейшего — победой и торжеством, для слабейшего — поражением и нищетой. Пока отношение между работником и капиталистом не будет основываться на началах взаимной доверенности, тесной связи и справедливости, до тех пор успехи промышленности и народного богатства будут покупаться дорогою ценою, ценою бедности и нищеты многочисленного класса работников. [...]

[...] Благосостояние сельского сословия прочно и обеспечено в той стране, где поземельная собственность не сосредоточивается в руках привилегированного класса, образуя небольшое число огромных поместий, но раздробляется на множество незначительных участков, к приобретению которых способны лица всех состояний и классов. Крестьяне не подвергаются ни нищете, ни бедности там, где они сами по большей части являются помещиками, где человек, своими руками обрабатывающий землю, всегда может надеяться

посредством труда и бережливости приобрести себе со временем частичку ее в собственность и передать в наследство своим детям. В таком именно положении находится Франция, где гражданские законы не только не препятствуют, но, напротив, покровительствуют правильному и справедливому распределению богатств, доставляют труду полную возможность соединяться с капиталом и дают бедному средство выйти из своего положения и достигнуть посредством труда известной степени достатка. [...]

МАЛЬТУС И ЕГО ПРОТИВНИКИ ³

[...] Если назначение человечества состоит в том, чтобы постоянно совершенствоваться и развиваться, то весьма понятно, что совершенство должно признать необходимо окончательной целью стремлений человечества и последним пределом его деятельности. Но совершенство, как для отдельного человека, так и для целого человечества, состоит в гармоническом всестороннем развитии его способностей и сил и в полном удовлетворении всем законным его потребностям, данным ему природой и развитым образованностью. Другими словами, истинное призвание человечества заключается в непрерывном стремлении к счастью, к блаженству, к развитию своего благосостояния в физическом, материальном, умственном и нравственном отношениях. [...] Благодаря необыкновенным успехам промышленности и новым более разумным взглядам на человека и общество, мы смотрим теперь на счастье, как на удел, доступный человечеству и на земле. [...]

[...] Требования пользы и требования правды, интересы каждого отдельного лица и интересы целого общества соединяются тут воедино для того, чтобы укрепить в нашем сознании мысль о необходимости преобразовать порядок вещей, основанный на противоестественном дуализме начал, в существе своем единых и тождественных. Религия, философия и история приводят нас в этом случае к одному и тому же результату. Первая предписывает нам веровать, что воля божия осуществится рано или поздно на земле, точно так же как она осуществляется на небе. Вторая говорит нам, что все разумное должно быть действительным, что противоречие между разумом и бытием не может существовать постоянно, но должно постепенно исчезать и изглаживаться, как и всякое явление неразумное, призрачное, не имеющее в себе внутреннего оправдания ⁴. История показывает нам, как вследствие безостановочных, хотя и медленных успехов, человечество приближается более и более к достижению этого результата, выдаваемого многими за прозвольную и неосуществимую утопию, как разрушая мало-помалу преграды, встречаемые на этом пути, оно уже успело пройти половину дороги, победив уже множество враждебных начал и подготовив решительными мерами скорое падение и смерть остальных. Ограничиваясь даже одной чисто экономической сферой и принимая в соображение только ма-

териальное благоденствие рабочих классов, необходимое условие всякого другого усовершенствования, умственного и нравственного, мы видим из истории, как постепенно рабство древнего мира, уничтожавшее в человеке все условия его человеческого достоинства, сменилось феодальным устройством, основанным на отношениях вассальных; как это в свою очередь уступило место системе монополий и корпораций, где безопасность и благосостояние производителей являлись следствием не права, а привилегии и милости; как, наконец, свобода промышленности и труда, основное начало нынешнего устройства экономических отношений, предоставив производительным классам полный и неограниченный произвол в их деятельности, освободив их от прежних притеснений и тягостного гнета, породила в то же время неравную борьбу между производительными силами и, предоставив слабым в жертву сильнейшим, положила зародыш новой феодальной аристократии, основанной на неограниченном владении капитала над трудом. Еще один шаг — и цель будет достигнута. Неограниченная свобода промышленности, или — что то же, безусловное господство анархии и произвола, падет рано или поздно, точно так же как пали и все другие неразумные, несправедливые учреждения, произведенные силою исторической необходимости и ею же уничтоженные; и организация труда, основанная не на состоянии, а на единстве и солидарности интересов, водворит со временем мир и гармонию там, где мы видим теперь только непримиримую борьбу и глубокий разлад всех основных стихий общественной деятельности. Организация труда решительно и безусловно необходима для удовлетворения самым настоятельным потребностям современного человечества, а все безусловно необходимое не может быть невозможным. Мы не имеем притом никакой причины сомневаться в этой возможности и находим, напротив, самый сильный повод к устранению всех этих сомнений в нынешнем настроении общественного сознания и в тех блистательных подвигах, которые производит теперь промышленная деятельность человека под влиянием постепенного разделения труда, распространения машин, улучшения способов производства, развития кредитной системы и других экономических усовершенствований, несмотря на то, что все эти усовершенствования, прилагаемые нами к испорченной и неустроенной среде, далеко не могут производить всех тех результатов, какими бы они могли сопровождаться при условиях более благоприятных и при устройстве более разумном.

Таким образом, вера в усовершенствование человечества, мысль о блаженстве, как окончательной цели человеческой деятельности, и, наконец, уверенность в необходимости и возможности изгнать из общественного устройства все то, что полагает преграду к достижению этой цели, — вот в чем заключаются наиболее существенные убеждения нашего поколения и нашего времени. [...]

[...] Экономические усовершенствования в наших обществах и при нынешнем устройстве хозяйственных отношений производят вместе и добро и зло, сопровождаются в одно и то же время и бла-

годетельными и вредными последствиями, увеличивают производительную силу работника и вместе с тем подавляют ее, уменьшают или, что всего чаще, осуждают на невольное бездействие, отказывают ей в возможности исхода и осуществления. При глубокой разрозненности капитала и труда, при совершенном отсутствии всякой истинной и прочной солидарности между различными категориями производителей, разделение работ, которое, по началам науки, должно было бы довести производительные способности работника до *plus ultra* * совершенства и развития, сопровождается совершенно противоположным последствием и ограничивая всю деятельность человека непрерывным и бессмысленным повторением одной и той же простой и не требующей никакого особого напряжения умственных способностей операции, делает его совершенно неспособным ко всякому другому труду, не только умственному, но и физическому, и служит обыкновенно самой деятельной, самой энергичской причиной упадка и загробления умственных, а вместе с тем и промышленных способностей человека. Ту же самую участь испытывает производительная сила человека от изобретения и усовершенствования машин, которые, представляясь по своему истинному назначению и свойству самым могущественным и деятельным орудием прогресса и благосостояния, являются нынче, при всеобщей разрозненности и борьбе интересов, самым обильным и прямым источником постоянного и постепенного оскудения физических и умственных сил в каждом отдельном работнике, который, употребляя всю свою жизнь на приведение в действие какого-либо колеса или рычага машины, теряет мало-помалу характер и свойства свободного и самостоятельного производителя и превращается в свою очередь в машину, в бессмысленное и лишенное произвола орудие, не имеющее в себе ни признаков, ни следов человеческого свободно разумного характера. Соревнование между производителями, не встречая для себя в настоящую минуту никакого разумного противодействия со стороны общественной власти и порождая, как свое естественное последствие, совершенно необходимое при нынешнем порядке вещей, господство анархии, произвола и притеснений, действует в свою очередь самым неблагоприятным образом на производительную силу своих жертв, не допуская её до её нормального, естественного развития, или напротив подавляя ее преждевременно при первой попытке ее — не оставаться в виде одной возможности, а обнаружиться на самом деле, перейти в жизнь и найти себе сферу для действия. Известно, что вследствие принципа неограниченной свободы промышленности, лежащего в основании экономической организации почти всех современных обществ, все участие работника в пользовании продуктами народной промышленности ограничивается незначительным вознаграждением за труд, являющимся обыкновенно в виде заработной платы; известно также, что количество этой заработной платы, от которого зависит вся участь

* — до высшей степени (лат.).— *Ред.*

работника, его материальное благосостояние и степень развития его умственных и нравственных сил, определяется обыкновенно отношением, существующим в каждой отрасли промышленности между предложением и требованием труда. Но вследствие неограниченной конкуренции, существующей как между капиталистами, так и между работниками, предложение труда почти всегда превосходит его требование, так что количество заработной платы или другими словами цена человеческого труда постоянно понижается более и более, с чем вместе увеличивается нищета рабочих классов общества; а всякое увеличение нищеты, как мы уже заметили выше, нарушает по необходимости настоящее равновесие между народонаселением и народным богатством, способствуя в одно и то же время увеличению первого и уменьшению второго. Кроме того при перевесе предложения труда над его запросом множество работников остаются необходимыми без работы, так что промышленные силы, в них сосредоточенные, остаются также совершенно бесплодными и расточаются обыкновенно без всякой пользы для общества. Даже в тех случаях, когда требование труда превышает его предложение, когда число рабочих рук оказывается недостаточным для приведения в действие всех капиталов, пущенных в обращение, неограниченная конкуренция восстанавливает весьма скоро обыкновенную соразмерность между числом работников и количеством капиталов и еще более нарушает равновесие между производительностью и народонаселением тем, что внушает работникам в этот краткий промежуток времени ложные ожидания насчет постоянного возвышения заработной платы, ожидания, уничтожающие совершенно последнюю предусмотрительность с их стороны в отношении к заключению браков и рождению детей. Одним словом пересматривая внимательно все общественные и экономические учреждения, существующие в обществах, мы можем весьма легко убедиться в том, что все они сопровождаются обыкновенно последствиями совершенно друг другу противоречащими и что нет ни одного из них, которое бы вместе с пользой не приносило и вреда. Таким образом во всех тех случаях, когда мы можем заметить в обществах действительный избыток народонаселения над производительностью, мы должны признавать этот горестный факт не за выражение общего и необходимого закона, как делают Мальтус и его последователи, а совершенно напротив за ясный признак насильственного низвращения естественных отношений, существующих при обыкновенном порядке вещей между производительностью и народонаселением, низвращения, источника которого должно искать конечно не в разумных законах природы, а в несовершенстве общественного устройства. [...]

Из числа новейших теорий народонаселения всего слабее и недостаточнее та, которую высказал мимоходом Фурье в одном из своих многочисленных сочинений. По мнению Фурье чрезмерное размножение народонаселения будет совершенно невозможно при той общественной организации, которую он считает самой справедливой и разумной и которая по его словам должна будет осуществиться

рано или поздно в действительной жизни. Это мнение он основывает главным образом на том предположении, что во всяком обществе, устроенном по началам им придуманным и развитым, будут необходимо существовать четыре различные причины для противодействия развитию народонаселения и для удержания воспроизводительной силы человека в должных пределах. Во-первых по его словам усовершенствование общественных отношений должно иметь необходимое влияние на изменение и улучшение физического организма человека и это влияние обнаружится между прочим в увеличении телесной силы и крепости женщин, что в свою очередь по законам природы должно иметь неизбежным последствием уменьшение их плодovitости. Во-вторых интегральное, т. е. равномерное и гармоническое развитие всех способностей человека должно также ввести необходимо воспроизводительную силу в ее настоящие, естественные пределы и отстранить все поводы к ее излишнему, противному природе напряжению и развитию. В-третьих уничтожение всех тех ограничений и стеснений, которые в настоящую минуту затрудняют половые сношения, препятствуя разнообразию и обилию чувственных наслаждений, будут также сопровождаться необходимо значительным уменьшением плодovitости женщин. Наконец в-четвертых уменьшению плодovitости как мужчин, так и женщин не могут не содействовать необыкновенное обилие и высокое качество той пищи, которой будут пользоваться в фаланстере все без исключения члены этого счастливого и примерного общества.

Все эти доводы Фурье⁵, которыми он думал доказать и объяснить невозможность чрезмерного размножения народонаселения в будущих обществах, не обратили и не могли обратить на себя внимания науки, не могли также подвинуть вперед вопроса о народонаселении, во-первых потому, что действие исчисленных нами причин на уменьшение плодovitости человека только было указано у Фурье вкратце и мимоходом, а вовсе не доказано и не развито; а во-вторых и потому, что самое существование этих причин тесно связано с осуществлением того общественного устройства, которое придумал Фурье для блага человечества, но которым человечество, вопреки надеждам фурьеристов, может весьма легко и не воспользоваться... Впрочем, четвертое обстоятельство, указанное у Фурье в числе средств, которые могут содействовать ограничению воспроизводительной силы человека, именно возможность уменьшения плодovitости от увеличения материального благосостояния и в особенности от увеличения количества и улучшения качества пищи, основывалось не на произвольных и эксцентрических предположениях, но на действительном физиологическом факте, который уже давно был известен науке, но ни разу еще не был применен ею к разрешению вопроса о народонаселении. [...]

[...] Сознания основных начал и действительных законов общественной жизни можно достигнуть не иначе, как посредством прилежного и успешного изучения природы и свойств человека, но к этому последнему результату не приведут нас никогда ни психоло-

гия, ни метафизика; только науки точные, основанные на наблюдениях и опыте, а не на произвольных и субъективных абстракциях, могут привести нас к открытию тех законов, по которым совершается или должно совершиться современем развитие человека и общества. Эта истина в настоящее время с каждым днем проникает более и более в общественное сознание и можно уже теперь предвидеть скорое наступление той эпохи, когда окончательно падут и исчезнут все схоластические предрассудки, все нелепые предубеждения против слияния естественных наук с наукой о человеке, против уничтожения тех неестественных преград между частями одного целого, которые были воздвигнуты в прежние времена невеждами и софистами. Пора сбросить с себя иго вековых заблуждений, слишком долго тяготевших над умом человека и полагавших столь сильную преграду его успехам и развитию! Пора отказаться навсегда от того отвлеченного дуализма⁶, который так сильно отражается еще до сих пор и в состоянии науки и в положении общества! Человек един и неразделен; едина и нераздельна должна быть и та наука, которая имеет своим предметом исследование его существа, способностей, качеств, свойств и сил. Когда эта простая, но необъятно важная истина укрепится окончательно в сознании общественном и изгладит навсегда следы прежнего разделения и разрыва между основными началами науки, тогда для человечества наступит новая, высшая фаза развития,— ум человеческий пойдет вперед путем медленным, но прочным и надежным, бесплодная метафизика уступит место истинной науке и отвлеченный, лишенный практического смысла взгляд на внешний и внутренний наш мир заменится глубоким, живым и светлым пониманием действительных законов бытия и настоящих отношений человека к природе.

ОПЫТ О НАРОДНОМ БОГАТСТВЕ [...] ⁷

[...] Обратив все внимание на описание и объяснение существующего, экономисты совершенно исключили из своей науки все исследования о согласии или несогласии современной действительности с требованиями разума и права. Наука, по их мнению, должна была только показать то, что есть, а не то, что должно быть; ее целью они признавали одно простое изложение, а не критическую оценку фактов. Узнав главные основания нынешнего устройства экономических отношений, они сочли себя вправе признать свои сведения вполне достаточными для удовлетворения потребностям как общества, так и науки; в какой мере эти основания экономической организации были рациональны и справедливы, до этого им не было никакого дела; отказавшись от своей обязанности раскрыть степень совершенства экономических учреждений, они насмеялись над теми, которые не разделяли такого узкого взгляда на науку и не довольствовались одним знанием фактов без знания их значения и смысла. От этого произошло, что мало-помалу, и скорее безотчетно, нежели

сознательно, они пришли к тому нелепому убеждению, что все действительное — прекрасно, что всякий факт служит выражением разума, что все существующее справедливо только потому, что оно существует. Они вышли из того начала, что наука не должна заботиться о том, что справедливо и несправедливо, а кончили тем, что усвоили себе безобразную гипотезу абсолютной справедливости и полного совершенства всех существующих экономических учреждений. Такое странное ниспровержение самых основных законов логики повело естественно к упорному оптимизму, к недобросовестному отрицанию самых очевидных фактов и к бесплодному стремлению рационализировать и оправдывать все то, что представляло в себе самую вопиющую и возмутительную несправедливость. [...]

[...] Там, где господствует всеобщая разрозненность интересов, смешно полагаться на неограниченный произвол враждующих, как на лучшее средство для водворения мира и согласия. В сфере экономической, точно так же как и во всех других сферах общественной деятельности, порядок и гармония не рождаются сами собой из нестройной борьбы противоположных стремлений. Забывая эту истину и стараясь удовлетворить всем интересам посредством сохранения существенных условий их разъединения и вражды, экономисты трудятся очевидно над решением неразрешимого вопроса — отыскивают сознательно квадратуру круга. Они не хотят понять, что неограниченная свобода только там и возможна, где безусловно невозможно столкновения и раздоры; пока не осуществилось это последнее условие, только общественная власть, представительница интересов всех и каждого, может своим вмешательством обуздывать сильных, покровительствовать слабым, отвращать несправедливости и противодействовать беспорядку. Отрицая необходимость такого вмешательства и опираясь при этом на мнимое единство индивидуальных целей, экономисты вступают в противоречие с самыми очевидными фактами и недобросовестно предполагают действительное существование того, к чему мы еще только стремимся и приближаемся, — существование всеобщей солидарности интересов и прочной ассоциации между производительными силами. [...]

[...] Если бы даже признать вместе с экономистами, что для умножения народного богатства свобода промышленности есть самое надежное средство, то и тогда нельзя бы было удовлетворяться этой системой и на ней остановиться, потому что истинный интерес общества состоит не столько в размножении продуктов, сколько в улучшении участи всех классов народа, как высших, так и низших. [...]

[...] Протесты против учения экономистов по большей части были делаемы так называемыми утопистами, т. е. людьми, которые старались отыскать идеал общественной организации и заботились не столько об опровержении существовавших начал, сколько о построении новой теории; понятно, что их критика не могла иметь большого влияния на общественное мнение и должна была неминуемо подвергнуться той же участи, какой подвергались тогда и самые их

утопии, т. е. невниманию или насмешкам. Для того, чтоб поколебать учение экономистов, необходимо было сразиться с ними на поле экономических же фактов, подвергнуть строгой критике самое основное начало их теории и обратить против них их же собственное оружие. [...]

[...] В противоположность прежним экономистам, имевшим всегда в виду не человека, а вещь, новые деятели науки заботятся преимущественно о судьбе и счастье людей, о средствах для уничтожения их страданий и облегчения их участи. При этом одни из них действуют робко и нерешительно, стараясь противодействовать злу разными частными и временными мерами, не уничтожающими его источника, но отвращающими только некоторые из его последствий; другие напротив стремятся к своей цели более прямой дорогой и, понимая всю несостоятельность полумер для отвращения общественных бедствий, требуют существенного, полного преобразования в самом устройстве экономических отношений. Самое существо той цели, к которой стремятся последние, определяет ясно характер и направление их ученой деятельности. Совсем не заботясь об изучении общих законов, по которым совершается материальное развитие общества, они имеют в виду только одно: найти идеал общественной организации, придумать такое устройство, которое бы могло уничтожить все страдания современного человека и обеспечить каждому из людей возможно большую долю богатства, наслаждений и счастья. Негодуя против несовершенства современных учреждений и стараясь отыскать средство для совершенного их преобразования, они естественно больше заботятся о будущем, чем о настоящем, и не столько изучают то, что есть, сколько рассматривают то, что бы могло и должно было быть. Вследствие такого направления результатом их трудов являются по большей части рассуждения о философских основаниях общественной жизни и о средствах для исцеления всех язв современного устройства, смелые проекты реформ и подробные предположения о способах водворения между людьми, живущими в обществе, справедливых и разумных отношений. Одним словом, как по своей цели, так и по своему содержанию, все системы новейших школ принадлежат бесспорно к категории так называемых *утопий*, представляя собой все признаки тех смелых, большей частью фантастических гипотез и теорий, с которыми привыкли соединять это название.

На эти современные утопии не надо смотреть как на явление, свойственное только нашему времени и чуждое временам прошедшим. Стремление к отысканию идеала справедливейшей, совершеннейшей организации общества есть стремление, протекающее из самой природы человека и потому самому существующее всегда и на всех ступенях общественного развития. [...] ⁸ Современные нам утописты суть только последователи, отчасти подражатели прежних: их одушевляют те же идеи; они стремятся к той же цели и в большей части случаев выбирают даже те же самые пути

для ее достижения. Между новейшими и прежними теориями существуют однако, несмотря на их сходство, и весьма важные различия. Эти различия вытекают из того, что прежние утопии придуманы были тогда, когда еще не существовало науки народного благосостояния, между тем как новейшие образовались уже после и вследствие построения этой науки. От этого и происходит, что новейшие школы, в своем стремлении к отысканию идеального устройства обществ, заботятся преимущественно о решении экономических задач, об организации хозяйственных отношений. Нынешним утопистам это дает огромное преимущество над их предшественниками, потому что выказывает с их стороны большую зрелость понятий и более верный взгляд на то, в чем именно и заключается настоящий корень всех общественных зол и настоящее средство для решения многих общественных вопросов. К этому можно присоединить и то, что новейшие утопии имеют гораздо больше исторического значения, чем прежние, потому что они развились совершенно логически из учения экономистов и в то же время как будто были вызваны самой силой обстоятельств, т. е. экономическими и общественными событиями настоящей эпохи. [...]

[...] В устах большинства людей с словом утопия соединяется обыкновенно значение невыгодное и даже презрительное, точно так же как и название утописта употребляется в большей части случаев в смысле оскорбительного, ругательного прозвища. Что касается до нас, то слишком далекие от того, чтобы соглашаться с утопиями или склоняться в пользу практических выводов из их учений, мы однако ж, смотря на этот предмет с философско-исторической точки зрения, не можем с выражениями: утопия, утописты соединить того презрительного значения, какое привыкли им давать. Стоит только вникнуть глубже в настоящую основу и внутренний смысл утопий, чтобы убедиться в неосновательности того насмешливого презрения, с которым встречаются обыкновенно так называемыми практическими людьми этого рода попытки человеческого ума. Собственно говоря, утопии, мечтания, стремления к лучшему, к идеалу представляют собой одну из самых необходимых, одну из самых естественных форм человеческой мыслительности. [...] Не будь в человеке способности противопоставлять действительному факту свою идеальную утопию, не было бы и развития, не было бы и прогресса. [...]

[...] Действительность сама по себе не противоборствует мечте, но, напротив, вызывает ее и производит; она только требует себе признания, требует, чтоб мыслитель отделил резкими чертами то, что действительно есть, от того, что, по его понятию, может или должно быть. [...] С той самой минуты, как человек перестает довольствоваться построением утопий в своем уме и хочет извлечь из них пользу для всего человечества, осуществив их в практической жизни, на него уже возлагается неременная обязанность отказаться от неограниченного произвола фантазии и подчинить свое воображение известным пределам. В таком случае он уже теряет

право презирать и отрицать действительность, он должен, напротив, изучить ее и, открыв ее настоящее соотношение к своему идеалу, открыть в то же время и то, в какой мере осуществление этого идеала возможно, и в какой мере препятствует или содействует сама жизнь желанному переходу идеи из сферы отвлеченной в сферу практическую.

История доказывает нам, что нет непримиримого противоречия между идеалом и действительностью, что действительность представляет нам постепенное осуществление идеала, точно так же, как с своей стороны идеал представляет нам только предвидение будущей действительности. В этом отношении можно сказать, что философия истории занимает середину между чистым идеалом и чистой действительностью; она есть не что иное, как выражение их взаимного отношения, наука, объясняющая способ перехода идеала в действительность и развитие действительности сообразно с идеалом. [...] Основной характер утопии есть характер пророчества, апелляции от настоящего к будущему, так что утопия должна неминуемо обгонять действительность, и развитие идей должно всегда совершаться быстрее, нежели развитие самой жизни. Всегда случается так, что в минуту появления утопии жизнь бывает еще неспособна или не готова к ее восприятию; и притом надо заметить, что если в первые времена слияние идеала с действительностью бывает невозможно, то причины этой невозможности заключаются не в одной действительности, но и в самом идеале. Обыкновенно утописты в своем тревожном нетерпении* осуществить свой идеал обвиняют действительность и жалуются на препятствия, ею противопоставляемые, на то, что она своею косностью замедляет переход идеи из внутреннего бытия во внешнее. Подобные жалобы и обвинения не основательны. [...] Утопия в первую минуту своего появления оказывается неготовой к слиянию с действительностью, не столько вследствие косности последней, сколько вследствие своих собственных несовершенств и своей собственной неразвитости. Исправить этот недостаток можно не иначе, как развив далее самую утопию и перевесть ее из ее первоначальной фазы в фазу последующую. Но для этого необходимо освободить утопию от ее мистического, мечтательного характера и придать ей характер рациональный и положительный, необходимо, другими словами, изучить и понять действительность, раскрыть ее стремления и силы и сообразно с этим видоизменить самую мечту, сблизив ее с жизнью. Для этого уже недостаточно одного воображения; необходимы наблюдения и опыт, необходима наука. Но как скоро при построении наших теорий мы перестаем довольствоваться воображением и начинаем изучать самую действительность, утопия уже начинает терять характер утопии и принимает мало-помалу характер чисто научный. Таким образом утопия сама собой и вследствие присущей ей силы развития переходит в науку и мало-помалу из несбыточной мечты превращается в идею совершенно практическую и вполне способную

к постепенному или даже немедленному переходу из сферы отвлечения в сферу действительности.

Прилагая все то, что сказали мы об утопиях вообще, к современным утопиям политико-экономическим, мы имеем полное право заключить, что нет ничего неосновательнее того презрения, с которым отзываются о них в наше время защитники неподвижности и застоя в жизни общественной. В том, что современная экономическая наука приняла направление по преимуществу утопическое, мы видим с одной стороны явление совершенно необходимое. Мы признаем это направление необходимым, потому что видим в нем прямое и естественное следствие неудовлетворительности и испытанной несостоятельности прежних школ для решения практических задач настоящего времени. Но с другой стороны, мы уже заметили выше, что утопия — утопии рознь, что настоящая, истинная утопия не есть только мечта произвольного воображения, но истина, вызванная действительностью и выработанная разумом. [...]

[...] Человечество не может делать скачков в своем развитии и не может следовательно перейти прямо и без приготовления из нынешнего своего состояния в состояние полного и безусловного совершенства. Если бы новые школы понимали эту истину, они бы обратили свое внимание преимущественно на то, чтоб найти средства для *постепенного* усовершенствования экономической организации. Но вместо того, чтобы стремиться к этой ближайшей и непосредственной цели, современные школы думают гораздо более о цели, слишком от нас отдаленной, и ограничивают свою деятельность одним стремлением к недостижимому для нас идеалу общественной организации. С другой стороны, в тех учениях, в которых идея организации труда не осталась в своей неопределенной всеобщности, но формулировалась полным и ясным образом, мы находим и другой важный недостаток: стремление к излишней централизации, к излишнему подчинению частных интересов интересу общему. В тех формах общественного устройства, которые придуманы новыми школами, личность человека или исчезает совершенно или подвергается самым стеснительным ограничениям. Вместо того, чтобы найти средства для примирения двух равно необходимых начал: индивидуализма и общинности, современные теории по большей части жертвуют первым в пользу второго и подчиняют деятельность неделимого известным правилам, исполнение которых не может обойтись без принуждения или самопожертвования.

Остается теперь вопрос о распределении богатств, вопрос, на который новейшие школы обращали до сих пор наиболее внимания. В этом отношении они поступили опять совершенно сообразно с своей обычной методой. Стараясь отыскать справедливое, юридическое основание для разделения благ между членами общества, они весьма мало заботились о том, чтоб найти средства для немедленного облегчения бедствий рабочего класса и для улучшения настоящего порядка вещей во столько, во сколько это представляется теперь возможным и осуществимым. Взамен того, нельзя не сознать-

ся, что юридическая часть этого вопроса была рассмотрена ими весьма подробно и многосторонно. Поставив себе задачей раскрыть требования правды относительно устройства экономических отношений, они вполне достигли своей цели и путем заблуждений и односторонних взглядов дошли мало-помалу до верного и ясного понятия о юридическом основании разделения благ. В развитии их идей относительно этого предмета мы находим известную последовательность и постепенный логический переход от взглядов ложных к взглядам более справедливым. Первые противники учения экономистов обвиняли это учение преимущественно в том, что им упрочивается неравенство благ, и в свою очередь считали самым справедливым распределением богатств распределение их по равным долям между всеми членами общества. Но это заблуждение продолжалось недолго; позднейшие утописты доказали ясно, что идея абсолютного равенства благ есть идея не только чуждая всякого практического значения, но и несостоятельная по своей теоретической основе, потому что при различии человеческих потребностей равенство средств для их удовлетворения в существе дела упрочивает собою совершенное неравенство между людьми. Новейшие школы пошли в этом отношении далее; одна из них, стараясь по возможности согласить друг с другом все интересы, существующие в настоящее время, признала, что самое справедливое распределение богатств есть то, в котором назначается каждому члену общества известная доля, определяемая по мере его труда, капитала и таланта⁹. Другая школа, отвергнув права капитала, как права, не имеющие никакого юридического основания, думала найти самую справедливую норму разделения благ в известной формуле: «каждому по мере его способностей, каждой способности по мере ее произведений» (*à chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres*)¹⁰. Наконец, третья школа, отвергнув мнения всех школ, предшествовавших и приняв в основание ту мысль, что богатство есть только средство для удовлетворения потребностей, и что следовательно не участие в производстве, а самые потребности должны служить мерилom для распределения, признала разделение благ по мере нужд и желаний каждого единственно разумным и справедливым разделением. [...] ¹¹

[...] Все новые теории в современном их виде суть не более, как произвольные утопии и смелые гипотезы, опирающиеся только на основаниях юридических и вовсе не приведенные в согласие с действительностью и ее законами. Но мы уже видели, что истинное назначение утопии состоит в том, чтоб совершенствоваться постоянно, сбрасывать с себя мало-помалу свой субъективный и мистический характер и, переходя в сферу науки, приобретает все те условия, от которых зависят рациональность и положительность ученых теорий. Этому назначению современные учения до сих пор еще не выполнили, но должны выполнить его рано или поздно; и в постоянном стремлении к такой цели заключается, по нашему мнению, как настоящее их призвание, так и залог для дальнейших успехов науки. [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые опубликовано: 03, 1947, № 3,4. Отрывки печатаются по: Милютин, с. 162, 171, 184, 200, 210—211, 240.

² Милютин имеет в виду прежде всего идеологов «официальной народности» и славянофилов.

³ Впервые опубликовано: С, 1847, № 8,9 с подзаголовком: «Обзор различных мнений об отношении производительности к развитию народонаселения». Отрывки печатаются по: Милютин, с. 70, 73—74, 128—130, 143—145, 156—157.

⁴ Это положение — свидетельство своеобразного использования Милютиным гегелевской философии для обоснования социалистического идеала.

⁵ Эти четыре «довода» Фурье изложены в его работе «Новый хозяйственный и социетарный мир» (в разделе пятом «Об общем равновесии страстей» между XXXVI и XXXVII главами в «дополнении», называемом «Равновесие народонаселения») (см.: Фурье Ш. Избранные сочинения, М., 1954, т. 4, с. 73—82).

⁶ Объект критики — религиозный догмат о двойственной природе человека, о существовании в нем двух начал: бессмертной души и смертного тела.

⁷ Полный заголовок статьи — «Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии» — воспроизводит название работы А. Бутовского, по поводу которой она написана. Впервые напечатана: С, 1847, № 10, 11, 12. Отрывки печатаются по: Милютин, с. 316, 321—322, 324, 332, 343—346, 347—350, 354—356. Полемизируя в 1857 г. с Чернышевским, орган русского буржуазного либерализма журнал «Экономический указатель» писал: «Новая школа «Современника»... существует не со вчерашнего дня. Когда в 1847 году появилось сочинение г. Бутовского, новая школа сильно против нее восстала» (Экономический указатель, 1857, № 46, с. 1085).

⁸ Здесь нами опущен текст, в котором дается краткая история социального утопизма; упоминаются: республика Платона, «Утопия» Мора, «Город Солнца» (у Милютина ошибочно: «Государство Солнца») Кампанеллы, «Океана» Гаррингтона, «Новая Атлантида» Бэкона, «Базилиада» Морелли, а также эссеи, квакеры, анабаптисты и ряд других еретических движений и сект.

⁹ Речь идет о фурьеризме.

¹⁰ Приводится принцип, выдвинутый сенсимонистами.

¹¹ Имеются в виду сторонники коммунистического принципа распределения «по потребностям».

Александр Владимирович ХАНЫКОВ

Из взаимного проникновения разума и индустрии и выйдет то новое вождеденное начало, на котором пострится будущая жизнь человечества...

А. В. ХАНЫКОВ

Если под учением социалистов разумеют учение Фурье, то я действительно был одним из жарких защитников этого учения, но только в сфере умозрительной, а не в практической.

А. В. ХАНЫКОВ

Александр Ханыков родился в 1825 г. в дворянской семье: его отец, коллежский советник, был библиотекарем департамента народного просвещения. Младший брат выдающегося русского востоковеда, путешественника и дипломата Н. В. Ханыкова и известного географа Я. В. Ханыкова, Александр после окончания в 1845 г. Первой петербургской гимназии поступил на Восточное отделение университета. Однако закончить университет ему не удалось: в 1847 г. он был отчислен из состава своекоштных студентов ввиду «неблагонадежного» поведения; пришлось продолжать учебу в качестве «приват-слушателя»...

В 1845 г. Александр Ханыков впервые встретился — у поэта А. Н. Плещеева — с М. В. Петрашевским, оказавшим на него очень сильное влияние. Пригласив юношу к себе, Петрашевский при первом же свидании повел с Ханыковым речь «об учении Фурье,

о необходимости уничтожения религиозных предрассудков, о свободной цензуре и публичном судопроизводстве» (*ДП*, т. 3, с. 24). В 1846 г. и особенно активно с 1847 г. Ханыков посещает «пятницы» Петрашевского, участвует также в собраниях кружков Н. С. Кашкина и братьев Дебу. Талантливый пропагандист идей социализма и атеизма, он активно действует среди студентов, ведет с ними крамольные разговоры, снабжает их запрещенной литературой, в том числе и рукописной (в частности, переводом-изложением одной из атеистических работ брата немецкого философа-материалиста Людвиг Фейербаха — Фридриха). В кругу влияния Ханыкова находились студенты А. Д. Толстов, В. П. Катенин, Б. И. Утин, его ближайшие приятели — Д. Д. Ахшарумов и И. Дебу. Именно он, по словам известного историка В. И. Семевского, «содействовал завоеванию для русского социализма такой великой силы, как Чернышевский» (*ГМ*, 1917, № 2, с. 164).

Они познакомились 23 ноября 1848 г. после студенческого семинара профессора А. В. Никитенко. Через четыре дня Чернышевский записывает в дневнике: «Ханыков весьма мил, знакомил меня с новыми общими идеями (не о фурьеризме только говорю я, а вообще) и дельный человек, ужасный пропагандист, но мирным путем убеждения; кажется, я свяжусь с ним, он несколько не увлекает меня, но теперь я его уважаю, как уважаю человека с убеждением и сердцем горячим» (*Чернышевский*, т. 1, с. 182—183). От Ханыкова Чернышевский получал для чтения французские политические и социалистические журналы (среди них — фурьеристскую («Фалангу»), сочинения Фурье, Ж. Б. Сея, О. Конта, «Философию права» Гегеля, «Сущность христианства» Л. Фейербаха. Ханыков одним из первых заговорил с Чернышевским о возможности революции в России. После посещения 11 декабря 1848 г. Ханыкова Чернышевский пишет в своем дневнике, что они «более всего говорили о возможности и близости у нас революции, и он здесь показался мне умнее меня, показавши мне множество элементов возмущения, напр., раскольники, общинное устройство у удельных крестьян, недовольство большей части служащего класса и проч., так что в самом деле многого я не замечал, или, может быть, не хотел заметить, потому что смотрел с другой точки. Итак, по его словам, эта вещь, конечно, возможна и которой, может быть, недолго дожидаться» (*Чернышевский*, т. 1, с. 196).

Александр Ханыков был арестован позже других петрашевцев — не 23 апреля, как большинство, а только 2 мая 1849 г., поскольку остался вне поля зрения агента охранки Антонелли. По результатам следствия Военно-судная комиссия приговорила его к четырем годам каторги. Генерал-аудиториат изменил приговор: к расстрелу, но одновременно ходатайствовал перед царем о замене его десятью годами каторги. По «милости» царя Ханыков был сослан рядовым в оренбургские линейные батальоны.

В ссылке Ханыков продолжал пропагандистскую деятельность, войдя в тайный польско-русско-украинский кружок; здесь он

познакомил с учениями Фурье и Фейербаха Т. Г. Шевченко. Вновь попав под следствие, Ханыков в порядке наказания был переведен в батальон, расположенный в местности, где свирепствовала холера. Заразившись ею, 30 июня (12 июля) 1853 г. он умер.

СОЧИНЕНИЯ

Ханыков А. В. [Речь на обеде в честь Ш. Фурье 7 апреля. Показания] — в кн.: *ДП*, т. 3.

ЛИТЕРАТУРА

Айзеншток И. Я. Т. Г. Шевченко и петрашевец А. В. Ханыков. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1948, т. 67.

Никитина Ф. Г. Петрашевец А. В. Ханыков — друг студента Н. Г. Чернышевского. — *Философия Н. Г. Чернышевского и современность*. М., 1978.

ТЕКСТЫ

[РЕЧЬ НА ОБЕДЕ В ЧЕСТЬ Ш. ФУРЬЕ 7 АПРЕЛЯ] ¹

Я начинаю говорить с тем увлечением, с тем одушевлением, какое внушают мне и наше собрание и то событие, которое мы празднуем здесь! Событие, влекущее за собой преобразование всей планеты и человечества, живущего на ней; планеты — всецелой, систематической, товарищественной обработкой ее поверхностей, внутренностей, вод; правильным их размещением, восстановлением климатов и последующих за тем благоприятных творений для человека, как бы в ознаменование того, что он понял, разгадал, наконец, ее символические покровы, ее символические движения; открытием нового невесомого элемента *sui generis* *, элемента аромального ², определяющего страстные отношения планет, как живых существ; преобразованием человечества — чрез всецелое, полное развитие страстей чувственных, душевных, нравственных в новооткрытом или, лучше, восстановленном родстве, где они получают математически определенное выражение и вырабатывают в этой норме для своего всецелого будущего построения все органические элементы. Пытайте, исследуйте историю, и там, где начнется достоверность ваших изысканий, там найдете вы бледную тень этого родства, найдете общину, федерацию общин, найдете сказки, песни о потерянном рае, о потерянном счастье у различных народов в различных образах, представлениях. Сделайте параллельное сличение — в них один смысл, одна сущность: нарушенное равновесие общественной деятельности... и тем живее чувствуемое, воспроизводимое впоследствии воображением, фантазией, чем сильнее были бедствия, чем далее и далее люди удалялись от своего первобытного состояния, которое заключалось в безусловном самоудовлетворении страстей, проявившихся в то время энергически, со всею силою и свежестью первых впечатлений [...]. Говоря более отчетливым языком, первобытное состояние должно было заключаться в согласии страстей и лелеющей их средине ³, обусловливающейся правильным распределением климата, почвы, водной системы, правильным отношением народонаселения, состоящего из трех резко отличенных полов — мужеского, женского, детского, к средствам пропитания, одежде, приюту, в отсутствии вредных живот-

* — своеобразного, в своем роде, особого рода (лат.).— Ред.

ных, болезней, [в] долголетию, в полной и невыразимо привлекательной свободе половых наслаждений — при красоте, стройности форм телосложения, в отсутствии частной собственности, религиозного страха, беспечности и беззаботности о будущем... [...] . Да, господ, стоило только нарушиться одному из выше означенных условий вследствие космических причин, объясненных в нашем учении⁴, чтоб повлечь за собою состояние дикое, патриархальное, варварское, цивилизацию⁵; и все эти эпохи, обуславливающие известное состояние человечества, суть отрицания его естественных прав, для восстановления которых ему суждено дойти, обогатившись вековой опытностью, творческим образованием нового, более чудного мира, мира искусств, промышленности! Один закон, выражающий эти отрицания, идет чрез всю историю в различных видах, — это закон победителей и побежденных⁶, проявлявшийся на Востоке борьбою каст, в Греции — борьбою демотов с эвпатридами⁷, в Риме — плебеев с патрициями, в средние века — разнообразной борьбою освобожденной личности с авторитетом, борьбою расколов, партий, сословий новых, образовавшихся в то время, характеристическою, наконец, борьбою крестьян, промышленных коммюнов⁸ с вассалами и в наше время — борьбою пролетариев с капиталистами. Вникните в эту борьбу, господа, и вы признаете в ней неудовлетворенность страстей: страстей чувственных в сфере нужд и потребностей материальных; страстей душевных в сфере чувств, особенно в средние века, когда им был сообщен идеальный полет христианством, чувств разрозненных, парализованных; страстей нравственных в сфере владычества, влияния, какое они хотят иметь в обществе, по существенному характеру своему, и препятствия, какие они встречают в неотразимом влечении своем. Нейтрализовать, уничтожить этот закон может только наше учение. Да, наше учение есть то высшее начало, которое должно вытечь из антиномии победителей и побежденных, начало всемирного примирения, всеобщей свободы, счастья. Чтоб ближе, нагляднее представить себе это, припомним, в чем заключается существенный характер нашего века? Существенный характер нашего века заключается, говоря в самых общих чертах, в стремлении разума, отказавшегося решительно пребывать в чистой отвлеченности и нашедшего в своих отвлеченных сферах равновесие сил, проявиться на практике с той независимостью и свободой, какие свойственны всякой философии, не терпящей легального ярма, проявиться мощно, сильно, как некогда он проявлялся, влияя на людей в отдельности и на целое общество, в религиозной форме в классические времена христианства. Другое событие, характеризующее наш век, есть чрезвычайное развитие индустрии, — вот практика, вот золотая будущность, золотой век, как понимает его наша школа, придавая слову «индустрия» самое обширное значение, и стремление этой практики проникнуться в свою очередь началами разума, найти в своих материальных сферах то же равновесие, ту же ассоциацию сил. Из взаимного про-

никновения разума и индустрии и выйдет то новое вожаемое начало, на котором построятся будущая жизнь человечества; но то, что известно было в последнее время в Европе под именем социализма, как понимают его Луи Блан, Прудон, Леру, левая сторона во Франции в Национальном собрании, потом коммунизма, германского радикализма, аграрных вопросов в С. Штатах, то они далеко не произносят в своих решениях того последнего слова, которое во всемирной истории называется новое, высшее начало, и все они в крайнем своем развитии разрешатся гарантизмом⁹, эпоху, очень хорошо обозначенную в нашем учении как переходную чрез интервенцию государства в ассоциацию, в гармонизм¹⁰. Последнее слово произнесено в «Теории всемирного единства»¹¹, где человек, озаренный законом сериарным¹², не встречает уже более тех препятствий, какие он встречал в своем историческом развитии; напротив, он почерпает в этом законе все средства для восстановления натуральной связи индустрий у различных народов, связей страстных, которые в своем стройном полете, при всем возможном разнообразии, выражая собою местные условия, явят гармонию, единство. [...] Но лишь только я хотел говорить о принципе и законе нашего учения, как речь моя прерывается, пораженное чувство из светлого, ясного превратилось в тягостное, томительное; оно просится наружу, просит высказаться! Пусть набегит туча, пусть она прольется обильным дождем на почву накипевших во мне оскорбленных страстей, разреженный воздух станет прохладнее, будет груди легче дышать! Отечество мое, это оригинальное, своеобразное выражение страстей, начала всемирного, следовательно, чувство общечеловеческое, отечество мое в цепях, отечество мое в рабстве, религия, невежество — спутники деспотизма — затемнили, заглушили твои натуральные влечения; отечество мое, думал я про себя, прислушиваясь к толкам современных славян¹³, где твое общинное устройство, родное село, колыбель промышленной и гражданской жизни, где ты, народная вольница, великий государь Новгород¹⁴, и ты, раздольная широкая жизнь удельных времен? [...]

И вот уже столетия, как гений говорил¹⁵, взывая вообще ко всему человечеству и к своему отечеству, не понявшим и не оценившим его! Он говорил, правда, на языке народа, среди которого он родился и жил, но из этого не следует заключать, чтоб вся его система была не чем иным, как только выражением национальности и ее средств, как думают некоторые предубежденные люди, — суждение узкое, поверхностное! Нет, в его системе столько же национальности, сколько разнообразных форм, тонов одной и той же сущности в единстве, гармонии, ибо истина одна и нераздельна в своей замкнутости; он говорил во имя человечества, мира, жизни и ее глубоких, сокровенных интересов. Он говорил — и слова его не потеряны для мира! Во льдах севера понимают единство, связь, солидарность мировой жизни, всеобщую свободу, стройный прогресс, непрерывное счастье, и во льдах севера присоединяют к мерным материальным гармониям гармонию нравственную, — наш празд-

ник знаменует это! Тебе мой привет, гений, тебе мое бледное слово, но сказанное от души, вдохновенно! Я бы хотел с тобой слиться мыслью, чувством в сию минуту, если есть значение в сочувствии и сомыслии с отшедшим! Весь недостаток и все изумительное величие нашей системы, господа, есть новый мир, открытый нашим учителем¹⁶, совершенно противоположный действительному порядку вещей. Этот новый мир заключает в себе несметные, неведомые и мало кем тронутые богатства. Что будет, спрашиваю вас, если мы разработаем весь этот рудник? Но для этого понадобятся усилия, искусство, равносильные ценности богатств, в нем заключающихся, ибо, увлекшись, сосредоточившись в новооткрытом мире, что простительно, понятно в гении, наш учитель позабыл, пренебрег историческими преданиями, а если и касался их, то бегло и поверхностно. Нам, нашей школе, следует пополнить пробел в системе. Как открытие ни будь, господа, истинно, благотельно само в себе, но по косности, невежеству большинства, вытекающему из теперешней организации общества, оно не может быть принято скоро и повсеместно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживает до сих пор борьбу упорную, сильную. Но не нам бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, наш тесный, дружный союз на всех концах земного шара во имя ее начала и закона... Преображение близко!.. Но не в вере, не в молитве, как делают это христиане, день которых пришелся с нашим днем¹⁷, не в вере, не в молитве, этом модном, светском, семейственном, детском препровождении времени, а в науке чистой будем приобретать мы бодрость наших страстей на терпение, на дела!

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Речь найдена в бумагах М. В. Петрашевского; 30 апреля 1849 г. доставлена в Следственную комиссию председателем Комиссии по разбору бумаг арестованных князем А. Ф. Голицыным. На рукописи помета рукою члена Следственной комиссии П. П. Гагарина: «Говорена Ханьковым; в комиссии он в том сознался мая 4 дня» (ДП, т. 3, с. 15). В начале рукописи авторская дата — «1849 10 апреля»; она относится к предполагавшейся Ханьковым дате выступления (см. там же, с. 25). По свидетельству Ханькова, на обеде в честь Фурье он «первый произнес речь» (там же, с. 31). Впервые опубликована: сб. «Петрашевцы» под ред. П. Е. Щеголева. М.—Л., т. 2, 1927. Отрывки печатаются по: *Петрашевцы*, с. 507—511, 513—514.

² Термин Фурье. Согласно его учению, подробно изложенному впервые в книге «Теория четырех движений» (1808), мировое движение выступает в четырех формах — как материальное, органическое, животное (анимальное) и социальное (см.: Фурье, т. 1, с. 83—84, 106—107, 132—137). Иногда же Фурье говорил о пяти видах движения — материальном, органическом, инстинктивном, аромальном и социальном. Ясного определения «аромального» движения Фурье не дал; под «аромами» он понимал некое особое состояние материи (см.: Фурье, т. 2, с. 322, примечание).

³ См. наст. изд., с. 183, прим. 2.

⁴ По Фурье, общественная жизнь подчинена, в сущности, тем же законам, что и космос.

⁵ Согласно Фурье, за период детства человечества («эдемизма», «райской» первобытности) следуют такие эпохи его исторического развития: дикость, патриархат, варварство, цивилизация.

⁶ Данное положение свидетельствует о знакомстве Ханыкова с трудами французских историков периода реставрации (Ф. Гизо и др.), о влиянии на него их учения о борьбе классов в истории. Такое же точно положение развивалось также в анонимной «исторической рукописи», изъятой при обыске среди ссыльных солдат оренбургских линейных батальонов в 1851 г. На допросе по этому поводу Ханыков заявил, что о существовании этой «записи на четырех полулистах» он «вовсе не знал». Тем не менее совпадение ряда положений этой рукописи и речи А. Ханыкова в честь Фурье дает основание считать его ее автором (см.: *Философия* Н. Г. Чернышевского и современность, с. 116—120).

⁷ Демот, демос (греч. буквально — народ) — свободное население древнегреческих городов-государств, обладавшее гражданскими правами; простой народ, противостоящий землевладельческой знати, родовой аристократии — евпатридам (эвпатридам).

⁸ См. наст. изд., с. 90, прим. 4.

⁹ По учению Фурье, «гарантизм» — переходное состояние между «цивилизацией» (буржуазным обществом) и «социетарным строем», строем гармонии.

¹⁰ «Гармонизмом» Фурье называл грядущую эпоху человеческого счастья.

¹¹ «Теория всемирного единства» — труд Фурье, изданный посмертно в четырех томах в 1841—43 гг. и представляющий собою переработку его более ранней работы — «Трактата о домоводческо-земледельческой ассоциации» (1822). На следствии Ханыков показал, что он, братья Дебу, Ващенко, Спешнев, Есаулов, Европеус и Ахшарумов, распределив между собой труд перевода, наморевались перевести «Теорию всемирного единства» на русский язык к сентябрю 1849 г. (см.: *ДП*, т. 3, с. 37).

¹² По Фурье, в природе и обществе действует «сериарный принцип», «сериарный закон», устанавливающий равновесие между различными силами, видами движения; этот закон открывает путь к установлению равновесия между разнонаправленными человеческими страстями. Термином «серия» Фурье пользовался для обозначения первичной ячейки строя гармонии, «гармонизма».

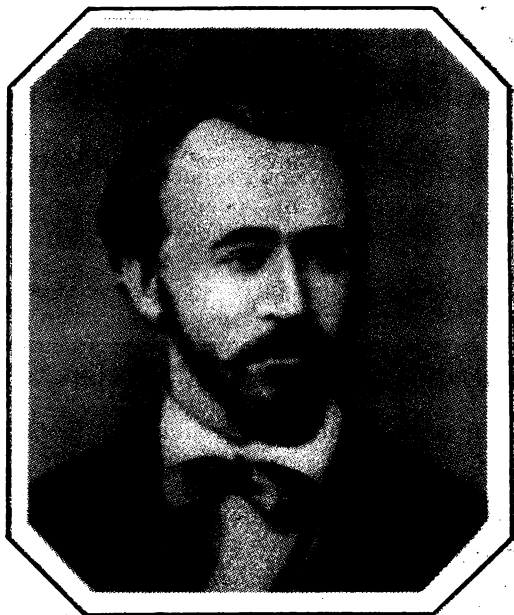
¹³ По-видимому, имеются в виду славянофилы.

¹⁴ Представление о древнем Новгороде как «народной вольнице», демократической республике было широко распространено в сознании русской дореволюционной интеллигенции.

¹⁵ Речь идет о Фурье. Впервые свои взгляды Фурье изложил в 1803 г. в статье «Всемирная гармония».

¹⁶ Тут, возможно, обыгрывается название одного из главных сочинений Фурье — «Новый хозяйственный и социетарный мир, или Изобретение способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти» (1829).

¹⁷ На 7 апреля 1849 г. пришелся «страстной четверг» — четверг «страстной недели», последней недели «великого поста», посвящаемой в богослужбной практике «воспоминаниям о страданиях» Христа-спасителя.

Дмитрий Дмитриевич
АХШАРУМОВ

*Друг друга жгут и режут люди!
Но время лучшее придет:
Война кровавая пройдет,
Земля произрастет плодами,
А бедный мученик-народ
Свободу жизни обретет
С ее высокими страстями [...]
И для людей другая жизнь начнется —
Гармонией живой исполнится она.*

Д. Д. АХШАРУМОВ

Все зависит от народа, без него мы не подвинемся, не уйдем вперед; нам надо короче узнать наш народ и сблизиться с ним.

Д. Д. АХШАРУМОВ

Сын военного историка генерал-майора Д. И. Ахшарумова, Дмитрий Ахшарумов родился в Петербурге 7(19) мая 1823 г. Окончив Первую петербургскую гимназию, поступил в 1842 г. на Восточное отделение Петербургского университета. В 1846 г. окончил его со степенью кандидата, получив назначение на службу в азиатский департамент министерства иностранных дел.

В университете Ахшарумов сблизился с И. М. Дебу; полученные от него «социальные книги» дали Ахшарумову «новый взгляд на жизнь» (Петрашевы, с. 682). Весною 1848 г., познакомившись

с учением Фурье (ранее Ахшарумов прочитал книгу французского коммуниста-утописта Э. Кабе «Путешествие в Икарию», но она не произвела на него большого впечатления), Ахшарумов становится страстным приверженцем идей социализма. «Отсюда... началось во мне социальное направление...» — позже свидетельствовал он (ДП, т. 3, с. 143).

С декабря 1848 г. Ахшарумов становится активным участником собраний у Петрашевского; он посещает также кружки братьев Дебу, Н. С. Кашкина. Характер воззрений Ахшарумова раскрывают его рукописи, фигурировавшие на следствии. В одной из них, относящейся к лету 1848 г., он пишет «о невозможности улучшения жизни человечества до сего принятыми средствами — религиею и ею предписываемыми правилами, проповедями священников, устройством суда и законов, и о крайней необходимости изменить все, переделать во всех основаниях общество — всю нашу глупую, бестолковую и пустую жизнь» (Петрашевы, с. 663). В этой же работе Ахшарумов говорит о необходимости уничтожения семейной жизни — «в таком виде, как она теперь», уничтожения «труда в таком виде, как он теперь, или взаимного пожирания», об уничтожении собственности, «государства, никуда не годного, с его министрами и царями и их вечной безрассудной, бесполезной политикой», а также об уничтожении «законов, войны, войска... городов и столиц, в которых люди тягостятся и не перестают страдать, и проводят жизнь в одних мученьях, и умирают в отвратительных болезнях» (Петрашевы, с. 663—664). Он мечтает «о перемене всей этой бестолковщины в новый порядок вещей», приводя при этом отрывок (по-французски) из стихотворения «Безумцы» Беранже:

Обновленная вся, брачный пир
Отпирует земля с небесами,
И та сила, что движет мирами,
Человечеству даст вечный мир *.

По представлениям Ахшарумова, силой, которая создаст новое общество, является труд человека — работника: «Человек — работник: от природы ему дан ум и страсти, даны руки с мускулами и тонкие пальцы (работ много — много ему надо — и работников с различными способностями много, потому необходимо распределение работ)» (Петрашевы, с. 664).

В записке (осень 1848 г.), захваченной жандармами при аресте И. Дебу, Ахшарумов писал, что лучшим средством социального преобразования является фаланстер Фурье, что главное препятствие к его «построению» в России — это самодержавие, «наше глупое, пустое, злое [...] правительство». «Надо изменить правление, но осторожно, чтоб не произошел слишком сильный беспорядок, который бы вовлек народ опять в старое... Надо конституцию, которая

* Перевод Вас. Курочкина (Петрашевы, с. 664). — Ред.

дала бы свободу книгопечатания, открытое судопроизводство, устроила б особое министерство для рассмотрения новых проектов о улучшении общественной жизни, и чтоб не было никаких стеснений, никаких вмешательств в дела частных людей, в каком бы числе они ни сходились «вместе» (Петрашевы, с. 674). Считая, что переворот «силою, обманом, против воли и желанья общей массы» не является прочным и грозит «возвращением прежнего порядка вещей», Ахшарумов склонялся к мирному пути социального преобразования — к «перевороту убеждением», причем «только в такой мере произвести его, сколько нужно для приведения в исполнение нового проекта, тем более, что освобождение народа угнетенного требует большой осторожности; терпевший долго народ и перенесший тысячи обид будет мстить» (Петрашевы, с. 674—675). Что касается лично его, то, как пишет Ахшарумов, он готов пожертвовать жизнью «за доброе дело, если буду знать наверное, что это доброе, достойное дело, что жизнь мою отдам не даром, то готов 1000 раз отдать ее,— об этом думал я часто и решительно могу сказать, что *готов...*» (Петрашевы, с. 684).

23 апреля 1849 г. Ахшарумов был арестован. Не выдержав тяжелых условий одиночного заключения, он обратился в середине мая к царю с просьбой о прощении, в чем впоследствии горько раскаивался. «Дерзость и преступность мнений» Ахшарумова, выраженных в его сочинениях, дали основание военному аудиториату вынести ему смертный приговор. 22 декабря 1849 г. Ахшарумов среди двадцати трех осужденных петрашевцев был выведен на эшафот. По высочайшей конфирмации смертный приговор был заменен Ахшарумову ссылкой на 4 года в арестантские роты с последующей службой рядовым на Кавказе.

Пробыв полтора года в арестантских ротах в Херсоне, Ахшарумов был переведен рядовым на Кавказ, в Малую Чечню; участвовал в походах. В 1855 г. произведен в прапорщики. В 1857 г. вышел в отставку. В 1862 г. окончил Петербургскую медико-хирургическую академию, в 1866 г. получил степень доктора медицины. Служивший до 1882 г. в различных медицинских учреждениях России, Ахшарумов опубликовал ряд ценных исследований по санитарии и социальной гигиене. С 1870 г. работал над воспоминаниями о кружке петрашевцев и расправе над ними, где красочно воспроизвел сцену произнесения приговора на Семеновском плацу. Умер Ахшарумов 7(20) января 1910 г. в Баку.

До конца своих дней Ахшарумов хранил верность идее освобождения человека от социальной кабалы и политического угнетения. Во время Московского вооруженного восстания в 1905 г. 82-летний старик рвался на баррикады (РБ, 1910, № 2, с. 128). Ожиданием радикальных преобразований в России пронизаны стихи, включенные Ахшарумовым в его письмо к В. И. Семевскому от 23 октября 1907 г.:

Министров глупых циркуляры
Летят в народ, как злые кары...

Но слышен гул, гул громовой,
И пахнет в воздухе грозой.
Стемнело все, зарницы блещут,
Все громче слышен грозный гул,
Под громом бури затрепещет,
Проснется всякий, кто заснул.

Цит. по: Поэты-петрашевцы.
Л., 1957, с. 132.

СОЧИНЕНИЯ

[Ахишарумов Д. Д. Сочинения 1846—49 гг. Показания] — ДП, т. 3.

Ахишарумов Д. Д. [Заметки], [Автобиографическая записка], [Заметка о суде] и др.— Петрашевцы.

Ахишарумов Д. Д. Из моих воспоминаний (1849—1851). Со вступит. статьей В. И. Семева. СПб., 1905.

Ахишарумов Д. Д. Из моих воспоминаний. Годы солдатской ссылки (1851—1857).— Современный мир, 1908, № 4, 5.

Ахишарумов Д. Д. Записки петрашевца. Предисловие В. Невского. М.— Л., 1930.

[Ахишарумов Д. Д. Стихотворения].— В кн.: Поэты-петрашевцы. Л., 1957. Вступит. статья В. В. Жданова; биографическая справка В. Л. Комаровича.

Ахишарумов Д. Д. Из моих воспоминаний.— В кн.: Первые русские социалисты. Л., 1984.

ТЕКСТЫ

[РЕЧЬ, НАПИСАННАЯ ДЛЯ ОБЕДА В ЧЕСТЬ Ш. ФУРЬЕ] ¹

[...] Разум представляет нелепым, бессмысленным, чтоб природа создала нас для страдания, а сердце каждого из нас, не умолкая, говорит о счастье. Но не о том счастье, которым пользуются теперь немногие, — это счастье незначительно, непрочное, пусто, однообразно, утомительно; и нередко такие счастливицы во дворцах своих томятся скукою, болезнью и кончают, наконец, жизнь самоубийством. Но о счастье другой жизни — не той, о которой говорят нам грязные попы, которая осрамила бы провиденье и законы вселенной, — но о жизни другой, другого общества, в наслаждении и роскоши на нашей высокой, прекрасной земле.

Выгоды наши все разделены. Мы живем одни на счет других; мое возвышение, против моего желанья, независимо от меня, есть унижение другого! Мы все несчастны; и можно ли быть счастливым в этом обществе, в котором мы живем? Оно обезобразило, исковеркало наши страсти, оно измучило нас и сделало нас нуждающимися, больными! И так как порядок установленный противоречит главному, основному назначенью человеческой жизни, как и всякой другой жизни, то он непременно рано или поздно прекратится и вместо него будет новый — новый, новый и новый. Когда? Вот это важный вопрос, и мы можем только отвечать, что скоро. Уже тот факт, что мы сознаем недостатки, ошибки в устройстве нашей жизни и уже представляется нам в общих чертах новая жизнь, — этот самый факт доказывает, что началось время его разрушения. И рухнет и развалится все это дряхлое, громадное, вековое здание, и многих задавит оно при разрушении и из нас, но жизнь оживет, и люди будут жить богато, раздольно и весело! [...]

Итак, люди всегда стремились к переменам, потому что им жить было худо. В этом только смысле, можно сказать, с самых давних времен началась наука общественная, потому что человек с самого рождения носил в себе страсти, которые просились к выполнению, — эта потребность была признана им, но не была понятна ясно, как теперь. Даже и теперь в этом отношении погружена в невежество едва ли не вся Европа, а про другие земли и говорить нечего: там постыдные религиозные предрассудки, рабство женщины и ничтожные знания законов природы удерживают развитие; оковали цепями живую, свободную душу человека и стройные силы ее.

Отчего человек терпит несчастья, причины непосредственные, окружающие нас ежеминутно, которые превращают жизнь нашу в вечные жалобы и печали, объяснены, раскрыты достоверно учением, которое созревало, росло и, наконец, высказано было и объяснено Фурье и стало понятно каждому из нас. Человечество шло постоянно вперед, и новейшие открытия и истины социальные — это материалы одной и той же науки огромной, в которую сливаются все, для которой все другие науки средства, — науки счастья. ²

Всегда, во всякое время, везде человек боялся страдания и искал счастья, и что ж, нашел ли он его до сих пор и избежал ли он страдания?!

Нечего говорить о той стране, которую можно назвать работницей на весь мир ³ и указать примером нищеты и роскоши; стоит взглянуть на каждодневную жизнь нашу и полюбоваться всем, что видим кругом себя. Мы живем в столице безобразной, громадной, в чудовищном скопище людей, томящихся в однообразных работах, испачканных грязным трудом, пораженных болезнями, развратом; скопище разрозненное все семействами, которые вредят друг другу, теряют время и силу и обедняются в бесполезных трудах. И там за столицей ползут города: единственная цель, высочайшее счастье для них, апогея их величия недостижимого — сделаться многолюдным, развратным, больным, чудовищным, как столица! А еще ниже десятки миллионов работников целый день летом, на солнце и дожде, сглаживают, возятся с землей, да еще не с своей, чтоб она дала скудные плоды... Но не для этого человек так долго трудился, и не здесь венец трудов его — он ждет его, он заслужил его и возьмет его скоро и покроет им свою измученную главу и предстанет царем земли. И в это самое время, как все еще в темноте, сомненьи, гремят предрассудки и человек размножается сам на свою гибель; со дня рожденья до смерти в нищете, грязи проводит жизнь; мученья обезображивают его лицо; когда женщина, даже с красотою, в отчаянии идет в публичный дом и продает себя; или, закрыв черною одеждою грудь и плечи, свои волосы, весь стан свой, погребает себя в монастырь, — в эти дни, в этом самом обществе, мы собрались сегодня не для жалоб и не для этих несчастных повествований, но, напротив, полны надеждой, торжеством, весельем, накрыли стол и, переносясь в будущее время, скоро ожидаемое всеми, мы даем обед залогом лучших дней и празднуем грядущее искупление всего человечества — сегодня, именно сегодня, в день рожденья Фурье — празднуем день его рожденья, чтим его память; его, потому что он указал нам путь, по которому идти, открыл источник богатства, счастья.

После этой мысли другая представляется мне важнее всех. Сегодня первый обед фурьеристов в России, и все они здесь: 10 человек, немногим более ⁴. Все начинается с малого и растет до великого. Нас мало, очень мало в этой стране! Тем более мы должны понять и оценить себя, без скромности сознать важность себя! [...] Нас окружают сотни миллионов людей, которые оглушены бреднями

и не знают о том, что ожидает их новая жизнь и что они должны подготовиться к принятию ее. Наше дело — высказать им всю ложь, жалость этого положения и обрадовать их и возвестить им новую жизнь. Да, мы, мы все должны это сделать и должны помнить, за какое великое дело беремся: законы природы, растоптанные учением невежества, восстановить, реставрировать образ божий чело- века во всем его величии и красоте, для которой он жил столько времени. Освободить и организовать высокие стройные страсти, стесненные, подавленные. Разрушить столицы, города, и все мате- риалы их употребить для других зданий, и всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселая, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах — вот цель наша, вели- кая цель, больше которой не было на земле другой цели.

Сознав это, ясно, что все разногласия маленькие во мнениях, ко- торые иногда посещали нас, должны исчезнуть перед нею и все действия превратиться в единство. Мы здесь, в нашей стране начнем преобразование, а кончит его вся земля. [...]

П Р И М Е Ч А Н И Я

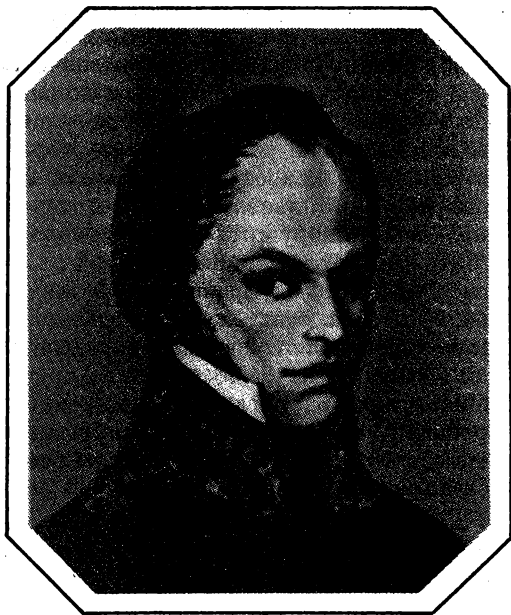
¹ Написано ночью 30 марта 1849 г., о чем говорит авторская дата в конце текста (см.: *Петрашевы*, с. 691) и показания Ахшарумова на следствии (*ДП*, т. 3, с. 120). В архивном деле имеется набросок программы и черновик речи (см.: *ДП*, т. 3, с. 109). «Обед был 7-го апреля в четверг на святой неделе, — свидетельствовал Ахшарумов. — В^б большой зале на квартире Европеуса накрыт был стол, на стене был портрет Фурье. [...] После последнего кушанья в память Фурье был поднят тост. [...] Потом Ханыков сказал речь, выученную наизусть, так скоро, что едва 10-ое слово можно было расслушать. Потом Петрашевский. После я хотел молчать, но некоторые знали об моей речи и объявили это — тогда я должен был сказать ее» (*ДП*, т. 3, с. 120). «Моей речи никто не ожидал (кроме Дебу 2-го), и она была сказана мною на про- щанье с моими товарищами — им всем известно было, что я уезжаю через 2 недели в Константинополь» (*ДП*, т. 3, с. 133; см. также с. 132, 134). Речь впервые опублико- вана в сб. «Петрашевы» под ред. П. Е. Щеголева. М. — Л., т. 2, 1927. Отрывки печата- ются по: *Петрашевы*, с. 686—687, 688—691.

² Ср. в «Автобиографической записке»: «Я думаю, что человечество стало лучше прежнего, выше прежнего и идет постоянно вперед; что нравственность, проповедуемая религиями, имея доброе начало и благую цель, слишком неопреде- ленна, так что самый благонамеренный человек, готовый на все, несмотря на все свое желанье, ничего не сможет сделать полезного, если будет руководим только одними темными внушениями совести; что равным образом ни к чему не ведут богадельни, приюты, школы... Человеку недостает знания, — вот отчего мы все страдаем и томим- ся постоянно.

Желанье, потребность выйти из этого состояния произвело науку; страсти, чув- ствующая себя невыполненными в жизни, создали с помощью ее инструменты и вырази- лись в бесконечных звуках и образах. Наука проясняет наше положение, дает нам понятие о природе, о взаимных отношениях нас всех, о страданиях, о причинах страданий, о кончине их и возможности счастья с удалением этих причин и представ- ляет бессмысленным, чтоб мы не перестали страдать, цель ее — осчастливить нас, тогда кончится вся наука, исполнив свое назначение» (*Петрашевы*, с. 671—672).

³ Речь идет, очевидно, об Англии.

⁴ На обеде присутствовало 11 человек (см.: *ДП*, т. 3, с. 120; см. также наст. изд., с. 184, прим. 13).

Михаил Александрович ФОНВИЗИН

Социалистские и коммунистские учения не останутся без последствий и принесут вождельный плод.

М. А. ФОНВИЗИН

Можно находить разные социальные теории утопическими, несбыточными, но основная идея социализма есть истина и грядущее этой идее принадлежит.

М. А. ФОНВИЗИН

Племянник русского писателя Дениса Ивановича Фонвизина, Михаил Александрович Фонвизин родился 20(31) августа 1788 г. в деревне Марьино Бронницкого уезда Московской губернии (ныне Раменский район Московской области). Воспитывался он сначала дома, потом учился в немецком училище св. Петра в Петербурге и пансионе при Московском университете. Числился на службе с мая 1801 г., реально вступил в военную службу в Измайловский полк в декабре 1803 г. Через год получил первый офицерский чин — прапорщика. Выступив с полком в поход в августе 1805 г., принял боевое крещение в сражении под Аустерлицем (1805). Участвовал затем в русско-шведской войне 1808—09 гг., в Отечественной войне 1812 г. — в качестве адъютанта генерала А. П. Ермолова и заграничных походах русской армии 1813—14 гг. В Россию возвратился в чине полковника, командиром 37-го егерского полка. В 1820 г. произведен в генерал-майоры.

Осенью 1816 г. М. А. Фонвизин вступил в первую организацию декабристов — «Союз спасения». С 1818 г. он — один из руководителей Московской управы декабристского «Союза благоденствия». Фонвизин был активным участником подготовки программы и устава Северного общества декабристов. После разгрома выступления декабристов на Сенатской площади М. А. Фонвизин был арестован (9 января 1826 г.) в своей подмосковной деревне Крюково и отправлен в Петербург, где заключен в Петропавловскую крепость. По приговору Верховного уголовного суда был осужден на 12 лет каторги и последующее поселение в Сибири. С февраля 1827 г. Фонвизин — в Читинском остроге. В августе 1830 г. вместе с другими декабристами-каторжниками переведен в Петровский завод. Вследствие сокращения срока каторги Фонвизин вышел в 1834 г. на поселение — жил, с прибывшей к нему еще в 1828 г. женой, в Енисейске (1834—36), Красноярске (1836—38) и Тобольске (1838—53).

В Сибири Фонвизин написал ряд исторических, социально-политических и философских сочинений, чрезвычайно показательных для характеристики эволюции мировоззрения декабристов в условиях 30—50-х годов. Важнейшее место среди этих сочинений занимает записка «О коммунизме и социализме», над которой он работал в 1849—51 гг. Это произведение, несомненно, отразило громадное впечатление, которое произвели на Фонвизина события революции 1848—49 гг. во Франции и ряде других государств Западной Европы. 23 мая 1848 г. Фонвизин писал И. Д. Якушкину: «Что ты скажешь о чудесных событиях, совершившихся на Западе? Слышно (и это верно), что от них нервы российского самодержца до того раздражены, что он невольно обливается слезами, читая газеты или говоря о политических новостях. [...] Теперь Россия ограждена, как Китай, непроницаемой стеной» (Фонвизин, т. 1, с. 310—311). Размышляя о контрреволюционных событиях, Фонвизин пишет в марте 1849 г.: «Западная Европа вступила теперь в период реакции — нельзя, однако, полагать, чтобы реакция имела целию восстановление монархического принципа; она скорее происходит от опасений среднего класса, то есть вообще владельцев, за свои имущества, которым угрожают пролетарии, эта бедственная язва всех европейских государств. Бог знает, чем все это кончится, но положение Франции так натянуто, так неестественно, что, кажется мне, социальный переворот неминуем. Дай бог, чтобы он совершился без пролития крови» (Фонвизин, т. 1, с. 314). В этой связи, опираясь на сравнительно немногочисленные известные ему источники (прежде всего статьи о социальном движении и социальных учениях на Западе, помещенные в лейпцигском обозрении «Die Gegenwart» * (1848—52), Фонвизин предпринимает анализ идей современных ему социалистов-утопистов, выясняет их практическую роль, связь с социальными утопиями прошлого, в частности

* «Современность» (нем.). — Ред.

с идеями первоначального христианства. Рассуждения Фонвизина в статье «О коммунизме и социализме» отмечены сильной печатью религиозности, и его собственный положительный идеал может быть определен как разновидность христианского социализма. Однако высказанная в этой работе мысль о возможной роли сельской общины в грядущем социальном преобразовании России роднит позицию Фонвизина с позицией Герцена в период создания им концепции «русского социализма».

В 1853 г. Михаил Александрович возвратился из Сибири: 27 лет тюрьмы, каторги и ссылки не сломили вольнолюбивых убеждений декабриста. Поселился Фонвизин в родном Марьино (где за ним был установлен надзор полиции). Здесь он и скончался 30 апреля (12 мая) 1854 г., здесь и похоронен.

СОЧИНЕНИЯ

Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979—1982, т. 1—2 (в т. 1 статья: С. В. Житомирская, С. В. МIRONENKO. Декабрист Михаил Фонвизин; в т. 2: они же. От Союза благоденствия к «русскому социализму» (Идейный путь декабриста М. А. Фонвизина).

ЛИТЕРАТУРА

Замалеев А. Ф. М. А. Фонвизин. М., 1976.

МIRONENKO С. В. Записка М. А. Фонвизина «О коммунизме и социализме». — В сб.: Памятники культуры. Новые открытия. 1976. М., 1977.

ТЕКСТЫ

О КОММУНИЗМЕ И СОЦИАЛИЗМЕ ¹

[...] Коммунизм и социализм приобрели в последнее время много приверженцев во Франции, Германии и других странах Западной Европы. [...]

Мне кажется, что в коммунизме и социализме ² нет ничего нового, кроме разве их названия и способа изложения: эти умозрения так же древни, как древен на земле антагонизм между бедными и богатыми, между довольством и нищетою. Должно, однако, согласиться, что в этих учениях не все ложь. Нельзя не признать основательными упреки их, что везде общество находится не в нормальном состоянии, что интересы страждущего большинства во всех землях принесены в жертву благосостоянию меньшего числа граждан, которые, несмотря на безразличие и равенство всех перед законом, по положению своему в обществе, богатству, образованности, если не по праву, то существенно составляют высшее сословие, участвующее в правительстве и имеющее решительное влияние на законодательную, исполнительную и судебную власти. Это меньшинство, естественно, стремится удерживать и охранять существующий порядок и препятствовать всякого рода нововведениям и преобразованиям (в пользу страждущего большинства), если эти изменения могут угрожать выгодам и влиянию высшего класса. В этом отношении коммунисты и социалисты правы, но способы, которыми они думают исправить общество и восстановить его в состояние нормальное, часто ошибочны. Это несбыточные мечты-утопии, которые не устоят перед судом здравой критики. Предлагаемые между прочим некоторыми нововводителями такого рода меры, как уничтожение права наследственной собственности, упразднение брачных союзов и, следовательно, семейства, как учреждений, по их мнению, эгоистических, несогласных с идеями совершенного равенства и братолюбия, противны человеческой природе и закону божьему, установившему и брак, и семейство.

Самые попытки осуществить подобные мечты угрожают обществу разрушением, возвращением его в состояние дикости и окончательно самовластною диктатурою одного лица, как необходимым последствием анархии. [...]

Но одна ли Франция страдает от пролетариата, этой общей язвы всей Западной Европы — язвы, от которой частью произошли

все революционные движения последних двух годов в Германии, Пруссии, Австрии? Хотя пожар кажется на время потушенным, но огонь таится под пеплом и может легко от какого-нибудь непредвиденного обстоятельства возгореться с новою силою. В одной России нет пролетариата, этого необходимого следствия феодализма, владычествовавшего в Европе. [...]

[...] Повсюду приложение коммунистских теорий невозможно. Более благоразумные последователи нового учения видят в нем отдаленную цель, к которой должно стремиться человечество для достижения высшего развития благоденствия.

Россия также была завоевана монголами, но как эти завоеватели, предпочитая кочевую жизнь, никогда не захотели сделаться оседлыми в завоеванной ими стране и опустошали ее частными набегами для собирания дани, то в нашем отечестве и не было феодализма, и сельские жители, составлявшие большую часть народонаселения, сохранили свой древний волостной и общинный быт. Хотя впоследствии времени, освободившись от монгольского ига, Россия подверглась другому злу: утверждению крепостного состояния земледельцев, и это случилось именно в то время, когда Западная Европа сбросила с себя феодальные оковы — но пролетариев в России не было и теперь почти нет *.

Станный, однако, факт, может быть, многими и не замеченный, — в России, государстве самодержавном ⁴ и в котором в большом размере существует рабство, находится и главный элемент социалистских и коммунистских теорий (по пословице: *lex extrême toucheht* **) — это право общего владения землями четырех пятых всего населения России, т. е. всего земледельческого класса: факт чрезвычайно важный для прочности будущего благосостояния нашего отечества. При огромном количестве порожних земель с усовершенствованием волостных учреждений и уничтожением крепостного состояния земледельцев, которое рано или поздно, а необходимо должно совершиться, если при том освобожденные не останутся без земли ⁵, Россия может быть на многие века предохранена от пагубного пролетариата. Этим она будет обязана обществу владению землями своего земледельческого населения, если не по формальному праву, то по обычаю, который почти имеет властность закона — обычаю древнему, коренному и который так силен, что сами крепостные, признавая себя собственностью господ, считают землю, которую возделывают, своею собственностью и в этом вполне уверены. [...]

Если философская мысль Гегеля, что всякий исторический

* В немецком журнале «Die Gegenwart» читал я, что с недавнего времени в городах Остзейских губерний показываются пролетарии. В царствование императора Александра в этих губерниях уничтожено крепостное состояние земледельцев, которые, сделавшись лично свободными и оставаясь без земли, уходят в города, где и остаются бездомками и снискивают пропитание работами. Это зло, по словам журналиста, угрожает дальнейшим распространением ³.

** — крайности сходятся (*франц.*). — *Ред.*

народ есть представитель мировой идеи и в свою эпоху должен развить ее для блага отечества⁶, а исполнив это, сойти с позорища мира, если, повторю, эта мысль не пустая фикция⁷, то и русский народ призван быть когда-нибудь в этом смысле народом историческим и призван из своих родных стихий развить новую мировую идею. Хотя в нашей России и много привилось инородного, иноплеменного, однако основные ее элементы чисто славянские. [...]

Может быть, так называемый панславизм, о котором с таким пренебрежением отзываются немцы и французы, не есть порождение фантазии и не пустая мечта, как многие из них утверждают. Европейцы предчувствуют постоянно возрастающее исполинское могущество нашего отечества, страшатся его, и оттого их неприязнь к нему. Дальновидные из них знают прочность и долговечность России. [...]

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Сохранились две редакции статьи. Ранняя, существующая в двух списках, один из которых авторизован, относится ко второй половине 1849 г. В конце этого года один из списков статьи был отправлен М. А. Фонвизинным в Москву, брату И. А. Фонвизину. Вторая, более поздняя редакция, относится скорее всего к 1851 г. Она представлена несколькими писарскими списками. По сравнению с первой вторая редакция более пространна. При ее создании Фонвизин использовал осуществленный Е. П. Оболенским перевод статьи «Социализм и коммунизм во Франции» из обозрения «Die Gegenwart», 1848, т. 1. Вторая редакция статьи была впервые опубликована (с опущением двух цитат) в сб.: Памятники культуры. Новые открытия. 1976. М., 1977. Отрывки печатаются по: Фонвизин, т. 2, с. 279, 281—282, 288, 290—292, 293. Тексту статьи предшествует эпиграф на французском языке: «Если вы хотите бороться с социализмом, устраните его причину. Виктор Гюго» (Фонвизин, т. 2, с. 277).

² В первой редакции статьи: «в системах социализма и коммунизма, которые почти тождественны» (Фонвизин, т. 2, с. 281).

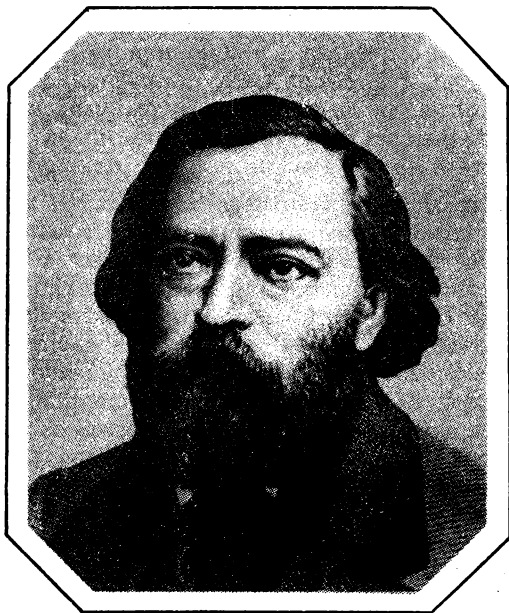
³ Сведения о пролетаризации крестьян в прибалтийских губерниях России Фонвизин почерпнул из статьи «Немецкие прибалтийские провинции России», напечатанной в обозрении «Die Gegenwart», 1848, т. 1 (Фонвизин, т. 2, с. 392, примечание).

⁴ В первой редакции: «деспотическом».

⁵ Здесь опущено примечание Фонвизина.

⁶ В первой редакции: «человечества».

⁷ Имеется в виду известное положение Гегеля об «исторических народах», особенно подробно развитое в его «Лекциях по философии истории» (1840).

Николай Платонович **ОГАРЕВ**

У меня еще живо сохранилось в памяти впечатление, которое производило на наше юношество тридцатых годов школа сенсимонистов... Идея новой религии, которая когда-то нас увлекала, стала нам чуждою, но направление положительного социализма выдвинулось вперед и не может остаться без дальнейшей разработки и последствий.

Н. П. ОГАРЕВ

В сущности формы социализма могут быть разнообразны, а уже, конечно, не приведенные под один почти что казенный уровень, но... главная их точка отправления — это общинное... владение.

Н. П. ОГАРЕВ

Николай Огарев родился 24 ноября (6 декабря) 1813 г. в Петербурге, в семье богатого русского барина, действительного статского советника П. Б. Огарева. С 1830 г. он студент Московского университета. Вместе с Герценом и другими университетскими друзьями он заинтересованно следит за революционными событиями во Франции 1830 г., переживает крах идей буржуазного либерализма, увлекается социально-утопическими воззрениями Сен-Симона и его школы. Летом 1834 г. Огарев был арестован. По решению Николая I за непозволительный образ мыслей Огарев был выслан в апреле 1835 г. в Пензенскую губернию.

Летом 1839 г. Огарев получил разрешение жить в Москве. В 1841—46 гг. (за исключением периода январь — июль 1842 г.)

он находился за границей; слушал лекции по философии, изучал естественные науки в Берлине, посещал медицинскую школу в Париже. С конца 1846 г. жил в своем имении в Пензенской губернии. В феврале 1850 г. вновь арестован, но вскоре освобожден.

В 1856 г. Огарев эмигрировал, жил в Лондоне, вместе с Герценом издавал «Колокол» (1857—67), выступая на его страницах за уничтожение крепостного права в России и предоставление крестьянам земли при сохранении общинного землевладения, а также с требованием других демократических преобразований. После обнародования крестьянской реформы 1861 г. приходит к выводу: «Народ царем обманут», что означало фактически установку на крестьянское восстание. В статьях-прокламациях «Что нужно народу?» (первоначально — К, 1 июля 1861 г.), «Что надо делать войску?» (первоначально — К, 8 ноября 1861 г.) и др. развивал идею народной, военно-крестьянской революции как организованного, руководимого действия, как «восстания, идущего строем». Участвовал в создании тайного общества «Земля и воля» 60-х годов. В годы польского восстания 1863—64 гг. активно его поддерживал. С 1865 г. жил в Женеве; в 1869—70 гг. участвовал в прокламационной кампании М. Бакунина и С. Нечаева. В 1873 г. вновь переехал в Англию. В последние годы жизни сблизился с П. Лавровым. Умер Огарев в Гринвиче, близ Лондона 31 мая (12 июня) 1877 г. В 1966 г. его прах был перевезен в Москву на Новодевичье кладбище.

Как и Герцен, Огарев обратился к идеям социализма в начале 30-х годов под влиянием революционных событий в Европе и известий о судебном преследовании анфантеновской общины сенсимонистов в Париже (1832). Огарев истолковывает социализм как «новое христианство», акцентируя его нравственный аспект, проблемы свободы личности, героического подвижничества. Порывая с религией, Огарев приходит в начале 40-х годов к выводу о том, что идеал социализма есть выражение «разумной воли человечества» и все должны работать над его воплощением в жизнь. Со стремлением к практическому осуществлению социализма связаны обращение Огаревым к ближайшим друзьям (но не поддержанное ими) предложение образовать своего рода социалистическую колонию, поселиться в народе, работая на его благо, а также осуществленный им социальный эксперимент по организации фермерского хозяйства (с созданием народной школы для крестьянских детей) в его имении Старое Акшено; эта попытка встретила сопротивление не только соседней-помещиков, но и самих крестьян.

В 50—60-е годы Огарев развивает — вслед за Герценом, но с большей степенью конкретизации — идеи крестьянского, «русского» социализма. Отрицательно оценивая творческие возможности буржуазной цивилизации, считая ее «промахом» в развитии человечества, критикуя абстрактность западноевропейских социалистов-утопистов, Огарев стремится подвести под идеал подлинно свободного общества, где результат труда принадлежит самим труженикам,

фактическое экономическое основание. Исходя из этого он и ратует за создание в России на основе общинного строя народного государства — федеративной республики самоуправляющихся общин, группирующихся в волостях и уездах.

В конце 60-х годов Огарев разошелся по ряду вопросов с Герценом, что наглядно проявилось в его ответах на статью Герцена «Между старичками» (ранняя редакция писем «К старому товарищу») и на брошюру-прокламацию Бакунина «Постановка революционного вопроса» (см.: *Огарев*, т. 2, с. 208—224). Видя главную силу, импульс общественного прогресса в революции, Огарев трактует ее как выражение предела народного терпения, когда трудящиеся поднимаются на борьбу с существующими устоями. С этим связана недооценка Огаревым необходимых предпосылок революции и понимание социализма как строя, обусловленного не определенным уровнем социально-экономического развития, а наличием в общественной, экономической структуре «общинных элементов». Отсюда — нежелание формулировать принципы «социализма теоретического, социализма всеобъемлющего», обвинение западноевропейских социалистов в беспочвенности, в отсутствии связи с народной жизнью, настаивание на способности и готовности российского крестьянства к осуществлению социализма.

СОЧИНЕНИЯ

За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть вторая Н. Огарева. Лондон, 1861.

[*Огарев Н. П.* Произведения, напечатанные в «Колоколе»]. — в: Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857—1867. Лондон, Женева. Факсимильное издание, вып. 1—10; вып. 11 (Указатели). М., 1962—64.

Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1937—38, т. 1—2.

Огарев Н. П. Сочинения. Письма. ЛН. М., 1941—56, т. 39—40, 41—42, 61—63 (имеется библиография произведений и писем Огарева и литературы о нем).

Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952—56, т. 1—2.

Огарев Н. П. Избранные произведения. М., 1956, т. 1—2.

Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1961.

ЛИТЕРАТУРА

Гершензон М. О. Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. М.— Л., 1930.

Яковлев М. В. Мировоззрение Н. П. Огарева. М., 1957.

Минаева Н. В. Ранний утопический социализм Н. П. Огарева. — Уч. зап. Моск. пед. ин-та, 1962, № 187.

Путинцев В. А. Н. П. Огарев. Жизнь, мировоззрение, творчество. М., 1963.

Рудницкая Е. Л. Социалистические идеалы Н. П. Огарева. — В сб.: История социалистических учений. М., 1964.

Линков Я. И. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х гг. М., 1964.

Рудницкая Е. Л. Н. П. Огарев в русском революционном движении. М., 1969.

Тараканов Н. Г. Н. П. Огарев. Эволюция философских взглядов. М., 1974.

Конкин С. С. Николай Огарев. Жизнь, идейно-теоретические искания, борьба. Саранск, 1975.

Либединская Л. С того берега. Повесть о Николае Огареве. М., 1980 (ПР).

ТЕКСТЫ

РУССКИЕ ВОПРОСЫ¹

[...] Действительная свобода предполагает рациональное вознаграждение труда. Рационального вознаграждения труда может требовать только человек, не рискующий умереть с голода, человек, который уверен, что имеет *minimum* для пропитания себя и семейства. Этого-то свободного человека мы и найдем в русском крестьянине, которому община выделяет необходимый для пропитания клочок земли. Не надо нам мнимой свободы европейского нищего. Дайте крестьянам ту землю, которой они теперь пользуются!² [...]

Но, скажут нам, идеал общинности, к которому стремится Европа, совсем не то, что общинное землевладение у наших крестьян, которое только форма землевладения, бывшая вообще у народов в младенческом возрасте их развития. Положимте, что так. Но гораздо же легче идеал общинности развить из формы общинного землевладения, чем из форм собственности совершенно противоположных. На основании противоположных форм землевладения стремление к общинности может идти только посредством насильственных кризисов, потому что надо ломать существующее, между тем как при общинности землевладения надо только оставить это начало свободно, беспрепятственно и естественно развиваться без всяких общественных потрясений. Мы только можем притти к одному заключению, что в России нельзя стереть форму общинного землевладения. Народ не уступит ее никакой силе; как ни бессознателен обычай, но он укоренился, и весьма счастливо, если он совпадает с разумностью. [...]

Говорят, что общинное устройство подавляет свободу лица. Но у нас, при общинном устройстве, личность не определила своего права независимости, община не определила границы своей власти над лицом, потому что им некогда договориться до этого. Личность подавлена помимо общины помещиком, администрацией, бессудием; она не заявляет своих прав перед общиной, потому что это массивное, общинное устройство насколько-нибудь спасает ее от высших насилий. Дайте общине свободно развиваться, она договорится до определения отношений лица к общине; она даст право лицу (как и теперь уже существует, хотя недовольно определенно) свободно избирать место жительства, не отстраняясь от общины, или вовсе удаляться от этой общины и причисляться к другой с ее согласия, или сделаться совершенно отдельным собственником, словом, общи-

на даст право независимости лицу; но удержит свое право, когда лицо принадлежит к ней, требовать от него подчинения общинности землевладения, участия в общественных повинностях, подчинения общинному приговору. [...]

Сосредоточенная земельная собственность хотя и развила самостоятельность лица, без которой нет ни человеческого достоинства, ни разумной общности, но не привела общества к счастливым результатам. Дробная собственность не привела к счастливым результатам и даже заставила съежиться самостоятельность лица. Отдельная крупная земельная собственность, т. е. та же дробная собственность, не дошедшая до мелкости деления (как в Америке), развила *ad absurdum* * личный произвол и не привела к счастливым результатам.

Поневоле нам остается на выбор общинная земельная собственность, которой развития мы еще нигде не могли наблюдать, но за развитие которой мы должны приняться уже и потому, что находим ее у себя как факт.

Отсутствие самостоятельности лица логически нисколько не истекает из общинного землевладения; оно происходит у нас от помещичьего права и административного насилия, т. е. от всего того, что мешает общинному началу развиваться. Община поглощает лица, пока им некогда договориться о своих взаимных правах и обязанностях. Вдобавок, у нас, помимо общинного землевладения, остается и частное землевладение (у помещиков, у всех, кто лично владеет землею). В дальнейшем ходе истории эти две точки зрения на земельную собственность, сосуществуя рядом, скорее могут уяснить здравые понятия народного благоустройства, чем одна точка зрения, развитая *ad absurdum* *, как частное землевладение в Европе.

Отсутствие правосудия не только не истекает из общинного начала, но помещичье право и административное насилие мешают всякому проявлению правосудия, к которому способно общинное начало.

Дурное состояние земледелия и промышленности происходит не от общинного начала, а от помещичьего права и административного насилия, при недостаточности путей для сбыта произведений и присутствии постановлений, стеснительных для торговли.

Замкнутость научного образования в таком маленьком меньшинстве, что оно ничтожно и перед тем меньшинством, которому наука доступна в Европе, происходит не из общинного начала, а от помещичьего права и административной самоуверенности. У нас, в сущности, ни для помещика, ни для чиновника не существует побудительной причины учиться; и тот и другой может добиться своих корыстных целей не учась. Учатся у нас только *благородные исключения*, как называет их De Bow³. Сохранив крепостное право и чиновничество, мы не распространим образования даже

* — до нелепости, до абсурда (лат.).— Ред.

и высших классах и, конечно, не привьем образования к низшим классам обычным путем насилия и обучения мужиков грамоте, которую не вносим никакого содержания, в их жизни прилагаемого, полезного или, по крайней мере, интересного.

Потом мы не должны забывать, что в Европе и Америке науки и образованность существуют по традиции, а мы дали им к себе доступ недавно, да и то, давши доступ, в виде противуядия поставили помещичье право и административное насилие.

Также мы не должны выпускать из виду, что при свободном развитии общинное землевладение может достичь больших результатов земледельческой промышленности, потому что в его внутреннем смысле лежат две системы обработки: система сосредоточенной собственности, потому что община есть большой землевладелец, и система дробной собственности, потому что каждый крестьянин есть дробный собственник (заметьте — не наемщик), и обе системы сливаются в одну свободную общину. Будущность общинного землевладения может сделаться плодоносною. Не уничтожать следует нам начало общинной собственности, а дать ему развиваться. Лучше устроить так, чтобы не было ни единого человека в России, который бы не имел своего земельного участка в общине, чем искать для России других форм землевладения, в глазах наших осуждаемых историко-экономическим опытом. Если мы видим в Европе, что земледелие в несравненно более цветущем состоянии, чем у нас, а низшие классы бедствуют вследствие распределения землевладения, то мы не должны забывать, что земледелие существует для человека, а не человек для земледелия и что нам нечего прибегать к формам землевладения, истощившим Европу, только для того, чтоб улучшить наше земледелие. Нам не приходится поставить как догмат: уничтожимте общинное начало, чтоб улучшить земледелие; нам надо поставить вопрос: каким образом при общинном начале улучшить земледелие? С этим вопросом мы действительно пойдем по пути развития нашей цивилизации.

Не станемте же гнать общинного начала, но примемте его за факт и дадимте ему все способы к своеобразному гармоническому развитию.

Прежде всего снимемте препятствия к этому развитию, т. е. помещичье право и чиновничество, потом станемте пещись о распространении образования не на основаниях насилия. [...]

ПИСЬМО К АВТОРУ «ВОЗРАЖЕНИЯ НА СТАТЬЮ «КОЛОКОЛА»,

помещенного в 18-м листе ⁴

[...] Что такое община? Коллективный собственник известного пространства земли, которую он дает в пользование своим членам. Вся земля для общины наследственна, [...] так что с уменьшением членов — участки становятся больше, с умножением членов —

участки становятся меньше. Община признает для движимого имущества своих членов личную собственность и наследственность. Своим членом община признает тягло, т. е. женатого человека, т. е. единицу семейства, и делит земельные участки в пользование по тяглам. Так как число тягол изменяется и земля не равнокачественна, то обычный ввел делянки, т. е. ежегодный раздел полей по тяглам, так что тягло пользуется участком один год в одном месте, другой год в другом; местность участков ежегодно меняется. Раскладка повинностей производится потягольно, следовательно, соответственно земельным участкам. Надел участков в пользование и раскладка повинностей производятся на миру, т. е. на общем сходе всех членов общины, с их общего согласия. Вот экономическое основание нашей общины. [...] Община сама в себе государство, земля принадлежит этому государству; умножится ли население, при спокойном развитии, или уменьшится от выселков или какого-нибудь несчастья, — государство, т. е. община, обязано дать каждому место и землю для пользования ее произведениями, не давая больше одному, чем другому; всякая наследственность была бы тут нарушением общинного понятия права, сосредоточивая землевладение в руки нескольких отдельных членов и выпуская других на бедность или, по неравномерности умножения семейств, раздробляя участки неравномерно. Форма землевладения общинного содержит понятие равного права каждого на пользование землею. Это основание неперменное. Метода же надела землею — ежегодными делянками или иная — не есть неизменяемое основание, а переменная функция, которая, когда придет нужда, может измениться в другую, не нарушая основного понятия общинного землевладения. Но скажут, до сих пор эта метода не менялась, и наше хлебопашество стоит на самой низкой степени развития, и крестьянское народонаселение бедно. Тут, естественно, является вопрос: почему же эта метода не изменялась? Почему община так упорно держится за способ надела землею, вредный для ее благосостояния? Да! Община до сих пор упорно держалась старого обычая, упорно держалась за свое *statu quo*, потому что она спасалась от насилия, а внешние нужды, т. е. торговля, при отсутствии дорог, недостаток хлеба, который бы надо было пополнить более тщательным земледелием, — эти внешние нужды не существовали. Мужики, довольствуясь тем, что могут кое-как прокормиться, как испуганное стадо, жались в свою общину, инстинктивно понимая, что все же для помещичьей власти мудренее задушить общину, чем отдельного человека.

С освобождением община становится на свои ноги. Захочет она разрушить свое экономическое основание, свое равномерное право на пользование землею, свою общинную форму землевладения или не захочет? Я думаю, что не захочет. Инстинкт народный помешает ей захотеть этого. Она поднимет внутри себя новые вопросы — это так; но перейти к личному наследственному землевладению не захочет. Инстинкт народный сложится из привычки к известному порядку понятий и вещей, из привычки к миру, к раде, к вечу, из

страха перед внешней администрацией, которой опять легче было бы задушить отдельное лицо, чем общину; из необходимости идти в будущность от той точки отправления, на которой стоишь, — и народ не изменит своего экономического основания. [...] В вопросе отношения народонаселения к собственности, она [политэкономия] никак не может возвыситься на степень алгебраической формулы. Она сталкивается с идеей общечеловеческого права и действительностью и не может примирить их. С ожесточением бессилия она бросается на провозглашение действительности наукою, факт хочет назвать теорией и оправдать его разумность — не относительно его происхождения, как роковое следствие известных причин, а относительно того идеала разумного общественного устройства, который гнездится в каждом человеческом мозгу более или менее инстинктивно, более или менее сознательно. От этого факт современной формы собственности для нее какое-то конечное слово человеческого общества; она ему придает значение непогрешительной науки. Эта остановка в *statu quo*, это одревенение, эта кристаллизация жизни в застывшую форму и есть то, что мы обыкновенно в органическом мире называем смертью. Отсюда начинается борьба политической экономии с социализмом. Она сталкивается с ним не как с фактом из действительного мира, а как с фактом человеческого мышления. Борьба необходимо должна была принять ту форму, в которой она является, то есть политическая экономия смотрит на социализм как на утопию, на теорию без факта; социализм смотрит на политическую экономию, как на оправдание существующих вещей, противуречащих идеалу разумного устройства человеческого общества; он видит только несчастный факт без теории, а не науку. Политическая экономия крепко уселась на почве, но у ней нет воздуха для дыхания; социализм ставит свой факт на воздухе, без почвы.

Положим, что западный социализм, встретив в русской общине новую форму землевладения, не отринет ее как *nonsens*, а только посмотрит с недоверием; но политическая экономия, по натуре своей, отринет этот факт из действительного мира [...], потому что этот факт не подходит под науку, или, вернее, не есть факт из современного *statu quo* западной цивилизации. [...]

[...] Вправе ли мы во имя *statu quo* западной цивилизации, из которой Европа сама стремится выйти с судорожным бессилием, вправе ли мы во имя науки, имеющей так мало прав на достоверность, разрушить факт нашей сельской общины?

Без сомнения — нет.

В форме общинного землевладения социализм становится на почву, потому что при наследственном землевладении почва для него невозможна. Может быть, теоретический социализм не признает этого, потому что не найдет в существующих общинах своих выработанных форм. Но в исторической жизни, как и во всякой органической жизни, формы вырабатываются не по рецепту, а по необходимому сцеплению страшно сложных элементов, движущих-

ся от причин к следствиям — со всеми данными случайностей, личностей, уклонений, зигзагов. Одно очевидно, что иная почва, иная точка отправления дает иной результат. Можно всякое развитие задушить насилием, я и об этом спорить не стану, но чего мы именно не хотим — это насилия [...].

ПИСЬМА К СООТЕЧЕСТВЕННИКУ ⁵

[...] Сближение с Европой привило нам науку. Мы сразу обогатились умственным трудом всей истории. Наше меньшинство настолько же образовалось и настолько же способно к самостоятельной мысли, как и европейское. Мысль и наука получили между нами право гражданства. Это начало мы легко усвоили, потому что это начало общечеловеческое, и мы не можем не развивать его и в теории и в приложениях к общественной жизни. Но та же наука не может не указать нам на роковое противуречие экономического и юридического начала, которое лежит в основе общественного устройства; западная наука, в лучших своих представителях, так поняла невозможность дальнейшего экономического развития Европы, невозможность выйти из заколдованного круга юридических понятий о собственности, что с ужасом бросила камень в собственную цивилизацию, и это до такой степени справедливо, что на этом самоотрицании сошлись люди совершенно разных школ — Стюарт Милль и Прудон. Мы встречаемся в России с экономическим началом, ставшим основой народной жизни и, следственно, точкой отправления общественной науки; к развитию этого начала невольно стремится вся наша деятельность. Для основания этого начала и на сохранение его народ безмолвно посвятил века; я не вижу ни малейшей причины, чтоб он был неспособен на его развитие; я не вижу в нем той слабости, которая бы сказала — не могу итти дальше; не вижу той усталости органических зародышей, которая вела бы их не на жизнь, а на увядание. На этом основано мое упование. [...]

Общая задача наша поставлена: сохраняя все то общечеловеческое образование, взятое с Запада, которое действительно привилось к нам и, следственно, должно итти с нами в рост, — удалить все то, что не привилось, что составило нарост ложных учреждений и ложных юридических понятий, и, следственно, освободить народное начало общественного права собственности и самоуправления так, чтоб оно могло развиваться без препятствий, на свободе. [...]

ЧТО НУЖНО НАРОДУ? ⁶

Очень просто, народу нужна земля да воля.

Без земли народу жить нельзя, да без земли нельзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. *Земля никому другому не принадлежит, как народу.* Кто занял землю, которую зовут

Россией? кто ее возделывал, кто ее спокон веков отвоевывал да отстаивал против всяких врагов? Народ, никто, никто другой, как народ. [...]

Народ спокон веков *на самом деле* владел землей, *на самом деле* лил за землю *пот и кровь*, а приказные *на бумаге чернилами* отписывали эту землю помещикам да в царскую казну. Вместе с землей и самый народ забрали в неволю и хотели уверить, что это и есть закон, это и есть божеская правда. Однако никого не уверили. Плетью народ секли, пулями стреляли, в каторгу ссылали, чтобы народ повиновался приказному закону. Народ замолчал, а все не поверил. [...]

[...] Как зачали генералы да чиновники толковать народу *Положения*⁷ оказывается, что воля дана только на словах, а не на деле. [...]

[...] На словах народу от царя воля, а на деле за эту же волю царские генералы секут народ да в Сибирь ссылают, да расстреливают⁸.

Нет! двоедушничать с народом и обманывать его — бесчестно и преступно. Торговать землей и волей народа не то ли же, что Иуде торговать Христом? Нет, дело народа должно быть решено без торга, по совести и правде. Решение должно быть простое, откровенное, всякому понятное; чтобы слов решения, раз произнесенных, ни царь, ни помещики с чиновниками перетолковывать не могли. Чтобы ради глупых, бестолковых, изменнических слов не лилось невинной крови.

Что нужно народу?

* Земля, воля, образование.

Чтобы народ получил их на самом деле, необходимо:

1) Объявить, что все крестьяне свободны с той землей, которую теперь владеют. У кого нет земли, например у дворовых и некоторых заводских, тем дать участки из земель государственных, то есть народных, никем еще не занятых. У кого из помещичьих крестьян земли не в достачу, тем прирезать земли от помещиков или дать земли на выселок. Так, чтобы ни один крестьянин без достаточного количества земли не остался. Землей владеть крестьянам сообща, т. е. общинами. [...]

2) Как весь народ будет владеть общей народной землей, так, значит, весь народ за пользование этой землей будет платить и подати на общие народные нужды, в общую государственную (народную) казну. [...]

5) И собственные расходы царского правительства надо сократить. Вместо того, чтоб строить царю конюшни да псарни, лучше строить хорошие дороги, да ремесленные, земледельческие и всякие пригодные народу школы и заведения. [...]

6) Избавить народ от чиновников. Для этого надо, чтоб крестьяне, и в общинах и в волостях, управлялись бы сами, своими выборными. Сельских и волостных старшин определяли бы своим выбором и отрешали бы своим судом. Между собой судились бы своим

третейским судом или на миру. Сельскую и волостную полицию справляли бы сами своими выборными людьми. И чтоб во все это, равно как и в то, кто какую работою или торговлей и промыслом занимается, отныне ни один помещик или чиновник не вмешивался бы, лишь бы крестьяне вовремя вносили свою подать. [...]

7) А для того, чтоб народ, получив землю и волю, сохранил бы их на вечные времена; для того, чтобы царь не облагал произвольно народ тяжкими податями и повинностями, не держал бы на народные деньги лишнего войска и лишних чиновников, которые давили бы народ; для того, чтобы царь не мог прокучивать народные деньги на пиры, а расходовал бы их по совести на народные нужды и образование, — надо, чтоб подати и повинности определял бы и раскладывал промеж себя сам народ через своих выборных. [...] Выборные от губерний съедутся в столицу к царю⁹ и порешат, какие повинности и подати должны быть отбываемы народом для нужд государственных, т. е. общих для всего русского народа.

Доверенные от народа люди не дадут народа в обиду, не позволят брать с народа лишних денег; а без лишних денег не из чего будет содержать и лишнего войска и лишних чиновников. Народ, значит, будет жить счастливо, без притеснений. [...]

[...] Вот что нужно народу, без чего он жить не может.

Да кто же будет ему таким другом, что доставит ему все это?

До сих пор народ веровал, что таким другом ему будет нынешний царь. Что не в пример прежних царей, которые отписали землю от народа и отдали его в неволю вельможам, помещикам и чиновникам, новый царь осчастливит народ. Только как пришли генералы с солдатами расстреливать народ за волю и сечь шпицрутенами, так пришлось и про нового царя сказать [...]: не жди от царя никакого добра, а только одного зла, так как по алчности своей цари и волю и достаток народа обирают неминуемо. И наш царь, что приказывает стрелять по народу, [...] он не друг, а первый враг народа. [...] Пусть же народ подождет молиться за него, а своим чутьем да здравым смыслом поищет себе друзей понадежнее, друзей настоящих, людей преданных.

Пуще всего надо народу сближаться с войском. [...]

Шуметь без толку и лезть под пулю вразбивку нечего; а надó молча собираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казней, и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную да правду человеческую.

ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА ОБ ОБЩЕМ ВОПРОСЕ¹⁰

[...] Мы иной раз встречаем во французской политической литературе желание упрочить за французской революцией, особенно в лице Робеспьера, первую мысль, первое движение социализма —

из пристрастия ли к Робеспьеру, или для того, чтоб во французском народе увидеть все элементы социальной будущности. Но, изучая Бабефа, мы, напротив того, должны притти к заключению, что первая мысль социального устройства во Франции принадлежит Бабефу и его тайному обществу, что Бабеф и его товарищи пришли к ней не на основании народного обычая, которому их система составляла бы завершение, к которому относились бы как результат к своим предшественникам, положительным данным; что Бабеф и его товарищи пришли к ней *литературно*, следуя по пути отрицания философии XVIII столетия; что элементов социального устройства их система не встретила не только в исторической, дореволюционной, но и в самой революционной Франции, *La France de la montagne* *¹¹, и что литературный результат, выработанный на пути отрицания Бабефом с товарищами, отнюдь не составил в силу, способную преобразовать в себя традиционные, положительные элементы общественных отношений, элементы настолько сильные, что перешли из традиции в революцию и сохранились в ней. [...]

[...] А между тем вдумайтесь в теорию Бабефа, хотя бы только из его письма к М. В.¹², — и, несмотря на все ее детское простодушие, вы найдете в ней зачаток всех социальных идей, развившихся впоследствии: *общинная собственность, соединение труда, распределение его сообразно силам и наклонностям, равное распределение предметов потребления, общее воспитание, перемена юридических оснований, упрощение законодательства, разделение страны по однородности местностей и удобствам почвы (федеративное или областное)*. Вы тут найдете в зародыше Сен-Симона и Фурье, и сквозь все это пробежало совершенно противоречащее французское начало централизации и чиновничьего управления. Последнего противоречия сам Бабеф не заметил, так же как его не заметили и последующие французские социалисты. Чувствовать необходимость федеративного основания, без которого естественный социализм не может сложиться, и рядом с этим ставить во главе единой нации управление полновластного комитета, который не может обойтись без целой сети подчиненного чиновничества, — это, конечно, промах. Но мы едва ли и вправе требовать от человека, в первый раз ставящего перед обществом социальные идеалы, чего-нибудь, кроме этих идеалов; мы едва ли вправе требовать от него безошибочного приведения их в исполнение со всеми свойственными только им политическими формами. Тем более мы не вправе этого требовать, что если общественные идеалы и могут быть поставлены путем отрицания, как противоположность существующему общественному злу, то новые политические формы могут явиться не иначе, как слагаясь по направлению новых идеалов, *из существующего материала*; надеть на сколько-нибудь самостоятельное общество целое отвлеченное построение новых политических форм — чистая невозможность. [...]

* Франции «горы» (франц.). — Ред.

[...] Сила современного общественного строя, самый поток революции и недостаток опыта стягивают его [Бабефа] в обычную колею, и все его построение фантазируемой централизации сводится на преобладание городов и растет не из потребностей целой народной массы, а из стремлений городского пролетариата, собственно парижского, и даже ограниченного числом небольшого меньшинства образованного пролетариата. Таким образом, теория Бабефа не имеет опоры, вовсе не понятна народной массе и имеет против себя решительную, сплошную, сильную и деятельную враждебную ассоциацию всех собственников повсеместно [...].

[...] Я боюсь встретить в наших социалистах выставление вперед исключительно городского образованного пролетариата и приведение его в центр всех социальных стремлений, в особого рода сословие, при чем можно только достигнуть до ассоциации, не имеющей вещественной опоры, и до невозможной борьбы со всеми направлениями других сильно поставленных городских сословий. И это в то время, когда в России существует историческое основание сельского строя, стоящего на общинном владении почвы, — строя, к которому должен примыкать образованный городской пролетариат, образованное меньшинство. [...]

[...] Мысль, возникающая на рубеже XVIII и XIX столетий и так наглядно служащая прямым основанием новому пониманию истории¹³, — эта новая мысль носит в себе логическую необходимость социальных понятий и влечет самого Сен-Симона к постоянному выводу, что *«все общественные учреждения должны иметь целью нравственное, умственное и физическое усовершенствование сословия самого многочисленного и самого бедного»*. Для нас важно то, что простая мысль, определившая будущее как *функцию прошедшего* уже в это время, не может не привести к необходимости общественного пересоздания, в котором сословие имущих тунейцев (*«les oisifs»* у Сен-Симона) и сословие неимущих работников должны слиться в одну общую людскую производящую силу, где каждый был бы вознагражден за труд пользованием возможными благами жизни. «По мере своей способности, — добавили Сен-Симон и его школа, — и каждая способность, по мере своей производительности (*à chaque capacité selon ses aevres*)». Связь этого экономического вывода и основной исторической мысли — определить будущее как функцию прошедшего — понятна. [...]

Без всякого сомнения, социализм связан с наукой действительного опыта и расчета [...].

Эту связь социализма с наукой показал Сен-Симон, и в этом его великая заслуга. А наука опыта и расчета, без сомнения, связана с философским реализмом, она не может взять себе другого основания, не изменяя самой себе; от этого Сен-Симон уклонился — и в этом его ошибка.

Но я вам и не говорю, чтоб социализм мог отречься от науки и ее реализма. Я только говорю, что проповедуя свое экономическое содержание, он не обязан вступать в спор о научном начале реализ-

ма прежде постановки другого спора, которого решение необходимо в жизни,— спора о свободе проповеди вообще, равно для религии и для науки. И та и другая равно должны сделаться достоянием свободного убеждения, а не государственного принуждения. Только тогда и та и другая могут иметь значение нравственной силы, а не полицейской власти. Если государство предписывает такую-то религию или такую-то науку, то эта религия и эта наука принимают-ся по необходимости, а не по убеждению и потому лишены всякой внутренней человеческой чистоты и нравственного значения. [...]

Есть вопросы, стоящие на ряду *теперь*; их разрешение можно искать в современно-существующих данных. Есть вопросы, пожалуй имеющие высшую степень общественного значения, но разрешения которых в современных данных не отыщется и постановка которых еще не может дойти до надлежащей ясности. Тем не менее нельзя их не провозглашать, нельзя не помогать их разрождению, нельзя не расчищать их пути от препятствий.

Например, вопрос свободы женщины, или лучше сказать, равноправности мужчины и женщины [...].

[...] Научная организация воспитания составляет один из существеннейших вопросов, которого совершенно разработанная постановка еще неприложима. Научная организация воспитания должна охватить все возрасты всех сословий — от первоначальной школы до академического учения, ставя предметом человеку вместо затверженностей наблюдение и понимание. Но этот вопрос опять держится в тисках всем, что большинство привыкло принимать на веру. Вопрос действительно заключается в положительной науке (пожалуй, хотя бы так называемой положительной философии, ныне запрещенной невиско-императорской цензурой¹⁴). А если вы хорошенько вникнете в его сущность, то увидите, что без него социальное построение общества едва ли придет к своей постановке, будучи раздираемо на клочки всякого рода государственными верованиями. Вы опять увидите здесь, что в обычаях владения русского народа гораздо больше социального начала, чем в какой бы то ни было организации; но *только начала*, а для его развития необходима организация положительного научного воспитания. Но каким же образом мы придем к постановке этой организации? Опять-таки, расчищая для положительной науки путь равноправности относительно всех убеждений, принятых на веру, всех религий, равно теологических и государственных. [...]

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Цикл статей с этим заглавием состоит из четырех статей: первая была задумана вскоре после приезда Огарева в Лондон (9 апреля 1856 г.), написана во второй половине апреля 1856 г., включена в книжку *ПЗ* на 1856 г., с подписью *Р. Ч. (Русский человек)*; вторая с той же подписью напечатана в *ПЗ* на 1857 г.; третья, под названием «Крестьянская община», — в *К*, 1858 (л. 8, 1 февраля, за подписью *Р. Ч.* и л. 9, 15 февраля, за подписью *Н. Огарев*); четвертая — в *К*,

1858 (л. 12, 1 апреля, подпись — *Н. Огарев*). Первая, третья и четвертая статьи были включены Огаревым (четвертая — в сильно переработанном виде) в сборник своих статей «За пять лет» (Лондон, 1861). Отрывки печатаются по: *Огарев*, т. 1, с. 108, 152, 156, 162, 167—169.

² Здесь опущено подстрочное примечание Огарева.

³ Огарев имеет в виду книгу Джемса де Боу «Encyclopadia of Trade and Commerce of the United States» («Энциклопедия промышленности и торговли США»), на которую он неоднократно ссылается.

⁴ Адресовано Н. И. Тургеневу, бывшему участнику декабристского движения, направившему в К. возражение (напечатано: К, 1858, 1 июля, л. 18) на статью Огарева «Еще об освобождении крестьян» (К, 1858, 1 мая, л. 14). Вошло в сборник «За пять лет», 1861, ч. 2. Отрывки печатаются по: *Огарев*, т. 1, с. 314—318, 319.

⁵ Впервые опубликованы: К, л. 77—78, 1 августа 1860 г.; перепечатаны: За пять лет, ч. 2. Адресат не установлен. Отрывки воспроизводятся по: *Огарев*, т. 1, с. 362—363.

⁶ Впервые напечатано: К, л. 102, 1 июля 1861 г., без подписи. В составлении прокламации участвовали Н. А. Серно-Соловьевич, Н. Н. Обручев, А. А. Слепцов и др., но, как свидетельствуют документальные материалы, написана она лично Огаревым. Была выпущена также листовками в формате «Колокола» и в малом формате. Сыграла существенную роль в революционном движении начала 60-х годов. Отрывки печатаются по: *Огарев*, т. 1, с. 527, 528, 530—531, 532, 533, 533—535, 536.

⁷ «Положения 19 февраля 1861 года», имевшие целью разъяснение народу царского «Манифеста» об отмене крепостного права в России.

⁸ Речь идет о кровавой расправе царских войск с крестьянскими выступлениями весной 1861 г.

⁹ Здесь нашла выражение многократно развивавшаяся Огаревым идея «Земского собора» как политического органа освобождающейся России.

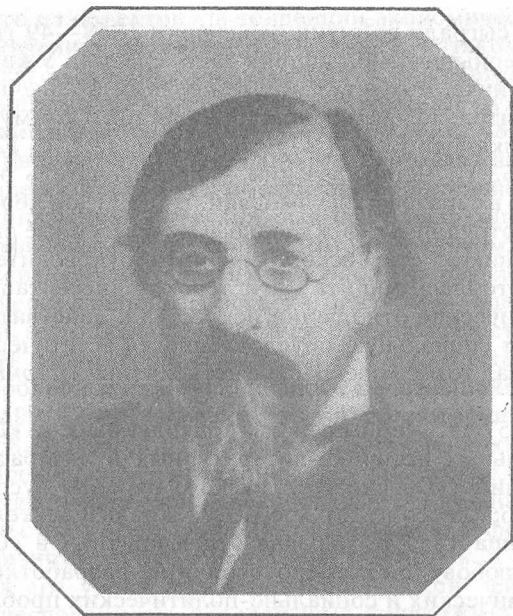
¹⁰ Напечатаны: К, 1866—67 (л. 211, 216, 220, 223, 225, 237, 239, 240). По замыслу, цикл этих писем-статей должен был ответить на вопросы: «...что такое, наконец, социализм? как он произошел, что он произвел в Европе? в каком отношении к нему стоит Россия и русская община и артель?» (*Огарев*, т. 1, с. 688); однако закончен он не был. Отрывки печатаются по изданию: *Огарев*, т. 1, с. 701—702, 708—709, 714, 715, 722, 731, 744, 745—746.

¹¹ Гора, мантаныры — в период революции 1789—94 гг. название левой группировки Конвента, представлявшей партию якобинцев и занимавшей в Конвенте верхние скамьи, отсюда и название.

¹² Огарев указывает на «Ответ на письмо за подписью М. В. [...]» (1796), напечатанный в книге Ф. Буонаротти «Conspiration pour l'égalité dite de Babeuf» (1828), которая была широко использована Огаревым в его «Частных письмах...» в качестве источника по истории социальной мысли и революционного движения во Франции. Этот «Ответ...», автором которого являлся, по-видимому, Ф. Буонаротти, был напечатан Огаревым по-русски (с сокращениями) в качестве приложения к третьему из «Частных писем...» (см.: *Буонаротти Ф.* Заговор во имя равенства. М., 1963, ч. II, с. 417).

¹³ Имеется в виду характерное для сен-симонистского учения положение о будущем как функции прошедшего.

¹⁴ Речь идет о позитивистской философии, представленной трудами О. Конта и его последователей. В России некоторые его сочинения подвергались цензурному запрету.

Николай Гаврилович **ЧЕРНЫШЕВСКИЙ**

Сущность социализма относится собственно к экономической жизни. Но не в одном экономическом быте должны произойти коренные перемены: им подвергается вся жизнь человека: и его отношения к другим людям по кровным или душевным привязанностям, и его воспитание, и его национальные отношения и т. д.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Коммунизм, по справедливому замечанию Милля, берет за основание общественного устройства идеал более высокий, чем каковы принципы социализма. По этому самому эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Чернышевский был сыном священника. Он родился в Саратове 12 (24) июля 1828 г., в 1842—45 гг. учился в местной духовной семинарии. С 1846 г. он студент историко-филологического отделения Петербургского университета (окончил в 1850 г.). В студенческие годы под определяющим воздействием русской крепостнической действительности и идейным влиянием русских (Белинский, Герцен, Милютин, петрашевец А. Ханыков и др.) и западноевропейских мыслителей (Л. Фейербах, Г. Гегель, Ш. Фурье и др.) формируются демократические, революционные, атеистические и материалистические воззрения Чернышевского. Большую роль в его духовном

становлении сыграли события революции 1848—49 гг. в Европе, за которыми Чернышевский напряженно следил. Уже в 1848 г. он пишет в дневнике, что «стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев [...]» (*Чернышевский*, т. 1, с. 122).

В 1851—53 гг. Чернышевский — преподаватель русского языка и литературы в саратовской гимназии. В 1853 г. он переехал в Петербург, начал сотрудничать в журнале «Отечественные записки», затем в «Современнике», став вскоре идейным руководителем журнала. В 1855 г. состоялась защита магистерской диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», где он утверждал социальную обусловленность эстетического идеала и сформулировал тезис «прекрасное есть жизнь» (*Чернышевский*, т. 2, с. 10).

В 1855—57 гг. Чернышевский опубликовал в «Современнике» ряд значительных историко-литературных и литературно-критических сочинений («Очерки гоголевского периода русской литературы», 1855—56; «Лессинг. Его время, его жизнь и деятельность», 1857, и др.). С конца 1857 г., передав отдел критики в «Современнике» Н. А. Добролюбову, он сосредоточился на разработке преимущественно экономических и социально-политических проблем. В статьях «О новых условиях сельского быта» (1858), «О способах выкупа крепостных крестьян» (1858), «Труден ли выкуп земли?» (1859), «Устройство быта помещичьих крестьян» (1859) и др., обсуждая условия предстоящей крестьянской реформы, Чернышевский критиковал дворянско-либеральные проекты освобождения крестьян, выступал за ликвидацию помещичьей собственности на землю. С декабря 1858 г., вполне разуверившись в способности правительства Александра II удовлетворительно решить крестьянский вопрос, встал на революционные позиции.

Видя, что «экономический быт» страны уже начинает подвергаться действию законов капитализма, Чернышевский полагал, однако, возможным для России избежать «язвы пролетариата». В статьях «О поземельной собственности» (1857), «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858), «Суеверие и правила логики» (1859) и др. он развивает идею движения России к социализму через крестьянскую общину, минуя капитализм.

На рубеже 50—60-х годов Чернышевский занимается глубокими политэкономическими исследованиями. В печатавшихся в «Современнике» работах «Экономическая деятельность и законодательство» (1859), «Капитал и труд» (1860), «Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля» (1860), «Очерки политической экономии (по Миллю)» (1861) Чернышевский, говоря словами К. Маркса, высоко ценившего Чернышевского, «мастерски показал... банкротство буржуазной политической экономии...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 17), противопоставив ей собственную экономическую «теорию трудящихся», доказывавшую неизбежность уничтожения эксплуататорских порядков. Это, по Чернышевскому, проис-

текает прежде всего из объективной тенденции экономического развития к обобществлению производства, ведущей к такому строю, где «отдельные классы наемных работников и нанимателей труда исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе» (*Чернышевский*, т. 9, с. 487).

Разработка социально-экономических проблем была неразрывно связана у Чернышевского с публицистической деятельностью. По словам В. И. Ленина, «Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 20, с. 175). В ежемесячных обзорах международной жизни «Политика», печатавшихся в «Современнике» в 1859—62 гг., в серии статей по истории Франции («Кавеньяк», 1858, «Тюрго», 1858, «Июльская монархия», 1860, и др.), в статье «Предисловие к нынешним австрийским делам» (февраль 1861), представлявшей собой своеобразный отклик на осуществляемую правительством Александра II крестьянскую реформу, Чернышевский, анализируя опыт социальных движений в Западной Европе, применял его уроки к осмыслению русской действительности. Вскрывая неспособность абсолютизма уничтожить феодальные учреждения, обнаруживая практическое бессилие буржуазного либерализма, он доказывал, что только трудящиеся народные массы заинтересованы в коренных общественных преобразованиях.

Ориентируясь на крестьянскую революцию, Чернышевский вместе с тем проводил мысль о необходимости тщательной ее подготовки, о бесплодности стихийных местных бунтов. В прокламации, обращенной непосредственно к народу, — «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон...» (1861, напечатана не была), показывая грабительский характер крестьянской реформы и призывая готовиться к всеобщему выступлению, он одновременно предостерегал крестьян от разрозненных выступлений. Необходимым условием успешной народной революции он считал ее «надлежащее направление», осуществляемое организацией революционеров, в воспитании которых Чернышевский видел свою важнейшую задачу. Под его непосредственным влиянием летом 1861 — весной 1862 г. складывается подпольная революционная организация «Земля и воля». В статье «Письма без адреса» (февраль 1862, не пропущена цензурой, впервые опубликована за границей в журнале П. Л. Лаврова «Вперед!» в 1874 г.), осмысляя историю подготовки и осуществления крестьянской реформы 1861 г., Чернышевский подчеркивал мысль о неспособности монархически-бюрократической системы к реформированию общества, и тем более — к самореформированию, и указывал на признаки растущего недовольства, позволяющие надеяться на революционный исход событий. По его образному выражению, русское общество «начинает высказывать потребность одеться с ног до головы в новое: штопать оно не хочет» (*Чернышевский*, т. 10,

с. 96). «На штопках не выедешь» — так передал главную мысль этого сочинения К. Маркс, внимательно его изучавший (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, М., 1948, т. 11, с. 7).

Раздраженное ростом влияния идейного вождя революционной демократии, царское правительство, вслед за временным (на восемь месяцев) приостановлением «Современника», арестовывает (7 июля 1862 г.) Чернышевского (секретный надзор над ним был установлен еще в сентябре 1861 г.) и заключает в одиночную камеру Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Находясь здесь, Чернышевский пишет роман «Что делать?», героями которого являются «новые люди», пытающиеся на практике воплотить принципы разумного человеческого общежития. Роман звал современников приближать светлое будущее, но указывал на трудности революционной борьбы.

Несмотря на отсутствие улик, Чернышевский был признан виновным «в принятии мер к ниспровержению существующего порядка управления», осужден на семь лет каторги и вечное поселение в Сибири. 19 мая 1864 г. на Мытнинской площади Петербурга был совершен обряд гражданской казни, после чего Чернышевского отправили в Нерчинскую каторгу (Кадайский рудник; в 1866 г. переведен в Александровский завод). По отбытии срока каторги (1871 г.) Чернышевский поселен в Вилуйском остроге. В Сибири, помимо других произведений, Чернышевский написал роман «Пролог» (1867—69; первая часть опубликована впервые П. Л. Лавровым в 1877 г. в Лондоне) — глубокое осмысление общественной борьбы в России накануне крестьянской реформы. Ни одна из восьми попыток русских революционеров (Г. А. Лопатина, И. Н. Мышкина и др.) освободить Чернышевского из сибирского заточения не оказалась успешной. В 1883 г. он был переведен на жительство под надзором полиции в Астрахань. За четыре месяца до смерти ему было разрешено переехать в Саратов; тут он и умер 17(29) октября 1889 г. И в последние годы жизни Чернышевский продолжал напряженно работать, подготовив, в частности, к изданию «Материалы к биографии Н. А. Добролюбова» (изданы в 1890 г.). Сочинения Чернышевского были запрещены в России вплоть до революции 1905—07 гг.

СОЧИНЕНИЯ

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. М., 1939—53, т. 1—16.

Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. М., 1948—49, т. 1—3.

Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения. М., 1950—51, т. 1—3.

Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

Ленин о Чернышевском. М.—Л., 1928.

[Плеханов Г. В. Работы о Н. Г. Чернышевском 1890—1913 гг.].— В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1958, т. 4.

- Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. СПб., 1909; Изд. 2-е. М.—Л., 1928, т. 1—2.
- Луначарский А. В. Н. Г. Чернышевский. Статьи. М.—Л., 1928; изд. 2-е., М., 1958.
- Скафтымов А. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Изд. 2-е [Саратов], 1947.
- Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953.
- Богословский Н. В. Н. Г. Чернышевский. Изд. 2-е. М., 1957.
- Трофимов В. Г. Социалистическое учение Н. Г. Чернышевского. Л., 1957.
- Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. [Саратов], 1958—59, т. 1—2.
- Чернышевский Н. Г. Статьи, исследования, материалы. [Саратов], 1958—75, т. 1—7.
- Порох И. В. Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963.
- Покусаев Е. И. Н. Г. Чернышевский. Изд. 4-е. Саратов, 1967.
- Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968.
- Водолазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову (об особенностях развития социалистической мысли в России). М., 1969.
- Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX века. М., 1976.
- Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Часть первая. Саратов, 1978; часть вторая. Саратов, 1984.
- Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978.
- Философия Н. Г. Чернышевского и современность. М., 1978.
- Чернышевский и его наследие. Новосибирск, 1980.
- Н. Г. Чернышевский и современность. М., 1980.
- Савченко В. Властью разума. Повесть о Николае Чернышевском. М., 1982.
- Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982.
- Хессин Н. В. Н. Г. Чернышевский в борьбе за социалистическое будущее России. М., 1982.

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Г. Чернышевский. Указатель литературы. 1960—70. Саратов, 1976.

ТЕКСТЫ

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ¹

[...] В настоящем положение дел так противостоит и тяжело для девяти десятых частей английского и французского населения, что необходимо должны были явиться новые стремления, которыми отстранялись бы невыгоды прежнего одностороннего идеала. Подле понятия о правах отдельной личности возникла идея [о союзе и братстве между людьми: люди должны соединиться в общества, имеющие общий интерес, сообща пользующиеся силами природы и средствами науки для наивыгоднейшего всем производства и для экономного потребления производимых ценностей] ². В земледелии [братство это] должно выразиться переходом земли в общинное пользование [в промышленности — переходом фабричных и заводских предприятий в общинное достояние компании всех работающих на этой фабрике, на этом заводе. Только это новое устройство экономического производства может дать благосостояние целому, например, французскому или английскому племени, и население этих стран, состоящее из тысячи богачей, окруженных миллионами бедняков, превратить в одну массу людей, не знающих роскоши, но пользующихся благоденствием].

Это новое стремление к союзному [производству и потреблению] является [естественным] продолжением, расширением, дополнением прежнего стремления к обеспечению частных прав отдельной личности. В самом деле, не надобно забывать, что человек не отвлеченная юридическая личность, но живое существо, в жизни и счастье которого материальная сторона (экономический быт) имеет великую важность; и что потому, если должны быть для его счастья обеспечены его юридические права, то не менее нужно обеспечение и материальной стороны его быта. Даже юридические права на самом деле обеспечиваются только исполнением этого последнего условия, потому что человек, зависимый в материальных средствах существования, не может быть независимым человеком на деле, хотя бы по букве закона и провозглашалась его независимость. [...]

Но введение лучшего порядка дел чрезвычайно затруднено в Западной Европе безграничным расширением юридических прав отдельной личности. Братья в соединении живут гораздо с большим благосостоянием, нежели могли бы жить разделившись, — истина известная у нас каждому поселянину («раздел семьи на отдель-

ные хозяйства разоряет семью» — это знает каждый у нас), но, живучи вместе, каждый из братьев должен жертвовать частью своего полновластия родовому союзу, ограничивать свои капризы, противные общей (и в том числе его собственной) пользе. [Только при взаимном ограничении полновластия каждого из членов возможен всякий союз]. Но нелегко отказываться хотя бы даже от незначительной части того, чем уже привык пользоваться, а на Западе отдельная личность привыкла уже к безграничности частных прав. Пользе и необходимости взаимных уступок может научить только долгий горький опыт и продолжительное размышление. На Западе лучший порядок экономических отношений соединен с пожертвованиями, и потому его учреждение очень затруднено. [...]

[...] Для введения союзного производства в этих землях надобно в целом народе, огромнейшая масса которого еще погрязает в невежестве и не привыкла к размышлению о своих обычаях, вселить новое убеждение, и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтобы оно взяло верх над обычаями и привычками, которые чрезвычайно сроднились со всем образом жизни тех племен, — надобно путем разумного убеждения перевоспитать целые народы. Какой гигантский труд для этого требуется — вполне понимает только тот, кто перевоспитывал себя. [Окончательный успех этого дела не подлежит сомнению, потому, что к тому ведет историческая необходимость, — но страшно и подумать о том, сколько времени и усилий оно требует, сколько страданий и потерь уже стоит и будет стоить оно. Не удивительно, что люди близорукие, или отсталые, или свдкорыстные называют утопистами тех, которые признают юридическую справедливость, логическую разумность и историческую необходимость введения начала ассоциации в экономическую жизнь западных народов, наиболее подвинувшихся в своем экономическом развитии]. [...] Те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французу, существуют у русского как факт его народной жизни. У нас [...] масса народа до сих пор понимает землю как общинное достояние, и количество земли, находящейся в общинном владении, или пользование ими под общинною обработкою, так велико, что масса участков, совершенно выделившихся из него в полновластную собственность отдельных лиц, по сравнению с ним, незначительна. Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта. Существовал некогда он и на Западе, по крайней мере во многих странах Запада, но утрачен там в одностороннем стремлении к полновластной собственности отдельного лица.

Мы видим, какие печальные следствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело возмездие западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас. Вопрос о земледельческом быте важнейший для России, которая очень надолго останется государством по преиму-

шеству сельскохозяйственным, так что судьба огромного большинства нашего племени долго еще — целые века — будет зависеть, как зависит теперь, от сельскохозяйственного производства.

Но того нельзя скрывать от себя, [что мы живем в переходной эпохе], что Россия, доселе мало участвовавшая в экономическом движении, быстро вовлекается в него, и наш быт, доселе остававшийся почти чуждым влиянию тех экономических законов, которые обнаруживают свое могущество только при усилении экономической и торговой деятельности, начинает быстро подчиняться их силе. Скоро и мы, может быть, вовлечемся в сферу полного действия закона конкуренции [результаты которой, когда она не подчинена закону общения и братства в производстве; уже обнаружились в Англии и Франции превращением огромного большинства тех племен в людей, не обеспеченных ничем против нищеты, и образованием все расширяющейся язвы пролетариата. И мы, как западные народы, скоро почувствуем необходимость не подчиняться рабски этому закону, роковому в своей односторонности. И теперь уже обнаруживаются первые признаки этого закона в тех отраслях экономической деятельности, где введены улучшенные способы,— уже большие капиталисты оттесняют малых].

В настоящее время мы владеем спасительным учреждением, в осуществлении которого западные племена начинают видеть избавление своих сельскохозяйственных классов от бедности и бездомности. Но, при новой эпохе усиленного производства, в которую вступает Россия, многие из прежних экономических отношений, конечно, изменятся сообразно потребностям времени. [...]

[...] Но каковы бы ни были эти преобразования, да не дерзнем мы коснуться священного, спасительного обычая, оставленного нам нашею прошедшею жизнью, бедность которой с избытком искупается одним этим драгоценным наследием,— да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землями,— на это благо, от приобретения которого теперь зависит благоденствие сельскохозяйственных классов Западной Европы. Их пример да будет нам уроком. [...]

ИССЛЕДОВАНИЯ О ВНУТРЕННИХ ОТНОШЕНИЯХ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ [...] ³

[...] Как человек, не слишком-то близко знакомый с характером современных ему стремлений, Гакстгаузен воображал, что люди, в 1847 году грозившие переворотом Западной Европы, держались мнений Сен-Симона. Это заблуждение доказывает завидную невинность его души. Но, как человек практический, он очень верно предугадывал в 1847 году близость страшного взрыва со стороны пролетариев Западной Европы; и нельзя не согласиться с ним, что благодетельный принцип общинного владения, который ограждает нас от страшной язвы пролетариата в сельском населении. [...]

Этот общинный дух мы вовсе не расположены считать каким-нибудь таинственным качеством, исключительно свойственным славянской или великорусской натуре. Мы просто полагаем, что вследствие исторических обстоятельств, надолго задержавших Россию в состоянии, близком к патриархальному быту, он сохранился у нас довольно неприкосновенным, между тем как давно исчез из обычаев тех племен Западной Европы, которые более нашего участвовали в историческом движении. Итак, сохранение его у нас есть следствие невыгодных обстоятельств нашего исторического развития. Но как самые хорошие вещи имеют свою дурную сторону, так и самые дурные вещи свою хорошую. Наша историческая неподвижность послужила источником многих бедствий и в нашем прошедшем и отчасти в настоящем; она причина нашей малой образованности, нашей бедности [и всех тех страданий, нелепостей и пороков, которые происходят от невежества и бедности, как, например, она причина нашей апатии], нашей лени и т. д. Но среди всех этих пагубных следствий нашей неподвижности есть также нечто иное и прежде бывшее не бесполезным, но при настоящем развитии экономического движения в Западной Европе,— движения, в котором начинаем принимать участие и мы,— становящееся чрезвычайно важным и полезным. Экономическое движение в Западной Европе породило страдания пролетариата. Мы нимало не сомневаемся в том, что эти страдания будут исцелены, что эта болезнь «не к смерти, а к здоровью», но переносить настоящие свои страдания для Западной Европы все-таки тяжело, и врачевание этих страданий требует долгого времени и великих усилий. У нас, принимающих ныне участие в экономическом движении Европы, сохранилось противоядие от болезни, соединенной с этим движением на Западе, и мы поступили бы очень нерасчетливо, если бы по нелюбви к патриархальности вздумали отступить от него в такое время, когда оно оказывается чрезвычайно пригодным для предохранения нас от страданий, видимых нами на Западе. [...]

О НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЯХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ УМНОЖЕНИЮ НАРОДНОГО КАПИТАЛА [...] ⁴

[...] Если мы не станем забывать, что из капиталов, необходимых для успешности национального труда и для развития государственного богатства, нравственные капиталы, заключающиеся в трудолюбии и честности, в расчетливости и благоразумии, в умственной развитости и предприимчивости работающего сословия, гораздо важнее материальных капиталов, не могущих ни возрастать, ни сохраняться без их содействия, что нравственный капитал не только служит источником материального, но и постоянно превосходит его своею ценностью, мы безопасно можем говорить о всемогущей силе капитала, о необходимости его для успехов национального тру-

да, о том, что всевозможная заботливость должна быть обращена на условия, содействующие его возрастанию. Тогда мы не захотим жертвовать обеспеченностью работника для выгод капиталиста или землевладельца. Мы будем помнить, что если манчестерский фабрикант выигрывает тысячи, понижая заработную плату, то Англия теряет на каждую из этих тысяч миллион, чрез ослабление нравственного капитала в его рабочих; что если манчестерские рабочие дойдут чрез материальные лишения и необеспеченность до апатичного состояния души, если потеряют любовь к законности и надежду на законы своей родины, то все богатства Англии исчезнут очень быстро. Важнейший капитал нации — нравственные качества народа. [...]

[...] Если мы замечаем в привычках и быте известного народа особенности, благоприятствующие возрастанию его капитала, иначе сказать, возрастанию его благосостояния, мы должны знать, что благодарить за то он должен не племенные особенности своего организма, не климат страны, а просто гражданские свои учреждения; и наоборот, если мы видим, что в народе развились привычки, препятствующие возрастанию национального капитала, мы должны знать, что и тут основание лежит не в чем ином, как в гражданских учреждениях нации. Влияние всех других причин, содействующих или препятствующих национальному благосостоянию, совершенно незначительно по сравнению с влиянием гражданских учреждений. [...]

О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ⁵

[...] Дух гражданских учреждений, отношения сословий, порядок администрации,— все это гораздо ближе касается каждой отрасли материальных успехов, нежели думают многие. [...]

[...] Общинное владение, обеспечивающее каждому земледельцу обладание землею, гораздо лучше частной собственности упрочивает национальное благосостояние. Частная земледельческая собственность необходимо ведет к тому, что большая половина возделываемого пространства возделывается не собственниками, имеющими прямой интерес в улучшениях, а другими людьми, которые, производя прочные улучшения, доставляют тем выгоду не себе, а иным людям, и, следовательно, приводятся к наивозможно меньшему интересу в производстве улучшений. Потому общинное владение, обеспечивающее возделывателю несравненно большую долю выгоды от прочных улучшений, более благоприятствует успехам сельского хозяйства, нежели частная поземельная собственность. [...]

Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице. Государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу. [...]

Мы заговорили об идеалах. Мы защищаем факт, у нас существующий, — государственную собственность с общинным владением, именно потому, что она всего ближе всех других форм собственности подходит к идеалу поземельной собственности.

Вся выгода от улучшений и от труда должна принадлежать лицу, трудящемуся и улучшающему.

Каждый земледелец должен быть землевладельцем.

Первая черта идеала относится к успехам сельского хозяйства, вторая к национальному благосостоянию. Чем полнее осуществляются они в действительности, тем при равных условиях быстрее успехи сельского хозяйства и национального благосостояния. Но форма владения не есть единственное основание того и другого: нужны другие условия, о них-то и должны хлопотать в каждой земле люди, желающие успехов сельскому хозяйству. Из этих условий от человеческой воли зависит водворение законности, справедливости и правосудия, водворение хорошей администрации, предоставление каждому простора для законной деятельности, [предоставление каждому трудящемуся обязанности содержать своими трудами только себя и своих близких, а не паразитов, ему чуждых или враждебных].

За осуществлением этих условий следует и все остальное, нужное для успехов земледелия: пробуждение промышленной деятельности, развитие городов, увеличение удобств сообщения производителей с рынком.

Мы защищаем факт, у нас сохранившийся, потому что он из всех возможных на земле форм наиболее соответствует идеалу поземельной собственности.

Но факт сам по себе есть уже всегда до некоторой степени уклонение от идеала и нуждается постоянно в некоторых изменениях и исправлениях для соответствия с ним. [...]

БОРЬБА ПАРТИЙ ВО ФРАНЦИИ ПРИ ЛЮДОВИКЕ XVIII И КАРЛЕ X ⁶

[...] У либералов и демократов существенно различные коренные желания, основные побуждения. Демократы имеют в виду по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве, с одной стороны уменьшить силу и богатство высших сословий, с другой — дать более веса и благосостояния низшим сословиям. Каким путем изменить в этом смысле законы и поддержать новое устройство общества, для них почти все равно. Напротив того, либералы никак не согласятся предоставить перевес в обществе низшим сословиям, потому что эти сословия по своей необразованности и материальной скудности равнодушны к интересам, которые выше всего для либеральной партии, именно к праву свободной речи и конституционному устройству. [...]

Таким образом либералы почти всегда враждебны демократам и почти никогда не бывают радикалами. Они хотят политической свободы, но так как политическая свобода почти всегда страдает при сильных переворотах в гражданском обществе, то и самую свободу, высшую цель всех своих стремлений, они желают вводить постепенно, расширять понемногу, без всяких по возможности сотрясений. Необходимым условием политической свободы кажется им свобода печатного слова и существование парламентского правления; но так как свобода слова при нынешнем состоянии западноевропейских обществ становится обыкновенно средством для демократической, страстной и радикальной пропаганды, то свободу слова они желают держать в довольно тесных границах, чтобы она не обратилась против них самих. Парламентские прения также должны принять повсюду радикально-демократический характер, если парламент будет состоять из представителей нации в обширном смысле слова, потому либералы принуждены также ограничивать участие в парламенте теми классами народа, которым довольно хорошо или даже очень хорошо жить при нынешнем устройстве западноевропейских обществ.

С теоретической стороны либерализм может казаться привлекательным для человека, избавленного счастливой судьбою от материальной нужды: свобода — вещь очень приятная. Но либерализм понимает свободу очень узким, чисто формальным образом. Она для него состоит в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения. Он не хочет понять, что юридическое разрешение для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользоваться этим разрешением. Ни мне, ни вам, читатель, не запрещено обедать на золотом сервизе; к сожалению, ни у вас, ни у меня нет и, вероятно, никогда не будет средства для удовлетворения этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что нимало не дорожу своим правом иметь золотой сервиз и готов продать это право за один рубль серебром или даже дешевле. Точно таковы для народа все те права, о которых хлопочут либералы. Народ невежествен, и почти во всех странах большинство его безграмотно; не имея денег, чтобы получить образование, не имея денег, чтобы дать образование своим детям, каким образом станет он дорожить правом свободной речи? Нужда и невежество отнимают у народа всякую возможность понимать государственные дела и заниматься ими, — скажите, будет ли дорожить, может ли он пользоваться правом парламентских прений?

Нет такой европейской страны, в которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно к правам, составляющим предмет желаний и хлопот либерализма. Поэтому либерализм повсюду обречен на бессилие: как ни рассуждать, а сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массою народа. [...]

КРИТИКА ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩИННОГО ВЛАДЕНИЯ⁷

[...] Повсюду высшая степень развития представляется по форме возвращением к первобытной форме, которая заменялась противоположно на средней степени развития; повсюду очень сильное развитие содержания ведет к восстановлению той самой формы, которая была отвергаема развитием содержания не очень сильным.⁸ [...]

Неужели в самом деле правдоподобно, чтобы один только факт поземельных отношений был противоречием общему закону, которому подчинено развитие всего материального и нравственного мира? Неужели вероятно, чтобы для этого одного факта существовало исключение из закона, действующего столь же неизменно и неизбежно, как закон тяготения или причинной связи?⁹ Неужели при одной фразе «общинное владение есть первобытная форма поземельных отношений, а частная собственность вторая, последующая форма», — неужели при одной этой фразе не пробуждается в каждом, кто знаком с открытиями великих немецких мыслителей¹⁰, сильнейшее, непреодолимое предрасположение к мнению, что общинное владение должно быть и высшею формою этих отношений?

Действительно, норма, изложенная нами и несомненная для каждого, хотя несколько знакомого с современным положением понятий об общих законах мира, неизбежно ведет к такому построению поземельных отношений:

Первобытное состояние (начало развития). Общинное владение землею. Оно существует потому, что человеческий труд не имеет прочных и дорогих связей с известным участком земли. Номады¹¹ не имеют земледелия, не производят над землею никакой работы. Земледелие сначала также не соединено с затратою почти никаких капиталов собственно на землю.

Вторичное состояние (усиление развития). Земледелие требует затраты капитала и труда собственно на землю. Земля улучшается множеством разных способов и работ, из которых самую общую и повсеместную необходимо представляется удобрение. Человек, затративший капитал на землю, должен неотъемлемо владеть ею; следствие того — поступление земли в частную собственность. Эта форма достигает своей цели, потому что землевладение не есть предмет спекуляции, а источник правильного дохода.

Вот две степени, о которых толкуют противники общинного владения, но ведь только две, где же третья? Неужели ход развития исчерпывается ими?

Промышленно-торговая деятельность усиливается и производит громадное развитие спекуляции; спекуляция, охватив все другие отрасли народного хозяйства, обращается на основную и самую обширную ветвь его — на земледелие. Оттого поземельная личная собственность теряет свой прежний характер. Прежде

землею владел тот, кто обрабатывал ее, затрачивал свой капитал на ее улучшение (система малых собственников, возделывающих своими руками свой участок, также система эмфитеозов и половничества по наследству, с крепостною зависимостью или без нее); но вот является новая система: фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вследствие улучшений, производимых фермером, идет в руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало, или только в самой незначительной степени участвовало своим капиталом в улучшении земли, а между тем пользуется всею прибылью, какую доставляют улучшения. Таким образом личная поземельная собственность перестает быть способом к вознаграждению за затрату капитала на улучшение земли. С тем вместе обработка земли начинает требовать таких капиталов, которые превышают средства огромного большинства земледельцев, а земледельческое хозяйство требует таких размеров, которые далеко превышают силы отдельного семейства и по обширности хозяйственных участков также исключают (при частной собственности) огромное большинство земледельцев от участия в выгодах, доставляемых ведением хозяйства, и обращают это большинство в наемных работников. Этими переменами уничтожаются те причины преимущества частной поземельной собственности перед общинным владением, которые существовали в прежнее время. Общинное владение становится единственным способом доставить огромному большинству земледельцев участие в вознаграждении, приносимом землею, за улучшения, производимые в ней трудом. Таким образом общинное владение представляется нужным не только для благосостояния земледельческого класса, но и для успехов самого земледелия; оно оказывается единственным разумным и полным средством соединить выгоду земледельца с улучшением земли и методы производства с добросовестным исполнением работы. А без этого соединения невозможно вполне успешное производство.

Таково сильнейшее, непреодолимое расположение мысли, к которому приводит каждого знакомого с основными воззрениями современного миросозерцания именно та самая черта первобытности, которую выставляя к решительной невыгоде для себя в общинном владении его противники. Именно эта черта заставляет считать его тою формою, которую должны иметь поземельные отношения при достижении высокого развития; именно эта черта указывает в общинном владении высшую форму отношений человека к земле.

Действительно ли достигнута в настоящее время нашею цивилизациею та высокая ступень, принадлежностью которой должно быть общинное владение,— этот вопрос, разрешаемый уже не помощью логических наредений и выводов из общих мировых законов, а анализом фактов, был отчасти рассматриваем нами в прежних статьях об общинном владении. [...]

Итак [...]:

1. Высшая степень развития по форме совпадает с его началом.

2. Под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты. [...]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ¹²

[...] Нет сомнения в том, что по сущности своей природы человек есть существо стройное и согласное в своих частях. В этом убеждает нас и аналогия с другими животными организмами, которые не носят в себе противоречий, и самый принцип единства органической жизни в каждом организме. Но под влиянием противных потребностям человека условий внешней природы самая жизнь человека подвергается уклонениям, и развиваются в ней самой противоречия. Различные потребности, разжигаемые недостатком нормального удовлетворения, достигают крайностей, вредных для самого человека. Все эти крайности еще более искажаются и преувеличиваются влиянием тщеславия, составляющего искажение основного чувства человеческой природы, чувства собственного достоинства. Таким образом, человек подвергается внутреннему расстройству от пороков и экзальтированных страстей. Условия, в которых мы живем, так неблагоприятны для коренных потребностей человеческой природы, что самый лучший из нас страдает этими недостатками. Не забудем, что коренной источник их — несоразмерность средств к удовлетворению с потребностями — имеет чисто экономический характер; из этого уже легко сообразить, что пороки и экзальтированные страсти должны самым прямым образом отражаться в экономической деятельности, да и самые действительные средства против них должны заключаться в экономической области: ведь надобно обращаться против зла в самом его корне, иначе не истребишь зла. Теперь, если эти противные человеческой природе элементы усиливают необходимость законов для каждой сферы общественных отношений, то каким же образом могли бы оставаться чужды подобной необходимости экономические отношения?

Таким образом, если мы взглянем на вопрос с общей теоретической точки зрения, то мнение, будто бы экономическая деятельность не нуждается ни в каких положительных законах, когда остальные деятельности нуждаются в них, представится нам чистою нелепостью, нарушением всякой аналогии между проявлениями человеческой деятельности в разных сферах и противоречием основному принципу общества. [...]

Мы видели, что необходимость законов возникает из несоразмерности человеческих потребностей с средствами удовлетворения. Один из самых избитых трюизмов состоит в том, что человек все

больше и больше подчиняет себе природу. Когда одно из данных количеств остается неизменным (силы природы), а другое (силы человека) постоянно возрастает и притом чем далее, тем быстрее, то простое арифметическое соображение показывает нам, что второе количество с течением времени необходимо сравняется с первым и даже превзойдет его. Таким образом, мы принимаем за арифметическую истину, что со временем человек вполне подчинит себе внешнюю природу, насколько будет [это] ему нужно, переделает все на земле сообразно с своими потребностями, отвратит или обуздает все невыгодные для себя проявления сил внешней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всеми теми силами ее, которые могут служить ему в пользу. Этот один путь уже мог бы привести со временем к уничтожению несоразмерности между человеческими потребностями и средствами их удовлетворения. Но достижение такой цели значительно сократится изменением в размере и важности разных человеческих потребностей. С развитием просвещения и здравого взгляда на жизнь будут постепенно ослабевать до нуля разные слабости и пороки, рожденные искажением нашей натуры и страшно убыточные для общества; будет ослабевать и общий корень большинства этих слабостей и пороков — тщеславие. Итак, с одной стороны, труд будет становиться все производительнее и производительнее, с другой стороны, все меньшая и меньшая доля его будет тратиться на производство предметов бесполезных. Вследствие дружного действия обоих этих изменений люди придут когда-нибудь к уравниванию средств удовлетворения с своими потребностями. Тогда, конечно, возникнут для общественной жизни совершенно новые условия, и между прочим, прекратится нужда в существовании законов для экономической деятельности. Труд из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности, как ныне возвышается до такой степени умственная работа в людях просвещенных: как вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому-нибудь принуждению, а просто потому, что это для вас занимательно и что было бы для вас скучно не посвящать чтению каждый день известное время, так некогда наши потомки будут заниматься материальным трудом. Тогда, конечно, производство ценностей точно так же обойдется без всяких законов, как теперь обходится без них прогулка, еда, игра в карты и другие способы приятного препровождения времени. Каждая пробужденная потребность будет удовлетворяться досыта, и все-таки останется за потреблением излишек средств удовлетворения; тогда, конечно, никто не будет спорить и ссориться за эти средства, и распределение их вообще будет обходиться без всяких особенных законов, как ныне обходится без особенных законов пользование водами океана: плыви, кто хочет, — места всем достанет. [...]

[...] Нетрудно решить, к какому порядку вещей принадлежит общинное поземельное владение: к регламентации или к разумному законодательству. Оно достигает своей цели. Оно не увели-

чивает, а уменьшает хлопоты и расходы правительства. Оно так просто, что устраняет нужду во вмешательствах всякой центральной и посторонней администрации. Оно дает бесспорность и независимость правам частного лица. Оно благоприятствует развитию в нем прямоты характера и качеств, нужных для гражданина. Оно поддерживается и охраняется силами самого общества, возникающими из инициативы частных людей. [Нам кажется, что все это вместе составляет натуру разумного законодательства, противоположную регламентации]. [...]

ПОЛИТИКА ¹³

[...] Элементы и процессы в истории общества гораздо сложнее, нежели в истории природы, и поэтому следить за их законами гораздо труднее; но во всех сферах жизни законы одинаковы. Отвергать прогресс — такая же нелепость, как отвергать силу тяготения или силу химического сродства [...].

Прогресс совершается чрезвычайно медленно, в том нет спора; но все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком, будто молоденький воробушек, еще не оперившийся для полета, еще не получивший крепости в ногах, так что после каждого скачка падает, бедняжка, и долго копошится, чтобы снова стать на ноги, и снова прыгнуть, — чтобы опять-таки упасть. Смешно, если хотите, и жалко, если хотите, смотреть на слабую птичку. Но не забудьте, что все-таки каждым прыжком она учится прыгать лучше, и не забудьте, что все-таки она растет и крепнет и со временем будет прыгать прекрасно, скачок быстро за скачком, без всякой заметной остановки между ними. А еще со временем, птичка и вовсе оперится и будет легко и плавно летать с веселой песнею. Правда и то, что, судя по нынешнему, не слишком еще скоро придет ей время летать; а все-таки придет, сомневаться тут нечего.

За напряжением сил следует усталость, принуждающая к бездействию отдыху; во время отдыха восстанавливаются силы, бездействие, сначала столь отрадное, мало-помалу становится скучным, и возвращается жажда деятельности, покинутой на время от изнеможения; воскресают прежние стремления, и с свежими силами, умудренный прежним опытом, человек горячо берется за продолжение дела, к которому на время охладевал. Таков общий вид истории: ускоренное движение и вследствие его застой и во время застоя возрождение неудобств, к отвращению которых была направлена деятельность, но с тем вместе и укрепление сил для нового движения, и за новым движением новый застой и потом опять движение, и такая очередь до бесконечности. Кто в состоянии держаться на этой точке зрения, тот не обольщается излишними надеждами

в светлые эпохи одушевленной исторической работы: он знает, что минуты творчества непродолжительны и влекут за собою временный упадок сил. Но зато не унывает он и в тяжелые периоды реакции: он знает, что из реакции по необходимости возникает движение вперед, что самая реакция prepares и потребность, и средства для движения. Он не мечтает о вечном продолжении дня, когда поля облиты радостным, теплым светом солнца. Но когда охватит их мрачная, сырая и холодная ночь, он с твердой уверенностью ждет нового рассвета и, спокойно всматриваясь в положение созвездий, считает, сколько именно часов осталось до появления зари. [...]

КАПИТАЛ И ТРУД ¹⁴

[...] Личный интерес вполне удовлетворяется поступлением вещи в собственность. Поэтому энергия труда, то есть энергия производства, соразмерна праву собственности производителя на продукт. Из этого следует, что производство находится в наивыгоднейших условиях тогда, когда продукт бывает собственностью трудившегося над его производством. Иными словами, — работник должен быть собственником вещи, которая выходит из его рук. [...]

[...] Основную идею учения о производстве мы находим полное совпадение идеи труда с правом собственности над продуктом труда; иначе сказать, полное соединения качества собственника и работника в одном и том же лице. Основной идеей учения о распределении ценностей мы находим стремление к достижению, если можно так выразиться, такого порядка, при котором частное число (количество ценностей, принадлежащих лицу) определялось бы посредством арифметического действия, где делителем ставилась бы цифра населения, а делимым — цифра ценностей. [...]

[...] Между состоянием невольника и наемного рабочего существует огромная разница в нравственном и в юридическом отношениях; но специальной экономической разницы в их отношениях к производству нет никакой. Если труд свободного наемного работника производительней, нежели труд невольника, — это зависит от того, что свободный человек выше невольника по нравственному и умственному развитию; потому и работает несколько умнее и несколько добросовестнее. Но эта причина превосходства, как видим, совершенно чужда экономическому его отношению к производству; потому мы и говорим, что если нравственная философия и юриспруденция удовлетворяются уничтожением невольничества, то политическая экономия удовлетворяться этим никак не может; она должна стремиться к тому, чтобы в экономической области была произведена в отношениях труда к собственности переменна, соответствующая перемене, производимой в нравственной и

юридической области освобождением личности. Эта перемена должна состоять в том, чтобы сам работник был и хозяином. Только тогда энергия производства поднимется в такой же мере, как уничтожением невольничества поднимается чувство личного достоинства. [...]

[...] В политической жизни простой народ до сих пор служил только орудием для высшего и среднего сословий, не имея прочного самостоятельного значения; точно так и господствующая экономическая теория ¹⁵ смотрит на труд, принадлежность простого народа, только как на орудие, которым пользуются для своего увеличения собственность и оборотный капитал [...]. Эта теория выражает взгляд и интересы капиталистов, ведущих промышленные и торговые дела и отчасти уже сделавшихся владельцами недвижимой собственности, а вообще проникнутых снисходительностью к побеждаемому врагу, феодальному сословию, которое оказывается их союзником в вопросе о распределении ценностей. Теория самих феодалов выражала интересы людей, совершенно чуждых производству и понятию обмена; потому мало найдется в ней пригодного для экономических потребностей общества, и мы совершенно согласны с отсталыми экономистами ¹⁶ в том, что меркантильная система ¹⁷ была ошибочна в своих основаниях. Этого нельзя сказать о теории отсталых экономистов. В ней есть элементы совершенно справедливые, и для того чтобы получить теорию, удовлетворяющую истинным условиям общественного благосостояния, нужно только со всею точностью развить основные идеи, из которых выходит господствующая система, но которые или не хочет она развивать, или подавляет примесью враждебных с ними понятий.

Мы видели, что господствующая теория соответствует потребностям среднего сословия, существенную принадлежность которого составляет оборотный капитал и которое источником своих богатств имеет участие в производстве. При таком основании теория капиталистов должна была начать анализом понятий производства и капитала. Результатом анализа был вывод, что всякая ценность создается трудом и что самый капитал есть произведение труда. Нужно не бог знает какое глубокое знакомство с философскими приемами, чтобы видеть, к чему приводит развитие этих положений. Если всякая ценность и всякий капитал производятся трудом, то очевидно, что труд есть единственный виновник всякого производства, и всякие фразы об участии движимого или недвижимого капитала в производстве служат только изменениями мысли о труде, как единственном производителе. Если так, то труд должен быть единственным владельцем производимых ценностей. Вывода, нами представленного, конечно, не хотят принять отсталые экономисты, но он необходимо следует из основных понятий о ценности, капитале и труде, найденных Адамом Смитом. [...]

[...] Открытая ненависть между простолюдинами и средним сословием во Франции произвела в экономической теории коммунизм. Английские писатели утверждают, что после Овена комму-

низм не находил значительных представителей в их литературе, и это отсутствие смертельной вражды между теоретиками соответствует отсутствию непримиримой ненависти между английскими работниками и средним сословием. Но если английские экономисты не находят в своей литературе современных мыслителей, подобных Прудону, то в практике промышленных союзов (Trade's Unions) работников представляют очень много соответствующего теориям, которые у французов называются коммунистическими. В Англии, где не любят давать громких имен вещам, эти союзы подвергаются упреку в коммунистических стремлениях только при особенных случаях, каковы, например, колоссальные отказы от работы для принуждения фабрикантов к повышению заработной платы. [...]

Теория трудящихся имеет полное право говорить, что не признает возражения о выгодах одиночного хозяйства, как выражения, не применяющегося к сущности данных положений. При каком порядке дел производство идет успешнее: при рабстве или при свободе? Я этого не знаю и не хочу знать; я знаю только, что рабство противно врожденным стремлениям раба, что свобода соответствует им, и потому я говорю, что производство должно иметь форму свободы. На какой фабрике больше производится продуктов: на фабрике, принадлежащей одному хозяину-капиталисту, или на фабрике, принадлежащей товариществу трудящихся? Я этого не знаю и не хочу знать; я знаю только, что товарищество есть единственная форма, при которой возможно удовлетворение стремлению трудящихся к самостоятельности, и потому говорю, что производство должно иметь форму товарищества трудящихся.

Мы говорим: все равно, увеличивается или уменьшается успешность производства через замещение рабства свободой и одиночного хозяина товариществом трудящихся, — все равно, потребности человека заставляют утверждать, что самостоятельность трудящихся, даваемая только формой товарищества, выгоднее для общества, нежели хозяйство отдельного капиталиста, как свобода выгоднее рабства для общества. Но как при свободе успешнее идет и самое производство, точно так же при форме товарищества оно должно идти успешнее, нежели при хозяйстве отдельного капиталиста.

Одну из причин этого мы видели, когда говорили об общем принципе производства, указываемом самою теориею капиталистов: успешность производства пропорциональна энергии труда, а энергия труда пропорциональна степени участия трудящегося в продуктах; потому наивыгоднейшее для производства положение дел то, когда весь продукт труда принадлежит трудящемуся. Форма товарищества трудящихся одна дает такое положение дел, потому должна быть признана формой самого успешного производства.

Другая причина заключается в направлении производства, в характере продуктов, на которые будет обращен труд. Мы видели, что производительным трудом должен называться только тот,

который обращен на производство предметов нужных,— таких предметов, потребление которых одобряется расчетливостью и благоразумием. С точки зрения трудящихся, такие продукты — вещи, удовлетворяющие необходимейшим потребностям человеческого организма. [...]

Есть еще третья причина большей успешности труда при форме товарищества. Мы видели, что мерилом производства для трудящегося служит не сбыт продуктов, а надобность собственного потребления. Потребление имеет в себе элемент постоянства, которого лишен сбыт. Вы можете наверное рассчитывать, сколько хлеба нужно для известного семейства на неделю, на месяц, на год; обед должен быть и ныне, и завтра. Не то в вопросе о сбыте: ныне на бирже требуются сотни тысяч четвертей хлеба или тюков хлопчатой бумаги, через неделю не потребуются, быть может, ни одной четверти, ни одного тюка. Сбыт не идет размеренным шагом, как потребление; он вечно находится в лихорадочных пароксизмах, и крайняя энергия сменяется в нем совершенным бессилием. К довершению гибельности, невозможно заблаговременно предусматривать ни времени, ни продолжительности этих перемен, ни интенсивности каждой из них. Потому производство капиталиста подвержено беспрерывным застоям, а весь экономический порядок, основанный не на потреблении, а на сбыте, подвержен неизбежным промышленным и торговым кризисам, из которых каждый состоит в потере миллионов и десятков миллионов рабочих дней. Эти кризисы, эта пагубная утрата рабочего времени невозможна при производстве, мерилом которого служит потребление. [...]

Если мы сообразим все эти обстоятельства, дающие перевес производству под формою товарищества трудящихся над производством отдельного капиталиста, если мы вникнем в громадную силу каждого из этих обстоятельств и подумаем, в какой громадной пропорции должна «возрастать она от дружной помощи двух» других обстоятельств, то мы должны будем сказать, что степень возвышения, которую должна произвести в благосостоянии общества эта форма, далеко превосходит все ожидания, к каким мы способны теперь, при нашем рутинном понятии об идеале общественного благосостояния [...].

[...] Прежняя теория провозглашала товарищество между народами, потому что благосостояние одного народа нужно для благосостояния других. Новая теория проводит тот же принцип товарищества для каждой группы трудящихся. Прежняя теория говорит: все производится трудом; новая теория прибавляет: и потому все должно принадлежать труду; прежняя теория говорила: непроизводительно никакое занятие, которое не увеличивает массу ценностей в обществе своими продуктами; новая теория прибавляет: непроизводителен никакой труд, кроме того, который дает продукты, нужные для удовлетворения потребностей общества, согласных с расчетливою экономией. Прежняя теория говорит: свобода труда; новая теория прибавляет: и самостоятельность трудящегося. [...]

[...] Первая теория об улучшении народного быта, обратившая на себя большое внимание во французском обществе, стала известна под именем сен-симонизма, хотя сам Сен-Симон положил только общие, очень неопределенные основания ей, а школа людей, гордившаяся названием его учеников, переработала и развила мысли учителя так, что придала им значение, какого они вовсе не имели у самого Сен-Симона.

Первые проявления новых общественных стремлений всегда имеют характер энтузиазма, мечтательности, так что более походят на поэзию, чем на серьезную науку. Таков был и характер сен-симонизма. [...]

Человек необыкновенного ума и редкого благородства, полный пламенного сострадания к бедствиям массы, Сен-Симон видел перед собою ту самую картину, какую и теперь видит каждый; но чужие несчастья и общественные несообразности, не возмущающие душевного спокойствия людей с обыкновенным сердцем, мучили его.

Повсюду вокруг себя он видел ожесточенную борьбу: борьбу производителей между собою за сбыт товара, борьбу работников между собою за получение работы, борьбу фабриканта с работником за размер платы, борьбу бедняка против машины, отнимающей у него прежнюю работу и прежний кусок хлеба; эта война называется конкуренцией, и нас уверяют, что она приносит большие пользы, чем вреда; очень может быть; но страдания, ею приносимые, неизмеримо велики, потому что она губит всех слабейших в каждом звании, в каждом промысле. У кого больше капитала, тот богатеет, а все другие разоряются: из самой свободы возникает монополия миллионеров, порабащающих себе все; земли обременены долгами; ремесленники, сами бывшие хозяевами, заменяются наемными рабочими; дух спекуляции влечет общество к отчаянному риску, кончающемуся коммерческими кризисами; выгода каждого противоположна выгоде других людей и каждый род занятий враждебен другому. Рынки завалены товарами, не находящими сбыта, фабрики запираются и рабочие остаются без хлеба. Все открытия науки обращаются в средства порабощения, и оно усиливается самим прогрессом: пролетарий делается просто рукояткою машины и беспрестанно бывает принужден жить милостынею; в шестьдесят лет он остается без всяких средств к жизни; его дочь продает себя от голода, его сын с семи лет дышит зараженным воздухом фабрик. Таково было материальное положение общества, представлявшееся Сен-Симону.

Тот же самый хаос видел он и в нравственной жизни общества: оно не имело [...] твердых убеждений, оно [...] привыкло слышать, что все — вздор, кроме личной денежной выгоды. [...]

Все это возмущало Сен-Симона. Он стал думать о необходимости совершенно перестроить общественный быт. Он был потомок

одного из знатнейших родов Франции, герцог, богат; он пожертвовал всем для исследований о средствах улучшить положение страдавших простолюдинов. [...]

Сен-Симон видел в истории человечества прогрессивное движение и замечал, что по временам оно чрезвычайно усиливается, а потом человек ищет отдыха в состоянии временной почти совершенной неподвижности, чтобы, собрав силы в этом отдыхе, снова броситься в стремительное движение. Поэтому он разделял историю на два разряда периодов, сменяющихся один другим: периоды, в которых властвует какая-нибудь система понятий и учреждений, вышедшая из предыдущей эпохи движения; эта система представляет нечто связанное, стройное, хорошее или дурное, но гармонирующее во всех своих частях; отдыхающее человечество подчиняется этой системе; такие эпохи Сен-Симон называл органическими. Собрав силы, человечество принимается переделывать прежнюю систему своих понятий и учреждений, является отрицание, разрушение, борьба защитников старины с нововводителями во всех отраслях жизни; такие эпохи переделки он называл критическими. Он видел органическую эпоху в язычестве до Сократа, потом критическую эпоху разрушения язычества, смены его христианскими понятиями и учреждениями; когда христианство окончательно восторжествовало в Европе, западное человечество снова успокоилось в органической эпохе, продолжавшейся до Лютера; с Лютера снова началась и до сих пор продолжается критическая эпоха. Задача Сен-Симона состояла в том, чтобы найти систему понятий и учреждений, на которых снова могло бы успокоиться общество.

Он замечал, что общество делится на трудящихся и праздных; ему казалось, что сообразна с стремлениями общества будет только такая система, в которой будут господствовать трудящиеся. [...]

Сен-Симон умер за пять лет до июльских событий¹⁹, не дожив до такого времени, когда сильное возбуждение общественных мыслей могло бы расположить общество к оценке попыток коренной общественной реформы, и когда простолюдины, начав предъявлять свои требования, заставили бы образованное общество обратить внимание на способы улучшить их судьбу. Самоотверженный труженик умер почти не замеченный обществом, имея только немногих учеников; но он умер исполненный веры в успех своего учения. «Жатва созрела, вы соберете её», — было его последнее слово окружавшим его постель пламенным последователям. Энтузиасты прогресса ошибаются в одном: в том, что цель их будет достигнута их путем; но они правы, не сомневаясь в том, что она будет достигнута. Так не исполнилась и надежда Сен-Симона на то, что обновление общества будет произведено его учением; но мы видим, что с каждым днем сильнее и сильнее влечется общество к исполнению задачи, служению которой он посвятил себя[, — к преобразованию учреждений сообразно благу беднейшего и многочисленного класса. [...]]

[...] Не будем скрывать от себя: по всей вероятности, еще довольно] далеко время, когда исполнится то, что нужно для благосостояния простолюдинов; понять еще не значит сделать: можно понимать и не хотеть сделать[, если понятое кажется невыгодным, а чего мы не хотим сделать, того мы не хотим и понять как должно; мы только приискиваем возражение против вещи, а не вникаем в нее, стараемся только представить ее перед другими и перед самими собой в другом виде, потому что она невыгодна для нас, и дурна ли она на самом деле, мы не хотим знать, потому что самое это знание было бы невыгодно для нас]. Таково нынешнее положение дела. [...] Много еще времени нужно ему идти до успеха. Но все-таки уже довольно много приблизилось оно к успеху, и тем самым, что сделалось предметом, всех занимающим, каждому известным, стало на очереди уже в числе важнейших забот общества. [Ничего, мы, люди просвещенные и снабженные житейскими удобствами, подождем: придет время, станет оно и первою, и единственною заботою общества, и укрепится оно до того, что забота общества о нем не будет уже в состоянии ограничиваться отрицанием его, заглушением его, а надобно будет обществу приняться и за его совершение; мы подождем, нам можно ждать, нам и теперь хорошо жить; не так удобно ждать простолюдинам: но это уже их, а не наше дело; пусть ждут или не ждут, как сами знают; а если рассудить хорошенько, то нечего было бы ждать им]. [...]

Из этих исторических исследований²⁰ выводились три формулы, в которых, как и в самых исследованиях, основная мысль не всегда находит удачную форму для своего выражения; вот эти выводы:

Человечество идет к учреждению всеобщей ассоциации, основанной на любви. Оно идет к тому, чтобы каждый получал по своей способности, а каждая способность по своим делам. Оно идет к организации промышленности.

Человечество, действительно, идет к замене вражды, принимающей в промышленных делах форму конкуренции, товариществом, союзом. Но совершенно напрасно ожидать, что основанием этого союза может служить любовь: любовь бывает только результатом, возникающим из согласия интересов, а основанием хороших отношений служит расчет, выгода. Любовь только в редкие минуты и только в немногих, особенно способных к экзальтации, людях берет верх над расчетом; да и то может побеждать его только в одном, в двух отдельных фактах, а общий характер действий все-таки остается под властью расчета или рутины, обычая, то есть того же расчета, только сделанного не лично нами, а целым обществом, и сделанного не в эту минуту, а давным-давно и усвоившегося нам по воспитанию. [...] Но сен-симонисты, будучи энтузиастами подобно своему учителю, ошибочно думали, что энтузиазм может иметь над всеми людьми постоянно такую же власть, какую имел тогда над ними: они не предчувствовали, что даже и в них, сошедшихся в ученики Сен-Симона по особенной на-

лонности к энтузиазму, эта горячка экзальтации скоро пройдет и они обратятся в обыкновенных людей, действующих по обыкновенным житейским побуждениям [...].

В своем энтузиазме они не замечали, что вторая формула выражена у них самым односторонним образом, так что вместо подворения всеобщего благосостояния она своим осуществлением только упрочивала бы нынешние страдания огромного большинства людей. Право человека пользоваться житейскими удобствами они основывали только на его способностях, забывая, что человек имеет уже известные права просто как человек, независимо от того, умен он или глуп, на обширности результатов его деятельности, забывая о том, что у человека с крепкими и с слабыми мускулами желудок одинаково требует пищи. «Каждому по его способности»: если так, Ньютон должен получить сотни миллионов, — на что ему они? ему довольно простого благосостояния; для него и для других людей было бы невыгодно, если бы его обратиться в Ротшильда, да он и не сумел бы справиться с ротшильдовскими делами; но учитель арифметики в приходской школе, человек бедных дарований, едва сам выучившийся тройному правилу, должен быть нищим, потому что он человек очень ограниченного ума. А что же будет с большинством людей всякого сословия, в которых не обнаруживается способности ни к чему, кроме механического исполнения рутины, у которых совершенно нет никаких умственных прав? Но мало того, что каждому дается по его способности, — сама способность измеряется делами: что же тогда будет с людьми, пораженными параличом или другими хроническими болезнями, или увечными? — они не имеют никакого права на самое сохранение жизни.

Если общество располагает такими средствами, что за достаточным удовлетворением всех законных потребностей каждого человека остается у него излишек, пусть оно распределяет этот излишек на каком ему угодно основании: раздает ли его по способностям или по результатам деятельности, или, может быть, по другим расчетам, более выгодным для общественного благосостояния; но прежде всего каждый человек имеет право на удовлетворение своих человеческих потребностей; общество только потому и существует, что предполагается надобность его для обеспечения каждому из его членов полнейшего удовлетворения человеческих нужд.

Две первые формулы сен-симонизма оказываются неудовлетворительными. Да и третья формула удовлетворительна только в своем общем выражении, какое мы видели, а не в том более определенном смысле, в каком сен-симонисты думали осуществить ее. «Организация промышленности». Это так, это возможно и нужно, это неизбежно. Но каким способом промышленность получит и будет сохранять свою организацию? Сен-симонисты извлекали этот способ из своей фальшивой идеализации католицизма. Они хотели действовать авторитетом, как господствовал будто бы като-

лицизм, и господствовал будто бы с пользою для людей. Они придумывали правила и хотели, чтобы люди исполняли эти правила не по расчетливому убеждению в их основательности, а по уважению и по преданности к людям, провозглашающим эти правила, повелевающим хранить их. Мало того: люди, облеченные авторитетом, сами должны были стоять выше всяких правил, их воля должна была служить верховным и безусловным правилом для других, как воля папы будто бы служила верховным законом для католиков в средние века. Мы не станем делать уже никаких замечаний о дикости этой фантазии; нелепость тут очевидна.

Но каковы бы ни были недостатки способов, которыми сен-симонисты предполагали вести человечество к благоденствию, высота основного стремления их школы выкупала все, и потому к ученикам Сен-Симона присоединялось довольно много даровитейших людей из молодого поколения. [...]

[[...] Появление новых мыслей в головах таких людей] важно, как признак того, что пришла пора обществу заниматься идеями, выразившимися на первый раз в этой неудовлетворительной форме. Скоро мы увидим, что они, [дошедши до сословий более серьезных,] стали проявляться в формах более рассудительных и доходить до людей, у которых бывают уже не восторженною забавою, а делом собственной надобности; а когда станет рассудительно заботиться о своем благосостоянии тот класс, с которым хотели играть кукольную комедию сен-симонисты, тогда, вероятно, будет лучше ему жить на свете, чем теперь ²¹.

О ПРИЧИНАХ ПАДЕНИЯ РИМА ²²

[...] Мы далеко не восхищаемся нынешним состоянием Западной Европы; но все-таки полагаем, что нечем ей позаимствоваться от нас. Если сохранился у нас от патриархальных (диких) времен один принцип, несколько соответствующий одному из условий быта, к которому стремятся передовые народы, то ведь Западная Европа идет к осуществлению этого принципа совершенно независимо от нас. Новые экономические тенденции стали обнаруживаться во Франции и в Англии задолго до того, как барон Гакстаузен рассказал немцам о нашем обычном общинном землевладении; а французы и англичане узнали об этом нашем обычае от немцев еще позднее, — чуть ли не вчера только или третьего дня. Их мыслители нашли истину без помощи знаний о нашем быте; они и не подозревали даже, когда составляли свои теории, что у одного из русских племен сохранилось общинное землевладение. Распространялись и распространяются до сих пор их мысли в Западной Европе также без всякого отношения к нашему обычаю: ни для кого из приверженцев новых теорий на Западе не служит он доводом в пользу новых теорий. Это все равно, как изобретены были и распространились по Европе висячие мосты, без всякого участия

тут несколько похожей вещи, издавна существующей — не помним — у китайцев ли или у какого-то другого восточно-азиатского народа: перебрасываются с одного края ущелья на другой веревки и настилаются на этих веревках доски. Европейские инженеры и не подозревали о существовании такого факта, когда стали доказывать возможность и пользу висячих мостов, и вошли в употребление такие мосты без всякой помощи китайского или какого другого восточно-азиатского влияния. Какое же тут участие имели китайцы в прогрессе европейской инженерной науки и практики? Чем была тут или будет обязана им человеческая цивилизация или Западная Европа? Напротив, когда они из своего бог знает какого бестолкового состояния перейдут в порядочную цивилизацию, они же будут учиться от Западной Европы не тем одним вещам, сходного с которыми ничего не было у них в их прежнем азиатстве, а между прочим и постройке висячих мостов, сходная с которыми вещь была у них. Принцип, положим, действительно один и тот же. Но форма, до какой развивается вещь, порождаемая принципом, совершенно не та, и китайцам без помощи европейской цивилизации никак нельзя было бы дойти до висячего моста, действительно прочного, удобного, удовлетворяющего надобностям цивилизованного общества; а та форма, какая существует у них при азиатстве, ведь и неудовлетворительна для общества, сколько-нибудь развитого. Что же хорошего в китайских веревочных мостах? Хорошо в них то, что при своем прежнем и нынешнем азиатстве китайцы, бывшие неспособными иметь постройки более совершенной формы, терпели бы еще больше неудобств, если б не было у них хоть веревочных мостов. Значит, для китайцев эти мосты были и остаются пока полезны, даже очень полезны, пожалуй, благотельны и спасительны; но ведь для самих же китайцев только; а Европе не принесли, не приносят и не могут принести никакой пользы. Они ей совершенно не нужны; они для нее совершенно неудовлетворительны. А для китайцев они, как мы уж говорили, очень полезны. И не только теперь полезны, при их азиатстве, при их неспособности иметь лучшие пути сообщения с лучшими мостами. Наверное обычный этот факт окажется полезен и для дальнейшего их прогресса, когда они станут способны завести у себя лучшие пути сообщения по европейской науке. Ведь мандарины не сделаются же вдруг просвещенными европейцами, истинными реформаторами, какими-нибудь Стефенсонами или Робертами Овенами; долго будет у них в головах сидеть азиатская рутина с отвращением от всего истинно-европейского. Вот им и будут говорить порядочные инженеры: «что же такое, ведь висячие мосты — чисто национальное наше китайское учреждение; ведь в них нет ничего европейского развращенного и гибельного для китайских порядков». Да и народ китайский нелегко поверил бы удобству и прочности железных висячих мостов, если бы не привык к своим веревочным; ну, а теперь каждому будет видно, что железные висячие мосты безопасны во всех отношениях: и с китайскими порядками сходны, и ходить или

ездить по ним вовсе не страшно. Значит, китайцы будут много обязаны своим нынешним веревочным мостам за легкие успехи нового инженерного искусства в их стране.

Вот точно такого же рода история и с нашим обычным землевладением. Европе тут позаимствоваться нечем и не для чего; у Европы свой ум в голове, и ум гораздо более развитый, чем у нас, и учиться ей у нас нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существует у нас по обычаю, неудовлетворительно для ее более развитых потребностей, более усовершенствованной техники; а для нас самих этот обычай пока еще очень хорош, а когда понадобится нам лучшее устройство, его введение будет значительно облегчено существованием прежнего обычая, представляющегося сходным по принципу с порядком, какой тогда понадобится для нас, и дающим удобное, просторное основание для этого нового порядка.

Кроме общинного землевладения, невозможно было самым усердным мечтателям открыть в нашем общественном и частном быте ни одного учреждения или хотя бы зародыша учреждения для предсказываемого ими обновления ветхой Европы нашею свежелою помощью. Мы тут говорим, разумеется, не о славянофилах; у славянофилов зрение такого особенного устройства, что на какую у нас дрянь ни посмотрят они, всякая наша дрянь оказывается превосходной и чрезвычайно пригодной для оживления умирающей Европы. [...] Мы говорим не о таких людях: их мало, и спорить с ними не стоит, — мы говорим не про чудачков, а про людей, рассуждающих по обыкновенному человеческому смыслу. Они, кроме общинного землевладения, не видят у себя ничего такого, чему полезно было бы распространиться от нас на передовые страны и чем бы могли мы содействовать их оживлению. А этому обычаю Европе поздно научиться от нас, да и не нужно учиться, потому что сама она гораздо лучше нас понимает, какие новые порядки ей нужны, как их устроить и какими способами вводить. Значит, оживлять нам ее равно уж нечем. [...]

Нынешнее состояние массы в самых передовых странах достаточно ручается, что она до сих пор почти вовсе еще не жила историческою жизнью, а продолжала искони веков дремать младенческим сном [...].

[...] Лишь самая ничтожная доля в составе населения каждой передовой страны могла истощить свои силы, а если брать весь народ страны, то следует сказать, что он еще только готовится выступить на историческое поприще, только еще авангард народа — среднее сословие, уже действует на исторической арене, да и то почти лишь только начинает действовать; а главная масса еще и не принималась за дело, ее густые колонны еще только приближаются к полю исторической деятельности. [...]

[...] «В понятии труда заключаются кроме самой деятельности и все те неприятные или тяжелые ощущения, которые соединены с этой деятельностью», говорит Милль,— кто станет спорить с этим? Но одни ли неприятные ощущения соединены с деятельностью, которая называется трудом? Милль об этом не говорит. Очень может быть, что во времена Адама Смита не представлял никакой важности вопрос о том, одну ли только неприятную сторону имеет в себе труд, или, кроме неприятных ощущений, он производит также приятные. Но теперь вопрос этот поставлен, и объяснено, что тот или иной ответ на него имеет последствия, совершенно различные для направления экономической теории.

Есть теория, утверждающая, что неприятные ощущения, производимые трудом в трудящемся человеке, проистекают не из сущности самой деятельности, имеющей имя труда, а из случайных, внешних обстоятельств, обыкновенно сопровождающих эту деятельность при нынешнем состоянии общества, но устраняющихся от нее другим экономическим устройством. Теория эта прибавляет, что, напротив, сам по себе труд есть деятельность приятная, или по термину, принятому этою теориею, деятельность привлекательная, так что, если отстраняется внешняя неблагоприятная для труда обстановка, он составляет наслаждение для трудящегося ²⁴.

Мы должны предоставить личному мнению читателя суждение о том; справедлива ли изложенная нами теория в абсолютном своем развитеи, когда она утверждает, что *никакой* род труда не заключает сам в себе ничего неприятного. Экономическое устройство, которое считается рациональным в этой теории, до сих пор еще не осуществлено, и потому нельзя с достоверностью знать, в том ли именно размере изменится при этом устройстве характер *всякого* труда, как предполагает она.

Но если при нынешнем состоянии общественных учреждений и знаний нельзя с математическою точностью доказать, чтобы *никакой* род труда не имел в своей сущности ничего неприятного, то еще менее можно сказать, чтобы наука давала нам право утверждать противное. [...]

Разделение труда необходимо. Так, но следует ли из этого необходимость отдельному работнику заниматься целый день, целую жизнь именно только трудом над известною дробною операциею? Этого принцип разделения труда вовсе еще не предполагает. Напротив, чем выше проводится разделение труда, тем легче становится одному человеку поочередно заниматься множеством разных дробных операций.

[...] Столь же важна другая выгода такой формы деятельности работника. При разнообразии занятий он будет иметь более широкую сообразительность, умственные силы его будут развиваться от работы, а не тупеть, как тупеют при ограничении всей дея-

тельности его одною упрощенною до машинальности операциею. Подумаем только, может ли быть какое-нибудь сравнение, по изобию материалов для умственного развития, по богатству промышленной опытности, по догадливости между работником, который бывал и на полевой работе, и на ткацких фабриках, и на постройках, и в ремеслах, и между таким работником, который всю жизнь просидел у одного колеса одной машины на одной фабрике? Тут разница такая же, как между человеком, изъездившим вдоль и поперек Россию, и другим, который носа не высовывал за шлагбаум своего уездного города. [...] Решительно ни один из элементов успешности производства не имеет такого громадного значения, как степень умственного развития в работнике. Климат, почва, запасы капитала, самая крепость физических сил — все это ничтожно по сравнению с развитием мысли. Из этого развития все возникает, все достигает только той величины, какая сообразна с ним, все поддерживается только им. Потому важнейшим препятствием к развитию производства надобно считать те формы, которые неблагоприятны умственному развитию работника. [...]

Земледельческий процесс отличается от фабричного гораздо большей сложностью элементов, участвующих в нем. Тут входят климатические и геологические условия, которых не знает фабрика. На фабрике материал однороден; в земледелии он состоит из нескольких различных частей; кроме посева, соответствующего тому, что собственно называется на фабрике материалом, земля, служащая как будто ретортою, сама входит в химические соединения с материалом, между тем как на фабрике реторта не смешивается с ним. Этим объясняется, почему наука стала управляться с земледельческими вопросами гораздо позднее, чем с фабричными. Для решения задач более сложных ей было нужно приобрести гораздо больше знаний. Теперь она уже владеет значительной частью нужных по земледельческим вопросам сведений и быстро приобретает те, которых еще недостает ей.

Из этого надобно заключать, что скоро исчезнут причины различия между земледелием и фабричною промышленностью по отношению к выгоде производства в большом размере.

Впрочем, эти соображения надобно считать все еще не больше, как только догадками, гипотезами, — конечно, имеющими очень сильную степень вероятности: степень их вероятности почти равняется несомненности, однако же это еще не факт; это еще только выводы из признаков, указывающих на близкое осуществление известных фактов...

Все преимущества сельского хозяйства в малом размере сводятся к одному: работы исполняются людьми, имеющими прямой интерес в их успешности. Почти все дело совершается семейством, которому будет принадлежать продукт. Лишь незначительная часть работ, да и то лишь иногда, случайным образом, исполняется наемными работниками, не имеющими личного интереса в успешности производства, да и то они работают рядом с хозяином, так что

совестно им отстать от него, да и нельзя отстать: его глаз следит за ними ежеминутно. Потому, каковы бы ни были средства, представляемые малым хозяйством, оно пользуется ими очень хорошо.

Все преимущества большого хозяйства также сводятся к одному: оно имеет очень хорошие средства к успешному ведению дела, имеет лучшие орудия, имеет экономное распределение земли. В малом хозяйстве значительная пропорция земли пропадает, нельзя так удобно расположить разных полей и угодий, нельзя иметь таких хороших орудий.

В чем же дело, как теперь оказывается? При одной системе есть охота хорошо исполнять дело, но нет средств; при другой системе есть все средства успешно вести дело, но у исполнителей его, у наемных работников, нет охоты порядочно исполнять его.

Что ж это такое? и как тут рассудить? [...]

Для хорошего хозяйства необходим большой размер полей.

Для хорошего хозяйства необходимо, чтобы работники были хозяева, а не наемники.

Пока эти условия не совместились в хозяйстве, оно будет плохо. [...]

Должно заметить, что закон, формула которого выражена теперь нами по вопросу о земледельческом производстве, прилагается и к фабричному и ко всякому другому производству. Повсюду успех производства является произведением двух факторов: один из факторов — степень совершенства производительных операций, другой фактор — качество труда, или, что то же, качества работника, исполняющего эти операции. Само собою разумеется, что если один фактор очень велик, то произведение будет довольно значительно и при малой величине другого фактора. Но выгоднейшая величина в произведении получается, когда оба фактора соразмерны между собою ²⁵ [...].

[...] Вместо наемного труда, выгодною дела требуется тут уже другая форма труда, более заботливая, более добросовестная к делу. Тут нужно, чтобы каждый работник имел побуждение к добросовестному труду не в постороннем надзоре, который уже не может уследить за ним, а в собственном своем расчете; тут уже нужно, чтобы вознаграждение за труд заключалось в самом продукте труда, а не в какой-нибудь плате, потому что никакая плата не будет тут достаточно вознаграждать за добросовестный труд, а различать добросовестный труд от недобросовестного становится все менее и менее возможным кому бы то ни было, кроме самого трудящегося.

Мы видим, что перемены в качествах труда вызываются переменами в характере производительных процессов. С одной стороны, это значит, что если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда, и что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов. Но, с другой стороны, не следует забывать и того, что результаты известного факта требуют известного времени для пол-

ного своего обнаружения, что факт, требующий новой обстановки, не вдруг может создать ее, и неизбежно продолжает несколько времени существовать прежняя обстановка, соответствовавшая прежним фактам, но для него уже неудобная. Потому очень натурально, что характер труда в передовых странах Европы до сих пор еще остается прежний, какой был удобен при ведении производства в малом размере; производство в большом размере само стало усиливаться еще очень недавно: назад тому 80 лет его экономическая роль была совершенно ничтожна, даже в самой Англии, не говоря уже о других странах. Всего лет сорок или много пятьдесят прошло с тех пор, как начало оно быстро возвышаться, и только вот в последние годы стало достигать оно решительного перевеса над производством в малом размере. Если невольничество продержалось силою рутины несколько столетий, после того как перестало быть удобною формою производства, то и форма наемного труда в передовых странах Европы, может быть, продержится еще довольно долго,— быть может, несколько десятилетий, а быть может, даже и несколько поколений. В вопросах о будущем можно определенительно видеть только цель, к которой идет дело по необходимости своего развития, но нельзя с математической точностью отгадывать, сколько времени потребуется на достижение этой цели: историческое движение совершается под влиянием такого множества разнородных влечений, что видно только бывает, по какому направлению идет оно, но скорость его подвержена постоянным колебаниям, как возрастание температуры от зимы к лету: вообще она возрастает, но нельзя предугадать, какова именно будет температура следующего дня. Так и в истории: нельзя определить, благоприятны ли или неблагоприятны будут ближайшие годы экономическому прогрессу. Если благоприятны, в несколько лет произойдет развитие, на которое при неблагоприятных временах понадобится несколько десятков лет, а пожалуй, и несколько столетий. Но эта хронологическая разница имеет только практический интерес для живущего поколения: доведется ли ему пользоваться лучшими условиями производства или нет, для него это, конечно, очень важно. А в отвлеченной формуле нет этой неизвестности, потому что нет в ней и хронологических указаний; она только говорит факту: ты минуешь, и место твое займет другой факт; она говорит только: из настоящего положение вещей произойдут такие-то и такие-то перемены в таких-то и таких-то фактах. Но когда произойдут, этого она не говорит. Быть может, завтра, быть может, очень не скоро. [...]

ОЧЕРКИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ (ПО МИЛЛЮ) ²⁶

[...] Общепринятый тон политико-экономических отзывов о коммунистах и социалистах не один раз изменялся с той поры, как эти тенденции заняли постоянное и видное место в умственной жизни. До 1848 года масса умеренных прогрессистов, в том числе и почти все политико-экономы, говорили о коммунистах и социалистах с

любезною снисходительностью, как о мечтателях благонамеренных, хотя и заблуждающихся, но самыми своими заблуждениями отчасти содействовавших им, умеренным прогрессистам, в разъяснении истины. Над коммунистами и социалистами при случае подсмеивались с приятными претензиями на остроумие, без ожесточения, больше для препровождения времени, но говорилось это о них лишь при случае, не слишком часто и не слишком помногу. Они казались людьми неважными.

В 1848 году повсюду, где был переворот, бывали в нем более или менее заметны или у всей массы простонародья или у довольно больших отделов ее какие-то отчасти неясные тенденции, клонившиеся к коренному ниспровержению существующего экономического порядка, тенденции, казавшиеся сходными с коммунизмом. В то же время обнаруживалось, что бывшие защитники коммунизма и социализма в литературе думают воспользоваться этими тенденциями, которые были порицаемы даже и самыми радикальными из демократов, не бывших коммунистами или социалистами. Таким образом, раскрылось для всех, что между коммунистами и социалистами и всеми другими партиями есть коренная разница, гораздо значительнее даже той, какая существует между самыми далекими друг от друга из остальных партий. Приверженец абсолютизма и красный республиканец чувствовали в это время, что у них у обоих есть что-то общее, против чего идут социалисты и коммунисты. А эти люди, оказавшиеся идущими против учреждений, равно драгоценных и для реакционера и для огромного большинства революционеров, оказались в некоторых местах довольно близкими к получению власти над обществом. Например, предводители баденских инсургентов Геккер и Струве были социалисты, а ведь они успели овладеть Баденом и были побеждены уже только двинутыми на них прусскими войсками²⁷. Но главным источником страха была, разумеется, Франция. Временное правительство нашло нужным льстить коммунистам и социалистам, чтобы выиграть время. Эти ловкие маневры имели вид такой искренности, что казалось, будто оно дает социалистам и коммунистам участие в управлении страной. На самом деле ничего такого не было сделано. Но имя Луи-Блана в числе членов временного правительства и люксембургские конференции²⁸, которыми или обманули этого тщеславного труса (если он тщеславный трус), или обольстили этого самоотверженного гражданина (если он был самоотверженный гражданин, не хотевший вести свою партию к победе путем междоусобной войны), — но национальные мастерские, устроенные врагами коммунизма, как лагерь против коммунистов, и однакоже очень хитро выставлявшиеся за создание коммунистов, — этого было уже довольно, чтобы вся Европа кричала: «коммунисты овладевают правительством во Франции!» А тут поднялось громадное июньское восстание, подавленное лишь после такой упорной битвы, какой еще никогда не бывало даже и в парижских междоусобицах. Под влиянием этих событий все стали трепетать при одной мысли о коммунистах и социалистах, и ни на

минуту не мог никто избавиться от мысли о них. В ту эпоху не в силах был человек написать ни одной страницы без того, чтобы не попали туда социалисты или коммунисты с приставкою надлежащих проклятий. Политическая экономия заразилась социализмофобией и коммунизмофобией (разумеется, в тех странах, которые подвергались перевороту, и в странах, повторяющих все с голоса тех стран. Англичане сохранили некоторое хладнокровие). Брань — настроение духа, одаренное очень большою живучестью. Трусость также. Раз принявшись бранить и трусить социалистов и коммунистов, континентальные политико-экономы еще не успели оправиться от своего истерического припадка. Но 10 или 12 лет — порядочный срок времени, и нельзя, чтобы не случилось в такой срок ничего, могущего подействовать даже и на людей, упражняющихся в истерике. Оно и действительно возникли в это время два явления, отчасти подействовавшие на континентальных политико-экономов. Очень важное место в литературе занял писатель очень крутого нрава, Прудон. Кто он такой, социалист или не социалист, коммунист или не коммунист — этого никто из континентальных политико-экономов не умеет разобрать да и сам Прудон, быть может, не знает определенно. Но одно всем заметно: он ужасно бранится, и так бранится, что на кого набросится, безвозвратно выставит глупцом. Бранит он социалистов и коммунистов — это хорошо; но попробуй кто-нибудь сказать что-нибудь против них, он так отделает этого господина, что тот жизни будет не рад: «если, говорит, я их называю глупцами, так другое дело — я понимаю их; а вы, милостивый государь, не понимаете их, вы сами гораздо глупее их, да и в политической экономии вы ни аза в глаза не знаете; какой вы политико-эконом! вы просто ахиною городите». Вот от страха перед таким чудовищем иной раз и боится политико-эконом не сделать милой улыбки коммунизму в извинение за то, что тут же выбранил коммунистов. А тут есть еще другое обстоятельство, коммунизм популярен: кому не хочется уловить частичку популярности? Вот политико-эконом, выбранивши коммунизм, и прибавляет для партера: «что это я, дескать, только так говорю против крайностей и утопий, а что касается до здоровой части новых стремлений, так я до-нельзя люблю ее», и пойдет хвалить ассоциации, предекать им великую будущность, заболтается до того, что сам уже ничего не разбирает, что говорит. Таким образом нынешний обыкновенный тон отзывов о коммунизме — смесь неистовств с сладкими улыбочками, проклятий с комплиментами. [...]

[...] В делах важных успех достигается после длинного ряда неудач, и за каждым движением вперед следует реакция, теснящая дело назад с таким упорством, что преодолевается только чрезвычайным напряжением сил, за которым, конечно, следует утомление с новым преобладанием реакции.

Есть люди, которые не ждут успеха ни при каком отдельном факте, а знают только, что в окончательном результате будет успех, — знают потому, что сомневаться в нем нельзя: неизбежность

его доказывает себя математически. [...] Мы совершенно согласны с Миллем, что нельзя ждать скорого замещения нынешней коренной институции экономического быта порядком дел, основанным на ином принципе. Но следует ли из этого, что «политико-эконом долго должен будет заниматься условиями быта и прогресса», принадлежащими нынешнему господствующему принципу? Оно так, только не в том смысле, какой дает этому Милль. Разумеется, всего больше человек должен заниматься настоящим своим положением и будущим очень близким, но как он будет судить о нем? На основании ли того, что принимает он за истину, или должен забывать эту норму, если она вполне не осуществима завтра или послезавтра. [...]

[...] Близка или далека цель, все равно, нельзя выпускать ее из мысли, нельзя, потому что как бы далеко ни была она, ежеминутно представляются и в нынешний день случаи, в которых надобно поступить одним способом, если вы имеете эту цель, и другим способом, если вы не имеете ее. [...]

[...] Ведь история не на диване, на котором лежит человек, не двигаясь с места, ведь она мчит вас куда-то, а вы еще не знаете куда? Так уж вы поскорее разузнайте, куда это она вас мчит? Туда ли, куда вам нужно? и если туда, куда вам нужно, то напрасно вы и толкуете о других дорогах, а если не туда, куда вам нужно, то сворачивайте. [...]

У Милля мы прочли, что он [Луи-Блан] коммунист, требующий совершенного равенства, — не имущества: какие уж имущества при коммунизме, отрицающем всякую собственность, — а доходов или выдачи содержания каждому члену нации. Ну, действительно, это вещь не слишком-то удобоисполнимая не только при нас, а и при внуках наших, да и при праправнуках. Да нет, прибавляет Милль, это еще не все, это еще только на первый раз думает он так сделать, а собственно требует он, чтобы каждый посвящал все свои силы на работу в пользу коммунистической кассы, а получал содержание, какое она положит ему по рассмотрении его надобностей, то есть это значит, что если она рассудит, что я могу существовать черным хлебом и толокном, то буду я работать, как вол, и будут посторонние мне люди кушать возделанный мною белый хлеб и говядину из выкормленного мною скота, а мне и понюхать никогда не дадут ни говядины, ни белого хлеба; ну, это еще неудобоисполнимое в нынешнее время; ведь нужно перевоспитать несколько поколений, чтобы соблюдаема была людьми справедливость при распределении доходов без всякой другой нормы, кроме общественной добросовестности. Ну, видно, что и глуп же этот Луи-Блан! Да и парижские работники что за олухи, что носили на руках такого фантазерного идиота.

Может быть, вы рассудите так, а может быть, навернется вам на ум другая догадка: если масса людей грамотных, довольно много читавших и очень опытных в житейском деле — а ведь парижские работники таковы, — выводила вперед своим представителем Луи-Блана, то, вероятно, его требования не были же до такой осязательности неудобоисполнимы для нынешнего времени. [...]

[...] Практическое принятие обществом такой формы экономического расчета, которая была бы удовлетворительнее соперничества, — дело очень трудное при наших привычках, требующее очень большого прогресса в понятиях и обычаях. [...]

Мы говорили, что трудно сказать, возвысился или понизился общий уровень материального благосостояния рабочих классов от экономического прогресса при нынешнем быте, — то есть полнее или скуднее прежнего удовлетворяется вся сумма потребностей, чувствуемых работником; но относительно некоторых отдельных элементов материальной надобности очевидно, что они и у работника удовлетворяются ныне гораздо лучше прежнего, благодаря экономическому прогрессу. Сюда принадлежат все те вещи, пользование которыми удобно делается достоянием всего общества, хотя бы они первоначально устраивались только для некоторых малочисленных сословий или для административного употребления, — вещи, не поглощаемые или слишком в незначительной степени поглощаемые личным потреблением сословий или учреждений, интересами которых создаются. Таковы, например, пути сообщения, почта, освещение улиц, места общественных прогулок, театр. Пути сообщения устраиваются по стратегическим, по административным и по торговым надобностям. Государство или коммерческий класс сооружают их собственно для себя, для передвижения войск, правительственных агентов и посылок или для перевозки товаров. Но невозможно сделать такое шоссе, которое за провозом этих товаров и проездом этих людей не оставалось бы, так сказать, в совершенно праздном излишке, — почему ж не предоставить и простолыдину пользоваться этим излишком, в котором нет надобности уже никому другому? [...]

Если мы посмотримся в подобные случаи, когда крохи, лишние или не пригодные для других сословий, падают (выражаясь фигурально) с богатой трапезы материального прогресса на пол, где предоставляется подбирать их бедному Лазарю²⁹, то нельзя нам будет удержаться от сардонического смеха, читая у рутинных политико-экономов панегирические декларации о том, как много делают для блага простолыдинов классы и учреждения, распоряжающиеся делами этого прогресса. Нет, для пользы простолыдина не делается тут почти никогда ничего, — напротив делается ему всякое неудобство [...].

[...] Если под благоразумием работников понимать не одну воздержанность, о которой говорит Милль, а вообще ясное сознание о качествах существующего экономического устройства и о том, как оно должно быть изменено, то, конечно, все зависит от благоразумия самих работников, потому что всё в обществе зависит от характера мыслей у населения страны. Но придавать такой общий смысл выражению, за которым укоренился совершенно иной, частный смысл, — значит делать натяжку, ведущую к ошибкам. Потому лучше будет сказать, что благосостояние массы зависит от ее убеждений и не возвысится до тех пор, пока не распространятся

между людьми известные убеждения. Главные черты образа мыслей, ведущего к улучшению быта, мы уже знаем. Они состоят в том, что труду не следует быть товаром, что человек работает с полной успешностью лишь тогда, когда работает на себя, а не на другого, что чувство собственного достоинства развивается только положением самостоятельного хозяина, что поэтому искать надлежащего благосостояния будет работник только тогда, когда станет хозяином; что с тем вместе принцип сочетания труда и характера улучшенных производительных процессов требует производительной единицы очень значительного размера, а физиологические и другие естественные условия требуют сочетания очень многих разнородных производств в этой единице; и что поэтому отдельные хозяева-работники должны соединяться в товарищества. Когда так называемые утописты заговорили об ассоциации, теоретики господствующей школы провозгласили эту новую идею злодейственной нелепостью, точно так же, как сначала провозглашается нелепостью вообще всякая новая мысль. Теперь уже не то. В каждом рутинном курсе политической экономии делается значительная уступка понятиям так называемых утопистов; самый отсталый политико-эконом должен признаваться, что экономическая история движется к развитию принципа товарищества и что оно в некоторых случаях уже оказалось очень полезным. С этим признанием бывают соединены всевозможные желчные выходки и оно бывает обставлено бесчисленными оговорками. Но смущаться тут нечем: людям, не желающим делать известного признания, естественно сердиться на необходимость, принуждающую к нему; людям, не желающим делать уступок, натурально придумывать крючкотворские кляузы при невозможности избежать уступок. [...]

ЧТО ДЕЛАТЬ?

ИЗ РАССКАЗОВ О НОВЫХ ЛЮДЯХ ³⁰

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ

[...] Господин стеснен при слуге, слуга стеснен перед господином; только с равным себе вполне свободен человек. С низшим скучно, только с равным полное веселье. Вот почему до меня и мужчина не знал полного счастья любви; того, что он чувствовал до меня, не стоило называть счастьем, это было только минутное опьянение. А женщина, как жалка была до меня женщина! Она была тогда подвластным, рабствующим лицом; она была в боязни, она до меня слишком мало знала, что такое любовь: где боязнь, там нет любви.

Поэтому, если ты хочешь одним словом выразить, что такое я, это слово — равноправность. Без него наслаждение телом, восхищение красотой скучны, мрачны, гадки; без него нет чистоты сердца, есть только обмен чистотой тела. Из него, из равенства, и свобода во мне, без которой нет меня.

Я все сказала тебе, что ты можешь сказать другим, все, что я теперь. Но теперь царство мое еще мало, я еще должна беречь своих от клеветы незнающих меня, я еще не могу высказывать всю мою волю всем. Я скажу её всем, когда мое царство будет над всеми людьми, когда все люди будут прекрасны телом и чисты сердцем, тогда я открою им всю мою красоту. Но ты, твоя судьба, особенно счастлива; тебя я не смущу, тебе я не поврежу, сказавши, чем буду я, когда не немногие, как теперь, а все будут достойны признавать меня своею царицею. Тебе одной я скажу тайны моего будущего. Клянись молчать и слушай. [...]

— О, любовь моя, теперь я знаю всю твою волю; я знаю, что она будет; но как же она будет? Как тогда будут жить люди?

— Я одна не могу рассказать тебе этого, для этого мне нужна помощь моей старшей сестры,— той, которая давно являлась тебе. Она моя владычица и слуга моя. Я могу быть только тем, чем она делает меня; но она работает для меня. Сестра, приди на помощь.

Является сестра своих сестер, невеста своих женихов.

— Здравствуй, сестра,— говорит она царице,— здесь и ты, сестра? — говорит она Вере Павловне,— ты хочешь видеть, как будут жить люди, когда царица, моя воспитанница, будет царствовать над всеми? Смотри.

Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по нескольку в самых больших столицах,— или нет, теперь ни одного та-

кого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ. Нивы — это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? [...] Только в оранжерее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля, это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсиновые деревья, персики и абрикосы, — как же они растут на открытом воздухе? О, да это колонны вокруг них, это они открыты на лето; да, это оранжереи, раскрывающиеся на лето. Рощи — это наши рощи: дуб и липа, клен и вяз, — да, рощи те же, как теперь; за ними очень заботливый уход, нет в них ни одного больного дерева, но рощи те же, — только они и остались те же, как теперь. Но это здание, — что ж это, какой оно архитектуры? Теперь нет такой; нет, уж есть один намек на нее, — дворец, который стоит на Сайденгамском холме³¹: чугун и стекло, чугун и стекло — только. Нет, не только: это лишь оболочка здания; это его наружные стены; а там, внутри, уж настоящий дом, громаднейший дом: он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам. Какая легкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, — а окна огромные, широкие, во всю высоту этажей! Его каменные стены — будто ряд пилястров, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею. Но какие это полы и потолки? Из чего эти двери и рамы окон? Что это такое? серебро? платина? Да и мебель почти вся такая же, — мебель из дерева тут лишь каприз, она только для разнообразия, но из чего ж вся остальная мебель, потолки и полы? «Попробуй подвинуть это кресло», — говорит старшая царица. Эта металлическая мебель легче нашей ореховой. Но что же это за металл? Ах, знаю теперь, Саша³² показывал мне такую дощечку, она была легка, как стекло, и теперь уж есть такие серьги, брошки, да, Саша говорил, что, рано или поздно, алюминий заменит собою дерево, может быть, и камень. Но как же все это богато! Везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами. И какие ковры на полу! Вот в этом зале половина пола открыта; тут и видно, что он из алюминия. «Ты видишь, тут он матовый, чтобы не был слишком скользок, — тут играют дети, а вместе с ними и большие; вот и в том зале пол тоже без ковров, — для танцев». И повсюду южные деревья и цветы; весь дом — громадный зимний сад.

Но кто же живет в этом доме, который великолепнее дворцов? «Здесь живет много, очень много; иди, мы увидим их». Они идут на балкон, выступающий из верхнего этажа галереи. Как же Вера Павловна не заметила прежде? «По этим нивам рассеяны группы людей; везде мужчины и женщины, старики, молодые и дети вместе. Но больше молодых; стариков мало, старух еще меньше, детей больше, чем стариков, но все-таки не очень много. Больше половины детей осталось дома заниматься хозяйством: они делают почти все по хозяйству, они очень любят это; с ними несколько старух. А стариков и старух очень мало потому, что здесь очень поздно стано-

вятся ими, здесь здоровая и спокойная жизнь; она сохраняет свежесть». Группы, работающие на нивах, почти все покоят; но какой работою они заняты? Ах, это они убирают хлеб. Как быстро идет у них работа! Но еще бы не итти ей быстро, и еще бы не петь им! Почти все делают за них машины,— и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их,— люди почти только ходят, ездят, управляют машинами. И как они удобно устроили себе; день зноен, но им, конечно, ничего: над тою частью нивы, где они работают, раскинут огромный полог; как подвигается работа, подвигается и он,— как они устроили себе прохладу! Еще бы им не быстро и не весело работать, еще бы им не петь! Этак и я стала бы жать! И всё песни, всё песни,— незнакомые, новые; а вот припомнили и нашу; знаю её:

Будем жить с тобой по-пански;
Эти люди нам друзья,—
Что душе твоей угодно
Всё добуду с ними я...³³

Но вот работа кончена, все идут к зданию. «Войдем опять в зал, посмотрим, как они будут обедать»,— говорит старшая сестра. Они входят в самый большой из огромных зал. Половина его занята столами,— столы уж накрыты,— сколько их! Сколько же тут будет обедающих? Да человек тысяча или больше: «Здесь не все; кому угодно, обедают особо, у себя»; те старухи, старики, дети, которые не выходили в поле, приготовили все это: «готовить кушанье, заниматься хозяйством, прибирать в комнатах,— это слишком легкая работа для других рук,— говорит старшая сестра,— ею следует заниматься тем, кто еще не может или уже не может делать ничего другого». Великолепная сервировка. Все алюминий и хрусталь; по средней полосе широких столов расставлены вазы с цветами, блюда уж на столе, вошли работающие, все садятся за обед, и они, и готовившие обед. «А кто же будет прислуживать?» — «Когда? во время стола? зачем? Ведь всего пять шесть блюд: те, которые должны быть горячие, поставлены на таких местах, что не остынут; видишь, в углублениях,— это ящики с кипятком,— говорит старшая сестра.— Ты хорошо живешь, ты любишь хороший стол, часто у тебя бывает такой обед?» — «Несколько раз в год». У них это обыкновенный: кому угодно, тот имеет лучше, какой угодно, но тогда особый расчет; а кто не требует себе особенного против того, что делается для всех, с тем нет никакого расчета. И все так: то, что могут по средствам своей компании все, за то нет расчетов; за каждую особую вещь или прихоть — расчет.

— Неужели ж это мы? неужели это наша земля? Я слышала нашу песню, они говорят по-русски.— «Да, ты видишь недалеке реку,— это Ока; эти люди мы, ведь с тобою я, русская!» — «И ты все это сделала?» — «Это все сделано для меня, и я одушевляла делать это, я одушевляю совершенствовать это, но делает это вот она, моя старшая сестра, она работница, а я только наслаждаюсь». — «И все так будут жить?» — «Все,— говорит старшая сестра,— для

всех вечная весна и лето, вечная радость. Но мы показали тебе только конец моей половины дня, работы, и начало ее половины; — мы еще посмотрим на них вечером, через два месяца.

Цветы завяли; листья начинают падать с деревьев; картина становится уныла. «Видишь, на это скучно было бы смотреть, тут было бы скучно жить, — говорит младшая сестра, — я так не хочу». — «Залы пусты, на полях и в садах тоже нет никого, — говорит старшая сестра, — я это устроила по воле своей сестры царицы». — «Неужели дворец в самом деле опустел?» — «Да, ведь здесь холодно и сыро, зачем же быть здесь? Здесь из 2000 человек осталось теперь десять-двадцать человек оригиналов, которым на этот раз показалось приятным разнообразием остаться здесь, в глуши, в уединении, посмотреть на северную осень. Через несколько времени, зимою, здесь будут беспрестанные смены, будут приезжать маленькими партиями любители зимних прогулок, провести здесь несколько дней по-зимнему».

— Но где ж они теперь — «Да везде, где тепло и хорошо, — говорит старшая сестра: — на лето, когда здесь много работы и хорошо, приезжает сюда множество всяких гостей с юга; мы были в доме, где вся компания из одних вас; но множество домов построено для гостей, в других и разноплеменные гости и хозяева поселяются вместе, кому как нравится, такую компанию и выбирает. Но принимая летом множество гостей, помощников в работе, вы сами на 7—8 плохих месяцев вашего года уезжаете на юг, — кому куда приятнее. Но есть у вас на юге и особая сторона, куда уезжает главная масса ваша. Эта сторона так и называется Новая Россия». — «Это где Одесса и Херсон?» — «Это в твоё время, а теперь, смотри, вот где Новая Россия».

Горы, одетые садами; между гор узкие долины, широкие равнины. «Эти горы были прежде голые скалы, — говорит старшая сестра. — Теперь они покрыты толстым слоем земли, и на них среди садов растут рощи самых высоких деревьев: внизу во влажных ложбинах плантации кофейного дерева; выше финиковые пальмы, смоковницы; виноградники перемешаны с плантациями сахарного тростника; на нивах есть и пшеница, но больше рис». — «Что ж это за земля?» — «Поднимемся на минуту повыше, ты увидишь её границы». На далеком северо-востоке две реки, которые сливаются вместе прямо на востоке от того места, с которого смотрит Вера Павловна; дальше к югу, все в том же юго-восточном направлении, длинный и широкий залив; на юге далеко идет земля, расширяясь все больше к югу между этим заливом и длинным узким заливом, составляющим её западную границу. Между западным узким заливом и морем, которое очень далеко на северо-западе, узкий перешеек. «Но мы в центре пустыни?» — говорит изумленная Вера Павловна. «Да, в центре бывшей пустыни; а теперь, как видишь, все пространство с севера, от той большой реки на северо-востоке, уже обращено в бла-

годатнейшую землю, в землю такую же, какою была когда-то и опять стала теперь та полоса по морю на север от нее, про которую говорилось в старину, что она «кипит молоком и медом»³⁴. Мы не очень далеко, ты видишь, от южной границы возделанного пространства, горная часть полуострова еще остается песчаною, бесплодною степью, какою был в твоё время весь полуостров; с каждым годом люди, вы, русские, все дальше отодвигаете границу пустыни на юг. Другие работают в других странах: всем и много места, и довольно работы, и просторно, и обильно. Да, от большой северо-восточной реки все пространство на юг до половины полуострова зеленеет и цветет, по всему пространству стоят, как на севере, громадные здания, в трех, в четырех верстах друг от друга, будто бесчисленные громадные шахматы на исполинской шахматнице. «Спустимся к одному из них»,— говорит старшая сестра.

Такой же хрустальный громадный дом, но колонны его белые. «Они потому из алюминия,— говорит старшая сестра,— что здесь ведь очень тепло, белое меньше разгорячается на солнце, что несколько дороже чугуна, но по-здешнему удобнее». Но вот что они еще придумали: на дальнее расстояние кругом хрустального дворца идут ряды тонких, чрезвычайно высоких столбов, и на них, высоко над дворцом, над всем дворцом и на полверсты вокруг него растянут белый полог. «Он постоянно обрызгивается водою,— говорит старшая сестра: — видишь, из каждой колонны подымается выше полога маленький фонтан, разлетающийся дождем вокруг, поэтому жить здесь прохладно; ты видишь, они изменяют температуру, как хотят». «А кому нравится зной и яркое здешнее солнце?» «Ты видишь, вдали есть павильоны и шатры. Каждый может жить, как ему угодно; я к тому веду, я все для этого только и работаю».— «Значит, остались и города для тех, кому нравится в городах?» — «Не очень много таких людей; городов осталось меньше прежнего,— почти только для того, чтобы быть центрами сношений и перевозки товаров, у лучших гаваней, в других центрах сообщений, но эти города больше и великолепнее прежних; все туда ездят на несколько дней для разнообразия; большая часть их жителей беспрестанно сменяется, бывает там для труда, на недолгое время».— «Но кто хочет постоянно жить в них?» — «Живут, как вы живете в своих Петербургах, Парижах, Лондонах,— кому ж какое дело? кто станет мешать? Каждый живи, как хочешь; только огромное большинство, 99 человек из 100, живут так, как мы с сестрою показываем тебе, потому что это им приятнее и выгоднее. Но иди же во дворец, уж довольно поздний вечер, пора посмотреть на них».

— «Но нет, прежде я хочу же знать, как это сделалось?» — «Что?» — «То, что бесплодная пустыня обратилась в плодороднейшую землю, где почти все мы проводим две трети нашего года».— «Как это сделалось? да что ж тут мудреного? Ведь это сделалось не в один год, и не в десять лет, я постепенно подвигала дело. С северо-востока, от берегов большой реки, с северо-запада, от побережья большого моря,— у них так много таких сильных машин,—

возили глину, она связывала песок, проводили каналы, устраивали орошение, явилась зелень, явилось и больше влаги в воздухе; шли вперед шаг за шагом, по несколько верст, иногда по одной версте в год, как и теперь всё идут больше на юг, что ж тут особенного? Они только стали умны, стали обращать на пользу себе громадное количество сил и средств, которые прежде тратили без пользы или и прямо во вред себе. Недаром же я работаю и учу. Трудно было людям только понять, что полезно, они были в твоё время ещё такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безрассудными, но я учила и учила их; а когда они стали понимать, исполнять было уже не трудно. Я не требую ничего трудного, ты знаешь. Ты кое-что делаешь по-моему, для меня, — разве это дурно?» — «Нет». — «Конечно, нет. Вспомни же свою мастерскую, разве у вас было много средств? разве больше, чем у других?» — «Нет, какие ж у нас были средства?» — «А ведь твои швеи имеют в десять раз больше удобств, в двадцать раз больше радостей жизни, во сто раз меньше испытывают неприятного, чем другие с такими же средствами, какие были у вас. Ты сама доказала, что и в твоё время люди могут жить очень привольно. Нужно только быть рассудительными, уметь хорошо устроиться, узнать, как выгоднее употреблять средства». — «Так, так; я это знаю». — «Иди же ещё посмотреть немножко, как живут люди через несколько времени после того, как стали понимать то, что давно понимала ты».

Они входят в дом. Опять такой же громаднейший, великолепный зал. Вечер в полном своём просторе и веселье, прошло уж три часа после заката солнца: самая пора веселья. Как ярко освещен зал, чем же? — нигде не видно ни канделябров, ни люстр; ах, вот что! — в куполе зала большая площадка из матового стекла, через нее льется свет, — конечно, такой он и должен быть: совершенно, как солнечный, белый, яркий и мягкий, — ну, да, это электрическое освещение. В зале около тысячи человек народа, но в ней могло бы свободно быть втрое больше. «И бывает, когда приезжают гости, — говорит светлая красавица, — бывает и больше». — «Так что ж это? разве не бал? Это разве простой будничным вечер?» — «Конечно». — «А по-нынешнему, это был бы придворный бал, как роскошна одежда женщин, да, другие времена, это видно и по покрою платья. Есть несколько дам и в нашем платье, но видно, что они оделись так для разнообразия, для шутки; да, они дурачатся, шутят над своим костюмом; на других другие, самые разнообразные костюмы, разных восточных и южных покровов, все они грациознее нашего; но преобладает костюм, похожий на тот, какой носили гречанки в изыснейшее время Афин — очень легкий и свободный, и на мужчинах тоже широкое, длинное платье без талии, что-то вроде мантий, иматиев; видно, что это обыкновенный домашний костюм их, как это платье скромно и прекрасно! Как мягко и изящно обрисовывает оно формы, как возвышает оно грациозность движений! И какой оркестр, более

ста артистов и артисток, но особенно, какой хор!» — «Да, у вас в целой Европе не было десяти таких голосов, каких ты в одном этом зале найдешь целую сотню, и в каждом другом столько же: образ жизни не тот, очень здоровый и вместе изящный, потому и грудь лучше, и голос лучше», — говорит светлая царица. Но люди в оркестре и в хоре беспрестанно меняются: одни уходят, другие становятся на их место, — они уходят танцевать, они приходят из танцующих.

У них вечер, будничный, обыкновенный вечер, они каждый вечер так веселятся и танцуют; но когда же я видела такую энергию веселья? но как и не иметь их веселью энергии, неизвестной нам? — Они поутру наработались. Кто не наработался вдоволь, тот не приготовил нерв, чтобы чувствовать полноту веселья. И теперь веселье простых людей, когда им удастся веселиться, более радостно, живо и свежо, чем наше; но у наших простых людей скудны средства для веселья, а здесь средства богаче, нежели у нас; и веселье наших простых людей смущается воспоминаньем неудобств и лишений, бед и страданий, смущается предчувствием того же впереди, — это мимолетный час забытья нужды и горя — а разве нужда и горе могут быть забыты вполне? разве песок пустыни не заносит? разве миазмы болота не заражают и небольшого клочка хорошей земли с хорошим воздухом, лежащего между пустынею и болотом? А здесь нет ни воспоминаний, ни опасений нужды или горя; здесь только воспоминания вольного труда в охоту, довольства, добра и наслаждения, здесь и ожидания только все того же впереди. Какое же сравнение! И опять: у наших рабочих людей нервы только крепки, потому способны выдерживать много веселья, но они у них грубы, не восприимчивы. А здесь: нервы и крепки, как у наших рабочих людей, и развиты, впечатлительны, как у нас; приготовленность к веселью, здоровая, сильная жажда его, какой нет у нас, какая дается только могучим здоровьем и физическим трудом, в этих людях соединяется со всею тонкостью ощущений, какая есть в нас; они имеют все наше нравственное развитие вместе с физическим развитием крепких наших рабочих людей: понятно, что их веселье, что их наслаждение, их страсть — все живее и сильнее, шире и сладостнее, чем у нас. Счастливые люди!

Нет, теперь еще не знают, что такое настоящее веселье, потому что еще нет такой жизни, какая нужна для него, и нет таких людей. Только такие люди могут вполне веселиться и знать весь восторг наслаждения! Как они цветут здоровьем и силою, как стройны и грациозны они, как энергичны и выразительны их черты! Все они — счастливые красавцы и красавицы, ведущие вольную жизнь труда и наслаждения, — счастливы, счастливы!

Шумно веселится в громадном зале половина их, а где ж другая половина? «Где другие? — говорит светлая царица, — они везде; многие в театре, одни актерами, другие музыкантами, третьи зрителями, как нравится кому; иные рассеялись по аудиториям, музеям, сидят в библиотеке; иные в аллеях сада, иные в своих комнатах или

чтобы отдохнуть наедине, или с своими детьми, но больше, больше всего — это моя тайна. Ты видела в зале, как горят щеки, как блистают глаза; ты видела, они уходили, они приходили; они уходили — это я увлекала их, здесь комната каждого и каждой — мой приют, в них мои тайны ненарушимы, занавесы дверей, роскошные ковры, поглощающие звук, там тишина, там тайна; они возвращались — это я возвращала их из царства моих тайн на легкое веселье. Здесь царствую я».

«Я царствую здесь. Здесь все для меня! Труд — заготовление свежести чувств и сил для меня, веселье — приготовление ко мне, отдых после меня. Здесь я — цель жизни, здесь я — вся жизнь».

«В моей сестре, царице, высшее счастье жизни,— говорит старшая сестра,— но ты видишь, здесь всякое счастье, какое кому надобно. Здесь все живут, как лучше кому жить, здесь всем и каждому — полная воля, вольная воля».

«То, что мы показали тебе, нескоро будет в полном своем развитии, какое видела теперь ты. Сменится много поколений прежде, чем вполне осуществится то, что ты предощущаешь. Нет, не много поколений: моя работа идет теперь быстро, все быстрее с каждым годом, но все-таки ты еще не войдешь в это полное царство моей сестры; по крайней мере, ты видела его, ты знаешь будущее. Оно светло, оно прекрасно. Говори же всем: вот что в будущем, будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет света и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести». [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под этим заголовком в 1856—57 гг. в С публиковались заметки Чернышевского по поводу произведений, печатавшихся в русских журналах того времени. Приводимые отрывки из «Заметок...», появившихся впервые в № 5 С за 1857 г., печатаются по: *Чернышевский*, т. 4, с. 739—741, 742—746.

² Слова, заключенные в квадратных скобках, в журнальном тексте отсутствовали. Здесь, как и в значительном ряде других случаев этого же рода, мы воспроизводим их с целью продемонстрировать особенности подцензурного письма Чернышевского; эти части текста Чернышевского восстановлены в Полном собрании его сочинений по корректурам.

³ Статья по поводу книги А. Гакстаузена (см. наст. изд., с. 163, прим. 28). Впервые опубликована: С, 1857, № 7. Отрывки печатаются по: *Чернышевский*, т. 4, с. 330—331, 341.

⁴ Написано по поводу изданной в виде брошюры речи И. Бабста «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» (М., 1857) и русского перевода книги И. Бентама «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении» (СПб, 1805); впервые опубликована: С, 1857, № 10. Отрывки печатаются по: *Чернышевский*, т. 4, с. 475, 492.

⁵ Впервые опубликовано: С, 1857, № 9, 11. Отрывки, взятые из второй части статьи (№ 11), печатаются по: *Чернышевский*, т. 4, с. 433, 434, 436—437.

⁶ Впервые опубликовано: С, 1858, № 8, 9. Написано по поводу книги Ф. Гизо «Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps», 1858, т. 1 («Мемуары для истории моего времени» 1858, т. 1). Отрывки печатаются по: *Чернышевский*, т. 5, с. 216—218.

⁷ Впервые опубликовано: С, 1858, № 12; отрывки печатаются по: *Чернышевский*, т. 5, с. 376, 377—379, 389.

⁸ Опущено примечание Чернышевского.

⁹ Опущено примечание Чернышевского.

¹⁰ Чернышевский имеет в виду Шеллинга и Гегеля, философские учения которых, по его словам, «оказали большие услуги науке раскрытием общих форм, по которым движется процесс развития. Основной результат этих открытий выражается следующей аксиомой: «По форме высшая ступень развития сходна с началом, от которого оно отталкивается». Эта мысль заключает в себе коренную сущность шеллинговской системы; еще точнее и подробнее раскрыта она Гегелем, у которого вся система состоит в проведении этого основного принципа чрез все явления мировой жизни от ее самых общих состояний до мельчайших подробностей каждой отдельной сферы бытия. [...] Высшая степень развития по форме сходна с его началом,— это мы видим во всех сферах жизни» (*Чернышевский*, т. 5, с. 363—364).

¹¹ Номады (от греч. nomades) — древнегреческое название кочевников.

¹² Впервые опубликовано: С, 1859, № 2; отрывки печатаются по: *Чернышевский*, т. 5, с. 607—609, 619.

¹³ Под этим заголовком (точнее, так назывался отдел в журнале в 1859—60 гг.) в С печатались написанные Чернышевским обзоры событий социально-политической жизни в современной ему Западной Европе. Воспроизводимые отрывки взяты из статей-очерков «Политики» № 1, 8 С за 1859 г.; печатаются по: *Чернышевский*, т. 6, с. 11—12, 13—14.

¹⁴ Впервые опубликовано: С, 1860, № 1. Отрывки печатаются по: *Чернышевский*, т. 7, с. 19, 20, 22—23, 35, 37—38, 39, 49, 53—54, 55—56, 57.

¹⁵ Речь идет о буржуазной политэкономии.

¹⁶ Так Чернышевский иногда называет представителей классической буржуазной политэкономии — А. Смита, Дж. С. Милля и др.

¹⁷ Речь идет о первой школе буржуазной политэкономии (XV — XVII вв.). Обосновывая экономическую политику в интересах торгового, купеческого капитала, меркантилисты трактовали политэкономия как науку о торговом балансе, а источник прибыли искали не в самом производстве (как теоретики классической буржуазной политэкономии), а в сфере товарно-денежного обращения.

¹⁸ Впервые опубликовано: С, 1860, № 1, 2, 5. Отрывки из третьей части (№ 5) печатаются по: *Чернышевский*, т. 7, с. 156, 157, 158, 159, 164, 165—166, 168—171, 185. При написании статьи Чернышевский использовал книгу Л. Блана «Histoire des dix ans 1830—1840» («История десяти лет»).

¹⁹ То есть до Июльской революции 1830 г. во Франции.

²⁰ Речь идет о философско-исторических работах учеников Сен-Симона.

²¹ Составитель доклада о направлении журнала С, подготовленного в Главном управлении цензуры в июне 1860 г., приведя эти слова Чернышевского (они заключают статью «Июльская монархия»), заметил: «Дело ясно, чего желает автор» (см.: *Чернышевский*, т. 7, с. 1011, комментарии).

²² Впервые опубликована: С, 1861, № 5. В этой статье Чернышевский полемизирует с Герценом, критикуя его пессимизм в оценке перспектив социального движения в Западной Европе и идею о прирожденном социализме русского крестьянина. Отрывки печатаются по: *Чернышевский*, т. 7, с. 661—664, 665, 666.

²³ В 1857 г. в Англии вышло 4-е издание работы Дж. С. Милля «Основания политической экономии с некоторыми из их применений в общественной философии». Взявшись за ее перевод и комментирование, Чернышевский опубликовал в 1860 г. в виде приложения к С (№ 2, 3, 4, 6, 7, 8, 11 с особой нумерацией страниц) 1-ю книгу этой работы, снабженную примечаниями и дополнениями переводчика. Приводимые фрагменты из этих дополнений печатаются по: *Чернышевский*, т. 9, с. 75, 191, 196—197, 217—223.

²⁴ По-видимому, Чернышевский говорит о теории Фурье.

²⁵ Здесь опущено примечание Чернышевского.

²⁶ Под этим заголовком в С 1861 г. (№ 6, 7, 8, 9, 10, 12) Чернышевский публиковал свой перевод извлечений из II—V книг «Оснований политической экономии...» Дж. С. Милля, сопровождая их подробными собственными комментариями, представляющими собой самостоятельные статьи-очерки. Отрывки из них печатаются по: *Чернышевский*, т. 9, с. 348—350, 351—354, 355—356, 421—422, 629—630, 631, 643, 658, 659.

²⁷ Во время революции 1848 г. в Германии руководители восставших в Бадене Ф. К. Геккер и Г. Струве после отклонения баденским парламентом выработанной ими демократической программы сформировали вооруженный отряд, который овладел городом.

²⁸ См. наст. изд., с. 164, прим. 54.

²⁹ Персонаж Библии, нищий — символ нищенства.

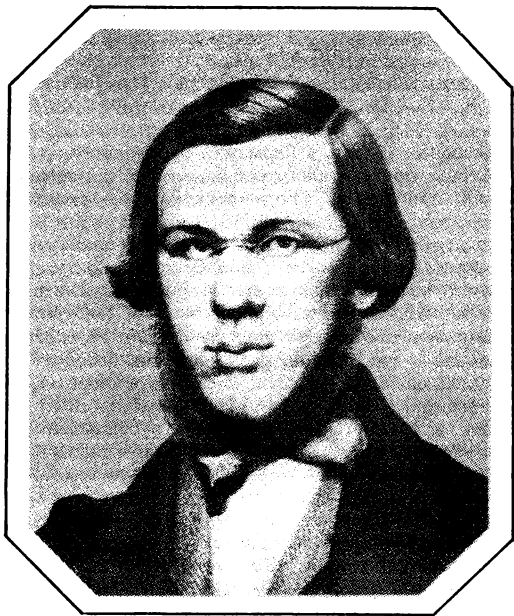
³⁰ Роман под этим заглавием, написанный Чернышевским в Петропавловской крепости, был впервые опубликован в С, 1863, № 3, 4, 5. Отрывки из раздела XVI четвертой главы романа печатаются по: *Чернышевский*, т. 11, с. 276, 277—284. Героине романа — Вере Павловне — снится сон, в котором она беседует со «светлой красавицей», олицетворяющей любовь, равенство («равноправность»), счастье.

³¹ К Всемирной выставке 1851 г. в Гайд-Парке в Лондоне по проекту архитектора Дж. Пакстона был выстроен так называемый Хрустальный (или Кристальный) дворец; огромное сооружение из стекла и железа было воздвигнуто без применения кирпича и дерева. В 1854 г. дворец был перенесен на 10 километров севернее, в предместье Лондона. В бытность в Англии в июне 1859 г. Чернышевский осмотрел дворец, описав затем некоторые его черты в «Четвертом сне Веры Павловны».

³² Александр Кирсанов — один из главных героев романа.

³³ Из стихотворения А. Кольцова «Бегство» (1838, опубли. в 1839).

³⁴ Цитата из Библии; по преданию, бог сказал Моисею, что он приведет израильтян в землю, где «течет молоко и мед» (Исход, гл. III, ст. 8).

Николай Александрович **ДОБРОЛЮБОВ**

Я — отчаянный социалист, хоть сейчас готовый вступить в небогатое общество с равными правами и общим имуществом всех членов...

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Уничтожение дармоедов и возвеличение труда — вот постоянная тенденция истории.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Николай Добролюбов родился 24 января (5 февраля) 1836 г. в Нижнем Новгороде (ныне — г. Горький) в семье священника. Сначала он учился в духовном училище (1847—48 гг.) и духовной семинарии (1848—53 гг.) в Нижнем Новгороде, затем — в петербургском Главном педагогическом институте (1853—57 гг.), где организовал тайный политический кружок. Рано сформировавшееся враждебное отношение к самодержавно-крепостническому режиму (здесь большую роль сыграло знакомство с произведениями Белинского, Герцена и других мыслителей) проявляется уже в юношеских стихотворениях Добролюбова. Примерно к середине 50-х годов относится приобщение Добролюбова к идеям утопического социализма.

В 1856 г. Добролюбов познакомился с Чернышевским, затем — Н. А. Некрасовым; с 1857 г. он — постоянный сотрудник журнала «Современник», соратник и друг Чернышевского (одновременно,

в 1857—59 гг., печатался также в «Журнале для воспитания»). Одно из первых выражений социалистических устремлений Добролюбова в подцензурной литературе — написанная в начале 1858 г. статья «О степени участия народности в развитии русской литературы», где высказывается сочувствие западноевропейским защитникам массы «людей бескапитальных, не имеющих ничего, кроме собственного труда» и осуждается политическая экономия, которая «служит только классу капиталистов» (Добролюбов, т. 2, с. 229).

Духом крестьянского демократизма, критикой существующих монархических порядков и дворянского буржуазного либерализма, призывом к ликвидации крепостничества и всех форм угнетения вообще, верой в революцию, в светлое будущее родного народа пронизаны написанные блестящим «эзоповым языком» яркие литературно-критические и публицистические произведения Добролюбова 1859—60 гг. — «Литературные мелочи прошлого года», «Народное дело», «Что такое обломовщина?» (по поводу романа И. А. Гончарова «Обломов»), «Темное царство» и «Луч света в темном царстве» (по поводу пьес А. Н. Островского), «Когда же придет настоящий день?» (о романе И. С. Тургенева «Накануне»), «Черты для характеристики русского простонародья» и др.

Социалист по своему «дальнему» общественному идеалу, Добролюбов видел относительную прогрессивность капитализма, но стремился найти для России такую форму экономического развития, которая исключала бы возможность эксплуатации трудящихся. Необходимым средством установления порядков, возвеличивающих труд, исключающих «дармоедство», он считал народную революцию. К. Маркс ставил Добролюбова как писателя «наравне с Лессингом и Дидро» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 266).

Умер Добролюбов 17 (29) ноября 1861 г. в Петербурге.

СОЧИНЕНИЯ

Сочинения Н. А. Добролюбова [под редакцией Н. Г. Чернышевского]. СПб., 1862, т. 1—4.

Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений, под редакцией П. И. Лебедева-Полянского. М.— Л., 1934—41, т. 1—6.

Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. М.— Л., 1961—64, т. 1—9.

Добролюбов Н. А. Избранные философские произведения. [Л.], 1948, т. 1—2.

ЛИТЕРАТУРА

Рейсер С. А. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. М., 1953.

Бурлацкий Ф. М. Политические взгляды Н. А. Добролюбова. М., 1954.

Жданов В. В. Добролюбов. Изд. 3-е. М., 1961.

Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. Л., 1961.

Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965.

Кружков В. С. Добролюбов. Жизнь. Деятельность. Мировоззрение. М., 1976.

Добролюбовские чтения, 1976. Горький, 1977.

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. Добролюбов. Указатель литературы. 1917—1960. М., 1961 (составитель Ю. Д. Рыскин).

ТЕКСТЫ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, СОЧИНЕННАЯ г. ЖЕРЕБЦОВЫМ¹

[...] Конечно, борьба аристократии с демократией составляет все содержание истории; но мы слишком бы плохо ее поняли, если бы вздумали ограничить ее одними генеалогическими интересами. В основании этой борьбы всегда скрывалось другое обстоятельство, гораздо более существенное, нежели отвлеченные теории о породе и о наследственном различии крови в людях благородных и неблагородных. Массы народные всегда чувствовали, хотя смутно и как бы инстинктивно, то, что находится теперь в сознании людей образованных и порядочных. В глазах истинно образованного человека нет аристократов и демократов, нет бояр и смердов, браминов и парий, а есть только *люди трудящиеся* и *дармоеды*. Уничтожение дармоедов и возвеличение труда — вот постоянная тенденция истории. По степени большего или меньшего уважения к труду и по уменью оценивать труд более или менее соответственно его истинной ценности — можно узнать степень цивилизации народа. Степень возможности и распространения дармоедства в народе может служить безошибочным указателем большей или меньшей недостаточности его цивилизации. С этой точки зрения, не генеалогические предания и не внешняя стройность государственной организации должны занимать историка народной образованности. Гораздо более заслуживают его внимания, с одной стороны, — права рабочих классов, а с другой — дармоедство во всех его видах, — в печальном ли *табу* океанийских дикарей, в индийском ли браминстве, в персидском ли сатрапстве, римском патрицианстве, средневековой десятине и феодализме; или в современных откупах, взяточничестве, казнокрадстве, прихлебательстве, служебном бездельничестве, крепостном праве, денежных браках, дамах-камелиях и других подобных явлениях, которых еще не касалась даже сатира. При рассмотрении всего этого выкажутся и степень распространения знаний в народе и степень его нравственной силы. Нигде дармоедство не исчезло, но оно постепенно везде уменьшается с развитием образованности. Труд считается презренным у народов невежественных, у которых грабеж служит более почетным средством приобретения, нежели работа. Труд не получил надлежащего значения во всем древнем мире, дошедшем только до того, чтобы признать *некоторые* труды приличными лучшим классам общества, а все остальное предоста-

вить рабам. Сам Платон, сочиняя свою республику, признал в ней необходимым рабское сословие, которое бы занималось физическими работами, чтобы доставить все нужное высшим сословиям — правительственному и воинскому. В средних веках, — не говоря о феодализме, — лучшими людьми провозглашены были *artes liberales* *, то есть только умственные занятия признаны приличными свободным людям; на остальные работы смотрели с презрением. В новой истории совершилось признание всякого труда. Но до сих пор ни одна страна еще не достигла до умения правильно оценивать труд вполне соответственно его полезности. Часто пользуются почетом занятия вовсе непроизводительные и пренебрегаются труды в высшей степени полезные. Дармоедство теперь прячется, правда, под покровом капитала и разных коммерческих предприятий, но тем не менее оно существует везде, эксплуатируя и придавливая бедных тружеников, которых труд не оценивается с достаточной справедливостью. Ясно, что все это происходит именно оттого, что количество знаний, распространенных в массах, еще слишком ничтожно, чтобы сообщить им правильное понятие о сравнительном достоинстве предметов и о различных отношениях между ними. Оттого-то, отвергнув и заклеймивши грабеж под его собственным именем, новые народы все-таки не могут еще распознать того же самого грабежа, когда он скрывается дармоедами под различными вымышленными именами. [...]

РОБЕРТ ОВЭН И ЕГО ПОПЫТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ РЕФОРМ ²

Овэн представляет собою бесспорно одно из самых благородных и симпатичных явлений нашего столетия. Недавно (17 ноября 1858 года) утасла его жизнь, полная смелых предприятий и великодушных жертвований на пользу человечества, и никто, даже из врагов его идей, не отказался помянуть его добрым словом. Личность Овэна до того привлекательна своим умным добродушием и каким-то благодатным, светлым спокойствием, его деятельность до того поражает своим полным бескорыстием и самоотвержением, что самые ожесточенные противники его идей, отвергая его радикальные реформы, не могли, однако же, относиться к его личности без особенного уважения и даже некоторого сочувствия. Его обвиняли как утописта, мечтающего переделать все человечество, ему доказывали необходимость безуспешности его стремлений; но в то же время большая часть противников не могла не согласиться, что очень было бы хорошо, если бы предположения Овэна были осуществимы. Лучшие умы нашего столетия выражали свое сочувствие Овэну; даже государственные люди, князья и правители были одно время благосклонно заинтересованы его начинаниями. [...]

* — свободные искусства (лат.).— Ред.

[...] Не только подробности теоретических соображений Овэна, не только практические его попытки, но даже самое имя его до сих пор почти неизвестно большинству даже образованной публики. Вот почему мы считаем бесполезным познакомить наших читателей с жизнью и мнениями этого замечательного человека, почти три четверти столетия, в Старом и Новом Свете, безукоризненно служившего человечеству. [...]

С 1818 года начинается для Овэна жестокая борьба, вместо того блестящего триумфа, каким он пользовался несколько лет пред тем. Борьба эта ведена была с безукоризненной честностью и благородством со стороны Овэна; но при всем том нужно согласиться с его противниками, что борьбу свою предпринял он совершенно безрассудно и в продолжение ее выказал много раз свое наивное добродушие. Этот чудак вздумал преобразовать Англию, Европу, целый мир, — и в чем же? в деле самом священном, самом милым для человеческих сердец, в деле личного интереса! Он хотел безделицы: чтоб лентяи и плуты не имели возможности обогащаться на счет чужого труда и чтоб дураки не могли записывать в преступники людей, не согласных с их мнениями! И наивный упрямец никак не хотел убедиться, что подобное предприятие безумно, что тут никакого успеха нельзя ожидать и что вообще против интересов сильных мира сего идти никогда не следует, «потому — сила...». [...]

[...] Судя по себе и по некоторым избранным натурам, Овэн думал, что труд сам в себе заключает много привлекательности и что жизнь на чужой счет тяжела и отвратительна для всякого человека. Это уже было, разумеется, детски ошибочно. Правда, в членах своей общины Овэн успевал обыкновенно пробудить сознание в справедливости его начал; но от сознания еще слишком далеко до практической деятельности. Не клочок земли, не месяцы и не годы нужны были для того, чтобы пересоздать общественные привычки. Все производя из обстоятельств, Овэн надеялся, что привычки эти легко будут забыты при новой общественной обстановке, созданной им. Но и тут он был слишком легковверен и самонадеян: он выступал на борьбу с целым светом, противопоставляя свои, вновь изобретенные условия жизни тем всемирным условиям, которыми до того определялась жизнь человеческая. Он считал нелепыми все эти условия; но он сам был нелеп, воображая, что эти освященные веками нелепости можно разрушить экспромтом. Еще можно бы иметь некоторые шансы на успех, предлагая заменить эти нелепости другими, равномерно бессмысленными; но чего же мог надеяться общественный реформатор, вопиявший против нелепостей — даже не во имя высших туманных абстракций, а просто во имя здравого смысла, во имя первых, насущных потребностей здоровой человеческой природы?.. [...]

Из представленного нами очерка читателя, незнакомые с произведениями Овэна, могут составить себе некоторое понятие об общих положениях, на которых опиралась изобретенная им *разумная система* общественного устройства. Мы не нашли удобным сделать

здесь полное и подробное обозрение его системы: это необходимо отвлекло бы нас от изложения личной деятельности Овэна и заставило бы пуститься в общие теоретические соображения. Соображения же эти потребовали бы слишком долгих и подробных распространений, а отчасти и умолчаний, так как принципы Овэна стоят действительно в резком противоречии со всем, что обыкновенно принимается за истину в нашем обществе. [...]

Писатели, разбиравшие идеи и деятельность Овэна, обыкновенно называют его утопистом, мечтателем, романтиком, непрактичным и даже прямо безрассудным человеком. Мы не знаем, какое мнение читатели составили об Овэне по нашей статье; но нам кажется, что с писателями, трактующими Овэна таким образом, нельзя не согласиться во многом. Мы видели, что Овэн мог обогатиться филантропией — и растратил свое состояние на бедных; мог сделаться другом и любимцем всех партий — и ожесточил их все против себя, мог дойти до степеней известных ³ — и вместо того потерял всякое уважение к себе в высшем обществе; мог получить в свою власть целый край, отказавшись от одной из основных идей своих, — и не получил ничего, потому что прежде всего требовал от мексиканского правительства гарантий для свободы этой самой идеи ⁴. Поразмыслив аккуратно, невольно приходишь к вопросу: кто же мог поступать таким образом, кроме человека самого непрактичного, преданного самым утопическим мечтаниям? Одних этих фактов уже вполне достаточно, чтобы дать право противникам Овэна называть его близоруким мечтателем. А к этому прибавьте еще его претензий — преобразовать целый мир по своим идеям, доказать, что все ошибались, а он один нашел правду! Это уж такая дерзкая химера, которой благоразумные противники Овэна даже в толк взять никак не могут. И благо им, что не могут!

ОТ МОСКВЫ ДО ЛЕЙПЦИГА [...] ⁵

[...] История делается и всегда делалась — не мыслителями и всеми людьми сообща, а некоторою лишь частью общества, далеко не удовлетворявшею требованиям высшей справедливости и разумности. Оттого-то всегда и у всех народов прогресс имел характер частный, а не всеобщий. Делались улучшения в пользу то одной, то другой части общества; но часто эти улучшения отражались весьма невыгодно на состоянии нескольких других частей. Эти, в свою очередь, искали улучшений для себя, и опять на счет кого-нибудь другого. Расширяясь мало-помалу, круг, захваченный благодеяниями прогресса, задел наконец в Западной Европе и окраину народа — тех мещан, которых, по мнению г. Бабста, так не любят наши *широкие натуры*. Но что же мы видим? Лишь только мещане почуяли на себе благодать прогресса, они постарались прибрать ее к рукам и не пускать дальше в народ. И до сих пор массе рабочего сословия во всех странах Европы приходится поплачиваться, напри-

мер, за прогрессы фабричного производства, столь приятные для *мещан*. Стало быть, теперь вся история только в том, что актеры переменились; а пьеса разыгрывается все та же. Прежде городские общины боролись с феодалами, стараясь получить свою долю в благах, которые человечество, в своем прогрессивном движении, завоёвывает у природы. Города отчасти успели в этом стремлении; но только отчасти, потому что в правах, им наконец уступленных, только очень ничтожная доля взята была действительно от феодалов; значительную же часть этих прав приобрели мещане от народа, который и без того уже был очень скуден. И вышло то, что прежде феодалы налегали на мещан и на поселян; теперь же мещане освободились и сами стали налегать на поселян, не избавив их и от феодалов. И вышло, что рабочий народ остался под двумя гнетами: и старого феодализма, еще живущего в разных формах и под разными именами во всей Западной Европе, и мещанского сословия, захватившего в свои руки всю промышленную область. И теперь в рабочих классах накапливается новое неудовольствие, глухо готовится новая борьба, в которой могут повториться все явления прежней... [...] Как будто можно для фабричных работников считать прочными и существенными те уступки, какие им делаются хозяевами и вообще — капиталистами, лордами, баронами и т. д.!. Милостыней не устраивается быт человека; тем, что дано из милости, не определяются ни гражданские права, ни материальное положение. Если капиталисты и лорды и сделают уступку работникам и фермерам, так или такую, которая им самим ничего не стоит, или такую, которая им даже выгодна... Но как скоро от прав работника и фермера страдают выгоды этих почтенных господ, — все права ставятся ни во что и будут ставиться до тех пор, пока сила и власть общественная будет в их руках... И пролетарий понимает свое положение гораздо лучше, нежели многие прекраснодушные ученые, надеющиеся на великодушие старших братьев в отношении к меньшим... Пройдет еще несколько времени, и меньшие братья поймут его еще лучше. Горький опыт научает понимать многие практические истины, как бы ни был человек идеален. [...]

[...] С развитием просвещения в эксплуатирующих классах только форма эксплуатации меняется и делается более ловкою и утонченною; но сущность все-таки остается та же, пока остается по-прежнему возможность эксплуатации. [...]

Если рассмотреть дело ближе, то и окажется, что между грубым произволом и просвещенным капиталом, несмотря на их видимый разлад, существует тайный, невыговоренный союз, вследствие которого они и делают друг другу разные деликатные и трогательные уступки, и щадят друг друга, и прощают мелкие оскорбления, имея в виду одно: общими силами противостоять рабочим классам, чтобы те не вздумали потребовать своих прав... Самая борьба городов с феодализмом была горяча и решительна только до тех пор, пока не начала обозначаться пред тою и другою стороною разница между буржуазией и работником. Как только это различие было

понято, обе враждующие стороны стали сдерживать свои порывы и даже делать попытки к сближению как бы в виду нового, общего врага. Это повторилось во всех переворотах, постигших Западную Европу, и, без сомнения, это обстоятельство было очень благоприятно для остатков феодализма, как для партии уже ослабевавшей. [...]

Вообще с изменением форм общественной жизни старые принципы тоже принимают другие, бесконечно различные формы, и многие этим обманываются. Но сущность дела остается всегда та же, и вот почему необходимо, для уничтожения зла, начинать не с верха и побочных частей, а с основания. [...]

Желание помочь делу *как-нибудь* и *хоть сколько-нибудь*, замазать трещину хоть на короткое время, остановиться на полдороге к цели, удовольствоваться полумерой, в надежде, что потом *авось* это сделается само собой, по неминуемым законам прогресса, — такое направление деятельности вовсе не есть исключительное свойство русского человека, как полагают некоторые патриоты. Так поступали деятели всех народов Европы, и от этой невыдержанности происходила, разумеется, большая часть их неудач. В этом смысле мы признаем, что народы Западной Европы постоянно впадали в ужасную ошибку. И тем более мы удивляемся, каким образом могут некоторые ученые люди защищать благодетельность паллиативных мер для будущего прогресса Западной Европы и отвергать реформы общие и решительные, как губительные для ее благоденствия. [...]

Да, счастье наше, что мы позднее других народов вступили на поприще исторической жизни. Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего она теперь дошла, мы можем питать себя лестною надеждою, что наш путь будет лучше. Что и мы должны пройти тем же путем, — это несомненно и даже нисколько не прискорбно для нас. [...] Что и мы на пути своего будущего развития не совершенно избежим ошибок и уклонений, — в этом тоже сомневаться нечего. Но все-таки наш путь облегчен, все-таки наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе. А главное — мы можем и должны идти решительнее и тверже, потому что уже вооружены опытом и знанием... [...]

ЧЕРТЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОГО ПРОСТО НАРОДЬЯ ⁶

[...] В общей массе людей невозможно исказить человеческую природу до такой степени, чтобы в ней не осталось и следа естественных инстинктов и здравого смысла. Один из знаменитых современных публицистов Европы ⁷ заметил недавно, что если б деспотизм мог только над двумя поколениями в мире процарствовать спокойно,

без протестов против него, он бы мог навеки считать обеспеченным свое господство: двух поколений ему достаточно было бы, чтобы исказить в свою пользу смысл и совесть народа. Но в том-то и дело, что деспотизм и рабство, противные природе человека, никогда не могли достигнуть *нормальности*, никогда не могли покорить себе вполне и ум и совесть человека. Подчиняясь силе, даже заставляя себя строить силлогизмы в пользу этого подчинения, человек, однако же, невольно чувствовал, что силлогизмы эти условны и случайны и что естественные, истинные, гораздо высшие требования справедливости — совершенно им противоположны. Отсюда постоянно напряженное, беспокойное, недовольное положение масс, даже безропотно, по-видимому, подчинившихся наложенному на них закону рабства. В истории всех обществ, где существовало рабство, вы видите род спиральной пружинки: пока она прижата — держится неподвижно, но чуть давление ослаблено или снято — она немедленно выскакивает кверху. По прямому закону ее устройства она естественно стремится к расширению, и только посторонняя сила может ее сдерживать. Так и людская воля и мысль могут сдерживаться в положении рабства посторонними силами; но как бы эти силы ни были громадны, они не в состоянии, не сломавши, не уничтоживши спиральной пружинки, отнять у нее способность к расширению, точно так же, как не в состоянии, не истребивши народа, уничтожить в нем наклонность к самостоятельной деятельности и свободному рассуждению. [...]

[...] Мы еще только готовимся вступить на тот путь, которым прошла Европа; мы еще недавно и глядеть-то стали на ее путешествие и едва начинаем различать дорогу. От этого идем мы робко, неровно, как бы ощупью; от этого и кажется, что у нас нет инициативы. Но мы чувствуем надобность идти хотя бы до первой станции; нам нельзя оставаться на одном месте, нельзя и остановиться на дороге. Ясно, что начало нашего пути должно быть совершаемо с большею решимостью, спешностью и твердостью, нежели продолжение пути, которое мы видим теперь у других народов. Наши нужды настоятельнее, без удовлетворения их труднее прожить, нежели без удовлетворения того, к чему стремятся теперь европейские народы. Брайтовская реформа в Англии ⁸, свобода прессы во Франции, требуемая каким-нибудь Фавром или Оливье ⁹, без сомнения, вещи нужные, и со временем они будут достигнуты; но для них еще время терпит, они далеко не так существенны и настоятельны, как законное обеспечение гражданских прав и материального быта миллионов народа, до сих пор более или менее терпевших от тяжело-го влияния произвола. Для этих миллионов дело идет не о какой-нибудь прибавке к правам, которые они уже приобрели прежде, а чистоначисто о создании хоть каких-нибудь прав, потому что под влиянием крепостного принципа они если не *de jure*, то *de facto* не имели вовсе никаких. Ясно, что жажда приобретения этих прав, если уж она раз почувствована, должна быть сильнее, нежели всякое стремление к расширению прав уже существующих; ясно, что здесь имен-

но всего сильнее может обнаружиться деятельность народного духа, и потому этот предмет заслуживает особенного внимания всех людей, истинно любящих народное благо. Многие до сих пор полагают, что народ, еще не получивший свободы, не должен заслуживать и серьезного внимания, так как он живет и действует не сам по себе, а как ему велят. И это рассуждение было бы справедливо, если бы оно относилось к массе окончательно обезличенной и совершенно лишенной всех человеческих стремлений. Но мы уже сказали, что не верим даже в возможность подобного обезличения целого народа и ни в каком случае не можем навязать его народу русскому. А если потребность восстановить независимость своей личности существует, то нет надобности знать, получила ли она формальное разрешение или нет: будет ли она освящена формальным образом или нет, во всяком случае она проявится в фактах народной жизни, решительно и неотлагаемо. Заглушить эту потребность или повернуть ее по-своему никто не в состоянии; это река, пробивающаяся через все преграды и не могущая остановиться в своем течении, потому что подобная остановка была бы противна ее естественным свойствам. [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья, впервые опубликованная в С, 1858, № 10, 11, за подписью «*бова*», написана по поводу книги «*Essais sur l'histoire de la civilisation en Russie, par Nicolas Jégbtsoff, Paris, 1858*», два тома. Отрывок печатается по: *Добролюбов*, т. 3, с. 314—316.

² Впервые опубликовано за подписью «*Н. Т-нов*» в С, 1859, № 1. Отрывки печатаются по: *Добролюбов*, т. 4, с. 7—8, 26, 31, 46—47.

³ Здесь скрытая цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие I, явление 7).

⁴ Речь идет о переговорах Оуэна в 1828 г. с правительством Мексики; на них, в ответ на предложение получить под свое управление значительную территорию, Оуэн «предварительно потребовал, чтобы его провинции предоставлена была полная религиозная свобода. Президент отвечал, что это условие может служить помехой, так как в Мексике господствует католическое исповедание...» (слова Оуэна, цит. по: *Добролюбов*, т. 4, с. 41).

⁵ Написано по поводу сочинения И. К. Бабста «От Москвы до Лейпцига», опубликованного в 1859 г. в журнале «Атеней» и тогда же вышедшего отдельным изданием. Впервые статья Добролюбова была напечатана в С, 1859, № 11, без подписи; вошла в издание Сочинений 1862 г., в т. 3, с восстановлением цензурных изъятий. Отрывки приводятся по: *Добролюбов*, т. 5, с. 458—460, 466—467, 468—469, 470.

⁶ Впервые опубликовано: С, 1860, № 9, за подписью «*Н.— бова*»; вошло с восстановлением значительных цензурных исключений в издание Сочинений Добролюбова 1862 г., т. 3; написано по поводу: *Марко Вовчок* «Рассказы из народного русского быта» (М., 1859). Отрывки печатаются по: *Добролюбов*, т. 6, с. 237, 242—243.

⁷ Речь идет о Прудоне.

⁸ Лидер английских либералов Джон Брайт боролся в 40—50-х годах за реформу парламента с целью устранить парламентские привилегии землевладельцев-аристократов.

⁹ Жюль Фавр и Эмиль Оливье, возглавлявшие в 50-х годах республиканскую оппозицию режиму Наполеона III в Законодательном корпусе, выступали там с критикой официозной прессы, искаженно изображающей события.

Михаил Ларионович
(Илларионович)
МИХАЙЛОВ

*Наши грёзы светлы,
В них для бедняка
Светит будто счастье —
Хоть издалека.*

М. Л. МИХАЙЛОВ

*Ты эта жертва. За тобой
Сомкнется грозно юный строй.*

Н. П. ОГАРЕВ

М. Л. Михайлову суждено было стать первой жертвой политических репрессий в царствование Александра II, открывшей длинный список жертв в мартирологе революционеров-социалистов пореформенного периода. Эта жертвенность обратила к Михайлову взоры русских революционеров-социалистов всех поколений и направлений: от Герцена и до Плеханова, а его гражданская казнь, проведенная, то ли намеренно, то ли случайно, в годовщину восстания декабристов — 14 декабря 1861 г. заставила вспоминать и имена казненных зачинателей русского революционного движения. «Михайлов, сосланный на каторгу, — писал его самый близкий друг Н. В. Шелгунов, — стал святым даже для тех, кто не прочел ни одной

его строчки» (*Шелгунов, Шелгунова, Михайлов*, т. 1, с. 241). Всей своей жизнью Михайлов сполна оправдал тот ореол героизма, которым окружила его легенда.

Родился М. Л. Михайлов 4(16) января 1829 г. в Оренбурге. Дед и отец его были крепостными, причем дед был засечен до смерти за то, что поверил в «вольную», дарованную ему устно покойной помещицей, у которой он был управляющим. Отец, Ларион Михайлович, получил «вольную», достиг положения крупного горного чиновника, даже дослужился до чина потомственного дворянина, но с его смертью в 1845 г. (мать — киргизская княжна Ольга Васильевна Уракова — умерла раньше, в 1841 г.) благополучие семьи кончилось, и детей пришлось раздать на воспитание родственникам. Михаил попал в Уфу к родственникам матери. Детство М. Л. Михайлова прошло в Илецкой Защите, небольшом городке, основное население которого составляли каторжники и ссыльные, работавшие на соляных копях, где отец служил управителем. Ссылным был и один из учителей Михайлова, поляк, который, как писал Михайлов в автобиографическом романе «Вместе» (романе о «новых людях», публикация которого в журнале «Дело» была приостановлена цензурой, рукопись не сохранилась), говорил ему «с юношеским пламенем о господстве зла на земле и о необходимости непримиримой вражды к нему, о святости борьбы, страданий и гибели за благо родины и человечества» (*Д*, 1870, № 1, с. 24).

Первые стихи и переводы Михайлова появились в журнале «Иллюстрация» в 1845 г., когда он был еще в гимназии в Уфе. С 1846 г., после того как он поступает вольнослушателем в Петербургский университет, начинается его интенсивная, плодотворная и практически непрерывная литературная деятельность. Михайлов был признан сначала как талантливый переводчик (ему принадлежат прекрасные переводы Гейне, Беранже и др.) и поэт, а затем и как прозаик, критик и публицист. Он знакомится с Н. Г. Чернышевским (с которым у него завязывается тесная дружба), с некоторыми петрашевцами и многими писателями.

Постепенно Михайлов становится на позиции «натуральной школы», что четко обозначается в повести «Адам Адамыч» (1851), положившей начало циклу его прозаических произведений из провинциальной жизни. Укрепляются его демократические убеждения. Важную роль в этом сыграли знакомство в 1855 г. и крепкая дружба с Н. В. Шелгуновым и его женой Л. П. Шелгуновой, начавшийся тогда же общественный подъем, «литературная экспедиция» на Урал и в Оренбургскую губернию по заданию морского министерства «для исследования быта жителей» (1856—57 гг.) и, наконец, поездка (вместе с Шелгуновыми) во Францию и Англию (1858—59 гг.). В Париже Михайлов входит в круг революционно настроенных молодых поэтов и писателей (в том числе знакомится с Эженом Потье), изучает произведения французских социалистов (Сен-Симона, Фурье, Луи Блана, Прудона и др.); в Лондоне встречается с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. За границей Михайлов пишет

лучшие свои публицистические статьи: «Парижские письма», «Лондонские заметки», «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» и др., выдвинувшие его в первый ряд революционных демократов и социалистических писателей. Последняя из них, открывающая серию статей Михайлова по женскому вопросу, по словам Шелгунова, «произвела в русских умах землетрясение», сделала Михайлова «творцом женского вопроса» (*Шелгунов, Шелгунова, Михайлов*, т. 1, с. 121). Причина этого не в собственной социалистической теории Михайлова, для которой, как он писал, «еще не нашлось определенной формулы» (*Михайлов, Соч.*, т. 3, с. 82), а в разработке социалистического идеала применительно к вопросу о женской эмансипации.

Михайлов вернулся в Россию убежденным в близости народной революции. Он был принят в редакцию «Современника» (заведовал отделом иностранной литературы), стал активно сотрудничать также в «Русском слове» и в «Энциклопедическом словаре» П. Л. Лаврова (в котором он вел литературный отдел), тесно сблизился с революционной молодежью. Возмущенный царским манифестом об освобождении крестьян, который он называл «ловушкой и обманом», Михайлов помогает Шелгунову в написании прокламации «К молодому поколению», летом 1861 г. организует ее печатание в лондонской типографии Герцена, тайно перевозит тираж в Россию и участвует в ее распространении. Арестованный 14 сентября 1861 г., он, чтобы снять подозрение с Шелгунова, взял всю вину на себя и был приговорен к шести годам каторги и вечному поселению в Сибири. В тюрьме Михайлов пишет стихотворения «Памяти Добролюбова», «Крепко, дружно вас в объятья...» (ответное послание арестованным студентам Петербургского университета), «Пятёро» (памяти декабристов) и др., ставшие наиболее популярными произведениями «потаенной» революционной поэзии.

Демократические литераторы Петербурга в складчину снарядили Михайлова в дорогу. В Петропавловскую крепость проститься с ним пришли Чернышевский, Шелгуновы, А. А. Серно-Соловьевич и др. (за всеми из них «по высочайшему повелению» было установлено наблюдение). В пути на каторгу его встречали многие ссыльные в Сибири, в том числе Петрашевский, декабрист Д. И. Завалишин и др. Шелгуновы вскоре последовали за ним в ссылку, чтобы облегчить его участь. На каторге (он отбывал ее в Казаковском, Зерентуйском и, наконец, Кадайском рудниках Нерчинского округа) Михайлов одно время был с Чернышевским. Однако слабое здоровье, а также усиленная умственная работа (он продолжал писать: им были написаны, в частности, «Записки», рассказывающие о его аресте, следствии, суде и ссылке) быстро свели его в могилу. Он умер в Кадае 3 (15) августа 1865 г. вскоре после того, как вышел на поселение, и был похоронен на вершине ближайшей сопки ссыльными поляками, два дня долбившими в скале ему могилу. 11 сентября, когда весть о смерти Михайлова достигла Петербурга, более ста человек молодежи в организованном порядке провели единственно

возможную в условиях полицейской слежки политическую демонстрацию — панихиду по «ссылному Михаилу» (не называя его фамилии) и «поминовение» в одном из трактиров, где произносились речи и читались произведения Михайлова. Его имя стоит первым в историко-революционном календаре пореформенной России. А. В. Луначарский назвал его одним «из отцов революции» (*Луначарский А. В. Русская литература. М., 1947, с. 65*).

СОЧИНЕНИЯ

Михайлов М. Л. Стихотворения. СПб., 1866 (изд. было уничтожено).

Михайлов М. Л. Полное собрание сочинений. [1913—1914], т. 1—4 (в т. 1 библиогр.).

Михайлов М. Л. Сочинения. М., 1958, т. 1—3.

Михайлов М. Л. Записки.— *Шелгунов, Шелгунова, Михайлов*, т. 2.

Михайлов М. Л. Собрание стихотворений. Л., 1969.

Михайлов М. Л. Избранное. М., 1979.

ЛИТЕРАТУРА

Богатов В. В. М. Л. Михайлов — мыслитель и революционер. М., 1959.

Чуднова Л. Г. М. Л. Михайлов. Л., 1967.

Фатеев П. С. Михаил Михайлов — революционер, писатель, публицист. М., 1969.

Опришко Е. Н. М. Л. Михайлов и Н. А. Некрасов. Днепропетровск, 1970.

Козьмин Б. П. Н. Г. Чернышевский и М. И. Михайлов.— В кн.: Козьмин Б.

Литература и история. Изд. 2-е. М., 1982.

Щеголихин Иван. Слишком доброе сердце. Повесть о Михаиле Михайлове. М., 1983 (ПР).

ТЕКСТЫ

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА ВИКТОРА ГЮГО ¹

[...] У Виктора Гюго, как и у других лучших представителей его народа, мы видим тот благородный энтузиазм ², способный на бескорыстные жертвы, с каким Франция служила великим интересам человечества, великим целям будущего, забывая в своем горячем воодушевлении о своих собственных, насущных интересах. С точки зрения экономической этот энтузиазм, пожалуй, тоже должен быть причислен к разряду недостатков, а не достоинств. Но у нас свое убеждение. Мы позволяем себе, вопреки громким фразам героев кредита и торгового баланса (эти практические мужи тоже приходят в пафос, когда дело идет об их милых грошах), мы позволяем себе думать, что именно этот энтузиазм подвигает людей к лучшему будущему, а не бухгалтерские выкладки. С этой спокойной, конторской точки зрения, кажется, чего бы желать в настоящую минуту Франции? ³ Разумеется, представляются некоторые недостатки; но они сами собою сгладятся исподволь, постепенно. Постепенность! это вечный лозунг сих ученых рыцарей рутины. Постепенность в прогрессе, сдержанный, обдуманный ход! Без этого нет прочных приобретений, решительных завоеваний. Другими словами это значит: не трогай моего кармана! не мешай моему эгоистическому спокойствию! Где же это торжество экономической последовательности, разумного расчета? Где эти блага, принесенные им в дар человечеству? История показывает нам, что эта последовательность, этот разумный расчет умели только охранять свой собственный мирный сон да свои собственные интересы. С такою задачей, которой хотели во что бы то ни стало добиться, оставалось пожертвовать выгодами большинства жадности меньшинства. Так и сделали. Ненавистный энтузиазм, этот враг всякого порядка, не поддался, однако ж, усыпительному влиянию разумных строителей всеобщего спокойствия и беспрестанно напоминал о себе своею непоследовательностью. Крупными явлениями этой непоследовательности были реформация, государственный переворот во Франции ⁴; а сколько было мелких, не столь решительных! Если нам докажут, что эти явления не были твердыми и прямыми шагами вперед по пути прогресса, что противоположная теория мирного развития и постепенного совершенствования сделала что-нибудь, кроме угнетения масс ради мнимого «порядка», кроме постоянных помех всеобщему

развитию, мы поникнем повинною головой и постараемся потушить в себе этот антиобщественный энтузиазм, который в ослеплении своим привыкли считать задатком лучшей судьбы, ожидающей человечество. [...]

Судьба лучших людей нашего печального переходного времени темна и безрадостна. Разочарованные в прочности настоящего порядка вещей, пылко желающие иного строя для общества, они в то же время теряются в догадках, в предположениях, как создастся новый порядок. Самые гениальные теории будущего находят себе противоречие в сердце; смутные предчувствия идут дальше всех проектов, и едва ли правда не на их стороне. Жизнь сделает свое дело по-своему, какие ни строй ей системы, какое ни старайся дать ей направление. Это смелая и до сих пор, несмотря на все горькие усилия наши обуздать ее, непокорная нам сила. Наши светлые гипотезы, может быть, и оправдывает будущее; но как и в какой мере, это недоступно ни нашему знанию, ни нашему чувству. От слов нашей пытливой науки, от воплей нашей вечно рвущейся вдаль поэзии, может быть, и содрогается не рожденное еще будущее; но примет ли оно тот вид, о котором мечтает и наука и поэзия, кто даст на это ответ? [...]

ЖЕНЩИНЫ, ИХ ВОСПИТАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ ⁵

Coupez le câble!
Sieyès *

[...] Недовольство настоящим складом создало немало самых разноречивых общественных теорий, которые частью рухнули, как чуждые жизни, частью приняты жизнью «к сведению». Полная перестройка общества невозможна без переделки основания его, семьи; это сознавалось иногда смутно, иногда ясно всеми общественными новаторами; на этом сознании выросли идеи и о так называемой эманципации женщины, скоро нашедшие путь в общество, как слишком заинтересованное в этом вопросе.

[...] В какой мере зависит благоденствие общества от уравнивания прав мужчины и женщины? Как может совершиться это уравнивание? Что служит ему помехой в современных понятиях и нравах? Как должна сложиться семья, чтобы стать прочным залогом действительных успехов общества, а не задержкою их, какую она является большею частью в наше время? Вот вопросы, на которые я старался ответить в предлагаемых замечаниях.

Печальный разлад, замечаемый в наше время в семье, лицемерие, внедрившееся в семью вследствие этого и нравственно растлевающее общество, замечаемый на каждом шагу антагонизм между членами семьи, — все эти мрачные явления объясняют противосемейственную реакцию, поднятую во Франции социальными философами.

* Рубите канат! Сьейес ⁶ (франц.). — Ред.

Не менее понятно и сочувствие, пробужденное в обществе их системами. «Чувство свободно; оно не поддается никакому произвольному руководству; нет таких цепей, которых явно или тайно оно бы не сломало»⁷. Эти мысли, понятые вполнину, очень льстили неразвитости массы, называющей себя образованною частию общества. Ухватившись за них как за непогрешительный догмат, но не имея в то же время силы сокрушить в жизни несовместные с этими идеями, упроченные вековою давностью формы, общество ринулось в хаос наглого и необузданного разврата.

Одна крайность вызывает неминуемо другую. Заметное падение нравственности, произведенное во Франции односторонне усвоенными идеями об эманципации женщин, должно было вызвать реакцию, как и все реакции, крайнюю и одностороннюю. Не обращая внимания на те благие приобретения, которые движение к освобождению слабейшей до сих пор половины человечества все-таки вместе с временным злом доставило жизни и обществу, реакционеры принялись осуждать не злоупотребления свободы, неизбежные при ее новостях, а самый принцип ее. Они готовы видеть идеал семейного общества у племен, остающихся еще на низших ступенях развития, и, оставив при нас все завоевания науки, обратить домашний быт наш в так называемое «естественное состояние»⁸. Не говоря уже о том, что такой фатализм несовместим с настоящим сильным развитием мысли, не говоря уже о странности движения вперед и вспять в одно и то же время, спросим: у каких дикарей, на каких неведомых островах, оторванных от всего мира морем и невежеством, найдется это счастливое «естественное состояние», о котором так складно говорится в книгах? Где «естественное состояние» человека не есть упорная борьба с роковыми силами природы? Эта-то борьба, на первых порах столь тяжкая, должна была поневоле поставить женщину, как мать и кормилицу, в несколько зависимое от мужчины положение. От зависимости (мы видим это, к несчастью, даже в наше цивилизованное время) нетруден переход к полному подчинению⁹ [...].

[...] Но протест, хотя глухой, вероятно всегда существовал в угнетенной половине. Иначе как объяснить возникновение в самых ранних периодах человеческого развития этих жестоких и деспотических законов, ограждающих с таким постоянным упорством ревнивые права мужчины? Но никакие законы, как бы ни были они сильны и грозны, не заставят человеческую личность считать себя от рождения обреченною на рабство. Стремление к личной свободе — не исключительно человеческое свойство, и отказывать в этом свойстве женщине, стараться не выпускать ее из тех пут, которыми она связана теперь, значит ставить ее ниже бессловесных животных. [...]

Книга Прудона замечательна не только как реакция пробудившемуся во Франции стремлению к преобразованию семейных отношений; она еще более знаменательна тем, что показывает, как глубоко сидят еще в человеке нашего времени корни деспотизма и

кулачного права. Во Франции, в половине XIX века, издается трактат, ничем почти не отличающийся от какой-нибудь «книги о нравных женах, зело потребной, а женам досадной»¹⁰, которая считалась кодексом семейной мудрости у наших прадедов, наравне с «Домостроем»¹¹, рекомендуемым, как известно, в случае непослушания жены, «сойма рубашку, плеткою вежливоенько постегать, за руки держа», и проч. Прудон не рекомендует, правда, плетки; но это не достоинство в его книге, а скорее недостаток: таким пропуском нарушается отчасти логичность его выводов [...].

[...] Прудона можно, пожалуй, и поблагодарить за его смелость выговорить наконец то, что все антагонисты женского движения или высказывали до сих пор слабыми намеками, или стыдливо затаивали в себе. [...]

Это не то, что те двусмысленные, а часто и просто-напросто бессмысленные апофегмы¹², которыми обыкновенно отвечают на «утопии» иного семейного порядка¹³, — апофегмы, которые можно толковать как угодно, и pro и contra *. Эта эластичность и сделала их особенно ходячими в обществе, и они обращались в нем до того, что потеряли всякое обличие. [...]

[...] Не только в большинстве, но даже часто и в лучших членах его замечается печальный внутренний разлад. Мысль, выработанная наукой и опытом жизни, говорит одно; чувство, воспитанное дома, в сфере, далекой от жизни, влечет в другую сторону, заподозривая самую законность несогласной с ним мысли. Предрассудок живет в обществе оттого, что живуче в нас чувство домашнего очага, от которого мы несем в жизнь этот предрассудок. Откуда же быть тут равновесию в жизни, от которого зависит разумный и прямой ее ход? И не только обыденный быт наш полон этих жалких и малодушных колебаний, не спасена от них и более светлая, более разумная сфера — сфера чистого знания.

Только коренное преобразование женского воспитания, общественных прав женщины и семейных отношений — представляется мне спасением от нравственной шаткости, которою, как старческому немочью, больно современное общество. Практические философы, плодящиеся, словно грибы, в гнили и плесени настоящего общественного здания, не любят никаких коренных преобразований, вероятно, по чувству самосохранения; но им бояться нечего: не только сами они, но и многие их поколения найдут себе удобную и питательную почву, прежде чем совершится преобразование, о котором я говорю... [...]

На предположения о необходимости уравнивать общественные и семейные права женщины и мужчины, на требования одинакового для обоих образования большинство отвечает прежде всего сомнениями: возможно ли еще привести в исполнение эти предположения и согласиться на эти требования? Как для доказательства совершенной неспособности негров к свободному человеческому разви-

* — за и против (лат.). — Ред.

справедливости, можно наказать, как наказывают негров в невольничьих штатах. [...] В «катехизисе брака» (так названы Прудонем окончательные выводы из его теории) мы читаем следующее: «Обязанность отца семейства пристроить своих детей честно и согласно требованиям справедливости; награда его трудов и радость его преклонных лет будет состоять в том, что он сам выдаст замуж дочь свою, сам выберет жену своему сыну». Переносясь мыслью в это идеальное царство справедливости, мы должны предположить в нем полное нравственное согласие между людьми, а тем паче между членами одной семьи. Недаром же это общество построено Прудонем на чувстве справедливости. Но разочаруемся. Вот что говорится дальше: «Молодые люди должны соединяться, положим, без отвращения; но отцы не должны допускать оскорбления в лице своем достоинства семьи, они должны помнить, что рождение телесное есть лишь половина родительского дела. Если сын или дочь для удовлетворения своей склонности пренебрегают желанием отца, отец должен лишить их наследства. Это первое из его прав и священнейшая из обязанностей». Положим, дочь не может иметь своей воли, потому что лишена инициативы рассудка; но сын-то? И почему *желание* отца выше *склонности* сына? Или желания отца не могут быть несправедливыми?

Вот и возникновение авторитета в этом образцовом семействе. Как мы видели, авторитет может вызвать сомнение в своей правоте. Лучший путь утвердить его — превратить в безотчетное правило. [...]

Дальнейшее развитие такого порядка понятно. Человечество уже жило в подобных условиях, и из последовательного развития их возникли все те горькие общественные явления, в числе бойцов против которых явился Прудон. Неужто нам вновь повторять старый опыт? Эта идеальная справедливость, которую Прудон ставит в главу угла, не изменяет дела. Трудно признать ее существовавшей внутренней силой человека и средством и целью его жизни, если она требует деспотических мер для покорения себе человеческой мысли и воли.

Никто из самых злейших врагов социализма не смеялся так жестоко, как Прудон, над общественными и семейными теориями и системами французских реформистов²¹. Но едва ли хоть один из проектов преобразования домашней жизни и семейных отношений представлял столько и смешных сторон, как его собственный проект.

Десять лет тому назад Прудон говорил вот что²²: «Идея правительства родилась из семейных нравов и домашнего опыта: правительство представлялось обществу фактом таким же естественным, как субординация между отцом и детьми. Поэтому-то и проповедующие братство социалисты, принимая семейство за элемент общества, все доходят до диктатуры, самой крайней формы правительства. Разительный пример можно видеть в администрации общины Кабе в Нову²³. Долго ли еще будем мы не понимать этого сцепления идей?»

Читатель видел, что я принимаю семейство тоже за основу общества; но только при одном условии, при совершенном равенстве прав жены и мужа. Если отец и мать пользуются одинаковым голосом, одинаковым влиянием как на детей своих, так и на касающиеся их дела общества, возможность диктатуры в общественном управлении исчезает сама собою.

Все мало-помалу приходят к убеждению, громко провозглашаемому целым ходом истории, что существование в обществе рабства, давая возможность одному классу жить на счет другого, ведет к деморализации и эксплуататоров и эксплуатируемых. Уровень общественного образования и общественной нравственности тотчас начинает подниматься не только при совершенном уничтожении права одного лица владеть другим, но даже при одном только смягчении этого права. Отчего же то, что признается законом для общества, не может быть признано законом для семьи? Отчего прогресс общества должен заключаться все в большем и большем устранении эгоистического произвола, а счастье семьи без этого произвола невозможно? Мы будем спорить лишь о словах, если станем отвечать на возражение, что перевес мужа в семье есть лишь законное покровительство существу сравнительно слабейшему. [...]

Если не только на умственных способностях и на нравственности женщины, но и на деятельности и характере мужчины тяготеет вредным влиянием настоящее неравномерное распределение благ жизни и свободы между двумя полами,— спрашивается: во имя чего, ради чьего счастья можно защищать существующие отношения? [...]

Вывод из всего вышесказанного нетруден и требования ясны. [...]

Первое требование касается воспитания.

Как элементарное, детское воспитание, так и образование в обширном смысле, общее и специальное, должны быть, в существенных условиях своих, одинаковы для обоих полов. Одинаковая забота должна прилагаться к умственному развитию как мальчика, так и девочки. [...] Всякое знание, признаваемое полезным для мужчины, должно быть признано полезным и для женщины. Личные способности каждого решают степень участия его в успехах науки, в делах общества. Но для того, чтобы человек мог взять на себя дело, согласное с его способностями, и найти в этом деле цель и счастье своей жизни, необходима полная свобода для их развития. Это правило одинаково для обоих полов. [...] Уничтожая дикое разделение знаний на мужские и на женские, следует уничтожить и внешние разграничения. Пусть девочки учатся вместе с мальчиками; пусть самое воспитание prepares их к совместной деятельности в жизни. Никакой нравственной порчи тут быть не может. [...]

Высшее образование, как бы оно ни организовалось, точно так же должно быть доступно женщине наравне с мужчиной. Пусть университет, академия, пусть каждое специальное общественное учебное заведение принимает вместе и учеников и учениц, согласно желанию и внутренней потребности каждого. [...]

Расширить таким образом женское образование — еще не все.

тию плантаторы невольничьих штатов находят Агассизов¹⁴, так и у защитников настоящего общественного порядка нет недостатка в ученых, философах и законодателях, которые как за прочную основу благоденствия общества ухватываются именно за неравенство прав и неравенство образования, когда дело идет о женщинах. Многие самые радикальные эманципаторы, самые пылкие жрецы свободы, проповедующие как путь к лучшему общественному устройству равное для всех пользование благами жизни и знания, останавливают свою проповедь, доходя до общественного и семейного положения женщины, или, наперекор общим положениям своим, пускаются толковать о невозможности даровать женщине равные права и равное образование с мужчиной...

И по пунктам, на цитатах,
На соборных уложениях¹⁵

строят такой приговор: женщина ниже мужчины в физическом отношении, ergo * — должна быть подчинена ему; женщина ниже мужчины в умственном отношении, ergo — должна быть подчинена ему; женщина ниже мужчины в нравственном отношении, ergo — должна быть трижды подчинена ему. Подчинение невозможно при равенстве прав и образования; стало быть: не давать женщине ни таких прав, ни такого образования. [...]

Говорить в защиту женщин — пока значит не что иное, как доказывать на основании почти тех же фактов, на которые опираются и противники женской эманципации, возможность и женщине быть гражданкою умственного и нравственного мира, составляющего в настоящую минуту исключительную привилегию мужчин. [...]

...Платон, предписывая законы своей идеальной республике¹⁶, руководился принципом равенства; но равенство представлялось ему возможным только при существовании рабов, на долю которых выпадала бы вся черная работа жизни. Через две тысячи лет после Платона Жан-Жак Руссо в одном из своих сочинений¹⁷ говорил, что не понимает возможности равенства общественных условий без рабства.

С рабством в том смысле, как его разумели Платон и Руссо, мы уже покончили в теории и кончаем на практике. [...]

Вопрос о положении женщины есть лишь шаг вперед по тому же пути; забота о ее свободе основывается на тех же побуждениях и соображениях, из которых возникли старания эманципировать негров. Все очень хорошо понимают, что нельзя утверждать а priori **, способна или неспособна такая-то раса человеческая к развитию. Надо предоставить ей сначала свободу развиваться, и потом уже произносить суд. Да и тут суд не всегда будет справедлив, потому что мы смотрим обыкновенно не очень-то далеко вперед. Один немецкий историк цивилизации, именно Клемм¹⁸, разделяет

* — следовательно (лат.).— Ред.

** — без доказательств (лат.).— Ред.

все человечество на расы пассивные и на расы активные. Такое разделение, может быть, и очень удобно; но кто поручится за его верность? кто может окончательно решить, что при изменении условий (а они могут решительно измениться) якут или кафр¹⁹ останутся на этой степени дикости, на которой мы видим их теперь? Не казалось ли и германское племя пассивным цивилизованному Риму? Не казались ли еще недавно и славяне пассивною расой немцам? В последнем случае предубеждение и теперь еще не совсем исчезло. Года два-три тому назад один очень замечательный немецкий писатель издал роман, из которого можно вывести заключение, что весь славянский мир есть не что иное, как почва для деятельности немцев²⁰. Не таковы ли и мнения о пассивности женщин? [...]

Какая роль принадлежит женщине в домашней и общественной экономии? На этот вопрос книга «De la Justice» отвечает так: «На женщину падают заботы о хозяйстве, воспитание детей, обучение молодых девушек под надзором лиц от правительства (*sous la surveillance des magistrats*) и исполнение общественной благотворительности».

Какой род промышленности, какое искусство могут быть специальностью женщины? При том взгляде на умственные и нравственные способности женщины, который высказан автором, нечего ждать иного ответа, кроме отрицательного. «Мужчина — работник, женщина — хозяйка: на что же ей жаловаться? Чем более будут действием справедливости уравниваться состояния и средства, тем более возвысятся они в своих глазах: он — трудами, она — хозяйством. Когда мужчина откажется от всякой эксплуатации и опеки, неужели женщина станет требовать для услуги себе челяди? Да где взять ее? Оба пола родятся в равном количестве: кажется, ясно?» [...]

Итак, женщине нечего жаловаться... Она сыта, одета, обута и притом может спокойно и безопасно родить и кормить детей; дочерей же и воспитывать может, разумеется «*под надзором правительственных лиц*», чтобы не внушить им какой-нибудь вредной мысли. Что должно соединять ее с мужем, чтобы делать сносным этот образ жизни? Вы думаете, любовь, то есть то необъяснимое влечение, которое заставляет нас жертвовать своим личным счастьем ради счастья любимого предмета? Нет, такая любовь безнравственна по мнению Прудона: она нарушает общественное равновесие. Чету должно соединять чувство справедливости, и в выборе жены, в выборе мужа как можно менее должна участвовать любовь*.

Но чувство справедливости составляет исключительную принадлежность мужчины; женщина, по мнению Прудона, совершенно лишена его. Стало быть, авторитет мужчины решает все дело. Женщина, как животное бессмысленное, должна полагаться на этот авторитет и быть вполне довольна тем, что она одета, обута и проч. и проч. За недовольство, как за возмущение против принципа

* «Какую долю любви допускать при заключении брака? — Возможно меньше» (прим. М. Л. Михайлова).

Надо открыть женщине свободный доступ ко всем родам деятельности, теперь составляющим исключительную привилегию мужчины; иначе самое образование не будет достигать цели, будет мертвым капиталом для общества и часто тяжелым преимуществом для женщины, которой нет возможности применить к делу свои дарования и сведения. Нечего бояться, что при полной свободе выбора женщина вздумает браться за то, что менее всего будет согласно с ее природой, с материнскими обязанностями, которые в известное время потребуют особенного и, пожалуй, исключительного ее внимания. [...]

Участие в труде и промышленности, в науке и искусстве вообще должно быть доступно каждому совершеннолетнему члену общества. Если это еще и не так на деле, то все-таки мы идем к такому порядку, — это ясно из всего хода современного общества.

Признавая женщину тоже членом общества, как мы это и делаем на словах, следует дать ей все исчисленные права. В какой мере и как она ими воспользуется — это уже не наше дело. Как существо мыслящее она требует этих прав, и мы обязаны дать ей их, как дадим их рано или поздно пролетарию и невольнику-негру. [...]

Брак при исчисленных условиях становится высоконравственным союзом, интересы жены и мужа сливаются, деятельность их направляется к одной цели, и нынешняя непрочность супружеских отношений становится почти невозможною. [...]

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Статья написана по поводу книги: *La Légende des siècles*, par Victor Hugo. 1-re série. Histoire. Les petites épopées. 2 vol. Paris, 1859 (*Виктор Гюго. Легенда веков. Первая серия. История. Маленькие эпопеи. Два тома. Париж, 1859*). «Легенда веков» — грандиозный цикл лирико-эпических поэм, написанных по сюжетам библейских, античных и средневековых преданий и легенд, в которых Гюго стремился изобразить всю историю человечества (вторая серия вышла в 1877 г., третья — в 1883 г.). Статья впервые напечатана в *РС*, 1860, № 1. Отрывки приводятся по: *Михайлов. Соч.*, т. 3, с. 76—77, 82.

² То есть революционный энтузиазм, что по цензурным условиям нельзя было написать.

³ Во Франции в это время был бонапартистский режим Наполеона III, правившего в интересах крупной буржуазии, но в то же время вынужденного прибегать к тактике лавирования путем провозглашения либеральных реформ, которые, однако, не могли остановить нарастания революционного движения.

⁴ Имеются в виду европейское реформационное движение XVI в. и французская революция конца XVIII в.

⁵ Статья написана Михайловым в 1858 г. во Франции. Впервые опубликована в *С*, № 4, 5, 8 за 1860 г., с посвящением Л. П. Шелгуновой. В статье отразились ожесточенные споры о женской эмансипации, которые велись в обществе «Отеля Мольера» в Париже (где Михайлов жил), связанные с появлением в 1858 г. третьего тома книги Прудона «*De la justice dans la Revolution et dans l'église*» («О справедливости в революции и в церкви»), посвященного разбору семейных отношений и роли женщины в обществе. Эти споры Михайлов описал в первом и пятом «Парижских письмах» (см.: *С*, 1858, № 9 и 1859, № 1). Там же он обещал вернуться к вопросу о женской эмансипации и книге Прудона, что он и сделал в настоящей статье, фрагменты которой печатаются по: *Михайлов. Соч.*, т. 3, с. 369, 370—374, 375, 376, 377, 415—416, 417—419, 426—427, 428—430.

⁶ Слова видного деятеля французской революции аббата Сьейеса, произнесенные им 17 июня 1789 г. на собрании депутатов третьего сословия Генеральных штатов, когда они по его предложению провозгласили себя Национальным собранием.

⁷ Под «социальными философами» имеются в виду французские социалисты-утописты; в кавычках слова, передающие мысль Фурье, неоднократно повторяющуюся в его сочинениях (у Фурье не «чувство», а «страсть»).

⁸ Две крайности, порожденные в «образованной части общества» (т. е. буржуазии) «односторонне усвоенными идеями об эмансипации женщины», — это реакция: в первом случае — на романы Жорж Санд, проповедовавшей «свободу чувств»; во втором — на книги «Народ» (1846), «Любовь» (1858), «Женщина» (1859) Жюль Мишле, писавшего в них о «естественном состоянии» первобытных племен, об «инстинктах народа» как идеале семейных отношений. Близкую Мишле позицию на роль женщины в обществе высказывали также Прудон и Огюст Конт (см. его письма к Дж. С. Миллю по женскому вопросу от 1843 г. в кн.: *Милль Дж. С. Подчиненность женщины*. СПб., 1869, с. XXIX—LX).

⁹ Представления Михайлова о положении женщины в первобытном обществе отражали уровень знаний того времени. Так, ему не известно было о существовании матриархата, которое впервые было обосновано И. Я. Бахофеном в книге «Материнское право», вышедшей спустя год после опубликования статьи Михайлова.

¹⁰ «Книга о злонравных женах, или Беседа отца с сыном, избранная из разных писаний богомудрых отцов и мудрых философов» — памятник древнерусской литературы XVII в.

¹¹ «Домострой» — памятник древнерусской литературы середины XVI в., содержащий свод правил поведения горожанина. Ниже приводится цитата из третьей, заключительной части книги.

¹² Апофегмы, апофегмы (греч.) — поучительные изречения, наставления, советы, афоризмы. Сборники изречений древних философов (апофегматы) были широко распространены в XVIII в.

¹³ То есть «утопии» французских социалистов и коммунистов, против которых были направлены критические стрелы Прудона.

¹⁴ Яркий противник эволюционной теории Дарвина американский зоолог, палеонтолог и географ Агассис был горячим проповедником так называемой натуральной теологии, основные положения которой (бог сотворил каждый вид живых существ на Земле по заранее задуманному плану, в целесообразном соответствии со средой их существования, что есть выражение премудрости и благости божией) широко использовались расистами. Ф. Энгельс характеризовал Агассиса как последнего великого Дон-Кихота божественного творения среди биологов (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 515).

¹⁵ Цитата из стихотворения А. Н. Майкова «Приговор (Легенда о Констанцском соборе)» (1860) (см.: *Майков А. Н. Избранные произведения*. Л., 1957, с. 274). У Майкова в первой строке не «И», а «Так».

¹⁶ В диалоге «Государство».

¹⁷ В «Послании к Паризо» (1741). Впоследствии Руссо отказался от точки зрения, изложенной Михайловым.

¹⁸ В этом месте Михайлов делает примечание о шеститомном сочинении Ф. Г. Клемма «Этюды о женщинах» (1854—1858), взгляд которого «не выходит из пределов рутины».

¹⁹ Кафры — название, данное европейскими колонизаторами южноафриканскому народу коса (кафр — от арабского кафир — неверный).

²⁰ Речь идет о романе «Приход и расход» (1855, рус. перевод 1858) немецкого писателя-реалиста Г. Фрейтага, написанном с националистической тенденциозностью.

²¹ То есть социалистов.

²² В сочинении «Исповедь революционера» (1849).

²³ Одна из трех «икарийских» коммунистических колоний Э. Кабе в США (первая, с 1848 г., в штате Техас; вторая, с 1849 г., в Нову, штат Иллинойс, третья, с 1856 г., в Сен-Луи).

Николай Васильевич ШЕЛГУНОВ

Коллективный тип, как идеал для русского общества, должен сменить прежний одиночный идеал... Пусть этот новый человек послужит нам путеводною звездой в наших общественных стремлениях, и пусть романисты и публицисты покажут — каких результатов может достигать общество при коллективных усилиях множества простых людей.

Дружное сочетание сил — вот в чем секрет социального прогресса!

Н. В. ШЕЛГУНОВ

С первого своего выступления... до последней страницы... он бросал публике свое имя, как знакомый всем девиз борьбы

П. Л. ЛАВРОВ

Н. В. Шелгунов родился 22 ноября (4 декабря) 1824 г. в Петербурге, в дворянской семье. В трехлетнем возрасте лишился отца, оставившего семью без средств, воспитывался сначала в Александровском кадетском корпусе для малолетних, а с 1833 г. в Лесном институте, который окончил в 1841 г. Служил в лесном департаменте министерства государственных имуществ под началом М. Н. Муравьева, будущего душителя восстания в Польше 1863—64 гг. Шелгунову принадлежит ряд капитальных работ по лесоводству и лесному законодательству, некоторое время он был профессором Лесного института. По службе он имел возможность узнать жизнь и высшего круга правительственного чиновничества (Шелгунов был начальником отделения лесного департамента), и простого

народа (он совершал частые инспекционные поездки по внутренним губерниям России), а во время заграничных командировок — сравнить их с положением в европейских странах. Изучение социалистической литературы, встречи с Герценом и Огаревым, знакомство с Чернышевским и особенно с Михайловым определили политический выбор Шелгунова — в период первой революционной ситуации в России 1859—61 гг. он принимает активное участие в деятельности революционно-демократического подполья.

После обнародования царского манифеста об отмене крепостного права Шелгунов пишет при участии Михайлова прокламацию «К молодому поколению», в которой разоблачает грабительский характер реформы, призывает к восстанию против царя и помещиков. Михайлов печатает ее в Лондоне (у Герцена и Огарева), тайно провозит в Россию и распространяет. Причастность Шелгунова к прокламации не была раскрыта властями. Арестовали Михайлова, который взял авторство на себя. Узнав об этом, после суда над Михайловым Шелгунов покинул службу и в 1862 г. уехал в Сибирь, в Нерчинский край, где его друг отбывал каторгу. Однако в марте 1863 г. Шелгунов был арестован в Иркутске, доставлен в Петербург и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости по делу о распространявшихся в то время прокламациях. В следующем году его отправляют в ссылку в Вологодскую губернию. Ссылка, которую он отбывал в различных провинциальных городах европейской России, продолжалась до конца 70-х годов, когда ему разрешили вернуться в Петербург, но и в 80-е годы его снова ссылали, в Выборг и в Смоленскую губернию, за связи с русскими эмигрантами.

Еще в конце 50-х годов начинается сотрудничество Шелгунова в журнале «Русское слово» Г. Е. Благосветлова, с 1861 г. — в «Современнике» Чернышевского, а после их закрытия, с 1866 г., он постоянный сотрудник журнала «Дело». После смерти Благосветлова, редактора «Дела», в 1880—83 гг. Шелгунов был фактическим редактором этого журнала. На протяжении всей своей литературной деятельности он был одним из ведущих русских публицистов революционно-демократического направления, пропагандистом социалистических идеалов революционеров 60-х годов. Шелгунов — пионер рабочего вопроса в русской печати. В статье «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» (Современник, 1861, № 9—11) он изложил работу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», неоднократно обращался к ней и в других статьях. Шелгунов много писал по истории, экономике, литературной критике, педагогике и т. д. Популярностью пользовались и его обозрения внутренней жизни России, появившиеся в «Деле» почти ежемесячно на протяжении восемнадцати лет, а во второй половине 80-х годов продолженные в цикле «Очерки русской жизни» в журнале «Русская мысль». Статьи Шелгунова постоянно преследовались цензурой. Его статья «Рабочие ассоциации» (1865), по мнению цензуры, представлявшая «род апофеозы коммунизма и социализма», запрещалась

дважды и в конце концов послужила одним из поводов к закрытию журнала «Русское слово».

Умер Шелгунов 12 (24) апреля 1891 г. в Петербурге. Его похороны превратились в многотысячную антиправительственную демонстрацию, в которой впервые открыто участвовали рабочие социал-демократы.

СОЧИНЕНИЯ

Шелгунов Н. В. Сочинения. СПб., 1871—1872, т. 1—3.

Шелгунов Н. В. Сочинения. СПб., 1891, т. 1, 2.

Шелгунов Н. В. Сочинения. Изд. 3-е, СПб., [1904], т. 1—3.

Шелгунов Н. В. Воспоминания.— К молодому поколению.— Русским солдатам от их доброжелателей поклон.— К солдатам.— В кн.: *Шелгунов, Шелгунова, Михайлов*, т. 1. *Шелгунов Н. В.* Литературная критика. Л., 1974.

ЛИТЕРАТУРА

Пеунова М. Н. Общественно-политические и философские взгляды Н. В. Шелгунова. М., 1954 (есть библиография сочинений Шелгунова).

Слабкий А. С. Мировоззрение Н. В. Шелгунова. Харьков, 1960 (есть библиография).

Есин Б. И. Н. В. Шелгунов. М., 1977.

ТЕКСТЫ

К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ ¹

[...] Освобождение крестьян есть первый шаг или к великому будущему России, или к ее несчастью; к благосостоянию политическому и экономическому или к экономическому и политическому пролетариату. От нас самих зависит избрать путь к тому или к другому. Момент освобождения велик потому, что им посажено первое зерно всеобщего неудовольствия правительством. [...]

Правительство наше, вероятно, не догадывается, что, положив конец помещицкому праву, оно подкосило свою собственную императорскую власть. Император был крепок только помещиками, и Екатерина II отлично понимала это, называя себя первой помещицей. Кончились помещики, кончилось и императорство — у него нет больше почвы, осталось имя без сущности, форма без содержания. [...]

Если Александр II не понимает этого и не хочет добровольно сделать уступку народу — тем хуже для него. Общее неудовольствие могло бы еще быть успокоено; но если царь не пойдет на уступки, если вспыхнет общее восстание, недовольные будут последовательны — они придут к крайним требованиям. Пусть подумает об этом правительство, время поправить беду еще не ушло; но пусть же оно и не медлит.

Но, с другой стороны, и мы должны помнить, что имеем дело с правительством ненадежным, с правительством, которое временными уступками будет успокаивать нас и из личных, временных выгод готово испортить все будущее всей страны — для десяти подданных ничего не значит счастье шестидесяти миллионов.

Молодое поколение! не забывайте этого. Не забывайте того, что мы обращаемся к вам по преимуществу, что только в вас мы видим людей, способных пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию, вы — настоящая ее сила, вы — вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло, сделанное нам императорской властью, вы должны показать народу, что тут нет никакого помазания ², что бог познается в делах общего блага, в делах добрых, а где добра нет, там действует злая сила — дух тьмы, а этот-то дух и есть русская императорская власть в том виде, как она существовала до сих пор.

Вы должны объяснить народу, что у него есть доброжелатели, что есть люди, желающие, чтобы он владел землей, а не находился в вечной зависимости от землевладельцев; есть люди, желающие убавить ему подати и всякие платежи, водворить правду в суде, избавить народ от лишних нянек и опекунов.

Не забудьте и солдат. Объясните им, что и у них есть доброжелатели, которые хотели бы убавить солдатам срок службы, дать им больше жалованья, избавить их от палок.

Объясните все это народу и солдатам, но не забудьте прибавить, что помехой всему царь и его министры, для которых это не выгодно.

В последнее время расплодилось у нас много преждевременных старцев, жалких экономистов, взявших свой теоретический опыт из немецких книжек³. Эти господа не понимают, что экономизм нищает нас в духовном отношении, что он приучает нас только считать гроши, что он разъединяет нас, толкая в тесный индивидуализм. Они не понимают, что не идеи идут за выгодами, а выгоды за идеями. Начиная материальными стремлениями, еще придем ли к благосостоянию? — односторонняя экономическая наука нас не выручит из беды. Напротив, откинув копеечные расчеты и стремясь к свободе, к восстановлению своих прав, мы завоюем благоденствие, а с ним, разумеется, и благосостояние, то есть то, чего нам так хочется, — деньги.

А эти, к несчастью, плодящиеся у нас конституционные и экономические тенденции ведут к консерватизму; они черствят человека; они ведут к сословному разъединению, к привилегированным классам. Хотят сделать из России Англию и напитать нас английскою зрелостью. Но разве Россия по своему географическому положению, по своим естественным богатствам, по почвенным условиям, по количеству и качеству земель имеет что-нибудь общего с Англией? Разве англичане на русской земле вышли бы тем, чем они вышли на своем острове? Мы уж довольно были обезьянами французов и немцев, неужели нам нужно сделаться еще и обезьянами англичан? Нет, мы не хотим английской экономической зрелости, она не может вариться русским желудком.

Нет, нет, наш путь иной,
И крест не нам нести...⁴

Пусть несет его Европа. Да и кто может утверждать, что мы должны идти путем Европы, путем какой-нибудь Саксонии, или Англии, или Франции? Кто берет на себя ответственность за будущее России, кто может сказать, что он умнее шестидесяти миллионов, умнее всего населения страны, что он знает, что ей нужно, что он приведет ее к счастью? Где та наука, которая научила его этому, которая сказала ему, что его взгляд безошибочен? По крайней мере, мы не знаем такой науки [...].

[...] Мы не только можем, мы должны прийти к другому. В нашей

жизни лежат начала, вовсе не известные европейцам. Немцы уверяют, что мы придем к тому же, к чему пришла Европа. Это ложь. Мы можем точно прийти, если наденем на себя петлю европейских учреждений и ее экономических порядков; но мы можем прийти и к другому, если разовьем те начала, какие живут в народе. Европа сложилась из остатков древнего мира; тысячу лет назад в Европе была монархия; уж тогда Европа разбилась на могучих собственников и на бессильных рабов, не имевших земельной собственности; уж тогда было положено в ней начало того экономического и политического неравенства, которое привело и к пролетариату и вызвало социализм.

Европа попыталась было выйти из своего крайнего положения, но партия привилегированных людей была слишком сильна; вековые традиции были слишком крепки и в народе, и в тамошнем мещанстве; а социальные теории настолько смутны и слабы своей организационной стороной, что 1848 год должен был привести к неудаче. А этой-то неудачи струсил и наши западники, и наши замороженные политикоэкономы.

Припомните, как легко Рошер решил вопрос об освобождении крестьян⁵. И с немецкой точки зрения дело не могло быть решено иначе. Отчего же наш народ недоволен царской милостью, недоволен тем, от чего немцы пришли бы в восторг? А недоволен народ потому, что он не может представить себя без земельной собственности, он не может представить себя вне земледельческой общины. Ему нужно равенство прав и владения; он не верит и не хочет верить в законность такого порядка, по которому у тридцати миллионов крестьян есть своя земельная собственность⁶, а у остальных двадцати трех миллионов земля чужая, принадлежащая какой-нибудь сотне тысяч владельцев. В Европе сидят еще и до сих пор остатки феодального права; а мы его не знали и не знаем; наше дворянство, наши помещики не европейская аристократия; наши — просто незаконнорожденная власть, вышедшая из того же народа, искусственно созданная императорской властью и особенно расплодившаяся со времен Екатерины II; она должна осесть в народ и осядет с падением власти императорской.

Неудача 1848 года, если что-нибудь и доказывает, так доказывает только одно — неудачу попытки для Европы; но не говорит ничего против невозможности других порядков у нас, в России. Разве экономические, земельные условия Европы те же самые, что и у нас? Разве у них существует и возможна земледельческая община? Разве у них каждый крестьянин и каждый гражданин может быть земельным собственником? Нет. А у нас может. У нас земли столько, что достанет ее нам на десятки тысяч лет.

Мы народ запоздалый, и в этом наше спасение. Мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы. Ее несчастья, ее безвыходное положение — урок для нас. Мы не хотим ее пролетариата, ее аристократизма, ее государственного начала и ее императорской власти.

До сих пор народ наш жил своей жизнью, не мешаясь в дела правительства и не понимая их, и он был прав. Правительство тоже не знало народа, да ему было и некогда за политическими бирюльками. А между тем русская мысль зрела, мы изучали экономическое и политическое устройство Европы; мы увидели, что у них неладно, и тут-то мы поняли, что имеем полнейшую возможность избежать жалкой участи Европы настоящего времени.

Мы похожи на новых поселенцев: нам ломать нечего. Оставимте наше народное поле в покое, как оно есть; но нам нужно выполоть ту негодную траву, которая выросла из семян, налетевших к нам с немецкими идеями об экономизме и государстве. Нам не нужно ни того, ни другого в той форме, как это проповедовали и проповедуют нам наш профессор — правительство и разные последователи Рошера и Гнейста ⁷.

Европа не понимает, да и не может понять, наших социальных стремлений; значит, она нам не учитель в экономических вопросах. Никто нейдет так далеко в отрицании, как мы, русские. А отчего это? Оттого, что у нас нет политического прошедшего, мы не связаны никакими традициями, мы стоим на новине и, нисколько не пленяясь немецкими садиками и рощами, хотим разделить свое поле не по немецкой методе, не в заграничном вкусе, а как делилась земля встарь, когда еще людям не было тесно,— и мы можем сделать это. Вот отчего у нас нет страха пред будущим, как у Западной Европы; вот отчего мы смело идем навстречу революции; мы даже желаем ее. Мы верим в свои свежие силы; мы верим, что призваны внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Без веры нет спасения; а вера наша в наши силы велика.

Если для осуществления наших стремлений — для раздела земли между народом — пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно. [...]

[...] Нет, с такими господами нечего церемониться; пора с ними кончить, пора приступить к делу теперь же, не теряя ни минуты.

Говорите чаще с народом и с солдатами, объясняйте ему все, чего мы хотим и как легко всего этого достигнуть; нас миллионы, а злодеев сотни. Стащите с пьедестала, в мнении народа, всех этих сильных земли, недостойных править нами, объясните народу всю незаконность и разврат власти, приучите солдат и народ понять ту простую вещь, что из разбитого генеральского носа течет такая же кровь, как и из носа мужицкого. Если каждый из вас убедит только десять человек, наше дело и в один год подвинется далеко. Но этого мало. Готовьтесь сами к этой роли, какую вам придется играть; зрейте в этой мысли, составляйте кружки единомыслящих людей, увеличивайте число прозелитов, число кружков, ищите вожаков, способных и готовых на все, и да ведут их и вас на великое дело, а если нужно, то и на славную смерть за спасение отчизны, тени мучеников 14 декабря! ⁸ Ведь в комнате или на войне, право, умирать не легче!

[...] Люди лучших способностей измышляли только разные утопии, вместо того, чтобы предлагать социальные реформы. [...]

[...] Они хорошо видели экономические и общественные недостатки, среди которых жили, и если многое из того, что они написали, следует рассматривать как чистые утопии, — потому что преобразовательные проекты писались не для людей, какими они есть, а для ангелов, и сами авторы, подобно Платону¹⁰, сознавали, что для осуществления созданных ими идеалов общества требуются и идеальные люди, — зато их критические оценки существующего произвели огромную пользу, потому что указали на многие общественные недостатки и научили многих понимать то, чего они прежде не понимали. Даже и фантастический характер утопий нельзя поставить в упрек их авторам. Пусть все это неосуществимо теперь, пусть многое ошибочно, но что же из этого? Идеал оттого не становится хуже, что его нельзя осуществить теперь; а между тем он расшевеливает человека и указывает ему на отдаленную блестящую точку лучшего будущего и заставляет стремиться к ней. Все это движение, а не застой. [...]

Французская революция 1789 года положила конец всем мечтаньям и утопиям. [...] Теперь, когда привилегии дворянства и духовенства были уничтожены, когда третье сословие вступило в свои права, когда было провозглашено равенство всех перед законом, — прежние утописты увидели, что и они могут выступить на общественную арену уже не с тем оружием, с каким являлись прежде. Из мечтателей они превратились в людей активных и, перестав писать государственные романы, начали составлять проекты преобразований и пытаться осуществить на практике свои экономические реформы, как это удалось политикам с своими реформами в сфере политической. [...]

[...] Нет ни одного политического и экономического вопроса, которого бы не разобрала теоретически и практически Франция, и все новые для большинства русских мысли и теории этого порядка давно уже передуманы и пережиты Францией. Одним словом, вполне новое для нас — совершенно старое там, и русский передовой человек большею частью передовой только относительно¹¹. Исключений мало. Поэтому если приходится говорить о теоретическом и практическом развитии социально-экономических вопросов, то это значит говорить только об экономической истории Франции, потому что все остальные государства шли сзади и повторяли в более или менее измененном виде то, что уже было передумано или испробовано французами. [...]

Французы времен реставрации говорили, что пролетарий создан революцией¹². Если под пролетарием понимать то, что понималось в древнем Риме, т. е. бедняков, не имеющих никакой собственности, то мнение это ошибочно [...]. Но если под пролетарием подразумевать мыслящего бедняка, хорошо понимающего свое положение,

бедняка, знающего, что мешает ему развить свои способности, какие права нужны ему, чтобы быть гражданином на деле, а не на одних словах, и что следует устранить, чтобы избавить его от ежеминутной боязни голодной смерти, то реставраторы не ошиблись. Но если они не ошиблись в сущности, то ошиблись все-таки в размере значения пролетария своего времени. [...] Пролетарий точно проснулся во время революции, но создан не ею, потому что он как неимущий человек существовал и ранее; на шумев в первую революцию только для буржуазии, он еще не понимал хорошенько, что ему нужно делать для себя, и в таком раздумьи застала его реставрация; только впоследствии пролетарий сделал несколько попыток устроить и свое собственное дело, но уже тогда реставрация кончилась. Следовательно, полное сознание своих стремлений, нужд и желаний как экономических, так и политических, делающее бедняка пролетарием нашего времени и отличающее его от тупоумного римского пролетария, не существовало еще в полном своем развитии ни во время первой французской революции, ни во время реставрации. [...]

[...] Прежде история представлялась для всех в виде политики, и никто не думал, чтобы она могла быть чем-нибудь новым, потому что сущность замаскировывалась внешностью. Политика была везде на первом плане, и за блестящей и громкой политической внешностью никто не замечал экономической сущности и того, что история человечества есть исключительно история собственности. В чем заключались все политические движения, начиная с древнего Рима и кончая новой Францией, как не в стремлении поставить собственность и право на нее в другое отношение? В чем заключалась борьба партий и сословий, как не в том, чтобы забрать в свои руки силу и власть исключительно для возвышения своего материального положения? Политика во всем этом была только орудием и средством, которым достигались совсем иные цели. Если иногда и случалось, что общее движение вызывалось как будто бы другими причинами, то ведь это только казалось. Даже реформация, несмотря на свой религиозный характер, была в сущности борьбой за новые отношения собственности и другие права на материальное благосостояние. [...]

Во французском движении 1789 года совершилась та же самая сущность, хотя все частности были другого рода. Буржуазии нужно было другое экономическое положение, а его достигнуть она могла только одним: забрав в свои руки власть и затем изменив все законы и порядки внутреннего управления так, чтобы львиная часть во всем доставалась ей. Что же могло достаться при этом пролетарию? Так как он сам не мог еще сделать для себя ровно ничего и свои таланты обнаружил преимущественно в особенной развязности в уличных схватках и в разных угрожательных жестах и выражениях, то буржуазия позаботилась о пролетарии ровно настолько, насколько это было нужно, чтобы малое дитя вело себя смирно и не особенно сердилось.

Но экономическое могущество буржуазии, конечно, против ее воли действовало на пролетария весьма наставительным образом. Из этой школы он вынес полезный урок. Он понял, что дела идут неладно, что его гражданское положение находится в разногласии с его экономическим значением и что необходимо изменить те отношения, в которые поставила пролетариат революция 1789 года. Теперешние усилия пролетария направлены исключительно к тому, чтобы поставить труд в возможно меньшую зависимость от капитала.

Рабочие ассоциации есть одно из тех средств, которые придумал пролетарий, чтобы достигнуть этой цели, и потому для человека XIX века нет ничего важнее знания тех усилий пролетария, которыми он надеется достигнуть экономической самостоятельности.

[...] В то время, как всевозможные французские правительства наперерыв старались осчастливить Францию законодательным путем ¹³, — пролетарий, нуждавшийся больше всех в счастье, сообщал тоже свое положение. [...] Путем собственного размышления и благодаря усилиям мыслящих людей Франции, пролетарий, кроме своей мускульной силы, стал искать для своей опоры еще другой силы — умственной. Это сближение двух различных лагерей пролетариата соединило в одну группу представителей мысли и ручного труда, сделало их солидарными и связало общностью интересов и стремлений. Эта солидарность, давая каждой стороне то, чего у нее недостает, т. е. мускульной силе — силу умственную и умственной — силу мускульную, создает из пролетариата важнейшего современного исторического двигателя [...].

[...] Конечно, и тут не обошлось без неудачных попыток и опытов, но что же из этого? [...] Пролетарий не Минерва ¹⁴, и от этого ему не хуже, потому что ничего не может быть глупее, как явиться в мир сразу непроходимым мудрецом, и если бы подобное несчастье постигло когда-либо человечество, то с того же момента прекратилась бы всякая умственная деятельность и умственная жизнь. Впрочем, все это неважно, потому что оно слишком отдаленно или невозможно, и нам, русским, подобная повальная опасность решительно не угрожает; значит, мы можем спать по-прежнему спокойно. Гораздо важнее то, что формула, придуманная пролетарием, все его теоретические и практические попытки к развитию и осуществлению ее составляют единственную сущность европейской истории XIX века и что экономической ассоциации предстоит сделаться в будущем полной представительницей всех общественных интересов и поглотить в себя все то, что выражалось до сих пор формулой государства. [...]

Когда из революции возник новый политический порядок и прежние голодные бедняки остались по-прежнему голодными, то лучшие умы тотчас же устремились на изыскание чисто экономических вопросов, и явились две системы как представительницы двух крайних учений. Одна, выставившая своих представителей

в Англии, другая — во Франции. Представителем английской системы служит Мальтус с его учением о народонаселении¹⁵; представителем французской — Бабеф с учением о собственности¹⁶. Учение Мальтуса нашло себе обширных последователей между собственниками и людьми среднего сословия; учение же Бабефа проникло к рабочим и имело огромное влияние на последующие движения пролетария. Английская школа исходит из того принципа, что существующий общественный порядок есть самый лучший и что все дело заключается лишь в том, чтобы увеличивать богатство; поэтому англичане обращали все свое внимание только на исследование условий, от которых зависит возвышение национальной собственности. Французы же, напротив, производительность не считают последней целью экономической науки, а смотрят на нее как на средство для достижения общего счастья. Мальтус, как представитель одной крайности, проповедует полнейший эгоизм, доходящий даже до детоубийства; а Бабеф, восставая против всего существующего, доводит общественное равенство до последних крайностей коммунизма. [...]

Дело Бабефа в том виде, как он его устраивал, проиграно, и самому Бабефу не пришлось пережить его; но сущность не в этом и даже не в том, насколько лепо или нелепо учение Бабефа для нашего времени. [...]

[...] Бабеф имел все-таки громадное влияние на последующие движения французского экономического движения. Влияние это заключалось не в том, чтобы пролетарии желали поселиться в казармах, по способу Бабефа, и превратиться в автоматов, а в том, что они находили правильную мысль о равномерном обеспечении каждого члена общества. [...]

[...] Бабеф действовал таким путем, на котором можно подвигаться только при полной уверенности в успехе, потому что в случае неудачи приходится платить очень дорого.

Преобразователи более мирного характера действовали иначе. Одни из них ограничивались исключительно составлением проектов и хотели осуществить их мирным же путем, посредством примера и убеждения. Они стремились создать ассоциацию и посредством нее разрешить современный экономический вопрос. К таким мирным преобразователям принадлежали Сен-Симон, Фурье и Овен.

Роберт Овен по своим принципам и тенденциям принадлежит к французской экономической школе, хотя родом и англичанин. [...]

[...] Увлеченный своей любовью к человечеству и одушевляемый стремлением осчастливить ближнего, Овен [...] взялся за дело, на которое у него не достало сил. Конечно, в этом виновата не теория Овена и основания его системы, а виноваты те, кто не дозрел до понимания его учения. Только в этом и причина, почему и Овен, и его последователи потерпели неудачи, и ни одна из колоний, кроме Нью-Ланаркской, не удалась¹⁷. [...]

[...] Но что же из этого? [...] Пример Овена важен тем, что показывает, насколько влиятельна инициатива одной замечательной личности, когда все остальное спит или неспособно думать; а еще важнее тем, что показал пролетарию, как пример этот при всей важности воспитательной инициативы одного энергического человека, открывающего новый свет тысячам темных людей, назидателен, чтобы они сами создавали и устраивали свое счастье. Этим-то уроком и воспользовался пролетарий новейшего времени. [...]

После Овена в развитии идеи рабочих ассоциаций наибольшая заслуга принадлежит Карлу Фурье. [...]

Заслуга Фурье в том и состоит, что он указал всю важность коллективной силы людей, способную изменить совершенно физиономию мира. Чтобы выставить значение этой силы нагляднее, Фурье считал необходимым нарисовать картину будущего человеческого благополучия. И в этом случае он рассуждал совершенно правильно, хотя его и не поняли. Дело совсем не в том, что в мире произойдут непременно те самые перемены, которые выдумал Фурье; а в том, что перемены случатся неизбежно и случатся они к лучшему и создадут на земле действительно высокое благополучие, о котором все предыдущие поколения не смели даже и мечтать. Пусть частности, измышленные Фурье, — совершенный вздор; но от этого его главная идея не становится не только менее справедливой или важной, но еще и выигрывает [...].

Фурье жил в такие времена, когда еще не существовало строгой критической оценки учения Адама Смита; а сам он не имел достаточно сильного критического ума, чтобы проникнуть в самую глубь вопроса и определить степень безошибочности оснований, на которых построена вся система английского экономиста. К этому нужно еще присоединить и консерватизм, отличавший Фурье и проглядывающий в его основных положениях. От этого Фурье весьма далек от идеи равенства и свободы. Он допускает возможность существования капитала, как нечто совершенно независимое от труда, так что в фаланстере¹⁸ являются люди, ровно ничего не делающие и между тем получающие из общего заработка 4/12. И почему капиталу следует непременно 4/12, таланту 3/12 и труду 5/12? Распределение совершенно произвольное, лично принадлежащее Фурье и не подкрепленное решительно никакими практическими основаниями. Современный пролетарий покончил этот вопрос в теории совершенно иначе, провозгласив, что каждому принадлежат вполне все плоды его труда, и организацией ассоциаций на этих новых, незнакомых Фурье основаниях, пролетарий начал вводить свою новую теорию в практику.

Другая ошибка Фурье — в том, что, отвергая личную свободу труда, он хотел непременно организовать его, тогда как труд не должен быть решительно ничем стеснен и экономической производительной деятельности человека должна быть предоставлена полная свобода. Вообще ни Фурье, ни последующие писатели по этому

предмету не были настолько счастливы, чтобы разрешить вопрос о том, как согласить индивидуализм с общинностью так, чтобы ни одно из них не приносилось в жертву другому и чтобы человек, пользуясь всеми выгодами общинной жизни, в то же время сохранял вполне свою личную свободу. Так как Фурье не был в состоянии разрешить этот вопрос, то ему пришлось предположить в людях такое совершенство, до которого они, может быть, никогда не доживут [...].

Фурье укоряют еще и в шаткости политических убеждений. Впрочем, из этого значения, какое он придавал капиталу, нетрудно видеть, с какой стороны он ожидал себе помощи: Фурье искал постоянно опоры богатых и сильных [...]. Он ненавидел революции как в частности, так и вообще. Последователи Фурье или фурьеристы заслужили упрек еще больший¹⁹. [...]

Сен-Симон, как и Фурье, замечателен не тем, что говорил иногда глупости, а своими умными мыслями. Многие, считающие до сих пор Сен-Симона чем-то зловредным и содрогаящиеся при одном его имени, тем не менее пробавляются многими его идеями, вовсе не подозревая, что они принадлежат ему и что они сами превратились, таким образом, в тайных сен-симонистов. Впрочем, для успокоения совести этих тайных учеников я прибавляю, что, во-первых, Сен-Симон, как и Фурье, не был никогда революционером и вообще не питал ровно никакого сочувствия к насильственным переворотам; а во-вторых, что в его мыслях в 1865 году не предвидится ровно никакого и никому несчастья и бедствия, потому что заразительность идей Сен-Симона давно уже миновала. [...]

[...] Сен-Симон [...] показал, что труд составляет основу общественного существования и что XIX веку принадлежит разрешение величайшей проблемы, какая только предстояла человечеству, — учреждения или постройки всей общественной жизни на чисто экономических началах. До Сен-Симона никто во Франции не высказывал той мысли, что в наше время на первом плане должны стоять общественные, а не политические вопросы. [...]

Сен-Симон был первый, указавший действительное общественное значение рабочих классов, великое общественное значение, индустрии и ничтожность и вред для общества людей, ничего не делающих. Были и другие, которые, пожалуй, тоже догадывались о могуществе нового общественного двигателя, представляемого индустрией; но больше предчувствуя, чем понимая силу этого рычага, они в то же время совершенно уничтожались его колоссальностью и глядели с ужасом в будущее. [...]

Сен-Симон был умнее. Ему не казалась индустрия водоносом, который наконец затопит весь мир²⁰; он видел в ней только могущественный рычаг, который позволит производительному и промышленному классу взять на себя управление всем обществом. [...] По его мнению, человечество идет к такому состоянию, когда правительственная или военная форма правления должна перейти в индустриально-административную. И в этом отношении Сен-Симон

оставляет далеко за собой как своих предшественников, так и современников. Для всех их индустрия имела только чисто вещественный смысл — как средство обеспечения материального благосостояния иногда меньшинства, иногда большинства, смотря по степени широты воззрений публицистов и мыслителей; но Сен-Симон взглянул в самую глубину предмета и увидел в нем разрешение вопроса, которое должно дать всей общественной жизни небывалую до того новую форму. [...] Прибавлю, что под именем индустрии Сен-Симон понимал не одну исключительно мануфактурную деятельность, но все роды выгодного труда. И говоря о рабочих классах, он понимал под ними не одно простонародье, занятое грубым механическим трудом, а всех трудящихся, каким бы то ни было образом, на пользу общества. [...]

[...] Таким образом, Сен-Симон не разрешает ничего практическим путем; но, разбирая настоящее, он указывает на отдаленное будущее, к которому стремится европейская мысль. Этой простой вещи, обыкновенно, не понимали те, кто брался судить о Сен-Симоне. Им совершенно недоступно, каким образом можно употребить всю свою жизнь на то, чтобы в результате явилась самая коротенькая мысль: «задача нашего столетия в том, чтобы улучшить положение многочисленного бедного класса». А в этих именно словах и заключается вся сущность учения Сен-Симона. Несмотря на простоту и общедоступность этой мысли в настоящее время, она была величайшей новизной социальной науки, когда была высказана впервые Сен-Симоном. До него никто не говорил о рабочих и не понимал так широко и многосторонне все социальное значение труда. Из этого взгляда вытекла сама собой высказанная Сен-Симоном формула экономического вознаграждения: «каждому по его способностям; каждой способности по ее заслугам».

Этим путем Сен-Симон пришел прямо к проблеме, разрешение которой составляло потом постоянную задачу всех мыслящих представителей общественной науки. Вопрос в том, чтобы найти средство к лучшему распределению орудий производства. [...] Сам Сен-Симон не решил этого вопроса, т. е. не показал ни практического, ни теоретического его разрешения. Он сказал только, что должно быть окончено неравенство в распределении орудий производства и результатов или продуктов труда, существующее до сих пор между «тунеядцами» и «трудящимися». Последователи же его полагали возможным разрешить на практике эту проблему — ассоциациями и даровым кредитом. То, что Сен-Симон и его последователи понимали под именем ассоциации, отличается довольно существенно от формы ассоциаций, усвоенной теперь европейским пролетарием. Сен-симонисты и фурьеристы придавали ассоциации весьма высокое значение. Они хотели все общество превратить в одну рабочую ассоциацию, тогда как теперешние ассоциации — собственно ассоциации рабочих. [...]

¹ Прокламация была написана Н. В. Шелгуновым (при участии М. Л. Михайлова) сразу же после обнародования царского манифеста об освобождении крестьян и отпечатана в Вольной русской типографии в Лондоне в июне 1861 г. в количестве 600 экземпляров. Распространялась она 3—4 (15—16) сентября в Петербурге. Как вспоминал позднее сам Шелгунов, в прокламации «повторена мысль известного памфлета Сен-Симона-отца, что если бы сегодня вымерли все генералы и генерал-адъютанты, и все флигель-адъютанты, и все камер-юнкеры и камергеры, умер бы даже наследник престола, то никакой беды от этого бы не случилось... Но вымри сегодня литераторы, ученые, вымри интеллигенция страны, где ее взять?... Далее говорилось, что напрасно так бояться революции, что войны истребляют миллионы людей и что значит какая-нибудь сотня тысяч людей, если ее смертью можно купить благо народа... Пойди мысль еще на шаг вперед, и Михайлов был бы приговорен к смертной казни... Герцен не одобрил прокламации... Но мы не переживали 1848 года в Европе, подобно Герцену, и потому верили в то, во что он уже не верил. Мы пенились. Герцен перестал пениться. Конечно, правда оказалась на стороне того, кто пениться перестал. А пока мы пенились и верили и считали себя «накануне» (*Шелгунов, Шелгунова, Михайлов*, т. 1, с. 243—244). Отрывки из прокламации печатаются по тексту тома 1 названной книги (с. 332, 334, 335—337, 337—339, 349—350).

² Русский царь считался «помазанником Божиим», то есть освященным на царство самим Богом.

³ Имеются в виду профессор И. В. Вернадский и другие буржуазно-либеральные авторы издаваемых им журналов «Экономический указатель» (1857—61) и «Экономист» (1858—65), выступавшие за развитие в России крупного капиталистического производства, отстаивавшие принцип частной собственности против общинного землевладения, социалистических и коммунистических теорий, ведшие полемику с «Современником» Н. Г. Чернышевского.

⁴ Из стихотворения Аполлона Александровича Григорьева «Героям нашего времени» (1845). Во второй строке у Григорьева вместо «нам» — «вам».

⁵ Немецкий экономист В. Г. Ф. Рошер выступал за решение крестьянского вопроса по прусскому образцу: сохранение помещичьей земельной собственности и освобождение крестьян без земли.

⁶ Речь идет о так называемых государственных крестьянах, имевших земельный надел на права владения. В собственность они получили наделы лишь в 1866 г.

⁷ Г. Р. Гнейст — немецкий юрист, известный своими изысканиями в области государственного права Англии, в котором, по его мнению, все хорошее идет от германского народного духа, все дурное — от вредного влияния французских идей.

⁸ То есть участников восстания декабристов 1825 г.

⁹ В двух вышедших статьях «Рабочие ассоциации» (*РС*, 1865, № 2, 11; продолжения не последовало ввиду цензурного запрещения) Шелгунов излагает в своей интерпретации историю западноевропейского утопического социализма, главным выводом из которой он считает ассоциацию. При подборе отрывков для настоящей хрестоматии имелись в виду прежде всего интерпретации Шелгунова, а не изложение им социалистических учений, составляющее основное содержание статей. Всех утопических мыслителей Шелгунов разделял на «мечтателей» и «реформаторов», исторической границей между которыми он считал Великую французскую революцию конца XVIII в. В соответствии с этим первая статья посвящена утопическим учениям до французской революции, вторая — времени самой революции и после нее. После первой публикации статьи Шелгунова по цензурным соображениям в собрании его сочинений не включались и в советское время не перепечатывались. Отрывки печатаются по журнальному тексту. Из первой статьи (*РС*, 1865, № 2, с. 1—30) в хрестоматию включены отрывки со с. 2, 4, 10, 18—19, 28—30; из второй (*РС*, 1865, № 11) — со с. 2—6, 8, 9—10, 13—14, 17, 25—29, 30, 32—33, 35—36.

¹⁰ С Платона начинал Шелгунов свой рассказ о «мечтателях».

¹¹ Шелгунов восстает здесь против славянофилов, «уездный патриотизм» которых доходит до того, что в пылу увлечения такой «патриот без всякого смущения начинает выискивать факты, доказывающие несомненность того, что в Англии совершаются убийства, грабежи и кражи, во Франции и Америке тоже, и что, следовательно,

но, в уездном городе, где живет горячий патриот, люди гораздо развитее и цивилизованнее, чем в Англии и во Франции» (PC, 1865, № 2, с. 6). Выступая против литературных представителей этих «уездных патриотов», Шелгунов замечает, что «после того, что совершилось в Западной Европе в последние полтораста лет, после того переворота, который совершился там во всем и изменил весь строй общественной и политической жизни,— что за ребячество говорить пустые фразы о какой-то непонятной любви и отыскивать особенную мудрость в московской Руси!» (там же, с. 8). Вопросы, которые будут излагаться в статье, продолжает Шелгунов, «выработаны не русской жизнью и не русским умом, а между тем вопросы эти для нас так же важны, как и для остального западного человечества. Не хуже же оттого все эти теории, что их придумала Франция, а не Россия, и незачем нам проходить школу французской исторической жизни, чтобы придти к ним, когда они могут достаться нам путем более легким. Да и где в русской жизни даже зародыш тех идей, которые бы привели нас к подобному же разрешению экономических вопросов?» (там же, с. 9).

¹² Речь идет о либерально-буржуазных историках эпохи Реставрации во Франции — О. Тьерри, Ф. Минье, Ф. Гизо.

¹³ «Декретами давалось до сих пор слишком большое значение», — писал Шелгунов, все правительства были «неистощимые законодатели». «Но увы! ни один декрет и ни один администратор в мире не создали еще ни одной новой идеи, не проложили ни одной тропинки для человечества, все великое... создано не декретами, а именно той народной силой, против свободного проявления которой ратовали всегда и повсюду близорукие правители...» (PC, 1865, № 11, с. 3).

¹⁴ См. наст. изд., с. 161, прим. 5.

¹⁵ По концепции Мальтуса, изложенной им в «Опыте о законе народонаселения» (1798), население увеличивается в геометрической прогрессии, а средства существования — в арифметической, поэтому соответствие между ними должно регулироваться голодом, эпидемиями, войнами, половым воздержанием трудящихся классов.

¹⁶ Бабеф выступал ярым противником частной собственности и проповедовал «совершенное равенство» и план «национальной коммуны», которая должна вытеснить частное хозяйство. Несмотря на грубую уравнительность, получившую название «казарменного коммунизма», которую критиковали К. Маркс и Ф. Энгельс, по их словам, программа Бабефа «выражала требования пролетариата» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 455). Попытка восстания 1796 г., предпринятого Бабефом и его сторонниками, не удалась из-за предательства, и Бабеф был казнен.

¹⁷ См. об этом: наст. изд., с. 164, прим. 61, а также с. 164, прим. 50; с. 165, прим. 62; с. 165, прим. 77; с. 309, прим. 23.

¹⁸ В «Трактате о домоводческо-земледельческой ассоциации» (1822) и в «Новом хозяйственном и социетарном мире» (1829) Фурье разработал план устройства общества на началах ассоциации. Первичной ячейкой была «фаланга», несколько «фаланг» поселялись совместно в огромных дворцах — «фаланстерах», построенных в окружении природы и т. д. Однако в ассоциациях Фурье сохранялись частная собственность и нетрудовой доход. Распределение доходов, по Фурье, приводит ниже Шелгунов.

¹⁹ Шелгунов имеет в виду прежде всего В. Консидерана.

²⁰ Сводоносом индустрию сравнивал Ж. Сисмонди (Новые начала политической экономии, 1819) в следующей притче: один крестьянин, у которого гостил волшебник, по утрам превращавший в водоноса веник, подслушал волшебные слова, но не до конца, и когда волшебник отсутствовал, взял веник и произнес эти слова; веник превратился в водоноса и, принеся воды, отправился снова; напрасно крестьянин кричал «довольно», водонос все носил воду ведро за ведром, залил весь дом, и крестьянин, не зная слов, превращающих водоноса обратно в веник, в отчаянии перерубил его топором, но каждая часть превратилась в нового водоноса и продолжала свою работу и т. д., пока не вернулся волшебник и не превратил водоносов обратно в веник.

Петр Григорьевич **ЗАИЧНЕВСКИЙ**

Мы, социалисты... не обязаны ли везде и всегда проводить те идеи, которые и в настоящее время составляют достояние весьма, весьма немногих людей.

П. Г. ЗАИЧНЕВСКИЙ

Хотелось, наконец, сказать ту правду, которую кто боялся, кто не мог, а кто и не хотел выкрикнуть.

П. Г. ЗАИЧНЕВСКИЙ

Все знавшие его отмечали в нем страстную натуру борца, агитатора, удивительное постоянство убеждений, веру в их торжество. «Заичневский жил и умер революционером,— вспоминала участница освободительного движения М. П. Голубева, на руках которой он умер в Смоленске 19(31) марта 1896 г.,— для него ничего, кроме революции, не существовало; даже в бреду, на смертном одре, он... кому-то все доказывал, что недалеко то время, когда человечество одной ногой шагнет в светлое царство социализма» (Голубева М. П. Воспоминания о П. Г. Заичневском.— Пролетарская революция, 1923, № 6—7, с. 28).

П. Г. Заичневский родился 18(30) сентября 1842 г. в селе Гостиное Мценского уезда Орловской губернии. Из дворян. Во время учебы в Орловской гимназии, по словам самого Заичневского, он «в первый раз познакомился с действиями социалистов, как политических людей». В 1858 г. поступил на физико-математический

факультет Московского университета, был членом революционного кружка «Библиотека казанских студентов» (основанного студентами, перешедшими из Казанского университета в Московский). Вместе с другими членами этого кружка Заичневский усиленно изучает социалистическую литературу: произведения Герцена, Огарева, Прудона, П. Леру, Луи Блана и др., и принимает участие в литографировании и распространении некоторых из их запрещенных сочинений. В 1861 г., когда политические и социалистические убеждения Заичневского достаточно установились, он вместе со студентом юридического факультета П. Э. Аргиропуло организует свой революционный кружок, стремившийся перейти к более активным действиям и к пропаганде своих идей в народной среде. 17(29) марта 1861 г. Заичневский произносит речь в поддержку самостоятельности Польши и объединения сил русских и польских революционеров (во время мессы по убитым участникам варшавской демонстрации 15(27) февраля), а весной и летом того же года во время каникул выступает перед крестьянами в Подольске и в селах Мценского уезда с разъяснением грабительских условий крестьянской реформы. Посыпались доносы. Одно перехваченное письмо Заичневского к Аргиропуло было доложено царю. «Письмо это,— была резолюция Александра II,— столь преступного и опасного содержания, что считаю необходимым арестовать немедленно и того и другого и выслать их со всеми их бумагами сюда» (Красный архив, 1936, т. 3(76), с. 231), что и было исполнено. Находясь в заключении, сначала в Петербурге, а затем в Москве, Заичневский написал в апреле 1862 г. прокламацию «Молодая Россия» — манифест левого крыла русской революционной молодежи, который, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «содержал ясное и точное описание внутреннего положения страны, состояния различных партий и условий печати, и, провозглашая коммунизм, делал вывод о необходимости социальной революции» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 433).

Отпечатанная в Рязанской губернии (по другим источникам — в Москве), прокламация имела широкое распространение и положила основание якобинскому или бланкистскому направлению в русском революционном движении.

После длительного следствия и судебного разбирательства в январе 1863 г. Заичневский был отправлен в Сибирь, в Иркутскую губернию, где он вначале отбывал каторгу на Усольском соляном заводе, а в 1864—68 гг. находился на поселении в Витиме. В Усолье он имел встречу с Н. Г. Чернышевским, останавливавшимся там по пути на каторгу. В 1869 г. Заичневскому было разрешено вернуться в Европейскую Россию, где он, находясь на положении поднадзорного, возобновляет революционную работу. Стремясь парализовать его влияние на молодежь, власти постоянно перемещали Заичневского с места на место: до 1889 г. он жил в различных городах в Пензенской губернии, в Орле, в Олонецкой губернии, снова в Орле, перебиваясь случайной работой (в 80-е годы корреспондент «Русских ведомостей»). Тем не менее Заичневский повсюду, где бы он

ни был, организовывал тайные кружки, воспитывал новые кадры, завязывал связи с революционерами других мест России и с эмиграцией (в частности, с группой П. Н. Ткачева, издававшей журнал «Набат»). В начале 1889 г., когда кружки сторонников Заичневского (в Орле, Курске, Москве, Петербурге, Смоленске) списывались между собой о созыве съезда, вся организация была разгромлена, а сам Заичневский после двухлетнего тюремного заключения был вновь сослан в Сибирь на 5 лет. Проживая в Иркутске, он вел иностранный отдел в газете «Восточное обозрение», вновь создавал революционные кружки, так же как и в Смоленске, где незадолго до смерти ему разрешили поселиться.

Из яковинских кружков Заичневского вышел ряд известных революционеров-народовольцев и будущих социал-демократов.

Литературное наследие Заичневского еще не собрано.

СОЧИНЕНИЯ

Заичневский П. Г. Молодая Россия.— В сб.: *НЭЛ*.

Письма П. Г. Заичневского к П. Э. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому.— Красный архив, 1922, т. 1; 1936, т. 3(76).

Заичневский П. Г. Записка о состоянии Литвы.— В кн.: Политические процессы 60-х гг., под ред. Б. П. Козьмина. М.— Пг., 1923.

Заичневский П. Г. [Речь о русско-польском сотрудничестве] — В сб.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.

ЛИТЕРАТУРА

Мицкевич С. И. О П. Г. Заичневском.— Историко-революционный бюллетень, 1922, № 1.

Козьмин Б. П. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия».— В кн.: *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961.

Куликов Ю. В. Вопросы революционной программы и тактики в прокламации «Молодая Россия» (1862).— В сб.: Революционная ситуация в России 1859—61 гг. М., 1962.

Куликов Ю. Петр Заичневский.— В кн.: Сподвижники Чернышевского. М., 1961 (*ЖЗЛ*).

ТЕКСТЫ

МОЛОДАЯ РОССИЯ ¹

[...] Россия вступает в революционный период своего существования. Проследите жизнь всех сословий, и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые, следовательно, стоят враждебно одна к другой.

Снизу слышится глухой и затаенный ропот народа — народа, угнетаемого и ограбляемого всеми, у кого в руках есть хоть доля власти, народа, который грабят чиновники и помещики, продающие ему его же собственность — землю, грабит и царь, увеличивающий более чем вдвое прямые и косвенные подати и употребляющий полученные деньги не на пользу государства, а на увеличение распутства двора, на приданое фрейлинам-любовницам, на награду холопов, прислуживающих ему, да на войско, которым хочет оградиться от народа.

Опираясь на сотни тысяч штыков, царь отрезывает у большей части народа (у казенных крестьян) землю, полученную им от своих отцов и дедов, делает это в видах государственной необходимости и в то же время как бы в насмешку над бедным, ограбляемым крестьянином, дарит по несколько тысяч десятин генералам, покрывшим русское оружие неувыдаемой славой побед над безоружными толпами крестьян; чиновникам, вся заслуга которых — немилосердный грабеж народа; тем, которые умеют ловчее подать тарелку, налить вина, красивее танцуют, лучше льстят!

Это всеми притесняемая, всеми оскорбляемая партия — *народ*.

Сверху над ней стоит небольшая кучка людей довольных, счастливых. Это помещики, предки которых или они сами были награждены населенными имениями за свою прежнюю холопскую службу; это потомки бывших любовников императриц, щедро одаренных при отставке; это купцы, нажившие себе капиталы грабежом и обманом; это чиновники, накрававшие себе состояния, — одним словом, все имущие, все, у кого есть собственность родовая или благоприобретенная. Во главе ее царь. Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один — уничтожится и другая. В настоящее время партия либеральничает, обиженная отнятием у нее права на даровую работу крестьян, ругает государя, требует конституции, но не боится: она и царь неразрывно соединены между собой и звено сое-

динения — собственность. Она понимает, что всякое народное революционное движение направлено против собственности, и потому в минуту восстания окружит своего естественного представителя — царя. Это партия *императорская*.

Между этими двумя партиями издавна идет спор — спор, почти всегда кончавшийся не в пользу народа. Но едва проходило несколько времени после поражения, народная партия снова выступала. Сегодня забитая, засеченная, она завтра встанет вместе с Разиным за всеобщее равенство и республику Русскую, с Пугачевым за уничтожение чиновничества, за надел крестьян землей. Она пойдет резать помещиков, как было в восточных губерниях в 30-х годах ², за их притеснения: она встанет с благородным Антоном Петровым ³ и против всей императорской партии.

К этой безурядице, к этому антагонизму партий, антагонизму, который не может прекратиться, пока будет существовать современный экономический порядок, при котором немногие, владеющие капиталами, являются распорядителями участи остальных, присоединяется и невыносимый общественный гнет, убивающий лучшие способности современного человека.

В современном общественном строе, в котором все ложно, все нелепо от религии, заставляющей верить в несуществующее, в мечту разгоряченного воображения — бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно из оснований которой не выдерживает даже поверхностной критики, от узаконения торговли, этого организованного воровства, и до признания за разумное положение работника, постоянно истощаемого работой, от которой получает выгоды не он, а капиталист; женщины, лишенной всех политических прав и поставленной наравне с животными.

Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один — революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка.

Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!

Понимает необходимость революции инстинктивно и масса народа, понимает и небольшой кружок наших действительно передовых людей... и вот из среды их выходят один за другим эти предтечи революции и призывают народ на святое дело восстания, на расправу со своими притеснителями, на суд с императорской партией. [...]

Революции все способствует в настоящее время: волнение Польши и Литвы, финансовый кризис, увеличение налогов, окончательное разрешение крестьянского вопроса весной 1863 года ⁴, когда крестьяне увидят, что они кругом обмануты царем и дворянами, а тут еще носятся слухи о новой войне, поговаривают, что государь

поздравил уже с ней гвардию. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы, и Россия дойдет до банкротства. Тут-то и вспыхнет восстание, для которого достаточно будет незначительного повода! Но может случиться, что крестьяне восстанут не сразу в нескольких губерниях, а отдельными деревнями, что войско не успеет пристать к нам, что революционная партия не успеет сговориться, недостаточно централизуется и заявит свое существование не общим бунтом, а частными вспышками, императорская партия подавит их, и дело революции снова остановится на несколько лет.

Для избежания этого Центральный Революционный комитет⁵ в полном своем собрании 7 апреля решил:

Начать издание журнала, который выяснил бы публике принципы, за которые он борется, и в то же время служил бы организатором революционной партии в России. [...]

[...] Мы изучали историю Запада, и это изучение не прошло для нас даром; мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах. [...]

Не находя ни в одном органе полного выражения революционной программы⁶, мы помещаем теперь главные основания, на которых должно построиться новое общество [...].

Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки Национального и областных собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области — этого мы не знаем; само народонаселение должно решить этот вопрос.

Каждая область должна состоять из земледельческих общин, все члены которой пользуются одинаковыми правами.

Всякий человек должен непременно приписаться к той или другой из общин; на его долю по распоряжению мира назначается известное количество земли, от которой он, впрочем, может отказаться или отдать ее в наем. Ему предоставляется также полная свобода жить вне общины и заниматься каким угодно ремеслом, только он обязан вносить за себя ту подать, какая назначается общиной.

Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не на пожизненное пользование, а только на известное количество лет, по истечении которых мир производит передел земель. Все остальное имущество членов общины остается неприкосновенным в продолжение их жизни, но по смерти делается достоянием общины.

Мы требуем, чтобы все судебные власти выбирались самим народом; требуем, чтобы общинам было предоставлено право суда над своими членами во всех делах, касающихся их одних.

Мы требуем, чтобы, кроме Национального собрания, составленного из выборных всей земли русской, которое должно собираться в столице, были бы и другие областные собрания в главном городе

каждой области, составленные только из одних представителей последней. Национальное собрание решает все вопросы иностранной политики, разбирает споры областей между собой, вотирует законы, наблюдает за исполнением прежде постановленных, назначает управителей по областям, определяет общую сумму налога. Областные собрания решают дела, касающиеся до одной только той области, в главном городе которой они собираются.

Мы требуем правильного распределения налогов, желаем, чтобы он падал всей своей тяжестью не на бедную часть общества, а на людей богатых. Для этого мы требуем, чтобы Национальное собрание, назначая общую сумму налога, распределило бы его только между областями. Уже областные собрания разделяют его между общинами, а сами общины в полном своем собрании решают, какую подать должен платить какой член ее, причем обращается особое внимание на состояние каждого, одним словом, вводится налог прогрессивный.

Мы требуем заведения общественных фабрик, управлять которыми должны лица, выбранные от общества, обязанные по истечении известного срока давать ему отчет, требуем заведения общественных лавок, в которых продавались бы товары по той цене, которой они действительно стоят, а не по той, которую заблагорассудит-ся назначить торговцу для своего скорейшего обогащения.

Мы требуем общественного воспитания детей, требуем содержания их на счет общества до конца учения. Мы требуем также содержания на счет общества больных и стариков — одним словом, всех, кто не может работать для снискания себе пропитания.

Мы требуем полного освобождения женщины, дарования ей всех тех политических и гражданских прав, какими будут пользоваться мужчины, требуем уничтожения брака, как явления, в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов, а следовательно, и уничтожения семьи, препятствующей развитию человека, без которого немыслимо уничтожение наследства.

Мы требуем уничтожения главного притона разврата — монастырей, мужских и женских, тех мест, куда со всех концов государства стекаются бродяги, дармоеды, люди, ничего не делающие, которым приятен даровой хлеб и которые в то же время желают провести всю свою жизнь в пьянстве и разврате. Имущества как их, так и всех церквей должны быть отобраны в пользу государства и употреблены на уплату долга внутреннего и внешнего.

Мы требуем увеличения в больших размерах жалованья войску и уменьшения солдату срока службы. Требуем, чтобы по мере возможности войско распускалось и заменялось национальной гвардией.

Мы требуем полной независимости Польши и Литвы как областей, заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россией.

Мы требуем доставления всем областям возможности решить по большинству голосов, желают ли они войти в состав Федеративной Республики Русской.

Без сомнения, мы знаем, что такое положение нашей программы, как федерация областей, не может быть приведено в исполнение тотчас же. Мы даже твердо убеждены, что революционная партия, которая станет во главе правительства, если только движение будет удачно, должна сохранить теперешнюю централизацию, без сомнения, политическую, а не административную, чтобы при помощи ее ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени. Она должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в Национальное собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас же и позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если они только останутся живы). К чему приводит невмешательство революционного правительства в выборы, доказывает прошлое французское собрание 48 года, погубившее республику и приведшее Францию к необходимости выбора Луи Наполеона в императоры.

Теперь, когда мы выяснили свою программу, к нам обратятся с вопросом, на кого же мы надеемся, где те элементы, сгруппировать которые мы хотим, кто на нашей стороне.

Мы надеемся на народ: он будет с нами, в особенности старообрядцы⁷, а ведь их несколько миллионов.

Забитый и ограбленный крестьянин станет вместе с нами за свои права, он решит дело, но не ему будет принадлежать инициатива, а войску и нашей молодежи.

Мы надеемся на войско, надеемся на офицеров, возмущенных деспотизмом двора, той презренной ролью, которую они играли и теперь еще играют, убивая своих братьев поляков и крестьян, повинуюсь беспрекословно всем распоряжениям государя. Оно вспомнит сентябрьский приказ⁸, разберет хорошенько, в какое положение поставит себя, если станет исполнять его, да кстати вспомнит и свои славные действия в 1825 году, вспомнит бессмертную славу, которой покрыли себя герои-мученики⁹.

Но наша главная надежда на молодежь. Возвращением к ней мы оканчиваем нынешний номер журнала¹⁰, потому что она заключает в себе все лучшее России, все живое, все, что станет на стороне движения, все, что готово пожертвовать собой для блага народа.

Помни же, молодежь, что из тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стать во главе движения, что на тебя надеется революционная партия! Будь же готова к своей славной деятельности, смотри, чтобы тебя не застали врасплох! Готовься, а для этого собирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайные общества, с которыми Центральный Революционный Комитет сам постарается войти в сообщение, рассуждайте больше о политике, уясняйте себе современное положение общества, а для большего успеха приглашайте к себе на собрания людей, действительно революционных и на которых вы можете вполне положиться.

Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком «Да здравствует со-

циальная и демократическая республика русская!» двинемся на Зимний дворец истреблять живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, т. е. какой-нибудь сотни, другой людей, но может случиться — и это последнее вернее, — что вся императорская партия как один человек встанет за государя, потому что здесь будет идти вопрос о том, существовать ей самой или нет.

В этом последнем случае с полной верой в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: «В топоры!» — и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!

Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами.

Но не забывай при каждой новой победе во время каждого боя повторять: «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!»

А если восстание не удастся, если придется нам поплатиться жизнью за дерзкую попытку дать человеку человеческие права, пойдем на эшафот нетрепетно, бесстрашно и, кладя голову на плаху или влагая ее в петлю, повторим тот же великий крик: «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!»

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Прокламация «Молодая Россия» печатается (с сокращениями) по *НЭЛ*, с. 99—107.

² Имеются в виду так называемые «холерные бунты» 1830—32 гг. — антифеодальные выступления крестьян в районах эпидемии холеры.

³ В апреле 1861 г. в ряде мест Казанской губернии вспыхнуло восстание крестьян, недовольных условиями крестьянской реформы. Восстание в селе Бездна Спаского уезда возглавил крестьянин Антон Петров. Толпа крестьян этого села была расстреляна посланными войсками, а Антон Петров был казнен.

⁴ По манифесту Александра II об отмене крепостного права назначался двухгодичный срок для введения «нового порядка» отношений между помещиками и крестьянами, которые закреплялись «уставными грамотами».

⁵ Прокламация издана от имени центрального революционного комитета, о существовании которого в литературе не имеется данных.

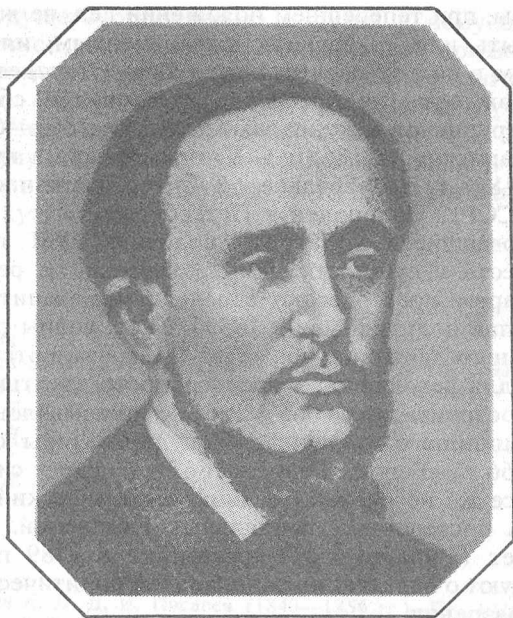
⁶ В опущенных местах прокламации П. Г. Заичневский оценивал пропаганду «Колокола» А. И. Герцена и вышедшие нелегально номера прокламации «Великорусс», содержащей либеральные требования конституции и реформ.

⁷ Старообрядцы — сторонники религиозных групп и церквей в России, не принявших церковные реформы XVII в., в результате произошел так называемый раскол. Старообрядцы были настроены оппозиционно или враждебно к официальной церкви и преследовались правительством.

⁸ Сентябрьским приказом 1861 г. устанавливался порядок применения оружия против «бунтовщиков».

⁹ См. наст. изд., с. 324, прим. 8.

¹⁰ Следующих номеров «Молодой России» не было.

Дмитрий Иванович ПИСАРЕВ

Кому жаль расставаться с прошедшим, тому нечего и пытаться заглядывать в лучшее, светлое будущее. Идти, так идти, смело, без оглядки, без сожаления, не унося за собою никаких пенатов и реликвий и не раздваивая своего нравственного существа между воспоминаниями и стремлениями.

Д. И. ПИСАРЕВ

Конечная цель всего нашего мышления и своей деятельности каждого честного человека все-таки состоит в том, чтобы разрешить навсегда неизбежный вопрос о голодных и раздетых людях; вне этого вопроса нет решительно ничего, о чем бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать.

Д. И. ПИСАРЕВ

Писарев родился 2(14) октября 1840 г. в селе Знаменское Елецкого уезда Орловской губернии (ныне эта территория входит в состав Липецкой области). Родители его были обедневшие дворяне. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1859 г. вел отдел библиографии в журнале «Рассвет». В 1861—66 гг.— ведущий критик демократического журнала «Русское слово». С июля 1862 г. по ноябрь 1866 г.— в заключении в Петропавловской крепости за нелегальную статью-прокламацию. В ней он утверждал: «Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляет единственную цель и надежду всех честных граждан

России. Чтобы, при теперешнем положении дел, не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла» (*Писарев*, т. 2, с. 125). После освобождения из крепости участвовал в сборнике «Луч» (1866 г.), сотрудничал в журналах «Дело» (в 1866—67 гг.) и «Отечественные записки» (в 1868 г.). Утонул во время купания в море 4(16) июля 1868 г. в Дуббельне (Дубулты, ныне часть г. Юрмала Латвийской ССР). Похоронен в Петербурге.

Сформировавшиеся ко второй половине 1861 г. «нигилистические», то есть в сущности демократические и революционные, взгляды Писарева претерпевают впоследствии значительную трансформацию: спад поднявшейся в 1859—61 гг. волны революционно-освободительного движения убеждает Писарева в отсутствии в России условий для революции, в неспособности крестьянства освободить себя и построить новое общество. Не отказываясь в принципе от идеи революционного насилия («Популяризаторы отрицательных доктрин», 1866 г., «Генрих Гейне», 1867), Писарев считал наиболее вероятным все же не «механический», а «химический» путь к будущему — путь постепенных социальных изменений. Произведения последних лет («Французский крестьянин в 1789 году», 1868 г.) свидетельствуют о нарастании радикальной политической тенденции в его мировоззрении.

Выступая сторонником социалистического идеала уже в статьях 1861—62 гг. («Схоластика XIX века», 1861 г., «Пчелы», 1862 г., впервые опубликована в 1868 г., и др.), Писарев защищал западноевропейских социалистов (Сен-Симона, Оуэна и др.) от буржуазной критики. В их утопиях он видит величественные построения человеческого ума, «сбросившего всякие оковы и идущего вперед с неудержимой силою, с неотразимой последовательностью» (*Писарев*, т. 1, с. 156). Писарев предрекает победу «рабочих пчел» — пролетариев — над эксплуататорами. «Между тем пролетарии [...] начинают собираться в кучки и толковать...» (*Писарев*, т. 2, с. 119). Свою конкретизацию социализм Писарева получил в статьях 1863—67 гг. («Очерки по истории труда», 1863 г., «Исторические идеи Огюста Конта», 1865 г., «Генрих Гейне», 1867 г., и др.). В них особо подчеркивалось значение — в качестве необходимых предпосылок окончательного разрешения «неизбежного вопроса о голодных и раздетых людях» и установления «светлого будущего» — экономического развития и связанного с ним просвещения трудовых масс, не возможного без широкой популяризации научных знаний. Задачу просвещения и воспитания народа должны осуществлять, по Писареву, «мыслящие реалисты» — передовая интеллигенция, стремящаяся к практическому воплощению общечеловеческой солидарности. Считая идею социализма «способной заменить собою потерянную веру в чудотворную силу голых политических переворотов» и называя в этой связи Прудона, Луи Блана и Лассалья цельными людьми, идущими «вперед очень твердыми шагами к очень определенной цели» (*Писарев*, т. 4, с. 223), Писарев считал, однако, что

теория «будущего обновления» и путей к нему еще не получила вполне научной разработки. По его мнению, новая эра «справедливости, физического здоровья и материального благосостояния» пока далека (см.: *Писарев*, т. 2, с. 270). Во всяком случае, в отличие от Герцена и Чернышевского, он не питал никаких иллюзий относительно коммунистических потенций крестьянской общины, считая, что Россия неизбежно пройдет на пути к социализму через капиталистическую стадию.

СОЧИНЕНИЯ

Сочинения Д. И. Писарева. СПб, 1866—69, ч. 1—10.

Сочинения Д. И. Писарева. Полное собрание в шести томах. СПб, 1894—1907;

Изд. 5-е. СПб, 1909—13, т. 1—6.

Писарев Д. И. Сочинения. М., 1955—56, т. 1—4.

Писарев Д. И. Избранные философские и общественно-политические статьи. М., 1949.

Писарев Д. И. Избранные произведения. Л., 1968.

ЛИТЕРАТУРА

Казанович Е. П. Д. И. Писарев (1840—1856 гг.). Пг., 1922.

Кирпотин В. Я. Радикальный разночинец Д. И. Писарев. М., 1934.

Плоткин Л. Д. И. Писарев и литературно-общественное движение 60-х гг. Л.— М., 1945.

Плоткин Л. Д. И. Писарев. Жизнь и деятельность. М.— Л., 1962.

Маслин А. Н. Д. И. Писарев в борьбе за материализм и социальный прогресс. М., 1968.

Демидова Н. В. Писарев. М., 1969.

Цыбенко В. А. Мировоззрение Писарева. М., 1969.

Симкин Я. Р. Жизнь Д. И. Писарева. Ростов-на-Дону, 1969.

Коротков Ю. Н. Писарев. М., 1976 (имеется библиография).

Туманова Э. Г. Идея социализма в публицистике Д. И. Писарева.— В кн.: Науч. коммунизм: проблемы и исследования. М., 1976, вып. 8, ч. 2.

Лебедев А. Мыслящий пролетариат Писарева. М., 1977.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бухштаб Б. Я. Д. И. Писарев. Указатель основной литературы. Л., 1940.

ТЕКСТЫ

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ ТРУДА ¹

История человечества представляет нам бесконечное разнообразие лиц и событий, идей и стремлений, политических систем и нравственных переворотов. Под этим разнообразием форм кроются и медленно развиваются две основные потребности человека, две такие потребности, без удовлетворения которых человек не мог бы ни улучшать свое материальное и интеллектуальное положение, ни даже поддерживать брренное существование личности и породы. Первая из этих потребностей заключается в том, что человек, подобно всем другим животным, должен предохранять свое тело от разрушительных влияний окружающей природы; ему надо принимать пищу для того, чтобы вознаграждать неизбежную убыль своего организма; надо покрывать тело, чтобы сохранять в нем необходимое количество животной теплоты; надо оберегать это тело от слишком быстрых перемен температуры и от вредного действия сырости, зноя и холода; словом, человеку необходимо завоевать себе на земле квартиру, стол, одежду и разные другие материальные обеспечения жизни. Но эта первая потребность может быть удовлетворена только с тем непременно условием, чтобы так или иначе удовлетворялась другая потребность, также чрезвычайно важная, хотя и не так резко бросающаяся в глаза. Эта вторая потребность состоит в том, что человек должен сближаться с человеком, помогать ему в его предприятиях и в свою очередь находить в нем естественного помощника и союзника. Две основные потребности человека удовлетворялись в различной степени в течение тех тысячелетий, о которых сохранились летописи или предания; чем полнее удовлетворялись они, тем удобнее жилось человеку; чем сильнее, напротив того, увлекались люди посторонними целями и искусственными интересами, тем мрачнее и тягостнее становилась участь огромного трудящегося большинства. [...]

Различные видоизменения войны и различные проявления рабства наполняют собою все страницы всемирной истории. Переход от одного вида войны к другому и от одной формы рабства к другой называется благозвучным именем исторического прогресса. И война и рабство существуют до наших времен; война до сих пор называется своим настоящим именем, а рабство в большей части образованных государств скрывается под другими формами и

названиями, менее оскорбительными для просвещенных и сострадательных глаз и ушей. Отчего произошли на свет война и рабство и отчего они благоденствуют до наших времен — это такие вопросы, которые не приходится решать между прочим; поэтому для нашей цели будет достаточно обратить внимание читателя на то, что историческое развитие человечества, находящееся до сих пор под влиянием войны и рабства, никогда не удовлетворяло вполне тем двум основным потребностям, от которых зависит счастье и совершенствование отдельных личностей и целых народов. Разные посторонние влияния постоянно мешали человеку посвящать все свои силы мирной и последовательной борьбе с окружающею природою; эти влияния, происходившие от неправильных отношений человека к человеку, самым фактом своего происхождения и существования не позволяли людям сближаться между собою так, чтобы во всякое время находить друг в друге помощников, сотрудников и союзников. Эти посторонние влияния, не имеющие ничего общего с законами природы, очень многочисленны и разнообразны в каждом из новейших обществ. Их так много и они так перепутаны между собой, что совершенно закрывают от глаз исследователя действительную природу человека и настоящий смысл его необходимой борьбы с предметами и силами окружающего мира. [...]

[...] При борьбе с природою человек никогда не встречает сознательного сопротивления своему сознательному нападению; при борьбе человека с человеком коса находит на камень: насилие встречается с насилием, хитрость отражается хитростью, суровая воля рабовладельца натывается на пассивное, но сознательное упорство раба. Борьба затягивается, усложняется и принимает на себя бесконечное разнообразие видоизменений. [...] Война, политика, рабство, эксплуатация, воровство и грабеж — все эти различные видоизменения одного общего начала приводятся в стройные и красивые системы. Человеческий ум разворачивается во всем своем величии и блеске и производит в этом направлении такие же превосходные усовершенствования, какими являются в области производительного труда паровые машины и приложение химии к земледелию. Не рискуя ошибиться, можно даже сказать, что элемент присвоения развился гораздо быстрее, чем элементы труда и обмена услуг; этот первый элемент достиг полнейшего совершенства и успел уже просочиться в практическое применение тех открытий, которые подарило человечеству естествознание, составляющее одно из важнейших и плодотворнейших проявлений элемента труда. Элемент присвоения преобладает во всех существующих обществах, везде и всегда искажает природу человека и во всех бедствиях частной и общественной жизни является единственной причиной страданий и преступлений. [...]

[...] Люди сбились с настоящего пути, исказили свою природу и до сих пор продолжают мучить друг друга. Факты эти очень достоверны и тем более печальны. Но эти факты не дают нам права думать, чтобы светлое будущее было недостижимо. Надо помнить,

что люди потратили много тысячелетий на то, чтобы ознакомиться с природой; надо помнить, что они до сих пор не знают ее вполне, и надо помнить, кроме того, что человек есть самое сложное явление природы, всего менее доступное непосредственному наблюдению и почти совершенно недоступное опыту. Очень естественно, что величайшее число ошибок, теоретических и практических, относится именно к человеку как самому сложному, самому неизвестному и в то же время самому интересному предмету во всей природе. Очень естественно, что астрономия и химия уже в настоящее время вышли из тумана произвольных гаданий, между тем как общественные и экономические доктрины до сих пор представляют очень близкое сходство с отжившими призраками астрологии, алхимии, магии и теософии. Очень вероятно, что и эти кабалистические доктрины сложатся когда-нибудь в чисто научные формы и со временем обнаружат свое влияние на практическую жизнь, со временем убедят людей в том, что людоедство не только безнравственно, но и невыгодно. Со временем многое переменится, — но мы с вами, читатель, до этого не доживем, и потому нам приходится убажывать себя тем высоко бесплодным сознанием, что мы до некоторой степени понимаем нелепости существующего. [...]

Развитие механических и химических процессов, превращающих сырой материал в предмет, годный для потребления, или в орудие, облегчающее дальнейшее производство, составляет для общества важнейший шаг вперед — к богатству, к свободе и к мирному наслаждению разумною трудовую жизнью. Человеческая личность развивалась всего роскошнее и выбилась из-под средневекового гнета феодалов всего полнее именно в тех странах, в которых развернулась разнообразная ремесленная деятельность. Эпоха освобождения и возвышения человеческого достоинства совпадает везде с эпохой пробуждения технической изобретательности и предприимчивости. Человек, начинающий чувствовать себя властелином природы, не может оставаться рабом другого человека. Но элемент присвоения, отравивший торговлю и извращающий в свою пользу пути сообщения, не может и в этом случае оставаться в бездействии. Когда сделано какое-нибудь открытие, то близорукие люди стараются прежде всего не о том, чтобы обратить это открытие против инертного сопротивления природы, а о том, чтобы сделать из него оружие против тех людей, которым оно неизвестно или недоступно. [...]

[...] Усовершенствования в химических и механических процессах переработки очень часто приносят массе общества значительный вред, потому что эти усовершенствования всегда монополизировались теми самыми людьми, которые конфисковали в свою пользу все удобства и наслаждения жизни. Увеличивая могущество одних и бессилие других, открытия и изобретения увеличивают неравенство и порабощение. Если бы такое положение вещей не носило в самом себе зародыша разрушения, если бы можно было думать, что оно прочно и устойчиво, тогда надо было бы сознаться, что каждое наше открытие, улучшающее оружие монополистов, есть новое бедствие,

обрушивающееся на нашу породу. Теперь всеми сделанными открытиями пользуется ничтожное меньшинство, но только очень близорукие мыслители могут воображать себе, что так будет всегда. Средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала. [...]

[...] Массы воспитываются не школьною указкою, не крупницами, падающими с умственной трапезы пресытившихся старших братьев, а исключительно только правильным, здоровым и незадержанным развитием общественной и экономической жизни. Когда устраняются препятствия, лежавшие на пути этого развития, когда появляется свобода труда, когда этому свободному труду открываются разнообразные приложения, тогда каждый отдельный кусочек серой массы начинает чувствовать себя человеком и быстро схватывает себе на лету те сведения, которые необходимы ему для жизни. Тогда, и только тогда, становятся действительно полезными и школы, стоявшие прежде пустыми, и популярные руководства, которые до сего времени никого не могли научить уму-разуму. Не школа преобразовывает жизнь, а, напротив того, жизнь создает для себя школу и приспособляет ее к своим потребностям и стремлениям.

Пробуждение масс, необходимое для вступления людей в истинную цивилизацию, всегда производится только каким-нибудь решительным поворотом в течении общественной и экономической жизни, а не громкими и гуманными кликами старших братьев, подвизающихся на пользу младших в литературе и на различных кафедрах. Каждый поворот, действующий освежительно на жизнь и самосознание масс, обыкновенно заключается в том, что эти массы освобождаются от какой-нибудь стеснительной опеки и полнее прежнего предоставляются естественному ходу собственных инстинктов и стремлений. Чем больше эта темная масса, о которой так соболезнуют просвещенные деятели, получает возможность жить собственным дрянным умишком, тем удобнее она устраивает свой быт, тем быстрее она богатеет, тем рациональнее становится ее земледелие, и тем человечнее делается каждый из ее отдельных кусочков. [...]

[...] Человеческое общество в первоначальной его форме можно представить себе в виде пирамиды, разгороженной на несколько этажей. В самом нижнем этаже работают люди, добывающие сырые материалы; они находятся в непосредственном соприкосновении с землею, и их этаж составляет основание всего строения, потому что в остальных ярусах люди только перерабатывают или передают друг другу из рук в руки то, что отрывают от земли обитатели нижнего яруса. Во втором этаже совершается механическая и химическая переработка добытых материалов. В третьем этаже действуют люди, занимающиеся перевозкою и устраивающие пути сообщения. В четвертом обитают все разнообразные классы людей, живущих производительным трудом нижнего этажа.

Равновесие этой общественной пирамиды будет тем устойчивее, чем обширнее будут нижние два этажа в сравнении с верхними

и чем значительнее вес нижних этажей будет превышать тяжесть верхних. Нижние этажи должны быть обширнее — это значит, что большее число людей должно заниматься добыванием и переработкою сырых продуктов, а не перевозкою их с места на место и не разнообразным переливанием из пустого в порожнее. Нижние этажи должны быть тяжелее. Так как специфическая сила человека заключается не в мускулах, а в мозгу, то весом человека в переносном смысле может быть названа сумма его деятельных умственных способностей. История показывает нам, что приобретает и удерживает господство в обществе именно тот класс или круг людей, который владеет наибольшим количеством развитых умственных сил. Преобладанию аристократии во Франции пришел конец, когда перевес ума, таланта и образования оказался в рядах достаточной буржуазии, а преобладанию буржуазии также придет конец, когда тот же перевес перейдет в ряды трудящегося пролетариата. Следовательно, когда мы говорим: «нижние этажи должны быть тяжелее», это значит, что в массах земледельцев и фабричных должно сосредоточиваться и обращаться больше знаний, чем в кучках людей, занимающихся очень неголовомным делом исключительного потребления продуктов.

В тех цивилизациях, которые уже погибли, и в тех, которым угрожает гибель, нарушались и нарушаются самым неосторожным образом оба условия, необходимые для поддержания устойчивого равновесия. В каждой из пирамид, соответствующих этим цивилизациям, устроен очень замысловатый механизм, посредством которого большая часть продуктов, добываемых и превращаемых в двух нижних этажах, с мгновенною быстротою переносятся в верхний ярус, где они тотчас же и потребляются. Благодаря этому механизму жильцы четвертого этажа пользуются изобилием и имеют возможность употреблять значительную долю своего вечного досуга на развитие умов и сердец. Обитатели нижних этажей знают, что на антресолях жить очень весело; поэтому во всей пирамиде господствует неистовое желание карабкаться кверху; кверху лезут и гастрономы, и честолюбцы, и тщеславные посредственности; но туда же лезут и замечательные таланты и люди безукоризненные в нравственном отношении, потому что только в верхнем этаже можно найти умственную деятельность и некоторую степень нравственной самостоятельности. Красота, ум, талант, богатство, железная воля — все, что в каком-нибудь отношении составляет силу человека, все это употребляется на переправу в верхний этаж. Внизу остаются только те, которых природа и обстоятельства лишают [...] возможности подняться. Эти невольные обитатели нижних ярусов бедны, тупы, слабы и забыты. Кто поднялся наверх, тот старается удержаться [...] и упрочивает там квартиры для своих детей. Кто не может быть бароном наверху, тот идет наверх в лакеи, потому что лакея кормят и одевают лучше, чем производительного работника. [...]

Когда, таким образом, все, что сильно, умно и талантливо, лезет или привлекается наверх, тогда, конечно, производительные работы

нижних этажей идут вяло и плохо. Жильцы беднеют, ссорятся между собою за кусок хлеба и производят преступления против личности и собственности. Чтобы разбирать ссоры, необходимы судьи и адвокаты; чтобы предупреждать и преследовать преступления, необходима разнообразная полиция; чем больше ссор и преступлений, тем больше судей, адвокатов и полицейских, которые все также живут в четвертом этаже и, увеличивая его тяжесть, увеличивают неустойчивость общего равновесия. Чем беднее жильцы нижних этажей, тем более они зависят от произвола верхних капиталистов; чем невыносимее жизнь внизу, тем сильнее и беспокойнее стремление наверх; люди бегут из нижних этажей и кверху, и совсем вон из пирамиды, куда-нибудь в Америку или в Австралию. Камни пирамиды вынимаются, таким образом, из основания и кладутся на вершину или выбрасываются вон. Основание постоянно становится уже, а вершина шире и тяжелее. Вся эта история неминуемо должна кончиться тем, что пирамида рухнет и превратится в безобразную кучу мусора. Это уже дело бывалое. Такие пассажи сделаются невозможными только тогда, когда работник будет образован и доволен своим положением. Мы уважаем труд, но этого мало. Надо, чтобы труд был приятен, чтобы результаты его были обильны, чтобы они доставались самому труженику и чтобы физический труд уживался постоянно с обширным умственным развитием. Пока это не будет сделано, всякая цивилизация будет находиться в неустойчивом равновесии перевернутой пирамиды. А как же это сделать? Не знаю. Рецептов предлагалось много, но до сих пор ни одно универсальное лекарство не приложено к болезням действительной жизни.

РЕАЛИСТЫ ²

[...] Машины должны составлять для человечества источник довольства и счастья, а на поверку выходит совсем другая история: машины ролят пауперизм, то есть хроническую и неизлечимую бедность. А почему это происходит? Потому что машины, как снег на голову, сваливаются из высших сфер умственного труда в такую темную и жалкую среду, которая решительно ничем не приготовлена к их принятию. Простой работник слишком необразован, чтобы сделаться сознательным повелителем машины; поэтому он немедленно становится ее рабом. Видите таким образом, что промышленные чудеса превосходно уживаются с тем печальным и страшным разрывом, который существует между наукою и физическим трудом.

Век машин требует непременно добровольных ассоциаций между работниками, а такие разумные ассоциации возможны только тогда, когда работники находятся уже на довольно высокой степени умственного развития. Если же работники, сталкиваясь с машинами, продолжают действовать врассыпную, то в рабочем населении развиваются немедленно, с изумительною силою и быстротою, бедность, тупость и деморализация. [...]

[...] Я полагаю, что каждому человеку, на какой бы ступени общественной лестницы он ни находился, необходимо во многих отношениях знать по крайней мере одно ручное ремесло. Следующие слова Руссо, которые я беру из III-ей книги «Эмиля», останутся на вечные времена великой истиной ⁴:

«Помните,— говорит он,— что я требую от вас не таланта; мне нужно ремесло, настоящее ремесло, искусство чисто механическое, в котором руки работают больше головы и которое не ведет к богатству, но при котором можно без него обойтись. [...] Пускай мошенники заправляют крупными делами, вам до этого нет дела; это не помешает вам в вашей скромной жизни быть честным человеком и иметь кусок хлеба. [...]».

Немножко велеречиво, немножко восторженно, немножко чересчур пропитано мелодраматическим презрением к богатству, и столько же мелодраматической нежностью к отвлеченной *vertu* *, которую так любил впоследствии покойник Робеспьер, но в сущности, в основной идее, совершенно верно. Нравственная самостоятельность действительно невозможна, когда человек прикреплен наглухо к известной профессии, и когда ему некуда отступить назад в случае каких-нибудь несправедливых преследований или неисполнимых требований со стороны тех лиц или общественных кружков, от которых он зависит в условиях своего существования. Всякий умственный труд может поставить человека в такое положение, в котором ему приходится выбирать одно из двух: или ренегатство, или *chomage* **, то есть вынужденное прекращение работы, и следовательно неприятный маневр: *зубы на полку*. Так как на свете мало таких героев, которые из любви к своим убеждениям готовы смотреть в глаза голодной смерти, и так как возможность отступить назад к безопасному ручному ремеслу не существует почти ни для кого, то, разумеется, ренегаты растут как грибы по всем отраслям умственной деятельности. Такая перспектива способна запугать самых храбрых и расположить к уступчивости самых упорных. Но такая перспектива была бы очевидно невозможна, если бы каждый член образованного сословия выносил из школы вместе с умственным развитием и с научными сведениями основательное и совершенно практическое знание какого-нибудь ручного ремесла.

Ручное ремесло необходимо кроме того по своему важному и несомненному влиянию на общий склад умственного развития. Источник всего нашего богатства, основание всей нашей цивилизации и настоящий двигатель всемирной истории заключаются, конечно, в физическом труде человека, в прямом и непосредственном действии человека на природу. Кто смотрит на физический труд издали и со стороны, кто не имеет никакого понятия о том, что значит

* — добродетели (франц.).— *Ред.*

** — безработица (франц.).— *Ред.*

собственноручно побеждать сопротивление неодушевленной материи, тот по всей вероятности останется навсегда в отношении к самым важным вопросам общественной жизни поверхностным теоретиком и неискусным, хотя и заносчивым, регламентатором. Бюрократы приобрели себе с этой стороны всемирную и весьма печальную знаменитость, а в сущности, что такое бюрократ? Бюрократ есть именно человек, смотрящий на физический труд издали и со стороны и наваливающий часто, по своему очень естественному незнанию, на чужие плечи такие тяжести, которые превышают размеры человеческих сил. Поэтому вернейшее средство положить конец дальнейшему размножению бюрократов, которых неудовлетворительность чувствуют в настоящее время все европейские правительства, заключается в том, чтобы сделать физический труд необходимой составной частью общего воспитания.

В настоящее время вся историческая будущность Западной Европы зависит от того, каким образом разрешится рабочий вопрос, то есть каким образом упрочится и обеспечится материальное существование рабочих населений. Разрешим ли сам по себе этот вопрос или нет, об этом можно высказывать разнородные или даже противоположные мнения; но вряд ли возможно малейшее сомнение на счет того пункта, что если этот вопрос может быть разрешен сам по себе, то он разрешится не какими-нибудь посторонними благодетелями и покровителями, а только самими работниками, когда к их рабочей силе, практической сметливости и трудолюбию присоединятся ясное понимание междучеловеческих отношений и умение возвышаться от единичных наблюдений до общих выводов и широких умозаключений. Поэтому одна из важнейших задач настоящего времени состоит в том, чтобы совместить в одних и тех же личностях научное развитие и физический труд, между которыми лежала до сих пор широкая и непроходимая бездна. Только такие люди, которые умеют в одно и то же время работать и мыслить, окажутся способными разрешить вопрос о разумной организации труда,— вопрос, которого название показывает ясно, что тут необходимо совокупное действие мысли и рабочей силы. Благодаря младенческому состоянию нашей промышленности, рабочий вопрос находится у нас в зародыше и вероятно долго еще не примет в русской жизни тех колоссальных и грозных размеров, которые характеризуют его в Западной Европе; но с нашей стороны было бы очень неосновательно думать, что эта чаша пройдет мимо нас, и что наша общественная жизнь в своем дальнейшем развитии никогда не наткнется на эту мудреную задачу. Поэтому, глядя на наших западных соседей и вдумываясь в их поучительные ошибки и страдания, мы должны заранее припасать те материалы, которые требуются для удовлетворительного разрешения этого неизбежного и неотвратимого вопроса. К числу этих материалов должно отнести организацию прочной нравственной и умственной связи между лабораторией ученого специалиста и мастерской простого ремесленника. Сближение образованного общества с черным народом, то сближение, о котором

так уморительно и бестолково рассуждали наши умолкнувшие *почвенники* ⁵, конечно необходимо, но только оно должно состоять не в тупом уважении к народной мудрости, которую совершенно справедливо осмеивает и отвергает положительная наука, а в разумной, полной, искренней и деятельной реабилитации физического труда, которому все мы на словах свидетельствуем наше нижайшее почтение и от которого, однако, на деле все мы тщательно отстраняемся сами и отстраняем наших возлюбленных детей. Если только физический труд будет наравне с научными занятиями вменен в обязанность воспитанникам всех учебных заведений, то можно будет ручаться за то, что из этих заведений будут выходить такие люди, которые легко и свободно будут сближаться с простым народом и на которых народ не будет смотреть, как на чужих людей, неспособных сознательно сочувствовать его интересам. Простой народ всегда и везде делит все человечество на таких людей, которые работают сами, и на таких, за которых работают другие; первых он считает своими, а вторых — чужими. Кто упускает из виду эту простую истину, тому нечего и мечтать о сближении с народом. Ничто, кроме физического труда, не ведет к искреннему сближению. [...]

ПОСМОТРИМ! ⁶

[...] Теперь [...] мне придется толковать [...] азбучные истины социальной науки [...].

[...] Лучшие ее [Западной Европы] мыслители с начала нынешнего века сосредоточили все свои умственные силы на решении того вопроса: каким образом *голодных людей кормить и всех вообще обеспечить*? Одни говорили, что надо устроить такой общественный порядок, при котором каждый производил бы столько, сколько может, а получал бы столько, сколько ему нужно; другие говорили, что каждый должен получать вознаграждение, соразмерное с количеством и качеством сделанной работы; третьи говорили, что надо составить разумную ассоциацию труда, капитала и таланта; четвертые говорили, что только труд и талант имеют право на вознаграждение; пятые говорили, что в деньгах заключается корень всего общественного зла ⁷. Все эти мыслители со всеми своими последователями никак не могли до сих пор согласиться между собою в том, какое *положительное* средство надо пустить в ход для решения общественной задачи. Но, радикально расходясь между собою в *положительной* стороне своих доктрин, все они утверждали совершенно единогласно, что существующий *экономический* порядок никуда не годится и не заключает в себе даже никаких задатков самостоятельного обновления. Единогласное отрицание передовых мыслителей, несогласных между собою во всех остальных пунктах, показывает ясно, что существующее положение действительно из рук вон плохо. А крайнее разногласие *положительных* проектов

показывает так же ясно, что решить общественную задачу чрезвычайно трудно. До сих пор никто еще не может утверждать наверно, что *теоретическое* решение задачи действительно найдено. Когда это *теоретическое* решение наконец найдется, тогда все-таки еще нельзя будет приступить тотчас к кормлению голодных людей, к обеспечению всех вообще и к размещению всех накормленных и обеспеченных людей по театрам и разным другим увеселительно-художественным заведениям. Когда теоретическое решение будет найдено, то надо будет еще в течение многих лет, может быть даже десятков лет, долбить общественное мнение и тревожить общественную совесть до тех пор, пока образованные классы, держащие в своих руках общественный и умственный капитал нации, не будут перевоспитаны новыми идеями и не посвятят все свои силы на то, чтобы осуществить теоретическое решение в действительной жизни. Это перевоспитание пойдет, конечно, чрезвычайно медленно, потому что образованные и достаточные классы, наслаждаясь сытостью и искусством, не только не питают ни малейшей нежности к решению общественной задачи, но даже, напротив того, видят в каждой из подобных новых идей явное и дерзкое посягательство на их благосостояние, то есть на их сытость и на их законные и нормальные эстетические наслаждения. Но успех новых идей в значительной степени ускорится тем обстоятельством, что в ряды образованного общества постоянно прибывают из низших слоев такие люди, которые, проводя свою молодость без сытости и без нормальных и законных эстетических наслаждений, встречают новые идеи с пылким, деятельным и совершенно сознательным сочувствием. Спрашивается теперь: что же должны делать те люди, которые берутся быть руководителями общественного самосознания? Этот вопрос распадается на три вопроса:

1) Что должны они делать, пока теоретическое решение еще не найдено?

2) Что должны они делать, если теоретическое решение уже найдено?

3) Что должны они будут делать, когда теоретическое решение будет осуществлено?

Ответ на первый вопрос.— Всеми силами искать теоретического решения и всеми силами побуждать других людей к тому же самому исканию, то есть изображать яркими красками страдания голодного большинства, вдумываться в причины этих страданий, постоянно обращать внимание общества на экономические и общественные вопросы и систематически отрицать, заплевывать и осмеивать все, что, отвлекает умственные силы образованных людей от главной задачи. [...]

Ответ на второй вопрос.— Постоянно разъяснять обществу с разных сторон и во всех подробностях основные начала разумной экономической и общественной доктрины, знакомить его таким образом с найденным теоретическим решением и при этом всеми возможными средствами усиливать приток новых людей из низших

классов в образованное общество; другими словами, надо вербовать агентов найденного разумного учения и надо увеличивать массу мыслящего пролетариата. [...]

Ответ на третий вопрос в наше время невозможен и не имеет для нас ни малейшего интереса, потому, что этот *третий вопрос* получит практическое значение не для нас, а разве только для наших внуков и правнуков, которые, конечно, будут гораздо умнее нас и, следовательно, не пойдут искать себе советов в наших забытых и истлевших статьях, романах и ученых исследованиях. [...]

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИДЕИ ОГУСТА КОНТА ⁸

[...] Сообразительные люди нашего времени поняли наконец, что справедливость водворится во всех междучеловеческих отношениях не тогда, когда все жители нашей планеты проникнутся высокими добродетелями, а тогда, когда каждый нахал будет встречать себе очень чувствительный отпор со стороны тех безответных личностей, над которыми он во времена их безответности привык куражиться и озорничать. Поэтому сообразительные люди во всей Европе только о том и заботятся, чтобы положить конец овечьей безответности большинства и организовать достаточную силу отпора во всех тех местах, где такая сила требуется условиями общественного механизма.

В современной политике принцип выгоды никогда не совпадает с принципом справедливости; частная жизнь в малых размерах представляет собой картину точно такого же разлада. Глядя на эти явления, одни мыслители умозаключают, что принципы выгоды и справедливости по самой природе своей осуждены вести между собой вечную вражду; дойдя до такого убеждения, мыслители эти становятся на сторону справедливости и начинают требовать от своих последователей и от всех людей, чтобы они постоянно зарезывали свои собственные выгоды на алтаре добродетели, нравственности и человеколюбия. [...] Другие мыслители, и более дальновидные, сообразили, что, если бедным классам общества надо будет для улучшения своей участи ожидать терпеливо, пока старшие братья украсятся добродетелями, — то дело этих бедных классов всего лучше будет теперь же сдать в архив с полной уверенностью, что оно решится после дождика в четверг. [...]

[...] Для решения задачи о голодных людях необходимо соблюдение двух условий. Во-первых, задачу эту должны решить непременно те люди, которые в ее разумном решении находят свои личные выгоды, то есть ее должны решать сами работники. Во-вторых, решение задачи заключается не в возделывании личных добродетелей, а в перестройке общественных учреждений. [...]

[...] Все зло, существующее в человеческих обществах, происходит от двух причин: от бедности и от праздности; а эти две причины берут свое начало из одного общего источника, который может быть назван хаотическим состоянием труда. Труд и вознаграждение находятся теперь между собою в обратном отношении: чем больше труда, тем меньше вознаграждения; чем меньше труда, тем больше вознаграждения. От этого на одном конце лестницы сидит праздность, а на другом бедность. [...] По всей лестнице сверху донизу господствуют ненависть к труду и вечный антагонизм частных интересов. Немудрено, что труд производит при таких условиях мало продуктов; немудрено и то, что любовь к ближнему встречается только в назидательных книгах. [...]

[...] Труду нет простора, труд плохо оплачивается, труд поработается, и от этих причин происходит все существующее зло.

Кто хочет бороться против зла, не для препровождения времени, а для того, чтобы когда-нибудь действительно победить и искоренить его, тот должен работать над решением вопроса: как сделать труд производительным для работника и как уничтожить все неприятные и тяжелые стороны современного труда? Труд есть единственный источник богатства; богатство, добываемое трудом, есть единственное лекарство против страданий бедности и против пороков праздности. Стало быть, целесообразная организация труда может и должна привести за собою счастье человечества. [✓.]

[...] Искать обновления в труде во всяком случае гораздо рациональнее, чем видеть альфу и омегу человеческого благополучия в учреждении палаты депутатов или палаты пэров. [...] И когда все работники на земном шаре будут любить свое дело, тогда все будут новыми людьми, тогда не будет ни бедных, ни праздных, ни филантропов [...]. Что было, то прошло, а чему быть, тому не миновать. [...]

ПОПУЛЯРИЗАТОРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ДОКТРИН¹⁰

[...] В своем «Общественном договоре» Руссо считает необходимым, чтобы законодатель и правительство делали граждан добродетельными. Это стремление кладет в идеальное государство Руссо зерно злейшего клерикального деспотизма. Руссо думает, что людей надо искусственным образом приучать к добродетели. Это — огромная ошибка. Каждый здоровый человек добр и честен до тех пор, пока все его естественные потребности удовлетворяются достаточным образом. Когда же органические потребности остаются неудовлетворенными, тогда в человеке пробуждается животный инстинкт самосохранения, который всегда бывает и всегда должен быть сильнее всех привитых нравственных соображений. Против

этого инстинкта не устоят никакие добродетельные внушения. Поэтому государству незачем и тратить силы и время на подобные внушения, которые в одних случаях не нужны, а в других бессильны. Государство исполняет свою задачу совершенно удовлетворительно, когда оно заботится только о том, чтобы граждане были здоровы, сыты и свободны, то есть чтобы они на всем протяжении страны дышали чистым воздухом, чтобы они раньше времени не вступали в брак, чтобы все они имели полную возможность работать и потреблять в достаточном количестве продукты своего труда и чтобы, наконец, все они могли приобретать положительные знания, которые избавляли бы их от разорительных мистификаций всевозможных шарлатанов и кудесников. Если же государство не ограничивается этими заботами, если оно врывается в область убеждений и нравственных понятий, если оно старается навязать гражданам возвышенные чувства и похвальные стремления, то оно притупляет граждан, превращая их или в послушных ребят, или в бессовестных лицемеров. Официальные хлопоты о добродетелях открывают широкую дорогу религиозным преследованиям. [...]

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ¹¹

[...] Смотреть на революцию с эстетической точки зрения — значит оскорблять величие народа и профанировать ту идею, во имя которой совершается переворот. В жизни народов революции занимают то место, которое занимает в жизни отдельного человека вынужденное убийство. [...]

[...] Каждый переворот и каждая война, сами по себе, всегда наносят народу вред как материальный, так и нравственный. Но если война или переворот вызваны настоятельной необходимостью, то вред, наносимый ими, ничтожен в сравнении с тем вредом, от которого они спасают [...].

Чтобы судить о каком-нибудь перевороте, надо всегда сравнивать то, что было накануне борьбы, с тем, что получилось на другой день после победы. Тогда можно будет решить, законен ли данный переворот в своей исходной точке и плодотворен ли он в своих результатах. Переворот, вырванный из своей естественной связи с ближайшим прошедшим и с ближайшим будущим, оказывается просто грязною свалкой, которою может восхищаться только пустоголовый батальный живописец. Относясь с почтительным сочувствием к какому-нибудь перевороту, мыслящие защитники народных интересов поступают таким образом вовсе не из любви к шумным демонстрациям и занимательным потасовкам, а только из любви к тем бедным людям, которым после переворота сделалось немного легче жить на свете. Если бы это облегчение могло быть достигнуто путем мирного преобразования, то мыслящие защитники народных интересов первые осудили бы переворот как ненужную трату физических и нравственных сил. [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые опубликованы: *РС*, 1863, № 9, 11—12; вошли в часть 7 первого издания Сочинений (1866). Отрывки печатаются: *Писарев*, т. 2, с. 228, 230, 278—280, 304, 308, 319—320, 328—330.

² Впервые опубликовано: *РС*, 1864, № 9, 10, 11 под названием «Нерешенный вопрос»; затем под названием «Реалисты» статья вошла в часть 2 первого издания Сочинений (1866), при этом были восстановлены положения, подвергшиеся цензурным искажениям при печатании в журнале. Отрывки печатаются: *Писарев*, т. 3, с. 119, 120.

³ Впервые опубликовано: *РС*, 1865, № 7, 8. Отрывки печатаются: *Писарев. ППС*, т. 4, столбцы 575—579.

Далее приводится большая цитата из третьей книги сочинения Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762, первый русский перевод — М., 1807).

⁵ Почвенничество — направление в русской социальной мысли 60-х годов XIX в., представленное журналами братьев М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861—63) и «Эпоха» (1864—65), на страницах которых в качестве панацеи от всех зол проповедовалось сближение с национальной «почвой» как основой социального и духовного развития России.

⁶ Впервые опубликовано: *РС*, 1865, № 9; отрывки печатаются по: *Писарев*, т. 3, с. 487—490.

⁷ В этом перечне Писарев указывает на основные направления западноевропейского утопического социализма: сенсимонизм, фурьеризм, прудонизм и др.

⁸ Впервые опубликовано: *РС*, 1865, № 9, 10, 11; отрывки печатаются по: *Писарев*, т. 5, столбцы 393—394, 408—409.

⁹ Впервые опубликовано под названием «Новый тип» — *РС*, 1865, № 10; вошла в часть 4 первого издания Сочинений (1867), где получила настоящее название; написана по поводу романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». За статью «Новый тип» журнал получил 20 декабря 1865 г. предупреждение со стороны карательной цензуры, в котором указывалось, в частности, что автор «проводит теории социализма и коммунизма». Отрывки печатаются по: *Писарев*, т. 4, с. 13, 14—15.

¹⁰ Впервые опубликовано в сб. «Луч» (т. 1, СПб., 1866) под псевд. *Д. Рагодин*, затем вошло в часть 10 первого издания Сочинений (1869). Отрывок печатается по: *Писарев*, т. 4, с. 190.

¹¹ Впервые опубликовано в части 4 первого издания Сочинений (1867). Отрывки печатаются по: *Писарев*, т. 4, с. 228, 229.

Николай Васильевич **СОКОЛОВ**

Россия решительно не может идти тем избитым путем экономического развития, которым шли до сих пор западные государства.

Н. В. СОКОЛОВ

Историческая задача нашего века состоит в том, чтобы улучшить материальное состояние народа, который живет своим трудом.

Н. В. СОКОЛОВ

Родился Н. В. Соколов 16(28) ноября 1835 г. в Петербурге в дворянской семье эконома Школы гвардейских подпрапорщиков. С 1845 г. он учился в различных военных учебных заведениях, вплоть до Академии генерального штаба, которую окончил в 1857 г., успев во время Крымской войны послужить в армии. По окончании академии был причислен к Генштабу, в 1858 г. направлен на Кавказ, где отличился в боевых действиях, а затем (после кратковременного пребывания в Петербурге) в 1859 г. в Восточную Сибирь (Иркутск) и оттуда курьером в Пекин.

Служебная карьера Соколова шла стремительно, но вот наступает революционная ситуация 1859—61 гг., а вместе с ней и крутой поворот в его судьбе. По возвращении из Китая он берет шестимесячный отпуск за границу и в июне 1860 г. прибывает в Лондон прямо к Герцену, а от него, через Париж, едет в Брюссель с реко-

мендательным письмом к Прудону. Неудивительно, что в сентябре того же года Соколов приезжает в Петербург с грузом запрещенной литературы, входит в кружок молодых офицеров Генерального штаба (в котором продолжает служить), близких Чернышевскому (В. А. Обручев, В. М. Аничков, П. А. Бибиков и др.), сближается и с польскими революционерами, в частности с З. Сераковским. Через год он приносит Н. Г. Чернышевскому в «Современник» большую рукопись «О несостоятельности политической экономии», написанную в духе прудоновской критики. Хотя Чернышевский и отказался печатать его рукопись, но рекомендовал его Г. Е. Благосветлову, редактору «Русского слова». С февраля 1862 г. начинается активное сотрудничество Соколова в этом журнале. Его первые статьи (до приостановки выхода журнала в мае 1862 г.) касались статистики и экономического положения России (Соколов служил в это время в статистическом отделении департамента Генштаба). С февраля же 1863 г. он начинает развивать идеи Прудона (статьи «Деньги и торговля», «Торговля без денег» и др.). Служба его все более тяготит, он дважды подает в отставку и, наконец, получает ее в январе 1863 г.— накануне Польского восстания. Имеются глухие упоминания о том, что он принимал участие в нем на стороне повстанцев; во всяком случае, в июле Соколов оказывается в Германии, в Дрездене, вместе с некоторыми повстанцами, где попадает в тюрьму за стычку с полицейскими. Из тюрьмы бежит в Париж, снова встречается с Герценом и Прудоном.

Два года, проведенные на этот раз Соколовым за границей, были важными для установления его революционных и социалистических взглядов. Он пишет брошюру «Социальная революция» (1864 г., была издана в Берне, в Швейцарии, на немецком языке лишь в 1868 г.). В ней прудонизм, истолкованный в революционном духе, соединялся им с «евангельским социализмом» и апофеозом коммунизма, который будет установлен в результате народной революции, в близости которой он убеждал читателей. Произнеся речь на похоронах Прудона, Соколов возвращается в Петербург и снова сотрудничает в «Русском слове». Содержание его статей становится более откровенно революционным, и социалистические идеи проводятся в них почти без прикрытия («Экономические иллюзии», «Прудон о французской демократии» и др.). В полемике «Русского слова» (Писарев, В. А. Зайцев, Соколов, Благосветлов) с «Современником» Соколов занимал самые непримиримые позиции, особенно по вопросу об оценке экономических взглядов Д. С. Милля (статьи «Милль», «О капитале», «Маску долой!», направленные против Ю. Г. Жуковского). Анархистские лозунги, звучащие в статьях Соколова в «Русском слове», делали его одним из основных проводников идей анархизма в легальной печати. К тому же Соколова обуревали мысли осуществить на деле утопии Прудона о бесприбыльном предприятии, каким он (вместе с Зайцевым) хотел видеть издание журнала «Русское слово», — журнал должен быть полной

собственностью подписчиков. Благосветлов отказался принять предъявленный ультиматум, и «реформаторы» в ноябре 1865 г. «отщепились» от «Русского слова». Тогда Соколов решил сам попробовать свои идеи на практике и в начале 1866 г. выпустил сборник своих статей «Экономические вопросы и журнальное дело», в котором напечатал и отчет об истраченном на издание капитале. Какой убыток принесло самому Соколову это издание, не известно, но выход из «Русского слова» был его серьезной ошибкой. Однако скоро в его судьбе произошел новый поворот; вместе с Зайцевым в предельно короткий срок Соколов написал и издал под своим именем книгу «Отщепенцы», своего рода развернутую революционную прокламацию, содержащую историю утопических и социалистических учений (включавшую в соответствии со взглядами Соколова и Зайцева идеи первоначального христианства и его сект, деятелей Реформации, социальных утопистов и социалистов, преимущественно Фурье и Прудона) и социалистический символ веры авторов. Представленная в цензуру на следующий день после покушения Д. В. Каракозова на царя, книга была запрещена и стала широко известна лишь шесть лет спустя (в 1872 г.), когда была переиздана в Швейцарии и вошла в идейный арсенал начинавшегося народнического движения. Вскоре Соколов был арестован и после длительного следствия в 1867 г. осужден на один год и четыре месяца тюремного заключения.

По отбытии заключения в Петропавловской крепости вследствие «предосудительного поведения» («упорное стремление распространить возмутительные идеи среди арестованных» — по формулировке III отделения) Соколов был сослан в 1868 г. сначала в Мезень, потом в Шенкурск Архангельской губернии и, наконец, в Красный Яр Астраханской губернии. Оттуда он в октябре 1872 г. бежал за границу при помощи революционной организации чайковцев, думавшей привлечь Соколова к участию в замышляемом издании журнала «Вперед!» П. Л. Лаврова. Однако в эмиграции в Женеве Соколов примкнул не к «лавристам», а к «бакунистам», хотя правоверным «бакунистом» себя не считал. В эмиграции он уже не играл той роли, которую играл в 60-е годы в России. Тем не менее его чтили как «ветерана русской революции», и, когда он умер 21 февраля (5 марта) 1889 г. в Париже, за его гробом шли не только все русские и польские эмигранты, но и много французов, в том числе коммунары Ш. В. Жаклар, Г. А. Лефрансе и др.

СОЧИНЕНИЯ (кроме названных)

Соколов Н. В. Автобиография [не оконч.].— Свобода. Париж, 1889, № 1.

Соколов Н. В. Заключение к рукописи русского перевода книги П. Ж. Прудона «О политических способностях рабочих классов».— В сб.: История социалистических учений. М., 1976.

Соколов Н. В. Отщепенцы.— В сб.: Шестидесятники. М., 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Ефимов А. Публицист 60-х годов Н. В. Соколов.— Каторга и ссылка, 1931, № 11—12.

Лейкина-Свирская В. Р. Утопический социалист 60-х годов Н. В. Соколов.— В сб.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1970.

Козьмин Б. П. Н. В. Соколов. Его жизнь и литературная деятельность.— В кн.: *Козьмин Б.* Литература и история. Изд. 2-е. М., 1982.

Рудницкая Е. Л. Из наследия утопического социалиста Н. В. Соколова.— В сб.: История социалистических учений. М., 1976.

Кузнецов Ф. Ф. Николай Соколов.— В кн.: *Кузнецов Феликс.* Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1981 (ЖЗЛ).

ТЕКСТЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ¹

*Раздумье взяло, на
бездумье глядя.*

[...] Первый и последний, неотменимый вопрос истории — вопрос *народного пропитания*. Кто хочет понять смысл исторических событий и разгадать тайну горькой жизни и жалкой смерти народов, тот должен узнать, как разрешался этот вопрос в древние и новые времена. В этом отношении современная цивилизация немногим отличается от древнего рабства: как прежде, так и теперь вопрос народного пропитания остается нерешенным, и потому нищета одинаково гложет народы во веки веков. Как прежде, так и теперь война и насильственная смерть — удел народов, осужденных природой на разрешение задачи нищеты.

«Хлеба и зрелищ!» (*Panem et circenses*) — кричали римские пролетарии в славные времена республики и империи².

«Труда и хлеба!» — кричат французские работники³, и крику их вторит все рабочее население Европы. [...]

Итак, никакие политические реформы и конституции не спасут Европы от гражданских войн и переворотов, которыми угрожает ей безвыходное положение рабочего населения.

Что будет, то будет, — а пока достоверно то, что на Западе рабочий класс резко отличается от прочих сословий и составляет в обществе как бы особую породу людей. Образ жизни, нравы, понятия и стремления рабочих совершенно своеобразны и потому чужды и противны людям воспитанным и образованным. [...] Кто виноват? — Тут нельзя винить ни дикую природу рабочего, который не поддается обаянию образованности, ни бестактность и неопытность учителей, которые не умеют взяться за дело воспитания. Нет, вся вина в порядке и силе вещей: цивилизация так устроила общество, что рабочий должен поневоле отказаться от образования, следуя поговорке: «родился на свет, а ступай во тьму». [...]

[...] Равнодушно смотрит он на борьбу политических партий. [...] Работа, одна лишь работа с куском насущного хлеба занимает его и заставляет забывать весь цивилизованный мир. За работу рабочий готов всегда продать себя на день, на два, на неделю, на

месяц, на год, на всю жизнь; за работу он готов стать рабом и отказаться от всяких политических и других ненужных прав, которые не обеспечивают его существования, не спасают от голода и холода. Рабство не может пугать современного западного работника, потому что свобода труда, которой его наградили, хуже рабства. Вот почему он так мало ценит свое достоинство.

Мы видели и наблюдали западного рабочего и откровенно говорим, что из него выйдет варвар хуже вандала или гунна ⁴. Нищета деморализовала рабочий народ, сделала его лицемерным, жадным, трусливым и вместе с тем жестоким и мстительным. [...]

Лепная работа цивилизации разваливается по кускам. Другими словами: Западная Европа прогрессивно впадает в варварский экономический nepотизм ⁵, в котором должна исчезнуть личная свобода и независимость. Вот конец цивилизации с ее иллюзиями!

Передовые люди западного прогресса и народные вожаки, конечно, не видят этой пропасти; они смотрят назад, а не вперед и не под ноги. Вот почему им придется провалиться первым, а за ними провалится и все стадо ⁶.

Наше предсказание не выдумка: мы основали его на действительности, на осязательных и бесспорных фактах современного направления западной цивилизации. [...]

Нищета — явление не политическое, а экономическое; поэтому экономисты должны объяснять это явление не политическими теориями, не предвзятыми или рутинными понятиями, а законами экономической жизни общества. Эти законы постоянны и неизменны; они не подчиняются личным, семейным или сословным интересам, а заявляются так же неизбежно, как законы самой природы. Другими словами: общественная экономия не терпит тех произвольных соображений и расчетов, по которым ведется хозяйство частное или домашнее. В наших обыденных сношениях и сделках мало правды; каждый заботится о своей личной выгоде и старается поминутно больше брать, чем давать. Это житейское правило противно основному закону общественной экономии, в силу которого общество может проживать только то, что заработало. *Приход равен расходу* — вот экономический закон и неизменная формула общественной жизни. Обойти или отменить этого закона общество не может; оно должно подчиниться ему или, нарушая его, казнить себя нищетой и разлагаться в банкротстве. Такова, действительно, участь всякого общества, не признающего формулы своей жизни. [...]

Возможно меньше давай и как можно больше получай.— На этом расчете основано все частное хозяйство.

Сколько даешь, столько и бери, ни больше, ни меньше.— На этом законе основана вся правда общественной экономии, которая доказывает, что в народном хозяйстве нет чистого дохода, а один только валовой. [...]

[...] Наука приводит нас к тому бесспорному выводу, что в экономике общества нет барыша, нет чистого дохода, а один только валовой, который определяется настоящей ценою всех произведений

труда и равняется общему расходу на все работы, то есть *настоящей плате*, которую должен получать весь рабочий класс. Поэтому в каждой стране ценность ежегодного производства должна равняться сумме всех расходов на плату рабочим⁷. [...] В противном случае нарушится уравнение производства с потреблением и страна неизбежно обнищает. [...]

Труд — единственный и неисчерпаемый источник богатства. Этот источник кроется в мозгу и мускулах человека, в его умственных и физических способностях. Пользуясь ими, *из ничего он творит все*; что ему нужно для жизни. Правда, человек не выдумал, не создал материи; правда и то, что он не может извлекать из ничего и обращать в ничто ни одного атома. Но если человек не создал природы, то это нисколько не мешает ему творить ежеминутно и обращать самые ничтожные вещи в предметы необходимости или роскоши. [...] Во всем этом проявляется творчество человека: своим умом и трудом он производит то, чего не дает ему сама природа. Она дает только первоначальный, сырой материал, который требует обработки, выделки, изменения и преобразования своего состава, вида и формы... [...] Описание способов выделки разных произведений составляет предмет технологии; она обнимает собою все искусства и ремесла, изучает их средства, совершенствует и постоянно изобретает всевозможные инструменты, машины для ускорения и улучшения производства.

Технология, как наука труда, как плод наблюдения, изучения и знания природы, представляет собою высшее проявление полезного творчества человеческого ума. Работа — условие жизни человека, условие непрерывное, потому что оно налагается самой природой. Вот почему облегчить работу, осмыслить ее и сделать наиболее производительной — значит дать людям возможность легче и лучше жить, скорее поумнеть и вернее обеспечить свое благосостояние. К этой цели ведет технология. Своим развитием она все более и более освобождает человека от тяжелой, скотской работы и делает его разумным производителем и вместе с тем изобретателем. Мало того: технология убеждает работника на опыте в той истине, что он производит *из ничего*, потому что способы работы — изобретение ума, а материал дается самой природой бесплатно и потому сам по себе *ничего* не стоит. [...]

Действие даровых сил природы постоянно и неизменно. Наблюдать, изучать природные явления, открывать их законы с целью пользоваться ими — вот в чем состоит задача труда как творческой силы. [...] Вот почему только та страна может быть богатой, где люди понимают значение труда, ценят более всего полезное техническое образование, работают не по рутине, а постоянно совершенствуют способы производства. [...]

[...] Кто сколько-нибудь работал на своем веку или, по крайней мере, внимательно следил за ходом чужой работы, тот никогда не решится утверждать, что «капитал производит» [...].

Нет, *капитал* не производит, а *производится* трудом, все равно,

как дом не строит, а строится, лес не рубит, а рубится. Труд, один лишь труд — в буквальном и самом точном смысле слова, — *производит* все, что нам нужно; он только один может создать, упрочить и умножить наше богатство; без труда — все гибнет, все уничтожается и человек умирает с голоду. [...]

После всевозможных рассуждений о нищете, как неизбежном явлении, после разных бесполезных выдумок и нелепых полумер наконец пришли к тому убеждению, что только сами нищие могут помочь своему горю и улучшить свое положение. Но каким образом? «Пусть бедные рабочие берут пример с богатых капиталистов и, собирая свои гроши, составляют акционерные общества». Так рассуждали современные мудрецы, и общество, слушая их, рукоплескало.

Всякая мысль, дурная и хорошая, непременно осуществляется на деле и рано или поздно, так или иначе доказывает свое практическое значение для общества. Этого мало; нет той светлой идеи, которая, в известное время и при известных условиях общественной жизни, не делалась бы предметом наглой спекуляции, гнусного обмана и шарлатанства.

Так случилось и с идеей «рабочих ассоциаций»: ловкие, практические люди уже обратили ее в орудие эксплуатации тех же самых бедняков, которые видели в ней залог своего спасения. Стоит только узнать, какие господа громче всех кричат и больше других заботятся теперь об устройстве «народных банков, сберегательных касс, обществ взаимного кредита» и всяких «рабочих ассоциаций», чтобы угадать заранее, к чему приведет это современное направление филантропии. [...] Они-то и сочиняют разные заманчивые проекты, уставы этих ассоциаций; они-то и печатают беспрестанно экономические катехизисы, поучения, послания и увещания рабочим, чтобы наставить их на путь истины и возбудить в них страсть к барышничеству. Таким проповедникам, разумеется, знакомы все тайны акционерных предприятий; они умеют искусно пользоваться невежеством толпы и понимают, что распространение разных ассоциаций под вымышленным названием «рабочих» принесет им очевидную пользу. Если эти общества учреждаются на тех же основаниях, как и все прочие акционерные компании, т. е. с расчетом на барыши и дивиденды, то, конечно, нельзя уже опасаться таких экономических реформ, которые ведут к уничтожению спекуляции, лихоимства...

Не скоро еще рабочее население Западной Европы поймет настоящий смысл слова: «ассоциация». Не скоро еще настанет та пора, когда это модное слово будет выражать собою не экономическую ложь, а правду.

В ожидании этой счастливой поры пусть западный мир предается всяким иллюзиям; пусть от них ему легче живется.

[...] Есть люди, поклявшиеся жить свободно. Вместо того, чтобы принять положение, которое свет предлагал им, они хотели сами добиться смелостью и талантами того места, которое им нравилось. Они думали, что могут силою своей воли разом достигнуть цели своего честолюбия, овладеть предметом своих желаний. Они не хотели смешаться с толпой и взять в жизни номер. Пошлость рутинной *практической* жизни была им невыносима: они не могли долго терпеть ее, расходились с обществом и отрешались от него. Вместо того, чтобы идти по большой дороге, они побрели в сторону по полям и очутились в страшном одиночестве, в безлюдной степи ⁹. Я называю их: «Отщепенцами» ¹⁰. [...]

Странные люди! Они всегда одинаковы; у всех замечается что-то общее, кто бы они ни были — гении или обыкновенные смертные, исторические герои или безвестные бедняки, люди, именами которых гордится потомство, или бродяги без роду и племени, без имени и родства. Жертвы славы или нищеты, бойцы на мировой арене или в темных закоулках столиц — у них всегда есть общие черты, по которым их узнают во главе восставших против невыносимой тирании или в задних рядах умирающего с голоду пролетариата, впереди умных и честных людей или в толпе невежественной черни. [...]

Оно узнает их по нежеланию идти с ним рука об руку, по тому отвращению их к рутине, которое общество называет «непрактичностью», по тому шумному и грозному или молчаливому и подавленному протесту против него, который выражается во всей их жизни и даже в смерти, несмотря на их имена — прославленные или обесславленные, громкие или безвестные, памятные или забытые среди грохота революций и битв или среди холода и голода грязных улиц. [...]

Ничего не может быть бессмысленнее тех гонений, которые общества всех времен поднимали с удивительным однообразием против своих отщепенцев. Между последними не все, конечно, довольствовались отчуждением от общества, гордым отстранением себя от него, отрешением своей судьбы от его участи. Не все ограничивались добровольным изгнанием себя в какую-нибудь действительную или моральную Фиваиду ¹¹. В числе их всегда находились люди, которые не могли помышлять только о личном своем спасении: находились и такие, которые хотели открыть глаза другим, указать на признаки приближающейся катастрофы и убедить своих современников сойти с дороги, которая ведет к пропасти.

Такие люди не только не скрывали причин своего разрыва с настоящим, но громко указывали на них и объясняли, почему они не хотят оставаться на общих путях, и говорили обществу о гнилости и ветхости его основ. [...]

[...] Плохой для него знак! Значит оно само в себя не верит, не верит в *свою* веру, в *свою* нравственность, в *свое* добро, в *свое* достоинство, а другого оно не понимает, не видит и не хочет. И вот

оно, неверующее, защищает верования; отрицающее само себя, преследует отрицание, между тем как отрицатели — единственные верующие в нем люди. *Без отрицания нет веры*, как без веры нет отрицания. Как для того, чтобы иметь право отрицать, нужно во что-нибудь верить, нужно отрицать во имя чего-нибудь высшего, так и веру можно сохранить в падающем или развращенном обществе только отрицанием. [...]

[...] Такое общество ожидает катастрофа, если только отщепенцы не спасут его. [...]

[...] Французский народ сбросил с себя ненавистное иго политического рабства и стал *отщепенцем* старого, феодального мира ¹². [...]

Политическая революция свершилась. На обломках здания аристократии и церкви устроился новый порядок.

Но как, после религиозной революции, произведенной проповедью евангелия ¹³, удержалось *рабство политическое*, так, после переворота 1789 года, уцелело еще *рабство экономическое*.

Вот почему идея свободы, то есть идея исторического Отщепенства, должна была выразиться отрицанием этого последнего рабства. И она, действительно, выразилась в лице современных отщепенцев буржуазного порядка, в лице *социалистов*. [...]

[...] Старый мир эксплуатации и насилия остался по-прежнему, только переменяя некоторые внешние формы. Законы 12 Таблиц ¹⁴, наивное право собственности рыцарей, узаконенный грабеж легионов ¹⁵ расцвели в обществе, вышедшем из революции, с прежнею силой в том порядке, который заменил все прежние формы монархии, аристократии и теории под именем *Плутократии* ¹⁶, т. е. владычества капитала. [...]

[...] Как всякое анархическое общество, где учреждения взаимности и гарантизма не обуздывают первобытные варварские явления борьбы за существование, современное общество представляет собою вечную вражду угнетенных и угнетателей. Угнетатели — это рыцари меркантилизма ¹⁷, феодалы торгашества, сеньоры капитала, бездельники и плуты. Угнетенные — те же рабы, крепостные под именем пролетариев. [...]

[...] Весь смысл современной истории — в этой борьбе плутократии с пролетарием, как прежде в борьбе других угнетенных против других угнетателей. [...]

[...] Каждый пролетарий — истинный отщепенец плутократии, т. е. современного общества. Всякий необходимо должен быть отщепенцем по логике своего положения, но много уже есть и таких, которые сознательно отщепенцы. [...]

Но где эти люди? Где верующие в искупление народа от грабежа и насилия плутократии, этой фурии ¹⁸ цивилизации?

Эти люди, эти верующие — *социалисты*, которые вели и будут вести борьбу за освобождение самого многочисленного и бедного класса рабочих. Эти бойцы — апостолы XIX века. Несмотря на видимое разнообразие школ, на которые распадался Социализм, тем

не менее значение и направление их одно и то же. Все социалисты проповедуют свободу, равенство и братство, все восстают против плутократического порядка, все отрицают его единодушно и, во имя народа, во имя его правды и достоинства, все желают и требуют прекращения грабежа и насилия. [...]

Плутократия — вонючий труп старого общества, труп, над которым социалисты производили самые поучительные опыты, наблюдения и научные исследования.

В этом отношении социальной науке полезнее всех были примерные отщепенцы — *Фурье и Прудон*. [...]

Фурье принадлежит бесспорно к числу самых замечательных и редких мыслителей нашего века. Одаренный глубоким нравственным смыслом и проницательным умом, он рано понял всю гнусность старого общественного порядка и стал в ряды непоколебимых отщепенцев.

Фурье провел всю свою честную и полезную жизнь почти в совершенном одиночестве. Такая жизнь, конечно, развила в нем идеализм и заставила его мечтать о создании нового общественного порядка, который дал бы *гармоническое* развитие всем способностям и страстям человека.

Не говоря о плане этого нового порядка, который практические мудрецы или, вернее, глупцы называют *фантастическим*, заметим, что Фурье, как отщепенец, любил народ и защищал его права.

Фурье раньше всех провозгласил *право на труд*, без которого нельзя обеспечить участи самого многочисленного и бедного класса людей.

Фурье раньше всех заговорил об *ассоциации*, конечно, не подозревая, что практики исказят эту здравую мысль.

Фурье громче и разумнее всех ратовал за *свободу женщины* и первый объявил, что без этой свободы нет прогресса.

За все это Фурье заслуживает бессмертную славу.

Этот образцовый отщепенец прославил себя также критикой цивилизации, которую он искренно презирал и ненавидел. [...]

«Кто беден, тот мне родня», — говорил всегда Прудон и сам жил и умер бедняком в 1865 г. [...]

[...] Вся жизнь его прошла в труде и в борьбе за народное дело. [...]

Сочинение Прудона «Что такое собственность?»¹⁹ навело ужас на буржуазию. Действительно, было чего испугаться! [...]

Прудон, называя собственность кражей, возбудил против себя страшное негодование... но только со стороны людей недобросовестных и преступных, со стороны всех тех, кто живет на счет чужого труда и считает свою покражу — благоприобретенною собственностью.

Прудон назвал собственность кражей. На каком основании? На том, что он считает лихоимство воровством, а экономисты объявляют это преступление правом собственности и с негодованием восстают против законов о лихве.

Лихоимство = право собственности.

Лихоимство = кража.

Лихоимство за лихоимство, в результате остается: собственность = кража.

Так и сказал Прудон. Разве он виноват, если экономисты, ярые защитники права собственности, доказывают, что лихоимствовать, то есть красть, значит пользоваться этим правом?!

По убеждению Прудона, собственник — вор вовсе не потому, что имеет собственность, а потому что лихоимствует, крадет. Уничтожьте лихоимство, и собственность перестанет быть кражей. Вот все, чего желает Прудон. Что же преступного в этом желании? [...]

С 1840 года, в течение двадцати пяти лет, Прудон не переставал отрицать старого порядка, основанного на грабеже и насилии, и умер в святости Отщепенства.

В 1849 году Прудон воскликнул с трибуны: *«Социализм не стускает глаз с капитала!»*²⁰ Этими словами он хотел сказать, что коренной вопрос Отщепенства заключается в отрицании прав капитала.

С этой поры «Социализм» стал пугалом для капиталистов и камнем веры для рабочих. [...]

Облегчить участь бедного и самого многочисленного класса рабочих, обеспечить их труд и развить их умственные способности — вот задача Социализма. Всему своя пора! Довольно уже рабочий народ потрудились для тунеядцев; пора ему подумать и о себе. [...]

Отрицание существующего порядка грабежа и насилия — вот значение и назначение Отщепенства. [...]

Да минует всякого молодого, неиспорченного человека грязная чаша практической жизни! Пусть он знает, что эта жизнь неизбежно развратит его мысль и совесть и неизбежно омерзавит все его поступки. Пусть он знает, что в этой жизни нет жизни, потому что практические люди — мертвецы, которые хоронят друг друга.

Живой о живом и думай! А нет ничего живее Отщепенства, в котором во веки веков искали и находили спасение все честные и разумные люди, начиная с первых христиан и кончая последними социалистами.

Не понять тебе, практическому тунеядцу и лихоимцу, бессмертной идеи отщепенства, которая наводит на тебя невольный ужас. И страшно становится тебе за мерзкую практику, когда ты видишь, что есть живые люди, есть Отщепенцы, которые отрицают ее смысл и с отвращением от нее удаляются.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Впервые в РС, 1865, № 4, 5 и затем в сокращенном и переделанном виде, под названием «Нищета Европы», в кн.: Соколов Н. В. Экономические вопросы и журнальное дело. СПб., 1866. Переделка эта существенно не повлияла на идейное содержание статьи, а лишь изменила ее тематическую направленность (выраженную в новом заглавии). В связи с тем что первоначальная редакция статьи была напе-

чатана в *РС*, имеющем большее распространение среди читателей, чем сборник статей Соколова, отрывки из статьи в настоящем издании печатаются по *РС*, 1865, № 4, отдел 1, с. 63, 64—65, 66—68, 69, 70; № 5, отдел 1, с. 193—194, 195—198, 199, 206—208.

² «Хлеба и зрелищ» — требование плебса во времена Римской империи. Впервые упоминается у Ювенала («Сатиры»).

³ Требование рабочих во времена французской революции 1848 г.

⁴ Сравнение пролетариев с варварами и гуннами заимствовано Соколовым у Карлеля (которого А. И. Герцен называл «шотландским Прудоном»), соответствующую цитату из которого Соколов приводит как в «Экономических иллюзиях», так и в «Нищете Европы».

⁵ Непотизм (от лат. *nepotis* — внук, племянник) — в нарицательном смысле означает кумовство, семейственность и ведет свое начало от раздачи римскими папами доходов должностей, званий, земель и т. п. своим родственникам, получившей особенно широкое распространение в XV—XVI вв. В книге «Экономические вопросы и журнальное дело» вместо слов «в варварский экономический непотизм» напечатано «в варварство и коммунизм» (с. 26 названной книги), что отражает общую негативную тенденцию многих социалистов того времени (особенно мелкобуржуазных, каковым был Прудон, кумир Соколова) в отношении к утопическому коммунизму, понимаемому ими как грубое уравниительство.

⁶ Этими словами заканчивается статья «Нищета Европы» в книге Соколова «Экономические вопросы и журнальное дело» (СПб., 1866, с. 26).

⁷ Здесь и далее Соколов развивает прудоновскую трактовку «догмы Смита» (определявшего стоимость доходами) в том смысле, что стоимость равна заработной плате, подкрепляя ее (в опущенных местах статьи), однако, не ссылками на самого Прудона (имя которого в статье не упоминается), а на А. Смита, Дж. С. Милля, Ж. Б. Сея и других буржуазных экономистов, против которых и направлена его статья.

⁸ Впервые «Отщепенцы» были изданы в СПб. в 1866 г., но не имели широкого распространения, так как тираж был арестован и уничтожен. Второе издание было выпущено в Цюрихе в 1872 г. русской революционной организацией чайковцев, и с тех пор книга стала весьма популярной у революционной молодежи. В 1872 и 1873 гг. в России было выпущено еще два литографированных издания (с рукописного текста), одно под французским («*Les Réfractaires*»), другое под русским названием. Наконец, в 1899 г. в Женеве вышло еще одно издание (идентичное по набору с изданием 1872 г.). На всех изданиях стоит один автор — Н. В. Соколов, но есть свидетельство бакуниста М. П. Сажина, что писали книгу вместе Соколов и В. А. Зайцев, свидетельство, опирающееся на неоднократные заявления об этом Сажину самих Зайцева и Соколова (см.: Козьмин Б. Литература и история. Изд. 2-е. М., 1982, с. 377—378), причем первую часть книги (приблизительно) писал Зайцев, вторую — Соколов. В настоящем издании печатаются отрывки из тех частей книги, которые, по-видимому, написаны Соколовым. Отрывки печатаются по цюрихскому изданию 1872 г.: с. 2, 5—6, 8, 10, 12, 169, 178, 182, 184—185, 190—191, 192, 193, 208, 210, 213, 214, 222—223, 229, 233—234.

⁹ В книге, вероятно, ошибочно: «степени».

¹⁰ Помещенный выше отрывок из введения книги Соколова и Зайцева заимствован из начала книги «Отщепенцы» («*Les Réfractaires*») Жюль Валлеса, вышедшей в Париже в начале 1866 г. (ср.: Жюль Валлес. Голод в Бюзансе. Отщепенцы. М.—Л., 1936, с. 115—118), перевод которой первоначально думали осуществить Соколов и Зайцев. Однако, как писал Соколов в «Автобиографии», «Валлес оказался плох, из него годились только четыре первые страницы, а остальные сам придумал» (Цит. по: Козьмин Б. Литература и история, с. 375).

¹¹ Фиваида — одна из областей древнего Египта (центр — Фивы), на востоке которой, в пустыне, поселялись первые христианские отшельники.

¹² См. наст. изд., с. 90, прим. 7.

¹³ То есть введения христианства в Древнем Риме.

¹⁴ Свод законов древнеримского права, созданный, согласно преданию, в 451—450 гг. до н. э. на основании записи обычного права римской общины специально избранными коллегиями десяти (децемвиры), поэтому называется также уложением децемвиры или римским уложением. Были записаны на 12 досках и выставлены на городской площади.

¹⁵ Легисты (законники) — средневековые юристы в Западной Европе, составившие на основе римского права и обычаев законы, закреплявшие централизованную королевскую власть и имущественные отношения феодального общества.

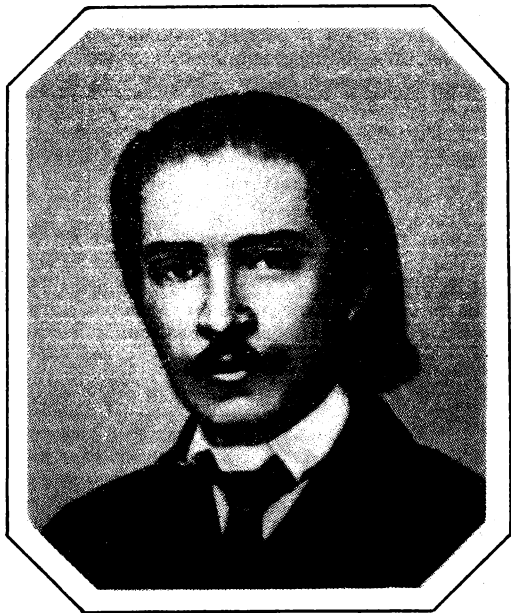
¹⁶ От греч. *plutos* — богатство и *cratos* — власть.

¹⁷ См. наст. изд., с. 284, прим. 17.

¹⁸ Фурии (лат.) — римские богини мести (греч. Эринии).

¹⁹ «Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти» (Париж, 1840).

²⁰ Слова, произнесенные Прудонем в речи во французском Национальном собрании 31 июля 1848 г. Разбору этой речи Прудона К. Маркс и Ф. Энгельс посвятили специальную статью «Речь Прудона против Тьера» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 5, с. 321—324. Упомянутые слова Прудона на с. 324). За год до выхода «Отщепенцев» К. Маркс в письме И. Б. Швейцеру («О Прудоне») 24 января 1865 г. писал об этой речи Прудона: «Его выступление в Национальном собрании, хотя оно и обнаружило, как мало понимал он все происходящее, заслуживает всяческой похвалы. После июньского восстания это было актом высокого мужества» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 16, с. 29). Ошибка Соколова в годе (1849 г. вместо 1848 г.) объясняется, вероятно, тем, что речь Прудона была издана в 1849 г. в Париже в т. II «Протоколов заседаний Национального собрания».

Петр Никитич **ТКАЧЕВ**

Философы, теоретики и практические деятели должны бы быть по-настоящему связаны друг с другом тесными, неразрывными узами. Пока будет продолжаться их антагонизм, человечество не может подвигаться вперед.

П. Н. ТКАЧЕВ

Ближайшая цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства. Но захват власти, являясь необходимым условием революции, не есть еще революция. Это только ее прелюдия. Революция осуществляется революционным государством.

П. Н. ТКАЧЕВ

Ткачев родился 29 июня (11 июля) 1844 г. в селе Сивцово Великолудского уезда Псковской губернии. Он выходец из мелкопоместных дворян. Воспитывался во 2-й Петербургской гимназии, из 5-го класса которой поступил в 1861 г. на юридический факультет Петербургского университета. Однако учиться ему не пришлось: начались студенческие волнения, университет был закрыт, а Ткачев в числе активных участников волнений был заключен в октябре сначала в Петропавловскую, а затем в Кронштадтскую крепость, из которой был выпущен в декабре и по повелению царя оставлен в столице на поруках матери. Не имея возможности продолжать учебу в университете, он все же спустя семь лет сдал экстерном экзаме-

ны за полный его курс, представил диссертацию и получил степень кандидата права.

Еще в гимназические годы Ткачев знакомится с социалистической литературой и прежде всего с изданиями Герцена и Огарева, со статьями Чернышевского и Добролюбова. Уже в юношеских стихах 1860—62 гг., некоторые из которых («14 декабря 1861 г. Памяти М. Л. Михайлова» и др.) ходили в списках, он проповедует идею крестьянской революции. Рано вступив на революционный путь, Ткачев принимал активное участие в деятельности подполья 60-х годов, вследствие чего неоднократно подвергался обыскам, арестам, допросам, постоянно находился под надзором полиции, почти ежегодно отбывал тюремное заключение. В 1862 г. была обнаружена его причастность к кружку Л. Ольшевского, готовившемуся выпустить несколько прокламаций с призывом к свержению царизма, в 1865—66 гг. он был близок к организации Н. А. Ишутина — И. А. Худякова, в 1867—68 гг. — к «Рублевому обществу», имевшему целью пропаганду в народе под видом странствующих учителей, в 1868 г. — к коммуне «Сморгонь» — предшественнице организации С. Г. Нечаева, в 1868—69 гг. он входил вместе с Нечаевым в руководящий комитет студенческого движения в Петербурге.

Литературная деятельность Ткачева началась в июне 1862 г. Уже первые его статьи (в журналах «Время» и «Эпоха» братьев Ф. М. и М. М. Достоевских, в «Библиотеке для чтения» П. Д. Боборыкина), посвященные критике предполагающейся судебной реформы правительства, носили оппозиционный, революционно-демократический характер. В 1862—64 гг. в ряде статей Ткачев выдвигает идею изменения социальных отношений в России на социалистических началах с помощью устройства сети земельно-промышленных воспитательных ассоциаций (особенно на незаселенных землях). Приблизительно к этому времени относится его знакомство и с некоторыми работами К. Маркса. В декабре 1865 г. в «Русском слове» впервые в русской легальной печати Ткачев (в рецензии на книги Ю. Г. Жуковского) излагает основной тезис материалистического понимания истории К. Маркса из предисловия к его «К критике политической экономии», пропагандируя его и в дальнейшем в своей упрощенной трактовке. В 1868 г. в приложении к книге Бехера печатает перевод устава I Интернационала вместе с уставом народного банка Прудона. К концу 60-х годов взгляды Ткачева складываются в концепцию политико-социальной революции в России, нашедшей выражение в «Программе революционных действий», вышедшей из кружка Нечаева и Ткачева. Вообще многое из написанного Ткачевым (он был постоянным сотрудником демократических журналов «Русское слово» и «Дело») или запрещалось, или не могло увидеть света по цензурным условиям, или отбиралось при арестах, поэтому когда в марте 1869 г. во время студенческих волнений Ткачев был снова арестован, следствие велось сразу по трем литературным обвинениям: за написание и издание воззвания «К обществу!», содержащее требования студентов, за издание

сборника «Луч» (выпущенного взамен запрещенного «Русского слова») и за издание книги Э. Бехера «Рабочий вопрос». На этот раз он провел в заключении почти четыре года, а в начале 1873 г. был отправлен в ссылку на родину, в Великие Луки, откуда в конце 1873 г. с помощью революционера М. В. Куприянова бежал за границу и начал сотрудничать в журнале П. Л. Лаврова «Вперед!».

Первые шаги Ткачева за границей были отмечены его резкой полемикой с Лавровым и Ф. Энгельсом («Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к редактору журнала «Вперед!» и «Открытое письмо Фридриху Энгельсу», изданные в виде брошюр в Лондоне и в Цюрихе в 1874 г.), которая сразу же поставила его в изолированное положение в эмиграции. Выйдя из «Вперед!», Ткачев нашел сторонников среди небольшого кружка русско-польских эмигрантов под названием «Cercle Slave» («Славянский кружок»), с помощью которых в конце 1875 г. начал издавать в Женеве журнал «Набат», ставший органом кобинского направления в революционном народничестве. На страницах «Набата» Ткачев вел полемику с М. А. Бакуниным и П. Л. Лавровым. Идеи Ткачева, вначале не имевшие влияния и даже вызывавшие раздражение, к концу 70-х годов стали находить сторонников, по мере того как совершался в среде русских революционеров поворот к политико-социальным требованиям и методам революционной борьбы. Ткачеву и его приверженцам в 1877 г. удалось создать с помощью французских коммунаров-бланкистов (Э. Вайян, Е. Гранже, Ф. Курне и др.) строго законспирированное «Общество народного освобождения», опиравшееся на некоторые кружки в России (в частности, Заичневского в Орле, И. М. Ковальского в Одессе). Однако предубеждение против Ткачева оставалось настолько сильным, что «Народная воля», деятельность которой, по словам В. И. Ленина, была подготовлена теоретической проповедью Ткачева (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 6, с. 173), отвергла предполагавшийся союз с «Набатом» и последний, после кратковременного выпуска в 1881 г. в виде газеты, перестал выходить. Ткачев умер 23 декабря 1885 г. (4 января 1886 г.) в Париже.

СОЧИНЕНИЯ

Ткачев П. Н. Избранные литературно-критические статьи. М.—Л., 1928.

Ткачев П. Н. Избранные сочинения. М., 1932—1937, т. 1—6.

Ткачев П. Н. Сочинения в двух томах. М., 1975—1976, т. 1—2 (т. 2 библиогр.).

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба.— Наши разногласия.— В кн.: *Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.* М., 1956, т. 1.

Козьмин Б. П. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922.

Шахматов Б. М. П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. М., 1981.

ТЕКСТЫ

[РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ Ю. Г. ЖУКОВСКОГО «ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТЕОРИИ XVI ВЕКА» И «ПРУДОН И ЛУИ БЛАН»]¹

[...] Единственно возможный метод изучения явлений социального быта — это метод критический, причем само собой разумеется, что эта критика должна быть толковой и всесторонней, не должна ограничиваться одной поверхностью дела, а должна стараться, разлагая явления аналитически, доискиваться основных причин, обуславливающих их возникновение и развитие. Такой разумный аналитико-критический метод не раз уже был применяем к изучению явлений социальной жизни и привел ко многим открытиям, вовсе не лестным для экономистов и юристов². Так, например, этот метод привел некоторых социологов и политико-экономов к тому выводу, что все явления — юридические и политические представляют не более как прямые юридические последствия явлений жизни экономической; эта жизнь юридическая и политическая есть, так сказать, только зеркало, в котором отражается экономический быт народа. Или, говоря словами г. Жуковского, «то, что мы называем началом политическим, есть экономическое начало в действии, то, что мы называем правом, есть экономическое начало, оформленное, введенное в обязательный для всех, положительный закон»³. Взгляд этот не нов, и в нашу литературу он перенесен, как и все, что только есть в ней хорошего, из литературы западноевропейской. Еще в 1859 г. известный немецкий изгнанник Карл Маркс формулировал это самым точным и определенным образом * (*Zur Kritik der Politischen Oekonomie*, ст. IV, V)⁴. Теперь этот взгляд сделался почти общим⁶ достоянием всех мыслящих порядочных людей, и едва ли умный человек найдет против него хоть какое-нибудь серьезное возражение. В самом деле, доказать а priori верность этого взгляда весьма нетруд-

* Вот его подлинные слова: «Вся совокупность отношений, касательно производства богатств (*Productionsverhältnisse*), образует экономическую структуру общества, основной базис, на котором возвышаются в виде подстроек политические и юридические отношения». Почти то же повторяется и в другом месте его книги (ст. IV): «Исследования мои,— говорит он,— привели меня к тому заключению, что правовые отношения, равно как и формы государственного быта, не могут быть понимаемы сами по себе, еще менее из так называемого развития человеческого духа, но что они коренятся скорее в материальных, жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру французских и английских мыслителей XVIII в., обозначал именем гражданского общества (*Bürgerliche Gesellschaft*), и что анатомию этого общества следует искать в политической экономии»⁵ (прим. П. Н. Ткачева).

но. Личный интерес, стремление к улучшению своего положения, к расширению средств существования, наслаждения и обладания над миром бесспорно составляют главный стимул как в деятельности индивидуума, так и целого общества. А так как улучшения благосостояния человека и расширение его средств прежде всего выражается в обеспечении его суммой вещей или материальных предметов, то отсюда естественно следует, что общее историческое стремление человека к улучшению своего положения прежде всего должно выражаться в интересе *экономическом*, который, таким образом, и составляет настоящую закваску, настоящее начало, своеобразно выражающееся в праве и политике. Великая практическая важность подобного мировоззрения заключается в том, что оно сосредоточивает энергию и деятельность людей, искренно преданных общественному делу, около самых насущных, животрепещущих интересов народа и, таким образом, заранее обеспечивает им сочувствие и поддержку с той стороны, с которой она всего нужнее. Указывая на истинную причину, на истинный корень зла, оно предохраняет их от дорогой, но всегда бесплодной борьбы с неизбежными последствиями этой причины и, доказывая в то же время, что эта причина далеко не так фатальна и неизбежна, как думают многие, и что для устранения ее достаточно доброй решимости и ясного понимания дела,— оно ободряет и возбуждает к прямой практической деятельности. Но, несмотря на теоретическую верность и практическую полезность этого взгляда, было сделано еще очень мало серьезных попыток приложить его к изучению исторических явлений, относящихся к политической, юридической, религиозной и интеллектуальной сферам общественной жизни. Одной из таких попыток является сочинение г. Ю. Жуковского: «Политические и общественные теории XVI века» [...]⁷.

Автор [...] представляет нам довольно подробную характеристику учения Макиавелли и описание утопии Томаса Мора, которых он считает истинными реалистами XVI в., усмотревшими будто бы и фальшивость и шарлатанство всех юридических толков, и зависимость их от господствующей силы, отрицающими одинаково всякие юридические толки, уничтожающими всякий безусловный дуализм и обличающими всеобщее лицемерие. Все это, может быть, и справедливо относительно Макиавелли [...]. Но совсем другое дело Томас Мор. Во взгляде на этого писателя я совершенно не согласен с г. Жуковским; Мор решительно нигде не высказывает на право реального взгляда Макиавелли, да он и не мог этого сделать. Ревностный и глубоко религиозный католик, пострадавший даже из-за своих религиозных убеждений⁸, он не мог стать выше тех схоластических понятий о праве, которые в его время были господствующими понятиями, и ему, как мистiku, *добро* представлялось в виде абсолютного закона, категорического требования нашей совести. Правда, Мор был умный человек, и потому он понимал, что главную причину несчастий и страданий современного общества следует искать в неправильных условиях данного эконо-

номического status quo. В этом смысле он был действительно реалист, но в этом смысле реалистом можно назвать и мистика Сен-Симона; однако этот реализм совсем не то, что реализм Макиавелли; реализм Макиавелли глубже и радикальнее, он раздвигает кругозор наших нравственных убеждений, он окончательно освобождает нас от тяжелых цепей схоластики, он сообщает нам здоровый, трезвый взгляд на такие явления, о которых в его время никто, а в наше только очень немногие имеют сколько-нибудь ясное понятие⁹. А между тем до тех пор, пока этот реальный взгляд не войдет в сознание большинства, пока он не сделается общим достоянием людей, искренно преданных общественному делу, до тех пор, как бы ни были прекрасны их идеалы, эти идеалы навсегда останутся превосходными, но все же совершенно бесплодными утопиями. До тех пор, пока представители народных интересов будут добровольно связывать и опутывать себя схоластическими представлениями о добре и справедливости, пока они не проникнутся мыслью, что право и справедливость только на той стороне, где есть реальная возможность, т. е. совокупность всех средств — умственных, нравственных и материальных, для осуществления этого права, до тех пор все их благородные стремления не принесут никакой осязательной выгоды тем массам людей, интересы которых они думают защищать и оберегать. Но, впрочем, Мор едва ли и думал серьезно оберегать и защищать интересы массы. По крайней мере он не сделал ни малейшей попытки хоть чем-нибудь, хоть сколько-нибудь осуществить свои благородные утопии. [...]

[...] Пусть метафизики и моралисты толкуют нам об отвлеченной справедливости, пусть юристы утешают нас нескончаемым перечислением тех призрачных прав, которыми мы будто бы пользуемся! Реалист¹⁰ не поддается на эту удочку. Он знает, что отвлеченная идея справедливости сама по себе еще ничего не значит и что все ее значение, весь ее смысл зависит от влагаемого в нее содержания. По понятиям схоластиков этим содержанием было возмездие (воздай каждому по делам его), по понятиям реалистов — польза. Далее реалист понимает, что всеобщая польза требует устранения анархии, господствующей в современном обществе, прекращения той вечной, ни на минуту не прерывающейся борьбы, которая делает из людей поочередно то рабов, то тиранов. А это возможно только при полном *равновесии сил*. В настоящее время все люди *равноправны*, но не все *равносильны*, т. е. не все одарены одинаковой возможностью приводить свои интересы в равновесие, — отсюда борьба и анархия. Устраните этот вредный дуализм между правом фиктивным и правом активным, осуществляемым, т. е. смотрите на право не как на какую-то идеальную потенцию, а как на реальную, действительную возможность удовлетворять своим потребностям, и тогда равноправность сделается синонимом равносилья. Возможность удовлетворять своим потребностям определяется *силой* человека. Под силой же здесь подразумевается, конечно, не одно только развитие его

мышечной системы, не одна только крепость его мускулов, а вообще такое развитие его организма и такие экономические условия для жизни этого организма, при которых организм имел бы *реальную возможность* (силу) удовлетворять своим потребностям.

Таким образом, реалисты, сводя вопрос о *праве* к вопросу о *реальной возможности*, ставят все дело на почву чисто экономической. Они ясно видят, что право только тогда и имеет для человека какое-нибудь значение, когда оно осуществимо. По закону, например, все имеют право кататься в роскошных каретах, упиваться каждый день шампанским, читать Куно Фишера и наслаждаться операми Серова. Но в действительности право это реально осуществимо только очень для немногих. Поставьте всех в одинаковые условия по отношению к развитию и материальному обеспечению и вы дадите всем *действительную, фактическую* равноправность, а не ту мнимую, фиктивную, которую изобрели схоластики-юристы с нарочитой целью морочить невежд и обманывать простаков. Фактическая же равноправность есть равновесие сил, а равновесие сил устранил и уничтожит анархию в современной жизни и водворит в современном обществе царство мира, порядка и всеобщего благоденствия.

Но если вопрос о праве сводится к вопросу о тех экономических условиях, которые определяют степень развития человеческого организма и его средства существования, то не ясно ли теперь, что роль юриста вполне отождествляется с ролью экономиста. Изучение прав человека и общества обращается в изучение их экономического быта, а исследование вопроса о равноправности индивидуумов и народов разрешается в вопрос о их материальном благосостоянии и о средстве к более равномерному распределению богатств. Усилия юриста и экономиста сливаются, таким образом, в одной деятельности: в изыскании средств к умножению материального богатства людей (т. е. их прав) и его равномерному распределению (т. е. равноправию). Такова должна быть цель истинного юриста и экономиста. Впрочем, извините, читатель, за не совсем удачный выбор последнего термина. [...] Но, видите ли, я остановился именно на этом термине за неимением всякого другого. А чтобы у вас, читатель, не могло возникнуть на этот счет никаких сомнений, то я попрошу вас обратиться к другой брошюре г. Жуковского, в которой он знакомит нас с характером деятельности двух лучших представителей экономической теории и практики нашего века, Прудона и Луи Блана. [...] И Прудон, и Луи Блан имели перед собой одну и ту же цель, только шли они к этой цели различными путями, и различие это вполне объясняется их взглядами на основную причину неправд современной экономической жизни. Луи Блан видел эту причину в *неправильной организации труда*, Прудон — в *неправильной организации обмена*. Отсюда первый признает за радикальное лекарство против экономического недуга *ассоциацию*, такую ассоциацию, которая обеспечивала бы за каждым рабочим равное право на труд (реальное, а не фиктивное

право) и сделала бы рабочих собственниками производства. Для осуществления этой цели он указывает три пути: 1) прямое правительственное вмешательство, т. е. устройство ассоциации помимо спроса, воли и самостоятельности рабочих; 2) посредственное правительственное вмешательство, т. е. помощь правительства к выкупу рабочими существующих заведений и основанию новых; и, наконец, 3) личная самостоятельность рабочих. Третий путь, разумеется, самый далекий и тернистый, два других более прямые и гладкие, и за это-то против них более всего и восстают экономисты. Для пущей убедительности они прикидываются в этом случае даже крайними либералами и, вооружившись историческими фактами, стараются доказать полную несостоятельность правительственного вмешательства в экономические отношения народа. Факты, приводимые ими, доподлинно верны, но они доказывают совсем не то, что хотят доказать экономисты. Они доказывают только, что правительственная власть, руководимая людьми партии, для которых было выгодно *невмешательство*, никогда серьезно не вмешивалась в экономическую жизнь народа, а если и вмешивалась, то исключительно в интересах той партии, которой эта власть служила. И партия, разумеется, всегда оставалась в выигрыше. В тех же случаях, когда от этих людей требовали вмешательства в интересы всего народа, они надевали на себя маску и действительно вмешивались, но вмешивались таким образом, что лучше было бы, если бы они совсем не вмешивались. Самым убедительным примером в этом отношении служит 1848 год¹¹. Временное правительство, состоявшее из людей партии, всей душой и всеми помышлениями преданное интересам буржуазии и капиталу,— но тем не менее обязанное действовать, по своему положению, в интересах рабочих и труда,— выдумало свои национальные мастерские, которые должны были представлять собой якобы практическое осуществление реформаторских планов Луи Блана. В сущности же это был, как известно, только ловкий фокус. И так как фокусники были великие шарлатаны, то фокус удался наилучшим образом. Как дважды два четыре, было доказано, что правительственное вмешательство в интересы рабочих и труда вредно и бесполезно, что система Луи Блана никуда не годится и что сам Луи Блан просто-напросто мошенник, опасный политический агитатор или же фантазерствующий глупец. И этот приговор скрепили своей подписью почти все французские экономисты, даже и Прудон вполне разделял взгляды буржуазных экономистов относительно вмешательства правительства в экономическую жизнь народа. Впрочем, и не на одном только этом пункте он сходил с ними; скажу более, он признавал все основные начала их лицемерной, продажной науки; подобно им он смотрел на *обмен* как на краеугольный камень человеческого общежития, как на верховный принцип политической экономии. Вся разница только в том, что экономисты вполне одобряют обмен в том виде, как он практикуется при современных экономических условиях; Прудон, напротив, находил его

несостоятельным и нерациональным. По его мнению, обмен должен быть устроен таким образом, чтобы меновая ценность вещи равнялась ее стоимости в производстве, и это может быть достигнуто, как он думает, при посредстве кредита, который дает работнику в руки все средства и орудия труда. [...]

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ К КНИГЕ БЕХЕРА «РАБОЧИЙ ВОПРОС»¹²

[...] Прежде идеалы представителей отрицательного направления¹³ носили слишком отвлеченный характер; смотря на них, мыслящие люди восхищались, очаровывались, но тем не менее они считали их какой-то утопией (да и сами творцы этих идеалов называли их таким именем), для осуществления которой ни в настоящем, ни в близком будущем не представлялось ни малейших данных; они любовались картиной, но недоумевали, как и почему она появилась на полотне и возможен ли в действительности изображаемый ею сюжет. [...] Теперь разве какой-нибудь невежда решится назвать утопистами современных представителей отрицательного направления, хотя их идеалы в сущности те же [...]. Сущность та же, но форма изменилась и упростилась. Формы общежития вообще сведены к формам экономической жизни; доказано, что последние обуславливают собой первые, что каковы экономические отношения, таковы будут и отношения социальные, политические, нравственные и всякие другие; доказано, что экономические отношения в свою очередь обуславливаются отношениями труда к производству. Таким образом, социальный вопрос со всей его запутанной сложностью свелся к вопросу об отношениях труда к производству, т. е. к рабочему вопросу. Такое сведение, очевидно, должно было значительно упростить задачу и поставить ее на чисто реальную, практическую почву.

Анализ существующих отношений труда к производству показал, что они не соответствуют истинным требованиям разумного общежития; поработав труд настоящего поколения труду прошедшего (капиталу), они создают вредные привилегии для наименее трудящихся классов общества и делают крайне бедственным и необеспеченным существование классов наиболее трудящихся. Следовательно, они не только невыгодны для большинства (так как трудящиеся классы составляют большинство), они противны основам всякого разумного общежития, потому что они противны интересам труда. Их дальнейшее развитие не только прогрессивно ухудшает положение большинства, оно делает невозможным само существование социальной жизни, — оно порождает рабство и анархию. Нерациональность же и вредность этих отношений зависит от того, что реальные, фактические отношения труда к производству постоянно искажаются и уродуются под влиянием преданий и привилегий, унаследованных от давно прошедших времен.

Труд есть, всегда был и будет *единственным* источником всякого производства; следовательно, он должен иметь на него и все права; но на самом деле между ним и производством стоит посредник, который с помощью разных привилегий, основанных на пустых фикциях, не принимая сам ни малейшего личного участия в производстве, присваивает его всецело себе, уделяя труду лишь то, что найдет для себя выгодным. Отсюда вытекает целый ряд последствий, в высшей степени губительных для интересов труда, — последствий, которые очерчены современной критикой с рельефностью, не заставляющей желать ничего лучшего. [...]

[...] Достаточно сказать, что отрицательное направление вполне доказало и установило ту истину, что разумное общежитие возможно только при том условии, если производство будет признано собственностью труда, если два отдельных до сих пор фактора производства (из которых один есть фактор действительный, а другой — мнимый, фиктивный) сольются в один, если личность работника совпадет с личностью предпринимателя.

Вот истина, к которой привел анализ существующих на Западе экономических отношений и с которой согласны все бесчисленные фракции и оттенки отрицательного направления. Слияние же личности работника с личностью предпринимателя при преобладании машинного производства и при тех технических усовершенствованиях, которые вызваны прогрессом естественных наук, возможно только при том условии, когда производители будут действовать *сообща*, т. е. когда они будут вести производство не на началах личных, а на началах ассоциационных, когда они сгруппируются в *производительную ассоциацию*. Таким образом, весь социальный вопрос свелся в конце концов к производительной ассоциации, — в этом опять-таки согласны между собой все представители отрицательного направления. В сущности говоря, и идеалы прошедшего были не что иное, как разумно устроенная производительная ассоциация, но недостаток критики мешал творцам этих идеалов уяснить себе ее чисто практический характер. Это могло уясниться только тогда, когда она была поставлена на экономическую почву, т. е. когда на первый план выдвинута была ее практическая, экономическая сторона. Выдвигая на первый план эту сторону, представители отрицательного направления все более и более сближали отвлеченную утопию с практической действительностью. Заслуга их в этом отношении неоцененна; они привлекали на свою сторону самых практических и солидных людей и собрали под свои знамена всех рабочих, а через это приобрели громадную фактическую силу, которой никогда не могли достигнуть отрицатели-догматики. [...]

[...] Мы думаем, что раз устроенная на *разумных началах* [...] производительная ассоциация не только переформирует самым существенным образом господствующую на Западе систему экономических отношений, но отразится — и отразится весьма ощутительно — на всем строе его общественной и семейной жизни, на его

воспитании, на его нравственных воззрениях и т. п. Потому представлять рабочим производительную ассоциацию как цель, к достижению которой они должны направить все свои стремления, постоянно твердить им, что в ней все их спасение, это столько же разумно и справедливо, сколько и полезно. [...]

[...] Вопрос о производительных ассоциациях вертится в заколдованном кругу, и никакие полюбовные соглашения не выведут его из этого круга. Чтобы образовать ассоциацию, рабочим нужны материальные средства; материальных средств у них нет; материальные средства находятся в руках людей, интересы которых требуют, чтобы все оставалось по-прежнему и никакие бы ассоциации не заводились. Кроме того, в руках этих же людей находится и власть. [...] А так как в экономической сфере, при данной системе хозяйственных отношений, господствуют классы, интересам которых [...] диаметрально противоположны интересы рабочих, классы, которые видят и должны видеть в производительной ассоциации самое верное и надежное средство для собственной гибели, то, следовательно, рабочие не могут и не имеют ни малейшего повода воображать, будто современное государство Запада окажет им какую бы то ни было помощь или издаст распоряжение, противное интересам капитала. Только при одном условии государство может и будет действовать в пользу рабочих, и именно когда рабочие сделаются господствующим сословием в политической сфере, когда западноевропейское государство из государства буржуазии превратится в государство рабочих. [...] Могут ли же рабочие приобрести политическую силу, не имея силы экономической? С другой стороны: могут ли они приобрести силу экономическую, не имея силы политической?

Что касается до второго вопроса, то на него можно отвечать, не колеблясь, отрицательно; сам Бехер это вполне сознает, требуя государственной помощи для образования и поддержания производительных ассоциаций. Но первый вопрос требует некоторых разъяснений. Действительно, *по естественному порядку* в политической сфере всегда господствуют только те классы, которые господствуют в сфере экономической; действительно, фактическое пользование политическими *правами* возможно только при экономической самостоятельности. Но, ведь естественный порядок может быть временно нарушен, но, ведь политическая сила не всегда есть политическое право. Конечно, нарушение естественного порядка возможно только на короткое время, но, как бы ни было коротко это время, его все-таки будет достаточно для того, чтобы осуществить экономическую реформу, которая (как это совершенно ясно вытекает из рассуждений Бехера) сводится к простому правительственному декрету. Таким образом, узел распутывается сам собой и заколдованный круг размыкается. Отрицатели, подобные Бехеру, никак не могут понять, что говорить о *естественном переходе* старого порядка в новый нелепо, — нелепо потому, что по их же собственному признанию принципы первого диаметрально-

но противоположны принципам второго; между тем и другим лежит пропасть, и как они их ни сближают, а пропасть все-таки остается, и ее все-таки трудно перескочить. И не нужно этого скрывать; напротив, необходимо, чтобы все ее видели, чтобы все знали, что переход из одной области в другую требует некоторого скачка, и готовились бы к этому скачку. Хотя, с другой стороны, не следует преувеличивать размеров этой пропасти, не нужно смотреть на этот скачок, как на какое-то *salto mortale* *. [...]

[...] Мы далеки от мысли писать апологию социализму и коммунизму; мы знаем, что при настоящих условиях подобное намерение всякий счел бы за чистейшее безумие, и таким бы оно действительно и было ¹⁴. Нет, мы хотим только показать,— в интересах истины, разумеется,— что аргумент, приводимый обыкновенно против этих учений, слаб и неудовлетворителен и что для побиения их нужно искать орудие более целесообразное и более острое. Главный аргумент состоит в том, что учения эти утопичны и химеричны. Утопией называется обыкновенно всякий неосуществимый, практически неприменимый идеал. Идеал неосуществим или вследствие своей внутренней несостоятельности, т. е. когда он заключает в себе какие-нибудь логические противоречия и нелепости, или вследствие внешних условий, т. е. когда он противоречит коренным свойствам человеческой природы. В первом — идеалы социальных школ упрекнуть никак нельзя: у них все логически выводится одно из другого, все приведено в соответствие, гармонию и симметрию. Им скорее можно сделать упрек (он им и делается), что они уже слишком систематичны, слишком абстрактны, что они дают уже готовые формы,— и эти формы выводят *a priori*, а не *a posteriori*. Но чем абстрактнее идеал, тем он логичнее, потому что, строя его, человек ничем другим не руководствуется, кроме законов чистой логики; в нем не может быть ни противоречий, ни иллогизмов; все здесь выводится из одной идеи, все стройно, все гармонично. С этой стороны они имеют значительное преимущество перед идеалами и проектами умеренных реформаторов, идеалами и проектами, смешивающими самым калейдоскопическим образом остатки рутины с теоретическими требованиями абстрактного мышления. Желая сделать их практическими, они удерживают в них существенные черты старого порядка и по старой канве вышивают новые узоры. Канва, разумеется, рвется, и вышивка никуда не годится. Кажущаяся практичность является, в сущности, самой отчаянной и неудобоприменимой утопией. Эти боязливые «друзья человечества» забывают, что из всех теорий самая непрактичная есть та, которая стремится к примирению старого с новым, потому что она хочет примирить непримиримое.

Что касается до второго условия неудобоприменимости идеала, противоречия его с основными законами человеческой природы, то делать в настоящее время какие-нибудь категорические выводы

* — прыжок через себя (лат.).— *Ред.*

на этот счет крайне опрометчиво и нелепо. Данных слишком мало для решения этого вопроса. Из тех практических опытов, которые делались и до сих пор делаются, нельзя вывести никакого решительного заключения. Исходная же теоретическая точка зрения социальных французских писателей (самой крайней Франции), состоящая в том, что воспитание может преобразовать вполне нравственную личность человека, нисколько не противоречит ни ежедневному опыту, ни науке. [...]

«НАБАТ»

(Программа журнала) ¹⁵

В НАБАТ!

Когда при зареве пожара раздается звон набата, каждый бросает свой дом и спешит на пожарище для того, чтобы спасти достояние и жизнь ближнего; отвлеченная идея солидарности человеческих интересов выступает здесь во всей ее реальной силе и простоте. Каждый чувствует, что, лишь спасая достояние другого, он может спасти свое собственное. Личная вражда, мелочные будничные дразги — все забывается ввиду общей опасности. Враги становятся рядом и действуют заодно. Все, что есть в человеке мелкого, дрянного, уходит на задний план, вперед выдвигаются его возвышеннейшие, благороднейшие побуждения. Потому-то только подлые трусы, только расслабленные эгоисты остаются глухими к звону набата.

Потому-то те минуты, когда он раздается, бывают обыкновенно лучшими минутами в народной жизни, несмотря на то что это — минуты величайших народных бедствий.

Мы переживаем теперь такие минуты.

Пришло время ударить в набат. Смотрите! Огонь «экономического прогресса» уже коснулся коренных основ нашей народной жизни. Под его влиянием уже разрушаются старые формы нашей общинной жизни, уничтожается самый «принцип общины», принцип, долженствующий лечь краеугольным камнем того будущего общественного строя, о котором все мы мечтаем.

На развалинах перегорающих форм нарождаются новые формы — формы буржуазной жизни, развивается кулачество, мироедство; воцаряется принцип индивидуализма, экономической анархии, бессердечного, алчного эгоизма.

Каждый день приносит нам новых врагов, создает новые враждебные нам общественные факторы.

Огонь подбирается и к нашим государственным формам. Теперь они мертвы, безжизненны. Экономический прогресс пробудит в них жизнь, вдохнет в них новый дух, даст им ту силу и крепость, которых пока еще в них нет.

Сегодня наше государство — фикция, предание, не имеющее в народной жизни никаких корней. Оно всем ненавистно, оно во

всех, даже в собственных слугах, вызывает чувство тупого озлобления и рабского страха, смешанного с лакейским презрением. Его боятся, потому что у него материальная сила; но, раз оно потеряет эту силу, ни одна рука не поднимется на его защиту.

Но завтра за него встанут все его сегодняшние враги,— завтра оно будет выражать собой их интересы, интересы кулачества и мироедства, интересы личной собственности, интересы торговли и промышленности, интересы нарождающегося буржуазного мира.

Сегодня оно абсолютно нелепо и нелепо абсолютно.

Завтра оно станет конституционно-умеренным, расчетливо-благоразумным. Поторопитесь же!

В Набат! В Набат!

Сегодня мы сила.

Вы видите, государство, отчаиваясь совладать с нами, зовет к себе на помощь буржуазное общество, интеллигенцию.

Но, увы! Его союзники отказываются ему служить, по крайней мере даром, устами своих публицистов они говорят ему: «Мы сами ненавидим тебя; если ты хочешь, чтобы мы тебе служили,— поделись с нами всеми твоими правами; в противном случае — мы лучше пойдем за революционерами-утопистами. Они утописты, мы их не боимся. Только бы с тобою нам совладать, а с ними-то мы справимся!»

И они посылают в ряды наши своих детей, а их интеллигенция, за очень немногими исключениями, принадлежать к которым считается «позором и подлостью»,— их интеллигенция решительно держит нашу сторону.

Народ, изнывающий под гнетом деспотического, грубого, варварского произвола, униженный, ограбленный, разоренный, лишенный решительно всех человеческих прав, слушает нас, сочувствует нам, и, если бы не его рабские привычки, исторически выработавшиеся под влиянием условий окружающей его жизни, если бы не его панический страх перед «властью предрежащею», он открыто восстал бы против своих эксплуататоров и грабителей.

Сегодня наши враги слабы, разъединены. Против нас одно правительство со своими чиновниками и солдатами. Но эти чиновники и солдаты — не более как бездушные автоматы, бессмысленные, слепые и часто бессознательные орудия в руках небольшой кучки автократов. Уничтожьте их, и вместо дисциплинированной и хорошо организованной армии живых врагов вы очутитесь лицом к лицу с нестройной толпой обезглавленных трупов. Следовательно, сегодня единственно сильным и опасным врагом является для нас только эта ничтожная кучка автократов.

Но к ней относится враждебно и все наше общество; как ни разнообразны составляющие его элементы, оно давно уже тяготится настоящим порядком вещей; неуверенность в личной безопасности, капризный и совершенно бессмысленный произвол выводят из терпения самых терпеливых.

Куда бы вы ни обратились, вы везде слышите одни и те же

фразы: «Нет, так продолжаться долго не может! Нужно положить этому конец! Нет сил более терпеть!»

Это сегодня.

Но что будет завтра?..

Не надейтесь слишком на глупость наших врагов.

Пользуйтесь минутами. Такие минуты не часты в истории. Пропустить их — значит добровольно отсрочить возможность социальной революции надолго, — быть может, навсегда.

Не медлите же!

В Набат! В Набат!

Довольно вам толковать все о «подготовлении» да «подготовлении».

Подготавливать революцию — это совсем не дело революционера¹⁶. Ее готовят эксплуататоры — капиталисты, помещики, попы, полиция, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. п.

Революционер же должен только пользоваться и известным образом комбинировать те уже готовые, данные революционные элементы, которые выработала история, которые вырастила экономическая жизнь народа, которые крепнут и развиваются благодаря тупости «охранителей», бессмыслию правительств с их жандармами и войсками, — благодаря, наконец, трудолюбивым возделывателям вертограда «мирного» прогресса и их буржуазной науки.

Революционер не готовится, а «делает» революцию.

Делайте же ее! Делайте скорее! Всякая нерешительность, всякая проволочка — преступны!

В Набат! В Набат! [...]

В ЧЕМ ДОЛЖНА СОСТОЯТЬ БЛИЖАЙШАЯ, ПРАКТИЧЕСКИ ДОСТИЖИМАЯ ЦЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ

Мы признаем анархию (или, точнее выражаясь, то, что под этим словом обыкновенно подразумевается), но только как желательный «идеал» отдаленного будущего. Однако мы утверждаем, что слово *анархия* не выражает собою вполне идеала этого будущего: оно указывает только на одну его сторону, на одну, и совсем не существенную, черту будущего общественного строя.

Анархия — значит, *безвластие*. Но безвластие есть только одно из неизбежных, логических последствий причины более коренной, более глубокой — равенства.

Точно так же как и власть есть не причина, как утверждают анархисты, существующего социального зла, а лишь его необходимый результат.

Все общественные бедствия, вся социальная неправда обуславливаются и зависят исключительно от неравенства людей, неравенства физического, интеллектуального, экономического, политического и всякого другого.

Следовательно, пока существует неравенство хотя в какой-ни-

будь сфере человеческих отношений, до тех пор будет существовать власть. Анархия немислима, немислима логически (не говоря уже о ее практической невозможности) без предварительного установления абсолютного равенства между всеми членами общества. И потому-то самая существенная, самая характеристическая черта будущего общества и должна выражаться не словом *анархия*, а словом — *равенство*. Равенство предполагает анархию, анархия — свободу; но и *равенство*, и *анархия*, и *свобода*, все эти понятия совмещаются в одном понятии, в одном слове, в слове — *братство*. Где братство, там и равенство, где равенство — там и безвластие, там и свобода.

Откуда само собою следует, что никакая революция не может установить анархию, не установив сначала братства и равенства.

Но, чтобы установить братство и равенство, нужно, во-первых, изменить данные условия общественного быта, уничтожить все те учреждения, которые вносят в жизнь людей неравенство, вражду, зависть, соперничество, и положить основание учреждениям, вносящим в нее начала, противоположные первым; во-вторых, изменить самую природу человека, перевоспитать его. Осуществить эту великую задачу могут, конечно, только люди, понимающие ее и искренно стремящиеся к ее разрешению, т. е. люди, умственно и нравственно развитые, т. е. меньшинство. Это меньшинство в силу своего более высокого умственного и нравственного развития всегда имеет и должно иметь умственную и нравственную власть над большинством.

Следовательно, революционеры — люди этого меньшинства, революционеры, воплощающие в себе лучшие умственные и нравственные силы общества, необходимо обладают и, оставаясь революционерами, не могут не обладать *властью*.

До революции эта власть имеет чисто нравственный, так сказать, духовный характер, а потому она оказывается совершенно бессильной в борьбе с таким порядком вещей, в котором все основано на грубой материальной силе, все подчинено расчету алчного, своекорыстного, хищнического эгоизма. Революционеры это понимают и стремятся путем насильственного переворота обратить свою силу умственную и нравственную в силу материальную. В этой метаморфозе сил и заключается основная сущность всякой истинной революции. Без нее революция немислима. Умственная сила, изолированная от силы материальной, может создать лишь так называемый *мирный прогресс*. С другой стороны, всякое нападение на существующий порядок вещей, не руководимое и не дисциплинированное силой умственной, может породить лишь хаотическое брожение, — движение бессмысленное, бесцельное и в конце концов всегда реакционное.

Но так как в современных обществах вообще, и в России в особенности, материальная сила сосредоточена в государственной власти, то, следовательно, истинная революция, — действительная метаморфоза силы нравственной в силу материальную, —

может совершиться только при одном условии: при захвате революционерами государственной власти в свои руки; иными словами, ближайшая, непосредственная цель революции должна заключаться не в чем ином, как только в том, чтобы овладеть государственной властью и превратить данное, *консервативное* государство в государство *революционное*.

Отрицать непреложность этого условия, отрицать эту ближайшую цель всякой революции — значит или не понимать ее сущности, или сознательно стараться препятствовать ее практическому осуществлению.

И наша так называемая революционная заграничная пресса¹⁷ поступает вполне последовательно со своей антиреволюционной точки зрения, когда утверждает, что революционеры должны хлопотать не о том, чтобы сосредоточивать в своих руках государственную власть, т. е. материальную силу, а о том, чтобы разрушить эту власть, чтобы оставаться и после переворота такими же бессильными и безоружными, какими они были до революции, каковы они теперь.

Она не хочет истинной революции. Она мечтает или о мирном прогрессе, или о беспорядочном, хаотическом, а потому бесцельном брожении. В обоих случаях ее идеалы не выходят за пределы буржуазного мирозерцания и по существу своему безусловно консервативны. Ее проповедь *анархии* вполне ей соответствует.

В самом деле, что такое анархия без предварительного практического осуществления идей братства и равенства? Это — хищническая борьба человека с человеком, это — хаос противоречивых интересов, это — господство индивидуализма, царство алчного, своекорыстного эгоизма — одним словом, это — именно то, что дает содержание так называемому *мирному прогрессу*, то, что составляет сущность буржуазного общества.

Итак, ближайшая цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства. Но захват власти, являясь необходимым условием революции, не есть еще революция. Это только ее прелюдия. Революция осуществляется революционным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства, с другой — вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию.

Таким образом, деятельность революционного государства должна быть двоякая: революционно-разрушительная и революционно-строительная.

Сущность первой — борьба, а следовательно, *насилие*. Борьба может вестись с успехом только при соединении следующих условий: централизации, строгой дисциплины, быстроты, решительности и единства в действиях. Всякие уступки, всякие колебания, всякие компромиссы, многоначалие, децентрализация борющихся сил ослабляют их энергию, парализируют их деятельность, лишают борьбу всех шансов на победу.

Деятельность революционно-устроительная хотя и должна идти рука об руку с деятельностью разрушительной, но она по своему основному характеру должна опираться на принципы, совершенно ей противоположные. Если первая преимущественно опирается на силу материальную, то вторая — на силу нравственную; первая имеет прежде всего в виду быстроту и единство в действиях, вторая — прочность и удобоприменяемость вводимых в жизнь перемен. Первая осуществляется насилием, вторая — убеждением; *ultima ratio* * одной — победа, *ultima ratio* другой — народная воля, народный разум.

Обе эти функции революционного государства должны быть строго разграничены: отличаясь непреклонностью в борьбе с консервативными и реакционными элементами общества, его конституционная деятельность, напротив, должна отличаться эластичностью, умением приспособляться к данному уровню народных потребностей и народного развития. Чтобы не удалиться от этого уровня, не впасть в утопии, чтобы дать жизненную силу своим реформам, оно должно окружить себя органами народного представительства, *Народной Думы*, и санкционировать их волей свою реформаторскую деятельность. В то же время оно должно постоянно стремиться к расширению народного развития, к поднятию уровня его нравственных идеалов. И тут ему открывается широкое поприще для *пропаганды* — той пропаганды, о которой мечтают наши буржуазные псевдореволюционеры.

Мы признаем вместе с ними, что без пропаганды социальная революция не может осуществиться, не может войти в жизнь. Но мы утверждаем, в противоположность им, что пропаганда только тогда и будет действительна, целесообразна, только тогда и принесет ожидаемые от нее результаты, когда материальная сила, когда политическая власть будут находиться в руках революционной партии.

Следовательно, не она должна предшествовать насильственному перевороту, а наоборот, насильственный переворот должен ей предшествовать.

Упрочив свою власть, опираясь на *Народную Думу* и широко пользуясь пропагандой, революционное государство осуществит социальную революцию рядом реформ в области экономических, политических и юридических отношений общества, — реформ, общий характер которых должен состоять: 1) в постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного, *частного* владения, в общину-коммуну, основывающуюся на принципе *общего*, совместного пользования орудиями производства и общего, совместного труда; 2) в постепенной экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении, и в передаче их в общее пользование; 3) в постепенном введении таких общественных учреждений, которые устраняли бы необ-

* — неперменное условие (лат.). — Ред.

ходимость какого бы то ни было посредничества при обмене продуктов и изменили бы самый его принцип,— принцип буржуазной справедливости: око за око, зуб за зуб, услуга за услугу,— принципом братской любви и солидарности; 4) в постепенном устранении физического, умственного и нравственного неравенства между людьми при посредстве обязательной системы общественного, для всех одинакового, интегрального воспитания в духе любви, равенства и братства; 5) в постепенном уничтожении существующей семьи, основанной на принципе подчиненности женщины, рабства детей и эгоистического произвола мужчин; 6) в развитии общинного самоуправления и в постепенном ослаблении и упразднении центральных функций государственной власти.

Такова должна быть, по нашему мнению, в самых общих чертах программа деятельности революционного государства. Входить в подробности здесь не место. Но журнал наш ставит одной из своих задач дальнейшее развитие и уяснение этой программы. Мы полагаем, что такое развитие и уяснение в настоящее время существенно необходимы.

Насильственным переворотом не оканчивается дело революционеров, напротив,— им оно начинается. Захватив в свои руки власть, они должны суметь удержать ее и воспользоваться ею для осуществления своих идеалов; а для этого у них должна быть прежде всего ясная, точная, строго определенная, последовательно выдержанная программа. Не имея ее, они будут действовать ощупью, впадать в постоянные, неизбежные противоречия и своею непоследовательностью погубят себя.

НАРОД И РЕВОЛЮЦИЯ ¹⁸

[...] Каковы же общественные идеалы нашего народа? Каковы его отношения к окружающей его действительности?

Его общественный идеал — самоуправляющаяся община, подчинение лица миру, право частного пользования, но отнюдь не частного владения землей, круговая порука, братская солидарность всех членов общины — одним словом, идеал с ясно выраженным коммунистическим оттенком *. Конечно, от форм жизни, обуславливающих этот идеал, еще очень далеко до полного коммунизма; коммунизм кроется в них, так сказать, в зерне, в зародыше. Это зерно может разрастись, но может и заглохнуть,— все зависит от того, в каком направлении будет развиваться наша экономическая жизнь. Если она будет развиваться в том направлении, в каком она развивается теперь,— в направлении буржуазно-

* Правда, в некоторых местностях России общинного землевладения уже не существует, однако и там народный идеал не вполне еще утратил свой коммунистический характер, и там в народном сознании личное я, единичная воля ступшеваются и теряются перед представлением о мире, о громаде (*прим. П. Н. Ткачева*).

го прогресса,— то нет сомнения, что нашу общину (а следовательно, и наши народные идеалы) постигнет судьба западноевропейской общины: она погибнет, как погибла община в Англии, Германии, Италии, Испании и Франции. Но если революция поставит вовремя плотину быстро несущимся волнам буржуазного прогресса, если она остановит его течение и даст ему другое, совершенно противоположное направление, тогда, нет сомнения, при благоприятном уходе наша теперешняя община обратится мало-помалу в общину-коммуны.

В настоящее же время она стоит, так сказать, на перепутье двух дорог: одна ведет к царству коммунизма, другая — к царству индивидуализма; куда толкнет ее жизнь, туда она и пойдет. Если же жизнь не толкнет ее ни в ту, ни в другую сторону, она так навеки и останется на перепутье. В ней самой нет ничего такого, что бы могло двинуть ее вперед или назад; все ее элементы находятся в устойчивом равновесии. Вот почему она почти ни на волос не изменилась в течение нескольких веков, вот почему она, предоставленная самой себе, может просуществовать *in statu quo* еще тысячи, миллионы лет *.

Каковы формы общежития, таковы и идеалы, порождаемые ими. Если первые консервативны, если в них не содержится никакого внутреннего стимула к дальнейшему развитию, то точно таким же консервативным характером запечатлены будут и последние.

И, действительно, общественный идеал нашего народа не идет далее окаменелых форм его быта. Дальше своей веками освященной, обычной формы землевладения, вьевшегося в плоть и кровь патриархального чинопочитания, пассивного подчинения лица миру,— дальше своих традиционных семейных отношений и т. п. он ничего не видит, ничего не знает и знать ничего не хочет. Предоставьте ему устроить свою жизнь по его собственной воле, и вы увидите, что он не внесет в нее ничего нового,— он распространит формы своей жизни, свою общину, свой мир, свою семью на те сферы, из которых они теперь вытеснены влиянием буржуазного прогресса, но этим и ограничится его реформаторская деятельность, и перед нами явится тот же старый крестьянский мир с его закорузлыми, окаменевшими устоями, с его неподвижным консерватизмом.

Итак, положительные идеалы нашего крестьянства еще не революционны; они не могут быть идеалами революции. Самое

* Действительно, исследования Мэна, Маурера, Лавелэ и др. вполне доказали ту истину, что подобная община представляет одну из самых консервативных, самых устойчивых форм общежития. Она способна приурочиваться к всевозможным политическим переворотам. На острове Ява, на Алеутских островах, у индейцев Ориноко, у афганов, в некоторых кантонах Швейцарии она существует, например, безо всяких изменений с незапамятных времен. Очевидно, в ней самой не содержится никакого стимула к прогрессу, к развитию; этот стимул должен быть дан ей извне (прим. П. Н. Ткачева).

полное и беспрепятственное применение их к жизни очень мало пододвинет нас к конечной цели социальной революции — к торжеству коммунизма.

Для того чтобы приблизиться к этой цели, чтобы приготовить почву для коммунизма, мы должны внести новые элементы, новые факторы в исторически сложившийся строй народной общины — такие элементы, такие факторы, которые вывели бы ее из ее устойчивого равновесия, сдвинули бы ее с ее насиженного места, толкнули бы ее на дорогу коммунистического развития. Но представления об этих новых элементах, новых факторах мы тщетно стали бы искать в народном идеале; он еще их не знает; они еще ему чужды; они присущи лишь социалистическому миросозерцанию революционного меньшинства. Вот почему идеал этого меньшинства как более широкий и более революционный, чем народный идеал, и должен во время революции господствовать над последним. Народ не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать, развиваться в направлении коммунистического идеала; потому при построении этого нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли. Это роль и это значение принадлежат исключительно революционному меньшинству. [...]

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ОБЩИНА И ГОСУДАРСТВО» ДВЕ СТАТЬИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»¹⁹

[...] Чернышевский, в одной из лучших своих статей по вопросу об общине²⁰, в своей критике философских предубеждений против общинного землевладения, подверг его²¹ самому подробному анализу. Рядом поразительных примеров и для каждого очевидных азбучных истин он доказал всю нелепость, лживость и ненаучность *предубеждения*, предполагающего, будто и общественные учреждения должны у каждого народа необходимо проходить все логические моменты развития. [...]

Если община из той первобытно патриархальной стадии развития, на которой она стоит у нас в России, может быть прямо и непосредственно переведена на высшую ступень своего развития (на которой она теряет свой патриархальный характер и превращается в *общину-коммуну*), то, очевидно, то же самое можно сказать и относительно всех других общественных учреждений, а следовательно, относительно всего данного социального порядка вообще.

Против этого, конечно, никто не станет спорить. Весь вопрос только в том, когда и при каких условиях возможен этот *ускоренный* процесс общественного развития, этот скачок общества с низшей ступени общественности на высшую, минуя промежуточные ступени?

По мнению Чернышевского, ускоренный процесс общественного развития имеет место каждый раз в том случае, когда отсталый народ подвергнется влиянию передового народа. Так, например, он говорит: «новозеландцы, под влиянием англичан, прямо от той свободной торговли, которая существует у дикарей, переходят к принятию политико-экономических понятий о том, что свободная торговля — наилучшее средство к оживлению их промышленной деятельности, минуя протекционную систему, которая некогда казалась англичанам необходимою для поддержки промышленной деятельности»²². [...]

Но если отсталый народ может перейти, под влиянием передового народа, из низшей стадии общественного развития в высшую, минуя средние ступени, то, очевидно, тот же факт должен повториться и в том случае, когда *передовая* часть народа, т. е. его умственно и нравственно развитое *меньшинство*, подчинит своему влиянию его *остальную часть*, т. е. его невежественное и нравственно забитое *большинство*. Иными словами, если среди народа, стоящего на низшей ступени общественности, существует группа людей, усвоившая себе высшие, более разумные идеалы общественности, и если эта группа в силу каких-нибудь счастливых обстоятельств получила возможность влиять на остальное общество, то этому обществу не будет надобности переходить все те фазисы исторического развития, которые пережили народы, выработавшие идеалы, усвоенные его передовыми людьми; оно может непосредственно перейти к такому общественному состоянию, которое наиболее соответствует этим идеалам. И само собою понятно, что чем сильнее, чем действительнее будет влияние народного меньшинства на остальное большинство, тем скорее и тем легче общество будет в состоянии перескочить с низшей ступени своего развития на высшую. Влияние же это очевидно будет тем сильнее и тем действительнее, чем больше участия в делах общественного управления будет предоставлено передовым людям страны; оно достигнет высшей степени напряженности, если этим людям удастся захватить в свои руки все управление, т. е. сделаться *государственной властью*.

Таким образом, для осуществления непосредственного перехода общества вообще, или какого-нибудь общественного учреждения в частности (напр., общины), из низшей стадии общественного развития в высшую, необходимо *вмешательство государства*, руководимого и направляемого людьми, усвоившими себе идеалы, соответствующие этой высшей стадии.

Таков вывод, логически вытекающий из положений автора «Критики философских предубеждений против общинного владения». Чернышевский хорошо знал своих противников. Он едва ли не лучше их самих был знаком с несложным арсеналом их софистической аргументации. Сбитые со своей якобы научно-философской позиции, они обыкновенно ударялись в пошлый либерализм буржуазных доктринеров.

[...] Какие, в самом деле, свобододолюбивые и гуманные люди! «Мы хотим, говорят они, чтобы экономической деятельности отдельного лица была предоставлена совершенная свобода; безусловная свобода личности — есть верховный принцип общества; идеал же государственной деятельности есть нуль, и чем ближе оно может подойти к этому идеалу, тем лучше для общества» (Разве нынешние анархисты не говорят то же самое?)

Но Чернышевский, на беду своим противникам, не подкупился лавочным либерализмом их теории. [...] В статье «Экономическая деятельность и законодательство» он разбил их аргумент от либерализма столь же победоносно, как в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» — разбил их аргумент от философии. Он снял с них их либеральную маску, и под нею оказалась гнусная рожа жандарма; он обернул медаль с великолепными на ней словами «священное право личности», «неприкосновенность человеческой свободы» и т. п. и на ее обратной стороне открыл другие надписи: «эксплуатация слабого сильным», «безграничная конкуренция», «рабство рабочего», «хищничество хозяина» и т. д. Он доказал с свойственной ему ясностью и неопровержимой логичностью, что *анархия*, т. е. ликвидация государства, при настоящих условиях человеческой цивилизации, есть одна из самых нелепейших и неосуществимейших утопий; необходимость государства, по его мнению, вытекает из несоразмерности человеческих потребностей со средствами их удовлетворения [...], а потому оно может быть устранено лишь тогда, когда будет уничтожена последняя. Но последняя (т. е. несоразмерность средств с потребностями) уничтожится лишь тогда, когда общество перейдет в высшую фазу своего развития, когда человек окончательно подчинит себе внешнюю природу, «переделает все на земле сообразно со своими потребностями, отвратит или обуздает все невыгодные для себя проявления ее сил и воспользуется до чрезвычайной степени всеми теми силами, которые могут служить ему в пользу» [...], — когда, наконец, он переделает свою собственную природу, уничтожив все существующие в ней дисгармонии, ненормальности и противоречия. Все это, разумеется, может осуществиться лишь в очень отдаленном будущем. От нас, однако же, будет зависеть приблизить это будущее: для этого нужно только *ускорить* процесс общественного развития; ускориться же он может лишь тогда, когда передовое меньшинство получит возможность подчинить своему влиянию остальное большинство, т. е. когда оно захватит в свои руки государственную власть.

«Первое правило государственности, справедливо говорит Чернышевский, принимать в соображение факты». Одним же из самых несомненных фактов общественной жизни является тот факт, что государство в настоящее время обладает огромною силою. Пользуясь этою силою для осуществления наших идеалов, мы заранее обеспечиваем себе успех, — мы упрочиваем свое влияние на большинство. Игнорируя ее или пытаясь ее ослабить или разрушить,

мы ставим себя вне всякой возможности содействовать ускорению процесса общественного развития. [...]

РЕВОЛЮЦИЯ И ПРИНЦИП НАЦИОНАЛЬНОСТИ ²³

[...] С повсеместным торжеством принципов социальной революции всякие индивидуальные и в *особенности и прежде всего* всякие племенные и национальные различия между людьми должны неминуемо исчезнуть. Установление между людьми равенства и братства — такова, конечно, цель социальной революции, но при существовании индивидуального неравенства и племенных различий эта цель не может быть вполне осуществима. Принцип национальности несовместим с принципом социальной революции, и он должен быть принесен в жертву последнему. Это одно из самых элементарных требований социальной программы, и им определяется вполне ясно и точно отношение социалиста к существующим национальностям; не оскорбляя ничьего национального чувства, напротив, пользуясь им во всех тех случаях, где это может быть полезно для дела революции, он не должен, однако же, раздувать его какими бы то ни было *искусственными мерами*; с одной стороны, он должен содействовать всему, что благоприятствует устранению перегородок, разделяющих народы, всему, что сглаживает и ослабляет национальные особенности; с другой — он должен самым энергическим образом противодействовать всему, что усиливает и развивает эти особенности. И он не может поступать иначе, не отрекаясь от социализма и его основных требований. [...] Невозможно в одно и то же время быть *социалистом* и оставаться *националистом* [...].

[...] Социализм есть социалистическая формула социальных отношений, формула, выведенная из тщательного научного изучения и критического анализа явлений общественной жизни, и эта формула настолько же всеобща и обязательна, как и любая математическая теория. Как не может быть якутской, чувашской, малорусской, грузинской и т. п. геометрии, так не может быть и якутского, чувашского, малорусского, грузинского и т. п. социализма. Социальная истина, как и истина математическая, как и всякая вообще истина, может быть только *одна* — строго научная, вечная и непреложная; она не изменяется под влиянием каких бы то ни было географических, этнографических и племенных особенностей. На берегах Сены, как и на берегах Темзы, на берегах Невы, как и на берегах Куры и Днепра, — социализм повсюду одинаков, повсюду он предьявляет одни и те же требования, налагая одни и те же обязанности, устанавливает одни и те же общественные отношения... И где бы вы ни водрузили его знамя, в Петербурге, или в Киеве, или в Тифлисе, или Казани, в Москве или в Париже, на этом знамени всегда и везде будут написаны одни и те же слова; повсюду оно будет представлять один и тот же *идеал*, одну и ту же формулу общества. [...]

[...] Никто из русских революционеров никогда не воображал, что для осуществления социалистической формулы повсюду должны быть употребляемы одни и те же способы, что при применении социальных реформ в данной исторически сложившейся общественной среде не следует обращать никакого внимания на условия этой среды, на ее специальные особенности, на ее чувства, воззрения и традиции. Меры, вполне пригодные для практического осуществления социализма в тех, например, местностях России, где существует общинное владение, будут непригодны для тех местностей, где его не существует [...]. Невозможно при помощи одних и тех же приемов изменить общественные отношения народов, стоящих на различных степенях цивилизации, развивших в себе различные привычки, имеющих различные мировоззрения, обладающих различными экономическими, политическими, юридическими учреждениями. [...]

Однако проводить социализм при помощи *различных* средств, сообразных с требованиями местных условий, совсем еще не значит «национализировать» его. Напротив, социализм везде и повсюду сохраняет свой общенациональный характер, везде и повсюду остается одной и той же *общей формулой*, одинаково обязательной для всех «племен, наречий и состояний». Потому как бы ни были разнообразны способы практического осуществления этой общей формулы, но под ее влиянием неминуемо и неизбежно должны ослабиться и исчезнуть все племенные особенности, все национальности должны слиться в одну общечеловеческую семью. [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рецензия на книги Ю. Г. Жуковского (на обеих стоит дата — 1866 г.) была напечатана впервые в «Библиографическом листке» РС, 1865, № 12. Отрывки из нее печатаются по: Ткачев, т. 1, с. 99—101, 102—103, 105—109.

² Упоминание об экономистах и юристах здесь потому, что перед этим в том же «Библиографическом листке» Ткачев разбирал некоторые книги экономистов, а в предыдущем № 11 РС — юридические книги.

³ Цитата из книги Жуковского «Политические и общественные теории XVI века».

⁴ Маркс К. К критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6—7.

⁵ Цитаты из предисловия названной работы Маркса в переводе Ткачева.

⁶ В кн.: Ткачев, т. 1, с. 100 ошибочно напечатано: «общественным».

⁷ Может создаться впечатление, будто речь идет о попытке Жуковского применить основное положение материалистического понимания истории Маркса к изучению политических и общественных теорий XVI в. Однако это не так. Во-первых, знал ли Жуковский названную работу Маркса — не известно; во всяком случае, ни в указанных его работах, ни в статьях в С, где они раньше частями печатались, упоминания об этом нет. Во-вторых, сформулировав принцип экономического объяснения социальных явлений, Жуковский не смог его применить, о чем дальше в рецензии справедливо говорит Ткачев. Наконец, в-третьих, когда Жуковский свыше десяти лет спустя имел возможность высказаться о Марксе, то показал себя противником его экономической теории и метода (в статье «К. Маркс и его книга о капитале» — ВЕ, 1877, № 9), что встретило возражение в демократической печати (со стороны Н. К. Михайловского, Н. И. Зибера и др.).

⁸ Будучи ревностным католиком и, следовательно, сторонником верховной власти папы, Мор отказался от присяги королю как главе англиканской церкви, поэтому был казнен.

⁹ Как государственный, Ткачев, вероятно, имел в виду учение Н. Макиавелли о государстве, развитое им в сочинении «Государь» (1532). К. Маркс относил Макиавелли к числу политических мыслителей, которые «стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 111).

¹⁰ Ткачев дает здесь на страницах РС, органа реалистов, одну из формулировок понятия реализма, ранее его дававшихся в этом же журнале Д. И. Писаревым, В. А. Зайцевым и др.

¹¹ То есть революция 1848 г. во Франции.

¹² Книга Э. Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средство к его разрешению» в переводе Ткачева была издана в Петербурге в 1869 г., и нераспространенная часть ее тиража вскоре арестована, поскольку автор предисловия и примечаний (т. е. Ткачев), по отзыву цензуры, обнаружил «в отношении теории коммунистическое, а в отношении к приведению ее в действие революционное направление». За это Ткачев был приговорен к 8 месяцам тюрьмы, а его предисловие и примечания были вырезаны из арестованной части тиража книги. Настоящие извлечения сделаны по изданию: Ткачев, т. 1, с. 303—304, 305, 307, 308—310, 314—315. Все извлечения, кроме последнего отрывка (с. 314—315), сделаны из предисловия.

¹³ То есть социалистов.

¹⁴ Намек на цензуру.

¹⁵ Программа журнала «Набат» первоначально была опубликована в ноябре 1875 г. в Женеве в виде особого, пробного, выпуска этого журнала. Она состоит из четырех разделов: «В набат!», «Задачи нашего журнала», «В чем должна состоять ближайшая, практически достижимая цель революции» и «Организация революционных сил». В настоящем издании печатается лишь первый и третий разделы по кн.: Ткачев, т. 2, с. 89—92, 93—98.

¹⁶ Здесь и ниже Ткачев говорит об отличиях программы «Набат» от программы «Вперед!» И. Л. Лаврова.

¹⁷ Здесь Ткачев говорит о прессе анархистов, сторонников М. А. Бакунина.

¹⁸ Статья «Народ и революция» была опубликована в № 4 (март) «Набата» за 1876 г. Настоящий отрывок печатается по изданию: Ткачев, т. 2, с. 164—166.

¹⁹ Книга «Община и государство. Две статьи Н. Г. Чернышевского» была издана в Женеве журналом «Набат» в 1877 г. Предисловие к ней подписано «Издатели», но авторство Ткачева не вызывает сомнений. Предисловие никогда не переиздавалось. Печатается в извлечениях (с. V, VI—IX, X—XII).

²⁰ Имеется в виду работа Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения», которая вместе с другой его статьей — «Экономическая деятельность и законодательство» — и была издана «Набатом».

²¹ В предыдущем изложении Ткачев говорил о двух видах аргументов противников рассмотрения общины как основы для развития России по социалистическому пути, называя их «аргументом от философии» и «аргументом от либерализма». «Его» здесь означает «аргумент от философии», по которому общество в своем развитии не делает скачков и должно постепенно пройти все следующие по его логике ступени.

²² Протекционная система (или протекционизм) — политика защиты собственной промышленности путем всевозможных запретительных мер на ввоз иностранных товаров. В Англии практиковалась до 40-х годов XIX в.

²³ Статья «Революция и принцип национальности» была опубликована в вышедшей в 1878 г. без номера книжке журнала «Набат» (вместо ежемесячных номеров за вторую половину 1877 г. и первую половину 1878 г.). Она посвящена разбору брошюры Д. Н. Овсянко-Куликовского «Записки южнорусского социалиста», выпущенной анонимно типографией бакунистской газеты «Работник» в Женеве в 1877 г. Овсянко-Куликовский высказывал в ней взгляды кружка украинской либерально-буржуазной интеллигенции, так называемых украинофилов, группировавшихся вокруг М. П. Драгоманова и издававших в Женеве сборники «Громада». Отрывки из статьи Ткачева даются по изданию: Ткачев, т. 2, с. 320, 321, 322—323.

Михаил Александрович БАКУНИН

...Безбоязненно, твердым шагом пойдем к народу, а там, когда с ним сойдемся, помчимся вместе с ним, куда вынесет буря.

М. А. БАКУНИН

Надо поднять вдруг все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народа под предводительством Стеньки Разина и Пугачева. Эти движения доказывают нам, что в сознании нашего народа живет действительно идеал, к осуществлению которого он стремится...

М. А. БАКУНИН

«Пророк» анархизма М. А. Бакунин был значительной и противоречивой фигурой.

Он родился 18 (30) мая 1814 г. в селе Премухино Новоторжского уезда Тверской губернии. Бакунин — выходец из потомственных дворян. Учился в Артиллерийском училище в Петербурге. Военная карьера не удовлетворяла его, и, прослужив недолго в армии, молодой Бакунин в 21 год вышел в отставку, решив посвятить себя науке. Гонимый, как писал сам он впоследствии, «сильной и никогда не удовлетворенной» потребностью «знания, жизни и действия», Бакунин в середине 30-х годов едет в Москву, где входит в кружок Н. В. Станкевича, увлекается И. Фихте и Г. Гегелем, пропагандирует философию последнего Белинскому, Герцену, Огареву и др. В 1840 г. он уезжает в Берлин для повышения философского образования, где

слушает лекции в университете (в частности, Ф. Шеллинга). Однако «постный идеализм» немецкой науки вскоре разочаровывает Бакунина. В 1842 г. он сближается с младогегельянами, переезжает в Дрезден, чтобы слушать Арнольда Руге. Здесь публикует в журнале последнего «Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства» (Лейпциг) статью «Реакция в Германии» (под псевдонимом Жюль Элизар), провозглашавшую «полное уничтожение существующего политического и социального строя» и заканчивающуюся знаменитой фразой: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть». С этого времени Бакунин оставляет философию и бросается в политику.

Еще в Дрездене он впервые услышал «слово о коммунизме», которое открыло ему «новый мир». Бакунин принимает решение не возвращаться в Россию и в 1843 г. вместе с поэтом Г. Гервегом едет в Швейцарию, в Цюрих, где знакомится с В. Вейтлингом. В статье «Коммунизм» (газета «Швейцарский республиканец», Цюрих, 1843) Бакунин, хотя и проявляет свои симпатии к коммунистическому учению, тем не менее считает необходимым заявить, что «у нас... мало охоты... жить в обществе, устроенном по плану Вейтлинга», и что «мы лично — не коммунисты». И в дальнейшем социализм Бакунина еще долго оставался, по его собственным словам, «чисто инстинктивным», несмотря на личное знакомство почти со всеми крупнейшими социалистами Европы (П. Прудон, П. Леру, Луи Бланом, Э. Кабэ и др.) и даже с К. Марксом и Ф. Энгельсом.

За революционно-демократические убеждения Бакунин был вынужден покинуть Швейцарию, а царское правительство лишило его всех прав состояния, в случае возврата в Россию его ожидала сибирская каторга. Бакунин целиком отдается политической деятельности, особенно идее славянского освобождения, уничтожения Российской и Австрийской империй и создания на их основе федерации славянских народов. В 1847 г. за речь на собрании в Париже в память Польского восстания 1830—31 гг. по настоянию царского правительства он был выслан из Франции. В 1848 г. Бакунин — один из руководителей восстания в Праге (вспыхнувшего во время славянского съезда, участником которого он был), в мае 1849 г. — в Дрездене. Осужденный дважды на смертную казнь саксонским и австрийским судом, Бакунин в 1851 г. был выдан Николаю I и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, откуда во время Крымской войны переведен в Шлиссельбургскую крепость. В заключении написал «Исповедь», рассказав о революциях в Европе и своем участии в них. Через шесть лет — в 1857 г. был отправлен на поселение в Сибирь (сначала в Томск, затем в Иркутск), откуда в 1861 г. бежал через Японию и США в Лондон к Герцену и Огареву. Первое время Бакунин активно сотрудничал в «Колоколе», налаживал связи с Россией, в частности с созданной в то время революционной организацией «Земля и воля».

Потеряв надежду повлиять на события в России, после подавления Польского восстания 1863—64 гг., и разойдясь во взглядах с Герценом, Бакунин с 1864 г. переносит свою деятельность в европейские страны. Живя в Италии и Швейцарии, он пытается заключить союз с Д. Гарибальди, с франкмасонами, подчинить своему влиянию буржуазную международную Лигу мира и свободы, вербует сторонников во Франции, в Испании, в Швейцарии и т. д. В конце 1864 г. Бакунин вступает в I Интернационал. На протяжении нескольких лет он пытается осуществить планы создания тайного интернационального братства своих приверженцев. В эти годы убеждения Бакунина окончательно оформляются в систему анархического социализма, пропаганде которого посвящены его работы: «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1867), «Кнутагерманская империя и социальная революция» (1871), «Государственность и анархия» (1873) и др. Свою анархистскую реакционно-утопическую программу он противопоставлял не только другим социалистическим течениям, но и научному социализму Маркса и Энгельса, нападками на который наполнены его работы последних лет. В 1868 г. он основал в Швейцарии анархистскую организацию «Международный альянс социалистической демократии» и пытался овладеть руководством в I Интернационале. Маркс и Энгельс вели длительную борьбу с Бакуниным и его сторонниками, закончившуюся в 1872 г. на Гаагском конгрессе исключением Бакунина и бакунистов из Интернационала. В последние годы жизни Бакунин принял безуспешные попытки практического осуществления своих анархистских планов: в 1869 г. в России с помощью тайной организации С. Г. Нечаева «Народная расправа» и в 1870 и 1874 гг. во Франции и Италии во время восстаний в Лионе и Болонье, в которых он принимал участие.

Умер Бакунин 19 июня (1 июля) 1876 г. в Берне (Швейцария).

СОЧИНЕНИЯ

- Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896; СПб., 1906; СПб., 1907 (последние два издания с цензурными сокращениями).
Бакунин М. А. Полное собрание сочинений. [СПб.], 1907, т. 1—2.
Бакунин М. А. Избранные сочинения (в 4-х томах). Лондон, 1915, т. 1.
Бакунин М. А. Избранные сочинения. Пг.—М., 1919—1921, т. 1—5.
Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. М., 1934—1935, т. 1—4.

ЛИТЕРАТУРА

- К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
Плеханов Г. В. Наши разногласия.— Избранные философские произведения. М., 1956, т. 1.
Плеханов Г. В. Анархизм и социализм.— Соч., изд. 2-е, М., 1925, т. 4.
Материалы для биографии М. Бакунина. М.—Пг., 1923—1933, т. 1—3.

Полонский В. П. Михаил Александрович Бакунин. Жизнь, деятельность, мышление. Изд. 2-е, испр. и доп. М.—Л., 1925, т. 1.

Стеклов Ю. М. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. М., 1926—1927, т. 1—4.

Михаил Бакунин. 1876—1926. Неизданные материалы и статьи. М., 1926.

Пирумова Н. Михаил Бакунин. Жизнь и деятельность. М., 1966.

Зильберман И. Б. Политическая теория анархизма М. А. Бакунина. Л., 1969.

Дюкло Жак. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975.

Михайлов М. И. Борьба против бакунизма в I Интернационале. М., 1976 (есть библиогр.).

Джангириян В. Г. Критика англо-американской буржуазной историографии М. А. Бакунина и бакунизма. М., 1978 (есть библиогр.).

Графский В. Г. Бакунин. М., 1985.

Пирумова Н. М. Бакунин. М., 1970 (ЖЗЛ).

ТЕКСТЫ

ФЕДЕРАЛИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И АНТИТЕОЛОГИЗМ¹

II. СОЦИАЛИЗМ

Французская революция, провозгласив право и обязанность каждой человеческой личности стать *человеком*, пришла в своих последних выводах к бабувизму. Бабеф, один из последних энергичных и чистых граждан, каких революция создавала и убивала затем в таком [большом] количестве, и имевший счастье насчитывать в числе своих друзей таких людей, как Буонаротти, соединил в своем своеобразном мировоззрении политические традиции античного мира с совершенно современными идеями социальной революции. Видя, что революция чахнет, за недостатком коренного преобразования, тогда, впрочем, по всей вероятности, и невозможного по экономической структуре общества; верный, с другой стороны, духу этой революции, которая кончила тем, что на место всякой личной инициативы поставила всемогущее действие государства, он измыслил политическую и социальную систему, согласно которой республика, выражающая собой коллективную волю граждан, должна была конфисковать всякую личную собственность и управлять ею в интересах всех, наделяя каждого в равной мере: воспитанием, обучением, средствами к существованию, удовольствиями, и принуждая всех без исключения по мере сил и способностей каждого к мускульному и нервному труду. Заговор Бабефа не удался, он был гильотинирован вместе с несколькими друзьями². Но его идеал социалистической республики с ним не умер. Воспринятая его другом Буонаротти, величайшим заговорщиком нашего столетия, идея была передана последним, как священный залог, новым поколениям, и благодаря тайным обществам, основанным Буонаротти в Бельгии и Франции, коммунистические идеи дали ростки в народном воображении. Они нашли с 1830 до 1848 года талантливых выразителей в Кабе и Луи Блане, которые окончательно основали *революционный социализм*³.

Другое социалистическое течение, вытекшее из того же революционного источника, направляющееся к той же цели, но совершенно иным путем, течение, которое мы бы охотно назвали *доктринерским социализмом*, было основано двумя замечательными людьми: Сен-Симоном и Фурье. Сен-симонизм был комментирован, развит, переработан и основан в виде почти практической системы, в виде церкви, «отцом» Анфантенон, вместе со многими друзьями, большая часть которых сделалась ныне финансистами и государственными

людьми, особенным образом преданными Империи. Фурьеризм нашел своего истолкователя в «*Мирной демократии*», издававшейся до 2 декабря [1851 г.] Виктором Консидераном⁴.

Заслуга этих двух социалистических систем, впрочем, во многих отношениях различных, заключается главным образом в глубокой, научной, строгой критике современного общественного строя, чудовищные противоречия которого они смело раскрыли; затем в том важном факте, что они с силой боролись и в значительной мере потрясли христианство, во имя восстановления и оправдания материи и человеческих страстей, оклеветанных и в то же время так хорошо практикуемых христианскими священниками. Сен-симонисты хотели поставить на место христианства новую религию, основанную на мистическом культе плоти, с новой иерархией священников, новых эксплуататоров толпы, привилегиями гения, способностей и таланта. Фурьеристы, гораздо более, и можно даже сказать, искренние демократы, придумали фаланстеры, управляемые избранными всеобщим голосованием вождями; фаланстеры, где каждый, по мысли фурьеристов, должен был найти себе работу и место в соответствии с личными вкусами. Ошибки сен-симонистов слишком очевидны, чтобы стоило о них говорить. Двойная ошибка фурьеристов заключалась, во-первых, в том, что они искренно верили, что единственно силой убеждения и мирной пропаганды они сумеют до такой степени тронуть сердца богатых, что те, в конце концов, сами придут сложить у порога фаланстера излишек своих богатств; во-вторых, в том, что они воображали, что можно теоретически, а priori, построить социальный рай, в котором на веки успокоилось бы человечество. Они не поняли, что, хотя для нас и возможно предвозвестить великие принципы будущего развития человечества, тем не менее практическое осуществление этих принципов должно быть предоставлено опытам будущего.

Вообще регламентация была общей страстью всех социалистов до 1848 года, за исключением одного. Кабе, Луи Блан, фурьеристы, сен-симонисты, все были одержимы страстью выдумывать и устраивать будущее, все были, более или менее, *государственники*.

Но вот явился Прудон, сын крестьянина, во сто раз больший революционер и в делах и по инстинкту, чем все эти доктринеры, буржуазные социалисты. Он вооружился критикой, столь же глубокой и пронизательной, сколь неумолимой, чтобы уничтожить все их системы. Противопоставив свободу власти, он в противоположность этим государственным социалистам, смело провозгласил себя анархистом и имел мужество бросить в лицо их деизму или пантеизму заявление, что он просто атеист, или, точнее, *позитивист*, подобно Огюсту Конт.

Социализм Прудона, основанный как на индивидуальной, так и коллективной свободе и на деятельности свободных ассоциаций, не подчиненный другим законам, кроме общих законов социальной экономики, как открытых уже наукой, так и предстоящих еще открытию; стоящий вне всякой правительственной регламентации

и всякого покровительства со стороны государства и подчиняющий политику экономическим, интеллектуальным и моральным интересам общества, должен был с течением времени прийти, в силу необходимого последовательности, к федерализму.

Таково было положение социальной науки до 1848 г. Полемика газет, летучих листов и социалистических брошюр внедрила в сознание рабочих классов массу новых идей; умы были ими насыщены, и когда разразилась революция 1848 года, социализм проявился как мощная сила. [...]

В 1848 году погиб не социализм вообще, а только *государственный социализм*, тот регламентарский, деспотический социализм, который верил и надеялся, что государство сможет удовлетворить потребности и законные стремления рабочих классов, что, вооруженное своим могуществом, оно захочет и будет в состоянии установить новый социальный строй. Итак, не социализм умер в июне ⁵; напротив того, государство объявило себя банкротом перед социализмом и, признав себя неспособным заплатить ему долг, в уплате которого обязалось, попробовало его убить, чтобы наиболее легким образом освободиться от этого долга. Оно не могло его убить, но оно убило веру, которую социализм в него имел, и тем самым уничтожило все теории государственного или доктринерского социализма, из которых одни, как «Икарія» Кабе или «Организация труда» Луи Блана ⁶, советовали народу положиться во всем на государство, а другие доказали свою нелепость в ряде смехотворных опытов. Даже банк Прудона, который мог бы процветать при более счастливых условиях, погиб под давлением всеобщей враждебности буржуазии ⁷.

Социализм проиграл это первое сражение по очень простой причине: он был богат инстинктивными стремлениями к лучшему и отрицательными теоретическими идеями, он был тысячу раз прав, споря против привилегий; но ему совершенно не доставало положительных, практических идей, которые необходимы, чтобы можно было построить на развалинах буржуазной системы новую систему, систему народной справедливости. Рабочие, сражавшиеся в июне за народное освобождение, выступали, объединенные инстинктом, а не идеей, — их смутные идеи составляли столпотворение вавилонское, хаос, из которого ничего не могло выйти. Такова была главная причина их поражения. Следует ли из-за этого сомневаться в будущем и во внешней мощи социализма? Христианству, поставившему своей целью основание царства справедливости на небе, нужно было несколько столетий, чтобы завоевать Европу. Нужно ли удивляться, что социализм, поставивший себе гораздо более трудную задачу — основание царства справедливости на земле, не одержал победу в несколько лет?

Господа ⁸, нужно ли доказывать, что социализм не умер? Чтобы в этом убедиться, надо лишь бросить взгляд на то, что происходит в настоящее время во всей Европе. Позади всех дипломатических шашней и слухов о войне, наполняющих Европу с 1852 года, какой

серьезный вопрос занимает все страны, если не вопрос социальный? Это великий незнакомец, чье приближение каждый чувствует, который всех заставляет трепетать и о котором никто не смеет говорить... Но он сам за себя говорит и, чем дальше, тем громче. Не доказывают ли рабочие кооперативные ассоциации, банки взаимопомощи и кредита труду, трэд-унионы, международная лига рабочих всех стран⁹, одним словом, все непрестанно усиливающееся рабочее движение в Англии, Франции, Бельгии, Германии, Италии и Швейцарии, не доказывает ли все это, что рабочие не отказались от своей цели, не потеряли веру в свое близкое освобождение? и что в то же время они поняли, что в деле приближения часа своего освобождения они не должны более рассчитывать ни на государства, ни на более или менее лицемерное содействие привилегированных классов, но на самих себя и на свои собственные, независимые, совершенно свободно возникающие ассоциации?

В большинстве европейских стран движение это, на вид, по крайней мере, чуждо политике, сохраняет исключительно экономический и, так сказать, частный характер. Но в Англии оно отчетливо стало на жгучую почву политики и, организовавшись в огромную лигу: «Лигу реформы»¹⁰, уже одержало большую победу против политически организованных привилегий аристократии и высшей буржуазии. С чисто английским терпением и практической последовательностью «Лига реформы» (Reform League) начертала перед собой план действий; она ничего не страшится, ни перед чем не пасует и не останавливается ни перед каким препятствием. «Не далее, как через десять лет», говорит она, беря в расчет самые большие препятствия, «мы будем иметь всеобщее избирательное право, и тогда»... тогда они сделают социальную революцию!

Как во Франции, так и в Германии социализм, молчаливо подвигаясь вперед путем частных экономических ассоциаций, уже достиг такого могущества в среде рабочих классов, что Наполеон III с одной стороны, а с другой — граф Бисмарк начинают искать союза с ним... В скором времени в Италии и в Испании, после плачевного фиаско всех других политических партий и ввиду ужасного экономического положения обеих стран, всякий другой вопрос исчезнет перед вопросом экономическим и социальным. А в России и в Польше есть ли в сущности другой вопрос? Это он разрушил последние надежды старой, исторической, дворянской Польши; это он угрожает и вскоре уничтожит уже столь сильно поколебленное существование этой ужасной Всероссийской Империи. Даже в Америке, не проявился ли в полной мере социализм в предложении замечательного человека, бостонского сенатора г. Чарльса Сёмнера наделить землей освобожденных негров Южных Штатов?

Как вы видите, господа, везде проявляется социализм, несмотря на июньское поражение. Он, путем подпольной работы, постепенно проник в самые недра политической жизни всех стран, и везде дает о себе знать, как скрытая сила века. Еще несколько лет, и он выступит, как сила открытая и всемогущая.

За малым числом исключений все народы Европы, многие даже не зная слова социализм, проникнуты в настоящее время социализмом, не знают другого знамени, кроме того, которое им возвещает прежде всего их экономическое освобождение, и в тысячу раз охотнее отступятся от всякого другого вопроса, но не от этого. [...]

Мы не предлагаем вам, господа, ту или иную социалистическую систему. Мы лишь просим вас снова провозгласить этот великий принцип Французской революции: каждый человек должен иметь материальные и духовные средства для развития всей своей человечности. Принцип этот, по нашему мнению, порождает следующую задачу:

Организовать общество таким образом, чтобы каждый индивид, мужчина или женщина, находил, появляясь на свет, почти равные средства для развития своих различных способностей и для их использования своей работой; создать такое общество, которое бы поставило всякого индивида, кто бы он ни был, в невозможность эксплуатировать чужую работу, и позволяло бы ему участвовать в пользовании социальными богатствами, являющимися в сущности не чем иным, как производением человеческой работы, лишь постольку, поскольку он непосредственно способствовал их производству.

Полное осуществление этой проблемы будет, конечно, делом столетия. Но история выдвинула ее, и отныне мы не можем оставлять ее без внимания, не обрекая себя на полное бессилие.

Мы спешим прибавить, что энергично отклоняем всякую попытку организации, которая была бы чужда самой полной свободы, как индивидов, так и ассоциаций, и требовала бы установления регламентирующей власти какого бы то ни было характера. Во имя свободы, которую мы признаем за единственную основу, единственный законный творческий принцип всякой организации, как экономической, так и политической, мы всегда будем протестовать против всего, что хоть сколько-нибудь будет похоже на государственный социализм и коммунизм.

Единственная вещь, которую, по нашему мнению, может и должно сделать государство, это видоизменить мало-помалу наследственное право, с целью как можно скорее достичь его полного уничтожения. Ввиду того, что наследственное право является всецело созданием государства, является одним из существенных условий самого существования принудительного и божественно установленного государства, оно может и должно быть уничтожено свободой в государстве; другими словами, государство должно раствориться в обществе, организованном на началах справедливости. Наследственное право, по нашему мнению, необходимо должно быть уничтожено, ибо пока наследство будет существовать, будет существовать наследственное экономическое неравенство, не естественное неравенство индивидов, а искусственное неравенство классов,— а последнее необходимо будет всегда порождать наследственное неравенство в развитии и образовании умов и будет продолжать быть источником и освящением всех политических и социальных нера-

венств. Задачей справедливости является установить равенство для каждого, поскольку такое равенство будет зависеть от экономического и политического устройства общества, — равенство для каждого в исходной точке жизненного существования, так, чтобы каждый, руководимый собственной природой, был сыном своих собственных дел. По нашему мнению, единственным наследником умирающих должен быть общественный фонд для образования и обучения детей обоих полов, включая сюда и содержание их от рождения до совершеннолетия. В качестве славян и русских мы можем прибавить, что у нас основной социальной идеей, основанной на всеобщем и традиционном инстинкте населения, является идея, что земля, собственность всего народа, может быть во владении лишь тех, кто обрабатывает ее собственными руками. [...]

НАША ПРОГРАММА ¹¹

Мы хотим полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа.

I. *Умственного освобождения*, потому что без него политическая и социальная свобода не могут быть ни полными, ни твердыми. Вера в бога, вера в бессмертие души и всякого рода идеализм вообще, как мы это докажем впоследствии ¹², служа, с одной стороны, непременной опорой и оправданием для деспотизма, для всякого рода привилегий и для эксплуатации народа, с другой стороны, деморализуют самый народ, разбивая его существо как бы на два друг другу противоречащие стремления и лишая его таким образом энергии, необходимой для завоевания его естественных прав и для полного устройства свободной и счастливой жизни.

Из этого явно следует, что мы сторонники атеизма и материализма.

II. *Социально-экономического освобождения* народа, без которого всякая свобода была бы отвратительной и пустозвонной ложью. Экономический быт народов был всегда краеугольным камнем и заключал в себе настоящее объяснение их политического существования. Все доселе существовавшие и существующие политические и гражданские организации в мире держатся на следующих главных основаниях: на факте завоевания, на праве наследственной собственности, на семейном праве отца и мужа и на освящении всех этих основ религией, а все это вместе составляет существо государства. Необходимым результатом всего государственного устройства было и должно было быть рабское подчинение чернорабочего и невежественного большинства так называемому образованному эксплуатирующему меньшинству. Государство без привилегий политических и юридических, основанных на привилегиях экономических, немислимо.

Желая действительного и окончательного освобождения народа, мы хотим:

1. Упразднения права наследственной собственности.

2. Уравнения прав женщины, как политических, так и социально-экономических, с правами мужчины, следовательно, хотим уничтожения семейного права и брака, как церковного, так и гражданского, неразрывно связанного с правом наследства.

3. С уничтожением брака рождается вопрос о воспитании детей. Их содержание со времени определившейся беременностью матери до самого их совершеннолетия, их воспитание и образование, равное для всех — от низшей ступени до специального высшего научного развития, — в одно и то же время индустриальное и умственное, соединяющее в себе подготовку человека и к мускульному и к нервному труду, должно лежать главным образом на попечении свободного общества.

Основой экономической правды мы ставим два коренных положения:

Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками, — земледельческим общинам. Капиталы и все орудия работы — работникам — рабочим ассоциациям.

III. Вся будущая политическая организация должна быть не чем другим, как свободной федерацией вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций).

И потому во имя освобождения политического мы хотим прежде всего окончательного разрушения государства, хотим искоренения всякой государственности со всеми ее церковными, политическими, военно- и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учреждениями.

Мы хотим полной воли для всех народов, ныне угнетенных империей, с правом полнейшего самораспоряжения на основании их собственных инстинктов, нужд и воли, дабы, федерируясь снизу вверх, те из них, которые *захотят* быть членами русского народа, могли бы создать сообща действительно вольное и счастливое общество в дружеской и федеративной связи с *такими же* обществами в Европе и в целом мире.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ

ПРИБАВЛЕНИЕ А ¹³

Для предупреждения недоразумений считаем, однако, необходимым заметить, что то, что мы называем *идеалом* народа, ничего не имеет подобного с теми политически-социальными схемами, формулами и теориями, выработанными помимо народной жизни, досугом буржуазных ученых или полуученых и предлагаемыми милостиво *невежественной народной толпе*, как необходимое условие их будущего устройства. Мы не имеем ни малейшей веры в эти теории, и самые лучшие из них кажутся нам прокрустовыми кроватями, слишком узкими для того, чтобы охватить могучее и широкое раздолье народной жизни.

Наука, самая рациональная и глубокая, не может угадать формы

будущей общественной жизни. Она может определить только отрицательные условия, логически вытекающие из строгой критики существующего общества. Таким образом, социально-экономическая наука при такой критике дошла до отрицания личностно-наследственной собственности и, следовательно, до отвлеченного и, как бы сказать, *отрицательного* положения собственности коллективной, как необходимого условия будущего социального строя. Таким же путем дошла она до отрицания самой идеи государства и государственного, т. е. управления обществом сверху вниз во имя какого бы то ни было мнимого права, богословского или метафизического, божественного или интеллигентно-ученого, и вследствие того пришла к противоположному, а потому и отрицательному положению — к анархии, т. е. к самостоятельной свободной организации всех единиц или частей, составляющих общины, и их вольной федерации между собою, снизу вверх не по приказанию какого бы то начальства, даже избранного, и не по указаниям какой-либо ученой теории, а вследствие совсем естественного развития всякого рода потребностей, проявляемых самою жизнью.

Поэтому никакой ученый не в состоянии определить даже для себя, как народ будет и должен жить на другой день социальной революции. Это определится, во-первых, положением каждого народа и, во-вторых, теми стремлениями, которые в них проявятся и будут сильнее действовать, отнюдь же не руководствами и уяснениями сверху и вообще никакими теориями, выдуманными накануне революции.

Нам известно, что в России теперь развилось целое направление к образованию так называемых народных учителей ¹⁴. Утверждают, что должно прежде всего научить народ, а когда он научится и поймет свои права и обязанности, тогда только можно его бунтовать. Тут сейчас же является вопрос, чему вы станете учить народ? Не тому ли, чего сами не знаете, не можете знать и чему сами должны прежде всего выучиться у народа?

В этом направлении или в этой — далеко, впрочем, не новой — партии необходимо различать две категории.

Самая многочисленная — это категория доктринеров, шарлатанов, большею частью и себенадувателей, которые не отказываясь ни от каких удовольствий и выгод, доставляемых существующим обществом привилегированному и богатому меньшинству, вместе с тем хотят приобрести или сохранить репутацию людей, преданных в самом деле делу народного освобождения, а пожалуй даже революционеров, когда это не бывает сопряжено с слишком большими неудобствами. Таких господ в России появилось слишком много. Они учреждают народные банки, артели потребительные и производительные общества, занимаются, конечно, женским вопросом и именуют себя громко поборниками науки, позитивистами, а теперь марксистами ¹⁵. Общая черта, отличающая их, — это ничем не жертвовать, беречь и холить свои дорогие личности пуще всего, и вместе с тем желать слыть передовыми людьми во всех отношениях.

С этой категорией, как бы многочисленна она ни была, разговоры напрасны. До революции ее можно только разоблачать и срамить; а в революцию... ну, тогда будем надеяться, что они сами пропадут.

Но есть другая категория, состоящая из молодых людей честных, действительно преданных и которые бросались в это направление в последнее время как бы с отчаяния, только потому, что им кажется, что при настоящих обстоятельствах другого дела и выхода нет. Мы не определим их ближе, боясь обратить на них внимание полиции; но те из них, которые прочтут эти строки, поймут, что слова наши обращены прямо к ним.

Именно их хотелось бы нам спросить: чему они намереваются учить народ? Хотят ли они преподавать народу рациональную науку? Сколько нам известно, их цель не такова. Они знают, что правительство остановило бы на первом шагу всякого, кто захотел бы внести науку в народные школы, и знают, кроме того, что самому народу нашему в его настоящем слишком бедственном положении совсем не до науки. Для того чтобы сделать доступною для него теорию, надо переменить его практику и прежде всего преобразовать радикально экономические условия его быта, вырвать его из повсеместной и почти поголовной голодной беды.

Каким же образом честные люди могут изменить экономический быт народа? Никакой власти у них нет, да и сама государственная власть, как это мы постараемся доказать ниже, бессильна исправить экономическое положение народа; единственно, что она может сделать для него, это упраздниться, исчезнуть, так как ее существование несогласно с благом народным, могущим быть созданным только самим народом.

Что же могут сделать друзья народа? Возбудить его к самостоятельному движению и действию и прежде всего — утверждают именно добросовестные поборники того направления, о котором мы теперь говорили, — указать ему пути и средства к его освобождению.

Пути и средства могут быть двоякого рода: чисто революционные, стремящиеся прямо к организации всенародного бунта; и другие, более мирные, начинающие освобождение народа систематически медленным, но вместе с тем радикальным преобразованием его экономического быта. Этот второй метод, если ему хотят следовать искренно, исключает, разумеется, пошлую проповедь о сбережении, столь любимую буржуазными экономистами, по той простой причине, что чернорабочему народу вообще, и особенно нашему, сберегать решительно нечего.

Но что же могут сделать честные люди для того, чтобы толкнуть наш народ на этот путь медленных, но радикальных экономических преобразований? Не откроют ли они в деревнях кафедры социологии? Во-первых, все то же отечески бдительное правительство не позволит; ну, а во-вторых, крестьяне ничего не поймут и насмеются над самим профессором; да, наконец, и сама социология — наука будущая; в настоящее же время она несравненно богаче неразрешен-

ными вопросами, чем положительными ответами, не говорим уже о том, что нашим бедным мужикам заниматься ею, право, некогда, на них можно действовать только путем практики, отнюдь же не посредством теорий.

В чем же может состоять эта практика? Именно практика, ставящая себе главной, если не единственной целью — толкнуть всю огромную массу нашего крестьянства на путь самостоятельных экономических преобразований, в духе новейшей социологии? Она не может состоять ни в чем другом, как в образовании рабочих артелей и кооперативных обществ: ссудных, потребительных и производительных, и по преимуществу последних, как идущих прямее других к цели, т. е. к освобождению труда от господства буржуазного капитала.

Но возможно ли это освобождение при экономических условиях, преобладающих в настоящем обществе? Наука, опираясь на факты, а именно на целый ряд опытов, сделанных в продолжение последних двадцати лет в разных странах, решительно говорит нам — невозможно. Лассаль, которого мы, впрочем, далеко не последователи, доказал эту невозможность самым блестящим и популярнейшим образом в своих брошюрах¹⁶, и в этом сходятся с ним все новейшие экономисты, хотя и буржуазные, но серьезные, как бы нехотя раскрывают немощь кооперативной системы, на которую довольно справедливо смотрят, как на спасательный громоотвод против социально-революционной грозы.

Интернационал, с своей стороны, много и в продолжение нескольких лет часто возбуждал вопрос о кооперативных товариществах и, на основании многочисленных доводов, пришел к следующему результату, высказанному на Лозаннском конгрессе (в 1867 г.) и подтвержденному на Брюссельском конгрессе (в 1868 г.).

Кооперация во всех ее видах есть несомненно рациональная и справедливая форма будущего производства. Но для того, чтобы она могла достигнуть своей цели — освобождения всех работающих масс и полного вознаграждения и удовлетворения их, необходимо, чтобы земля и капитал, во всех видах, сделались коллективной собственностью. До тех пор, пока этого не будет, кооперация в большем числе случаев будет раздавлена всемогущей конкуренцией больших капиталов и большой поземельной собственности; в редких же случаях, когда, например, тому или другому, непременно более или менее замкнутому, производительному товариществу удастся выдержать и пережить эту борьбу, результатом этой удачи будет лишь зарождение нового привилегированного класса коллективных счастливых в массе нищенствующего пролетариата. Итак, при существующих условиях общественной экономии кооперация рабочих масс освободить не может, тем не менее, однако, она представляет ту выгоду, что даже в настоящее время приучает работников соединяться, организоваться и самостоятельно управлять своими собственными делами.

Несмотря, однако, на признание этой несомненной пользы,

кооперативное движение, сначала двинувшее нас быстро, в последнее время значительно ослабело в Европе по той весьма простой причине, что массы рабочих, раз убедившись, что в настоящее время они посредством ее не могут достигнуть своего освобождения, не нашли нужным прибегать к ней для довершения своего практического воспитания, лишь только они потеряли веру в достижение цели, они пренебрегли и путем, к ней ведущим, или, вернее, путем, к ней не ведущим, а гимнастикой, даже и полезной, им некогда заниматься.

Что истинно на Западе, не может быть ложью и на Востоке, и мы не думаем, чтобы кооперативное движение могло принять сколько-нибудь серьезные размеры в России. В настоящее время в России кооперация еще невозможнее, чем на Западе. [...]

Но справедливо ли, что нет теперь в России ни другого выхода, ни дела другого, кроме кооперативных предприятий? Мы думаем решительно, что это несправедливо.

В русском народе существуют в самых широких размерах те два первых элемента, на которые мы можем указать, как на необходимые условия социальной революции. Он может похвастаться чрезмерною нищетою, а также и рабством примерным. Страданиям его нет числа, и переносит он их не терпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, выразившимся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и Пугачевским бунтом, и не перестающими поныне проявляться в непрерывном ряде частных крестьянских бунтов.

Что же служит ему препятствием к совершению победоносной революции? Недостаток ли в общем народном идеале, который был бы способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель и без которого, как мы выше сказали, невозможно одновременное и всеобщее восстание целого народа, а следовательно, невозможен и самый успех революции? Но вряд ли было бы справедливо сказать, что в русском народе уже не выработался такой идеал.

Если бы его не было, если бы он не выработался в сознании народном, по крайней мере в своих главных чертах, то надо бы было отказаться от всякой надежды на русскую революцию, потому что такой идеал выдвигается из самой глубины народной жизни, есть неперменным образом результат народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, протестов, борьбы и вместе с тем есть как бы образное и общепонятное, всегда простое, выражение его настоящих требований и надежд. [...]

[...] Самые прославленные гении ничего или очень мало сделали до сих пор собственно для народа, т. е. для многомиллионного чернорабочего пролетариата. Народная жизнь, народное развитие, народный прогресс принадлежат исключительно самому народу. Этот прогресс совершается, конечно, не путем книжного образования, а путем естественного нарастания опыта и мысли, передаваемого из рода в род и необходимым образом расширяющегося, углубляющегося по содержанию, усовершенствующегося и облакаю-

щегося в свои формы, разумеется, чрезвычайно медленно; путем бесконечного ряда тяжелых и горьких исторических испытаний, доведших наконец в наше время народные массы, можно сказать всех стран, по крайней мере всех европейских стран, до сознания, что им от привилегированных классов и от нынешних государств, вообще от политических переворотов, ждать нечего и что они могут освободиться только собственным усилием своим посредством социальной революции. Это самое определяет всеобщий идеал, ныне в них живущий и действующий.

Существует ли такой идеал в представлении народа русского? Нет сомнения, что существует, и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты.

Первая и главная черта — это всенародное убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственноручным трудом. Вторая столь же крупная черта, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; третья черта, одинаковой важности с двумя предыдущими, — это квазиабсолютная автономия, общинное самоуправление и вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству.

Вот три главные черты, которые лежат в основании русского народного идеала. По существу своему они вполне соответствуют идеалу, вырабатываемому за последнее время в сознании пролетариата латинских стран, несравненно ближе ныне стоящих к социальной революции, чем страны германские. Однако русский народный идеал омрачен тремя другими чертами, которые искажают его характер и чрезвычайно затрудняют и замедляют осуществление его, чертами, против которых поэтому мы всеми силами должны бороться и против которых борьба тем возможнее, что она уже существует в самом народе.

Эти три затемняющие черты: 1) патриархальность, 2) поглощение лица миром, 3) вера в царя.

Можно было бы прибавить в виде четвертой черты христианскую веру, официально-православную или сектаторскую, но, по нашему мнению, у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе, не только в католических, но даже и в протестантских странах. Социальные революционеры, разумеется, не пренебрегают им и пользуются всяким случаем, чтобы в присутствии народа сказать убийственную правду господу Саваофу¹⁷ и богословским, метафизическим, политическим, юридическим, полицейским и буржуазно-экономическим представителям его на земле. Но они не ставят религиозный вопрос на первое место, убежденные в том, что суеверие народа, естественным образом сопряженное в нем с невежеством, не коренится, однако, столько в этом невежестве, сколько в его нищете, в его материальных страданиях и в неслыханных притеснениях всякого рода, претерпеваемых им всякий день; что религиозные представле-

ния и басни, эта фантастическая склонность к нелепому, явление еще более практическое, чем теоретическое, а именно не столько заблуждение ума, сколько протест самой жизни, воли и страсти против невыносимой жизненной тесноты; что церковь представляет для народа роль небесного кабака, точно так же, как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на одну минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о своей ежедневной беде один раз в безумной вере, а в другой раз в вине. Одно опьянение стоит другого.

Социальные революционеры знают это и потому убеждены, что религиозность в народе можно будет убить только социальной революцией, отнюдь же не отвлеченной и доктринерной пропагандой так называемых свободных мыслителей. Эти господа свободные мыслители с ног до головы буржуа, неисправимые метафизики по приемам, привычкам и жизни даже и тогда, когда называют себя позитивистами и воображают себя материалистами. [...]

[...] Они объявляют беспощадную войну господа богу, отвергают наирадикальнейшим образом религию, во всех ее проявлениях и видах, громят богословие и метафизические бредни, все суеверия народные во имя науки, которую, разумеется, носят в карманах своих и которою испещряют все многоглаголевые писания свои,—но в то же самое время обращаются с чрезвычайной нежностью ко всем политическим и общественным силам мира сего, и если, вынужденные логикой и общественным мнением, позволяют себе даже их отрицать, то делают это так учтиво, так кротко, что надо иметь нрав чрезвычайно крутой, чтобы на них рассердиться, они непременно оставляют выходы и выражают надежду на их исправление. Эта способность надеяться и верить в них так велика, что они даже полагают возможным, что наш правительствующий Сенат¹⁸ сделается рано или поздно органом народного освобождения. (Смотри последнюю, по числу третью, программу неперiodического издания «Вперед», скорое появление которого ожидается в Цюрихе¹⁹.)

Но оставим этих шарлатанов и обратимся к своему вопросу.

Народа никогда и ни под каким предлогом и для какой бы то ни было цели обманывать не следует. Это было бы не только преступно, но и в видах достижения революционного дела вредно; вредно уже потому, что всякий обман по существу своему близорук, мелок, тесен, всегда сшит белыми и гнилыми нитками, вследствие чего всегда непременно обрывается и раскрывается, и для самой революционной молодежи самое ложное, самопроизвольное, самодурное и народу противное направление. [...]

Поэтому, так как мы сами глубоко убежденные безбожники, враги всякого религиозного верования и материалисты, всякий раз, когда нам придется говорить о вере с народом, мы обязаны высказать ему во всей полноте наше безверие, скажу более, наше враждебное отношение к религии. На все вопросы его по этому предмету

мы должны отвечать честно, и даже когда становится нужно, т. е. когда предвидится успех, должны стараться ему объяснить и доказать справедливость своих воззрений. Но мы не должны сами искать случаев к подобным разговорам. Мы не должны ставить религиозный вопрос на первом плане нашей пропаганды в народе. Делать это, по нашему глубокому убеждению, однозначно с изменою народному делу.

Народ не доктринер и не философ. У него нет ни досуга, ни привычки заниматься одновременно многими вопросами. Увлекаясь одним, он забывает все другие. Поэтому наша прямая обязанность поставить перед ним главный вопрос, от разрешения которого более чем от всех других зависит его освобождение. Но этот вопрос указан самим положением его, всей его жизнью — этот вопрос экономически-политический, экономический в смысле социальной революции и политический в смысле разрушения государства. Занимать его религиозным вопросом значит отвлекать его от настоящего дела, значит изменить его делу.

Народное дело состоит единственно в осуществлении народного идеала, с возможным, в народе же самом коренящимся, исправлением его. Мы указали на три несчастные черты, омрачающие главным образом идеал русского народа. Теперь заметим, что две последние: поглощение лица миром и богопочитание царя, собственно вытекают, как естественные результаты, из первой, т. е. из патриархальности, и что поэтому патриархальность есть то главное историческое, но, к несчастью, совершенно народное зло, против которого мы обязаны бороться всеми силами.

Оно исказило всю русскую жизнь, наложив на нее тот характер тупоумной неподвижности, той непроходимой грязи родной, той коренной лжи, алчного лицемерия и наконец того холопского рабства, которые делают ее нестерпимой. Деспотизм мужа, отца, а потом старшего брата обратил семью, уже безнравственную по своему юридически-экономическому началу, в школу торжествующего насилия и самодурства, домашней ежедневной подлости и разврата. [...]

Община — его ²⁰ мир. Она не что иное, как естественное расширение его семьи, его рода. Поэтому в ней преобладает то же патриархальное начало, тот же гнусный деспотизм и то же подлое послушание, а потому и та же коренная несправедливость и то же радикальное отрицание всякого личного права, как и в самой семье. Решения мира, каковы бы они ни были, закон. «Кто смеет идти против мира?!» — восклицает с удивлением русский мужик. Мы увидим, что кроме царя, его чиновников и дворян, стоящих собственно вне мира или, вернее, над ним, есть в самом русском народе лицо, смеющее идти против мира: это разбойник. Вот почему разбой составляет важное историческое явление в России — первые бунтовщики, первые революционеры в России, Пугачев и Стенька Разин, были разбойники. [...]

Каждая община составляет в себе замкнутое целое, вследствие

чего — и это составляет одно из главных несчастий в России — ни одна община не имеет да и не чувствует надобности иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи. Соединяются же они между собою только посредством царя-батюшки, только в его верховной отеческой власти. [...]

Число общин несметно, а общий их царь-батюшка стоит над ними слишком высоко, только немножко ниже господа бога, для того чтобы ему управиться лично со всеми. [...] Ему нужна целая военная, гражданская, судебная и полицейская администрация. [...]

Таким образом, воображаемый царь — отец, попечитель и благодетель народа — помещен высоко, высоко, чуть ли не в небесную даль, а царь настоящий, царь-кнут, царь-вор, царь — губитель государства, занимает его место. Из этого вытекает, естественно, тот странный факт, что народ наш в одно и то же время боготворит царя воображаемого, небывалого и ненавидит царя действительного, осуществленного в государстве.

Народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним ни являлись. Недавно еще ненависть его была разделена между дворянами и чиновниками, и иногда даже казалось, что он ненавидит первых еще более, чем последних, хотя в сущности он их ненавидит равно. Но с тех пор как, вследствие упразднения крепостного права, дворянство стало видимо разоряться, пропадать и обращаться к своему первоначальному виду исключительно служебного сословия, народ обнял его в своей общей ненависти ко всему чиновному сословию. Нужно ли доказывать, до какой степени ненависть его законна!

Государство окончательно раздавило, развратило русскую общину, уже и без того развращенную своим патриархальным началом. Под его гнетом само общинное избирательство стало обманом, а лица, временно избираемые самим народом: головы, старосты, десятские, старшины, — превратились, с одной стороны, в орудия власти, а с другой — в подкупленных слуг богатых мужиков-кулаков. При таких условиях последние остатки справедливости, правды, простого человеколюбия должны были исчезнуть из общин, к тому же разоренных государственными податями и повинностями и до конца придавленных начальственным произволом. Более чем когда-нибудь разбой остался единственным выходом для лица, а для целого народа — всеобщий бунт, революция.

В таком положении, что может делать наш умственный пролетариат, русская, честная, искренняя, до конца преданная социально-революционная молодежь? Она должна идти в народ несомненно, потому что ныне везде, по преимуществу же в России, вне народа, вне многомиллионных рабочих масс, нет более ни жизни, ни дела, ни будущности. Но как и зачем идти в народ?

В настоящее время у нас, после несчастного исхода нечаевского предприятия²¹, мнения на этот счет, кажется, чрезвычайно разделились; но из общей неурядицы мыслей выделяются уже теперь

главные и противоположные направления. Одно — более миролюбивого и подготовительного свойства; другое — бунтовское и стремящееся прямо к организации народной обороны.

Поборники первого направления в настоящую возможность этой революции не верят. Но так как они не хотят и не могут оставаться покойными зрителями народных бед, то они решаются идти в народ для того, чтобы братски разделить с ним эти беды, а вместе с тем и для того, чтобы его научить, подготовить не теоретически, а на практике, своим живым примером. Одни пойдут в фабричные работники и, работая наравне вместе с ними, будут стараться распространять между ними дух общения...

Другие постараются основать сельские колонии, в которых кроме общего пользования землею, столь известного нашим крестьянам, проведут и применят начало, им еще совсем неизвестное, но экономически необходимое, начало коллективного обрабатывания общей земли и равного разделения продуктов или цены продуктов между собою на основании самой строгой справедливости, не юридической, а человеческой, т. е. требуя больше работы от способных и сильных, меньше от неспособных и слабых и распределяя заработки не в меру работы, а в меру потребностей каждого. [...]

Но этим не ограничиваются надежды наших подготовителей и мирных вразумителей народа. Устройством своей домашней жизни на основании полной свободы лица они хотят противодействовать той гнусной патриархальности, которая лежит в основе нашего русского рабства. Значит они хотят поразить наше общественное главное зло в самом корне и, следовательно, содействовать прямо к исправлению народного идеала и к распространению в народе понятий практических о справедливости, о свободе, о средствах к освобождению.

Все это прекрасно, чрезвычайно великодушно и благородно, но вряд ли исполнимо. [...]

Другой путь боевой, бунтовской. В него мы верим и только от него ждем спасения.

Народ наш явным образом нуждается в помощи. Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако частных вспышек недостаточно. Надо поднять вдруг все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народные под предводительством Стеньки Разина и Пугачева. Эти движения доказывают нам, что в сознании нашего народа живет действительно идеал, к осуществлению которого он стремится, а из неудач их мы заключаем, что в этом идеале есть существенные недостатки, которые мешали и мешают успеху. [...]

Но этого мало. Главный недостаток, парализующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание в России, это замкнутость общин, уединение и разъединение крестьянских местных миров. Надо во что бы то ни стало разбить эту замкнутость и провести между этими отдельными мирами живой ток революцион-

ной мысли, воли и дела. Надо связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей, передовых людей, естественных революционеров из русского крестьянского мира между собою, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством. Эта связь не может быть другою, как личною. Нужно, соблюдая, разумеется, притом самую педантичную осторожность, чтобы лучшие или передовые крестьяне каждой деревни, каждой волости знали таких же крестьян всех других деревень, волостей, областей.

Надо убедить прежде всего этих передовых людей из крестьянства, а через них, если не весь народ, то, по крайней мере, значительную и наиболее энергичную часть его, что для целого народа, для всех деревень, волостей и областей в целой России, да также и вне России, существует одна общая беда, а потому и одно общее дело. Надо их убедить в том, что в народе живет несокрушимая сила, против которой ничто и никто устоять не может, и что если она до сих пор не освободила народа, так это только потому, что она могуча только, когда она собрана и действует одновременно, везде, сообща, заодно, и что до сих пор она не была собрана. Для того же, чтобы собрать ее, необходимо, чтобы села, волости, области связались и организовались по одному общему плану и с единою целью всенародного освобождения. Для того же, чтобы создалось в нашем народе чувство и сознание действительного единства, надо устроить род народной печатной, литографированной, писаной или даже устной газеты, которая бы немедленно извещала повсюду, во всех концах, областях, волостях и селах России о всяком частном народном, крестьянском или фабричном бунте, вспыхивающем то в одном, то в другом месте, а также и о крупных революционных движениях, производимых пролетариатом Западной Европы; для того чтобы наш крестьянин и наш фабричный работник не чувствовал себя одиноким, а знал бы, напротив, что за ним, под тем же гнетом, но зато и с тою же страстью и волею освободиться, стоит огромный, бесчисленный мир к всеобщему взрыву готовящихся чернорабочих масс.

Такова задача и, скажем прямо, таково единственное дело революционной пропаганды. Каким образом это дело должно быть совершено нашей молодежью, печатным образом рассказывать неудобно. [...]

[...] Русский народ только тогда признает нашу образованную молодежь своей молодежью, когда он встретится с нею в своей жизни, в своей беде, в своем деле, в своем отчаянном бунте. Надо, чтобы она присутствовала отныне не как свидетельница, но как деятельная и передовая, себя на гибель обрешая соучастница, повсюду и всегда, во всех народных волнениях и бунтах, как крупных, так и самых мелких. Надо, чтобы, действуя сами по строго обдуманному и положенному плану и подвергая в этом отношении все свои действия самой строгой дисциплине, для того чтобы создать то единодушие, без которого не может быть победы, она сама вос-

питалась и воспитала народ не только к отчаянному сопротивлению, но также и к смелому нападению.

В заключение прибавим еще одно слово. Класс, который мы называем нашим умственным пролетариатом и который у нас уже в положении социально-революционном, т. е. просто-напросто отчаянном и невозможном, должен теперь проникнуться сознательною страстью социально-революционного дела, если он не хочет погибнуть постыдно и втуне, этот класс призван ныне быть приурочителем, т. е. организатором народной революции. Для него нет другого выхода. [...]

Порвавши безвозвратно все связи с миром эксплуататоров, губителей и врагов русского народа, они ²² должны смотреть на себя как на капитал драгоценный, принадлежащий исключительно делу народного освобождения, как на такой капитал, который должен тратить себя лишь на пропаганду народную, на постепенное возбуждение и на организацию всенародного бунта.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Настоящая работа, полное название которой «Революционные вопросы. Федерализм, социализм и антитеологизм», была написана Бакуниным в 1867 г. в качестве «Мотивированного предложения центральному комитету «Лиги мира и свободы» (таков ее подзаголовок) от имени Бакунина, Н. И. Жуковского, Н. П. Огарева, поляков В. Мрочковского и Я. Загорского и француза А. Наэ к Бернскому конгрессу (1868 г.) этой буржуазной организации. Однако ввиду выхода Бакунина из Лиги работа осталась в корректуре и имела хождение в то время и частично публиковалась. Раздел «Социализм» представляет собой первое полное изложение взглядов Бакунина. Орывки из него печатаются по: *Бакунин Михаил*. Избранные сочинения. Пб.—М., т. 3, 1920, с. 137—139, 142—144, 145—147.

² См. наст изд., с. 325, прим. 16. Вместе с Бабефом был казнен только О. А. Дарте.

³ Слова Бакунина о Кабе и Луи Блане можно понимать, вероятно, в том смысле, что в их лице идеи социализма приобрели широкую популярность среди трудящихся масс.

⁴ В Избранных сочинениях Бакунина ошибочно указан 1852 год.

⁵ Речь идет о поражении первого вооруженного пролетарского выступления во Франции — июньского восстания 1848 г., после которого революция пошла на спад.

⁶ Речь идет об утопическом романе «Путешествие в Икарию» (1840) Э. Кабе и работе Луи Блана «Организация труда» (1839).

⁷ Утопическая идея Прудона о народном банке, построенном на началах беспроцентного кредита и безденежного обмена, была реализована в январе 1848 г. самим Прудоном, но независимо от неосуществимости самой идеи банк вскоре погиб, так как его основатель был осужден на тюремное заключение.

⁸ Настоящая работа написана в форме обращения к членам буржуазной Лиги мира и свободы.

⁹ То есть I Интернационал.

¹⁰ Речь идет о «Национальной лиге реформ», основанной в 1849 г. одним из лидеров чартистского движения О'Брайеном (O'Brien), выступавшим под псевдонимом I. Brongterre. Имевшая социалистическую программу «Лига» позднее присоединилась к I Интернационалу.

¹¹ «Наша программа» написана М. А. Бакуниным и Н. И. Жуковским, однако степень участия Жуковского в ней фактически не прослеживается. Она была напечатана в № 1 журнала «Народное дело», вышедшего в сентябре 1868 г. в Женеве. В настоящем издании печатается по *НЭЛ*, с. 120—121.

¹² Обещание не было выполнено. С № 2 «Народное дело» перешло в руки молодых русских эмигрантов — Н. И. Утина и др., порвавших с Бакуниным и организовавших впоследствии русскую секцию I Интернационала.

¹³ Впервые напечатано в виде приложения к книге «Государственность и анархия», вышедшей в Цюрихе в 1873 г. Настоящая публикация (с сокращениями) сделана по *РН*, с. 38—42, 43, 45—46, 47—49, 50—51, 53—55.

¹⁴ Вероятно, имеются в виду чайковцы или, иначе, члены «Большого общества пропаганды», а также других народнических кружков накануне их «хождения в народ».

¹⁵ Возможно, речь идет о сторонниках русской секции I Интернационала.

¹⁶ Бакунин имеет в виду брошюры Ф. Лассаля «Открытое письмо центральному комитету о созыве общегерманского конгресса в Лейпциге» (1863) и «Господин Бастия-Шульце из Делича, или Капитал и труд» (1864).

¹⁷ Саваоф — одно из имен Яхве (Ягве, Йегова), бога в иудаизме.

¹⁸ Правительствующий Сенат — в царской России (1711—1917 гг.) высший государственный орган, подчиненный императору. Комплектовался императором, как правило, из высших государственных чиновников, отправляемых на пенсию или в отставку.

¹⁹ Бакунин имеет в виду следующее место из программы журнала «Вперед!» П. Л. Лаврова: «Легально существующие органы общественного управления могут в минуту общественного потрясения захватить власть, им теперь не принадлежащую, расширить свою государственную функцию, стать разом из второстепенного и третьестепенного элемента руководящим центром, перед которым преклонится или стушется императорское самодержавие, и тогда путем перехода законодательной власти из кабинета неограниченного императора в залу Земского собора или правительствующего Сената может произойти легальный переворот с конституционным, парламентарным порядком вещей. Конечно, этот путь рисуется как наилучший воображению наших конституционалистов по образцу западноевропейских парламентов, законодательных палат и т. п.» (*РН*, т. 1, с. 33). Далее Лавров писал: «Мы не можем сочувствовать этим легальным революционерам и не можем допустить их программы на наши страницы... Уже теперь мы будем постоянно противопоставлять их программе на наших страницах те положения, которые мы считаем единственно рациональными для лучшей будущности русского народа и которые концентрируются в одной политической задаче: подчинение интересам крестьянства интересам прочих сословий, автономная светская община, как основной элемент русского государственного и общественного строя. Мы ожидаем, чтобы русские конституционалисты поставили эту задачу во главе своей политической программы» (там же, с. 34—35).

²⁰ То есть русского семьянина, о котором говорится в опущенной части текста.

²¹ Речь идет о так называемом «заговоре» С. Г. Нечаева, создавшего в 1869 г. тайное общество «Народная расправа», в котором применялись методы мистификации и провокации. Нечаев и другие члены организации убили студента И. И. Иванова по подозрению в предательстве. Воспользовавшись этим, царское правительство устроило в 1871 г. большой судебный процесс, по которому были привлечены и участники студенческих волнений 1868—1869 гг., с целью скомпрометировать революционеров.

²² То есть представители умственного пролетариата.

Петр Лаврович ЛАВРОВ

Мы имеем перед собою крестьянство, пережившее полтысячелетия крепостного и фискального гнета, общину, неизбежно извращенную, испорченную, в которой кулачество и стремление к кулачеству развивается вполне естественно. В ней осталось лишь кое-что из начал рабочей солидарности прежнего времени. Это кое-что может служить точкой отправления для прививки научно-социалистических идей, но не более. С другой стороны, научный социализм современности есть не случайный продукт местных столкновений и условий; это — продукт общего исторического движения и долгой работы мысли. [...] Теперь надо вести дело пропаганды как бы не понадобилось никаких уступок, как бы русский народ мог осуществить социалистический идеал вполне. В этом должна бы, по моему мнению, заключаться настоящая роль настоящих «народников».

П. Л. ЛАВРОВ

Автор знаменитой «формулы прогресса» — *«Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости»* (курс. авт.) — П. Л. Лавров был и сам личностью, обладавшей такой умственной и нравственной силой, которая подвигала других к самосовершенствованию и историческому действию во имя идеалов социализма. «Вечная честь русскому социализму, давшему рабочему классу всего мира этого героя мысли, столь кроткого и вместе столь непобедимого!» — говорил о нем П. Лафарг (Речь на могиле П. Л. Лаврова — В сб.: Памяти П. Л. Лаврова. Женева, 1900, с. 48).

Он родился 2 (14) июня 1823 г. в селе Мелехове Великолукского уезда Псковской губернии, умер 25 января (6 февраля) 1900 г. в Париже. Из потомственных дворян. До 1837 г. воспитывался дома, затем в Петербурге в Артиллерийском училище и Академии, по окончании которой в 1844 по 1866 г. преподавал математику в училище и в других военных учебных заведениях. В 1858 г. был произведен в полковники «полевой пешей артиллерии».

С детства Лавров постоянно и усиленно занимался самообразованием, но формирование его мировоззрения и политических взглядов шло медленно. Он пережил в молодости и религиозные и царистские иллюзии, но в 40-е годы знакомится с сочинениями социалистов («Трактат о домашней земледельческой ассоциации» Ш. Фурье, например, дал ему отец, полагая, что это сочинение по агрономии), изучает историю французской революции. Уже в 1842 г. Лавров записывает в своем дневнике: «Я не отрекаюсь от прежнего, но готов на все новое». Мощным стимулом для духовного созревания Лаврова явилась революция 1848—49 гг. Он написал ряд политических антиправительственных стихотворений. Некоторые из них ходили по рукам, а два («Пророчество» и «Русскому народу») с «Письмом к издателю» в 1857 г. без имени автора были опубликованы Герценом в «Голосах из России». В это время начинается и публицистическая деятельность Лаврова (печататься он начал еще в 1852 г.) в различных русских журналах. К концу 50-х годов его мировоззрение уяснилось и выработалось в подробностях, и с «тех пор, — как писал Лавров в 1885—89 гг. в «Биографии-исповеди», — он не нашел ни нужным, ни возможным изменить его ни в одном существенном пункте». В ряде философских статей этого времени и особенно в книгах «Очерки вопросов практической философии. I. Личность» (1860, с посвящением А. Г [ерцену] и П. П [рудону]) и «Три беседы о современном значении философии» (1861) он сформулировал основы своего мировоззрения как «антропологическую точку зрения». Работы эти обратили на себя внимание Чернышевского, Писарева и др. и вызвали полемику в русской печати. В 1861 г. Лавров был приглашен к редактированию «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами». Вскоре он стал его главным редактором и стремился превратить словарь по содержанию и грандиозности замысла в подобие энциклопедии Д. Дидро и Д'Аламбера. Однако в 1863 г. издание было прекращено вследствие доносов церковников и враждебной кампании, поднятой реакционной прессой.

В 1861 г. начинается активная общественно-политическая деятельность Лаврова. Он сближается с Чернышевским, Михайловым и другими революционными демократами, во время студенческих волнений помогает арестованным студентам, подписывает петиции с просьбой смягчения участи арестованного Михайлова, наконец, вступает в тайное общество «Земля и воля». За Лавровым учреждается «строгое наблюдение» агентов III отделения. 25 апреля (7 мая) 1866 г. его арестовывают за участие в неразрешенной «Изда-

тельской артели», предают военному суду, увольняют со службы и в 1867 г. ссылают в Вологодскую губернию (сначала в Тотму, потом в Вологду и Кадников). В ссылке он пишет и в 1868—69 гг. печатает в «Неделе» (под псевдонимом П. Миртов) свои «Исторические письма», оказавшие значительное влияние на последующее народническое движение своей социалистической теорией прогресса.

В феврале 1870 г. с помощью революционера Г. А. Лопатина Лавров бежал из ссылки за границу и в марте прибыл в Париж. Осенью он вступает в члены I Интернационала, участвует в деятельности Парижской коммуны, в мае 1871 г. делегируется в Бельгию и Англию к представителям Интернационала за помощью. Во время пребывания в Лондоне знакомится с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В конце 1872 г. ряд революционных групп и кружков в России предложили Лаврову редактирование заграничного органа. Для журнала, получившего название «Вперед!» (издавался с 1873 г. в Цюрихе, а с 1874 г. — в Лондоне), он пишет программу и большинство статей, а IV, последний выпуск журнала (с января 1875 г. издавалась и газета «Вперед!») целиком состоял из работы Лаврова «Государственный элемент в будущем обществе» (1876). На страницах «Вперед!» Лавров обосновывал революционную и социалистическую программу, отличную от других народнических течений (сторонников М. А. Бакунина и П. Н. Ткачева).

В 1876 г. Лавров сложил с себя обязанности редактора «Вперед!», разойдясь во взглядах с другими сотрудниками, и в 1877 г. переселился в Париж, продолжая поддерживать связи с русскими революционными кружками и организациями (в частности, с организациями «Черный передел» и «Народная воля»), представители которых часто обращались к нему за помощью. В Париже он выступает инициатором и организатором ряда собраний различных фракций русских революционеров, читает лекции и рефераты по вопросам теории социализма и революционного движения, участвует вместе с Г. В. Плехановым в издании «Русской социально-революционной библиотеки», в составе которой выходит его работа «18 марта 1871 года» (1880). Лавров организует вместе с В. И. Засулич «Заграничный отдел общества Красного Креста «Народной воли», за что был выслан в феврале 1881 г. из Парижа, в который, однако, возвратился в мае под фамилией Кранца. В 1883—86 гг. Лавров был одним из редакторов «Вестника Народной воли» (в котором напечатал, в частности, в 1884—85 гг. свою работу «Социальная революция и задачи нравственности»). В 80—90-е годы Лавров принимал активное участие во многих литературных начинаниях русских революционеров: в 1884 г. он составил программу «Библиотеки социального знания» московского «Общества переводчиков и издателей», в 1887 г. участвовал в создании «Социалистической библиотеки» цюрихского «Литературного социалистического фонда», в 1893 г. возглавил издание «Материалов для истории русского социально-революционного движения». Лавров был активным деятелем международного социалистического и рабочего движения, в частности,

в июле 1889 г. он был делегатом от России на Международном социалистическом конгрессе в Париже. Живя за границей, Лавров постоянно сотрудничал в различных русских (журналы «Отечественные записки», «Дело», «Знание», «Слово», газета «Русские ведомости» под различными псевдонимами) и заграничных изданиях (в том числе в 1891 г. в газете немецких социал-демократов «Vorgwärts» («Вперед»). В эти годы вышли его крупные научные труды: «Опыт истории мысли» (СПб., 1875, т. 1, вып. 1, анонимно), «Опыт истории мысли нового времени» (Женева, 1888—1894), «Очерк эволюции человеческой мысли» (Женева, 1898), «Задачи понимания истории» (М., 1898, псевдоним «С. С. Арнольди»).

Восьмитысячная процессия провожала 30 января (11 февраля) 1900 г. гроб с телом Лаврова на Монпарнасское кладбище в Париже. Представители социалистов различных стран выступали с речами, зачитывались многочисленные телеграммы. В телеграмме из Штутгарта Клара Цеткин назвала покойного «одною из самых светлых личностей народного социализма».

СОЧИНЕНИЯ (кроме названных)

Доленги А. [Лавров П. Л.] Важнейшие моменты в истории мысли. М., 1903. Арнольди С. С. [Лавров П. Л.] Современные учения о нравственности и ее история. СПб., 1903—1904.

Лавров П. Л. Собрание сочинений. Серия 1 (статьи по философии), вып. 2—6; серия III (статьи научного характера), вып. 1, 2, 5, 8; серия IV (статьи историко-философские), вып. 1, 7, 9; серия V (статьи по истории религии), вып. 1; серия VI (статьи социально-политические), вып. 7. Пг., 1917—1920.

Лавров П. Л. Этюды о западной литературе. Пг., 1923.

Лавров П. Л. Народники-пропагандисты. 1873—1878 гг. Изд. 2-е, испр. Л., 1925.

Лавров П. Л. Избранные сочинения на социально-политические темы в восьми томах. М., 1934—1935, т. 1—4 (в т. 1, 3, библиография произведений Лаврова 1852—1875 гг.).

Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения в двух томах. М., 1965.

Вперед! 1873—1877. Материалы из архива Валериана Николаевича Смирнова. Dordrecht — Holland, 1970, т. 1—2.

Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы в двух томах. Dordrecht — Holland [Boston — YSA], 1974.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов. — Там же, т. 2.

Плеханов Г. В. Наши разногласия. — Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956, т. 1.

Русанов Н. Социалисты Запада и России. СПб., 1908.

Витязев П. [Седенко Ф.] П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский. Пг., 1917.

Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Пг., 1921, вып. 1.

П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пг., 1922.

Книжник-Ветров И. П. Л. Лавров. Изд. 2-е. М., 1930.

Богатов В. В. Философия П. Л. Лаврова. М., 1972.

Володин А. И., Итенберг Б. С. Лавров. М., 1981 (ЖЗЛ).

Тхоржевский Сергей. Испытание воли. Повесть о Петре Лаврове. М., 1985 (ПР).

ТЕКСТЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА ¹

[...] *Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости* — вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом; и прибавлю, что я в этой формуле не считаю ничего мне лично принадлежащим, более или менее ясно и полно высказанная, она лежит в сознании всех мыслителей последних веков, а в наше время становится ходячею истиною, повторяемую даже теми, кто действует несогласно с нею и желает совершенно иного. [...]

[...] Предложенная формула, как мне кажется, при своей краткости, допускает обширное развитие, и, развивая ее, мы получим полную теорию как личной, так и общественной нравственности. Здесь я принимаю эту формулу за основание для последующего и прямо приступаю к рассмотрению некоторых условий, необходимых для осуществления прогресса в том смысле, который указан выше.

Развитие личности в *физическом* отношении лишь тогда возможно, когда она приобрела некоторый минимум гигиенических и материальных удобств, ниже которого вероятность страдания, болезней, постоянных забот далеко превосходит вероятность какого-либо развития, делает последнее долею лишь исключительных личностей, а все остальные обрекает на вырождение в ежеминутной борьбе за существование, без всякой надежды на улучшение своего положения.

Развитие личности в *умственном* отношении лишь тогда прочно, когда личность выработала в себе потребность критического взгляда на все, ей представляющееся, уверенность в неизменности законов, управляющих явлениями, и понимание, что справедливость в своих результатах тождественна с стремлением к личной пользе. [...] ²

Развитие личности в *нравственном* отношении лишь тогда вероятно, когда общественная среда позволяет и поощряет в личностях развитие самостоятельного убеждения; когда личности имеют возможность отстаивать свои различные убеждения и тем самым принуждены уважать свободу чужого убеждения; когда личность сознала, что ее достоинство лежит в ее убеждении и что уважение достоинства чужой личности есть уважение собственного достоинства.

Воплощение в общественных формах истины и справедливости предполагает прежде всего для ученого и мыслителя возможность высказать положения, считаемые им за выражения истины и справедливости; затем оно предполагает в обществе некоторый минимум общего образования, позволяющий большинству понять эти положения и оценить аргументы, приводимые в их пользу; наконец, оно предполагает такие общественные формы, которые допускали бы изменение, лишь только окажется, что эти формы перестали служить воплощением истины и справедливости. [...]

ВПЕРЕД! — НАША ПРОГРАММА ³

[...] Для нас в настоящую минуту существуют две общечеловеческие цели, две борьбы, в которых должен участвовать всякий мыслящий человек, становясь на сторону прогресса или реакции; две борьбы, в которых индифферентным быть нельзя, отношение к которым должно определить отношение ко всем остальным вопросам, как к второстепенным; две борьбы, которые должны быть девизом всякой личности, всякой партии, всякой нации, желающей участвовать в развитии человечества. Это, во-первых, борьба реального мирозерцания против мирозерцания богословского, ясно сознанных человеческих потребностей против всех идолов богословских и метафизических, теоретических и нравственных; короче говоря, борьба науки против религии. Это, во-вторых, борьба труда против праздного пользования благами жизни, борьба полной равноправности личности против монополии во всех ее формах и проявлениях, борьба рабочего против классов, его эксплуатирующих, борьба свободной ассоциации против обязательной государственности, короче говоря, борьба за реализацию справедливейшего строя общества. [...]

Религиозный, церковный, догматический элемент нам безусловно враждебен. Мы опираемся на критику, стремимся к торжеству реальной мысли, к удовлетворению реальных потребностей. Между нами и различными сектами ортодоксальными и еретическими, опирающимися на откровение или на идеалистическую метафизику, нет ничего общего. Принцип сверхъестественного, мистического мы не признаем ни в одном из его оттенков.

Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный. Мы видим в нем самую важную задачу настоящего, единственную возможность лучшего будущего. В союзе большинства рабочих в свободную ассоциацию, в организации этого союза для совокупного и могучего действия, в торжестве этой организации и в установлении нового общественного строя на развалинах промышленно-легальных государств и сословий настоящего мы видим единственное средство осуществить это будущее. Возможные орудия этого осуществления в настоящую минуту различны для России и для Европы, а в самой Европе довольно важные разногласия воору-

жают по этому поводу друг против друга партии, которых одинаковую искренность в стремлении к одной и той же общей цели мы не имеем никакого основания заподозрить. При этом различия взглядов на способы исполнения программы, самая программа в своих принципах уже определилась. Она высказана в постановлениях нескольких конгрессов, выражавших общие стремления рабочего пролетариата в Европе ⁴; она высказана в органах и брошюрах всех оттенков мнений, которые, расходясь во многом, сходятся в борьбе с легально-промышленным строем настоящего в пользу рабочего; она лежит в основе всех стремлений наших русских деятелей в пользу крестьян; к ней может и должен примкнуть каждый, кто серьезно хочет установления лучшего общественного строя; к ней примкнем и мы. Начала этой программы одинаково существенны и для тех, которые думают, что русский сельский работник должен идти к перестройке русского общества путем иной организации, чем фабричный работник Запада, и для тех, которые преимущественно напирают на необходимость сильного центрального учреждения для рабочего сословия в Европе и Америке, на важность участия рабочих в политической борьбе настоящего, и для тех, которые стоят с особой энергией за самостоятельность мелких групп, за резкое отличие политической программы рабочих от всех политических программ современности. Все эти взгляды сходятся в потребности совокупного действия (более или менее централизованного, более или менее федеративного) для доставления полного господства рабочему в новом общественном строе; все они сходятся на решимости действовать сообща против общего врага, опирающегося на армии, на полицию, на одностороннюю легальность, на громадные силы государственной организации. Каков бы ни был личный взгляд каждого из нас в этих спорных вопросах, мы не можем решиться сделать из него отличительное знамя нашего издания. Наше знамя есть общая цель, а не частные средства. [...] Будем уяснять друг другу те пункты, в которых расходимся, но будем прежде всего сознавать, что у нас *одна* цель и *одни* враги. Будем действовать сообща. В этом наша сила. Будем помнить, что лишь путь организации *совокупного* рабочего движения тем или иным путем ведет к нашей цели. Других средств общей борьбы пока нет, а это средство возможно, сильно и допускает самое широкое развитие в будущем. Одиночная борьба против могучей организации врагов бессмысленна и нецелесообразна. Личность, стремящаяся к лучшему будущему, должна ясно сознавать, какие средства возможны для ее цели.

Вопрос *политический* для нас подчинен вопросу социальному и в особенности экономическому. Государства, *так как они существуют*, враждебны рабочему движению, и все они должны окончательно разложиться, чтобы дать место новому общественному строю, где самая широкая свобода личности не будет препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперации для общей цели. Но это далекое будущее, общественный идеал,

который следует иметь постоянно в виду, не обманывая себя, однако же, надеждою на возможность его осуществления ни сегодня, ни завтра.

Между этим идеалом будущего свободного общежития, в котором исчезнет всякий след государственной принудительности, и теми централизованными государствами мира, которые дают на большинство населения при посредстве сложного легального формализма и обширной административной сети, лежит целый ряд посредствующих политических форм, которые выставлены были теоретически или для которых существовали более или менее удачные попытки практического осуществления, и в борьбе этих форм с современною государственностью подготавливается торжество далекого будущего. [...]

Вопрос *национальный*, по нашему мнению, должен совершенно исчезнуть пред важными задачами социальной борьбы. Национальности представляют совершенно реальную и неизбежную почву для каждого общественного процесса. Приходится действовать в *данной* местности на общество, говорящее *данным* языком, выработавшееся до *данной* культуры. Если это не взять в соображение, то цель общественной деятельности получит совершенно отвлеченное значение и никогда не осуществится. В разных местностях, для разных национальностей задачи данного мгновения могут быть различны, но каждая нация должна делать *свое* дело, сходясь в общем стремлении к общечеловеческим целям. Борьба против религиозного элемента, отрицание всякого союза с церковною и сектаторскою организациею, распространение организации международной ассоциации рабочих⁵, стремление к федерации самоуправляющихся общин или свободных союзов — в этом все национальности могут и должны работать сообща, и в этой общей работе нет препятствий. Для нее границ, языков, преданий не существует. Есть только люди и общие им всем цели. Эти принципы неизбежно требуют самой решительной борьбы противу той национальной раздельности, противоположности, враждебности, которые еще слишком часто отзываются в привычках даже мыслящих людей. Всякое возбуждение к соперничеству рас или наций есть прямое отрицание международной социального вопроса и единства борьбы подавленных классов общества противу их притеснителей. [...]

Для русского специальная почва, на которой может развиваться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политический элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянству то образование и то понимание его общественных потребностей, без которого оно никогда не сумеет воспользоваться своими легальными правами, как бы они широки

ни были, и никак не выйдет из-под эксплуатации меньшинства, даже в случае самого удачного переворота — вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству.

Но какими средствами можно осуществить эти цели? [...]

На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только с *целью* народного блага, не только *для* народа, но и *посредством* народа. Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить за собой устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшою группою более развитого меньшинства, что социалисты-революционеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовать им неподготовленную массу. Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой, каков бы ни был источник новой власти. Будущий строй русского общества, осуществлению которого мы решились содействовать, должен воплотить в дело потребности большинства, им самим созданные и понятые. При малой грамотности и неподготовленности большинства мы не можем обратиться прямо к нему с нашим словом. Мы обращаемся с ним к той доле цивилизованного русского меньшинства, которая понимает, что будущее принадлежит народу, что эксплуатация его должна кончиться и кончиться так или иначе, что им остается лишь стать в ряды народа или отказаться от всякой возможности для них прогрессивной Деятельности. На этой доле цивилизованного русского меньшинства лежит обязанность не навязывать народу свои идеи ввиду облагодетельствования большинства, но уяснить народу его истинные потребности, наилучшие средства удовлетворения этих потребностей и ту силу, которая лежит в народе, но им не признана и потому не может быть им употреблена в дело для подавления его врагов и для доставления себе лучшего положения. Тот, кто желает блага народу, должен стремиться не к тому, чтобы стать властью при пособии удачной революции и вести за собою народ к цели, ясной лишь для предводителей, но к тому, чтобы вызвать в народе сознательную постановку целей, сознательное стремление к этим целям и сделаться не более как исполнителем этих общественных стремлений, когда настанет минута общественного переворота. [...]

[...] Трудность сблизиться с народом вызывает разнообразные взгляды на возможность и целесообразность тех или других приемов в общественной деятельности, для приготовления переворота, долженствующего осуществить лучшее будущее России. Каковы бы ни были эти взгляды, мы считаем в них существенными и неизменными следующие пункты:

Лишь строгою и усиленною личною подготовкою можно выработать в себе *возможность* полезной деятельности среди народа.

Лишь внушив народу доверие к себе, как личности, можно создать необходимые *условия* подобной деятельности.

Лишь уясняя народу его потребности и подготавливая его к самостоятельной и сознательной деятельности для достижения ясно понятых целей, можно считать себя действительно полезным участником в современной подготовке лучшей будущности России.

Лишь тогда, когда течение исторических событий укажет само минуту переворота и готовность к нему народа русского, можно считать себя *вправе* призвать народ к осуществлению этого переворота. [...]

[...] Готовьтесь к этой минуте умственным развитием, житейским опытом, выработкою в себе твердого характера. Готовьте к ней народ русский, уясняя ему его истинные потребности, его вечные права, его грозные обязанности, его могучую силу. А затем, когда минута настанет, идите с народом на завоевание этих прав, на исполнение этих обязанностей, на развитие этой силы. Идите вперед, чего бы это ни стоило вам, чего бы это ни стоило народу. Какова бы ни была цена этого будущего, оно должно быть завоевано. [...]

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ УЧЕНИЙ

IV. УСЛОВИЯ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА ⁶

[...] В научной разработке теории общества есть особенность очень важная, которая смутила индифферентистов и трусов. *Настоящая социология есть социализм*. Теоретическая разработка социальных вопросов вызывает неизбежно к практической деятельности. К перестройке общества. Нельзя понимать — в самом деле понимать — факты общественной жизни, не стремясь направить ход этой жизни в ту или другую сторону. Кто ограничивается только пониманием фактов, тот этим самым доказывает свое непонимание их. Социальный факт заключается по своей сущности в совокупной деятельности личностей для перехода от строя общества, как оно было, к строю общества, как оно должно быть. [...]

Реальные факты [...] служат основанием науки. Тот, кто руководствуется ими, стоит на научной почве. Тот, кто угадал или случайно наткнулся на один из основных реальных фактов ее, может быть записан в ряды ее строителей.

Основной реальный факт социологии есть тот, что общество, в своих изменяющихся формах, есть продукт комбинации деятельности личностей, стремящихся удовлетворить своим потребностям. Удовлетворение потребностей человека в их развитии путем общежития — вот реальный смысл творчества общественных форм.

Но в человеке побуждения разнообразны; иные из них не только не содействуют комбинации деятельности личностей и удовлетворению потребностей большинства их, но противодействуют этой задаче общежития. Общество, где господствуют подобные побуждения, включает в себе противоречие, болезненное начало. Приходится поэтому отличать *здоровое* общество от *больного*, *патологические* общественные явления, ведущие к увеличению страда-

ний, к расстройству комбинации деятельности, к разрушению общества,— от *физиологических*. Укажем два главные патологические элемента общежития.

Человек унаследовал от своих праотцев животного происхождения эгоистическое побуждение к борьбе всех против всех, к эксплуатации всего окружающего в виду личного наслаждения, и это эгоистическое, антисоциальное побуждение влияло в значительной степени на видоизменение форм общества, противодействуя правильному удовлетворению потребностей большинства, вызывая разделение людей на касты, различные виды рабства и крепостничества, деспотизм правительств, деспотизм главы семьи, господство аристократии, конкуренцию и монополию капиталов и т. п. Это побуждение, при решении задач социологии, входит в условия как сила, противодействующая правильному их решению на всех низших ступенях своего развития; только на высших происходит отожествление личного наслаждения с делом на общую пользу. Вследствие существования этой главной силы, противодействующей, вообще говоря, социологическому развитию, развивается главная группа общественных болезней; *эксплуатация* большинства меньшинством становится главным патологическим явлением; более или менее полная *кооперация* — характеристикой более или менее здорового состояния общества; и мы получаем второй реальный закон социологии: здоровое общество есть лишь то, где комбинация деятельности личностей, создающая и поддерживающая общество, действительно направлена на удовлетворение потребностей большинства членов общества, а не к удовлетворению потребностей немногих в ущерб всем остальным; иначе говоря, *здоровое общество есть то общество, в котором господствует кооперация, а не эксплуатация*.

Другое побуждение, унаследованное человеком от еще более раннего периода развития органического мира, есть побуждение следовать привычке в своих действиях, сохранять общественные формы потому лишь, что они обычны, повторять в ряде поколений одни и те же действия потому лишь, что они совершались прежде. Это побуждение, по-видимому, не только не препятствует общежитию, но усиливает комбинацию деятельности [...]. Но оно не так. [...] У человека стремление эксплуатировать других растет за всякие пределы, если не находит помехи или в общественном строе, или в высоком личном развитии. Побуждение подчиняться привычке, противодействуя, с одной стороны, личному развитию, с другой — улучшению общественных форм, в видах сдерживания эгоистических стремлений, становится прямым препятствием установлению здорового общежития, установлению общественной кооперации, в противоположность общественной эксплуатации. Поэтому господство привычек и обычаев в обществе есть явление болезненное, вызывающее остановку в развитии потребностей, ограничение в их удовлетворении и уменьшение противодействия главной силе, враждебной правильному общежитию. Как неизбежное следствие

предыдущего, получается третий реальный закон социологии: никакие общественные формы, установленные для людей, не достигших высшей степени развития, и укрепленные привычкою, не могут установить здорового общежития, правильной кооперации и устранения эксплуатации; лишь в последовательном изменении общественных форм, приноравливая их к росту общественных потребностей, лишь в развитии личностей, постоянно направляемом на переделку этих форм для удовлетворения этим растущим потребностям, заключается здоровый процесс общественной жизни. Это остается справедливым, пока в обществе не будут преобладать по числу личности, развитие которых выработало их эгоизм в наслаждение общим благом. Иначе говоря, при современном развитии личностей *здоровое общество есть общество, прогрессирующее в постройке своих форм, а не успокоившееся на определенной системе привычек.*

Тут представляется вопрос: чем следует руководствоваться при постоянном пересмотре наличных общественных форм, при постоянной необходимости изменять их для приноравливания к растущим потребностям? И в ответ на этот вопрос отъединяется научный социализм, как практическая социология, от религиозных решений общественных вопросов и от метафизических построений общества. [...]

Религиозный критерий не может годиться для научной социологии, как он не годится ни для одной науки. В мифах и в догматах скрыты реальные потребности, но эта одежда убивает содержание, потому что священный миф, неизменный догмат, сверхъестественный бог препятствует развитию, освящает господство привычки и обычая и, направляя мысль человека на сверхъестественную внешность учения, искажает потребности человека, развивает их в искусственном направлении и мешает их здоровому наблюдению. Поэтому ни одно социалистическое учение не могло принести реальной пользы человечеству в своей связи с религиозным догматом; ни одна секта, проводящая здоровые социальные начала во имя сверхъестественного откровения, не может считаться ничем иным, как временным подспорьем социального развития, крайне ненадежным и большею частью вредным союзником здоровой социальной деятельности. Религиозный энтузиазм непродолжителен; житейский эгоизм и критика мысли одинаково его подрывают; если социальное учение опирается на него, то с его ослаблением теряется большею частью и всякое стремление к социальным реформам или революциям; ренегаты религиозные становятся и ренегатами в общественном деле. Прочное социальное движение нуждается в иных союзниках. Отсюда мы получаем новый закон социологии: *лишь приближаясь к приемам научной критики, можно открыть настоящее руководство для перестройки общественных форм путем реформ или путем революции в виду здорового общественного развития.*

Метафизический критерий не имеет самостоятельного значения, потому что всякая высшая общественная идея⁷, взятая сама по

себе, есть временный исторический продукт общественной деятельности в виду удовлетворения одной потребности или одной группы потребностей человека. Если эта идея имеет реальную важность в настоящую эпоху, то все ее значение заключается исключительно в реальных потребностях, ее вызвавших, к которым и следует обратиться для решения социального вопроса, ею, по-видимому, разрешенного. Взятая же независимо от потребностей, ее вызвавших, всякая высшая идея становится идолом, служение которому не может ни содействовать здоровой кооперации, ни развивать научную критику, следовательно, может быть лишь вредно для общественного дела, отвлекая искренних мыслителей от реальных общественных задач и доставляя лицемерам и политическим интриганам новый громкий девиз для обмана их последователей. Перенесенная целиком из одной эпохи в другую, каждая высшая общественная идея есть анахронизм, стесняющий здоровый ход общественной жизни. Таким образом, общественная метафизика есть недостаточно строгое и недостаточно точное отношение к общественным задачам; преувеличение значения формальных результатов без обращения достаточного внимания на их реальное содержание; выделение одной потребности или одной группы потребностей человека, пренебрегая всеми прочими и разрушая таким образом единство и цельность развития личности и общества; перенесение формулы, выражавшей состояние общественных потребностей одной эпохи, на другую эпоху, когда потребности стали иными. Так как во имя общенаучной логики требуется строгое и точное отношение к задачам, обращение к реальным фактам, а не к отвлеченным формулам, рассмотрение явлений в их целостности, в их связи и в их реальном подчинении, наконец, рассмотрение их в том их фазисе, который соответствует решаемому вопросу, и так как все реальное содержание высшей идеи общественной метафизики заключается в реальных элементарных потребностях человека, то из предыдущего следует: *руководством для перестройки общественных форм и для общественной деятельности личности могут быть лишь реальные элементарные потребности человека в их гармоническом развитии, подчинении и соглашении.* [...]

Этот последний закон составляет основной узел для перехода социологии в социализм и для уяснения его научного значения. Всякое здоровое прогрессивное развитие общества должно восходить к основным началам общества, к удовлетворению всех элементарных потребностей в их единстве, следовательно, пересмотр общественных форм никогда не может быть частным; нет ни одной основной формы общежития (ни святыни собственности, ни святыни семьи, ни святыни государства), которая могла бы остаться вне этого пересмотра [...]. Реформы или революции всегда должны охватывать все основные элементы общественной жизни. Иначе говоря, *только социализм есть истинная социология.* [...]

[...] Теоретическая мысль должна была быть надлежащим образом подготовлена для основной критики вопросов социологии.

История должна была подготовить надлежащую почву, во-первых, для начальной постановки этих вопросов, во-вторых, для открытия правильного пути для их решения, наконец — для формулировки этого решения наиболее правильным образом. [...]

Чтобы вопросы общественные могли быть поставлены верно, необходимо было, чтобы вопросы о человеческих потребностях, вопросы биологии и психологии, были достаточно разработаны, чтобы истины предварительных наук были надлежащим образом поняты. Лишь успехи биологии и психологии подготовили в нашем веке правильную постановку вопросов научного социализма.

Другая подготовка заключалась в историческом развитии рабочего сословия. Образование свободного пролетариата вызвало ряд социалистических систем первого периода; революции политические подготовили теории революционного социализма; точно так же полное господство капиталистического производства в XIX веке и его безусловное влияние, прямое или косвенное, на все исторические явления вызвало сначала местное явление рабочих союзов, усиливающихся и распространяющихся стачек, затем мысль об организации труда, обширную литературу по рабочему вопросу, критику установившихся экономических теорий; наконец, все эти влияния концентрировались в объединяющую теорию *международного рабочего социализма*. Он есть, в области теории, научное понимание отношений труда к капиталу и обусловление этими отношениями всех общественных явлений; он есть, в области практики, требование социальной революции, произведенной на почве организации рабочего сословия всех стран и племен в один союз, долженствующий подорвать все государственные, национальные, монопольно-экономические общественные формы для замещения их новым строем, все основания которого логически вытекают бы из требования свободного удовлетворения потребностей большинства. [...]

[...] Настоящее и будущее принадлежат, бесспорно, международному рабочему социализму; он имеет за себя научное основание строгой критики общественных отношений, восходящей к основным реальным потребностям; он опирается на твердую почву самого обширного класса людей, более и более связанного в одну общую организацию; он имеет, наконец, за себя практичность приемов приготовления социальной революции.

Социальные теории настоящего имеют один недостаток, который позволяет надеяться, что они вступят в непродолжительное время в новый период. Они разрешили научно связь экономического вопроса с политическим и установили подчинение последнего первому. Но они остановились перед радикальным решением вопроса о семье. Между тем строй семейных отношений данного общества находится в самой тесной связи с его политическими и экономическими условиями. Это чувствовало большинство социалистических мыслителей с самого давнего времени и вводило в свои системы более или менее радикальное решение семейного вопроса. Но эти

решения были большею частью угадками или эмпирическими приемами и часто носили на себе следы отсталых взглядов на аффективные потребности человека. Так было до самого появления научных построений рабочего социализма. Эти последние почти не касались этого вопроса, и он научно не разработан помощью тех же приемов, которыми разобраны вопросы экономические и политические в их связи. Движение, которое называют теперь женским вопросом, поднялось в Европе и Америке вне всяких отношений к рабочему социализму, и лишь у нас, в России, они связаны, но более эмпирически, чем строго научно. Будущему периоду развития социальных учений принадлежит дополнить эти учения и научным решением вопроса об удовлетворении здоровых аффективных потребностей человека. [...]

РАБОЧИЙ СОЦИАЛИЗМ ⁸

[...] Каково же это новое, реальное начало солидарности, долженствующее победить нынешний буржуазный мир с его разлагающим принципом борьбы всех противу всех в виду личного обогащения?

Это — начало *общего труда на общую пользу, отдавая обществу все свои силы для его развития и беря от общества лишь необходимое для личного существования и развития*. Эта формула в немногих словах заключает всю программу социалистического общежития.

Как требование *общего труда*, социализм стал *рабочим социализмом* и сделался силою, опирающеюся на ту самую реальную почву, которая сначала вырастила все, чем жило, живет и будет жить человечество.

Как отдача личностью всех своих сил на *общую* пользу, рабочий социализм есть учение *солидарности*, связующее все трудящееся одним началом, в высшей степени реальным, именно началом реального труда.

Как задача *социального развития*, на которое должны быть употреблены все личные силы, рабочий социализм есть прогрессивная историческая сила, которая стремится выработать все высшие процессы, умственные и нравственные, на почве материального обеспечения всех и каждого.

Как требование от общества лишь *необходимого* для личности, рабочий социализм есть признание безнравственности аффекта жадности богатства, безнравственности борьбы за обогащение, безнравственности монополии, отрицание конкуренции, требование материального обеспечения для всех, при установлении «одного общего уровня» в *единственной* сфере, где установление этого уровня возможно и справедливо, — в сфере экономической, материальной жизни, причем отсутствие *всякой* монопольной собственности сделает невозможным восстановление экономической конкуренции со всеми ее результатами.

Как требование от общества необходимого не только для существования, но и для *развития* личности, рабочий социализм есть начало всестороннего и гармонического личного прогресса, умственного и нравственного, на уровне одинакового материального обеспечения. Он устанавливает *образованность*, минимум которой должен стоять, по своей реальности, цельности и основательности, далеко выше средней образованности нынешнего слоя представителей цивилизации; и на почве этой общей образованности он допускает самое безграничное разнообразие в развитии мысли научной, философской, эстетической, практической, с участием *всех* работников мысли и в работе физической, в работе, которая доставляет *всем* необходимое. Отсутствие непроизводительного накопления предметов пользования и роскоши в руках личностей, устранение избытка производства, направление техники на общепользные цели позволяют, вероятно, довести для каждой личности число часов дня физической работы до такого минимума, который оставит полный досуг работе личности над своим собственным развитием и над развитием социальным. [...]

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ В БУДУЩЕМ ОБЩЕСТВЕ ⁹

[...] Боевой ¹⁰ крик рабочего социализма заключается, как известно, в двух формулах:

Прекращение эксплуатации человека человеком.

Прекращение управления человека человеком.

В последней формуле, конечно, слово «управление» должно быть понято не в смысле *добровольного* подчинения одной личности в данном случае руководству другой, но в смысле *принудительной власти* одной личности над другою.

Представляется вопрос: *возможно ли* достижение этой цели в обществе, устроенном по требованию рабочего социализма? или этот боевой крик представляет утопию, неосуществимую в действительности? Замечу при этом, что неосуществимость второй формулы влечет за собою и неосуществимость первой, так как там, где принудительная власть человека над человеком останется неизбежным элементом общежития, нет *никакой* возможности устранить случаи злоупотребления этой властью в виду удовлетворения личных влечений людей, облеченных властью (хотя бы временно), а подобное злоупотребление есть уже «эксплуатация человека человеком». [...]

[...] Я позволяю себе заключить, что *обе* формулы, заключающиеся в боевом крике рабочего социализма [...], *одинаково достижимы*; что общежитие, устроенное по началам рабочего социализма, *может* устранить *управление человека человеком*; что оно *может* обойтись без специальной полиции, специального суда, специальной администрации, охватывающей разнообразные отрасли общественной жизни и тем обуславливающей образование некоторой

территориальной единицы, которая противопоставлялась бы другим подобным же единицам и следовательно — в некоторой степени конкурировала бы с ними. *Государственный элемент в будущем обществе*, когда это общество вполне проникнется началами рабочего социализма, может не только дойти до известного минимума, но *может и совершенно исчезнуть*. Вовсе не будет существовать какой-либо — меньшей и большей — доли общества, которая была бы поставлена в возможность, при *каждом* случае, навязать свою волю остальной доле общества, следовательно — не будет класса управляющего и класса управляемого. Все *существенные* потребности личные и общественные, которым удовлетворяла в разные эпохи государственная власть, будут удовлетворены иным путем, а *временная* потребность в государственной власти, неоспоримая в давно минувшие периоды, окажется несуществующею для общества, устроенного по началам рабочего социализма. Власть будет существовать в обществе, как формы руководства всякой коллективной деятельности, но эта власть, которую неизбежно будут «употреблять», не будет вовсе нуждаться в том, чтобы с нее «сбивали каску» или чтоб стремились ей придать «человечный вид» ¹¹. Она *не будет иметь возможности принять* «бесчеловечной формы», так как не будет ни одного человека, который был бы *властью* во всех проявлениях своей жизни; самая крупная личность будет участвовать лишь в некоторых формах власти и в столь же значительной доле отраслей общественной жизни будет занимать подчиненные должности. Для *каждого* специального дела будет существовать своя выборная власть, руководящая делом довольно неограниченно, однако под строгим контролем общественного мнения; но при разнообразии общественной жизни таких разнообразных властей будет весьма много, и потому именно ни одна из них не будет иметь возможности унаследовать функции теперешней государственной власти. [...]

Переходим ¹² к положению дел в России. [...]

[...] Не повторяя сказанного [...], приведу лишь несколько строк, резюмирующих то положение, в котором, по моему мнению, будут находиться социальсты-революционеры в минуту революции и которое должно обусловить особенность их приемов при решении задачи построения нового общества на другой день после революции ¹³:

«В среде общинных и артельных центров, уже существующих в русском народе и представляющих готовые и традиционные элементы народной солидарности, должны быть образованы группы, ясно понимающие задачи рабочего социализма. Эти группы должны быть связаны между собою по всей стране (или, по крайней мере, в достаточном числе местностей) крепкою практическою организацией, позволяющею согласно и энергически направить наличные революционные силы в данную минуту на то именно, что всего удобнее сделать в эту самую минуту. Из этих групп, как местных центров, должна разливаться, по мере возможности, быстрее и энергичнее волна пропаганды, уясняющей начала рабочего социализма,

волна агитации, возбуждающей массы, неуверенные в своих силах, против порядка, который обрек их на страдание и на гибель. Из этих групп, пока шансы победы недостаточны, должна постоянно выходить руководящая сила, сдерживающая попытки преждевременных местных бунтов. Из этих групп, в надлежащую историческую минуту, по общему соглашению, должен грянуть одновременно в разных углах России призыв к социальной революции, призыв, к которому будут готовы все группы, вошедшие в организацию; к которому сознательно примкнет всякий, кто более или менее ясно усвоил задачи рабочего социализма; который увлечет толпы сочувствующих, взволнованных агитациею во имя практических требований социальной революции; который поднимет массы во имя их страданий и во имя их доверия к руководящим группам. Эти самые группы, как естественные руководители всех разделяющих их убеждения, всех сочувствующих их целям, наконец, всех масс, поднявшихся по их призыву, составят основную народную федерацию русских революционных общин и артелей; и эта федерация, вырабатываемая из среды самого народа, в его естественных традиционных элементах, эта федерация народных групп, низвергнув старый общественный порядок, станет строителем нового по тем задачам рабочего социализма, которые она усвоила во имя того доверия, которое к ней будут иметь массы. В свои руки она возьмет общественное достояние, находившееся в руках государственных и частных хищников, чтобы немедленно, по подготовленному плану, сделать его народным достоянием в федеративной форме нового строя и как *общее* достояние всего рабочего люда. Под ее руководством организуется всеобщий труд на общую пользу, как основание будущего общественного развития. Она организует оборону нового общества против всяких его внутренних врагов, побежденных, запуганных, временно бессильных, но далеко не малочисленных; организует оборону общества против внешних врагов, которые могут угрожать новому порядку вещей... Она станет, наконец, как федерация равноправных групп, на страже против собственных своих членов, которые захотели бы внести в новый строй привычки и влечения старого порядка» [...].

[...] Все участники¹⁴ социально-революционного союза [...] неизбежно вносят в союз, рядом с сознательным стремлением бороться за новый строй общества, еще более или менее бессознательные привычки мысли и жизни, вынесенные из того самого старого строя, который они отрицают. [...] Итак, приходится теперь же с помощью взаимного контроля и взаимной поддержки каждому вырабатывать в себе и в других *нравственные* требования рабочего социализма.

Надо вырабатывать в себе и в других неуступчивое *отвращение от монополии* во всех ее формах и проявлениях.

Надо вырабатывать в себе и в других то *уважение к труду*, которое одно может обратить будущее общество в царство труда всех для общего развития.

Надо вырабатывать в себе и в других ясное понимание выделения *социально-революционных* вопросов из всех прочих политических, националистических вопросов, из культурных вопросов разного рода; то понимание, которое одно позволит социалистам-революционерам, не отклоняясь от своей цели и не дробя бесполезно свои силы, идти безостановочно и как можно быстрее к революции на началах рабочего социализма.

Надо вырабатывать в себе и в других те *привычки солидарности*, без которых осуществление лучшего общественного строя совершенно немыслимо.

Надо вырабатывать в себе и в других *сознание своего и чужого личного достоинства* и решимость отстаивать их всеми средствами и при всяких условиях, то сознание и ту решимость, которые одни могут сохранить за личностью ее независимость и самостоятельность при всякой форме общественной связи, при всех искушениях, представляющихся во время общественной борьбы: или обратиться в машину в руках других, или сделать других машинами в своих руках. [...]

[...] Я позволю себе думать, что успех и особенно *быстрый* успех нынешнего социально-революционного движения в России в значительной степени зависит от нравственной силы личностей, которые вступают в этот союз, что пренебрежение к этим нравственным требованиям может [...] вызвать в революционный период вообще массу волнений и бедствий, которые желательно, возможно, а потому и должно устранить. [...]

Особенность ¹⁵ государственного элемента высказывается в том, что во всех случаях, при всех обстоятельствах, он должен быть доведен до возможного минимума... Государство, как закон, как администрация, как суд, само по себе никогда не имело смысла и этот смысл должен был быть ему придан тем или другим связующим общественным началом, которое, смотря по формам общественной культуры, было господствующим. *Это* начало составляло *цель, благо*, которое было желательно... Государство во всех своих органах и функциях было не более, как средством для иной цели... Государственный элемент был во всяком случае лишь необходимым злом... Чем далее совокупность особей от солидарности, тем грознее в ней должна быть власть, тем могущественнее государственный элемент. Как только общество проникается каким-нибудь сознанием солидарности, немедленно принуждение ему становится ненужным, власть теряет для него значение и от государственного элемента требуют, чтобы он понизил свой минимум... Так как полной солидарности в обществе никогда не существовало, то на всех фазисах исторического развития прошедшего времени власть являлась необходимостью и государственный элемент играл значительную роль... Современное государство стало противоречием самому себе, отрицанием самого себя... Рабочий социализм... как все предшествующие общественные порядки... ставит себе целью доведение государственного элемента до минимума, но ставит себе эту цель с самого нача-

ла сознательно и притом представляет возможность довести в своих дальнейших формах этот элемент до минимума несравненно меньшего, чем те минимумы, которые представляла предшествующая история. Эта возможность представляется... потому, что рабочий социализм стремится развить с помощью общего труда и свободных союзов разных форм несравненно высшую степень солидарности для всех особей, входящих в будущее общество, чем это можно было сделать какому-либо прежнему строю. По мере достижения этой солидарности минимум государственного элемента в обществе может и должен уменьшаться, но не должно себя обманывать иллюзией надежды на его уничтожение разом... Он не может исчезнуть *накануне* социальной революции... Он не может исчезнуть и *на другой день* после революции... Он может исчезнуть лишь в тот период, когда солидарность общего труда в свободных союзах охватит все общество.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 18 МАРТА 1871 ГОДА ¹⁶

[...] Что же сделала Коммуна? В каких элементах этой совокупности событий,— заключавшей в себе немало печального и жалкого,— содержится ее завещание будущей истории и тайна ее влияния на настоящее социальное движение?

Мне кажется, что эти исторические элементы все обуславливаются одним принципом, присущим парижскому движению, и только одним. Насколько это движение осталось верно этому принципу, насколько оно тесно примыкало к нему, насколько действия личностей и групп, участвовавших в Парижской Коммуне, были следствиями и выводами из этого принципа, настолько Парижская Коммуна заключала жизненных элементов для настоящего и будущего. Все ошибки и печальные стороны событий этих двух с половиною месяцев произошли от отклонений от этого основного принципа. Все, что в этих событиях не имело прямой связи с этим принципом, составляет временную примесь, обреченную на историческое бессилие и на историческую смерть.

Я не раз уже упоминал об этом принципе, который я нахожу самым существенным в революции 18 марта 1871 года ¹⁷. Это была революция *пролетариата*. В первый раз он в ней сознательно противопоставил *свои* интересы и стремления интересам и стремлениям господствующих классов. [...]

Итак, сквозь пеструю комбинацию событий, относящихся к разнообразным стремлениям, вызвавшим взрыв 18 марта, пред нами выясняются несколько определенных пунктов, которые стояли пред Коммуной как ее исторические цели и составили ее историческое содержание, ее завещание будущему.

Манифест Генерального Совета Интернационала немедленно после падения Коммуны указал, что «окончательною целью ее были не «дешевое правительство» и не «истинная республика»; это было не более, как ее спутники... Истинная тайна ее заключалась в сле-

дующем. Это было, по существу, правление рабочих, результат борьбы класса производителей с классом, присвоившим себе продукты труда; это была найденная, наконец, политическая форма, в которой должна осуществиться экономическая эмансипация труда. Вне этого последнего условия коммунальная конституция была бы невозможностью и признаком. Политическое господство производителя не может существовать рядом с продолжением социального рабства. Поэтому Коммуна должна была служить рычагом для разрушения экономических основ, на которых зиждется существование сословий, а следовательно, и сословного господства. При эмансипации труда всякий человек становится работником, и производительный труд перестает быть признаком особенного сословия... Коммуна имела в виду уничтожить сословное имущество, обращающее труд большинства в богатство меньшинства. Она имела в виду экспроприацию экспроприаторов. Она хотела внести истинное содержание в частную собственность, обратив средства производства, землю и капитал, которые теперь составляют, главным образом, средства для порабощения и для эксплуатации труда, в орудия свободного коллективного труда («Civ. War.», 19—20) ¹⁸.

Пролетариат Парижской Коммуны 1871 г. противопоставил *свои* интересы интересам господствующих классов и заявил свои права на революцию, совершенную во имя этих интересов. Он показал, что в случае удачной революции он не нуждается ни в какой помощи со стороны господствующих классов для поддержания общественного порядка и ведения своих дел. Он поставил политическую программу будущего: федерацию автономных групп работников, вооруженных для своей защиты, избирающих начальников своим вооруженным силам, точно так же, как делегатов для всех отправлений общественной службы. Он представил план научного приготовления социальной революции путем обсуждения в рабочих группах вопросов производства, обмена и распределения, которые, выработавшись в определенную программу экономического переворота, выказали бы, что рабочие группы готовы совершить этот заранее обдуманный и подготовленный переворот в минуту взрыва, которому исторические комбинации доставили бы успех. Он намекнул, наконец, на некоторые практические приемы социального переворота в области экономической — на экспроприацию производительных учреждений с передачей их в руки рабочих групп, в них находившихся в минуту революции; в области теоретической — на полное устранение элемента религии из школ и нормальных отношений общественного строя (что, впрочем, есть не более, как единственное наследство, которое рабочий социализм может сохранить от завоеваний либерально-буржуазного строя); в области общезнания на разрыв с рутинным взглядом на *законную* семью. [...] При грозных обстоятельствах, которые составляли среду, где родилась и развивалась революция 1871 года в 2^{1/2} месяца своего существования, при недостатке предварительной организации и подготовки партии, которая сделала эту революцию своим знаменем; при недостатке согласия,

недостатке военных талантов; при неизбежных личных столкновениях, вследствие ряда столь же неизбежных теоретических и практических ошибок, можно удивляться не тому, что Коммуна не могла отстоять себя и сделала вообще мало, но тому, что она продержалась так долго и сделала так много. [...]

В этой золотой книге социалистических героев, в мартирологе социалистических мучеников, Парижская Коммуна занимает одну из самых величественных страниц. Здесь исчезает разница самого развитого понимания социалистических задач и самого рутинного поклонения старым революционным идеям. Здесь теоретическая неподготовленность, практическая неумелость, борьба личностей за власть, неосторожное и вредное распоряжение этою властью — все это бледнеет, обращается в ничто пред одною общею для всех характеристикю, пред горячею преданностью пролетариату и его стремлениям, пред самоотверженным убеждением, которое не останавливает никакой жертва, пред героической решимостью делать до последней минуты свое дело. Здесь исчезало различие партий пред единством и солидарностью целого. [...]

[...] Что дала Парижская Коммуна европейской цивилизации и в особенности России в 8 лет, прошедших с тех пор? ¹⁹

[...] В те печальные годы, когда в лагере разбитого социализма кипел самый сильный раздор, когда учреждение, испугавшее было все правительства Европы попыткою организовать в единую громадную силу миллионы рабочих пролетариев Европы и Америки, распалось и сошло с исторической сцены при радостных ругательствах врагов пролетариата ²⁰, в эти самые годы воспоминание о Парижской Коммуне и едва ли не оно одно составляло для *всего* воинствующего пролетариата, для *всей* социалистической прессы без различия цвета и оттенка, то знамя, около которого *все* могли собираться, ту святыню, пред которою *все* преклонялись, ту мысль, в которой оставалось непоколебимым единство рабочего пролетариата в его борьбе с экономическими и политическими врагами. Если бы Парижская Коммуна сослужила европейскому пролетариату только эту службу, то все-таки ее заслуга пред историею его развития и его борьбы за будущее была бы не малая. [...]

Итак, все народы Западной Европы имеют основание смотреть на Парижскую Коммуну 1871 года как на крупного двигателя в своей собственной внутренней истории. [...]

Но едва ли для какой-либо страны годы, прошедшие после Парижской Коммуны, имели столь важное значение, как для России. Лица, оставлявшие Россию в 1870 г., имели перед собою страну, где оппозиционное движение как бы замерло или значительно ослабело со времени ссылки Н. Г. Чернышевского и особенно после реакционного террора, вызванного каракозовским делом ²¹. Может быть, слишком резко выразился г. Аксельрод в своей талантливой статье, помещенной в последнем (№ 8-9) номере «Общины», говоря, что «со времен Чернышевского, Добролюбова», до 1873 г., «ни один энергический протест не раздавался из среды общества и ли-

тературы»²². Промежуточные звенья существовали. Если распространение «Колокола» в России очень ослабело в это время, если «Народное дело» всегда мало расходилось там²³, если и деятельность Интернационала в лучшие его годы оставалась очень мало известною в России, то внутри самой страны имели место явления, на которые было бы несправедливо совсем не обращать внимания. Конечно, в литературе эпоху господства влияния Писарева приходится признать шагом назад в развитии оппозиционной общественной мысли сравнительно с эпохой деятельности Чернышевского и Добролюбова, но рядом с этим были факты и иного рода. Довольно назвать известную книгу Флеровского, Самоучитель Худякова, романы Решетникова²⁴, а легко было бы указать и некоторые другие явления, не оставшиеся совсем без влияния и относящиеся к тем же годам. Припомним, что в это самое время появился русский перевод «Капитала» Маркса, первая передача на иностранном языке этого руководящего произведения теоретического социализма²⁵. В общественном развитии этих годов нельзя забыть тех кружков, которые выработали Худякова, Ишутина, Каракозова, позже — людей, имена которых связаны с Нечаевским процессом²⁶. Тем не менее, бесспорно, что, несмотря на существование этих промежуточных звеньев между эпохой деятельности Чернышевского и Добролюбова в России, наиболее влиятельного периода «Колокола» на Западе и эпохой возрождения русского социалистического движения в 1873 году, десятилетие 1863—1873 гг. было, вообще говоря, — время глухое, томительное и безжизненное. В 1870 году трудно было иметь надежду на быстрое возникновение сильного оппозиционного движения. Тем не менее, оно произошло, и мне нечего напоминать моим слушателям о его разливе в последние годы. Русская социалистическая литература толстых томов, периодических изданий, брошюр для народа развилась значительно в немногие годы, и многие десятки тысяч экземпляров этой «подпольной» литературы разошлись в пределах России, несмотря на опасности, которые угрожали распространителям. Рядом с этим в 1874 г. проявилось неслыханное и совершенно неожиданное по своим результатам «движение в народ» с целью социально-революционной пропаганды. Русские социалисты выставили из своих рядов целые сотни *людей* дела, мужчин и женщин, которые шли смело проповедовать истины социализма, вербовать им приверженцев среди народа, готовить в русском рабочем классе ту социально-революционную почву, которая одна может обеспечить ожидаемому перевороту успех и осуществление начал справедливого общественного строя. Русский социализм имел своих героев и своих мучеников. В немногие годы своей деятельности он заставил трепетать теперешнее правительство за собственную безопасность, принудил это правительство прибегнуть к тем безумным мерам реакции, которые всегда обличают отсутствие солидарности между правительством и обществом, указал воочию безнадежное разорение русского крестьянина, лживость прославленных реформ начала шестидесятых годов и насущ-

ную потребность для всех мыслящих русских обратить немедленное внимание на те экономические опасности, которые угрожают во всех отношениях нашей родине. В своих героях и мучениках русский социализм доказал, сколько энергии еще хранится в сонном царстве России, когда в нем поднимается знамя, способное воодушевить искренних и мыслящих людей. Выдвинув группу молодых талантливых писателей социалистической прессы, он доказал, сколько литературных дарований остаются неизвестными лишь потому, что не могут пригнуться до уровня трусливых намеков и цензурного оскотления, которые принижают мысль и чувство в дозволенной прессе: авторы обзоров рабочего движения во «Вперед», «Переходного момента» и «Итогов социально-демократической партии» в «Общине», авторы «Хитрой механики» и «Внушителя словили», авторы «Записок южно-русского социалиста» и украинской «Паровой машины»²⁷ завоевали себе видное место в русской публицистической литературе независимо от взглядов, ими проводимых, и указали, какие замечательные литературные силы скрываются в рядах молодых социалистов последних годов.

Но влияние социализма не ограничилось этим. Если добросовестные романисты сороковых годов во имя художественной истины должны были признать, может быть и неохотно, что единственные честные и искренние типы политических деятелей в России в настоящее время приходится брать в рядах социалистов-революционеров²⁸, то и вся серьезная литература общественных знаний в России носит на себе явную печать социалистических задач. Конечно, я, по весьма понятным причинам, не назову ни одного имени, не сделаю даже ни одного указания, но надо быть слепым, чтобы не видеть в серьезной русской литературе явление, параллельное немецкому катедер-социализму²⁹, но, может быть, еще более многозначительное. В этой серьезной русской литературе точно так же отсутствует революционный и агитационный элемент, точно так же видно стремление предотвратить кровавый и бурный взрыв, найти средства примирить то, что социалисты-революционеры прежде всего признают непримиримым, найти исход путем мирных уступок и соглашений там, где мы не видим никакой возможности ничего подобного. Но русская серьезная литература, как мне кажется, более искренно и более беспристрастно относится к этим жгучим вопросам, чем немецкие ученые примирители и гармонисты. Во всяком случае для меня бесспорно одно: под влиянием возрождения социалистического движения 1873 г. русская экономическая и историческая наука фатально и неизбежно поднимает вопросы социализма и, позволяя себе думать, столь же фатально и неизбежно все искренние ее представители должны будут прийти к социалистическим решениям этих вопросов.

Но мне скажут, что это социалистическое движение в России произошло само собою, вследствие обстоятельств и побуждений, несколько не зависевших от событий Парижской Коммуны, и что потому едва ли правильно связывать возрождение русского социализ-

ма с фактами Коммуны. Я признаюсь, что не могу проследить точно связь между этими двумя группами фактов и не стану пытаться доказывать путем натяжки то, что доказать убедительно не могу. Но для меня лично сотни мелких фактов и впечатлений сливаются в несомненное убеждение, что эта связь существует и что русское социалистическое движение 1873 и следующих годов было косвенно вызвано впечатлением, произведенным и на русские умы событиями Парижской Коммуны. Во всяком случае факт ее появления вызвал необыкновенное внимание к существующим экономическим явлениям и к историческому процессу их приготовления. Факт ее падения под разлагающим влиянием революционно-якобинской рутины почти на столько же, на сколько и под оружием версальцев вызвал более здоровое отношение к идеалам первой революции³⁰ и также к возможности гармонизировать идеалы более или менее радикальных партий буржуазии с задачами рабочего пролетариата. Это событие, наконец, научило и нас русских; многому тому, что без него осталось бы, может быть, незамеченным. [...]

Какое же поучение могут извлечь из фактов Парижской Коммуны для себя, для укрепления или для исправления своей программы те различные оттенки друзей русского народа, о которых я упоминал в начале своей беседы?³¹

Прежде всего, конечно, я имею в виду тех, которых считаю своими товарищами, которые видят единственный исход из настоящего положения дел в социальной революции, которые посвятили свою деятельность ее подготвлению тем или иным способом.

Во-первых, социалисты-революционеры могут, наравне со всеми другими партиями действия, извлечь из этой мрачной истории поучение: мало быть энергичным и преданным делу, надо быть к нему *готовым*. Организовать партию под выстрелами неприятеля, при бурях борьбы на площади, во время политических столкновений с другими готовыми и организованными партиями — обыкновенно бывает слишком поздно, и социалисты Коммуны 1871 г. главным образом пострадали от этого. [...]

Никогда и ни при каких обстоятельствах социалисты не имеют права забыть, что в настоящую эпоху исторической борьбы экономический вопрос примирует над всеми прочими; что пока экономический переворот не совершен во всех главных основах — *ничего не сделано*; пока рабочий пролетариат не перестал быть пролетариатом, продающим свои силы за заработную плату и имеющим пред собою и над собою подавляющую силу капитала, до тех пор «революция пролетариата» не совершилась. В настоящее время нет почвы ни религиозной, ни национальной, ни политической, на которой рабочие пролетарии могли бы и имели бы нравственное право пойти на сделку с господствующими классами или с какою-либо их долею. Как только исторические комбинации доставят пролетариату хотя бы временную победу, он должен совершить прежде всего *экономическую революцию*. Как бы ни была недостаточна и нестройна первая попытка нового порядка, уже то одно, что она совершится со-

знательно и решительно, будет важным завоеванием. Артиллерия пролетариата это — «социальная идея». Если победа пролетариата упрочится, то он будет иметь достаточно времени, чтобы улучшить эту первую попытку рядом реформ более или менее мирных или крутых: ничто не появляется зрелым с первого момента существования; все должно пройти чрез ряд фазисов развития и созревания; но действительные революции полагают начало новым органическим типам, и развитие, происходящее в новом типе, не имеет уже ничего общего с развитием старого. Если бы даже революция пролетариата была подавлена, то потрясение в самых его основах старого экономического строя, даже временное, не может остаться без важных последствий. [...] В минуту, когда исторические комбинации позволят рабочим какой-либо страны, хотя бы временно, побороть врагов и овладеть течением событий, рабочие должны теми средствами, которые будут целесообразны, *каковы бы ни были эти средства*, совершить экономический переворот и обеспечить его прочность, насколько это будет возможно. Все остальное должно находиться в зависимости от этой *главной* задачи.

Для этого приходится иметь свою *готовую* организацию и *готовую* программу политического действия. Мы видели, что отсутствие предварительного соглашения, предварительного сплочения сделало социалистов Коммуны бессильными в борьбе с соперниками. [...] Остановлюсь теперь лишь на следствиях недостатка программы политического действия.

Социализм Интернационала представлял в эпоху Парижской Коммуны 1871 года высшую точку развития общественной идеи и ограничивался требованием, чтобы рабочий класс *сам* завоевал себе господство над существующим экономическим строем. Но вопрос о том, как на *практике* достичь этого господства, оставался по необходимости неопределенным. Карл Маркс развил великую теорию фатального экономического процесса, вызывающего капитализм на смену низших ступеней хозяйства и создающего затем, руками самого капитализма, рабочий пролетариат, в котором растет для капитализма неизбежный враг, а в будущем — и победитель. Интернационал выработал убеждение, что рабочая партия не должна иметь, при обыкновенном ходе своей деятельности, ничего общего с политическими партиями буржуазного строя, что она должна поставить себе *свои* цели, должна иметь *свою* политику. Но как поступать в случае фактического восстания — парижские интернационалисты колебались. Многие из них считали, что политическая борьба должна быть чужда Интернационалу. Они концентрировали и хотели концентрировать свою деятельность на экономических вопросах. Они не имели политической программы для данного случая. [...] Надо было быстро создать эту программу, связав ее практические меры принципиально с задачами рабочего социализма, и энергически, во имя этих принципов, как начала высшей социальной справедливости, указать практический путь колеблющейся массе, которая несколько не была обязана, в своей безвыходной борьбе за

существование, выработать сама себе решения для трудных вопросов, представляемых комбинациями теоретических принципов с историческими условиями данного времени. Представители начал Интернационала были нравственно обязаны выставить эту программу действия как представители в данную минуту самой высшей ступени развития социальной идеи. [...] В подобных случаях партия, которая выработала или, по крайней мере, убеждена, что она выработала передовые взгляды на организацию общественной силы, не имеет нравственного права оставаться при отрицательных началах всеобщей свободы и всеобщего права обсуждения существенных вопросов минуты. Во имя того, что обстоятельства благоприятствовали ей, что они позволили ей выработать более высокое развитие, она нравственно обязана выступить с программой дела, чтобы обеспечить от врагов почву дальнейшего развития. Люди, борющиеся за осуществление лучшего будущего для человечества, не имеют права колебаться и «сомневаться в себе» в минуту, когда они призваны к действию. Велики или малы их силы, они должны смело нести все эти силы на дело, которому служат. Совершенны или несовершенны их программы, — за неимением лучших они должны решительно осуществлять эти программы, предоставляя будущему исправить их недостатки. Дело идет не о декретировании, не о навязывании какой-либо программы, но о предложении ее в определенных, практических формах и об употреблении всех усилий на ее проведение в дело как первого, хотя бы несовершенного кадра для организации силы. [...] В решительные исторические моменты массы всегда пойдут за тем знаменем, на котором написана наиболее определенная программа, наиболее простые, ясные и определенные цели; массы пойдут за теми, кто готов и не колеблется. Если же никто не удовлетворяет этому условию, если сильные, искренние люди из так называемой интеллигенции колеблются, то фатально и неизбежно масса пойдет по какому-либо старому рутинному указанию, отвернется от новых решений, новых идей, и самые героические подвиги, самая самоотверженная энергия не предотвратит возвращения к старому злу в несколько измененной форме. Пусть помнят это наши *народники*.

Но для вероятности успеха в минуту действительной борьбы недостаточно ясного понимания экономических и политических задач социализма, недостаточно определенной общей программы действия. Борьба имеет свои технические условия, и партия действия должна заботиться о том, чтобы в ее рядах были люди, способные победить технические препятствия, которые представит минута действительной борьбы. Экономический переворот, который должен лежать в основании всякой общественной перестройки, не может ограничиваться принципами и общими приемами: в каждой местности он должен совершиться, взяв в соображение действительное положение дел в его частностях, приспособляя основные принципы и общие приемы к существующему распределению материальных средств и рабочих сил [...]. Поэтому необходимо, чтобы в среде

социалистических партий находились в каждой местности люди, вполне усвоившие экономическое положение этой местности во всех его подробностях. Необходимо, чтобы в каждой местности люди, посвятившие себя на подготовку социальной революции, составили под руководством личностей, наиболее усвоивших это экономическое положение, специально примененный к данной местности план перераспределения экономических сил и немедленного приведения их в действие вслед за совершившимся переворотом. [...]

Но еще настоятельнее для успеха борьбы представляется, может быть, потребность в людях с техническим знанием военного дела [...]. Так как при всех возможностях хода социальной революции фактически материальная борьба в больших или меньших размерах, при той или другой обстановке есть не только самое вероятное, но почти неизбежное явление, то социалистам приходится к ней готовиться, приходится накапливать военное знание, понимание военной техники, вырабатывать в своей среде в направлении военной техники тех личностей, которые чувствуют к этому способность. Опять-таки и в этом направлении приходится *готовиться* к борьбе, приобретать *знания*.

Ограничусь еще только одним пунктом. История Коммуны, в записках ее крупных деятелей, показывает не раз, как значительны были уступки, которые приходилось делать товарищам; как вследствие этого неосторожность одних беспрестанно парализовала все усилия других, вредила и им, и общему делу, подрывала нравственное влияние личностей и нравственное значение всего хода событий. [...]

Эти факты могут напомнить социалистам-революционерам весьма избитое правило, но тем не менее крайне редко соблюдаемое: осторожность при выборе товарищей. Его громадное значение обнаруживается особенно в ту минуту, когда уже поздно им руководствоваться; в минуту, когда надо *действовать* и когда приходится действовать с тем персоналом, который налицо. [...] Когда партия выступает на историческую арену, на решительную борьбу под внимательным наблюдением врагов, соперников и индифферентистов, когда она должна завоевать своей программе место среди руководящих принципов общества, тогда самые жестокие, самые опасные удары, которые могут быть нанесены партии, — суть удары, наносимые ей нравственною несостоятельностью ее членов. Опасны не только изменники; опасен всякий, кто своими общественными или даже частными действиями кладет пятно на партию. Каждый из нас должен помнить, что как член партии он вредит ей всяким своим необдуманном поступком; что каждое частное дело его может пасть на ее ответственность. Каждый должен помнить, как член партии, что своим сближением с теми или другими личностями, своими личными связями он может или вредить своему знамени, или поддерживать его. Там, где как отдельная личность, как частный человек он мог бы быть снисходительным, ему при-

ходится быть строгим, как члену партии. Ему приходится преследовать тех паразитов социализма, которые, живя на счет чужого труда, говорят о создании царства труда; приходится отталкивать тех безобразников социализма, которые в пьянстве, в кулачных расправах и в развратных оргиях топчут в грязь имя социализма и его знамя. Враги наши зорко следят за нами, жадно ловя всякий случай, который дал бы им повод с каким-нибудь действительным правом обрушить на нас обвинение или насмешки. И мы должны быть зорки. Мы должны друг друга подкреплять в тех, неизбежных в каждом, слабых сторонах каждого, которые в опасную минуту могут быть губительны для общего дела. Мы должны искоренять в наших кружках взаимным товарищеским влиянием то, что может бросить тень на партию, может уронить в грязь наше знамя, может повредить общему делу.

В то же время мы должны строго и внимательно следить за тем, кто *наш* и кто *не наш*. Мы должны ясно сознавать, где кончается лагерь социалистов и где начинается лагерь хищников. Всякая уступка хищникам, всякая, хотя бы косвенная, служба хищническому делу есть не только нравственная распущенность; это — вред нашему делу. Мы можем победить лишь тогда, когда поставим резкую границу между нашим и чужим лагерем. [...] Одно из главных завоеваний Интернационала в отношении политики социализма заключалось в усвоении убеждения, что невозможен союз между партией рабочих социалистов и всеми другими партиями, которые называют себя более или менее демократическими, более или менее радикальными, более или менее преданными интересам массы, оставаясь тем не менее на почве старых политических или экономических задач. Наше дело — просто и ясно: мы должны все готовить социальную революцию, как бы мы ни расходились между собою во взглядах на способы ее приготовления. Мы должны бороться всеми нашими силами со всеми ее врагами, где бы они ни находились и какое бы название на себя ни принимали. [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Исторические письма» первоначально были напечатаны в еженедельнике «Неделя» (1868, № 1—47 с перерывами, и 1869, № 6, 11, 14) под псевдонимом *П. Миртов* и в сентябре 1870 г. вышли отдельной книгой. «Исторические письма» неоднократно переиздавались на русском и иностранных языках. Настоящее извлечение из письма третьего («Величина прогресса в человечестве») сделано по кн.: *Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения* в двух томах. М., 1965, т. 2, с. 54—57. При подборе отрывков за основу брались тексты первого издания.

² К этому месту в 1889 г. Лавров сделал большое примечание (вошло в женевское издание 1891 г.), в котором писал, о чем нельзя было написать в легальной печати, а именно что в современном ему обществе справедливость не могла быть тождественна со стремлением к личной пользе, но что эта формула предполагала два вывода: 1) что современный ему строй общества есть строй патологический и 2) что указанное тождество наступит в социалистическом обществе, основанном не на борьбе, а на солидарности.

³ «Вперед! — Наша программа» напечатана была в т. 1 журнала «Вперед!», вышедшем в августе 1873 г. в Цюрихе. Извлечения из нее даются по *РН*, т. 1, с. 21—22, 23—25, 26—27, 28—29, 36.

⁴ Имеются в виду конгрессы I Интернационала.

⁵ То есть I Интернационала.

⁶ Очерки «Из истории социальных учений» первоначально печатались в т. 1 и 3 журнала «Вперед!» за 1873 и 1874 гг. Орывки из четвертого очерка даются по: *Лавров*, т. 2, с. 182, 186—188, 189—192, 195, 196.

⁷ Выше, в опущенном месте, Лавров перечисляет высшие идеи, выработанные социологическим мышлением: племя, национальность, государство, церковь, промышленное производство, право, свобода и т. п.

⁸ Статья «Рабочий социализм» была опубликована в № 19 газеты «Вперед!» за 1875 г. (с пометкой: 1 (13) октября). Орывок из нее печатается по: *Лавров*, т. 4, с. 144—145.

⁹ Работа «Государственный элемент в будущем обществе» составила т. 4 (последний) журнала «Вперед!», вышедший в Лондоне в 1876 г. Орывки из нее взяты по: *Лавров*, т. 4. Страницы, на которых находятся извлечения, указаны ниже в примечаниях.

¹⁰ Приведенные ниже отрывки взяты из главы IV («Строй будущего общества») работы Лаврова (с. 256—282 указанного выше издания).

¹¹ Имеется в виду следующая цитата из газеты немецких социал-демократов «*Volksstaat*» («Народное государство») от 10 мая 1873 г.: «Не власть вообще может быть отменена для нас, но лишь ее *варварская форма*. С нее будет сбита *каска* и ей будет придан *человечный вид*» (с. 261 указ. работы Лаврова).

¹² Данный отрывок взят из главы V («На другой день после революции») работы Лаврова (там же, с. 302—303).

¹³ Слова, взятые ниже в кавычки, представляют собой автоцитату из другой работы Лаврова — «Задачи организации социально-революционных сил в России», напечатанной в № 29 газеты «Вперед!» за 1876 г. (с. 129—131).

¹⁴ Приведенные ниже отрывки взяты из главы VI («Накануне революции») работы Лаврова (с. 357—358, 388).

¹⁵ Приведенное ниже извлечение из главы VII («Заключение»), сделанное самим Лавровым, было им включено в примечания к русскому переводу книги А. Шеффле (Schäffle) «Сущность социализма», вышедшему в Женеве в 1881 г. Извлечение печатается по книге: *Шеффле. Сущность социализма* (с примечаниями П. Лаврова), 1906, с. 90.

¹⁶ Настоящая работа, написанная Лавровым в 1879 г. («Несколько слов читателям», предворяющие книгу, датированы 28/16 сентября), впервые появилась в печати в 1880 г. в Женеве под названием «18 марта 1871 года». Орывки из нее печатаются по изданию: *Лавров П. Л. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года*. Изд. 2-е. Пг., 1919, с. 191—192, 219—222, 223—224, 227, 228, 241, 243—248, 249—250, 251—252, 253—254, 255—256, 257—258, 259—260, 262—264.

¹⁷ Кроме неоднократных упоминаний в настоящей работе, см. также в статье Лаврова «Парижская Коммуна 1871 года» в газете «Вперед!» от 15 марта 1875 г. (см.: *Лавров*, т. 4, с. 24—25).

¹⁸ Лавров фактически цитирует в своем переводе с английского работу К. Маркса «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного товарищества рабочих», вышедшую в Лондоне в 1871 г. («The Civil War in France. Address of the General Council of the International Workingmen's Association») без имени автора. Цитированное место см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 17, с. 345—346.

¹⁹ То есть с 1871 по 1879 г., когда была написана работа Лаврова.

²⁰ Речь идет о расколе в I Интернационале, закончившемся в 1872 г. исключением Бакунина и его сторонников из этой организации. Официально Интернационал был распущен в 1876 г.

²¹ Речь идет о «белом терроре», развязанном правительством против революционеров после покушения Д. В. Каракозова на царя Александра II 4 апреля 1866 г.

²² Лавров цитирует статью П. Б. Аксельрода «Переходный момент нашей партии» из № 8-9 женеважского журнала «Община» за 1878 г.

²³ Имеется в виду не «Колокол» Герцена и Огарева (так как Лавров пишет о времени после 1870 г.), а о «Колоколе», который в 1870 г. выпустили Огарев вместе

с С. Г. Нечаевым (вышло 6 номеров). «Народное дело» — журнал, издававшийся в Женеве в 1868—69 гг. (№ 1 под редакцией Бакунина и Н. И. Жуковского, № 2—10 под редакцией Н. И. Утинова, В. И. Бартенева и А. Д. Трусова), преобразованный в 1870 г. в газету, ставшую органом Русской секции I Интернационала (вышло 7 номеров).

²⁴ Речь идет о «Положении рабочего класса в России» (1869, второе издание — 1872 г., переработанное) В. В. Берви-Флеровского (Н. Флеровский — его псевдоним), о «Самоучителе для начинающих обучаться грамоте» (СПб., 1865) И. А. Худякова и романах «Горнорабочие» (1866), «Глумовы» (1866—67), «Где лучше?» (1868), «Свой хлеб» (1870) Ф. М. Решетникова, имевших широкое распространение у революционной молодежи.

²⁵ Русский перевод I тома «Капитала» К. Маркса был выпущен в СПб. в 1872 г. издателем Н. П. Поляковым (переводчики Г. А. Лопатин и Н. Ф. Даниельсон).

²⁶ Имеются в виду две революционные организации 60-х годов Н. А. Ишутина и И. А. Худякова (1865—66) и С. Г. Нечаева (1868—69). Среди наиболее известных в последующем революционном движении имен, фигурировавших на процессе нечаевцев в 1871 г., был П. Н. Ткачев. См. также наст. изд., с. 414, прим. 21.

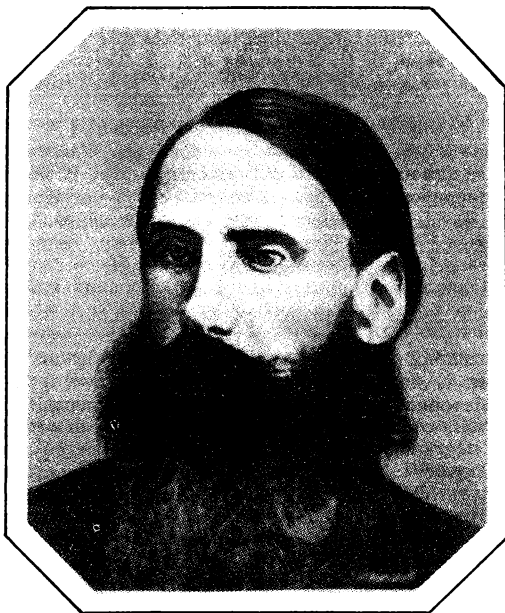
²⁷ Авторами «Летописи рабочего движения» во «Вперед!» были сам Лавров (большинства статей), а также В. Н. Черкезов, Д. И. Рихтер и др. Статьи «Переходный момент нашей партии» и «Итоги социал-демократической партии в Германии» в «Общине» принадлежат П. Б. Аксельроду. Авторы агитационных брошюр для народа: «Хитрой механики» (Лондон, 1874) — В. Е. Варзар; «Внушителя словили» (Лондон, 1875) — А. И. Иванчин-Писарев; украинской брошюры «Парова машина» (Вена, 1875) — С. А. Подолинский. Работа «Записки южно-русского социалиста» (Женева, 1877) написана Д. Н. Овсяннико-Куликовским.

²⁸ Лавров, вероятно, имел в виду известные романы И. С. Тургенева «Отцы и дети», «Новь» и др., Ф. М. Достоевского «Бесы», И. А. Гончарова «Обрыв» и др., в которых «новые люди» — революционеры фигурировали в роли главных героев.

²⁹ Катедер-социализм — разновидность буржуазного социализма, распространенного в Германии начиная с 1860—70 гг. В 1872 г. катедер-социалисты объединились в Союз социальной политики. Цель союза — проповедь государственного «социализма» сверху, противодействие марксизму. Идеи катедер-социализма с 1870 г. были широко распространены в среде либеральной буржуазной политэкономии и в России, оказали они влияние (например, А. Шеффле) и на теоретические концепции народничества (особенно либерального).

³⁰ См. наст. изд., с. 90, прим. 7.

³¹ Во введении к работе под названием «Наше собрание» Лавров, говоря о различных оттенках «друзей русского народа», относил к ним не только «убежденных социалистов-революционеров». «Здесь могут быть, — писал он, — также русские социалисты, которых еще пугают кровавые картины, связанные с термином: революция. Здесь могут быть люди, проникнутые желанием блага народу русскому, проникнутые симпатиями к героизму русской молодежи, но еще слишком скованные традициями и привычками либерализма, чтобы признать, что социализм, и именно рабочий, революционный социализм, представляет единственно возможный путь для достижения сносного существования рабочим классам, т. е. большинству человечества» (с. 9) и т. д. и т. п., исключая лишь тех, «которые служат личным или сословным интересам, которые признают, что большинство должно страдать для увеличения блага меньшинства, что массы обречены фатально на труд для выработки цивилизации, которую могут пользоваться и наслаждаться немногие» (с. 10). В заключительном разделе книги («Поучительные выводы»), откуда взяты последующие отрывки, Лавров обращается с призывом к каждой из этих категорий «друзей народа». Мы приводим его обращение только к «товарищам» — социалистам-революционерам.

Василий Васильевич
(Вильгельм Вильгельмович)
БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ

Революция не может быть целью,— это средство и притом такое средство, которое всего опаснее в руках людей, не имеющих определенных и совместных целей или действующих заодно с целями, прямо противоположными; в этом случае народная масса неизбежно будет загребать жар для других. Без руководителя мы все — и умеренные и неумеренные, и революционеры и не революционеры — действуем, как горох, врассыпную; все появляется и кончается случайно, мгновенно создавшись и разлетающимися группами; ни в чем нет единства, ничего не имеет силы, второй линии и резерва. Несмотря на все это, несмотря на то, что мы все это видим, мы идем один за другим и губим себя один после другого, движимые отчаянием, с которым мы не в состоянии бороться.

В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ

В. В. Берви родился 28 апреля (10 мая) 1829 г. в Рязани. Из потомственных дворян. Рано пристрастился к чтению, особенно книг по истории Великой французской революции, которые он брал в библиотеке своего отца, профессора физиологии Казанского университета. В 20 лет окончил юридический факультет Казанского университета со степенью кандидата и «с особым отличием», предоставившим ему право «начать службу в министерствах и главных управлениях». С 1849 г. служил в министерстве юстиции в Петербурге. Карьера Берви складывалась удачно, но служба тяготила его, поэтому, когда в 1861 г. сначала Харьковский, а затем Петербургский

университеты предложили ему преподавание, он с радостью согласился, считая, что цель его жизни достигнута. Он успешно сдает главные экзамены и готовится к заграничной командировке «для приготовления к профессорскому званию» в Петербургском университете, но в это время происходят студенческие волнения. Решив протестовать против расправы над студентами, Берви пишет прошение от сослуживцев, составлявших «цвет русской юриспруденции», с целью «открыть глаза императору на это дело» и собирает под ним подписи. Ему пригрозили арестом и ссылкой, однако ограничились отменой заграничной командировки. Более суровые меры были применены к Берви в следующем, 1862 г., когда он выступил в защиту арестованных тринадцати тверских дворян — мировых посредников, выражавших в адресе Александру II несогласие с крепостническими сторонами крестьянской реформы 1861 г. и потребовавших созыва представительного собрания из всех сословий. На этот раз Берви написал адрес царю, письма к предводителям дворянства всех губерний России и обращение к посольству Англии. Царя он предупреждал в том, что репрессивная политика правительства приведет к революции, предводителей дворянства просил выступить в защиту прав их сословия, английского посла — известить народ своей страны, что «деспотические... действия русского правительства» не «остаются без возражения со стороны притесненных». Форма этих документов не давала повода к судебному преследованию Берви. Тогда власти прибегли поистине к иезуитским методам. Было высказано сомнение в его умственных способностях. Арестованного Берви поместили в больницу для умалишенных и в течение шести месяцев подвергали различным освидетельствованиям, а когда все комиссии признали его совершенно здоровым, в декабре 1862 г. отправили в ссылку в Астрахань. Ссылка эта с перерывом в 1870—1874 гг. продолжалась до 1887 г., т. е. 25 лет, и сопровождалась невероятными преследованиями; постоянный надзор полиции, обыски, аресты, тюремное заключение, частые перемены мест ссылки (Астрахань, Казань, Кузнецк и Томск в Сибири, Вологда, Тверь, Шенкурск Архангельской губернии, Кострома).

Постоянные скитания дали Берви богатейший материал для его многочисленных трудов по истории, социологии, экономике, праву, а также для его художественных произведений. С конца 60-х годов он активно сотрудничает под различными псевдонимами в демократических журналах «Отечественные записки», «Дело», «Знание», «Слово» и других периодических изданиях. Его капитальный труд «Положение рабочего класса в России» (СПб., 1869, под псевдонимом *Н. Флеровский*; изд. 2-е, перераб., СПб., 1872 арестовано) основан на его личных многолетних наблюдениях жизни трудового народа тех губерний, в которых ему приходилось быть, о чем он кратко рассказал в письме к К. Марксу от 11(23) мая 1871 г. (см.: *Маркс, Энгельс и революционная Россия*, с. 191—195). Чтобы познакомиться с книгой Берви, К. Маркс стал изучать русский язык и оценил ее очень высоко, ставя ее в один ряд с работой Ф. Энгельса

«Положение рабочего класса в Англии», а самого автора — с Н. Г. Чернышевским (см. там же, с. 24—26, 35, 37, 66, 168, 171, 185). Революционная организация чайковцев, с помощью которой была издана эта работа, попросила Берви написать работу по социологии и этике для молодежи, что он и исполнил в книге «Азбука социальных наук» (СПб., 1871, ч. I—II, анонимно, арестована). В 1873 г. по просьбе долгушинцев (от фамилии их руководителя А. В. Долгушина) он написал агитационную брошюру «Как должно жить по законам природы и правды», изданную в их подпольной типографии. Хотя в этих работах Берви нет прямого призыва к революции, социалистические идеи, содержащиеся в них, благородная личность их автора оказали значительное влияние на революционную молодежь. Многие его произведения запрещались цензурой, конфисковывались и уничтожались. В 1890 г. Берви переехал в Тифлис (ныне Тбилиси), а в 1893 г. выехал за границу в Женеву, а затем в Лондон, где с помощью «Фонда вольной русской прессы», организации политических эмигрантов во главе с С. М. Степняком-Кравчинским, завершил издание своего главного труда — «Азбука социальных наук» (Лондон, 1894, ч. III, вып. 1—3). По возвращении на родину в 1896 г. он недолго служит в Костромском земстве, а в 1897 г. переезжает в Юзовку (ныне Донецк) и поступает на службу бухгалтером. Последние восемь-девять лет Берви тяжело болел. Умер он 4 октября 1918 г. «По чувствам, — писал о нем Н. В. Шелгунов, — это был Христос и в то же время самый фанатический народник, самый ярый революционер».

СОЧИНЕНИЯ (кроме названных)

Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869 (анонимно); 3-е изд. СПб., 1872.

Исследования по текущим вопросам. СПб., 1872 (анонимно).

На жизнь и смерть. Изображение идеалистов. Роман. Женева, 1877, ч. I—III (анонимно); СПб., 1907 (ч. I и II).

Философия бессознательного, дарвинизм и реальная истина. СПб., 1878 (анонимно).

Васильев В. [Берви В. В.]. Мирабо, его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1894.

Флеровский Н. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Воспоминания. Лондон, 1897.

Флеровский Н. Критика основных идей естествознания. СПб., 1904.

Берви-Флеровский В. В. Записки революционера-мечтателя. М. — Л., 1929.

Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения. М., 1958—1959, т. 1—2 (в т. 2 есть библиография).

ЛИТЕРАТУРА

Аптекман О. В. Василий Васильевич Берви-Флеровский. Л., 1925.

Подоров Г. Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского. М., 1952.

Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино, 1960.

ТЕКСТЫ

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ ¹

[...] Долг первой и самой крайней необходимости — перевернуть вверх дном все ложные понятия и взгляды; общество должно убедиться, что самая святая и неприкосновенная вещь — это право собственности труда над его произведениями; оно должно проникнуться той мыслью, что право собственности только для того и существует, чтобы охранять труд. Всякий раз, когда право собственности вырывает из рук производителя произведенную им вещь и уменьшает его доход, оно должно быть отменено и уничтожено. Все это поняли и доказали давно, много сделало человечество для достижения этой великой цели, но ему остается сделать еще больше. Оно борется уже много веков с этим могучим, обоюдоострым оружием, которое называется правом собственности, с этой великой властью, которая одна может дать работнику благосостояние и счастье, но которая скорее всякой другой может бросить его на солому без крова и хлеба, лишить труд всякой энергии, сделать работника ленивым, бездушным и загубелым. [...]

В Западной Европе старались и стараются достигнуть цели путем рабочих стачек, причиняют этим рабочим бесчисленные страдания и разорение, держат иногда целую страну в бесполезном волнении. Не лучше ли было бы вести дело начистоту? Работники имеют на ход дела такое же влияние, как и капиталисты, они товарищи. Доходы фабрики, капитал, на нее определенный, одинаково известны и тем и другим. Одни получают процент в вознаграждение за риск, работники — остальное ². Капиталисты уверяют, что они ничего не желают, кроме процентов, достаточно вознаграждающих риск, — желание совершенно справедливое, пусть же они примут такое положение. Заграничные работники, без всякого сомнения, достаточно развиты для подобного товарищества, стачки со всеми их мучительными последствиями сделались бы ненужными. Конечно, социальный вопрос в деле промышленной производительности этим не был бы еще разрешен; его разрешение началось бы со дня окончательного устранения капитала от производства; во всяком случае ожесточение между пролетариатом и капиталистом увидало бы свой конец. [...] Современное ожесточение между рабочими и капиталистами зависит исключительно от того, что плоды их трудов находятся в безотчетном распоряжении другого, они никогда не знают, оби-

жены они или нет, они всегда должны предполагать, что они обижены, и почти всегда действительно остаются обиженными; барыши, которые принадлежат им по всей справедливости, достаются другому. Когда же они сами будут распоряжаться делом, они уделят себе все, что следует, и к жалобам не будет никаких причин. [...] Конечно, следует ожидать, что капиталисты еще постоят за себя, и вопрос о власти кончится не разом, но зато каждое правительство будет заинтересовано в его окончании, потому что с тем вместе уничтожится и главный источник революций. [...]

[...] Не подлежит сомнению, что обществу придется сначала основательно освоиться с идеей о товарищеских отношениях между капиталистами и работниками, прежде чем идея эта может дать какой-нибудь практический результат. Еще довольно пройдет времени, прежде чем работники освоятся с ней даже настолько, чтобы понять ее осуществимость и выгодность для себя. Но и от этого момента пройдет еще время до того, пока понятие об этом будет у них достаточно ясно и полно, чтобы сделать возможным осмозрительное и прочное осуществление. [...]

Никогда не нужно забывать, что между работником и капиталистом добровольного согласия быть не может. Если говорят о договорах между работником и капиталистом, основанных будто бы на добровольном их согласии, то это не что иное, как только способ выражаться. Работник соглашается на условия капиталиста так же добровольно, как Венеция и Ломбардия когда-то добровольно согласились подчиниться Австрийской империи³. Подчинение работника условиям капиталиста — это такое же явление природы, как и подчинение завоеванного народа своим завоевателям; честный человек может смотреть на этот факт хладнокровно и предоставлять вещи своему течению только тогда, когда он видит, что дело устроилось безобидно без его помощи. Можно считать, что отношения работников и капиталистов установились на началах безобидного только тогда, когда капиталисты получают не более, чем им следует. [...]

[...] Известно, что во время Пугачева уральские заводы действовали без всякого участия горного начальства. Только человек, совершенно незнакомый с заводской жизнью, может считать утопической идею управления заводов рабочими. Может быть, рабочие не всегда способны с успехом управлять государством, и в этом нет ничего удивительного: для того чтобы верно определить нужды государства, необходимо иметь понятие о международной политике; человеку, который не знает даже, какие государства в международном союзе, трудно оградить себя от заблуждений; но каким образом можно сказать, чтобы рабочий не был способен управлять фабрикой и заводом, когда он и его потребности, и все, что на нем делается, знает гораздо лучше, чем капиталист; так как все, что делается на заводе, есть результат его работы, то он теперь уже знает лучше капиталиста, какое значение имеют на заводе материал и труд и что из этого происходит. [...]

Когда я обдумываю наше политическое и социальное положение, когда я смотрю на то, как мы волочимся в хвосте европейской цивилизации, когда мне приходит на ум сравнение с Персией, которая, подобно нам, была велика и погибла от того, что она, подобно нам, волочилась в хвосте античной цивилизации, я вижу для нас один исход — это осуществление великой идеи, за выполнение которой еще никто не брался. Не подлежит никакому сомнению, что не только наши славянские соседи, но весь мир обратил бы на нас внимательные и любопытные взоры, если бы он увидел у нас, что и высшие, и низшие слои общества направились к одной цели и ищут своего счастья на одном пути, и если бы он получил через нашу жизнь осязательное доказательство, что разлад общественных классов не есть природная необходимость, а есть искусственное произведение его цивилизации. Как велика была бы наша сила, если бы мы сплотили все части нашего общества таким могучим цементом. [...]

АЗБУКА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ⁴

[...] Когда явилось учение Дарвина, говорившее о борьбе за существование в царстве животных, то совершилось весьма благоприятное для развития человечества обстоятельство. Так как учение это воспламеняло умы стремящихся вперед людей, то все желающее задерживать движение человечества стало на него нападать, объявлять его безнравственным и т. д. Это лишило противников социального прогресса случая воспользоваться тем аргументом, который возможно было из него извлечь для оправдания господства силы и создать теорию общественной жизни вроде той, какая несколько десятков лет тому назад создана была швейцарцем Галлером ⁵. Впрочем, тот, кто будет предаваться мечтам оптимизма по случаю этой счастливой случайности, выпавшей на долю человечества, жестоко ошибется. Учение Галлера забыто, но симпатии его остались. Из учения Дарвина уже делаются применения совершенно в этом духе, и не подлежит сомнению, что подобные воззрения принесут человечеству столько же вреда и набрасают на путь цивилизации столько же баррикад, сколько создали для нее ошибки учения Мальтуса и Смита с их последователями. Если Мальтус и Смит наперекор ложности и зловредности данного ими направления были признаны великими учеными вследствие давно укоренившегося в обществе обожания богатства, то учитель, умеющий также верно угадать тайные желания образованного общества, которых скрытый источник заключается в обожании силы, безо всякого сомнения приобрел бы еще большую славу, чем Смит и Мальтус; обожание силы гораздо более укоренилось в человечестве, чем обожание богатства. Борьба в этом случае против отдельных порождаемых этими чувствами идей, даже против обширных и пользующихся громкой известностью систем совершенно бесполезно, потому что настолько, насколько вы уничтожите старых, настолько явится новых, и все

сделанные усилия окажутся бесплодными. Самым лучшим примером тут может послужить борьба социалистов с экономистами⁹. Социалисты не только не уничтожили экономистов, но они показали, что им самим присущи те же самые чувства, из которых вытекли ошибки учения Смита и Мальтуса, и чувства эти имели такое сильное влияние на их образ мыслей, что некоторые из них не только изменяли себе, но очень часто были похожи на роялистов, которые ведут оппозицию против короля, и на красных республиканцев, которые убеждены в необходимости диктатуры, их чувства были в разладе с выражаемым ими направлением идей и парализовали друг друга. Такая борьба против проявлений, помимо источника, из которого они выходят, в особенности если она переходит на поле практической деятельности, крайне утомительна для борцов; чем более они борются, тем более они видят перед собою препятствия: это лишает их мужества и сочувствия в обществе. Если бы борьба между рабочими и имущественными классами давала осязательные практические результаты, то все усилия имущих классов не могли бы помешать тому, чтобы симпатии общества сосредоточились на деле рабочих точно так же, как привилегированные классы не могли противостоять идеям XVIII века; но, к несчастью, общество видит борьбу, тяжелую и истощающую силу рабочих, а результаты таковы, что они совершенно неспособны одушевить его симпатии. Защитники масс разбивают одно рутинное воззрение за другим, создают одну идею за другой, но разбиваемые идеи держатся упрямо даже на совершенно расшатанном основании. По большей части им достаточно принять на себя какую-либо живую личину великого принципа жизни, чтобы преспокойно процветать под надетой маской. Под личиной собственности скрываются до сих пор не только капиталисты и крупные поземельные собственники, но даже рабовладельцы, обладатели наследственных должностей, высасывающее народ духовенство и всякого рода монополисты. Совершенно разбитая и уничтоженная идея заменяется новой, и защитники масс встречаются с новым препятствием, не сделав видного для общества шага вперед. Безнадежное состояние, в котором находятся борцы передовых идей, кидает их на самый жалкий из всех путей — на путь прожектерства и принципов, защищаемых во что бы то ни стало. Составлять проекты — вовсе не дело ученого и человека идеи; проект у места только тогда, когда идеи и чувства уже созданы и окрепли в обществе; он должен быть составлен не теми, кто создает идеи, а людьми практическими, имеющими своим назначением согласовать формы, среди которых живет общество, с его идеями и чувствами. За формой должна быть прочная сила, иначе она никуда не годится. Существование этой силы мы узнаем потому, что общество стремится к форме, одолевая все препятствия, и тогда, когда форма является перед ним во всей своей наготы, без всяких прикрас. Между тем научные прожектеры XIX столетия, подобно прежним мечтателям или жалким политическим интриганам, должны были приписывать изобретенным ими формам, для того чтобы сделать их

пленительными, такие свойства, которые не только эти формы, но никакие формы иметь не могут, например, свойство создавать богатую и роскошную жизнь и безоблачное счастье для всех людей. [...]

После этого не мудрено прийти к убеждению, что единственный правильный прием заключается в борьбе против самого источника вместо борьбы против проявлений, которые из него вытекают. Кому удастся ослабить те чувства, из которых вытекают все ложные современные социальные и политические воззрения, т. е. обожание богатства и силы, тот сделает для успеха в социальном и политическом отношении гораздо более, чем все борцы против проявлений. Борцы эти нередко не только вполне разделяют чувства, из которых эти проявления вытекают, но своей проповедью и своим образом действий помогают им укорениться еще глубже в душе человеческой. Проповедуя против высших сословий, утопающих среди роскоши и искусственных потребностей, они сами пленяются и этой роскошью и этими искусственными потребностями и делают из них для народа идеал счастья. Идеал такой для него недостижим, и из него выходит только то, что руководители народа, которых он выдвинул тяжелой борьбой и поддержал тяжелыми усилиями, тотчас усваивают приемы свергнутых ими предшественников. [...]

[...] Пока сильные будут стремиться подчинять себе каким бы то ни было путем слабых, до тех пор они будут стараться ослаблять и водить по ложным путям, а не развивать этих слабых. В обществе будет идти совершенно законная борьба из-за самостоятельности, мало этого, слабые будут увлекаться чувствами сильных и ставить себе ложные идеалы, а потому сами не будут развиваться. А сильные, в свою очередь, не будут развиваться от того, что они никак не будут в состоянии видеть свое счастье в искренней деятельности, направленной к общему благу, они всегда будут хитрить, подобно римским патрициям, а через это будут грубеть и делаться односторонними, вместо того, чтобы развиваться. Нормальное условие для развития общества явится только тогда, когда, после ряда печальных опытов, значительное большинство сильных и, по крайней мере, большинство масс будут вполне понимать, что искренняя деятельность на общую пользу и для общего развития, солидарность человеческих интересов — это самое благоприятное условие для личного счастья каждого. [...]

[...] Европейская цивилизация, несмотря на значительное свое умственное развитие, даже и не принималась за дело развития нравственного. Мы ее находим тут в той же сфере инстинктивных, неразгаданных и неоплодотворенных рациональным развитием побуждений, в которой вращаются даже и дикари; к прогрессу не сделано и первого шага. Все улучшения, которые мы видим кругом нас, это плод умственного развития и того бессознательного смягчения нравов, с которым мы встречаемся во всех цивилизациях, начиная от самых древних, в тех азиатских, африканских и американских цивилизациях, на которые европейцы смотрят свысока и с такой заносчивостью, без малейшего на то права, потому что они не

сделали ничего лучшего. Если припомнить, как все предшествующие цивилизации, несмотря на умственное свое развитие, погибали именно и исключительно через отсутствие рационального развития нравственных сил, то заслуга современной европейской цивилизации, по сравнению с предшествующими, будет равняться если не нулю, то величине очень близкой к ничтожеству — она точно так же, как и ее предшественницы, не учит людей жить, создающую солидарность между ними, мировую жизнь; она не развивает в них той силы, которая для каждого человека может сделаться источником наибольшего счастья; между тем до тех пор, пока люди этому не научатся, они не будут исполнять своего назначения и будут только уменьшать и собственное свое, и чужое счастье. Могут ли считаться цивилизованными и нравственно развитыми те, которые видят, что девять десятых земной суши нуждаются в заселении, и которые все-таки утверждают, что людям для того, чтобы жить, нужно бороться между собою за существование, а не помогать друг другу? Пусть их самолюбие восстает против этого сколько им угодно, а я все-таки им скажу, что их цивилизация не сознательная, — варварская!

КАК ДОЛЖНО ЖИТЬ ПО ЗАКОНУ ПРИРОДЫ И ПРАВДЫ ⁷

Идите в народ и говорите ему всю правду до последнего слова, и как человек должен жить по закону природы. По закону все люди равны [...].

[...] Вот перед вами села и деревни раскинуты по Руси, кругом их земля, и вся эта земля общественная, нет помещиков, нет землевладельцев, злом порожденных, мать свою закрепощающих. Вот человек голодный и бедный, жаждет он пищи от груди своей матери — от земли, и идет он в то село, в которое захочет, когда наступит время надела, и говорит он там людям: «Братья, я голоден, я прошу пищи от груди нашей матери, от земли, братья, вы такие же ей дети, как и я, не заслоняйте мне путь к общей нашей матери, дайте мне размягчить ее грудь своими слезами, и она накормит и утешит меня». И дадут они ему надел равный — без корысти, — и возвеселится он от радости, и возлюбит он их всею душою. И восчувствуют они, что они братья, что земля им общая мать, и станут они друг за друга и не отдадут они мать свою, землю, в рабство богатым и сильным, помещикам и землевладельцам. [...]

Спросили ученики своего учителя ⁸: «Когда люди будут жить по закону?» И он ответил им: «Когда не будет грамотных и неграмотных, ученых и неученых, знающих и незнающих, а когда все будут учеными и знающими, когда всех будут смолоду учить одинаково. Поистине я вам говорю: убийцы и грабители, поджигатели, воры и прелюбодеи, мор и язву на народ напускающие, чумою скот заражающие, сто крат менее преступны, чем богатые, народ не обучающие, его во тьме и невежестве содержащие [...]». Не в один день вод-

ворится закон, а каждый день вы должны его учить и биться за него с супостатами, и кровь свою проливать, и смерть мученическую принимать; потечет ваша кровь алою рекою, и приблизитесь вы к закону на один шаг; возвеселитесь тогда и возрадуйтесь, залечите ваши раны и опять ударьте на врагов, не жалейте вашей крови мученической, и подойдете вы еще на один шаг. Старайтесь быть умнее умных и храбрее храбрых и неустанно трудитесь для закона, и слава вам будет [...]».

Спросили ученики своего учителя: «Откуда взялось беззаконие и чем оно держится?» — И ответил им учитель: «А взялось оно от злодейства и преступления». Смотрите, чем держалось и держится оно на Руси. Держится оно одним царевубийством и насилием. Вельможи и придворные для беззакония своего мерзкого царей сажают и низлагают и убивают каждый раз, когда это им надобно, а затем подкупают их подкупами великими, чтобы они были им пособниками, в незаконных их делах помощниками. А потом через духовенство подкупленное они в церквях народу проповедуют, что посаженный их злодейством царь, поощритель их беззакония, есть от бога царь посаженный [...].

[...] Как ударил Каракозов-студент в Александра-царя царевубийственно⁹, все вельможи перепугались. Он ударил неразборчиво, а не так, как бьют незаконника за вину определенную, да и то вельможи всполошились, завопили громким голосом: «[...] О горе нам, горе великое, что в народе от нас научились, как лютый страх на царя наводить покушением царевубийственным». [...]

Спросили ученики учителя: «Как узнать нам законных правителей, как отличить их от незаконников, от злодеев, власть имеющих?» И ответил им учитель: «Ой, не трудно законных правителей отличить от незаконников, как не трудно хлеб питательный отличить от плевел мерзостных. Кто живет в дворцах и в роскоши, тот исчадие зла поганого, поощритель беззакония; над народом кто величается и своей роскошью поганую кто внушить людям старается, что он лучше их, достойнее, тот рожден от беззакония. Беззаконники оканные постоянно народу наговаривают, что не могут-де люди равными быть. Наговоры эти преступные на незаконных правителях оставляют клеймо злодейское, и по этому они узнаются; а законные люди, истинные и законные правители одно слово повторяют всем труженикам и одному они поучают их: все люди должны равными быть, друг от друга не отличаться, друг над другом не величаться [...]».

[...] Знайте и помните, люди добрые: пока не водворилось святое равенство, любовь братская сладчайшая, пока чистый закон не царствует, до тех пор у всех у вас одно дело есть — это с оружием с гордыми биться, своего живота не жалеючи, за святой закон и за равенство. Только тот, кто в битве свою кровь прольет, землевладельцев уничтожая, богачей гордых смиряючи, только над тем будет благословение: не устрасился он, чего бояться все, не убоялся он брать оружие и с кичливой силой сражаться. Кто же видит

братьев своих угнетение, людей страдания, и слезы горькие, и обиды несправедливые — и из робости, малодушия за обиды их не вступается ни словами, ни оружием, на том вечное проклятие, и так худо ему будет сделано, что ему лучше бы не родиться! Среди мученья бесконечного он вопиать будет громким голосом: *«Горе робкому, малодушному, что за братьев не вступается!»*

НА ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. ИЗОБРАЖЕНИЕ ИДЕАЛИСТОВ ¹⁰

[...] Фурье на нетронутые, полудикие натуры производил скорее странное и жалкое, чем увлекательное впечатление. Это блестящее и потрясающее самые глубокие струны человеческого сердца изображение идеального счастья крайне пленительно для юной и интеллигентной натуры; такой юноша осязательно постигает тут бесконечность человеческой мысли и беспредельность человеческого чувства; он делает все усилия, чтобы проникнуть насквозь тайники этого смелого изображения, и все-таки не доходит до дна; это восхитительное и вечно новое, вызывающее на мысль и чувство возбуждение. Но не таков Фурье для непочатой натуры, с ее грубыми чувствами и с ее привычкой в своем мышлении представлять себе человеческие чувства не иначе, как такими грубыми и пошлыми, какими мы их видим каждый день. Для таких людей измышления отца социальной науки это — праздный и бессмысленный полет фантазии, это — ребяческая сказка, смешная для того, у кого на губах уже обсохло молоко матери. [...] Когда я читаю Фурье, я вовсе не желаю наслаждаться так, как наслаждаются в фаланстере; его вечный праздник и свобода любви вовсе меня не пленяют, да я и не мог бы так жить; мне нужно мыслить, а не плясать, мне нужны восторги идей, а не поцелуи и восторги сладострастия; но я желаю всех людей приводить к такому состоянию, потому что это для них было бы большое счастье. Если бы наш крестьянин и работник превратился в кавалера фаланстера Фурье, если бы он после работы наслаждался праздником и свободной любовью в великолепном дворце, если бы его чувства так развились, что он в самых интимных отношениях свободной любви поступал бы с той деликатностью, с тем вниманием и взаимной уступчивостью, с которой благовоспитанные люди поступают друг с другом там, где их чувства достигли значительной степени совершенства, тогда бы он был совсем другой и несравненно более счастливый человек. Вести людей в этом направлении и к этому результату — вот что меня пленяет. Я люблю людей и живу для них; я люблю их, начиная от самого последнего дикаря, всех одинаково, глубоко, горячо и искренно; они цель моей жизни, они единственный источник моего счастья и лучших моих наслаждений. [...]

[...] На чем же должно быть основано общество? Каково то единственное основное условие, при котором и свобода и симпатия осуществимы? Много раз строили идеал общества, много раз в минуты

энтузиазма старались его осуществить, и первая мысль, которая при этом приходила людям, это мысль общего имущества. Без общего имущества идеал не в идеал. И действительно, первое, что говорит тирания, это: «все мое, все, что вы имеете, вы имеете только от моей милости». Отдельное имущество — это эмблема господства сильного. Общество, построенное на отдельном имуществе, это общество борьбы, а не симпатии и свободы. Итак, в основание кладется общее имущество. Но как же затем сделать людей свободными и счастливыми, как же водворить между ними мир и симпатию? Посредством справедливого раздела, отвечают идеалисты. Давайте каждому по мере его труда, говорят одни; давайте поровну, говорят другие. Каждый пусть получает по своим потребностям и трудится по своим способностям, говорят третьи и убеждены, что они высказали самый возвышенный закон справедливости. Вы слушаете эти идеалы и, если ваш слух сколько-нибудь тонок, вы прямо прослушиваете в них фальшивую ноту человека-животного, человека, в котором инстинкт его будущего призвания до того заглушен плеледами от его прошедшего происхождения, что он от них не может отделаться, даже среди самых возвышенных своих мечтаний. Там, где раздел, там господство силы, там отсутствие свободы, и это не может измениться до тех пор, пока в нем будет чувствоваться потребность. Пока сила будет такова, что будет потребность бороться с нею, защищаться против нее — судьба человечества будет вечно такая же, какой она была до сих пор; никакой энтузиазм, никакие комбинации, никакие формы не помогут. В минуты разъединения между сильными человечество будет бороться то за героя, то за религию, то за науку и промышленность, то за свободу¹¹; но вся эта борьба приведет только к тому, что сила сделается более опытной, более умелой в эксплуатации слабости, и все снова человечество будет чувствовать себя в руках нескольких и все снова все будут несчастны, унижены и недовольны. Или человечество будет воспитывать в среде своей силу органическую, не стремящуюся к эксплуатации, или оно никогда не достигнет своей цели, никогда не выбьется из звероподобия, вечно будет мучеником своих противоречивых инстинктов. Перед вами проходит жизнь человечества, и вам хочется уловить в ней то условие, при котором люди могли жить мирно друг возле друга. О, это не трудно! Это условие бросается вам прямо в глаза — это дисциплина! Является власть, и эта власть подмечает те мотивы, где люди начинают относиться враждебно друг к другу, она предупреждает эти мотивы, и каждый раз, когда люди готовы сделать что-нибудь, что породит между ними вражду, она говорит: «не смей» или направляет их, приказывает и решает: «пусть будет так». Эта власть господствует и царит над ними; она должна поражать, отличаться, быть чем-то привилегированным, перед чем преклоняются. Начиная от семьи, все общество строится на этих привилегированных средоточиях власти и источниках порядка. Все общество разделяется на бесчисленные категории, из которых каждая состоит из меньшинства покровительствующих и презирающих и большинства

преклоняющегося и презируемого. Каждый в свою очередь чувствует себя презируемым, потому что если он господин в своей семье, то над ним непременно есть какой-нибудь господин. Люди не стараются выйти из этого положения только до тех пор, пока они не начинают мыслить, пока они пасутся и апатически, по рутине едят корм, который у них под ногами. Но лишь только в них пробуждаются человеческие инстинкты, они начинают мечтать о свободе. Они стремятся вон из этого положения, и что бы вы ни делали, хоть бы вы их озолотили, они все будут стремиться вон. Подобные отношения им кажутся грубыми и грязными и всегда неизбежно будут производить на них впечатление грубого и грязного.

Существует другое отношение — это отношение мира и порядка, и тут сильные и слабые перемешаны между собою. Это отношение, где нет ни низших, ни высших, где нет приказывающего и вводящего порядок, где не общество распоряжается каждым, а каждый распоряжается обществом, где всякий дает, сколько он хочет, и все-таки старается дать как можно более, где всякий берет, сколько хочет, и все-таки никогда не возьмет ничего в ущерб всем. Тут нет ни собственности, ни раздела, ни счета своим величием. Тут все равны и стараются быть равными, потому что они только тогда чувствуют себя счастливыми, когда они чувствуют себя равными. Несмотря на все это, несмотря на полное отсутствие собственности, правления и прочего, тут только и существует истинный порядок, тот порядок, который способен действительно удовлетворить человека. Порядок тут потому, что тут господствует истинная, полная свобода — не тот ложный обман свободы, который называют конституционным, республиканским, демократическим и т. п. управлением, а свобода в полном смысле этого слова, свобода, соответствующая своему идеалу. Какое же это отношение? Всякий из нас знает его, всякий живет в его среде и называет его своим обществом по преимуществу, своим кругом. Гости собрались, все стоит тут к услугам каждого. Хозяин отрекается от своей собственности, ему даже совестно, что он собственник: сделайте одолжение, позабудьте об этом. Это отношение порожденное и питающееся деликатными и возвышенными чувствами человеческой природы. Только тут, где всякий хозяин и распорядитель, где общество делает над собою все усилия, чтобы никого и ни в чем не стеснять, где все стараются угодить каждому и каждый старается угодить всем, человек чувствует себя нормально и хорошо — он в истинно человеческой сфере. Каждый, в свою очередь, хозяин и гость, может вносить в общественную жизнь своего круга сколько он хочет и все-таки он старается внести в нее не как можно менее, а как можно более. В сущности, пожалуй, окажется, что если он работает, если он приобретает, то это он делает только для того, чтобы принести все на алтарь общественной жизни своего круга. Часы, которые он проводит в этом кругу, составляют прелесть его жизни. Ради его он проматывает свои дедовские имения и входит по уши в долги. Он простой работник, работает десять лет, чтобы все спустить на угощение в несколько дней своей свадьбы,

и это не исключение, а обычай, распространенный от одного полярного круга до другого, общий всем народам всех степеней богатства и цивилизации. Говорят, человек работает, кулачничает, добывается власти, чтобы приобретать; но едва ли не с таким же правом можно сказать, что человек делает все это, чтобы раздавать. Эти два инстинкта точно так же равносильны, точно так же постоянно реагируют друг против друга, как сила притягивающая и отталкивающая в природе. Рассматривая все комбинации, порождаемые ими, вы точно так же не можете решить, который из них сильнее. Сын мот у скряги отца — это вечно повторяющееся явление, и вам стоит вникнуть в характер впечатлений, под влиянием которых воспитывался сын, чтобы понять, что оно менее всего случайное. Человек стремится проводить свое время среди порядка, где нет собственности, где нет распорядителя, где каждый делает, что он хочет, где осуществляется идеал свободы и равенства. Опыт убеждает его, что этого возможно достигнуть только одним путем — развитием утонченной взаимной деликатности. Только в такой сфере человек может наслаждаться и чувствовать себя хорошо, поэтому ничто не пленяет его воображение в такой степени, как эта утонченность. Даже человек самого легкого образования, который ищет общества полуграмотного разбогатевшего барышника для достижения каких-либо целей, тяготится этим и смотрит на это, как на лишение. Несмотря на окружающее его богатство, он думает только о том, как выйти из этой сферы и получить возможность проводить свое время в более утонченном, хотя и более бедном кругу.

Чем развитее человек, тем сильнее у него потребность окружать себя атмосферой этой свободы, этого равенства и истинного порядка. Только до тех пор прогресс в государстве нормален, пока он ведет людей к уравниванию и по имуществу, и по развитию, и по взаимному друг к другу уважению. Только до тех пор, пока он дает эти результаты, люди восторженно одушевлены и им, и своим государством, потому что это удовлетворяет глубочайший из их инстинктов. Это должно облегчить им переход к созданию из себя новой расы¹². Посмотрите, как этот инстинкт появляется в труде наиболее развитой и интеллигентной части человечества. Ученый чувствует потребность перенести атмосферу истинной свободы и равенства из сферы общительности и на жизнь деловую. Первые признаки ослабления этой потребности в нем служат в то же время и первыми признаками упадка его творческой силы. Он должен жить в сфере, где мнения высказывались бы свободно, где он сам был бы предметом безусловно свободной критики. Без этого условия его талант падет и завянет. Вы тотчас узнаете сферу, которую стремится создать из себя истинно ученое общество, потому что тут господствует равенство и свобода в таких размерах, к которым обыкновенно общество оказывается совершенно неспособным. В обыкновенном обществе всякий старается не поражать неприятно господствующих мелочных чувств, чтобы сохранить свободные и деликатные отношения — тут же всякий старается не иметь их. В то время, когда в обыкновенном об-

шестве стараются установить равенство одинаковостью костюма, тут в костюме свобода: один приходит изящно одетый, а другой в домашнем костюме. Тут и речь резкая и не стесненная. В этой сфере люди, то работая в одиночестве, то обсуждая сообща текущие явления в науке, стремятся все к одной общей цели — к развитию науки. Как скоро этот характер сферы изменяется, как скоро ученый обращается в ремесленника, употребляющего науку орудием для достижения своих отдельных целей, и развитие науки парализуется. Мы говорим, что мы нашей цивилизацией обязаны науке — совершенно справедливо — наша цивилизация обязана своим существованием тому, что в нашей среде прозябала научная сфера, где не было ни собственников, ни распорядителей, ни властолюбцев, а где человек дышал истинной свободой, где были равенство и истинный порядок. Все усилия собственников, распорядителей и властолюбцев не были в состоянии погубить и заглушить ту цивилизацию, которой семена разбрасывались из этих малочисленных и бессильных кружков.

Везде, где человек хочет жить для себя, наслаждаться жизнью, он в окончательном результате вынужден стремиться к отсутствию собственности, к имущественному равенству, истинной свободе и истинному порядку. Он остается животным, человеком борьбы, эгоистом только там, где он продает себя и свой труд другим. Человек более, чем где-либо, стремился найти счастье в отношениях между мужчиною и женщиною [...]. Потребность счастья была на этом пункте живее, чем где-нибудь; здесь он более, чем где-либо, делал усилий, чтобы составить себе правильное понятие об его условиях, и потому он сделал более успехов, чем во всех других отношениях.

Наконец он дошел до того отношения, которое мы видим, правда, еще в немногих браках, но зато в тех, которые одни могут быть названы действительно счастливыми. Тут мы видим чаще всего следующее положение: муж приобретает и все, что он получает, отдает жене. Когда ему надо двугривенный, он идет к ней и просит у нее. Тут нет собственности, нет распорядителя или власти, тут всякий делает, что хочет и по отношению к имуществу и по отношению к личности другого; тут общая жизнь двух человек органически соединяется в одну, тут нет и не может быть неорганического стремления. Окончательное и безусловное исчезновение последнего следа собственности в этом отношении есть первый шаг; окончательное исчезновение всякого принуждения, хотя бы и нравственного, всякого навязывания себя другому есть второе неизбежное условие. [...] Если именно в этих отношениях инстинкты будущего у человека оказались наиболее энергичными и приняли наиболее определенные очертания, то ничего не может быть естественнее — это среда, в которой зарождаются будущие поколения.

Теперь мы можем понять, какое общественное отношение способно удовлетворить человека и положить конец этой танталовской жажде¹³, которая составляет суть истории человечества, этой вечно

мученической борьбе, неизменно приводившей к горькому разочарованию. Человек способен удовлетвориться только полной свободой, ничем не сдержанной, кроме собственных деликатных чувств по отношению к другим людям. Что в развитии этих чувств деликатности вся суть дела — этого и не умели понять идеалисты¹⁴. Собственность, неравенство имущества, власть немислимы в обществе, способном удовлетворить основным инстинктам человеческой природы. Общество только тогда удовлетворит человека, когда его жизнь будет пикник, куда всякий принес все, что он создал своими руками, по собственному своему стремлению для общего употребления, и где всякий берет из снесенного, сколько он хочет, без всякого ограничения, кроме чувства деликатности. Только этим путем человечество может отделаться от того господства силы, которое вечно оказывалось одинаково несносным и для сильных и для слабых и стремление к обузданию которого составляло вечное танталовское мучение человечества. Неизменная неудача этих стремлений ясна, как день. Слабое именно потому и не может быть противовесом против силы, что оно слабо. Отыскивать комбинацию для такого противовеса — нелепость, центр тяжести перетянет. Борьба между сильными и слабыми вечно даст один и тот же результат: гибель слабых и ослабление сильных, и ничего другого дать не может. Это вечно задерживающее и вредное, а там, где не вредное, то безусловно бесполезное, роскошное, излишнее употребление сил. В природе действительно борьба составляет наиболее поразительное, выдающееся явление; по-видимому, только путь горьких испытаний борьбы ведет здесь к гармонии, к созданию организма. Но именно потому человек должен так крепко держаться за тот инстинкт, который один способен уничтожить борьбу между сильными и слабыми и превратить ее в органическую гармонию и в развитие общими силами за инстинкт взаимной деликатности и развивать его. Так или иначе, рано или поздно он придет к этому концу. Но чем тупее будет его понимание в этом отношении, тем его путь будет продолжительнее и мучительнее. Там, где господствует свобода, основанная на деликатности, там сила ни в каком случае не будет стремиться захватить себе более имущества во имя своего преобладания, она будет гнущаться этим, как грязным поступком. Она будет употреблять свое превосходство к подавлению эгоистического поползновения сильных расти и богатеть на счет слабого, к поддержанию и развитию симпатических и деликатных чувств; она будет подавлять всякое имущественное неравенство и устанавливать равенство в развитии; она может делать только общее дело или она вовсе не разовьется. Но наблюдение над человеком показывает, что она при этом развивается еще успешнее и трудится еще усерднее. [...] Если назначение человечества создать из себя именно такую жизнь, то могли ли все его прежние увлечения привести к чему-либо, кроме разочарования. Если бы оно понимало то единственное условие, при котором оно может найти удовлетворение, то могло ли бы оно увлекаться героизмом, носящим на себе самые резкие черты своего животного

происхождения? Возможны ли были бы для него эти теократические увлечения, эти религии с подкладкою обмана, которые питаются раболепием и более всего должны бояться свободного разоблачения истины? Эти увлечения цивилизациями, которые прославляли эгоистические стремления как лучшие, будто бы, средства для развития науки и промышленности? — эти увлечения ограничениями истинной свободы, которые должны были обеспечить ее торжество, сделав, будто бы, возможным ее существование совместно с эгоистическими стремлениями? Когда наконец все эти заблуждения будут исправлены, когда наконец человек найдет тот путь, на котором все его инстинкты могут получать свободное и гармоническое развитие и ни один из них не будет более отравляющим его жизнь и вечно колющей его в сердце булавкою, когда наконец человечество превратится в органически связанное, а не сколоченное и сцементированное населением общество — что тогда будет? Человек с теми свойствами, которые он унаследовал от животного и с которыми он развивался тысячелетия, исчезнет без следа и уступит место той человеческой расе, которую он должен был развить из себя, — человеку органически связанного человечества. Человека переходного развития невозможно будет и представить себе, если не останется каких-нибудь фактических указаний, точно так же, как об исчезнувших породах мы можем составить себе понятие только по остаткам и окаменелостям. [...]

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Книга «Положение рабочего класса в России» (первое издание — СПб., 1869) оказывала влияние на современников подробнейшими описаниями бедственного положения различных категорий трудящегося народа (крестьян, фабричных рабочих, ремесленников) многих губерний, уездов, городов и сел России. К сожалению, по своему характеру этот материал не может быть представлен в настоящем издании. Даются лишь небольшие отрывки, раскрывающие утопические мечтания Берви-Флеровского. Они выбраны по изданию: *Берви-Флеровский В. В.* Избранные экономические произведения. В 2 т. М., 1958, т. 1, с. 179, 399—401, 418, 425, 589. В нем воспроизведен текст второго издания книги Берви (1872), в которое он внес исправления и дополнения.

² Читая книгу Берви, К. Маркс делал пометки на полях. Около этого места, как и в других местах, где Берви также говорит о «товариществах» между рабочими и капиталистами, Маркс замечал, что это «старые прудоновские иллюзии» и т. д. (См.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. IV. М.—Л., 1929, с. 372—378).

³ Имеется в виду передача Венеции и Ломбардии по Венскому конгрессу 1815 г. под власть Австрийской империи.

⁴ «Азбука социальных наук» (ч. I и II) вышла анонимно в Петербурге в 1871 г., была запрещена и с тех пор не переиздавалась. Напечатанные отрывки взяты из начала главы I части I (с. 13—15) и из заключения части II (с. 193—194).

⁵ Швейцарец Карл-Людвиг Галлер в сочинениях «Руководство к общему познанию государств» (1808), «Восстановление науки о государстве» (1820—34), опровергая теорию об «общественном договоре» Ж. Ж. Руссо, как ведущую к революции, выдвинул положение о том, что в государстве, как и в природе, должен властвовать сильнейший. Ниже Берви-Флеровский критикует идеи социал-дарвинистов, попытки которых распространить на общество теорию Дарвина о естественном отборе и борьбе за существование в природе он сравнивает с идеями Галлера.

⁶ Экономистами Берви называют представителей буржуазной политической экономии, отстаивавших принцип частной собственности, на который и нападали социалисты.

⁷ Настоящая прокламация, изданная подпольно долгушинцами, представляет собой сокращенный вариант нелегальной брошюры Берви «О мученике Николае и как должен жить человек по закону правды и природы», изданной в Женеве также в 1873 г. Извлечения сделаны по *АЛ*, с. 86, 87, 89, 91, 92—93, 95.

⁸ Прокламация написана в форме проповеди религии равенства, в противоположность официальным религиям.

⁹ Имеется в виду покушение Д. В. Каракозова на Александра II 4(16) апреля 1866 г.

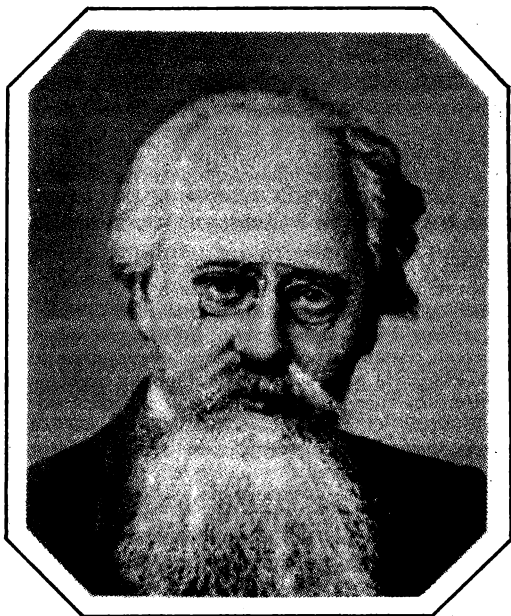
¹⁰ Роман «На жизнь и смерть. Изображение идеалистов» написан в первой половине 70-х годов и был издан анонимно в Женеве в 1877 г. По позднейшей оценке самого Берви-Флеровского, «имело некоторое значение» лишь описание влияния идей Фурье и пропаганды Петрашевского, а также «первоначальное изложение» его идей из первой части романа, откуда и взяты печатаемые отрывки. Извлечения сделаны по кн.: *Флеровский*. На жизнь и смерть. Изображение идеалистов. СПб., 1907 (являющейся перепечаткой первых двух частей женевского издания романа), с. 51—52, 53—54, 215—225.

¹¹ По Берви-Флеровскому, в истории человечество переживало последовательно периоды увлечения геройством, религиями, наукой и промышленностью, свободой, каждое из которых в результате оказывалось ложным и не приносило людям счастья.

¹² Новая человеческая раса, по Берви-Флеровскому, это такое состояние человечества, новая ступень в его развитии, когда все люди вместе составят единый организм и когда каждый человек настолько же качественно будет отличаться от современного человека, как последний отличается от обезьяны.

¹³ Тантал — в древнегреческой мифологии лидийский или фригийский царь, сын Зевса; за тяжкие преступления против богов был осужден последними на вечные муки в подземном царстве: стоя по горло в воде и видя свисающие плоды, он не мог утолить жажду и голод, так как и вода, и ветви отклонялись от его губ.

¹⁴ То есть социалисты, хотя у Берви-Флеровского это понятие шире: это и социалисты, и реформаторы, и мечтатели — все, кто хочет усовершенствовать человечество во имя счастья всех и каждого.

Николай Константинович **МИХАЙЛОВСКИЙ**

Мы служим России по мере наших сил и возможности, ограждая ее от тех злоупотреблений научной и философской мысли, свободы и экономического развития, которые не суть ни наука, ни свобода, ни экономическое развитие. Мы дискредитируем лишь то, что представляет опасность для России.

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

Мы вынесли много ломки, страданий и внутренней борьбы из-за... разлада наших скрытых идеалов с нашим открытым реализмом.

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

Михайловский родился 15 (27) ноября 1842 г. в Мещовске Калужской губернии, умер 28 января (10 февраля) 1904 г. в Петербурге. Из бедной дворянской семьи. Учился в гимназии в Костроме, из 4-го класса которой в 1856 г. был увезен в Петербург и отдан во 2-й класс Института корпуса горных инженеров. Учеба в институте, как вспоминал Михайловский, дала ему «известную умственную дисциплину», но будущая профессия тяготила его. Он мечтал об адвокатской карьере, чтобы защищать обиженных и угнетенных. Поэтому, когда в 1862 г. после участия в столкновении кадетов с учебным начальством ему было «любезно предложено подать прошение об увольнении», он оставил институт и стал ходить «контрабандой» на лекции в университет. Однако стать адвокатом ему не удалось. Михайловский к тому же вскоре остался без средств

(увлекшись под влиянием романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?») устройством артельно-кооперативных мастерских, истратил на одну из них все свое небольшое наследство). Около двух лет зарабатывал на жизнь корректорством и случайной литературной работой. Затем в 1865—66 гг. был постоянным сотрудником журнала «Книжный вестник», одно время даже единолично вел его, но журнал закрылся, и Михайловский надолго оказался без постоянного заработка. Ко времени сотрудничества в «Книжном вестнике» относится его дружба с Николаем Дмитриевичем Ножиным, другим сотрудником этого журнала, в беседах с которым определились основы будущего мировоззрения Михайловского. Ножин ввел его в круг революционной молодежи, составлявшей петербургскую ветвь организации Н. А. Ишутина и И. А. Худякова. После внезапной смерти Ножина и покушения Каракозова на царя Александра II Михайловский был допрошен по этому делу, но осужден не был.

В конце 60-х годов он становится постоянным сотрудником демократического журнала «Отечественные записки» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, и с этого времени его биография почти целиком совпадает с его литературной деятельностью. Уже в первой своей статье «Что такое прогресс?» (1869) Михайловский выступил с «формулой прогресса», дающей социологическое обоснование деятельности личностей в достижении социалистического идеала, построенного на солидарности и сотрудничестве. Эти идеи получили всестороннее развитие в последующих социологических работах Михайловского: «Аналогический метод в общественной науке» (1869), «Теория Дарвина и общественная наука» (1870—73), «Борьба за индивидуальность» (1875—76) и др. Они оказали значительное влияние на формирование идеологии народничества. Демократическая направленность его творчества и несомненный публицистический талант выдвинули его в ряды ведущих русских публицистов последней трети XIX в. Михайловский приветствовал появление русского перевода «Капитала» К. Маркса и в 1877 г. выступил против нападок на него либерального экономиста Ю. Г. Жуковского (статья «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского»). Отмечая огромные научные заслуги Маркса, он вместе с тем упрекал его за якобы присущее ему желание установить для всех стран общий шаблон развития. На эту статью Маркс ответил письмом в редакцию «Отечественных записок» (в свое время неопубликованным.— См.: Маркс, Энгельс и революционная Россия, с. 77—79), в котором, отмечая нелепость подобных обвинений, указывал, что процесс капиталистического развития не в силах остановить никакие утописты и мечтатели.

Михайловский не примыкал ни к одному из течений революционного народничества и даже заявил в 1873 г. в письме к Лаврову: «Я не революционер: «всякому свое». Однако под влиянием народнического движения и особенно героизма деятелей «Народной воли» в конце 70-х годов сблизился с этой организацией,

считая, что она может запугать правительство, вырвать у него уступки. В 1879 г. в газете «Народная воля» он напечатал свои «Политические письма социалиста» (под псевдонимом Гроньяр), в которых обосновывал необходимость политической борьбы против самодержавия. После казни 1 (13) марта 1881 г. Александра II народолюбцами редактировал письмо Исполнительного комитета «Народной воли» Александру III с изложением политических требований. Связи Михайловского с революционным подпольем не остались тайной для властей, и в 1882 г. он был выслан сначала в Любань Новгородской губернии, затем в г. Выборг, где находился до 1886 г. Еще раз, в 1891 г., он подвергся кратковременной ссылке за участие в демонстрации на похоронах Н. В. Шелгунова.

С разгромом «Народной воли» и с закрытием «Отечественных записок» (в 1884 г.) в творчестве Михайловского произошел идейный кризис, выразившийся в усилении консервативных сторон его социалистической доктрины, теории «героев» и «толпы» (объяснявшей массовые народные движения и культурные формы подражанием или психическим заражением), а в политике — в повороте к ожиданию либеральных реформ. Всего резче эти тенденции проявились в его борьбе против марксизма в России, которую он стал вести на страницах журнала либеральных народников «Русское богатство». Отповедь нападкам Михайловского дали Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Они показали на его примере теоретическую несостоятельность и вред народнических теорий для молодого рабочего движения в России.

СОЧИНЕНИЯ

Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. СПб., 1906—1914, т. 1—8, 10. (т. 10: Библиография).

Михайловский Н. К. Последние сочинения. СПб., 1905, т. 1 и 2.

Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М., 1957.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Там же.

Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся. — Там же, т. 2.

Ленин В. И. Народники о Н. К. Михайловском. — Там же, т. 24.

Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — Избранные философские произведения. М., 1956, т. 1.

Колосов Е. Е. Н. К. Михайловский. Пг., 1917.

Горев Б. И. Николай Константинович Михайловский. Его жизнь, литературная деятельность и миросозерцание. М., 1931.

Макаров В. П. Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. Саратов, 1972.

Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX века. М., 1979.

БИБЛИОГРАФИЯ

Сильчевский Д. П. К библиографии сочинений Михайловского (1860—1900). — В сб.: На славном посту. СПб., 1900.

ТЕКСТЫ

ЧТО ТАКОЕ ПРОГРЕСС? ¹

[...] Если замечание Спенсера о стремлении к неравенству членов какого бы то ни было общества ² согласно с существующими фактами и может быть подтверждено многочисленными примерами из истории человечества, то только потому, что в действительности мы еще не видали такого социального строя, в котором индивидуальные элементы находились бы в состоянии полного равновесия. О принципах такого идеального строя нам говорить не приходится, хотя далее и понадобится, вероятно, их отчасти коснуться. Но для всякого очевидно, что они должны тяготеть к однородности. И что бы ни говорил Спенсер о неустойчивости однородного, он именно в однородности должен искать оснований для устойчивого общественного равновесия. [...]

Первобытное общество представляет в целом массу почти совершенно однородную. Все члены его занимаются одними и теми же делами, обладают одними и теми же сведениями, имеют одни и те же нравы и обычаи. Но каждый из них, отдельно взятый, вполне разнороден: он и рыбак, он и охотник, и пастух, он и лодки умеет делать, и оружие, и жилище себе сам строит и т. д. Словом, каждый член первобытного однородного общества совмещает в себе все силы и способности, какие только могут родиться при тогдашнем уровне культуры и местных физических условиях. Но вот происходит первое дифференцирование общества на управляющих и управляемых. Несколько личностей являются извне или обособляются из самой однородной массы и с течением времени усваивают образ жизни, отличный от образа жизни остальных членов общества; предоставляют мускульный труд другим, а сами постепенно обращаются в специалистов нервной деятельности. Общество сделало шаг от однородности к разнородности, но входящие в состав его неделимые ³ перешли, напротив, от разнородности к однородности [...]. В однородной массе первобытного общества неделимые были вполне разнородны, насколько это допускалось условиями места и времени. Горизонт деятельности их был небольшой, но представлял полный круг, замкнутую линию. Они были полными носителями современной им культуры. С дифференцированием общества на управляющих и управляемых, с дифференцированием, обусловившим развитие общества, т. е. переход общества от однородного

и простого к разнородному и сложному, началось нарушение целостности отдельных личностей и переход их от разнородного к однородному. Дальнейшие распадаения правящего класса имеют тот же двойственный характер: вызывают разнородность в общественном строе и, напротив, однородность и односторонность в отдельных личностях.

Сравнивая затем первобытное состояние общества с современным состоянием низших классов, мы придем к тому же результату [...].

Делая свой очерк социального развития, Спенсер ссылается на труды экономистов, в которых с достаточною подробностью описывается переход промышленной организации от однородности к разнородности при помощи разделения труда. Но Спенсер как будто забывает при этом, что если не цеховые экономисты, то некоторые из их противников не менее подробно рассматривали двойственное значение разделения труда, именно свойство его, придерживаясь терминологии Спенсера, увеличивать разнородность общества и вместе с тем уменьшать разнородность рабочего. Это двойственное значение разделения труда было замечено довольно давно [...]. В сфере труда физического та сторона разделения труда, которая упускается из виду экономистами, с особенным тщанием разбиралась социалистами. Наконец, не было недостатка и в более широкой точке зрения. В «Системе экономических противоречий» Прудона ⁴ антиномичность разделения труда разработана с обыкновенною силою этого великого мыслителя [...]. Словом, вопрос этот не только давным-давно поставлен, но с фактической стороны уже и решен людьми всех возможных партий. Спенсер мог уклониться от выражения сочувствия или несочувствия к субъективной и телеологической стороне выводов вышеприведенных исследователей, но заявленный ими факт стоит твердо и непоколебимо и не подлежит ни малейшему сомнению: разделение труда ведет общество, агрегат неделимых, от однородности к разнородности, а отдельных индивидуумов, наоборот, от разнородности к однородности. Экономисты, на которых ссылается в этом случае Спенсер, игнорируют этот факт, но с их специальной точки зрения (а эта точка зрения сама представляет результат разделения труда в области мысли) факт этот действительно незаметен [...]. Он как будто не видит, что дифференцирование труда физического, умственного, дифференцирование общества на резко отличные классы, дифференцирование вознаграждения за труд на прибыль и заработную плату, дифференцирование жизни на труд без наслаждения и наслаждение без труда и т. д. — что все эти дифференцирования, способствуя переходу общества от однородности к разнородности, в то же время способствуют переходу неделимых от разнородности к однородности. Невозможно предположить, чтобы Спенсер, так широко захватывающий явления, ни разу не наткнулся во все время своего исследования на эту сторону вопроса. Она пахнет трудовым потом, кровью, горем и страданием, и потому социологическое

чутье легко может открыть ее. Но, даже совершенно отстраняясь от оценки гнета, которым ложится факт на человечество, можно все-таки увидеть самый факт [...].

[...] Если всякое развитие целого может совершаться только на счет развития частей, если во всяком частном акте развития существуют два элемента: один активный, прогрессирующий, переходящий от однородности к разнородности, и другой пассивный, так сказать, жертва развития, переходящий от разнородности к однородности,— то как отзывается развитие общества на судьбе его членов? Ответ ясен: если общество переходит от однородности к разнородности, то соответствующим этому переходу процессом интеграции граждане общества должны переходить от разнородности к однородности. Словом, прогресс индивидуальный и развитие общества (по типу органического развития) взаимно исключаются, как взаимно исключаются развитие органов и развитие неделимого. Чем проще, специальное органы, тем вся организация неделимого разнороднее и, так сказать, энциклопедичнее, и наоборот. Точно так, чем разнороднее общество, тем уже поле развития его членов и тем они однороднее. [...] Действительно, если орган и представляет жертву развития неделимого, если он и интегрируется в то время, как неделимое дифференцируется, то это дело вполне законное, потому что орган, строго говоря, есть всегда часть и только путем отвлечения может рассматриваться как целое. Но неделимое есть, наоборот, всегда целое и может рассматриваться как часть в виду только некоторых специальных целей. Поэтому оно не может приноситься в жертву развитию идеального целого, каково общество. И если это общество развивается по типу органического прогресса, т. е. переходя от однородности к разнородности, т. е. дробясь на классы, подклассы и т. д., то, непосредственно исходя из закона Бэра⁵, мы должны признать такое явление патологическим, а не нормальным развитием, потому что неделимое при этом переходит от разнородности к однородности, т. е. регрессирует. [...]

[...] Общество есть не организм, а совокупность неделимых организмов; оно состоит не из органов, специально предназначенных для того или другого отправления, а из неделимых, имеющих все органы и потому исполняющих всю сумму отправлений. Идея социального организма находится в прямом противоречии с законом Бэра, и можно только удивляться близорукости ее защитников, которые хотят опереться на этот закон. Превращение организма (неделимого) в орган, сопровождаемое нарушением его целостности и независимости, есть развитие разнородного в однородное, общего в специальное, многостороннего в одностороннее, а следовательно, такое превращение ни в каком случае не может быть подведено под закон Бэра. Это развитие патологическое, а не физиологическое, а идея социального организма — «двойная бухгалтерия». [...] Органический прогресс, по закону Бэра, состоит в усложнении организации; здесь мы видим совершенно противное. Ясно, что

защитники идеи социального организма, думая сделать общество логическим выводом из природы, делают его антитезой ее. Но идея социального организма ложна не только в принципе, она не может и фактически осуществиться. В результате бесконечной специализации труда получаются не целые индивидуумы, а только, так сказать, известные части их; но это все-таки не органы, они не теряют способности страдать и наслаждаться, что составляет существенную, характеристическую черту неделимого. [...] В организме страдают и наслаждаются не части, а целое, а в обществе наоборот, и, следовательно, нет никакого подобия между обществом и неделимым. [...]

[...] В организме все-таки страдает и наслаждается целое, а не части; в обществе все-таки страдают и наслаждаются части, а не целое. [...]

[...] Сам собою представляется вопрос: законно ли устранение телеологического элемента⁶ из социологических исследований, может ли объективный метод дать в социологии благие результаты? Может быть, социолог не имеет, так сказать, логического права устранить из своих работ человека, как он есть со всеми его скорбями и желаниями, может быть, грозный образ страдающего человечества, соединившись с логикой вещей, мстит всякому, кто его забудет, кто не проникнется его страданиями; может быть, объективная точка зрения, обязательная для естествоиспытателя, совершенно непригодна для социологии, объект которой — человек — тождествен с субъектом; может быть, вследствие этой тождественности, мыслящий субъект только в таком случае может дойти до истины, когда вполне сольется с мыслимым объектом и ни на минуту не разлучится с ним, т. е. войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перечувствует его чувство, переживает его страдание, проплачет его слезами. Есть некоторые основания думать, что это предположение верно [...].

[...] Организм прогрессирует, когда он усложняется, т. е. переходит от однородности к разнородности, и регрессирует, когда упрощается, т. е. переходит от разнородности к однородности. Это истина бесспорная. Если индивидуальный организм нисходит до степени специального органа в организме социальном, то тем самым он переходит от разнородности к однородности, следовательно, регрессирует. В то же самое время социальный организм становится разнороднее, следовательно, прогрессирует. Какое из этих взаимно исключающихся движений следует принять за действительно прогрессивное? Объективная точка зрения не дает руководства для выбора. Она говорит только, что прогресс есть переход от однородного к разнородному. А так как в истории движение общества именно в этом отношении обозначено, за весьма, впрочем, значительными исключениями, весьма явственно, то для объективной точки зрения этого и достаточно: общество прогрессирует, хотя и давит при этом личность, заставляя ее переходить от разнородности к однородности. Не то будет, когда мы станем на противоположную точку

зрения: когда мы, признав, что общество, как личность идеальная, не живет и не умирает, не страдает и не наслаждается, возьмем за центр своего исследования мыслящую, чувствующую и желающую личность. Естественным образом мы признаем при этом прогрессивным только такое движение, которое увеличивает массу наслаждений этой личности и уменьшает массу ее страданий. Мы знаем, далее, что нарушение равновесия органов, развитие одного из них в ущерб другому или другим, болезненно отзывается на личности и отнимает у нее самое очевидное благо — здоровье. Кроме того, такое нарушение равновесия ставит одну личность или одну группу личностей в зависимость от другой, которой удалось развить в себе более выгодную физиологическую функцию, так что первая так или иначе становится по отношению ко второй в более или менее замаскированное положение раба. Наконец, так как каждое естественное физиологическое отправление составляет источник наслаждения, то неделимое тем счастливее, чем полнее и многостороннее идет в нем физиологическая работа. С этой точки зрения прогресс выразится усложнением организма, переходом его от однородности к разнородности, хотя бы такой переход обуславливался обратным движением для общества; переход же общества от однородности к разнородности будет признаком регресса. Которое из этих решений правильнее, которое из них логически вытекает из закона Бэра? Очевидно, второе, потому что индивидуальный прогресс есть тот же прогресс органический, только в общественной среде. [...]

[...] Нам не хотелось бы, чтобы читатель подумал, что для нас золотой век человечества лежит не впереди, а позади, не в будущем, а в прошедшем. Мы не признаем доктрины Руссо, которая, однако, несомненно верно указывает свойства некоторых сторон цивилизации⁷. Не становимся мы и в ряды поклонников древней Греции (весьма многочисленных сравнительно очень недавно⁸), хотя опять-таки и в их мнении есть значительная доля правды. С одной стороны, общество еще никогда не достигало и не может достигнуть до состояния организма. С другой стороны, насколько цивилизация двигалась путем раздельного труда, она несомненно имела указанный выше двойственный характер. Но разделением труда не исчерпывается кооперация, и наряду с ним существовало и существует простое сотрудничество, т. е. сочетание труда равных людей, преследующих одну и ту же цель. И все будущее принадлежит этой форме кооперации. [...]

Полное отсутствие кооперации могло иметь место только в очень раннюю пору доисторической жизни человечества. Опасности и беды, встречающиеся на каждом шагу, инстинкт самосохранения в виде половой деятельности со всеми ее последствиями, каково кормление детей грудью и т. д., — все это побуждает людей образовывать небольшие общества, соединяться в группы. Весьма важно заметить, что группы эти складываются различным образом, и именно по двум типам: по типу простого сотрудничества и по типу

сложного сотрудничества или разделения труда. [...] В случае простого сотрудничества люди входят в группу всею своею разнородностью, вследствие чего вся группа совершенно однородна. В случае же сотрудничества сложного происходит обратное явление: члены группы утрачивают каждый один ту, другой другую часть своей индивидуальной разнородности, они делаются однороднее, а вся группа получает более или менее резко обозначенный характер разнородности. В первом случае мы имеем однородное общество с разнородными, равными, свободными и независимыми членами; во втором — разнородное общество с неравными, несвободными, специализированными членами, расположенными в некотором иерархическом порядке. [...]

[...] В простом сотрудничестве общая цель вызывает солидарность интересов и взаимное понимание членов общества. Как люди равные, находящиеся в одном и том же положении, имеющие одни и те же цели, стремления, мысли и чувства, они не только успешно работают, не только не впадают в патологическое состояние, но, кроме того, имеют полную возможность в каждую данную минуту проникнуться жизнью своего товарища, пережить эту жизнь в самом себе и относиться к нему постоянно, как к самому себе. Высокий нравственный уровень составляет естественный результат такого порядка вещей. Только при нем осуществим знаменитый девиз: братство, равенство и свобода. Не таковы междуличинные отношения в обществе, построенном на принципе сложного сотрудничества. Не говоря уже о том, что члены его находятся в патологическом состоянии вследствие усиленного развития некоторых органов в ущерб другим, для них общая цель постепенно и постоянно отодвигается все дальше и дальше и, наконец, совершенно разменивается на ряд частных целей, одна от другой совершенно обособленных. Они не понимают друг друга, хотя связаны между собой самым тесным образом. Взаимное непонимание ведет к безнравственности отношений. Одни вязнут в безысходном труде, донельзя развивая ту или другую часть своей мускульной системы. Другие, обращаясь в специалистов нервной деятельности, живут на счет труда первых и не только не отплачивают им за это чем бы то ни было, но даже утрачивают всякое представление о своей солидарности с ними, о том, что без них они не могли бы иметь ни одного из тех наслаждений, какие даются утонченно-развитой нервной системой. Однако простое сотрудничество при этом не совершенно исчезает. Труды и наслаждения, цели и средства делятся между различными группами, на которые дифференцировалось общество, но каждая такая группа состоит из людей сходных, равных и потому способных ко взаимному пониманию, работающих вместе для одной и той же цели. Но здесь простое сотрудничество составляет факт второстепенный, смысл и значение которого определяются господствующим принципом разделения труда. Здесь в союз простого сотрудничества вступают не целостные индивидуумы, как в общине вольных охотников, а индивидуумы специализированные: головы вступают в союз

с головами, руки с руками, умственные способности с умственными, капитал с капиталом, труд с трудом и т. д. [...]

[...] Если бы принцип простого сотрудничества восторжествовал, если бы цивилизация постепенно раздвигала именно этим видом кооперации личное существование равномерно во все стороны, не раздробляя индивидуальности, а приобщая в ней все новые и новые индивидуальности столь же цельные, если бы при этом воззрения на природу путем коллективного опыта очищались от объективного антропоцентризма... я не знаю, что было бы в таком случае. Но этого не было и, насколько мы можем продумать первобытную жизнь, и не могло быть. Разделение труда одолело. Запутанный порядок сложного сотрудничества постепенно стирал непосредственность взаимных отношений и дробил индивидуальную целостность. [...]

[...] На пути к счастью человечеству остается пройти еще одни великие исторические ворота, над которыми стоит надпись: человек для человека, все для человечества. За объективно-атропоцентрическим периодом отсутствия кооперации и слабых зачатков простого сотрудничества, за эксцентрическим периодом преобладания разделения труда следует субъективно-антропоцентрический период господства простого сотрудничества. Некоторые стороны человеческой жизни уже вступают в этот период; так позитивизм ввел в него теоретические отношения человека к природе. Поэтому, не маскируясь объективностью, мы откровенно сознаемся, что желаем скорейшего окончания эксцентрического периода, который не заслуживает, по нашему мнению, той розовой окраски, какую налагает на него Спенсер². Но не значит ли это обругать вековую историю? Не дал ли нам именно этот процесс истории науку, искусства, промышленность? Конечно, дал. Но некоторая часть всего этого добыта простым сотрудничеством, а остальное куплено и покупается, может быть, слишком дорогою ценою. Будущий историк напишет приходо-расходную книгу цивилизации и сведет эти счета. [...]

[...] Имейте только в виду, что благо человека есть его целостность, гармония отправлений, т. е. разнородность неделимых и общественная однородность, что истина для человека лежит в тех же пределах индивидуальной целостности; имейте это в виду и беритесь за какую угодно работу [...].

[...] Находится ли нация, в которой существуют в данную минуту тайные общества, публичные демонстрации, вооруженные столкновения и проч., на пути к разложению или, наоборот, на пути к дальнейшему развитию? — если бы нам пришлось отвечать на этот вопрос, то мы очутились бы в большом затруднении. Мы нашли бы вопрос по малой мере очень странным. Мы пожелали бы узнать, о каких именно событиях идет речь, во имя чего собираются тайные общества, устраиваются публичные демонстрации и т. д. и какую вероятность успеха имеет все это движение. Агитация, подготовившая Итальянское королевство, позднейшая агитация оставшихся за штатом итальянских Бурбонов, агитация, низверг-

шая Изабеллу испанскую, агитация изабеллистов и карлистов, агитация испанских республиканцев-федералистов — все они могут выражаться в одних и тех же общих формах тайных обществ, публичных демонстраций, вооруженных столкновений и тем не менее представлять явления, радикально различные по своему смыслу и результатам¹⁰. Получив на счет этого смысла движения и ожидаемых его результатов нужные сведения, мы можем признать его явлением прогрессивным или регрессивным, смотря по тому, способствует ли оно приближению общества к нашему идеалу счастья и совершенства или же загораживает ему эту дорогу. Мы, например, полагаем, что счастье заключается в индивидуальной целостности, т. е. в индивидуальной разнородности и общественной однородности. К этому критерию мы и обращаемся для оценки данного политического движения. И так поступает всякий. Разница только в качествах критерия. [...]

[...] Возьмем же человека таким, каким его делают природа и общество и вообще обстановка. Возьмем его голодного, холодного, темного, нечистого, потому что не только в момент фиктивного разрушения общества, а и теперь человек голоден, холоден, темен и нечист. [...]

[...] Будем повиноваться закону природы, но постараемся регулировать его. Выяснив наши истинные чувства, выведя их из-под спуда нечеловеческой чистоты, постараемся найти для них возможно лучший критерий. Искать этот критерий одним объективным путем — значит складывать аршины с пудами. [...]

[...] Вот еще одно из различий между наукою о природе и наукою об обществе. Для беспрепятственного развития первой совершенно достаточно последовательного усвоения истин в порядке возрастания сложности явлений. Социологии же мы никогда не будем иметь, если борьба интересов не расчистит для нее почвы, сгладив общественные дифференцирования. За вычетом некоторых блистательных исключений, в общем нравственные и политические науки необходимо отражают в себе практическую жизнь с ее шероховатостями. Поэтому первая общая задача современной общественной науки состоит в определении значения общественных дифференцирований, — задача, к которой инстинктивно и потому неопределенно стремились все лучшие люди всех времен. [...]

[...] Незачем маскироваться объективностью, а должно выяснять без остатка свою личность, дать себе полный отчет в своих желаниях, побуждениях и целях. [...]

[...] Если объективный метод не может удовлетворить всем требованиям общественной науки, дать ей верховный принцип, то какой из субъективных принципов может быть выбран как наилучший, так как их может быть представлено несколько? На этот вопрос мы отвечаем всей своей статьей. Возможно полное и многостороннее разделение труда между органами человека и возможно меньшее разделение труда между людьми, таков предлагаемый нами принцип, такова цель, которую мы указываем как наилучшую.

Принцип этот, как нам кажется, не имеет ни одного из недостатков, присущих всем, до сих пор принимавшимся принципам политики, этики, экономии. Все они либо предназначаются только для какой-нибудь частной области, вследствие чего примирение между отделами общественной науки не может состояться; либо добыты метафизическим путем, либо страдают эмпиризмом, либо незаконно минуют науку о природе, вследствие чего невозможно примирение между наукою и жизнью. С другой стороны, наш принцип обнимает все области человеческой деятельности, все стороны жизни. Он выведен нами не из глубины собственного духа и не рекомендуется как полученный супранатуральным путем. Он прочно коренится в объективной науке, потому что вытекает из точных исследований законов органического развития. [...] Отбросив в наших статьях все недоговоренное и недоделанное, читатель имеет перед собою ясно и просто поставленный вопрос: могут ли быть подведены к одному знаменателю разделение труда между неделимыми и разделение труда между органами, как полагает Спенсер и другие, или это два явления, взаимно исключающиеся, находящиеся в вечном и необходимом антагонизме, как утверждаем мы? Вопрос этот решается данными объективной науки, и притом данными уже установленными, не подлежащими сомнениям. Если эти данные действительно говорят в пользу Спенсерового решения вопроса о разделении труда, который мы считаем фундаментальным вопросом общественной науки, все наши соображения должны рухнуть. Если же нет, если правда на нашей стороне, остается только приложить предложенный нами принцип, в качестве социологической аксиомы, к решению частных вопросов. На поставленный нами вопрос: что такое прогресс? — отвечаем: Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов.

[ОТВЕТ П. Л. ЛАВРОВУ] ¹¹

[...] Желаю ли я внезапного исчезновения государственных, экономических, промышленных, научных специализаций и внезапной смены общественного порядка, построенного на принципе разделения труда, порядком простого сотрудничества? Ни желаю, ни не желаю; я просто отношусь к этой мысли, как к невозможности, которая отнюдь в мою формулу не входит. Вопрос о том, каким образом предлагаемая мною формула должна быть осуществлена на практике, принадлежит области искусства; и должен решаться сообразно тем эмпирическим условиям, среди которых нас

застает история. Например, система так называемой свободной торговли есть в сущности такое применение принципа международного разделения труда, при котором на долю одних народов выпадает производство сырья, а других — его обработка. Итак, я должен бы быть протекционистом¹² и работать на пользу высоких тарифов. Однако такое ограждение отечественной промышленности может повести к усугублению промышленных специализаций внутри покровительствуемого общества, и, собственно говоря, желательно было бы только в том случае, если бы производитель и потребитель, капитал и труд совпали в одной личности, если бы, по крайней мере, труд поставлен был в возможность бороться с концентрированными капиталами. Существование отдельности власти судебной и административной есть также осуществление принципа разделения труда, но, смею думать, меня никто не заподозрит в желании слить суд и администрацию воедино. И это отнюдь не отступление от моей формулы, ибо результатом интеграции суда и администрации было бы укрепление общественных дифференцирований, не упрощение, а усложнение формулы его индивидуальных членов. [...] Формула моя требует не внезапного исчезновения специализаций, а влияния на условия, порождающие эти специализации, т. е. в настоящем случае, с одной стороны, такой систематизации фактов науки, которая доводила бы до *minimum*'а необходимость в ней разделения труда, разумеется, без ущерба для самой науки; а во-вторых, такого воздействия на жизнь, которое устраняло бы по возможности самую надобность в медицине; а это воздействие опять-таки, в конце концов, сводится к моей формуле. Я нисколько не сомневаюсь, что мой критик¹³ имел в виду это практическое усложнение дела. Но некоторые замечания его могут подать повод к недоразумениям. Так, он говорит, например, о редкости случаев применения простого сотрудничества, о том, что «самые передовые люди должны вступать в сложную, а не в простую кооперацию», предлагает мне подумать о том, что бы произошло при немедленном исчезновении научных специализаций и превращении «науки для науки» в «науку для человека». Я буду иметь случай, поверяя свою формулу теорией Дарвина, возвратиться к относительному значению обеих половин моей формулы (я продолжаю думать, что это собственно не две, эклектически соединенные половины, но только две стороны одной и той же формулы), а равно и к степени ее приложимости к более или менее удаленной от нас истории. Позволяю себе, однако, теперь же выразить сомнение в справедливости мнения автора, будто только в неопределенном будущем закон возможно меньшего разделения труда между членами общества может стать «довольно полной формулой общественной задачи»; будто «прогресс относительно вопроса о правильном разделении труда между людьми еще так мал, что для настоящего приходится его поставить в далекие *desiderata*¹⁴»; будто нельзя считать возможным «при настоящем состоянии социологии концентрировать ее задачи на этот пункт, который требует еще значительной подготовки». Мнение это и все сопря-

женные с ним возражения автора были бы справедливы только в таком случае, если бы мною не принимались в соображение вышеупомянутые практические осложнения. Но они не только принимаются мною в соображение, но критерием в деле практического осуществления прогресса признается мною опять-таки та же формула целостности неделимых, возможно большего дифференцирования членов общества и возможно меньшего дифференцирования самого общества. Если известная, установленная историей специализация может служить залогом прогресса, то только потому, что ею предотвращаются более вредные и основные специализации. Быть может, я и погрешил как-нибудь в своих статьях на этом пункте, но я не думаю, чтобы прегрешение это могло быть основательно распространено на всю теорию. Так как правильно понятая, теория эта требует не непосредственного разрушения разделения труда, а разрушения условий, его порождающих, то я, в противность мнению автора, убежден, что моя постановка вопроса отнюдь не преждевременна, что социология обязана устремить свои силы на разработку именно этого пункта, тем более, что цеховая наука решает его до последней степени неудовлетворительно. В числе условий, ослабляющих интенсивность общественных дифференцирований, развитие критической мысли, без сомнения, занимает очень видное место. Но я думаю, что автор преувеличивает значение научных специализаций, как рассадников критической мысли. [...] Между положением Европы в период ломки средневекового порядка и теперешним ее положением есть большое сходство. Как тогда поземельный феодализм был раздавлен в невольных объятиях городских общин и королевской власти, так и теперь феодализму промышленному предстоит быть задушенным в, надлежит надеяться, вольных объятиях верховной власти и рабочих классов. Если в XII веке, вследствие оригинальности средневекового строя, наука и философия были отвлечены на борьбу с церковью и разошлись с общественным движением — что, во всяком случае, представляет явление печальное, — то какова будет в современном движении роль науки, науки в лице наилучших своих представителей отождествившей принцип физиологического разделения труда с принципом нормального физиологического развития? Если самая обособленность средневековых, так называемых свободных мыслителей была не бесполезна, ибо ослабила авторитет духовенства и таким образом участвовала в подготовке почвы для свободного развития последующих поколений, то современные научные специализации не могут иметь и этой заслуги. Их положение совершенно иное, их положение обязывает их не развивать привычку к критической мысли, а, напротив, становиться ей поперек дороги.

[...] Итак, куда мы идем? По стопам западной цивилизации? Но у Клеопатры было много любовников ¹⁷. «Times» ¹⁸ с его апологией барышничества — цивилизация. Радикалы, требующие обращения всех земель в государственную собственность, — цивилизация. Либералы, желающие свободного перехода земель; либералы, требующие ограничения свободы завещаний и изменения законов о наследстве; либералы, присматривающиеся к средневековому общинному землевладению; наконец, консерваторы, сочиняющие шулерское «новое социальное движение», — все это цивилизация ¹⁹. Куда же нам идти? Очевидно, что сказать: пойдем по стопам европейской цивилизации, — значит ровно еще ничего не сказать. Надо остановиться на каких-нибудь общих началах, которые освещали бы и путь, пройденный Европой, и наш будущий путь.

Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует *передачи* условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только *сохранение* условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности. У нас под самым Петербургом, т. е. в одной из наиболее англоизированных местностей, в местности испещренной фабриками, заводами, парками, дачами, существуют деревни, жители которых живут на *своей* земле, жгут *своей* лес, едят *свой* хлеб, одеваются в армяки и тулупы *своей* работы, из шерсти *своих* овец. Гарантируйте им прочно это свое, и русский рабочий вопрос решен. А ради этой цели можно все отдать, если как следует понимать значение прочной гарантии. Скажут: нельзя же вечно оставаться при сохе и трехпольном хозяйстве, при допотопных способах фабрикации армяков и тулупов. Нельзя. Но из этого затруднения существуют два выхода. Один, одобряемый практическою точкой зрения, очень прост и удобен: поднимите тариф, распустите общину, да, пожалуй, и довольно, — промышленность, наподобие английской, как гриб вырастет. Но она съест работника, экспроприрует его. Есть и другой путь, конечно, гораздо труднее, но легкое разрешение вопроса не значит еще правильное. Другой путь состоит в развитии тех отношений труда и собственности, которые уже существуют в наличности, но в крайне грубом первобытном виде. Понятно, что цель эта не может быть достигнута без широкого государственного вмешательства, первым актом которого должно быть законодательное закрепление поземельной общины. [...]

Конечно, закрепление общины есть только первый необходимый шаг правительственного вмешательства, но шаг в высшей степени важный, определяющий судьбу народа, по крайней мере, в отрицательном смысле. Общинное землевладение и крупная промышленность по образцу английской рядом долго существовать не могут.

Кто-нибудь должен будет уступить. Скажут: община стесняет свободу личности. Это старая сказка. Что такое свобода, независимость, личная инициатива? Для практиков это усталый розами путь в бездонную пропасть. Для теоретиков это цель пути, до которой нельзя дойти, не потерпевши ни одной царапины. Конечно, это точка зрения не допускает красивых фраз, ежеминутных виватов свободе и проклятий регламентации. По ее словам детоубийство есть только детоубийство, а не свобода труда, пролетариат — только пролетариат, а не свобода выбора занятий. Свободен ли безземельный наемник, брошенный на произвол стихийного, т. е. бессмысленного и безнравственного закона спроса и предложения труда? У нас не то что г. Скальковский, а и г. Сыромятников толкуют о «свободе труда»²⁰. В Европе эту песню начинают бросать, и, как мы видели, авторитетнейшие либералы поговаривают о правительственном вмешательстве в той или другой форме. Личная инициатива возможна в экономическом порядке вещей только для собственника. Бойтесь же прежде всего и больше всего такого общественного строя, который отделит собственность от труда. Он именно лишит народ возможности личной инициативы, независимости, свободы. [...] Откуда же ждать свету? Что ход вещей, неруководимый светом науки, привел старую Европу к бедствиям — это понятно. Но мы только что начинаем жить теперь, когда наука уже обладает и некоторыми истинами и некоторым авторитетом. [...]

[СЕНТЯБРЬ 1872 ГОДА]²¹

[...] Что такое революция в научном смысле слова? Это изменение коренных начал жизни данного общества, не обмеление или половодье, не прилив или отлив, а изменение направления русла жизни. В какую сторону произойдет изменение, при какой обстановке — это безразлично. Мы видели в прошлый раз²², что рабочий вопрос, будучи вопросом революционным в Европе, составляет один из консервативнейших вопросов русской жизни. Это значит, что коренные начала русской экономической жизни не требуют революции, изменения направления своего течения. Требуется только развитие этих начал. Будут ли при этом баррикады, или нет, это все равно, т. е. в том смысле все равно, что не изменяет консервативного характера русского рабочего вопроса. С другой стороны, революция может совершиться и под звуки марсельезы, и под звуки всякой другой песни. Но много так называемых революций, которые не имеют никакого революционного значения. Есть, наоборот, много явлений вполне революционного свойства, но вовсе не имеющих традиционного революционного облика. [...] Каждый может выбирать по своему вкусу. Но следует помнить, что выбор этот может совершиться свободно и разумно только в том случае, если мы будем тщательно анализировать ходячие монеты политических словопрений, каковы: либерализм, равенство, свобода, революция, консерватизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья «Что такое прогресс?» (03, 1869, № 2, 9, 11) была посвящена разбору первых выпусков «Собрания сочинений Герберта Спенсера», вышедших в русском переводе в Петербурге в 1866—68 гг. Отрывки из статьи печатаются по изданию: *Михайловский Н. К. Сочинения*, изд. 4-е, СПб., 1906, т. 1, с. 44, 48, 50, 51—52, 55—56, 57—58, 70, 71—72, 75—77, 98—99, 107—108, 112, 124, 125, 126—127, 155, 157, 158, 164—166.

² Михайловский выше приводит следующую цитату из «Опытов» Спенсера, вошедших в первый том его Собрания сочинений: «Сообщите членам какого-нибудь общества одинаковые свойства, положения и силы, и они тотчас же станут стремиться к неравенству. Однородность, хотя бы она и продолжалась с виду, в действительности неминуемо исчезнет».

³ Для Михайловского понятие неделимого аналогично понятию индивидуума. Однако в применении к человеку это не «совокупность черт, резко выдвигающих известную личность из среды окружающих ее людей», как обычно полагают, а «совокупность *всех* черт, свойственных человеческому организму *вообще*». «Мы видели, — пишет Михайловский, — что Спенсер определяет неделимое, как «конкретное целое, имеющее строение, позволяющее ему при известных условиях постоянно приспосабливать свои внутренние отношения к внешним так, чтобы поддерживалось равновесие его отправления». ...Это определение, не имеющее, к сожалению, достоинств краткости и ясности, может, однако, считаться удовлетворительным, если в него включить идею способности страдать и наслаждаться, которою неделимое резко отличается от органа, с одной стороны, и от общества — с другой» (*Михайловский Н. К. Сочинения*, изд. 4-е, СПб., 1906, т. 1, с. 104—105).

⁴ То есть «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (1846).

⁵ Основатель эмбриологии К. М. Бэр видел закон органического прогресса в переходе от простого к сложному, от однородного к разнородному путем последовательных расчленений или дифференцирований.

⁶ Телеология (от греч. *teleos* — результат, цель) — идеалистическое учение о наличии заранее намеченной цели в развитии, о целесообразности в природе.

⁷ Критикуя современную ему цивилизацию как основанную на эксплуатации, неравенстве и силе, Руссо в «Рассуждении о науках и искусствах» (1750) и в «Рассуждении о начале и основании неравенства между людьми» (1755) противопоставляет ей утраченное «естественное состояние», когда люди были равны и свободны, не зная принудительной власти общества и государства.

⁸ Так же как у Руссо обращение к «естественному состоянию» является основой сентиментализма, обращение к античности как идеалу характерно для классицизма, распространенного в литературе и искусстве XVII — начала XIX в.

⁹ В понятие эксцентрического периода Михайловский объединяет все эксплуататорские общества, существовавшие и существующие в истории.

¹⁰ «Агитация, подготовившая Итальянское королевство» — широкое народное движение за освобождение и независимость Италии, ее самостоятельное существование (так называемое Рисорджименто), развернувшееся с конца XVIII в. (движение карбонариев, «Молодая Италия» Д. Мадзини и др.) и закончившееся после знаменитого похода Д. Гарибальди образованием в 1861 г. Итальянского королевства. В ходе революционного процесса объединения Италии (1859—61 гг.) лишились престола представители пармских и неаполитанских ветвей (в Парме и Пьяченце — герцогской, в Неаполе — королевской) династии Бурбонов. Попытки возвращения итальянских Бурбонов к власти не увенчались успехом. Изабелла испанская, т. е. Изабелла II, испанская королева (1833—68 гг.), при которой правила придворная клика, так называемая камарилья, была низвергнута (бежала) с началом Пятой Испанской революции (1868—74 гг.), в которой значительную роль сыграл пролетариат и его первые организации, как Барселонский союз классов (1854 г.) и др. Под «агитацией изабеллистов и карлистов и агитацией испанских республиканцев-федералистов» Михайловский имеет в виду борьбу различных политических движений и партий в ходе испанских революций XIX в. Так, борьба изабеллистов и карлистов, сторонников двух ветвей династии Бурбонов в Испании, после смерти короля Фердинанда II носила характер партизанской

войны (со стороны карлистов) в ходе так называемой Первой Карлистской войны (1833—40 гг.). Движение республиканцев-федералистов (1854—68 гг.), поддержанное промышленной буржуазией, и привело к победе 5-й Испанской революции.

¹¹ Настоящая заметка была первоначально напечатана в 03, 1870, № 3 как Post-scriptum к статье «Теория Дарвина и телеология» (вторая статья из серии статей «Теория Дарвина и общественная наука») и перепечатана в издании: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., изд. 2-е, СПб., 1913, т. 10, с. 209—214. Написана она была в ответ на статью Лаврова «Формула прогресса т. Михайловского» (03, 1870, № 2), представляющую собой разбор работы Михайловского «Что такое прогресс?». Название «Ответ П. Л. Лаврову» дано редакцией сочинений Михайловского, так как имя Лаврова в то время, когда Михайловский писал Post-scriptum, не могло быть названо как потому, что статья Лаврова была напечатана без подписи автора, так и потому, что Лавров в это время был политическим эмигрантом и имя его не могло появиться в легальной печати. Заметка Михайловского (с сокращениями) печатается по названному выше изданию его сочинений.

¹² См. наст. изд., с. 391, прим. 22.

¹³ То есть П. Л. Лавров.

¹⁴ Desiderata (лат.) — чьи-либо пожелания или намерения.

¹⁵ Под таким заглавием Михайловский печатал в 03 с мая 1872 по апрель 1874 г. под псевдонимом Н. М. месячные тематические обзоры литературы и периодической печати.

¹⁶ Отрывок из «Литературных и журнальных заметок» Михайловского за август 1872 г. взят по изданию: Михайловский Н. К. Сочинения, изд. 4-е, СПб., 1906, т. 1, с. 719—721.

¹⁷ Михайловский имеет в виду здесь эпизод из отрывка «Импровизатор» А. С. Пушкина. Итальянцу-импровизатору выпала тема: «Клеопатра и ее любовники». Импровизатор попросил уточнить, о каких именно идет речь. «Потому что у великой царицы их было много», — пояснил он. «Пий IX, Парижская коммуна, Бисмарк, Международное общество рабочих, Наполеон III, дарвинизм, и проч., и проч., и проч., — писал по этому поводу Михайловский выше в этой же статье, — всё ведь это продукты европейской цивилизации, и за каждым из них значится целая программа. Кого же мы возьмем себе в руководители?» (Михайловский Н. К. Сочинения, изд. 4-е, СПб., 1906, т. 1, с. 712).

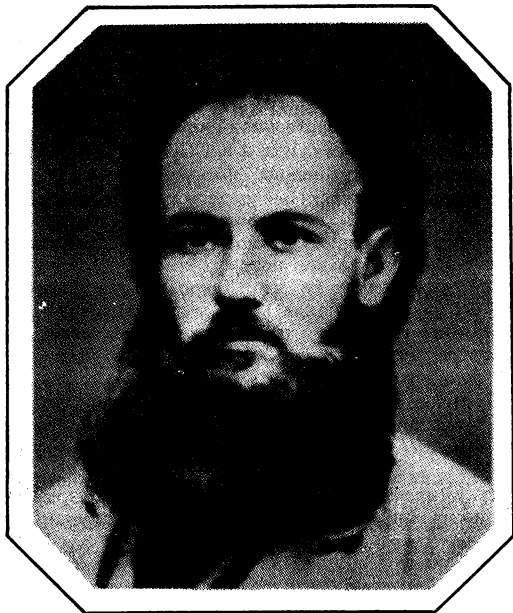
¹⁸ «Times» («Время») — самая известная английская буржуазная газета.

¹⁹ Михайловский здесь перечисляет различные мнения и предложения по решению социального вопроса, которые он подробно разбирал выше в своей статье.

²⁰ Михайловский здесь имеет в виду лицемерные рассуждения второразрядного буржуазного публициста К. А. Скальковского об «артельном начале», об «ассоциации» и т. д. и купца Сыромятникова, утверждавшего на Всероссийском съезде фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью, что плата за работу (в частности, малолетних) «определяется не произвольно, а по согласованию с рабочим, и, смотря по труду и работе, он получает больше или меньше».

²¹ Настоящие отрывки взяты из «Литературных и журнальных заметок» Михайловского за сентябрь 1872 г. (Михайловский Н. К. Сочинения, изд. 4-е, СПб., 1906, т. 1, с. 752—753).

²² См. вышеприведенные отрывки за август 1872 г.

Петр Алексеевич **КРОПОТКИН**

...Во всех социальных вопросах главный фактор — хотят ли этого люди.

П. А. КРОПОТКИН

В последнем случае исход борьбы будет зависеть не столько от ружей и пушек, сколько от творческой силы, примененной к переустройству общества на новых началах. Исход будет зависеть в особенности от созидательных общественных сил, перед которыми на время откроется широкий простор, и от нравственного влияния преследуемых целей... Борьба, происходя на почве широких идеалов, очистит социальную атмосферу.

П. А. КРОПОТКИН

П. А. Кропоткин был единственным из крупнейших идеологов русского утопического социализма, которому довелось увидеть зарю новой жизни в молодой Советской России. Хотя он и был анархистом, противником марксистского учения, Кропоткин приветствовал ее и стремился помогать новой, рабоче-крестьянской власти.

П. А. Кропоткин родился 27 ноября (9 декабря) 1842 г. в Москве. Из старинного княжеского рода. Учился в 1-й Московской гимназии и в Петербурге, в Пажеском корпусе, в который был принят по личному желанию царя Николая I, обратившего внимание на семилетнего Петра Кропоткина на костюмированном балу в Москве. В корпусе были хорошие преподаватели, но своему ду-

ховному развитию он обязан самообразованию и дружбе со старшим братом Александром, событиям первой революционной ситуации в России, статьям Герцена и Чернышевского, которые для обоих братьев были непререкаемыми авторитетами. Еще до реформы 1861 г. П. А. Кропоткин понял, что освобождение крестьян должно быть дополнено устранением самодержавия. Однако, допуская, что, «быть может, нельзя иначе переменить правительство как силою народа», продолжал долго наивно считать, «что можно, ведя дело постепенно, самому» царю «ограничить свою власть» (*Кропоткины Петр и Александр*. Переписка. М.— Л., 1932, т. 1, с. 88). В 1861 г. он был камер-пажем Александра II. Ходить за императором на выходах Кропоткину не нравилось, ему хотелось заниматься наукой, литературой, служить человечеству, и после окончания корпуса в 1862 г. он принимает решение уехать из Петербурга в Сибирь, в Амурское казачье войско. В Сибири (Иркутск, Чита) он готовит проекты реформ местного самоуправления, пишет корреспонденции в петербургские и московские газеты, изучает геологию и этнографию, много путешествует. Но его проекты в Петербурге кладут под сукно, к тому же он постепенно приходит к выводу, что «не менее утопичным становится толчение воды в виде службы» (*Дневник П. А. Кропоткина*. М.— Пг., 1923, с. 261), в чем все более его убеждают картины окружающей его нищеты и эксплуатации трудящегося населения Сибири. Только научные занятия и организованные им географические экспедиции приносят ему какое-то удовлетворение и известность. После зверской расправы над восставшими ссыльными поляками на Кругобайкальской дороге летом 1866 г., когда Кропоткин был в очередной экспедиции, он принял решение снять мундир офицера, подал в отставку. В апреле 1867 г. Кропоткин уехал в Петербург, где поступил на физико-математический факультет университета и одновременно на службу в Статистический комитет министерства внутренних дел. «Занятия в университете и научные труды,— писал он впоследствии, поглотили все мое время в течение пяти следующих лет» (*Кропоткин П. А. Записки революционера*. М., 1966, с. 214). Его доклады по итогам сибирских экспедиций получили одобрение Русского географического общества, в члены которого Кропоткин был избран в 1868 г. В 1870 г. он теоретически предсказал существование неизвестного архипелага севернее Новой Земли, который и был открыт два года спустя (Земля Франца-Иосифа). Кропоткину предложили занять место секретаря общества, но он отказался, не желая быть «на побегушках» у брата царя, великого князя Константина, бывшего председателем географического общества. Его все больше занимает в это время общественная деятельность. Летом 1872 г. во время отпуски в Швейцарии он усиленно изучает социалистическую литературу и сближается с бакунистами в I Интернационале. «Я все больше и больше проникался любовью к рабочим массам,— вспоминал Кропоткин впоследствии,— и я решил, я дал себе слово отдать мою жизнь на

дело освобождения трудящихся» (там же, с. 254). По возвращении в Петербург он вступает в народническую революционную организацию чайковцев. Под именем Бородина ведет пропаганду среди столичных рабочих. В 1873 г. по заданию чайковцев составляет программную записку «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?», в которой впервые наиболее полно излагает свои социалистические взгляды, а также пишет в соавторстве ряд агитационных брошюр («Где лучше? Сказка о четырех братьях и об их приключениях», «Емельян Иванович Пугачев, или Бунт 1773 года», «Счастливая встреча, или Любовь к родине»). За Кропоткиным устанавливается постоянная слежка, весной 1874 г. он был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Через два года, летом 1876 г., с помощью товарищей он совершил дерзкий побег из военного госпиталя, куда был переведен по состоянию здоровья. Последующие 40 лет Кропоткин провел в эмиграции: первые 10 лет в основном в Швейцарии и Франции, остальное время — в Англии.

За границей развернулась революционная и публицистическая деятельность Кропоткина. Как оратор под фамилией Левашева он выступает на различных анархистских собраниях, участвует в конгрессах анархистского Интернационала, в публичных акциях анархистов. Дважды — в 1877 и 1878 гг. — ему удается избежать ареста в Бельгии и во Франции. В 1879 г. в Женеве он основывает анархистскую газету «Le Révolté» («Бунтовщик»), рассчитанную на рабочего читателя романских стран. «В сущности я выработал здесь основу всего того, что впоследствии написал» — так характеризовал он сам свои статьи в этой газете (Записки революционера, с. 386). В 1881 г. Кропоткин был выслан из Швейцарии. Созданная после казни Александра II русская монархистская террористическая организация «Священная дружина» выносит ему смертный приговор, который не был приведен в исполнение, так как Кропоткин, заранее предупрежденный, известил об этом газеты. 22 декабря 1882 г. его арестовали, и на процессе 1883 г. в Лионе по делу о террористических акциях анархистов, к которым он не был причастен, он был осужден на пять лет и заключен в тюрьму в Клерво. Лишь в январе 1886 г. под давлением общественности его освободили, и он уехал в Англию.

Во все последующие годы наряду с большой общественной деятельностью и научной работой по биологии, социологии, истории, географии (вместе с Элизе Реклю сотрудничал в подготовке многотомного издания «Земля и люди. Всеобщая география», писал статьи для «Британской энциклопедии» и т. д.) он написал серию публицистических трудов: «Речи бунтовщика» (1885, сборник статей из «Le Révolté»), «Хлеб и воля» (1892, сборник статей из основанной им в 1889 г. газеты «Freedom» [«Свобода»]), «Анархия, ее философия, ее идеал» (1896), «Современная наука и анархия» (1913) и др., развивавших концепцию так называемого анархокоммунизма, отличную от концепций П. Прудона и М. Бакунина,

хотя и построенную на общих с ними основаниях. Идеи Кропоткина, признанного вождя анархистов, в эти годы получают значительное распространение на Западе, а со времени первой русской революции 1905—07 гг., в поддержку которой он выступил, и в России. В 1907 г. он был гостем V (Лондонского) съезда РСДРП. В 1909 г. вышла работа Кропоткина «Великая французская революция 1789—1793» — один из классических трудов в мировой литературе по этой теме. В годы первой мировой войны занял оборонческую позицию, резко осужденную В. И. Лениным. По возвращении в Россию в июне 1917 г. выступил с призывом к «социальному миру». После Октября Кропоткин признал международное значение Октябрьской революции, высоко оценивал роль Советов, написал обращение к международному пролетариату с призывом заставить свои правительства отказаться от вооруженного вмешательства в дела России. В 1919 и 1920 гг. он встречался с В. И. Лениным, который, критикуя его анархическую доктрину, в целом положительно относился к его личности, научной деятельности и революционной борьбе.

Умер Кропоткин 8 февраля 1921 г. в г. Дмитрове Московской области. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

СОЧИНЕНИЯ (кроме названных)

- * *Кропоткин П. А.* Собрание сочинений. СПб., 1906—07, т. 1, 2, 4, 5, 7.
- Кропоткин П. А.* Собрание сочинений. М., 1918—19, т. 1—2.
- Кропоткин П. А.* Этика. Происхождение и развитие нравственности. Пг.— М., 1922, т. 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Плеханов Г. В.* Анархизм и социализм.— Сочинения. М., 1925, т. 4.
- Памяти П. А. Кропоткина.* Сборник статей. М., 1921.
- Петр Кропоткин.* Сборник статей. Пг.— М., 1922.
- Лебедев Н. К.* П. А. Кропоткин. Биографический очерк. М., 1925.
- Богданович С. А.* Князь-бунтовщик. [1—3-е издания]. М.— Л., 1928, 1929, 1930.
- Анисимов С. С.* Путешествия П. А. Кропоткина. М.— Л., 1943.
- Бонч-Бруевич В. Д.* Памяти Кропоткина. Встреча В. И. Ленина с П. А. Кропоткиным.— Избранные сочинения. М., 1963, т. 3.
- Пирумова Н. М.* Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972.
- Козовский Ю. М.* Молодость Кропоткина. Хабаровск, 1983.
- Маркин В. А.* Петр Алексеевич Кропоткин. 1842—1921. М., 1985.

БИБЛИОГРАФИЯ

- П. А. Кропоткин (1842—1921). Библиографический указатель печатных трудов. М., 1980, ч. I и II (составитель Е. В. Старостин).

ТЕКСТЫ

ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ ЗАНЯТЬСЯ РАССМОТРЕНИЕМ ИДЕАЛА БУДУЩЕГО СТРОЯ? ¹

✓ Я полагаю, что должны.

Во-первых, потому что в идеале мы можем выразить наши надежды, стремления, цели, независимо от практических ограничений, независимо от степени осуществления, которой мы достигнем, а эта степень осуществления определяется чисто внешними причинами.

Во-вторых, потому что в идеале может выразиться, насколько мы заражены старыми предрассудками и тенденциями. Если некоторые бытовые стороны покажутся нам так святы, что мы не посмеем их коснуться даже при разборе идеальных, то насколько же велика будет наша смелость при практическом уничтожении всяких бытовых особенностей? Другими словами, хотя умственная смелость вовсе не есть ручательство за смелость практическую, но умственная мыслебоязнь есть уже наверно мерило мыслебоязни практической.

Говоря об определении идеала, мы, конечно, имеем в виду определение только четырех-пяти крупных черт этого идеала. Все остальное должно быть неумолимым осуществлением в жизни этих основных начал. Поэтому оно не может быть предметом обсуждения теперь. Формы осуществления не могут быть выведены научным путем. Практически они могут быть выведены только путем многократного практического обсуждения незадолго до и во все время осуществления на месте, в общине, в артели, а не теперь при зарождении дела ².

Нет никакого сомнения в том, что между различными социалистами самых разнообразных оттенков существует довольно полное согласие в их идеалах, если взять их в самой общей форме. Общественный быт, которого осуществления они желали бы в более или менее близком будущем, вообще довольно одинаков; и различия между их идеалами скорее происходят не от коренных различий в идеале, а оттого, что одни сосредоточивают все свое внимание на таком идеале, который может, по их мнению, осуществиться в ближайшем будущем, другие — на идеале, по мнению первых, более отдаленном, чем от коренных различий в самом идеале.

В самом деле, все теперешние социалисты стремятся к возможно более полному равенству условий развития отдельных лич-

ностей и обществ. Все они желали бы осуществления такого строя, чтобы каждый имел бы одинаковую *возможность* зарабатывать себе средства к жизни личным трудом, т. е. чтобы каждый имел бы одинаковое право на пользование теми орудиями труда и сырьем, без которых никакой труд невозможен, чтобы каждый был бы поставлен в необходимость зарабатывать себе средства к жизни личным трудом, чтобы распределение полезных занятий в обществе было бы такое, при котором невозможно образование класса, занятого пожизненно, а тем более наследственно, исключительно *привилегированным трудом*, т. е. трудом, более приятным, менее тяжелым и менее продолжительным, но дающим право на одинаковое благосостояние с прочими или даже большее, чтобы каждый имел одинаковую возможность, наравне со всеми остальными, получить то теоретическое образование, которое ныне составляет удел лишь немногих, чтобы отношения отдельной личности ко всем остальным были бы таковы, при которых, пользуясь наибольшею суммою благ от этих отношений, она несла бы вместе с тем наименьшее количество стеснений ее личной свободы и ее личного развития. Словом, коротко выражая эти положения, нынешние социалисты стремятся к равенству:

в правах на труд; в труде ³; в способах образования; в общественных правах и обязанностях, при наибольшем возможном просторе для развития индивидуальных особенностей; в способностях, безвредных для общества.

Такова программа громадного большинства, если не всех социалистов нашего времени. Даже те, которые, по-видимому, проповедуют идеал совершенно иной, те, которые, напр., проповедуют в конечном идеале государственный коммунизм или иерархический строй и т. п., в конце концов желают того же; и если они сосредотачивают сильную власть в руках или правящего меньшинства или выборных старцев и, таким образом, приносят в жертву, напр., личную самобытность, то отнюдь не потому, чтобы они не придавали ей никакой цены или считали ее вредною, но только потому, что они не находят возможным осуществление такого строя, при котором все четыре формы равенства ⁴ осуществлялись в одинаковой мере, и жертвуют одною из форм для достижения прочих. При этом никто из живых последователей этих ученых социалистов и не думает, чтобы какая бы то ни было общественная форма могла закаменеть и не подлежать дальнейшему развитию. [...]

Если признать вышеприведенные положения, то при совокупности осуществления всех этих условий идеал рисуется приблизительно в таком виде:

Население данной территории группируется в деревни, общины. Во всех общинах вводится мало-помалу общинная обработка земли.

Все заводы, фабрики и мастерские в городах, все сырье хозяев этих фабрик поступили в пользование тех рабочих, которые работали на них. Разработка их производится на артельном начале.

Распределение занятий между членами артели происходит по добровольному соглашению артельщиков.

Все дома в городах поступили в общее пользование всего города. Во всех кварталах комиссии определили число нужных квартир, заперли или переделывают негодные, строят новые, распределение квартир совершилось по категориям, смотря по численности семейств, а в категориях — по жребию.

Все капиталы столичных и городских капиталистов, в звонкой монете или ценных вещах, объявлены собственностью всех членов территории, все долговые обязательства уничтожены.

Во всяком производстве на первых порах продолжают работать по-прежнему, положим, по 9 часов в день. Каждый член артели или общины, отработавший это время по назначению артели, получает в этом квитанцию артели.

Все артели данного ремесла группируются сперва в данном городе, в один или несколько союзов и или эти союзы, или артели независимо вступают в союзы для обмена между собой продуктов своего производства. Имея надобность в земледельцах, булочниках, гуртовщиках, сапожниках и т. д., каждая артель неизбежно должна была вступить в союз всех ремесленников данного города, который в свою очередь должен был вступить в союз с возможно большим числом земледельческих союзов. Убедившись в том, что 9-ти часовые чеки каждой артели действительно представляют собой 9-ти часовую работу, приблизительно одинаково тяжелой, эти союзы могут уступать друг другу свои произведения на основании этого расчета. Если земледельцы не соглашаются вступать в эти союзы и принимать в обмен своим произведениям городские чеки, то, очевидно, приходится собранию выборных от всех артелей заняться сбытом своих произведений и обращением их в звонкую монету. На началах же обыкновенной купли и продажи ведутся дела со всеми прочими производящими группами, пока они не примкнут к союзам, равно как и вся внешняя торговля.

Все дети получают обучение, ремесленное и теоретическое, от самой артели или общины; по мере того как требуется повысить уровень образования, артели вступают в союзы для открытия общими силами более обширных высших учебных заведений, посещаемых всеми юношами союза.

В каждой земледельческой общине, в каждой ремесленной артели ведется точное счетоводство. В ней записывается число работающих членов, расходы по закупке и ремонту орудий труда и сырья, количество ежедневно выработанных продуктов и определяется таким образом, на основании простейшего расчета, какое количество выработанных мер ржи, пшеницы, овса, сох, лопат, гвоздей, сапог и т. д., и т. д. представляет собою один час общинного труда. Эта цифра служит мерилем при обмене между собою членов общины. Руководствуясь им и убедившись в правильности расчета, две или несколько земледельческих общин, две или несколько артелей различных ремесел вступают между собой в союз для обмена продуктов.

По мере образования союза расчет ведется общий для всего союза и определяется, чему равен один час союзного труда, выражая его в гвоздях, перьях, шляпах, хлебе, вине и пр. и пр.

Всякий союз должен будет получать многие предметы извне (напр., чай, керосин и т. д.). Для этого необходима внешняя торговля. Если этот союз сам вывозит что-нибудь, то он имеет возможность получать звонкую монету таким путем. Если нет, то он может вступить в союз с союзами золотопромышленников, чтобы получать от них золото по той же стоимости производства; или же во время социального переворота основывается союз золотопромышленных раб[очи]х под присмотром особой комиссии выборных от всего народа для заведывания разработкою золота. Ясно, что подобной комиссии будет принадлежать отнюдь не администрация промыслов, а только точное счетоводство, контроль для определения стоимости производства фунта золота. Другим комиссиям может быть поручена опись и хранение всего гос[ударственно]го богатства, напр., мертвых капиталов в музеях, обращение драгоценностей в народное богатство, опись и хранение гос[ударственно]го оружия, флота, боевых запасов, слитков золота и серебра в банках и монетных дворах и т. п.

Очевидно, что все эти комиссии будут выполнять некоторые из действ[ительн]ых или возможных функций теперешнего прав[ительств]а, но не менее очевидно и то, что на теперешнее прав[ительств]о они нисколько и не будут походить [...].

Вообще мы пишем не проект устройства общ[еств]а за много лет вперед. Если мы и говорим о том, как могло бы устроиться общ[еств]о в будущем, то только, чтобы показать, что уничтожение ныне существующих помех облегчит возможность более справедливого устр[ойств]а, только для того, чтобы в самых общих чертах набросать эскиз этого будущего строя. Мы глубоко убеждены даже, что всякая попытка определить этот строй точнее есть бесплодная трата времени. И вот почему. Определять такой строй, при котором нет места абсолютно никакой несправедливости, значит забегать за многие тысячи лет вперед. Такая работа уже потому бесплодна, что с уничтожением некоторых ныне существующих несправедливостей будет видоизменяться и самое понятие о справедливости, о добре и зле, о хорошем и дурном, о полезном и вредном. Поэтому ныне и не может существовать такого ума, который обнял бы все будущие нравственные понятия чело[вечес]тва. Следовательно, всякое представление нынешнего ума будет осуществление нынешних понятий о нравственности, осуществление, которое невозможно потому, что ранее, чем они осуществляются во всей совокупности, создадутся и начнут осуществ[ляться] новые понятия о справедливости.

Следовательно, теоретически построить такой идеал, который осуществился бы хоть приблизительно, — невозможно.

Но как бы ни был хорош теоретический идеал, он не имеет никакой цены, если он не имеет залогов осуществления. А залог

осуществления он может иметь только тогда, когда он есть выражение существенных стремлений и надежд боль[шинст]ва. Пока можно сказать только, что стремление боль[шинст]ва суть осуществление вышеприведенных идеалов рав[енст]ва. В какую практическую форму выльются эти идеалы, теперь никто не может решить — всего менее, конечно, ученый. Ибо для этого нужно знать величину и форму интеграла всей совокупности строя мыслей, степени развития, тенденций каждой отдельной личности. Не говоря уже об ученом, который не может знать этого (ибо ни статист[ика], ни история не суть и еще очень долго не будут выражением этой стороны жизни), но даже самый близко стоящий к народу ч[ел]ове[к] может определить только в самых общих чертах, чем могло бы удовлетвориться теперь ч[ел]овечест]во.

Наше дело — выразить это общее стремление, выяснить его тем, у которых оно еще более смутно, чем у нас; показать, что эти надежды могут осуществиться; поддержать эту веру в тех, в ком она слабеет; показать, что главная помеха осуществлению этих надежд — не их смутность, а внешние помехи; указывать слабые стороны этих помех, создавать вокруг себя группы для беспощадного истребления всей этой кольчуги всяких помех и лечь⁵ при пробивании этой кольчуги.

А разрабатывать частности этих идеалов, т. е. разрабатывать тонкости *собственной* диалектики, упражнять *свой* ум в логической строгости, — дело праздных тунеядцев. *Нашим* делом оно быть не должно.

В силу всего сказанного мы полагаем, что осуществление будущего строя должно происходить одновременно во всех его отраслях, т. е. что рядом с уничтожением экономического барства должно идти и уничтожение современного г[осударст]венного строя.

Далее, исходя из того принципа, что чем яснее определены цели и хар[актер] рев[олюции] и чем социалистичнее эти цели, тем более она будет иметь сторонников, мы полагаем, что рев[олюция] должна стремиться сразу осуществить все эти меры целиком, помня, что ограничения и уступки неизбежно будут вызваны самою практикою.

Поэтому мы полагали бы необходимым тотчас же после дезорганизации нын[ешнего] прав[ительст]ва принять следующие меры:

Земля объявляется собственностью всех, всего русского народа;

Всякое село, деревня, поселок получают в пользование те земли, которыми они теперь владеют;

Все земли, снимаемые целою деревнею или отдельными крестьянами села или деревни, поступают во владение этого села или деревни;

Все земли, пустующие у помещиков, поступают во владение бывших крестьян этого помещика;

Все земли, купленные себе отдельными крестьянами, посту-

пают во владение всего мира той деревни, где приписан этот крестьянин;

Все рабочие, живущие по найму у помещиков или арендаторов, могут приписаться к той деревне, которая прежде была во владениях у помещика. Если их больше 10, могут образовывать особый поселок, получив от мира выдел земли поровну с прочими членами деревни. Помещики, оставшиеся в живых, могут обрабатывать мирскую землю наравне с прочими крестьянами села или деревни;

Никакого вознаграждения за отобранную землю не полагается; никакого особого от мира надела не полагается. Если мир признает их неспособными ни к какой мирской работе, в его воле назначить им месячину⁶ по усмотрению, наравне с престарелыми;

Все помещичьи усадьбы, огороды, рабочий скот, инструменты и машины поступают во владение бывшим крестьянам того помещика. Если помещичья земля куплена кем-нибудь после освобождения крестьян, то она со всем, что на ней есть, поступает прежним крестьянам. Если поместье устроено на новом месте, где нет крестьян, то в надел рабочим при поместье;

В каждой волости назначается из крестьянских выборных комиссия, чтобы уравнивать земли между крестьянами той волости, провести межи и поставить столбы;

Следующий передел земли — через 3, 5, 10 лет;

Всякая фабрика или завод поступает во владение рабочих на этой фабрике или заводе со всеми машинами и запасами сырья;

Рабочие должны выбрать от себя распорядителей работ, мастеров и т. д.;

На всякой фаб[рике] д[олжен] вестись строгий расчет того, сколько людей каждый день работало и сколько чего сделано;

На первых порах, вплоть до такого-то срока каждый рабочий получает такую-то плату за каждый час работы;

От всех фабрик всякого округа должны быть выбраны добросовестные, чтобы поверять, сколько людей работает ежедневно на каждой фабрике и сколько чего сработано;

Все, что сработано каждою фабрикою, складывается в магазины и в продолжение такого-то срока не может быть продаваемо;

Бывшие хозяева фабрик, которые остались в живых, могут быть наравне со всеми приняты на всякую фабрику, с согласия рабочих этой фабрики, на ту должность, куда их назначат;

Все бывшие чиновники, от министра до писца, могут быть приняты на тех же правах в любую артель, с согласия артели;

Все бывшие солдаты распускаются по домам, получив столько-то на дорогу;

В каждой деревне, артели образуется стража в таком-то раз-мере так-то;

Все бывшие преступники возвращаются на родину так-то;

Все провинности каждого судятся в той артели, куда он припи-сан, по совести;

Все дома в городах поступают во владение всего города;

Назначаются в каждом квартале комиссии для исчисления, сколько потребуется квартир для жителей этого квартала, для подразделения их на холостые, артельные и семейные. Все записавшиеся на холостых кв[артирах] получают их по жребии из назначенных в этот разряд. Также и арт[ельные], и сем[ейные];

Все денежные капиталы отдельных лиц, учреждений, дворцов, церквей и монастырей поступают в общую казну, куда должны быть сданы по описи. Через столько-то времени они будут поделены между губерниями или волостями поголовно⁷;

Все суда поступают во владение матросов, которые на них работают;

Назначаются комиссии для оценки стоимости провоза на каждом судне на такое-то расстояние. Все долговые обяз[ательст]ва как отдельных лиц, так и г[осударст]ва уничтожаются [...]

Все *владельческие* записи, крепостные книги в судах д[олжны] б[ыть] сожжены; но все счетные книги в магазинах д[олжны] б[ыть] сохранены;

Все товары в магазинах д[олжны] б[ыть] описаны подробно, и описи сданы туда-то. Через столько-то времени они будут переданы выборным от всех артелей города;

В каждом городе назначается комиссия для покупки от крестьян, привозящих припасы на рынок, всех этих припасов. Раздача, бесплатная до такого-то срока, а потом продажа на часовые квитанции будет делаться этой комиссией так-то [...].

Мы сказали уже, что по нашему убеждению осуществление этого идеала должно совершиться путем социальной революции. При этом мы совсем не ласкаем себя надеждою, что с первою же революциею идеал осуществится во всей его полноте, мы убеждены даже, что для осуществления равенства, какое мы себе рисуем, потребуется еще много лет, много частных, может быть даже общих, взрывов. Но мы убеждены также, что чем полнее, чем шире будут поставлены требования масс с самой первой революции, чем яснее, чем реальнее будут выражены эти требования, чем более будет уничтожено с первого же шага культурных форм, мешающих осуществлению социалистического строя, чем более будет дезорганизовано тех сил и отношений, которыми держится теперешний общ[ест]венный и госуд[арст]венный быт,— тем мирнее будут последующие перевороты, тем скорее будут следовать друг за другом крупные усовершенствования в отношениях людей.

Поэтому нашею целью должно быть употребить свои силы на то, чтобы ускорить этот взрыв, чтобы выяснить те надежды и стремления, которые существуют у громадного большинства в неясных формах, чтобы можно было своевременно воспользоваться такими обстоятельствами, при которых взрыв мог бы иметь наиболее благоприятный исход, чтобы, наконец, самый взрыв произошел во имя ясно выраженных требований, а именно во имя тех, которые приведены нами выше. [...]

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Отрывки из записки Кропоткина (1873) печатаются по изданию: *РН*, т. 1, с. 55—57, 73—75, 76—80, 84, в котором она впервые была опубликована в полном виде по подлиннику (автографу). Записка обсуждалась чайковцами в Петербурге, а затем была разослана в провинциальные кружки. Подлинник содержит дополнения и исправления, сделанные во время обсуждения, которые в необходимых случаях оговариваются в примечаниях.

² То есть организации чайковцев. На полях написано: «Под идеалом мы разумеем такой строй общества, прогресс которого основан не на борьбе людей с людьми, а людей с *природою*».

³ На полях написано: «в обязанности трудиться».

⁴ Вероятно, описка: выше названо шесть.

⁵ Над строкой написано: «костями».

⁶ То есть ежемесячная выдача определенного числа продуктов, одежды и т. п.

⁷ Далее в рукописи дописано: «Наследства уничтожаются».

Сергей Михайлович
СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ

Мы — накануне великих событий. Соединимся же и будущее — наше!

С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ

Истины, до такой степени установившиеся, как научность Маркса или еще более — научность социализма... нельзя пошатнуть двумя-тремя фразами.

С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ

Только в возможно большем развитии личной, местной и областной автономии вижу залог как будущего счастья человека и человечества, так и торжества революции.

С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ

В 1881 г., когда силы «Народной воли» быстро таяли в результате белого террора после казни Александра II, С. М. Кравчинского вызвали из-за границы в Россию, где его энергия, знания, опыт могли помочь в спасении организации. Он не знал, что возвращение в Россию не состоится. «Я еду, еду, туда, где бой, где жертвы, может быть смерти! — писал он. — Боже... как я рад, нет, не рад, а счастлив, счастлив, как не думал, что доведется мне еще быть!.. Но все-таки грустно! Как бы я хотел обладать теперь всеми сокровищами ума и знания и таланта, чтобы все это отдать беззаветно, без всякой награды для себя лично — им, моим великим друзьям, знакомым и незнакомым, которые составляют с нашим ве-

ликим делом одно нераздельное и единосущное целое! Что ж! Отдам, что есть» (цит. по: *Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель.* М., 1973, с. 221—222). Это писал не экзальтированный юноша, ему было в это время 30 лет, он уже был выдающимся деятелем народнического движения, за плечами десять лет неустанной революционной работы, его имя было окружено ореолом героизма. Но таким молодым энтузиастом он был всю свою жизнь.

С. М. Кравчинский (как писатель он был больше известен с 1881 г. под псевдонимом «Степняк») родился 1 (13) июля 1851 г. в селе Новый Стародуб Херсонской губернии в семье военного лекаря, заслужившего потомственное дворянство. О детских годах Кравчинского мы почти ничего не знаем. Известно, что он учился в различных военных учебных заведениях: в военных гимназиях в Орле и Москве, в военном училище в Москве и, наконец, в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге. В училище же пришел, по воспоминаниям его друга Л. Э. Шишко, имея «вполне определенный революционный взгляд на Россию» (*Шишко Л. Собр. соч.* Пг.— М., 1918, т. 4, с. 129). У Кравчинского уже были знакомства среди петербургских радикальных кружков. Кружку самообразования в училище, организованному Шишко, он придал более радикальный характер, выступая в нем как пропагандист. Он принес в кружок номера заграничного «Народного дела», органа русской секции I Интернационала, «Капитал» Маркса на немецком языке, с которым не расставался. «Вся его энергия,— вспоминал Шишко,— была направлена... на теоретическую подготовку себя к той революционной роли, о которой он уже мечтал тогда» (там же). В 1870 г. Кравчинский окончил училище, отслужил год в Харькове, подал в отставку и в июле 1871 г. поступил в Лесной институт, считая, что для революционной работы в крестьянской стране нужно прежде всего знать сельское хозяйство. Он в гуще петербургских революционных кружков и в 1872 г. один из видных членов организации чайковцев, ведет социалистическую пропаганду среди петербургских рабочих. В 1873 г. Кравчинский оставляет институт и первым среди чайковцев отправляется «в народ», вместе с Д. М. Рогачевым, под видом «пильщиков», в Тверскую губернию. Здесь они вскоре были арестованы, бежали с помощью крестьян и вынуждены были перейти на нелегальное положение. В целях пропаганды Кравчинский ездил в Тульскую губернию, в Москву, Казань, в Одессу и т. д. Полиция гонялась за ним по пятам, и в конце 1874 г. он вынужден был эмигрировать.

Для пропаганды в народе нужна была особая литература: как любил повторять Кравчинский, «чтобы сделать из рабочего хорошего социалиста, надо затратить на него равное ему по весу количество литературы...». Еще в России он вошел в литературный комитет чайковцев и по его заданию сделал свою первую агитационную брошюру — перевод и переработку книги Ф. Ламенне «Слова верующего» (под названием «Слово верующего к народу» она была

литографирована в Петербурге в 1873 г.), написанную с позиций христианского социализма. Затем уже за границей следуют самостоятельные литературные работы Кравчинского для народа: «Сказка о копейке» (Женева, 1874), «Мудрица Наумовна» (Лондон, 1875), «О правде и кривде» (Женева, 1875), «Из огня да в полымя! или Вот тебе бабушка и Юрьев день!» (Лондон, 1876), сыгравшие значительную роль в народнической пропаганде социалистических идей. Эти книги замечательны не только в литературном отношении, но еще и тем, что в них впервые в доступной форме излагались некоторые идеи «Капитала» К. Маркса. Однако они сочетались с анархистскими выводами и призывали к бунту, к уничтожению всяких властей и т. п.

За границей Кравчинский поселился сначала в Женеве, затем жил в Брюсселе, Лондоне (ездил к Лаврову), Париже. Он метался в поисках «настоящего дела» и, когда летом 1875 г. в Герцеговине началось восстание против турецкого господства, отправился туда, где как артиллерист командовал единственной пушкой в одном из отрядов. Кравчинский собирался даже остаться на Балканах и после восстания, чтобы вести там социалистическую пропаганду и издавать социалистический журнал, но вскоре уехал в Женеву, а в начале 1876 г. вернулся в Россию.

В это время Кравчинский переживал мучительный период раздумий о путях революции в России и о формах революционной борьбы. Неудача «хождения в народ», потеря многих революционеров в результате арестов привели его к мысли о неосуществимости ни подготовки революции путем длительной социалистической пропаганды в народе, как считал Лавров, ни прямого народного восстания сразу по всей России — по Бакунину. Считая, что необходимо перейти от слов к делу, Кравчинский пытался эклектически соединить элементы обеих программ в лозунге пропаганды действием, т. е. пропаганды путем отдельных местных бунтов. Но и для такого дела у революционеров не было сил. Порой Кравчинского одолевали приступы отчаяния. Он стал неосторожен, и друзья снова переправили его (в конце 1876 г.) за границу, в Италию. Здесь вскоре ему представилась возможность самому попробовать пропаганду действием: он принял участие в восстании в провинции Беневенто в апреле 1877 г., организованном итальянскими анархистами и гарибальдийцами. Арестованный в самом начале восстания, Кравчинский лишь в конце января 1878 г. был выпущен из тюрьмы по амнистии и пешком отправился в Швейцарию. В Женеве в это время организовался новый журнал бакунистского направления «Община». Кравчинский с первого номера стал сотрудничать в нем. Он написал несколько статей, лучших в этом журнале («Стихотворениями в прозе» назвала их В. И. Засулич). В мае 1878 г. он снова едет в Россию.

Несколько месяцев, проведенных им тогда в России, Кравчинский считал самыми счастливыми в своей жизни. Он весь отдался революционной работе. Вошел в руководство «Земли и воли».

Устраивал ее нелегальную типографию. Написал прокламацию «По поводу нового приговора». Редактировал первый номер журнала «Земля и воля», написав для него программные статьи. Наконец, 4 августа убил шефа жандармов Н. В. Мезенцева. В брошюре «Смерть за смерть» (последнее отдельное издание: Пг., 1920) и в заключении к брошюре А. В. Долгушина «Заживо погребенные» Кравчинский объяснил причины обращения «Земли и воли» к террору как средству самозащиты. Это склонило в пользу революционеров симпатии многих из молодых людей и общественное мнение. Правительство стало считать Кравчинского «самым опасным руководителем» революционеров, и друзья опять отправили его за границу. Больше он в Россию не возвратился.

Постоянно скрываясь от шпиков, под угрозой выдачи его русскому правительству переезжая из страны в страну (Швейцария, Италия, Франция, Англия), Кравчинский занялся писательской деятельностью. Так родился писатель Степняк, который поставил себе целью «завоевать мир для русской революции». Его первая книга «Подпольная Россия» (печаталась в 1881 г. в миланской газете *Le Pungolo* («Жало»), отдельное издание — там же в 1882 г.) принесла ему мировую известность и была переведена на многие языки, неся правду о русских революционерах. Затем последовали публицистические работы «Россия под властью царей» (1885, русский перевод. М., 1964 и 1965), «Русская грозовая туча» (1886), «Русское крестьянство» (1888), «Царь-чурбан и царь-цапля» (1895, русский перевод 1921) и др., несколько романов и повестей: «Путь нигилиста, или Андрей Кожухов» (1889), «Домик на Волге» (1889), «Штундист Павел Руденко» (1894) и др. С поистине неистощимой энергией он пропагандирует правду о России и русской революционной партии, организует вольную печать за границей. В 1890 г. создал в Лондоне английское «Общество друзей русской свободы» и редактировал его орган «Free Russia» («Свободная Россия», 1890—92 гг.), основал «Фонд вольной русской прессы» (с 1891 г.), выступал с лекциями и докладами и т. д., пока смерть в Лондоне (он попал под поезд) не оборвала его жизнь 11 (23) декабря 1895 г.

СОЧИНЕНИЯ (кроме названных)

- Степняк-Кравчинский С. М.* Собрание сочинений. СПб., 1907—08, т. 1—6.
Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений. Пг., 1917—19, т. 1—7.
Из переписки С. М. Кравчинского. — «Красный архив», 1926, т. 6.
Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений. Л., 1929, т. 1—2.
Степняк-Кравчинский С. М. Сочинения. М., 1958, т. 1—2.
Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции. М., 1968.
Степняк-Кравчинский С. М. Избранное. М., 1972.

ЛИТЕРАТУРА

Дейч Л. С. М. Кравчинский-Степняк. Пг., 1919.

Беркова К. Н. С. М. Кравчинский (Степняк). М., 1925.

Засулич В. Статьи о русской литературе. М., 1960.

Таратута Е. А. «Подпольная Россия». Судьба книги С. М. Степняка-Кравчинского. М., 1967.

Маевская Т. П. Слово и подвиг. Жизнь и творчество С. М. Степняка-Кравчинского. К., 1968.

Таратута Е. А. Русский друг Энгельса. Рассказ об интернациональных связях русского революционера-народника С. М. Степняка-Кравчинского. М., 1970.

Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973.

Дальцева М. З. Счастливый Кит. Повесть о С. Степняке-Кравчинском. М., 1979 (ПР).

ТЕКСТЫ

СКАЗКА О МУДРИЦЕ НАУМОВНЕ ¹

ПРИСКАЗКА

[...] Велико могущество разума. Чудны дела его. Прекрасны его творения. Но не утолят они тебя, когда жажда правды загорится в сердце твоём, ибо без любви они мертвы, холодны и немы, как ледяные глыбы на вершинах гор. [...]

Полюби братьев твоих — и любовь даст крылья разуму твоему и приведет она тебя к источнику вечной правды. Она изощрит зрение твое и слух твой, и откроется тебе то, по чем изнывала твоя душа! [...]

[...] Ты увидишь воочию то царство правды, любви и счастья, которого не видело еще ни одно человеческое око ², ибо отразится тогда это царство в душе твоей. [...]

Но кто ж эти вещие дочки Наума? [...]

Подумай, пораскинь умом — и сам ты догадаешься.

Чем самые мудрые из людей просвещают братьев своих? Чем открывают они братьям ту правду, до которой додумались?

Они открывают братьям правду своими книжками; они просвещают их книжками.

Вот они-то и есть те вещие дочки Наума [...].

Но которая же из книжек была моею Мудрицей Наумовой? Которая из них перенесла меня в Англию, которая показала мне, как живет английский народ?

Это книжка, написанная одним из главных распространителей того самого международного союза рабочих, про который я говорил тебе не раз.

Имя этому человеку — Карл Маркс, а называется эта книжка «Капитал».

Вот она-то перенесла меня в Англию, она-то показала мне, до каких мук довели богатые английский народ. Но что еще важнее — она показала мне, что так и должно было быть и что так будет повсюду, где есть бедные и богатые. Из этой-то книжки я увидел, что никогда не избавиться народу от своих мук, пока есть над ним хозяева, помещики, цари; что одно только спасение рабочим — это подняться против них, чтобы стереть их с лица земли. [...]

Русский работник, к тебе я взываю! Подумай о братьях своих, подумай о детях своих, подумай о муках, которые ждут их впереди. [...]

Спаси же их от этих мук, если не окаменело сердце твое, если ты не оглох к стонам братьев своих.

Ты должен и ты можешь спасти их, ибо приближается великое время, какого не видывала еще земля, время последней борьбы всего рабочего люда со всеми утеснителями его. [...]

Наступит тогда новое царство, царство правды и любви, царство правды и справедливости.

Наступит такое счастье, какого не видело еще ни одно человеческое око!

Иди же и возвещай братьям своим, что приближается это царство!

Но скажи им, что не войти им в него, пока не убьют они трехглавого змея, который стоит у входа в него ³.

БУДУЩЕЕ ЦАРСТВО

I

Каково же это будущее царство? Чем отличается оно от теперешнего порядка?

Оно отличается только одним: над рабочими нет и не может быть ни хозяина, ни помещика, ни чиновников, которые отнимали бы у них то, что они сработают.

Работники сами себе господа и хозяева. Вот почему будущий порядок мы часто будем называть работничким. [...]

[...] Как же сделать, чтоб хозяев, помещиков и властей не только не было, но и быть не могло?

Для этого только одно средство: не делить все, что будет отнято у них, а владеть всем сообща. [...] Если этого не сделать, если вместо того, чтоб владеть миром и делить поровну, что сработают, люди поделили бы землю между мужиками, а на фабриках давали бы одному гривенник, другому рубль, тогда не прошло бы и нескольких поколений, как не только все вернулось бы к старому, но стало бы еще хуже. Один разбогател бы, другой стал бы бедным. [...]

И уже трудно было бы народу избавиться от новой кабалы, потому врагами его были бы свои же мужики, а не господа и купцы. Вот почему *лучше остаться в теперешней кабале*, чем подниматься, чтобы делить то, что будет отнято.

Лучше два царя, лучше вдвое больше помещиков, чем подниматься, чтобы поделить все, что будет отнято.

Тот, кто проповедует дележ, — глупец, который не понимает, что говорит. Он — *злейший враг народа*.

Итак, при работничком порядке не будет дележа. Всем — и землей, и фабриками, и заводами — будут владеть миром, артелью. То, что сработают, будет делиться поровну между всеми, чтобы не было ни бедных, ни богатых.

Но ты сейчас увидишь, что так будет только вначале. Скоро придет время, когда люди будут владеть всем, как братья владеют своим добром: *каждый будет делать, сколько может, а брат, сколь-*

ко ему нужно. Но об этом речь впереди. Теперь же повторяю: будущий рабочий порядок отличается от теперешнего тем, что над рабочими нет и не может быть никого, кто отнимал бы у них то, что они сработают.

Вот все, чем отличается будущее рабочее счастье от теперешнего. Но от этого одного изменяется все, родится такое счастье на земле, что мы и постигнуть не можем. [...]

II

Самый страшный враг человека — бедность. Она-то прежде всего исчезает в рабочем порядке. Я не буду говорить о том, насколько разбогатеет народ через то, что не будет царя, чиновников и всех, кто отнимает у него податями то, что он сработает.

Я не буду говорить о том, насколько он разбогатеет через то, что ему достанется все, что он может сработать на фабриках. Я рассчитаю только, насколько он разбогатеет через то, что он сработает на земле, — значит, через одну свою летнюю работу. [...]

При рабочем порядке землю не делят на клочки, а владеют и работают на ней миром. Велики выгоды такой работы. Когда каждый хозяин владеет своим клочком земли, то невыгодно заводить какие-нибудь машины. В один день машиной он сделает все, что нужно, а потом машина будет стоять без пользы, а хозяин будет сидеть сложа руки. Когда же работают миром, обществом, на мирской земле, тогда машины заводить очень выгодно, потому каждая община владеет многими тысячами десятин. А от машины выгода огромная. Один человек с машиной сделает по крайней мере в 5 раз больше, чем с простым орудием, каким теперь работают.

Значит, чтобы обработать столько земли, сколько теперь обрабатывается, нужно будет в 5 раз меньше народу.

Значит, не только земля будет обработана лучше, потому машинная обработка много лучше ручной, но и четыре пятых всего народа будут свободны. Они употребят свой труд на расчистку новин⁴, на осушение болот, на вырубку лесов, на увеличение скота и удобрения и т. п. А во сколько раз больше хлеба родится через это! Ученые сосчитали, что при хорошем хозяйстве земля могла бы родить в 40, 50 раз больше, чем теперь. [...]

Тебе не верится? А ведь и это еще не все богатство, что дает рабочий порядок.

Я говорил только о двух причинах увеличения богатства: о том, что земли у народа станет больше и обрабатывать ее будут лучше. Но есть еще третья, которая стоит обеих первых, и это та, что при рабочем порядке изменяется самый труд. Один человек делает столько, как теперь четверо или больше.

Этому причины две. Первая, что при рабочем порядке все работают на себя. [...]

Кроме того, при рабочем порядке увеличивается самая

сила рабочих, потому никто не надрывается над работой, все едят хорошую пищу, спят вволю. [...]

Итак, вместо страшной нищеты наступит неслыханное богатство. Вот самое первое и самое важное следствие работнического порядка.

Без него не могло бы быть ничего. Это несокрушимая скала, на которой строится все здание будущего порядка.

Это ворота в царство вечного счастья.

Теперь я попытаюсь провести тебя сквозь эти ворота и издали показать тебе хоть наружный вид самого царства.

III

Трудно человеку, который видел только дождевые лужицы, описать море. Трудно человеку, который видел только тусклый фонарь, описать солнечный свет. Так же трудно и мне, и всякому, кто живет при теперешнем порядке, описать то счастье, которое ждет детей наших. [...]

Я рассчитал, как страшно увеличится богатство народа, когда наступит работнический порядок.

Но человеку не нужно таких огромных богатств. [...]

Тогда никого не будет пожирать ненасытная жажда к богатству, поэтому народ будет работать несравненно меньше, чем теперь. Если теперь он работает пятнадцать часов, то тогда он станет работать пять часов, а все-таки будет жить в десять раз лучше, чем теперь. Все же остальное время народ будет свободен. Значит, не только не будет ни бедных, ни богатых, но не будет ни ученых, ни неученых, потому никто не захочет быть ниже других, а всякому будут доступны все науки и искусства, которыми теперь овладели богатые.

Исчезнет навсегда темнота народная, исчезнут все предрассудки и суеверия, ибо они рассеиваются от знания, как ночной туман от солнечного света. Но мало того; люди создадут такую науку, перед которой нынешняя показалась бы лепетом десятилетнего школьника. [...]

При работническом порядке науками и искусствами будут заниматься только те, кто любит их, кто к ним способен, потому от них не будет никакой выгоды. Не будет тупоголовых ученых, бездарных писателей и художников. Но зато будут такие ученые, такие писатели, такие художники, каких мир, быть может, не видит и раз в столетие. [...]

[...] Значит, не пропадет без пользы для людей ни одного великого ума или таланта. [...]

Велико богатство, которое дает народу работнический порядок сам по себе, но то, что дает он чрез науку, то же пред ним, что Волга-матушка перед дождевой струей. Выдумана новая машина — и каждый человек делает столько, как прежде сто. Выдумано новое удобрение — и тот же клочок земли родит вдесятеро.

Но не об одной пользе думает и не к одной пользе стремится человек.

Много улады дает человеку богатство, обладание всеми богатствами земными. Но что они пред тем, что дает человеку проникновение в тайны природы, наслаждение тем, что только лучшего создал человек,— наукой и искусством? Припомни: разве не разгоняла твою тоску-кручину задумчивая песня? Разве не заслушивался ты ее и не забывал на минуту всех невзгод и печалей своей серой жизни?

А есть нечто, чего еще не изведаль ты, от чего еще сильнее бьет сердце, еще глубже дышит грудь. Это наука и искусство.

Теперь всеми этими удовольствиями пользуются одни богатые; при работничком порядке все эти радости будут доступны всякому.

Вот толпа возвращается с работы, но ни на чьем лице не видно усталости: работа непродолжительна, да и ту почти всю делают машины. Все веселы и говорливы, точно вернулись с праздника. Не видно между ними ни хилых, ни больных, потому никто не надывается над работой, никто не задыхается в тесных комнатах. Нет между ними тупых и бессмысленных лиц, потому нет ни одного, кто не был бы развитее теперешних ученых. Вот они садятся обедать, и пища их вкусна и здорова. Их обед приправлен веселой речью и братской любовью.

А вечером одни рассыпаются по зеленым полям водить хоро-воды и играть в разные игры. Другие собрались около своих товарищей, внимают они словам их, и восторг выражается на их лицах, ибо великие и сокровенные тайны природы открывают им мудрые товарищи. И проясняется взор слушателей, и видят они великие чудеса природы там, где вчера ничего не видели, и высокая радость охватывает их душу, и восторженные крики вырываются из их груди.

А в другом месте безмолвная толпа внимает, затаивши дыхание, дивным звукам, которые льются, как серебряные волны, из уст великого певца.

Там рабочие восхищаются невиданной картиной, которую создал их товарищ в часы досуга, чтобы усладить зрение друзей своих.

А там стоит человек и читает какой-то сверток. Кругом него толпа бóльшая, чем вокруг всех прочих вместе, и слушают они, боясь проронить один звук из его чудных слов. Как живые, проходят перед их взором дивные картины, и дыхание спирается у них в груди, и нет конца их восторженным крикам, когда кончил чтец и опустил сверток, который держал в руке своей.

Велико счастье этих людей. А ведь я показал тебе только малую долю того счастья, которое даст людям будущий порядок!

Будущий порядок — это дивный храм, какого не видало ни одно человеческое око. Ступени его — это богатство, которое наступит при нем. Ты взошел уже по этим ступеням, ты видел уже притвор

этого храма; но алтаря его ты не видел еще. Так притаи же дыхание свое! Теперь я поведу тебя к самому алтарю, попытаюсь поднять край завесы его, чтобы показать тебе высшее счастье, какое даст будущий порядок роду человеческому!

IV

Когда ты поплывешь по течению великой реки, то увидишь, что чем дальше плывешь ты, тем она делается все шире и шире, все глубже и глубже, пока не впадет наконец в бесконечное море.

Таково же и будущее царство.

Велико счастье, которое оно дает через богатство. Еще больше то, которое дадут людям искусства, художества и науки. Но это только верховья великой реки. Глубоки они, но ничтожна их глубина пред глубиной того бесконечного моря, в которое впадает она.

Это море — то счастье, которое дает человеку сам человек. Ибо истинно говорю тебе, что придет время, когда сами люди переродятся, когда очистятся они от всех пороков, которые оскверняют их теперь, и не будет уже на земле ни лжи, ни обмана, ни обиды, ни насилия, ни корысти, ни зависти, ни злобы, ни вражды! Любовь и правда воцарятся на ней, и царствию их не будет ни предела, ни конца. [...]

Весь теперешний порядок держится на борьбе, на вражде. Кто не хочет умирать с голоду, а хочет жить в довольстве; кто хочет быть свободным, а не рабом других людей, тот должен быть бесчувствен к страданиям братьев своих, должен вырывать у голодного последний кусок хлеба. Враждой люди рождены, враждой вскормлены, враждой повиты. Все силится задушить любовь в сердце человеческом, но ничто не могло этого сделать, ибо легче вырвать каменную гору из недр земли и бросить ее под облака, чем искоренить любовь из сердца человеческого. [...]

Сердце человеческое — это родник бесконечной любви. Только теперешний порядок мешает ей вылиться. Если б не он, то полилась бы она широким потоком и весь мир наполнила бы собою. [...]

Когда будет разрушен теперешний порядок, тогда совсем уничтожится эта плотина, потому людям не нужно будет терзать друг друга, чтобы самим прожить, всего им будет вдоволь, тогда все будут жить, как теперь братья живут, и все будут любить друг друга, как братья!

Как братья? Нет, больше, чем братья, ибо теперь брат должен вырывать хлеб изо рта брата, чтобы самому не умирать с голоду!

И новое солнце взойдет тогда над родом человеческим, и новое небо спустится на землю.

Не будет тогда на земле ни обиды, ни насилия, ибо не подымет рука твоя на брата твоего, которого ты любишь больше себя!

Не будет ни лжи, ни обмана, ибо не повернется язык твой

солгать брату своему, которого ты любишь больше самого себя!

Ни зависти, ни корысти, ни злобы, ни вражды не будет на земле, потому не может она быть там, где люди любят друг друга больше, чем родные братья.

И не узнают люди самих себя, когда им расскажут, как деды их терзали, душили, грабили друг друга. Не поверят они, когда расскажут им, как брат отнимал хлеб у брата, отец у сына, чтобы взять себе. Потому забудут они самые слова «мое» и «чужое», потому всякий с радостью будет отдавать другому все, что есть у него, и не будет ему большей радости, как сделать что-нибудь приятное брату своему.

Не поверят они, что люди хватали друг друга, как бешеных зверей, заковывали в цепи и сажали в тюрьмы и в остроги. А другие люди говорили: «Мы мудрее и справедливее их», — и приказывали привести их пред лицо свое и судили их. Не будет тогда на земле ни палачей, ни судей, ибо самых преступлений не будет тогда на земле.

И не будет тогда на земле никакой власти человека над человеком. Не только кроважанных царей и вельмож и их подлых слуг, чиновников, не будет, но не будет на земле никакой власти, никаких законов не будет, потому не для кого будет писать их, когда люди будут любить друг друга больше, чем родные братья. Зачем тогда законы, которые заставляют человека делать то и то, когда каждый скорее отдаст себя на растерзание диким зверям, чем одним словом обидит брата своего?

Вот земля обетованная, которая уготована всем народам земным! Блаженны дети наши, которые войдут в нее! [...]

Но трикрат блажен ты, если трудами своими ты помогал народу приблизиться к этой земле, если ты отрекся от себя и пошел открывать всю правду братьям своим. [...]

«ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ» ⁵

Земля и воля! — вот два магических слова, много раз поднимавшие из глубины России могучие стихийные движения. Дважды чуть не повалили они государственной Руси ⁶ и до сих пор глубоко волнуют душу серого крестьянства от одного конца России до другого.

Земля и воля! — вот тот девиз, который написали на своем знамени верные духу и истории своего народа наши предшественники — социалисты-народники 60-х годов ⁷.

Те же слова пишем на нашем знамени и мы.

Мы убеждены, что только те культурные формы имеют историческое будущее, которые коренятся в умах и стремлениях народных масс; мы не верим в возможность путем предварительной работы создать в народе идеалы, отличные от развитых в нем всей предшествующей его историей. На все попытки подобного рода

мы смотрим, как на совершенно нерасчетливую трату сил, потому что опыт всех прошлых движений во всех землях и у всех народов, начиная с крестьянских восстаний и кончая Парижской коммуной, показывает нам, что всякое революционное движение, по мере своего расширения, необходимым образом развивает, очищает и совершенствует те революционные элементы, которые послужили первоначальным стимулом движения.

Революции — дело народных масс. Подготавливает их история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только *орудиями* истории, выразителями *народных* стремлений. Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который по непреложным законам природы совершается в данный период. Вне этой роли они — ничто; в пределах ее они — один из могущественных факторов истории.

Поэтому основанием всякой истинно-революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности.

Во все времена, где бы и в каких бы размерах ни поднимался русский народ, он требовал земли и воли!

Земли — как общего достояния тех, кто на ней работает, и воли — как общего права всех людей самим распоряжаться своими делами.

Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение «казацких кругов», т. е. вольных, автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизменная «программа» народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников.

Такова же, без сомнения, остается она и теперь для громадного большинства русского народа.

Поэтому ее принимаем и мы, революционеры-народники.

Этой программой мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос же фабричный мы оставляем в тени, и не потому, что не считали экспроприацию фабрик необходимой, а потому, что история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным. А между тем революционное движение, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковым образом само придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничтожения всякого капиталистического производства, потому что, сохранив его, оно само вырыло бы себе могилу. Точно так и городское социалистическое движение, если бы оно началось независимо от деревень, неминуемо наткнулось бы с первых же шагов на вопрос о социализме аграрном.

По тем же причинам не станем мы предрешать в нашей прог-

рамме вопросов, касающихся частных форм будущего социалистического строя. Все это вопросы будущего. Предоставим же будущее будущему. Настоящему предстоит достаточно громадная задача: осуществление народной революции, которая одна в состоянии развить будущий социалистический строй из тех элементарных основ социализма, которые уже созданы в умах народа. [...]

Социализм — высшая форма всеобщего, всечеловеческого счастья, какая только когда-либо вырабатывалась человеческим разумом. Нет для него ни пола, ни возраста, ни религии, ни национальности, ни классов, ни сословий! Всех зовет он на чудный пир жизни, всем дает он мир, свободу, счастье, сколько каждый может взять!

В этом, и только в этом, та непреодолимая, чарующая сила, которая влечет в ряды социалистов все свежее, чистое, бескорыстное. Только вера в свое служение всему человеческому способна возбудить тот пламенный, чисто религиозный фанатизм, который воодушевляет социалистов и делает их неодолимыми, непобедимыми, потому что самые гонения превращаются для них в источник высочайшего блаженства на земле — блаженства мученичества и самопожертвования.

Господа филистеры! Поверьте же, что для нас личность человека не менее священна, чем для вас, рукоплещущих бесцельному истреблению сотен тысяч людей из-за честолюбивых династических фантазий и допускающих гибель миллионов рабочего люда, чтобы только не поступиться некоторой долей своих скотских наслаждений.

Если мы прибегли к кинжалу⁸, то значит действительно не оставалось других средств заставить уважать наши священные, человеческие права.

С той же минуты, как наша свобода и наша личность будут гарантированы от произвола, мы безусловно прекращаем ту систему самосуда и самозащиты, к которой вынуждены прибегать теперь. Признайте за нами наши человеческие права — и мы будем свято чтить ваши. Мы не прекратим нашей социально-революционной деятельности, т. е. борьбы за полное освобождение человека от всякого порабощения и прежде всего порабощения труда капиталу. Но тогда нашими противниками являются привилегированные сословия как целое. Отдельные лица перестают иметь какое бы то ни было значение, и потому борьба принимает совершенно иной характер. [...]

Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. С борьбой против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только сам народ. Поэтому главная масса наших сил должна работать в среде народа. Террористы — это не более как охранительный отряд, назначение которого — оберегать этих работников от предательских

ударов врагов. Обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью значило бы оставить свою прямую, постоянную цель, чтобы погнаться за случайной, временной.

Такое направление нашей деятельности было бы великой ошибкой еще с другой стороны, со стороны тактики партии. Падение нашего современного политического строя не может подлежать ни малейшему сомнению. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать это. Вопрос только о дне и часе, когда это совершится. Самодержавие, поражаемое со всех сторон, падает, уступив место более современному, конституционному строю, который, как всякая конституция, выдвинет на первый план привилегированные сословия: помещиков, купцов и фабрикантов — всех владельцев капитала движимого и недвижимого, одним словом, буржуазию в экономическом смысле слова. В настоящее время они разрознены и потому бессильны. Конституционная же свобода, как бы жалка она ни была, им-то во всяком случае даст возможность сорганизоваться в сильную партию, первым делом которой будет провозглашение крестового похода против нас, социалистов, как своих опаснейших врагов.

Направив все свои силы на борьбу с правительством, мы, конечно, сильно ускорим его падение. Но тогда, не имея никаких корней в народе, мы будем не в состоянии воспользоваться своей победой. [...]

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Впервые напечатана в Лондоне в 1875 г. в типографии журнала «Вперед!» без имени автора, с ложными легальными выходными данными; в том же году таким же образом издавалась еще дважды под другими названиями: «Сказка-говоруха», «Похождения пошехонцев, удивительные и забавные». Цель сказки, как ее задумал Кравчинский, — изложить в доступной для простого народа форме основное содержание I тома «Капитала» К. Маркса. Сказка состоит из трех частей: 1) основной текст сказки из 14 глав, представляющий собой аллегорический рассказ о путешествии автора в Англию в поисках правды («как должно жить народу русскому, чтоб не мучиться вечною мукою»), с описанием положения и борьбы рабочего класса против капиталистической эксплуатации, а также Брюссельского конгресса I Интернационала; 2) «Присказка», раскрывающая аллегории; 3) «Будущее царство», т. е. картина коммунистического общества. В настоящем издании печатаются только отрывки из 2 и 3 частей по: *АЛ*, с. 223—239.

² То есть коммунистическое общество, которое обещала показать автору Любуша, сестра Наума. Любуша привела автора к Науму, который дал ему свою дочь Мудрицу в провожатые в его путешествии в Англию и в Брюссель.

³ «Трехглавый змей» — это, в соответствии с текстом сказки, помещики, купцы и властители.

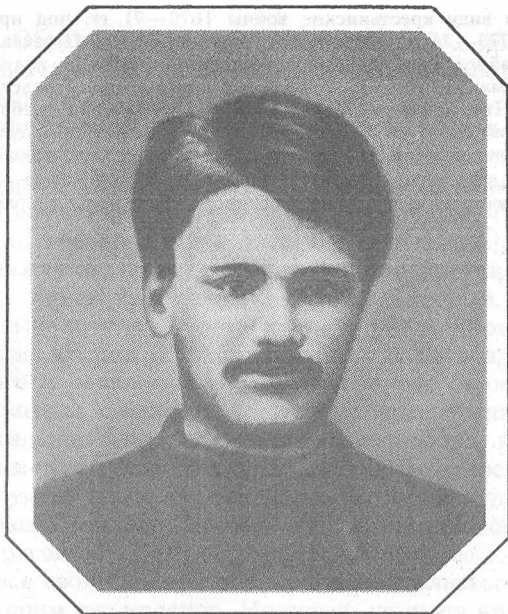
⁴ То есть целена.

⁵ Настоящая статья впервые напечатана в нелегальной типографии в Петербурге в первом номере (от 25 октября — 1 ноября 1878 г.) журнала «Земля и воля», органа одноименной революционной организации. Она составляет вторую часть состоящей из трех частей передовицы без названия (части разделены черточками) и излагает программу журнала и, следовательно, организации «Земля и воля». Передовица была написана Кравчинским, обсуждена и принята руководством журнала и организации. Название дано по первым словам. Печатается с сокращениями по: *НЭЛ*, с. 322—326.

⁶ Имеются в виду крестьянские войны 1670—71 гг. под предводительством С. Т. Разина и 1773—75 гг. под предводительством Е. И. Пугачева.

⁷ То есть тайное революционное общество «Земля и воля» 1861 — 64 гг. (или первая «Земля и воля»). Первой ее программой считается прокламация Н. П. Огарева «Что нужно народу?» (1861), содержащая требование «Земли и воли». Кравчинский далее (и в опущенных местах) всячески подчеркивает преемственность обеих организаций, особенно в лозунге «народной революции».

⁸ Имеются в виду казнь шефа жандармов Н. В. Мезенцева 4 августа 1878 г., совершенная Кравчинским, и другие террористические акты революционеров.

Георгий Валентинович
ПЛЕХАНОВ

Только в формах русской народной жизни находим мы... задатки для полного коллективизма в отношениях производителей к орудиям труда, только отстаивая эти формы, мы можем найти незыблемую опору в крестьянской массе.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Всегда озабоченные тем, как отразить преследования одного из самых реакционных правительств, вынужденные приспосабливать свою деятельность к определенным своеобразным условиям своей страны,— русские социалисты тем не менее никогда не забывали о том, что их цели, в общем и целом, вполне совпадают с целями социалистов всех цивилизованных стран.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Пионер марксизма в России, Г. В. Плеханов в первый период своей деятельности был одним из видных деятелей революционного народничества и представителей утопического социализма.

Он родился 29 ноября (11 декабря) 1856 г. в селе Гудаловка Липецкого уезда Воронежской губернии. Умер 30 мая 1918 г. в Питкереви (Финляндия, ныне Ленинградская область, около Зеленогорска). Выходец из дворян. До 12 лет воспитывался дома, в 1868—73 гг.— в Воронежской военной гимназии, по окончании которой был определен в Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. Вскоре он решает не продолжать карьеру военного и через четыре месяца, в декабре 1873 г., оставляет училище, а в 1874 г.

поступает в Горный институт. В 1875 г. начинается революционная деятельность Г. В. Плеханова в народническом кружке сторонников М. А. Бакунина. В начале 1876 г. на его квартире происходит собрание пропагандистов рабочих кружков, одним из которых он стал руководить. 6 (18) декабря 1876 г. только что образовавшаяся революционная организация «Земля и воля» провела первую политическую демонстрацию с участием рабочих в центре столицы, у Казанского собора, на которой он выступил с антиправительственной речью о Н. Г. Чернышевском, томившемся в ссылке. Плеханову пришлось перейти на нелегальное положение и оставить институт. В начале 1877 г. его переправляют за границу (Швейцария, Германия, Франция), где он знакомится с русскими эмигрантами, и особенно с П. Л. Лавровым, библиотекой которого он пользуется для изучения социалистической литературы. Летом того же года Плеханов нелегально возвращается в Россию и в течение двух лет ведет революционную работу в Саратове, в Петербурге, в Ростове-на-Дону и снова в Петербурге, преимущественно среди рабочих, пишет для них воззвания и листовки.

В эти годы начинается и его литературная деятельность. Его первым печатным выступлением была информация без подписи в газете «Новости» (март 1878) о забастовке на фабрике «Новая бумагопрядильня», за участие в которой Плеханов был арестован. Как член редколлегии нелегального журнала «Земля и воля», он помещает в нем статьи и скоро становится одним из главных теоретиков организации. Статья «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» («Земля и воля», январь — февраль 1879) и опубликованная в легальном журнале «Русское богатство» (январь 1880) статья «Поземельная община и ее вероятное будущее» имели большой общественный резонанс. Как Плеханов писал сам позднее, в них он был «народником до конца ногтей».

Когда в 1879 г. в рядах «Земли и воли» начались трения по вопросу об отношении к террору и политической борьбе, Плеханов на съезде в Воронеже в июне выступил против превращения террора в главную задачу организации. Основная масса делегатов его не поддержала, и он вышел из «Земли и воли», а в августе вместе с группой единомышленников, так называемых «деревенщиков», основал новую организацию «Черный передел» (другая часть распавшейся «Земли и воли» стала называться «Народная воля»), придерживающуюся прежних установок на пропаганду и агитацию в народе. В январе 1880 г. вместе с В. И. Засулич и Л. Г. Дейчем эмигрирует за границу. Для Плеханова эмиграция продолжалась до Февральской революции 1917 г.

В первые годы, в Швейцарии, Франции и снова в Швейцарии, он усиленно знакомится с социалистической литературой, особенно с работами К. Маркса и Ф. Энгельса, с социалистами Польши, Франции, Германии, пытается найти еще в рамках народнической идеологии выход из тупика, в который зашло революционное дви-

жение в России. Он пишет программные статьи для журнала «Черный передел» («орган социалистов-федералистов»), уточняя задачи организации. В частности, после приведения в исполнение смертного приговора, вынесенного народовольцами Александру II, в программу был включен пункт «О важном значении террора для борьбы с русским правительством».

Для теоретических поисков этого времени характерны две статьи Плеханова по политической экономии: «Новое направление в области политической экономии» (1881) и «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеца» (1882—83), напечатанные под псевдонимом *Г. Валентинов* в журнале «Отечественные записки». В них уже чувствуется влияние марксизма.

В конце 1881 г. Плеханов читает «Манифест Коммунистической партии», и, как писал он впоследствии, это чтение составило эпоху в его жизни. Он переводит его и через Лаврова обращается к Марксу и Энгельсу с просьбой написать новое предисловие. В 1882 г. «Манифест» с предисловием Маркса и Энгельса выходит в Женеве. Плеханов убеждается, что только марксизм может быть теорией, дающей «ариаднину нить» русскому революционному движению, и окончательно порывает с народничеством. 25 сентября (7 октября) 1883 г. Плеханов создает первую организацию российских марксистов — «Группу освобождения труда», открывшую новую страницу в истории революционного движения и передовой общественной мысли в России.

СОЧИНЕНИЯ

Плеханов Г. В. Сочинения. М.— Пг., 1923—27, т. 1—24.

[*Плеханов Г. В. Сочинения, письма*] в сб.: Группа «Освобождение труда». М.— Л., 1924—28, сб. 1—6.

Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934—40, сб. 1—8.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956—58, т. 1—5.

Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973—74, т. 1—3.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., Справочный том, ч. 1, с. 471—474.

Фомина В. А. Философское наследие Г. В. Плеханова. М., 1956.

Митин М. Б. Историческая роль Г. В. Плеханова в русском и международном рабочем движении. М., 1957.

Сидоров М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории революционно-демократической мысли XIX века. М., 1957.

Иовчук М. Т. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960.

Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.— Л., 1963.

Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973.

Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977 (ЖЗЛ).

Осипов Валерий. Подснежник. Повесть о Георгии Плеханове. М., 1982 (ПР).

ЗАКОН ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ЗАДАЧИ СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ¹

[...] Посмотрим же, к чему обязывает нас учение Маркса², тем более, что это будет очень полезно нам ввиду необходимости установить исходные пункты нашей программы.

Общество не может перескочить через естественные фазы «своего развития, *когда оно напало на след естественного закона этого развития*», говорит Маркс³. Значит, пока общество не нападало еще на след этого закона, обуславливаемая этим последним смена экономических фазисов для него необязательна.

Естественно возникает вопрос: когда же западноевропейские общества — служившие объектом наблюдения для Маркса — напали на этот роковой след? [...]

Самый серьезный кризис западноевропейские общества пережили именно тогда, когда разрушение общины видоизменило тип земельных отношений в народе. Чем обусловилось падение западноевропейской общины — для нас теперь не важно; мы констатируем только факт замещения индивидуализмом общинного принципа. Постепенно развиваясь, индивидуализм, по внутренней необходимости, должен был подкопать феодализм с помощью нарождавшегося капитала, научных открытий и изобретений.

Феодализм, действительно, пал под соединенными ударами своих могучих противников; но не надо забывать, что «дух», сообщивший этому движению жизнь, одушевлявший эти открытия, — был дух личности, индивидуализма... Этот принцип нашел свое политическое воплощение и произвел общественные потрясения — американскую революцию и французский переворот (Дрепэр⁴). Войдя всецело в жизнь западноевропейских народов, пропитавши собой все взаимные отношения людей, он, естественно, мог погибнуть только вследствие в нем самом заключавшихся противоречий; а эти последние могли выказаться во всей своей силе только в капиталистической продукции⁵. Сплачивая большие массы рабочих на фабриках, создавая общие им всем интересы, приучая их к той «социализации труда», на которую указывает Маркс, одним словом, воспитывая в людях социальные привычки, которые были забыты со времени падения общины, индивидуализм рыл сам себе могилу, и нет ничего удивительного в том, что социализм встречает такой радушный прием в местностях крупного машинного производства. Понят-

но поэтому все значение капитализма — этой крайней формы воплощения индивидуализма — в деле приготовления умов рабочих масс к восприятию социалистических учений. В обществе, построенном на принципе индивидуализма, но в котором не существует социализации труда на фабриках и крупная промышленность не создает общих интересов рабочих масс, социализм необходимо должен был встретить гораздо более холодный прием. Различные социалистические «утопии» появлялись и в средние века, но тогда социализм был исповедуем отдельными личностями, в лучших случаях создавал религиозно-коммунистические секты; массовым же движением он стал только теперь, в классическое время капитализма, когда самую технику производства люди обязываются к коллективизму; владеть и работать машиной одному нет никакой возможности, и рабочие должны владеть ею сообща, если не желают оставаться в вечной зависимости от фабриканта.

Теперь нам понятно, почему западноевропейские общества не могли ни «перескочить через естественные фазы своего развития, ни изменить их помощью декрета»⁶. Общественные привычки не могут быть изменены указом, точно так же, как не могут делать скачков. Изменение их обуславливается постепенным накоплением самых незначительных видоизменений.

Нам понятна также роль капитализма в деле постепенного сплочения рабочих масс. На Западе он, действительно, был естественным предшественником социализма; но мы полагаем, что ход развития социализма на Западе был бы совершенно иной, если бы община не пала там преждевременно. Сам принцип общественного землевладения не носит в себе того неизгладимого противоречия, каким страдает, положим, индивидуализм, поэтому он не носит в себе самом элементов своей гибели. Нам могут сказать, что противоречие принципа первобытной общины заключалось в том, что дальше своих пределов она ничего не видела, что она конкурировала со всеми другими общинами. Но мы возразим, что это было скорее в родовом, чем в первобытном общинном быте. Чтобы недалеко ходить за примером, мы укажем хоть на донских казаков, у которых земля находится во владении отдельных общин, но каждый член их считается вместе с тем членом всей казацкой области; поэтому он может переходить из общины в общину, в каждой из них имея право на надел. И такая земельная и областная федерация общин мыслима в любой стране, где общинный принцип не искажен противоположными ему влияниями. Точно так же возможность общинной обработки земли доказывается тем, что, даже при теперешних условиях, эта общинная обработка существует в некоторых отдельных общинах. [...] Итак, в принципе первобытной общины, как она существует, положим в России, мы не видим никаких противоречий, которые осуждали бы ее на гибель.

Поэтому, пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая про-

дукция была бы необходимою станцією на пути его прогресса. Тенденция этого закона будет заключаться, напротив, в понижении уровня социальных чувств нашего народа, между тем, как на Западе он был когда-то явлением действительно прогрессивным.

Откуда же эта разница в оценке значения одной и той же формы кооперации? — спросит, быть может, читатель. [...] Но вопрос идет не о том, хороша или дурна форма капиталистической продукции сама по себе, а о том, какую форму кооперации она заменила собою. Если замененная ею форма общежития была низшего типа сравнительно с нею — общество прогрессировало; если же капитализм водворился в обществе, построенном на более справедливом принципе, — в общественном развитии был сделан попятный шаг. [...]

[...] Никакая «социализация труда» на фабриках не вознаградит того положительного упадка социальных чувств и привычек, который произойдет вследствие этого радикального изменений в отношениях народных масс к их главному орудию труда — земле.

Вообще история вовсе не есть однообразный механический процесс. Да и сам Карл Маркс не принадлежит, сколько нам известно, к числу людей, охотно укладывающих человечество на прокрустово ложе «общих законов». Возражая Мальтусу по поводу его «Опыта о народонаселении», он говорит, что абстрактные законы размножения существуют только для животных и растений⁷. Было бы очень непоследовательно с его стороны отрицать существование «абстрактных законов» в вопросе о размножении человечества и признавать их в несравненно более сложных и запутанных явлениях развития человеческих обществ. Выражаясь строже, надо сказать, что общие законы социальной динамики существуют, но, переплетаясь и комбинируясь различно в различных обществах, они дают совершенно несходные результаты точно так же, как одни и те же законы тяготения дают в одном случае эллиптическую орбиту планеты, в другом — параболическую орбиту кометы.

Итак, мы не видим основательности в тех соображениях, в силу которых заключают, что Россия *не может* миновать капиталистической продукции. Поэтому социалистическую агитацию в России мы не можем считать преждевременной. Напротив, мы думаем, что теперь она своевременнее, чем когда-либо, только ее исходная точка и практические задачи не те, что на Западе. Основания для этой разницы в революционных приемах при поверхностном взгляде могут показаться незаслуживающими особенного внимания, но мы думаем, что много «разочарований» было бы избегнуто, много напрасно затраченных сил получило бы должное приложение, если бы это различие в задачах русских и западноевропейских социалистов было выяснено раньше.

В чем же дело?

Задачи социально-революционной партии не могут быть тождественны в двух обществах, экономическая история, современные формы общественных отношений которых представляют очень резкую разницу. Если мы не хотим вернуться к метафизическому со-

циализму 30-х годов, мы должны признать, что максимум необходимых и возможных социальных реформ определяется формой землевладения и техникой земледелия, если речь идет о стране земледельческой, — формами и техникой промышленности, если говорим о стране, в которой преобладает обрабатывающая и добывающая промышленность.⁸ [...]

Желательные социалистам формы общественных отношений — коллективное владение землею и орудиями труда — еще не имеют практического приложения на Западе. В формах капиталистической продукции существует только намек на них. Поэтому задачи социально-революционной партии заключаются в обобщении этих элементов общественного обновления, возведении их в стройную систему и в пропаганде в массах.

[...] Россия — страна, в которой земледельческое население составляет громадное большинство. Промышленных рабочих в ней едва ли можно насчитать даже один миллион⁹, да и из этого сравнительно ничтожного числа большинство — земледельцы по симпатиям и положению. Преобладающая форма землевладения в России не только не нуждается в пропаганде, но составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле, она составляет для крестьянина завет всей его истории.

Коллективный труд не только служит у нас прецедентом коллективного владения, но, напротив, он сам может развиваться только из этого последнего. Генезис этих двух главных черт социалистической продукции, как видит читатель, будет у нас совершенно обратный. Мы говорим «будет», потому что теперь, по нашему мнению, еще не настало время пропаганды коллективного труда. А не настало оно потому, что при том первобытном способе земледелия, какой практикуется нашим крестьянством, коллективный труд немного изменил бы условия успешности труда. Там же, где успешность труда находится в большей зависимости от дружного, артельного ведения дела — во всевозможных промыслах, — такая пропаганда может и должна иметь успех. Но там мы и без того видим всестороннее проведение артельного принципа в отношении русского рабочего люда; если наши промышленные артели и клонятся к упадку, то главная причина этого заключается во вредном влиянии кулаков, существование которых так же необходимо в нынешнем государстве, как существование паразитов на теле нечистоплотного человека. Значит, главные усилия и здесь должны быть направлены на устранение развращающего влияния современного государства. А оно может быть устранено только окончательным разрушением государства и предоставлением нашему освобожденному крестьянству возможности устраиваться «на всей своей воле».

Короче сказать, одно из требований западноевропейского социализма, коллективизм владения, составляет у нас существующий факт; другое, коллективизм труда, не имеет под собою почвы в технике русского земледелия.

Таким образом, мы á priori пришли к тем же практическим задачам, которые ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие.

Мы пришли к «Земле и Воле».

Но тем самым центр тяжести нашей деятельности переносится из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации, для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем. [...]

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ ¹⁰

Глас народа — глас божий.

[...] Не прошло еще и двадцати лет после «великой реформы» нынешнего царствования, как народ, со свойственной массам черною неблагодарностью, начинает поговаривать о переделе земли и толкует об этом с тою же роковою уверенностью, которая один раз уже вынудила правительство к уступке ¹¹. Никто не может поручиться в том, что, если бы правительство уступило и на этот раз, народ не потребовал бы от него новых и новых уступок, пока, постоянно ограничивая и урезывая самого себя, государство не дошло бы, наконец, до полного самоотрицания; а так как это последнее никак уже не может входить в правительственные виды, то никто не может поручиться также и в том, что народ не будет вынужден удовлетворять своим потребностям путем того воздействия «снизу», тенет которого все правительства и все либералы в мире избегают так же старательно, как Мефистофель избегал креста.

Что касается до нас, революционеров-народников, то мы считаем такое воздействие неминуемым, так как вся внутренняя история России есть, по нашему мнению, не что иное, как длинное, полное трагизма повествование о борьбе на жизнь и смерть между полярно-противоположными принципами народно-общинного и государственного-индивидуалистического общежития. [...]

Свободное общинное самоуправство и самоуправление; предоставление всем членам общины сначала права свободного занятия земли, «куда топор, коса и соха ходит», потом, с увеличением народонаселения, равных земельных участков с единственною обязанностью участвовать в «общественных разметах и разрубках»; труд, как единственный источник права собственности на движимость; равное для всех право на участие в обсуждении общественных вопросов и свободное, реальными потребностями народа определяемое соединение общин в более крупные единицы, «земли», — вот те начала, те принципы общежития, которые так ревниво оберегал народ и которые, кратко формулируясь в боевом девизе «земля и воля», в минуты, когда чаша народного долготерпения оказывалась переполненной до краев, обладали магическим свойством волно-

вать умы массы от прикаспийской Астрахани до беломорского Соловецкого монастыря.

С самых ранних времен своего существования государство вступило в противоречие с этими принципами. [...]

До сих пор русское государство оставалось победителем в его борьбе с народом, но кто возьмется высчитать шансы этой борьбы в будущем? До сих пор торжество государства было полно и повсеместно. Оно сдавило народ железным кольцом своей организации; пользуясь ее преимуществами, оно с успехом подавляло не только мелкие и крупные народные движения, но и все проявления самостоятельной народной жизни и мысли; оно наложило свою тяжелую руку на казачество, исказило земельную общину, заставило народ заплатить за его исконное достояние — землю выкуп, превышающий стоимость самой земли. Но в то время, когда оно отпраздновало уже тысячелетний юбилей своего существования¹², когда оно, по видимому, уже нимало не сомневалось в окончательной гибели самобытной народной жизни, народ с полным спокойствием и ничем неразрушимой уверенностью заявляет, что далее так продолжаться не может, что сам царь поймет, наконец, эту невозможность и возьмет на себя почин перестройки общественных отношений в духе исконных народных идеалов. Ничто не могло так горько отравить торжества победителей, не могло нагляднее доказать, что влияние государственности было и остается до сих пор поверхностным, что оно не простирается на умы и воззрения массы, как этот замогильный голос заживо погребенного, но все еще полного сил и способности к самобытному развитию народа.

Вот почему правительство забило тревогу, и, вопреки всем прежним официальным уверениям относительно того, что русская социально-революционная партия есть не более, как «горсть злонамеренных личностей», не имеющих никакой почвы и влияния в народе, оно объявило, что ходящие в крестьянстве толки о переделе земли нужно целиком отнести на счет социалистической пропаганды. [...]

[...] Оно узнало, что народ не признает за высшими классами права собственности на землю, что он требует не только экспроприации земли у высших классов, но и установления совершенно иных, малопонятных с правительственной точки зрения, форм отношения к ней; оно узнало, словом, что народ ждет социальной революции, и, естественно, обвинило в том социалистов.

Читатель, сколько-нибудь знакомый с ходом возникновения партий вообще и русской социально-революционной в частности, не нуждается, конечно, в доказательствах того, что в данном случае следствие принято за причину. [...]

Наши воззрения на практические задачи нашей партии составляются из двух слагаемых — общих указаний науки и специальных условий русской истории и современной действительности. Мы признаем социализм последним словом науки о человеческом обществе и в силу этого считаем торжество коллективизма в области владения и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строе

общества. Мы знаем, что выражение «природа не делает скачков»¹³ одинаково приложимо как в сфере явлений природы, в тесном смысле этого слова, так и в ходе развития человеческих обществ. Мы помним, что каждый шаг на пути этого развития строго определяется предшествующей историей общества и его состоянием в данный момент, — словом, всей суммой данных динамики и статистики рассматриваемого общества. Но мы убеждены также и в том, что паллиативы не исцеляют социальных зол, что всякий общественный деятель должен стремиться провести в общество максимум необходимых и возможных реформ, что, выражаясь кратко, каждый общественный деятель должен быть *радикалом*. Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим. Усилия реформатора-радикала должны направляться главным образом на максимальное изменение к лучшему общественно-экономического строя, не справляясь о том, мирно или при насильственном сопротивлении со стороны лиц, заинтересованных в сохранении старого порядка, может совершиться это изменение.

Все эти положения суть не что иное, как выводы современной социологии, равно обязательные для всего человечества. Сознательно или бессознательно, следуя или противореча им на практике, с ними считались все реформаторы и революционеры, все общественные деятели — от Будды до К. Маркса, от «великого» Ликурга до «маленького» Тьера или ген[ерал]-губ[ернатора] Гурко¹⁴ включительно. Но едва мы захотим приложить эти положения к практической деятельности в нашем отечестве, едва вместо условий общественного развития вообще мы заговорим об условиях русского прогресса в частности, мы логикою тех же самых положений обращаемся в русских *революционеров-народников*. Только в формах русской народной жизни находим мы здесь задатки для развития полного коллективизма в отношениях производителей к орудиям труда, только отстаивая эти формы, мы можем найти незыблемую опору в крестьянской массе; в устранении враждебных влияний и расчистке пути для правильного развития этих форм заключается сумма возможных в настоящее время экономических и — стоящих к ним в отношении следствия к причине — политических реформ в России *.

Но для осуществления этого максимума реформ нам прежде всего нужно обратить свои усилия на разрушение ныне существующего в нашем отечестве государственного строя. Государству закреплена главная масса народного труда. Созданное им, путем экспроприации земли у народа, малоземелье образует тот контингент

* Более полно эти мысли были развиты нами в № 3 «Земли и воли» в статье «Закон экономического развития и задачи социализма в России», к которой мы и отсылаем читателя¹⁵ (прим. Г. В. Плеханова).

искусственно оторванных от родной хаты и нивы батраков, из которого набирают «рабочие руки» фабрики и заводы. Тяжелыми поборами оно заставляет крестьянина искать средства для удовлетворения требований государства на стороне, т. е. вынуждает его отдавать себя в жертву хозяйской эксплуатации. Оно поддерживает кулачество и ростовщический капитализм в деревне и таким образом подбирается к формам народной жизни с самой опасной стороны. [...]

[...] Каждый год его существования стоит народу массы бедствий, несчастий и горя [...], оно деморализует народ, стараясь привить к нему формы чуждой ему жизни. Вот почему разрушение государственной организации должно составлять нашу первую задачу. А так как борьба с государством может совершаться только на почве «земли и воли», то мы, исходя из вышеизложенных общих положений социализма, приходим к необходимости агитации во имя тех же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и др [угие], приходим к тому, что мы называем революционным народничеством. Так понимающий дело русский агроном, руководствуясь общими положениями агрономической науки, выросшей на почве иных условий народонаселения, сбыта, техники земледелия, утилизирует эти положения сообразно с русскими условиями выгодной эксплуатации почвы.

Вот почему мы называем нашу газету «Черный передел»¹⁶. В этих двух словах заключается решение крестьянского вопроса, от которого в свою очередь зависят все остальные. Конечно, решение это касается только экономической стороны упомянутого вопроса, но экономические отношения в обществе служат субстратом для всех остальных категорий человеческих отношений. Толкуя о «черном переделе», о «земле», народ забывает, по-видимому, о «воле», т. е. о той сумме общественных реформ, которая исторически связана с этим словом; даже более, народ наш, по-видимому, считает возможным примирить передел земли с существованием современного государства: он ждет этого передела от царя. [...]

Социально-революционная партия должна взять на себя заботу как о скорейшем разрушении этой фикции, так и об уяснении народу, проведении в его сознании всех необходимых следствий ожидаемого им аграрного переворота. Толкая народ в активную борьбу с государством, воспитывая в нем самостоятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждым мелким случаем для возбуждения народного недовольства и для сообщения народу путем пропаганды словом и делом правильных воззрений на смысл ныне существующих и желательных в будущем социальных отношений, социально-революционная партия должна довести народ от пассивного ожидания «черного передела», долженствующего совершиться сверху, до активных требований «земли и воли», предъявляемых снизу. В этом заключается задача и возможные пределы ее воздействия на народ, только на этом пути ожидает нашу интеллигенцию славное историческое будущее, только на нем и встретит

она мост для перехода той громадной пропасти, которая отделяет интеллигенцию от народа чуть ли не со времени крещения Руси и проникновения в высшие классы чуждых народу, выработанных на истощенной почве разлагавшейся Византии воззрений и понятий.

Все другие пути действия, как бы ни казались они радикальными, как бы много ни сулили они народу, будут ретроградны по своему существу, потому что все они предполагают не только сохранение государства, но и действие с его помощью. Как бы ни приспособлялось государство к народным потребностям и интересам, оно всегда во столько же раз меньше даст народу, во сколько индивидуалистический принцип, лежащий в основе современного государства (не только русского, но и всякого другого), во сколько этот принцип ниже принципа коллективизма, мирской помощи и солидарности, на которых всегда строилась и стремилась построиться народная жизнь. В этом смысле мы и говорили, что голос народа, требующего аграрной революции, есть как бы голос божий, указывающий нашей интеллигенции ее истинное, провиденциальное назначение.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Настоящая статья была впервые напечатана в № 3 и 4 «Земли и воли» (от 15 января и 20 февраля 1879 г.). Первая часть ее посвящена теоретическому обоснованию задач социализма в России и практическим целям революционной организации, вторая — той роли, которая должна принадлежать в ней городским рабочим. Статья не окончена. Продолжения не появилось. Отрывки из первой части печатаются по изданию: *Плеханов Г. В. Сочинения*. М.— Пг., 1923, т. 1, с. 59—63, 64—66.

² В начале статьи, выступая против тех социалистов, которые думают «творить социальные перевороты» по воле отдельных личностей (вопреки воле народа), путем ли заговора или с помощью «метафизической сущности» пропаганды, Плеханов отмечает, что «они не отводили надлежащего места законам общественного развития», на которые обратили внимание лишь социалисты «позитивного периода», «блестящую плеяду представителей» которого составляют «Родбертус, Энгельс, Карл Маркс, Дюринг». «У автора «Капитала» социализм является сам собою из хода экономического развития западноевропейских обществ», — пишет далее Плеханов и выступает против тех, которые, подобно либералам, делают из этого фаталистические выводы по отношению к развитию России по социалистическому пути, поскольку в России еще нет капитализма. «Социалистам же...» — заявляет он в заключение, — класть мужика под усовершенствованный пресс капиталистического производства — вовсе не к лицу.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 23, с. 10.

⁴ Цитируется книга Д. У. Дрейпера «История умственного развития Европы» (1862).

⁵ Говоря о «капиталистической продукции», равно как далее об «общественной кооперации», Плеханов использовал терминологию популяризатора марксизма в русской печати 70-х годов Н. И. Зибера. Термин Зибера «капиталистическая продукция» можно понимать и как «капиталистическое производство», и как «капиталистическая стадия развития общества», и как «капитализм» вообще.

⁶ См. выше, прим. 3.

⁷ Имеется в виду следующее место в «Капитале» К. Маркса (т. I, гл. XXIII, § 3): «...всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*

т. 23, с. 646). При этом ни Мальтус, ни его книга у Маркса не упоминаются. Вероятно, Плеханов заимствовал это противопоставление из работ Н. И. Зибера, в которых оно часто встречается.

⁸ В опущенном тексте Плеханов иллюстрировал примерами ту мысль, что «...те или другие формы общественных отношений устанавливаются не «общественным договором» (по теории Гоббса и Руссо.— *Б. Ш.*), а экономической необходимостью; роковая ошибка социалистов 30-х годов,— пишет Плеханов,— заключалась не в планах их, рассматриваемых безотносительно, а в том, что эти реформаторские планы совершенно игнорировали формы современной им кооперации».

⁹ Здесь опущено примечание, в котором Плеханов приводит статистические данные о процентном соотношении земледельческих, торговых и промышленных классов в Англии, Пруссии и Франции сравнительно с Россией.

¹⁰ Статья была опубликована в № 1 газеты «Черный передел» (январь 1880) как программная и для одноименной организации. Отрывки из нее печатаются по *РН*, т. 2, с. 137, 138—139, 140, 141—144.

¹¹ То есть к этой самой «великой реформе» 1861 г.— отмене крепостного права «сверху».

¹² Тысячелетие России отмечалось в 1862 г.

¹³ Это выражение употреблялось Г. Лейбницем и К. Линнеем, к которым обычно его и относят, но мысль впервые была высказана еще Аристотелем.

¹⁴ Во время написания Плехановым статьи И. В. Гурко был (с 1879 г.) временным петербургским генерал-губернатором. Среди землевольтцев и народовольцев обсуждался вопрос об убийстве Гурко, однако решения принято не было.

¹⁵ См. наст. изд., с. 513—517.

¹⁶ Вышло пять номеров газеты. Первые два печатались в Женеве, остальные — в подпольной типографии чернопердельцев в Минске.

Андрей Иванович ЖЕЛЯБОВ

Партия должна сделать все, что может: если у нее есть силы низвергнуть деспота посредством восстания, она должна это сделать; если у нее хватит силы только наказать его лично, она должна это сделать; если бы у нее не хватило силы и на это, она обязана хоть громко протестовать... Но сил хватит, без сомнения, и силы будут расти тем скорее, чем решительнее мы станем действовать.

А. И. ЖЕЛЯБОВ

Моя личная задача, цель моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путем мирным и только затем был вынужден перейти к насилию.

А. И. ЖЕЛЯБОВ

В ночь на 2 марта 1881 г., узнав на допросе, что Александр II убит и что Н. И. Рысаков (один из метальщиков) схвачен, А. И. Желябов, арестованный еще 27 февраля, потребовал приобщения себя к делу о цареубийстве. «Если новый государь, получив скипетр из рук революции,— писал он в заявлении прокурору,— намерен держаться в отношении цареубийц старой системы, если Рысакова намерены казнить, было бы вопиюще несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения» и, опасаясь отказа, приписал после подписи: «Только трусостью пра-

вительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две» (Показания и заявления А. И. Желябова.— Былое, 1918, № 4-5, с. 279). Он не знал, что виселиц будет не две, а пять: вместе с ним и Рысаковым (давшим предательские показания) были казнены 3(15) апреля 1881 г. еще С. Л. Перовская, Т. М. Михайлов и Н. И. Кибальчич. Он сам, возможно, мог избежать виселицы. Но пошел на смерть, чтобы в интересах дела быть на процессе, на котором достойно должна была быть представлена партия «Народная воля», ее цели, задачи и идеалы, а не отдельные личности. Ведь процесс — это тоже борьба, и надо попытаться выиграть этот бой для партии, пусть даже ценой своей жизни. И он выиграл его.

«Служил я делу освобождения народа»,— отвечал судьям Желябов на вопрос «о занятиях», и это была не фраза, а девиз всей его жизни. А. И. Желябов родился 17(29) августа 1851 г. в селе Николаевка Феодосийского уезда Таврической губернии (ныне Крымская область УССР). Он выходец из крепостных крестьян. Был определен помещиком на учебу в приходское училище в городе Керчи. Там же в 1860 г. поступил в уездное училище, преобразованное потом в гимназию. Уже в гимназии принимает деятельное участие в организации кружков самообразования, знакомится с социалистической литературой (с произведениями Чернышевского, Добролюбова, Писарева). В Новороссийском университете (г. Одесса), куда Желябов поступил на юридический факультет в 1869 г. (на частную стипендию, как серебряный медалист Керченской гимназии), он сразу же оказывается активным участником студенческих кружков и сходок, на которых становится признанным оратором. Вскоре, в 1870 г., Желябов организует собственный кружок крайне радикального направления, местом собраний которого, «политическим клубом», становится кухмистерская с библиотекой запрещенной социалистической литературы, доставка которой из-за границы через матросов и портовых рабочих была организована Желябовым. Этот кружок стал во главе студенческих выступлений 20—23 октября 1871 г. в Одессе, в результате которых Желябов как признанный их руководитель был по указанию министра народного просвещения исключен из университета сначала на год, а затем и совсем. Арестованный и высланный 12 ноября 1871 г. на родину, жил в Феодосии; с осени 1872 г. короткое время в Одессе, затем в Городище Каневского уезда Киевской губернии. В 1873 г. Желябов связался в Киеве с местными чайковцами (П. Б. Аксельрод и др.), с так называемой «Киевской коммуной» и левым крылом украинофильской «Старой Громады» (М. П. Драгоманов и др.), но не примыкал ни к кому. Осенью 1873 г. поселился в Одессе, где также сблизился с местными чайковцами кружка Ф. В. Волховского и др., в который и вступил в конце того же года. Здесь он вел активную пропаганду среди интеллигенции и заводских рабочих и занимался транспортировкой запрещенной литературы из-за границы. Осенью 1874 г. Желябова дважды обыскивают, но оставляют на свободе «за недостатком улик», после третьего обыска — 12 ноября — са-

жают в тюрьму и только в марте 1875 г. после следствия отпускают под залог до суда, который состоялся лишь спустя два с половиной года. В это время, живя в Одессе и в Крыму, он не прекращает революционной работы, участвует практически во всех кружках — от рабочих, революционных, до украинофильских и конституционалистских, интеллигентских. В 1875—76 гг. состоит членом нелегального Одесского комитета по оказанию помощи балканским революционерам, собирая средства и отправляя волонтеров. Наконец, 5 мая 1877 г. его предают суду особого присутствия сената. Летом разыскивают и арестовывают, препровождают в Петербург, в дом предварительного заключения, и в октябре 1877 — январе 1878 г. судят, но оправдывают.

Выйдя на волю, Желябов снова пытается пропагандировать, на сей раз среди крестьян в Подольской губернии. Однако, проработав там весну и лето 1878 г. бахчеводом, убеждается в невозможности социалистической пропаганды среди крестьян вообще. Он возвращается в Одессу, снова ведет пропаганду среди рабочих, постепенно приходит к мысли о необходимости решительных действий путем политической борьбы. Желябов порывает с семьей и переходит окончательно на нелегальное положение. Землевольцы — сторонники террора приглашают его на свой Липецкий съезд (июнь 1879 г.), на котором он в качестве секретаря играет видную роль в обсуждении программы и устава Исполнительного комитета. В июле на Воронежском съезде его принимают в члены «Земли и воли», а после раскола этого общества он входит в Исполнительный комитет партии «Народная воля». 26 августа 1879 г. в Петербурге Желябов принимает участие в заседании Исполнительного комитета в Лесном, на котором был окончательно вынесен смертный приговор Александру II. После этого он уезжает на юг (Украина, Крым), где вербует новых членов и создает партийные кружки «Народной воли». В октябре — ноябре 1879 г. Желябов готовит взрыв железной дороги под Александровском (ныне Запорожье); во время прохождения царского поезда 18 ноября лично соединяет провода гальванической батареи, однако взрыва не происходит.

Возвратившись в Петербург, Желябов проводит огромную работу по организации партии и к 1880 г. становится фактическим руководителем и вождем «Народной воли». С этого момента до самой смерти его биография неотделима от истории этой народнической организации. Желябов руководит всеми покушениями на царя, создает студенческую, военную и рабочие организации партии, устраивает нелегальные типографии. Он участвует в выработке всех программных документов партии этого времени, в составлении листовок. Желябов организует «Рабочую газету» и пишет передовую статью для ее первого номера («9 декабря 1880»), создает (совместно с И. П. Каковским) «Программу рабочих, членов партии «Народная воля» (1880), один из главных документов партии, воплотившей в себе опыт и идеалы многих рабочих организаций того времени. И на судебном процессе он борется до конца, выиг-

рывает его для партии и истории. В. И. Ленин относил Желябова к таким корифеям — революционерам, как Робеспьер и Гарибальди, которым «доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова...» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 6, с. 106).

Литературное наследие Желябова (особенно его речи, выступления и письма) еще не собрано.

СОЧИНЕНИЯ (кроме названных)

Желябов А. И. [Автобиографические заметки]. — Цит. в сб.: Андрей Иванович Желябов. Женева, 1882.

Желябов А. И. Письма М. П. Драгоманову. — *Былое*, 1906, № 3; *Звенья*. М.—Л., 1935, т. 4.

Показания и заявление А. И. Желябова. — *Былое*, 1918, № 4-5.

Желябов А. И. Речь на процессе по делу о 1 марта 1881 г. — *РН*, т. 2, с. 252—258.

ЛИТЕРАТУРА

Ашешов Н. П. А. И. Желябов. Материалы для биографии и характеристики. Пг., 1919.

Заславский Д. А. И. Желябов. М.—Л., 1925.

Розенберг М. Б. От колыбели до виселицы (А. И. Желябов). М., 1927.

Андрей Иванович Желябов. Материалы для биографии. М., 1927.

Андрей Иванович Желябов — член Исполнительного комитета партии «Народная воля». Материалы для биографии. М., 1930.

Друнин В. П. А. И. Желябов. М.—Л., 1930.

Клеянкин А. В. А. Желябов — герой «Народной воли». М., 1959.

Будяк А. С. А. И. Желябов. Л., 1965.

Воронский А. К. Желябов. М., 1934 (ЖЗЛ).

Давыдов Ю. Март. М., 1959.

Прокофьев В. А. Андрей Желябов. Изд. 2-е. М., 1965 (ЖЗЛ).

Трифонов Ю. Нетерпение. Повесть об Андрее Желябове. Изд. 2-е. М., 1974 (ПР).

ТЕКСТЫ

ПРОГРАММА РАБОЧИХ, ЧЛЕНОВ ПАРТИИ «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

(Издание редакции «Народной воли») ¹

А

Исторический опыт человечества, а также изучение и наблюдение жизни народов убедительно и ясно доказывают, что народы тогда только достигнут наибольшего счастья и силы, что люди тогда только станут братьями, будут свободны и равны, когда устроят свою жизнь согласно социалистическому учению, то есть следующим образом:

1. Земля и орудия труда должны принадлежать всему народу и всякий работник вправе ими пользоваться.

2. Работа производится не в одиночку, а сообща (общинами, артелями, ассоциациями).

3. Продукты общего труда должны делиться по решению между всеми работниками, по потребностям каждого.

4. Государственное устройство должно быть основано на союзном договоре всех общин.

5. Каждая община в своих внутренних делах вполне независима и свободна.

6. Каждый член общины вполне свободен в своих убеждениях и личной жизни; его свобода ограничивается только в тех случаях, где она переходит в насилие над другим членом своей или чужой общины.

Если народы перестроят свою жизнь так, как мы, социалисты-работники, этого желаем, то они станут действительно свободны и независимы, потому что не будет более ни господ, ни рабов. Каждый может тогда работать, не попадая в кабалу к помещику, фабриканту, хозяину, потому что этих туенядцев не будет и в помине. Землю станет пользоваться каждый, желающий заниматься хлебопашеством. Фабрики и заводы будут в руках тех общин, которые пожелают пристать к фабричному труду. Каждый будет иметь все, что ему нужно для жизни, а потому не станет продавать себя, свой труд, свои убеждения, да и покупать-то будет некому.

Работа общиною, артелью даст возможность широко пользоваться машинами и всеми изобретениями и открытиями, облегчающими труд; поэтому у работников, членов общины, производство всего нужного для жизни потребует гораздо меньше труда и в их распоряжении останется много свободного времени и сил для развития своего ума и занятия наукою. Такая жизнь даст работнику

много наслаждений, о которых он теперь и понятия не имеет, даст ему научное знание и сделает его самого способным служить дальнейшему развитию науки, облегчению труда и улучшению жизни. Число всяких улучшений сделается бесконечно больше, чем теперь, и люди-работники достигнут высокой власти над природой.

Личная свобода человека, т. е. свобода мнений, исследований и всякой деятельности, снимет с человеческого ума оковы и даст ему полный простор.

Свобода общины, т. е. право ее вместе со всеми общинами и союзами вмешиваться в государственные дела и направлять их по общему желанию всех общин, не даст возникнуть государственному гнету, не допустит того, чтобы безнравственные люди забрали в свои руки страну, разоряли ее в качестве разных правителей и чиновников и подавляли свободу народа, как это делается теперь.

Б

Мы глубоко убеждены, что такой общественный и государственный порядок обеспечил бы народное благо, но мы знаем также *по опыту других народов, что сразу и в самом близком будущем невозможно добиться полной свободы и прочного счастья народа.* [...]

Если в наше время такие порядки нам не по плечу, то следует к ним приближаться постепенно, добиваясь если не полной свободы и счастья, то во всяком случае больше свободы и значительного улучшения своей жизни. При лучших порядках и лучшей жизни люди станут умнее, нравственнее, поймут, наконец, что они граждане, т. е. полноправные хозяева своей страны, и пойдут далее, т. е. устроят свою жизнь еще лучше, еще справедливее. При этом тот общественный и государственный порядок, которого желаем мы, социалисты-работники, должен служить людям путеводною звездою, чтобы они не сбились и не попали в новые цепи, в еще худшую кабалу.

Мы ставим задачею своей жизни помочь всему русскому народу выйти на новый путь свободы и лучшей жизни. Положение народа так тяжело, жизнь его так безобразна, что обязанность всех понимающих дело и честных людей поддержать нас и положить конец этому безобразию. [...]

[...] Все мы должны добиваться таких порядков, где бы сам народ стал господином страны, где бы не правительственные чиновники, а он сам решал, какой путь приведет его к благоденствию и свободе. Необходимо сделать первый шаг!

В

Но этот шаг следует обдумать. Следует прежде всего выяснить себе, кто наши враги, кто наши друзья и каких изменений в теперешних порядках следует добиваться. Мы должны знать, что:

1. *Все, кто живет теперь на счет народа, т. е. правительство,*

помещики, фабриканты, заводчики и кулаки, никогда по доброй воле не откажутся от выгод своего положения, потому что им гораздо приятнее взвалить всю работу на спину рабочего, чем самим приняться за нее. Эти господа смекают, что рабочий народ будет слушать им лишь до тех пор, пока он темен, задавлен нуждой и разорен, пока он не понимает, что сила его в союзе всех работников. Поэтому бесполезно ждать от этих господ улучшения теперешних порядков. Правда, они устраивают иногда комиссии для улучшения быта рабочих на фабриках и заводах; но все заботы их напоминают заботы хозяина о содержании рабочего скота. Никогда не станут они думать о поднятии народного образования, никогда не позволят рабочему человеку устроиться так, чтобы он перестал в них нуждаться. Стало быть, рабочий народ должен рассчитывать на свои силы — враги ему не помогут.

Но народ всегда может рассчитывать на верного союзника — социально-революционную партию. Люди этой партии набираются из всех сословий русского царства, но жизнь свою отдают народному делу и думают, что все станут равны и свободны, добьются справедливых порядков только тогда, когда делами страны будет заправлять рабочее сословие, т. е. крестьянство и городские рабочие, потому что все другие сословия если и добивались свободы и равенства, то лишь для себя, а не для всего народа. Поэтому социально-революционная партия — лучший союзник, и рабочий народ всегда может братски протянуть ей руку.

Кроме нее, у народа нет других верных союзников: *однако во многих случаях он найдет поддержку в отдельных лицах из других сословий, в людях образованных, которым также хотелось бы, чтобы в России жилось свободнее и лучше. Их не очень тревожит то обстоятельство, что русский крестьянин в кабале у хозяина и кулака, потому что этот гнет им незнаком, но они испытали на своей шкуре произвол полицейский и чиновничий и охотно помогли бы народу с ним покончить. Народ, конечно, выиграл бы от послабления правительственного гнета: всем дышалось бы вольнее, мысль каждого человека работала бы сильнее, знания стали бы доступнее всем, число доброжелателей народа возросло бы, но главное — народ мог бы сговориться и сплотиться. Поэтому рабочий народ не должен отвергать этих людей: выгодно добиться расширения свободы рука об руку с ними. Нужно только, чтобы рабочие не забывали, что их дело на этом не останавливается, что вскоре придется расстаться с этим временным другом и идти далее в союзе с одною социально-революционной партией.*

2. Перемены в порядках, которые мы желаем совершить, должны быть понятны народу и согласны с его требованиями, иначе он не станет их вводить и поддерживать; на другие же сословия, как мы сказали, рассчитывать нельзя, потому что они сделают не то, что выгодно для народа, а то, что выгодно им самим.

3. Перемены в порядках должны приближать жизнь к социалистическому строю.

Принимая все это во внимание, мы признаем, что в ближайшее время мы можем добиваться следующих перемен в государственном строе и народной жизни:

1. *Царская власть в России заменяется народоправлением*, т. е. правительство составляется из народных представителей (депутатов); сам народ их назначает и сменяет; выбирая, подробно указывает, чего они должны добиваться, и требует отчета в их деятельности.

2. *Русское государство по характеру и условиям жизни населения делится на области, самостоятельные во внутренних своих делах, но связанные в один Общерусский союз*. Внутренние дела области ведаются *Областным управлением*; дела же общегосударственные — *Союзным правительством*.

3. Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в Общерусском союзе.

4. *Общины (села, деревни, пригороды, заводские артели и пр.) решают свои дела на сходах и приводят их в исполнение чрез своих выборных должностных лиц* — старост, сотских, писарей, управляющих, мастеров, конторщиков и пр.

5. *Вся земля переходит в руки рабочего народа и считается народной собственностью*. Каждая отдельная область отдает землю в пользование общинам или отдельным лицам, но только тем, кто сам занимается обработкой ее. Никто не вправе получить земли больше того количества, которое он сам в силах обработать. По требованию общины устанавливаются переделы земель.

6. *Заводы и фабрики считаются народной собственностью* и отдаются в пользование заводских и фабричных общин; доходы принадлежат этим общинам.

7. Народные представители издают законы и правила, указывая, как должны быть устроены фабрики и заводы, чтобы не вредить здоровью и жизни рабочих, определяя количество рабочих часов для мужчин, женщин и детей, и пр.

8. *Право избирать представителей (депутатов) как в Союзное правительство, так и в Областное управление принадлежит всякому совершеннолетнему; точно так же всякий совершеннолетний может быть избран в Союзное правительство и Областное управление*.

9. *Все русские люди вправе держаться и переходить в какое угодно вероучение (религиозная свобода); вправе распространять устно или печатно какие угодно мысли или учения (свобода слова и печати); вправе собираться для обсуждения своих дел (свобода собраний); вправе составлять общества (общины, артели, союзы, ассоциации) для преследования каких угодно целей; вправе предлагать народу свои советы при избрании представителей и при всяком общественном деле (свобода избирательной агитации)*.

10. *Образование народа во всех низших и высших школах даровое и доступное всем.*

11. *Теперешняя армия и вообще все войска заменяются местным народным ополчением.* Все обязаны военной службой, обучаются военному делу, не отрываясь от работы и семьи, и созываются только в случае определенной законом надобности.

12. *Учреждается Государственный Русский банк* с отделением в разных местах России для поддержки и устройства фабричных, заводских, земледельческих и вообще всяких промышленных и ученых общин, артелей, союзов.

Вот какие, по нашему мнению, перемены в народной жизни могут быть совершены в ближайшее время; мы думаем, что весь народ — городские рабочие и крестьянство — поймет всю их полезность и готов будет их отстаивать. Городским рабочим следует только помнить, что отдельно от крестьянства они всегда будут подавлены правительством, фабрикантами и кулаками, потому что главная народная сила не в них, а в крестьянстве. Если же они будут постоянно ставить себя рядом с крестьянством, склонять его к себе и доказывать, что вести дело следует заодно, общими усилиями, тогда весь рабочий народ станет несокрушимой силой.

Д

Над этим придется много и усердно поработать, и мы думаем, что работу нужно повести так:

а) Те из рабочих, которые твердо порешили, что теперешние порядки и всю народную жизнь следует изменить, составляют небольшие, но дружные общества (кружки) рабочих, выясняют себе, чего следует добиваться, и готовят себя к тому времени, когда общими усилиями нужно будет приступить к выполнению переворота. Кружки должны быть связаны между собой, но в то же время должны быть тайными, недоступными для правительственных ударов.

б. Члены кружков должны выяснять народу, что из теперешнего гибельного порядка один выход — насильственный переворот, что переворот необходим и возможен. С этой целью члены кружков размещаются по заводам, фабрикам и деревням и заводят новые кружки рабочих и крестьян под разными предлогами, преимущественно вполне законными (так, напр[имер], кружок заводит свою кассу, библиотеку, чтения, общежития и пр.). Пользуясь уважением и любовью рабочих, члены кружка поддерживают бунтовской дух в рабочей среде, устраивают где нужно стачки против фабрикантов и готовятся к борьбе с полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта. Те из рабочих кружка, которые выкажут свою умелость и настойчивость в ведении рабочего дела, поступают в главные рабочие кружки, и таким образом тайный союз рабочих укрепляется.

Невозможно угадать, при каких именно условиях придется действовать рабочим союзам (рабочей организации). Но каковы бы они ни были, необходимо постоянно иметь в виду общие правила:

1. Для того чтобы добиться чего бы то ни было, рабочие должны составлять силу, способную напирать на правительство и при надобности готовую поддержать свои требования с оружием в руках. Дойдет ли дело до кровавой борьбы или враги народа уступят без боя, все равно: нужно готовить силу, и чем больше эта сила готова вступить в бой, тем скорее враги отступят без боя.

2. Напасть на врагов с надеждою на победу может только вся социально-революционная партия, в которую рабочая организация входит как часть. Партия собирает в народе и обществе силы для совершения переворота, устраивает союзы в крестьянстве и в среде городских рабочих, в войске и других общественных слоях. Партия выделяет из себя *боевой союз*, который нападает на правительство, расстраивает его, приводит в замешательство и этим облегчает всем недовольным — народу, рабочим и всем доброжелательным им людям — подняться и произвести повсеместный переворот.

Раз началось надежное возмущение в городе или в деревнях, партия должна поддерживать его своими силами, внести в него свои требования, вызвать подобные же волнения в других местах, где только возможно; должна объединить эти волнения в одно общее восстание и расширить его на всю Россию. Одновременно нужно расстроить правительство, уничтожить крупных чиновников его (чем крупнее, тем лучше), как гражданских, так и военных: нужно перетянуть войско на сторону народа, распустить его и заменить народным ополчением из крестьян, рабочих, бывших солдат и всех честных граждан.

Для успеха крайне важно овладеть крупнейшими городами и удерживать их за собою. С этой целью восставший народ немедленно по очищении города от врага должен избрать свое Временное правительство из рабочих или лиц, известных своею преданностью народному делу. Временное правительство, опираясь на ополчение, обороняет город от врагов и всячески помогает восстанию в других местах, объединяет и направляет восставших. Рабочие зорко следят за Временным правительством и заставляют его действовать в пользу народа.

Когда восстание одержит победу по всей стране, когда земля, фабрики и заводы перейдут в руки народа, а в селах, городах и областях установится выборное народное управление, когда в государстве не будет иной военной силы, кроме ополчения, тогда немедленно народ посылает своих представителей в (Союзное правительство) Учредительное собрание, которое, упразднив Временное правительство, утверждает народные завоевания и устанавливает порядок общесоюзный. Представители действуют по точной инструкции, какую дадут им избиратели.

Вот общий план деятельности партии во время переворота. Может быть, однако, и другой случай.

Если бы правительство из боязни общего бунта решилось сделать обществу кое-какие уступки, т. е. дать *конституцию*, то деятельность рабочих не должна от этого изменяться. Они должны заявлять себя силой, должны требовать себе крупных уступок, должны вводить своих представителей в парламент (т. е. законодательное собрание) и в случае надобности поддерживать их требования массовыми заявлениями и возмущениями.

Напирая таким образом постоянно на правительство, набираясь сил в борьбе с ним, партия «Народной воли» выжидает лишь удобного момента, когда старый, негодный порядок окажется неспособным противостоять требованиям народа, и совершает переворот с полной надеждой на успех.

П Р И М Е Ч А Н И Е

¹ Написана в октябре 1880 г. А. И. Желябовым и И. П. Каковским. Впервые напечатана 5 ноября 1880 г. в нелегальной петербургской типографии «Рабочей газеты» в виде листовки и получила широкое распространение наряду с «Программой Исполнительного комитета». Была послана К. Марксу. Экземпляр Маркса с его пометками фототипически воспроизведен в *РН*, т. 2, вклейка между с. 184—185. Печатается полностью по тексту *РН*, т. 2, с. 184—191.

Николай Иванович **КИБАЛЬЧИЧ**

Ни одной социалистической партии в Европе не приходится выдерживать такой тяжелой борьбы, приносить столько жертв, как нам.

Н. И. КИБАЛЬЧИЧ

Я, в числе других социалистов, признаю право каждого на жизнь, свободу, благосостояние и развитие всех нравственных и умственных сил человеческой природы.

Н. И. КИБАЛЬЧИЧ

Биография Н. И. Кибальчича коротка, как жизнь многих героев «Народной воли», павших в борьбе с царизмом. Он родился 19 (31) октября 1853 г. в «заштатном городе» Короп Кролевецкого уезда Черниговской губернии в семье священника. С семи лет пристрастился к чтению, перечитав все доступные его возрасту книги в библиотеке отца и в Коропе. С 1864 г. учился в Новгород-северской гимназии той же губернии, где в старших классах организовал нелегальную библиотеку, уникальную по составу книг: в ней были не только комплекты «Современника» (с 1855 по 1863 г.), «Дела», «Отечественных записок», но и «Колокола», «Полярной звезды» и других изданий Герцена и Огарева. В гимназии же начал писать, организовав рукописный журнал «Винт» (вышло четыре или пять номеров), в котором поместил несколько статей о крестьянских восстаниях Разина и Пугачева и о Великой французской революции. Дважды он был на грани исключения из гимназии: в первый раз за

выступление против учителя, требовавшего деньги у отца одного из гимназистов, во второй — за пощечину полицейскому, избивавшему крестьянина на улице. Однако Кибальчич был лучшим учеником гимназии, и дело обошлось в первом случае заключением в карцере и во втором случае штрафом, а также тем, что «за поведение» ему по окончании гимназии была выдана серебряная, а не золотая медаль.

В 1871 г. Кибальчич поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения, однако в 1873 г. перевелся из этого привилегированного учебного заведения в Медико-хирургическую академию, отличавшуюся демократическим составом и революционными традициями студенчества. Учился он хорошо и с конца 1874 г. занимался переводами с европейских языков статей для научно-популярного журнала «Здоровье». Как свидетельствовал впоследствии Кибальчич, уже в Медико-хирургической академии он «составил себе социалистические убеждения». Что касается практической реализации этих убеждений, то еще «не выработал... себе определенного плана» и «колебался между решением бросить академию и уйти в народ для социалистической пропаганды и желанием остаться... и служить делу партии впоследствии — в качестве доктора» (Показания Н. И. Кибальчича.— Былое, 1918, № 4-5, с. 296). Кибальчич попытался испробовать пропаганду среди крестьян во время летних каникул 1875 г. в местечке Жорницы Липовецкого уезда Киевской губернии путем распространения революционных брошюр. Одна из оставленных им летом брошюр попала к местному священнику, тот донес. 11 октября в Петербурге Кибальчича арестовали, причем при обыске были захвачены 719 экземпляров газеты «Вперед!», много другой запрещенной литературы, рукописи, среди которых перевод «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, возможно, сделанный Кибальчичем.

Следствие продолжалось два года и семь месяцев (все это время Кибальчич содержался в тюрьмах в Петербурге, Киеве и снова в Петербурге), но не открыло ничего, кроме факта передачи брошюры крестьянам (остальное Кибальчич отрицал), и 1 мая 1878 г. он был осужден всего на месяц тюрьмы. Но «тюремные университеты» не прошли для него даром: он пришел к выводу, что пропаганда «малопроизводительна». В тюрьме, узнав о первых террористических актах, он писал товарищам по заключению: «Даю слово, что все мое время, все мои силы я употреблю на служение революции посредством террора. Я займусь такой наукой, которая помогла бы и мне и товарищам приложить свои силы самым выгодным для революции образом» (Николай Иванович Кибальчич. СПб., 1906, с. 54). Выйдя из заключения, он целиком отдается изобретению и изготовлению взрывных устройств, предлагая свои услуги различным революционным кружкам (в частности, с мая 1879 г. он входил в группу «Свобода или смерть» «Земли и воли»), и с августа становится агентом Исполнительного комитета «Народной воли». В организованной им динамитной мастерской он обеспечил взрыв-

ными снарядами все террористические акты «Народной воли». Кибальчич обучал пользованию ими и выезжал сам в Одессу и Александровск, где готовились взрывы царского поезда. Вместе с помощниками в ночь на 1 марта 1881 г. изготовил метательные снаряды, которыми и был убит Александр II. В эти месяцы как пружина развернулись все его силы и способности. Кроме динамитной мастерской он работает в типографии газеты «Народная воля» (как ее «хозяин»), пишет для этой газеты одну из лучших теоретических статей — «Политическая революция и экономический вопрос» (№ 5), сотрудничает в легальной печати.

Арестованный 17 марта, он совершает еще один, на сей раз научный подвиг: за несколько дней до суда (23 марта) он создает «Проект воздухоплавательного прибора», разработав в нем идею реактивного движения, поставившую его имя у истоков космической техники. «Находясь в заключении,— писал он,— за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении. Если же моя идея... будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу Родине и человечеству» (*Кибальчич Н. И. Проект воздухоплавательного прибора.*— Былое, 1918, № 4-5, с. 115). Наконец за день до смерти (он был повешен 3(15) апреля 1881 г. вместе с другими первоапрельцами) Кибальчич пишет письмо Александру III. Речь идет в нем не о помиловании, он требует политических свобод в обмен на прекращение террористической деятельности партии. Кибальчич, как один из теоретиков «Народной воли», убежденный в правоте ее целей и в том, что «народное восстание неизбежно», мучительно ищет новые пути для революционной деятельности и делает шаг в правильном направлении. «Революция,— писал он,— вызывается целым рядом исторических причин общей совокупности исторических событий, между которыми сознательная деятельность революционной партии является лишь одним из факторов, имеющих большее или меньшее значение, смотря по силам партии... Партия может лишь до известной степени направлять движение, а не вызвать его» (Н. И. Кибальчич и имп. Александр III.— *Былое*, 1917, № 3, с. 37—39).

СОЧИНЕНИЯ (кроме названных)

Кибальчич Н. И. Проект воздухоплавательного прибора.— В кн.: Пионеры ракетной техники [1]. Кибальчич, Циолковский, Цандер, Кондратюк. Избранные труды. М., 1964.

ЛИТЕРАТУРА (кроме названной)

Черняк А. Я. Николай Кибальчич — революционер и ученый. М., 1960.

Сильчевский Д. П. Золотое сердце Кибальчича. Воспоминания.— В сб.: Забытым быть не может. М., 1963.

Серпокрыл С. М. Подвиг перед казнью. Л., 1971 (есть библиография).

Цымбал В. С. На грани смерти. Исторический роман. Днепропетровск, 1969.

ТЕКСТЫ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВОПРОС¹

Никогда никакой общественно-революционной партии не выпадала на долю такая тяжелая и сложная задача, как та, которая поставлена историей русской социально-революционной партии. Вместе со своей основной задачей — социально-экономической, мы должны взять на себя еще работу разрушения системы политического деспотизма, т. е. то, что везде в Европе сделано давно и сделано не социалистами, а буржуазными партиями. Поэтому ни одной социалистической партии в Европе не приходится выдерживать такой тяжелой борьбы, приносить столько жертв, как нам. Но если нужны героические усилия для того, чтобы работать при подобных условиях и держать высоко знамя народного освобождения, зато в этих же условиях, в окружающей нас политической обстановке заключается и выгодная сторона для осуществления нашей задачи в будущем. Политический строй, не удовлетворяющий теперь ни одного общественного класса, ненавидимый всей интеллигенцией, должен неизбежно пасть в близком будущем; но вместе с тем этот строй, доведший народ до голодовок и вымирания, роет могилу и для того экономического порядка, который он поддерживает. Процесс разложения существующей политической системы фатально совпал с процессом экономического обнищания народа, прогрессивно усиливающимся с каждым годом, и разрушение современного политического строя путем победного народного движения неизбежно повлекло бы за собой также крушение того экономического порядка, который неразрывно связан с существующим государством.

Поэтому мы думаем, что политическая борьба с государством для нашей партии является не посторонним элементом в нашей социалистической деятельности, а, напротив, могущественным средством приблизить экономический (или, по крайней мере, аграрный) переворот и сделать его возможно более глубоким, т. е. средством осуществить в жизни часть нашей программы.

Какие практические задачи вытекают для нас на основании такого взгляда при условиях русской действительности, мы скажем в общих чертах ниже, а теперь мы должны ответить на различные теоретические возражения, которые делаются против политической части нашей программы². Все эти возражения вертятся около воп-

роса о значении политической формы для общественно-экономического развития какой-либо страны.

Все мнения социалистов различных оттенков по этому вопросу можно разделить на три типические категории. К первой категории принадлежат те, которые придают политическим формам чересчур большое значение, признавая за ними силу производить в стране какие угодно экономические изменения, путем лишь приказаний власти сверху и повиновения подданных или граждан внизу; по своим практическим задачам это, по большей части, якобинцы, «государственники», стремящиеся путем захвата власти в свои руки декретировать политический и экономический переворот, провести сверху в жизнь народа социалистические принципы, не вызывая при этом активного участия народа в фактическом переустройстве и даже, «по соображениям», подавить его революционную инициативу. У нас органом якобинских тенденций является газета «Набат», издаваемая г. Ткачевым³. Ко второй категории принадлежат те социалисты, которые, наоборот, признают за политическим фактором ничтожное значение в общественно-экономической жизни, отрицая всякое серьезное влияние, положительное или отрицательное, политических форм на экономические отношения; поэтому в своих практических задачах эти лица признают бесполезным и даже вредным делом для социалистов затрачивать какую бы то ни было часть своих сил на политическую борьбу. У нас представителями последнего мнения является та фракция (или, вернее, часть ее), которая имеет своим литературным органом «Черный передел»⁴. Наконец, синтезом этих двух односторонних мнений служит тот взгляд, который, признавая тесную связь и взаимодействие политического и экономического факторов, полагает, что ни экономический переворот не может осуществиться без известных политических изменений, ни, наоборот, свободные политические учреждения не могут установиться без известной исторической подготовки в экономической сфере. Этот взгляд, разделяемый нашей фракцией и нашим органом⁵, мы разовьем дальше в частности, а теперь обратимся к доводам наших антагонистов.

Лица, не разделяющие политической части нашей программы, часто ссылаются на Маркса, который в своем «Капитале» доказал, что экономические отношения и формы какой-либо страны лежат в основе всех других общественных форм — политических, юридических и т. д.; отсюда выводят, что всякое изменение экономических отношений может произойти лишь как результат борьбы в экономической же сфере и что поэтому никакая политическая революция не способна ни задержать, ни вызвать экономический переворот. Заметим, что ученики Маркса идут дальше, чем сам учитель, и делают из его положения, верного по существу, абсурдные практические выводы⁶. В доказательство того, что Маркс не думает так, как они, приведем то место из его «Гражданской войны во Франции», где он определяет историческое значение Парижской коммуны: «это была найденная наконец политическая форма, в ко-

торой должно осуществиться экономическое освобождение труда... Поэтому Коммуна должна была служить рычагом для разрушения экономических основ, на которых зиждется существование сословий, а следовательно, и сословного господства»⁷. Эти же слова встречаются и в Манифесте Генерального Совета Интернационала, изданном немедленно после падения Коммуны⁸, следовательно, мысль, выраженная в них, разделяется целой группой представителей европейского социализма. [...]

Во время Великой Французской революции Конвент экспроприровал земли духовенства и эмигрантов-дворян и, сделав сначала эти земли государственной собственностью, распродав их затем буржуазии. Правда, эта мера переменяла только собственников, не изменив самого принципа частной земельной собственности; но почему Конвент не совершил экономического переворота, т. е. не отобрал от частных собственников все земли и фабрики и не передал их в коллективное пользование народа? Конечно, уж не потому, что политический способ решения экономического вопроса невозможен вообще, а потому, что в то время социальный вопрос не был еще поставлен историей на очередь⁹. Возьмите еще революцию 1848 года во Франции. Будь тогда в среде парижского пролетариата прочная организация, с определенной политической и экономической программой и с честными и решительными руководителями во главе,— и революция, начавшаяся с ниспровержения Луи-Филиппа, могла бы привести к глубоким изменениям в экономическом строе Франции. Парижская коммуна 1871 года сделала уже первые шаги к решению экономического вопроса путем политическим.

Можно ли спорить после этого, что политическая революция, пользующаяся государственной организацией как орудием для совершения экономического переворота, вполне возможна? Конечно, экономический переворот должен быть прежде *подготовлен* историей, т. е. в фактическом соотношении экономических сил, а также в идеях и привычках народной массы должны прежде произойти известные перемены, для того чтобы совершившаяся политическая революция, захватив государственную организацию, могла провести в жизнь то, что создано и желательно народу в экономическом отношении.

Мы именно думаем, что русский государственный строй характерен не только как система полнейшего чиновничьего произвола, но также по своей отсталости и даже противоположности с экономическими и правовыми учреждениями, привычками и воззрениями народной массы. Наше государство служит примером того громадного *отрицательного* значения, какое может иметь политическая система, отставшая от экономических требований народа. В Европе политический прогресс идет впереди прогресса общественно-экономического, и политические формы, особенно во время революций, служат средством для возбуждения экономического вопроса и для приближения экономического переворота; у нас же

непрерывный гнет политической системы задерживает ту экономическую, правовую и политическую реорганизацию, которая неизбежно наступила бы с падением этой системы и с возможностью свободно проявиться революционной инициативе народа. [...] Обратим [...] внимание на следующие два крупных факта влияния государства на нашу экономическую жизнь. Во-первых, на то разрушающее и деморализующее влияние, какое оказывает политическая система на общинные учреждения народа, а во-вторых, на то покровительство, которое оказывает государство денежному классу, на те сотни миллионов, которые ежегодно вытаскиваются правительством из народного достояния и передаются нарождающемуся у нас сословию буржуазии. В результате оказывается, что для поддержания всей этой чудовищной полицейско-кулаческой системы государству нужно пожирать такую массу продуктов народного труда, что народу остается только голодать, нищенствовать и вымирать. [...]

[...] Стремясь быть абсолютно неограниченным, государство подавляло всякую политическую самостоятельность даже привилегированных сословий и для этого поддерживало разъединение и неорганизованность в их среде; такая политика, конечно, увеличила централизованную силу государства, но вместе с тем она же и должна погубить окончательно в будущем существующую систему. В самом деле, раз государственная централизация будет снесена волной народного движения, какие социальные элементы окажутся действительными силами, управляющими ходом событий? Конечно, ни привилегированные классы вследствие своей разъединенности, ни легальные партии вследствие своей неорганизованности не будут в силе воспротивиться народному движению и удержать старый порядок экономического порабощения народа; только народ и социально-революционная партия явятся теми главными силами, от которых будет зависеть общественный и государственный строй после переворота. Следовательно, мы снова приходим к тому же выводу, т. е. что наибольшая разрушительная работа для нашей партии должна быть направлена в настоящем и в будущем опять-таки на государство, как на главную, если не единственную фактическую силу, враждебную осуществлению лучшего строя.

Еще одно замечание для оценки значения государства в русской жизни. Обратите внимание на те поводы, которые вызвали крупные и мелкие восстания в крестьянстве. Эти поводы всегда были политического или юридического свойства, шли сверху, из государственной или административной сферы: это — или мнимый царь, самозванец, или мифическая «золотая грамота», или какие-нибудь юридические нарушения закона (как его понимает народ); или, наконец, городской бунт, подающий пример деревенскому населению. Но едва ли были случаи, чтобы какая-нибудь деревня или местность взбунтовались без внешнего повода или примера, вследствие того только, что они голодают; нужно еще сознание народом нарушения своих прав или надежда на успех восстания.

Конечно, основным условием почти всякого народного волнения являлись материальные страдания, но поводом всегда служило или какое-нибудь нарушение закона (действительное или мнимое) со стороны начальства или бунтовской почин, идущий из среды какого-нибудь организованного ядра, близкого народу по своим интересам.

Последнее условие необходимо, как показывает история, для всех крупных народных движений. Так, во время пугачевщины роль толчка, вызвавшего скрытую силу восстания, играли, с одной стороны, раскольничьи общины, подготавливавшие и организовавшие движение, а с другой — часть казачества, подавшая пример вооруженного восстания.

Но в настоящее время ни раскольники, утратившие большую часть прежней боевой энергии, ни казачество, представляющее привилегированное сословие сравнительно с крестьянством, неспособны, по-видимому, дать лозунг народному восстанию. Одна лишь социально-революционная партия, прочно укрепившись среди городского и фабричного населения и заняв удобные и многочисленные позиции в крестьянстве, может послужить тем ферментом, который необходим для возбуждения городского и деревенского движения. Но для полного ниспровержения существующего порядка необходимо одновременное и городское и деревенское восстание. Действительно, самое обширное крестьянское движение при всех усилиях со стороны партии поддержать и организовать его не в состоянии совладеть с централизованным и прекрасно вооруженным врагом, если ему не будут нанесены тяжелые удары в центрах его материальной и военной силы, т. е. в столицах и больших городах; точно так же даже временный успех восстания в городах не окончится победой, если крестьянство сочувственным встречным восстанием не поддержит дела городов и таким образом не раздробит военные силы врага. Кроме того, необходимо для успеха, чтобы в момент восстания хоть некоторая часть войска и казачества перешла на сторону народа. Но кто сделает первый почин восстания: город или деревня? Судя по большей развитости и подвижности городского населения, судя, наконец, по тому, что деятельность партии должна дать большие результаты в количественном отношении в городе, нежели в деревне, нужно думать, что не деревня, а город даст первый лозунг восстанию. Но первая удача в городе может подать сигнал к бунту миллионов голодного крестьянства.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Впервые опубликована под псевдонимом «А. Дорошенко» в № 5 «Народной воли» от 5 февраля 1881 г. (В конце номера стоит: «Типография «Народной воли» 24 февраля 1881). Печатается с сокращениями по *НЭЛ*, с. 389—395.

² То есть «Программы Исполнительного комитета «Народной воли». Опубликованная в № 3 «Народной воли» от 1 января 1880 г. (см. *РН*, т. 2, с. 170—174), прог-

рамма сразу же вызвала многочисленные споры и возражения. Редакция неоднократно обещала сделать разъяснения и ответить на возражения в ряде специальных статей. Но первая такая статья, а именно статья Кибальчича, появилась только через год после опубликования программы.

³ См. наст. изд., с. 368, 378—384.

⁴ См. наст. изд., с. 511—512, 517—521, 522, прим. 10.

⁵ То есть «Народной волей».

⁶ Кибальчич здесь имеет в виду статью Г. В. Плеханова «Черный передел» (см. наст. изд., с. 517—521).

⁷ Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 346.

⁸ Указанный «Манифест» и есть работа К. Маркса «Гражданская война во Франции». Ошибка Кибальчича происходит, вероятно, потому, что он цитирует Маркса по работе Лаврова «Парижская Коммуна 18 марта 1871 года» (см. наст. изд., с. 434—435 и с. 444, прим. 18), у которого названная, более пространная цитата из «Гражданской войны во Франции» предваряется словами: «Манифест Генерального Совета Интернационала немедленно после падения Коммуны указал...»

⁹ «Социальный» здесь «социалистический».

Теперь... Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе.

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС

...Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России.

Ф. ЭНГЕЛЬС

Героическое единоборство с самодержавием революционеров-социалистов в период второй революционной ситуации в России. 1879—81 гг., приковавшее к себе внимание всего мира, породившее в рядах социалистов всех стран надежду на близость революционных преобразований, было не только звездным часом утопического социализма в России, но и последним часом «действенного народничества». И чем дальше в прошлое уходило время мартовских взрывов, тем это становилось все более очевидным. Нет, утопический социализм в России не умер сразу после 1 марта 1881 г. и еще воодушевлял молодежь на новое революционное подвижничество, но, как старое плодородное дерево, плодоносил все реже и меньше. Еще продолжали активно работать такие признанные ветераны народнического движения и социалистической публицистики, как П. Л. Лавров, Н. В. Шелгунов, В. В. Берви-Флеровский, П. А. Кропоткин, С. М. Степняк-Кравчинский и др. Утопический социализм в России еще способен был время от времени выдвигать новых теоретиков и вождей движения, служить идеологией различных революционно-демократических кружков и групп (большинство которых лишь прокламировало свою преемственность со старой «Народной волей», как, например, А. И. Ульянов). Это было особенно заметно в период первой революции в России 1905—07 гг. среди различных освободительных движений национальных окраин России. Однако он все более отступал на второй план перед теорией научного социализма и коммунизма, являющейся подлинной идеологической основой мирового революционного процесса, испытывая все большее ее влияние.

Революционная ситуация в России 1879—81 гг. обнажила все слабости народнической версии утопического социализма, игнорирующей историческое развитие России по капиталистическому пути, лишенной опоры в народных массах, продемонстрировала всю тактическую беспомощность народнических программ. Противоречие народнических теорий с практикой революционного движения доходило до того, что, как писал Плеханов, «Программа «Народной воли» не могла придать себе народнического характера иначе, как доводя до абсурда все характеристические особенности народнического мировоззрения» (Плеханов, т. 1, с. 68). Попытки приспособления к действительности народнической идеологии после 1 марта 1881 г., поскольку они предпринимались на основе тех же самых ее постулатов, привели лишь к тому, что в ней стали преобладать заявившее себя еще в период революционной ситуации либеральное (или легальное) течение (Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон и др.), а позднее неонародническое течение среди различных эсеровских мелкобуржуазных организаций и групп, вставшие в открытую оппозицию к революционному социализму. Вывести революционное движение России из тупика можно было лишь с помощью ориентации на пролетариат и теорию марксистского научного социализма, развенчав народническое мировоззрение во всех его основах.

Эту важную историческую задачу взяла на себя группа видных деятелей революционного народнического движения, бывших членов «Черного передела», во главе с Г. В. Плехановым перешедших на позиции марксизма и организовавших в сентябре 1883 г. группу «Освобождение труда»: В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов. Эта первая марксистская организация в России поставила задачей пропаганду идей научного социализма, критику народнических теорий, подготовку условий для создания социалистической рабочей партии в России, для соединения научного социализма с массовым рабочим движением.

Этому революционному шагу Плеханова и его единомышленников предшествовал период (1881—83 гг.) гигантской работы по усвоению марксистского мировоззрения, переоценки ценностей, поиска единственно верного пути революционного движения в России, его классовой опоры, выработки его стратегии и тактики. Этот переходный период и можно считать эпилогом утопического и прологом научного социализма в России. Эпилогом потому, что большинство революционных народников России, будучи не в состоянии пойти по новому пути, ревностно и непримиримо отнеслись к попыткам Плеханова и его товарищей помочь или сделать этот единственно верный выбор; прологом потому, что, несмотря на почти глухую стену непонимания, а иногда и открытой враждебности, переход от народничества к марксизму все-таки был сделан, и отныне новому идейному течению принадлежало будущее. Поэтому главными документами этого периода были не работы лидеров народнического социализма, не народолюбческие издания, а произве-

дения членов группы «Освобождение труда», в первую очередь Плеханова.

Плеханов первым перешел на позиции марксизма и уже в «Нескольких словах от переводчика» к «Манифесту Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (май 1882) сформулировал тезис о необходимости создания марксистской организации рабочего класса России. Ему же принадлежит относящиеся к этому периоду объявления «Об издании «Библиотеки современного социализма» (сентябрь 1883) — первый программный документ группы «Освобождение труда», работа «Социализм и политическая борьба» (октябрь 1883), посвященная критике народнических утопий, и первый вариант «Программы социал-демократической группы «Освобождение труда» (сентябрь — октябрь 1883). «Русский марксизм,— писал В. И. Ленин в 1909 г.,— родился в начале 80-х гг. прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение труда»)» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 405).

СОЧИНЕНИЯ

(кроме названных в разделе «Г. В. Плеханов»)

Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925, т. 1—2.

Дейч Л. Г. Вера Ивановна Засулич.— ГМ, 1919, № 5—12.

Дейч Л. Из отношений Г. В. Плеханова к народолюбцам.— Каторга и ссылка, 1923, № 7.

Дейч Л. О сближении и разрыве с народолюбцами.— Пролетарская революция, 1923, № 8.

Дейч Л. Г. В. Н. Игнатов (Воспоминания).— Пролетарская революция, 1923, № 9.

Дейч Л. Г. Автобиография.— Энциклопедический словарь Гранат, т. 40 [1927].

Засулич В. И. Сборник статей. СПб., 1907, т. 1—2.

Засулич В. И. Воспоминания. М., 1931.

Засулич В. И. Статьи о русской литературе. М., 1960.

Засулич В. И. Избранные произведения. М., 1983.

Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда». 1883—1903. Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984.

ЛИТЕРАТУРА

(кроме названной в разделе «Г. В. Плеханов»)

Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. М., 1959.

Жуйков Г. С. Группа «Освобождение труда». М., 1962.

Калекина О. П. Очерки по истории издания марксистской литературы в России (1870—1917 гг.). М., 1962.

Полевой Ю. З. Из истории рабочей печати. 1883—1900 гг. М., 1971.

Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975.

Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983.

Фатеев П. С. Первые российские марксисты. М., 1983.

Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984.

Добровольский Е. Н. Чужая боль. Повесть о Вере Засулич. М., 1978 (ПР).

Г. В. ПЛЕХАНОВ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

*(Предисловие к русскому изданию
«Манифеста Коммунистической партии» 1882 года)*¹

Имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса пользуются у нас такую громкую и почетную известностью, что говорить о научных достоинствах «Манифеста Коммунистической партии» значит повторять всем известную истину. Вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» открывает новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы, эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма. [...]

Нам казалось, что издание русского перевода «Манифеста Коммунистической партии» не только полезно, но и необходимо теперь, когда русское социалистическое движение окончательно уже выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, и вопрос о значении и задачах политической деятельности нашей партии становится жгучим практическим вопросом. [...]

«Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая»² и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит косвенным образом его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы всякого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему «враждебной противоположности» его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты.

Основания этой организации русского рабочего класса могут быть заложены уже в настоящее время. Русское социалистическое движение не ограничивается уже пределами того слоя, который принято называть учащейся молодежью, мыслящим пролетариатом³ и т. п. Рабочие наших промышленных центров, в свою очередь, начинают «мыслить» и стремиться к своему освобождению.

Несмотря на все преследования правительства, тайные социалистические организации рабочих не только не разрушаются, но принимают все более широкие размеры. Вместе с этим расширяется социалистическая пропаганда, растет спрос на популярные брошюры, излагающие основные положения социализма. Было бы очень желательно, чтобы имеющаяся возникнуть русская рабочая литература поставила себе задачей популяризацию учений Маркса и Энгельса, минуя окольные пути более или менее искаженного прудонизма.

Правда, у нас до сих пор еще довольно сильно распространено убеждение в том, что задачи русских социалистов существенно отличаются от задач их западноевропейских товарищей. Но не говоря уже о том, что окончательная цель должна быть одинакова для социалистов всех стран, рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западноевропейского развития. Сочинения же Маркса и Энгельса представляют собою незаменимый источник для изучения общественных отношений Запада. [...]

Л. Г. ДЕЙЧ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

*(Предисловие к русскому изданию работы
К. Маркса «Наемный труд и капитал»)*⁴

[...] Хотя имя этого великого человека [К. Маркса] пока почти еще не известно русскому рабочему люду, но передовая часть нашей интеллигенции глубоко чувствует всю тяжесть этой незаменимой потери; она вполне сознает громадную важность его великих заслуг; она, так же как и западноевропейские социалисты, обязана многим великому своему учителю.

Но, как во всем цивилизованном мире, так и в России, истинное сознание громадной важности теорий Маркса, время всеобщего и исключительного господства его учения собственно еще впереди. Теперь, к сожалению, даже среди социалистов очень немногие, сравнительно, вполне усвоили все глубокое значение основных принципов великого учителя. А между тем вне основательного знакомства с учением творца современного социализма, вне глубокого понимания господствующего антагонизма классов, так ясно развитого Марксом в его сочинениях, не может быть *серьезного* рабочего движения, скажем больше, — не может быть сделано *серьезного шага* по пути к освобождению пролетариата. Вот почему мы целиком присоединяемся к желанию, высказанному переводчиком «Манифеста Коммунистической партии»⁵, чтобы «русская рабочая литература поставила себе задачей популяризацию учения Маркса и Энгельса». [...]

ОБ ИЗДАНИИ

«БИБЛИОТЕКИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛИЗМА»⁶

Современное положение дел в России все называют переходным. Заострившаяся в последние годы революционная борьба наглядно доказала мыслящим людям, что без глубокого изменения наших социально-политических отношений невозможно ожидать сколько-нибудь спокойного и правильного хода русского общественного развития. Все ждут перемен, все требуют их с большей или меньшей энергией, все согласны между собою в том, что неотразимая логика вещей не позволяет нам остановиться на полуреформах прошлого царствования⁷. Одни советуют правительству возвратиться к николаевскому режиму или даже к порядкам допетровской Руси. Другие умоляют его сделать уступку духу времени и дать обществу возможность принять участие в распутывании современной безурядицы. Наконец, третьи, представляющие собою самую малочисленную, но зато и самую решительную группу, ведут активную борьбу против абсолютизма, давно уже утративши всякую надежду на какие-либо серьезные уступки с его стороны.

Но всякая революционная борьба предполагает тот или другой идеал, тот или другой порядок общественных отношений, во имя которого совершается революционное движение. Русская абсолютная монархия представляет собою такой вопиющий анахронизм, что не нужно быть последователем «крайних учений», чтобы питать к нему самую искреннюю ненависть. По отношению к нему являются революционными даже такие общественные классы, которые в передовых странах Запада стали уже представителями застоя и реакции. В борьбе против современной правительственной системы могут сойтись люди весьма различных направлений, далеко расходящиеся между собою по вопросу о задачах и границах русского революционного движения. Представители труда могут работать над разрушением абсолютизма рядом с либеральными представителями капитала. В недрах неуклюжей русской монархии выработалось уже несколько общественных течений, готовых вступить между собою в открытую борьбу немедленно по разрушении абсолютизма.

Партии, представляющие эти различные течения, должны поэтому не только бороться против абсолютизма, но и позаботиться о том, чтобы обеспечить себе возможно большее влияние в будущем, когда на развалинах абсолютизма начнет складываться новое здание русской общественной жизни. Каждая из них должна вести деятельную пропаганду в среде того класса или того слоя общества, интересы которого находят свое выражение в ее программе. Каждая из них должна организовать и приготовить своих сторонников к войне даже в том случае, если бы она всеми силами

стремилась разрешить мирным путем свои споры с противниками. Только та партия и имеет шансы и право на удовлетворение своих требований, которая опирается на значительную общественную силу.

* * *

Борьба с абсолютизмом — историческая задача общая им с другими прогрессивными партиями в России — не принесет русским социалистам возможного влияния в будущем, если падение абсолютной монархии застанет русский рабочий класс в неразвитом состоянии, индифферентным к общественным вопросам или не имеющим понятия о правильном решении этих вопросов в своих интересах.

Поэтому социалистическая пропаганда в среде наиболее восприимчивых к ней слоев трудящегося населения России и организация по крайней мере наиболее выдающихся представителей этих слоев составляет одну из серьезнейших обязанностей русской социалистической интеллигенции.

Необходимым условием такой пропаганды является создание рабочей литературы, представляющей собою простое, сжатое и толковое изложение научного социализма, и выяснение важнейших социально-политических задач современной русской жизни с точки зрения интересов рабочего класса.

Но, прежде чем взяться за создание такой литературы, наша революционная интеллигенция должна сама усвоить современное социалистическое мирозерцание, отказавшись от несогласимых с ним старых традиций. Поэтому критика господствующих в ее среде программ и учений должна занять важное место в нашей социалистической литературе.

Всякий, знакомый с современным состоянием нашей социалистической литературы, знает, как мало удовлетворяет она обоим вышеуказанным требованиям. Члены группы, впервые приступившей к изданию «Черного передела» (в 1879—80 гг.)⁸, решились всеми зависящими от них средствами способствовать пополнению этих пробелов и с этой целью приступают теперь к изданию «Библиотеки современного социализма»⁹.

Вполне признавая необходимость и важность борьбы с абсолютизмом, они полагают в то же время, что русская революционная интеллигенция слишком игнорировала до сих пор вышеуказанные задачи организации рабочего класса и пропаганды социализма в его среде; они думают, что борьба ее с правительством не сопровождалась в достаточной мере подготовлением русского рабочего класса к сознательному участию в политической жизни страны. Разрушительная работа наших революционеров не дополнялась созданием элементов для будущей рабочей социалистической партии в России.

Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с

определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного передела» образуют ныне новую группу «Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями *.

Успех первого предприятия этой группы зависит, конечно, от сочувствия и поддержки со стороны действующих в России революционеров. Поэтому она и обращается ко всем кружкам и лицам, в России и за границей, сочувствующим вышеизложенным взглядам, с предложением обмена услуг, организации взаимных сношений и совместной выработки более полной программы для работы на пользу общего дела. [...]

Задача, поставленная себе издателями «Библиотеки современного социализма», едва ли нуждается, после всего сказанного, в более подробном объяснении. Она сводится к двум главным пунктам:

1) Распространению идей научного социализма, путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса, и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) Критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни, с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России.

Женева, 25 сентября 1883 г. ¹³

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЦИАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Предисловие ¹⁴

[...] Стремление работать *в народе* и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса» ¹⁵, — эта *практическая* тенденция нашего народничества дорога мне по-прежнему. *Теоретические* же его положения, действительно, кажутся мне во многих отношениях ошибочными. Годы пребывания за границей и внимательного изучения социального вопроса убедили меня, что торжество стихийного

* Ввиду неоднократно повторявшихся слухов о состоявшемся будто бы соединении старой группы «Черн[ого] пер[едела]» с «Нар[одной] вол[ей]», мы считаем нужным сказать здесь несколько слов по этому поводу. В последние два года действительно велись между обеими группами переговоры о соединении. Но, хотя два-три члена нашей группы даже вполне примкнули к «Нар[одной] воле» ¹⁰, полное слияние не могло, к сожалению, состояться. Как читатель увидит из печатаемой ныне брошюры «Социализм и политическая борьба» ¹¹, это слияние затрудняется нашим разногласием с «Нар[одной] в[олей]» по вопросу о так называемом «захвате власти», а также некоторых практических приемах тактики революционной деятельности, вытекающей из этого пункта программы. Обе группы имеют, однако, теперь так много общего, что могут действовать в огромном большинстве случаев рядом, пополняя и поддерживая друг друга ¹².

народного движения, вроде бунта Ст. Разина или крестьянских войн в Германии, не может удовлетворить социально-политических нужд современной России, что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения и что они не могут «развиться в высшую коммунистическую форму»¹⁶ без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партии. Поэтому я и думаю, что рядом с борьбой против абсолютизма русские революционеры должны стремиться, по крайней мере, к выработке элементов для создания такой партии в будущем. В этой созидательной деятельности им по необходимости придется перейти на почву современного социализма, так как идеалы «Земли и Воли» не соответствуют положению промышленных рабочих. И это будет очень кстати теперь, когда теория русской самобытности становится синонимом застоя и реакции, а прогрессивные элементы русского общества группируются под знаменем осмысленного «западничества»¹⁷. [...]

В. И. ЗАСУЛИЧ

[ПРЕДИСЛОВИЕ К РАБОТЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА «РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА»]¹⁸

[...] При всем уважении, которым пользуются у нас идеи Маркса, их популяризация велась до сих пор далеко не в достаточных размерах, и предлагаемая брошюра лучше всякой другой может содействовать пополнению этого пробела. Такое пополнение в особенности необходимо в настоящий критический момент нашего революционного движения. Освобождение народа всегда составляло его основную идею, единственную идею, которой оно никогда не изменяло. Во всем остальном, как в теории, так и на практике страшный гнет, под которым нам приходилось уяснять себе нашу задачу и выработать пути и способы ее осуществления, заставлял нас бросаться во все стороны. Урывками, в недосказанном, недоконченном виде успевали мы знакомиться с социалистическими теориями, схватывая сперва всего полнее лишь их этическую сторону: несправедливость существующего строя, обязательность борьбы и т. д. Пытаясь готовить на практике условия этой борьбы, мы шли то по тому, то по другому пути и не успевали развить сколько-нибудь систематической и продолжительной деятельности ни в одном направлении.

А деспотизм, посылая на мученичество одну за другой выступавшие фаланги, довел их наконец до той степени интенсивности революционного чувства, что, не имея за собою материальной, а лишь нравственную, идейную силу, наша революционная интеллигенция бросилась в прямую, наступательную борьбу с деспотизмом, заменяя динамитом отсутствие материальной силы и мало-

численность борцов их бесконечным самоотвержением. Нравственная победа над деспотизмом одержана полная, а наши поиски за материальной силой, за точкой опоры для борьбы все еще не кончены.

Припоминая всю историю этих поисков за практической программой борьбы за народное освобождение, приходишь к заключению, что не доставало нам главным образом понимания ее фактических, исторических условий. Мы знали, что справедливо, что революционно, но не что возможно и целесообразно. Нам не доставало для этого руководящей нити в лабиринте исторически сложившихся условий нашей родины, и не могли нам дать такой нити ни бакунизм, ни все остальные ходившие среди нас сбивчивые отрывки социалистических теорий. Полное, всестороннее понимание экономических, исторических и философских воззрений научного социализма могло бы помочь нам найти наше место среди факторов русской жизни и прочную сферу для нашей деятельности. Но к несчастью, у многих русских читателей с этой теорией связывается представление о необходимости для каждого отсталого народа пройти через те же фазы развития, которые привели передовые страны Западной Европы к современному капитализму, дающему материальную возможность успешной борьбы за освобождение трудящегося населения. Такая перспектива долгого, мучительного пути, уже пройденного Англией или Францией и еще предстоящего России, вызывает почти инстинктивное возмущение в русском деятеле, желание отбросить теорию, приводящую к таким горьким выводам, и подыскать другую, более утешительную, обещающую нашему народу совершенно самостоятельный путь развития.

Но такое представление основано, как нам кажется, на крупном недоразумении и противоречит той именно теории, которой его навязывают.

Признавая экономические явления основными в истории человечества, она рассматривает эти явления как материал по самому существу своему исторический, т. е. беспрерывно изменяющийся, различный в каждой стране и для каждого поколения данной страны. Одинаковые способы производства и формы обмена, встречающиеся в различных странах и в различные исторические периоды, подчиняются одним и тем же законам и влияют в одинаковом определенном направлении на дальнейший ход экономического развития. Но этот ход обуславливается для каждой данной страны взаимодействием всех влияющих на него факторов, а комбинации этих факторов разнообразны до бесконечности.

В современной России мы встречаем одновременно сельскую общину, еще сохранившуюся вдали от железных дорог и больших промышленных центров во всей своей первобытной чистоте, ремесла на степени домашнего производства для собственного употребления и рядом огромные фабрики, акционерные компании, банки, железные дороги и телеграфы; первобытные исторические формы,

пережитые в различные времена всеми народами Западной Европы и затем разложившиеся и исчезнувшие, рядом с формами, составляющими последний результат ее истории и заимствованными Россией в их готовом, современном виде.

Эти-то заимствования, это постоянно усиливающееся влияние Западной Европы на ход нашего развития и исключает возможность повторения последовательных фаз самобытного развития Англии или Франции. [...]

Нашей крупной промышленности предстоит не развиваться постепенно из ручных ремесел, а, по всему вероятно, наоборот, не допустить широкого их развития, сразу заменяя фабричными произведениями продукты домашнего производства для собственного потребления. Долгий путь постепенного развития производительности труда уже пройден передовыми странами Западной Европы за нас и для нас, и нам остается только заимствовать последние результаты их истории. [...]

[...] Возникновение имущественного неравенства внутри общины, изгоняя разорившихся крестьян на заработки в города и развивая потребности разбогатевших членов, неизбежно создает в лице тех и других потребителей фабричных произведений. Этот процесс, означающий собою разложение общины, с каждым годом все настойчивее констатируется исследователями крестьянского быта, и кулак, неизбежно фигурирующий во всех изображениях жизни села, служит его вернейшим признаком и сильнейшим, неистребимым фактором. [...] Он неистребим уже более никакими мерами, не уничтожающими в корне самую возможность возникновения имущественного неравенства, а следовательно, неотвратимо и постепенное разложение общины, накопление капиталов и расширение крупной промышленности.

Росту капитализма принадлежит ближайшее будущее России, но только ближайшее; дожить до окончательного разложения общины ему едва ли суждено. Современное экономическое развитие России слишком тесно связано с развитием Западной Европы, а в ней дни капитализма уже сочтены. Социалистическая революция на Западе положит предел капитализму и на востоке Европы, и тогда-то остатки общинных учреждений могут сослужить России великую службу¹⁹. [...]

В России остатки общинных учреждений, отсутствие традиции частной поземельной собственности, незабытое еще общинное представление о земле и природных богатствах как о принадлежащих всем людям могли бы чрезвычайно облегчить переход земли во владение всего общества. При широкой предварительной пропаганде и разъяснении смысла и значения предпринимаемых государством мер они могли бы встретить сочувствие и поддержку в массе крестьянского населения, опереться в практическом осуществлении на остатки общинных учреждений и в таком случае сразу принять самые широкие размеры и самый решительный характер. Для социалистического государства может быть опасно лишь

неудовольствие масс, с сопротивлением же крупных собственников оно всегда найдет возможность справиться.

Создать такое государство может, конечно, только сознательный и сильный рабочий класс, имеющий при этом возможность организовать хотя бы некоторые главные отрасли обрабатывающей промышленности страны. Но над воспитанием передовой дружины такого класса и над выработкой этой возможности будет трудиться — против воли, конечно, — наше юное капиталистическое производство.

Юная — по счету лет но не по нравственному характеру своих представителей — русская буржуазия как таковая не способна уже к революционной инициативе, проявлявшейся у западной буржуазии во времена ее юности. [...]

Русскому буржуа никогда и в голову не придет, конечно, вообразить себя носителем интересов всего трудящегося населения, как не придет в голову и нашему фабричному рабочему ожидать каких бы то ни было благополучий от фабрикантов и предпринимателей. [...]

[...] У нас фабрикант и рабочий сразу очутились на противоположных концах общественной лестницы и встретились как люди с противоположными интересами.

Отношение нашего фабричного рабочего к предпринимателю ясно и определено, оно не может ни в коем случае помешать развитию в нем классового самосознания, но он новичок в городе, у него нет исторического прошлого, нет революционной традиции, созданной в западноевропейском французском рабочем его борьбой за политическую свободу, нет привычки к солидарному организованному действию английских рабочих. [...]

Помочь нашему рабочему классу выработаться в сознательную общественную силу, восполнить до некоторой степени недостаток его исторического опыта и вместе с ним бороться за освобождение всего трудящегося населения России составляет задачу нашей революционной интеллигенции, умственное развитие которой позволяет знакомиться с результатами исторического опыта всего человечества. Но для этого ей нужно не бояться теорий научного социализма, будто бы осуждающих ее на бездействие, — нужно понять и изучить их настолько, чтобы явиться не подражателями западных социалистов (как, пожалуй, вздумали бы упрекнуть нас наши самобытники), а самостоятельными деятелями в условиях нашей родины.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Впервые опубликовано без подписи в мае 1882 г. в Женеве в качестве предисловия к русскому переводу (Плеханова) «Манифеста Коммунистической партии», изданному в «Русской социально-революционной библиотеке» (кн. 3). Печатается с сокращениями по кн.: «Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе». М., 1969, с. 231—232.

² Слова из «Манифеста Коммунистической партии» в переводе Плеханова. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 433.

³ Выражение Д. И. Писарева для обозначения «образованной массы, добывающей себе хлеб разнообразною умственной работою» (*Писарев*, т. 3, с. 529—530).

⁴ Впервые опубликовано без подписи в мае 1883 г. в Женеве как предисловие к русскому переводу (Л. Г. Дейча) работы К. Маркса «Наемный труд и капитал», изданной в «Русской социально-революционной библиотеке» (кн. 4). Отрывки печатаются по кн.: *Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе*, с. 234, 235.

⁵ То есть Г. В. Плехановым, слова которого из «Нескольких слов от переводчика» цитируются Дейчем (см. наст. изд., с. 545).

⁶ Впервые опубликовано как объявление отдельной брошюрой в Женеве в сентябре 1883 г. за подписью: «Редакторы П. Аксельрод и Г. Плеханов». На самом деле автором его был один Плеханов. Через месяц объявление было перепечатано без первой части (до звездочек) в качестве приложения к работе Плеханова «Социализм и политическая борьба» и в дальнейшем в таком виде перепечатывалось неоднократно. Печатается по журналу «Коммунист», 1983, № 13, с. 95—96.

⁷ То есть реформах, проведенных в царствование Александра II.

⁸ Плеханов имеет в виду первые два номера «Черного передела» (всего вышло пять), в редакцию которого входили Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, О. В. Аптекман, Я. В. Стефанович и П. Б. Аксельрод. Первый номер, печатавшийся в Петербурге в конце 1879 — начале 1880 г., был арестован вместе с типографией в ночь с 28 на 29 января 1880 г., поэтому первый (вновь) и второй номера были изданы в 1880 г. за границей. Последующие номера «Черного передела» печатались в России.

⁹ Издания «Библиотеки современного социализма» с перерывами выходили до 1900 г.

¹⁰ Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич. Не все из перечисленных имен входили и в «Черный передел» и в группу «Освобождение труда», поэтому и цифра «два-три» не ясно, к какой из этих групп относится.

¹¹ Отрывок из предисловия см. наст. изд., с. 550—551.

¹² Это примечание написано не Плехановым, а Дейчем.

¹³ Этот день и считается датой образования группы «Освобождение труда».

¹⁴ Настоящая работа впервые опубликована в Женеве в 1883 г. как первый выпуск «Библиотеки современного социализма». Предисловие, отрывок из которого печатается (по кн.: *Плеханов*, т. 1, с. 51—52), датировано 25 октября 1883 г.

¹⁵ Слова из «Временного устава товарищества» (т. е. I Интернационала) К. Маркса (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 12), в той или иной перефразировке вошедшие в программы различных народнических организаций.

¹⁶ Слова из многих народнических программ.

¹⁷ Плеханов говорит здесь о том виде реакционного утопического социализма, каким становилось тогда либеральное народничество, конкретно имея в виду Н. К. Михайловского, который в «Литературных заметках» (03, 1880, № 9 и 10) писал (в передаче Плеханова, из письма Ф. Энгельсу), «что в России миссия разрешения социального вопроса принадлежит именно правительству. На Западе — другое дело, говорил он, но мы не западники». «Эти слова писались, — добавлял Плеханов, — в тот момент, когда революционеры вели войну не на жизнь, а на смерть с русским правительством и когда правительство спрашивало себя, не должно ли оно уступить. Отсюда Вы видите, как реакционен и вреден у нас этот вид утопического социализма, поборником которого является Михайловский» (*Плеханов Г. В.* Письмо Ф. Энгельсу 3 марта 1895. — В сб.: *Маркс, Энгельс и революционная Россия*, с. 725. Ср.: *Михайловский*, т. 4, с. 951—953, 972 и сл.).

¹⁸ Написано Засулич не позднее первой половины ноября 1883 г. и опубликовано в Женеве в 1884 г. без подписи и без названия в качестве предисловия к русскому переводу (Засулич) работы Ф. Энгельса «Развитие научного социализма» (под таким названием была выпущена работа «Развитие социализма от утопии к науке»), изданной как второй выпуск «Библиотеки современного социализма». Предисловие (с сокращениями) печатается по кн.: *Засулич В. И.* Избранные произведения. М., 1983, с. 33—37, 38—40.

¹⁹ Здесь Засулич пересказывает заключительные слова К. Маркса и Ф. Энгельса из «Предисловия ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 305).

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

по истории утопического социализма,
общественной мысли и революционному движению
в России 30—80-х годов XIX в.

В настоящей краткой библиографии представлена лишь книжная литература (монографии, брошюры, специальные сборники и т. п.). Исключения сделаны только для отдельных статей, имеющих принципиальное значение в историографии утопического социализма в России (и то, если они не переиздавались в каких-то специальных сборниках), и для некоторых статей о влиянии и распространении в России идей западноевропейских социалистов, поскольку в этом вопросе книги отсутствуют. Вместе с тем в список не вошла обширная литература о влиянии идей марксизма на русскую социалистическую мысль рассматриваемого периода. Ее можно найти в указанных в настоящей библиографии обобщающих работах. Включение в список некоторой основной литературы по общественной мысли и революционному движению объясняется как нераздельностью утопического социализма, революционного демократизма и революционного движения в России рассматриваемого периода, так и соответствующей недифференцированностью литературы о них (особенно источников).

Более подробные указания на литературу (в том числе на мемуарную и на литературу о тех русских социалистах, которые не представлены в хрестоматии) можно найти в библиографических пособиях, названных в последнем разделе настоящего списка.

* * *

- К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса, 1835—1871 гг. М., 1983.
Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями. М., 1974.
Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969.
Их имена переживут века. Международные отклики на смерть К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1983.
В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 4-е. М., 1969.

ТЕКСТЫ, ИСТОЧНИКИ, МАТЕРИАЛЫ

- Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения 1873—1875 гг. Л., 1970.
Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932.
Бурцев В. Л. За сто лет (1800—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России. Лондон, 1897, ч. 1—2.
Вечное солнце. Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX — начало XX века). М., 1979.
Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века. Л., 1970.
Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959.
«Вперед!» 1873—1877. Материалы из архива Валериана Николаевича Смирнова. Dordrecht, 1970, т. 1—2.

- Газета «Работник» (1875—1876). М., 1933.
- Государственные преступления в России в XIX в. СПб.—Ростов-на-Дону, 1906—[1907], т. 1—3.
- Историко-революционная хрестоматия (1861—1902). М., 1923, т. 1.
- «Колокол». Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1857—1867. Факсимильное издание. М., 1960—64, вып. 1—9.
- «Колокол» (Kolokol). Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1868—1869. Факсимильное издание. М., 1979.
- «Колокол» (Kolokol). Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1868—1869. Переводы, комментарии, указатели. М., 1978.
- «Колокол» (Vivos vocol!). Орган русского освобождения, основанный А. И. Герценом (Искандером). (Под редакцией агентов русского дела). М., 1933.
- Крестыанское движение в России в XIX — начале XX века. Сборник документов. М.—Л., 1959—68, т. 3—6.
- Литература партии «Народная воля». М., 1930.
- Материалы для истории революционного движения в России 60-х гг. Второе приложение к сб. «Государственные преступления в России». Paris, 1905.
- Материалы для истории русского социально-революционного движения. (Париж), 1893—96, вып. 1, 10, 11, 16.
- «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930.
- Народническая экономическая литература. Избранные произведения. М., 1958.
- Народовольцы 80-х и 90-х годов. Сборник статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения. М., 1929.
- Народовольцы после 1-го марта 1881 года. Сборник статей и материалов, составленный участниками народовольческого движения. М., 1928.
- Народовольцы. Сост. участниками народовольческого движения. М., 1931.
- Памятники агитационной литературы. Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880—1881. М.—Пг., 1923, т. 1.
- 1 марта 1881 года. М., 1931.
- «Полярная звезда». Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1855—1869. Факсимильное издание. М., 1966—68, кн. 1—9.
- Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Л., 1968.
- Прокламации шестидесятых годов. М.—Л., 1926.
- Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. М., 1950—55, т. 1—2.
- Революционная журналистика семидесятых годов. Первое приложение к сб. «Государственные преступления в России». Париж, 1905 (переиздание: Ростов-на-Дону, 1906).
- Революционное движение 1860-х годов. Сборник. М., 1932.
- Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов. М., 1964—65, т. 1—2.
- Русско-польские революционные связи (1853—1866). Материалы и документы. М.—Wroclaw, 1963, т. 1—2.
- Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. М., 1952—56, вып. 1—3.
- Утопический социализм. Хрестоматия. М., 1982.
- Хрестоматия по научному коммунизму. М., 1966, ч. 1.
- Хроника социалистического движения в России. 1878—1887. Официальный отчет. М., 1906.
- Шестидесятники. М., 1984.
- Шестидесятые годы. М., 1933.
- Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.—Л., 1940.
- Штурманы будущей бури. Воспоминания участников революционного движения 1860-х годов в Петербурге. Л., 1983.
- Экономическая платформа Русской секции I Интернационала. М., 1959. Южно-русские рабочие союзы. [М.], 1924.

- Антонов В. Ф. Революционное народничество. М., 1965.
- Бельчиков Н. Ф. Народничество в литературе и критике. М., 1934.
- Блюмин И. Г. Фурьеризм в России.— Проблемы экономики, 1937, № 5.
- Блюмин И. Г. Русский фурьеризм 40-х годов XIX в.— Известия АН СССР. Отделение общественных наук, 1938, № 1—2.
- Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.
- Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912.
- Буш В. В. Очерки литературного народничества 70—80-х гг. М.— Л., 1931.
- Вахрушев И. С. Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873—1886 годов. [Саратов], 1980.
- Веревкин Б. П. Русская нелегальная революционная печать 70-х и 80-х годов XIX века. М., 1960.
- Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965.
- Водолазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову (об особенностях развития социалистической мысли в России). [М.], 1969.
- Волк С. С. Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969.
- Волк С. С. Народная воля. М.— Л., 1966.
- Володин А. И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973.
- Володин А. И. Начало социалистической мысли в России. М., 1966.
- Володин А., Карякин Ю., Плимак Е. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX в. М., 1976.
- Володин А. И. Роберт Оуэн и русские социалисты 60-х годов XIX века.— Научный коммунизм, 1976, № 4.
- Вопросы методологии историко-литературных исследований. Л., 1981.
- Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Идеологи русского народничества. [Л.], 1966.
- Горев Б. И. Популярная история социализма на Западе и в России. В биографиях и характеристиках. Харьков, 1926.
- Горохов В. А. I-й Интернационал и русский социализм. [М.], 1925.
- Дейч Л. Г. Социалистическое движение начала 70-х годов в России. Ростов-Дон, 1925.
- Григорьян М. Фурьеризм в России.— Фронт науки и техники, 1938, № 3.
- Захарина В. Ф. Голос революционной России. Литература революционного подполья 70-х годов XIX в. Издания для народа. М., 1971.
- Зильберфарб И. И. Идеи Фурье в России в 30—40-х годах XIX в.— В кн.: Исторические записки. М., 1948, т. 27.
- Зильберфарб И. И. Социальная философия Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX в. М., 1964.
- Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969.
- Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964.
- Из истории общественно-политического движения в России XIX века. М., 1967.
- История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1964, т. 1.
- История русского утопического социализма XIX века. М., 1985.
- История социально-революционного движения в России. 1861—1881. Сост. Н. Н. Голицын. СПб., 1887.
- Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. М., 1965.
- Итенберг Б. С. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964.
- Итенберг Б. С. Россия и Парижская коммуна. М., 1971.
- Итенберг Б. С. Южно-российский союз рабочих. Возникновение и деятельность. М., 1974.
- Карпачев М. Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979.
- Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978.
- Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961.

- Козьмин Б. Литература и история. Изд. 2-е. М., 1982.
- Козьмин Б. П. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». М., 1933.
- Козьмин Б. П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929.
- Козьмин Б. П. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957.
- Комин В. В. Анархизм в России. Калинин, 1969.
- Кон Ф. История революционного движения в России. М., 1929, т. 1.
- Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975.
- Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855—1881). Исторические очерки. М., 1909.
- Корольчук Э. А. «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. [Л.], 1946.
- Кузнецов Ф. Ф. Нигилисты? Д. И. Писарев и журнал «Русское слово». М., 1983.
- Кузнецов Ф. Ф. Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». Григорий Благовосветлов, Варфоломей Зайцев, Николай Соколов. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1980.
- Кузьмин Д. (Колосов Е. Е.) Народовольческая журналистика. М., 1930.
- Кункль А. А. Долгушинцы. [М., 1931].
- Левин Ш. М. К вопросу об исторических особенностях русского утопического социализма.— Исторические записки. М., 1948, т. 26.
- Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-х годах XIX в. М., 1958.
- Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX — начало XX века. Л., 1974.
- Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов» (изд. 2-е). СПб., 1908.
- Лемке М. К. Политические процессы в России 1860-х гг. (По архивным документам). Изд. 2-е. М.— Пг., 1923.
- В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970.
- В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969.
- Линков Я. И. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1964.
- Малинин В. А. История русского утопического социализма (от зарождения до 60-х годов XIX в.). М., 1977.
- Малинин В. А. Философия революционного народничества. М., 1972.
- Малинин В. А., Сидоров М. И. Предшественники научного социализма в России. М., 1963.
- Мальшинский А. П. Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880.
- Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и «Народной воле». Сборник статей. М., 1931.
- Маслин М. А. Критика буржуазных интерпретаций идеологии русского революционного народничества. М., 1977.
- Материалы по истории освободительного движения в период капитализма. М., 1974.
- Мелентьев Ю. С. Революционная мысль России и Запад. М., 1966.
- Меньшиков Л. П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во время самодержавия. М., 1925—32, ч. 1—3.
- Мирошниченко П. Я. Возникновение утопического социализма в России. Киев — Донецк, 1976.
- Невский В. И. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930.
- Нечкина М. В. Встреча двух поколений. Из истории русского революционного движения конца 50-х — начала 60-х годов XIX века. Сборник статей. М., 1980.
- Нифонтов А. С. Россия в 1848 г. М., 1949.
- Новиков А. И. Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли. Историко-философский очерк. Л., 1965.
- Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. Л., 1972.
- Новикова Н. Н. Революционеры 1861 года. «Великорусс» и его комитет в революционной борьбе 1861 г. М., 1968.
- Носов А. В. Утопический социализм и революционный демократизм. Харьков, 1972.
- Общественное движение в пореформенной России. М., 1965.
- Орлик О. В. Россия и французская революция 1830 года. М., 1968.
- Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция. М., 1973.
- Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. [Саратов], 1971—81, вып. 1—10.

- Пажитнов К. А.* Из истории рабочих артелей на Западе и в России. От утопистов до наших дней. Пг., 1924.
- Пажитнов К.* Развитие социалистических идей в России. Пг., 1924.
- Пантин И. К.* Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973.
- 1 марта 1881 года. М., 1933.
- Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России. 1883—1894 гг. М., 1959.
- Полянский Н. Н.* Народнический социализм. М., 1918.
- Потап М.* Народнический социализм. М., 1930.
- Пруцков Н. И.* Русская литература XIX века и революционная Россия. Социологические и историко-литературные очерки. Л., 1971.
- Пустарнаков В. Ф.* «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России. М., 1974.
- Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. (Сборники). М., 1960, 1962, 1963, 1965, 1970, 1974, 1978, 1979.
- Революционная ситуация в России в середине XIX века. Коллективная монография. М., 1978.
- Реуэль А. Л.* Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956.
- Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов. Коллективная монография. М., 1983.
- Рудницкая Е. Л.* Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864—1873. М., 1984.
- Русанов Н. С. (Кудрин Н. Е.).* Социалисты Запады и России: Фурье, Маркс, Энгельс, Лассаль, Жюль Валлес, Виллиам Моррис, Чернышевский, Лавров, Михайловский. Изд. 2-е. СПб., 1909.
- Сакулин П. Н.* Русская литература и социализм, ч. I. Ранний русский социализм. 2-е перераб. изд. М., 1924.
- Святловский В. В.* Русский утопический роман. Пб., 1922.
- Седов М. Г.* Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966.
- Семевский В.* Сенсимонисты и фурьеристы в России в царствование императора Николая I.— В сб.: Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914, т. 4.
- Сладкевич Н. Г.* Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века. Л., 1962.
- Сладкевич Н. Г.* Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х — начала 60-х годов XIX века. Л., 1979.
- Соколов Н. И.* Русская литература и народничество. Литературное движение 70-х гг. XIX в. Л., 1968.
- Стеклов Ю. М.* Борцы за социализм. Очерки из истории общественных и революционных движений в России. М., 1923—24, ч. 1—2.
- Твардовская В. А.* Социалистическая мысль в России на рубеже 1870—1880-х гг. М., 1969.
- Татищев С. С.* История социально-революционного движения в России. 1861—1881 гг. СПб., 1882.
- Ткаченко П. С.* Революционно-народническая организация «Земля и воля». М., 1961.
- Ткаченко П. С.* Отношение революционных народников к западноевропейскому утопическому социализму.— Научный коммунизм, 1974, № 4.
- Ткаченко П. С.* Учащаяся молодежь в революционном движении 60—70-х гг. М., 1978.
- Торицын Т. М.* Учение Роберта Оуэна и его влияние на распространение и развитие социалистических идей. Рязань, 1972.
- Троцкий Н. А.* Большое общество пропаганды. 1871—1874. Саратов, 1963.
- Тун А.* История революционных движений в России. 2-е изд. Пб., 1920.
- Федоркин Н. С.* Утопический социализм идеологов революционного народничества. М., 1984.
- Федосов И. А.* Революционное движение в России во 2-ой четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М., 1958.

- Филиппов Р. В.* Из истории революционно-демократического движения в России в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. Петрозаводск, 1962.
- Филиппов Р. В.* Идеология большого общества пропаганды. 1869—1974. Петрозаводск, 1963.
- Филиппов Р. В.* Революционная народническая организация Н. А. Ишутина — И. А. Худякова (1865—1866). Петрозаводск, 1964.
- Филиппов Р. В.* Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863—1874). Петрозаводск, 1967.
- Фроммет Б.* Русский социализм и кооперация. Взаимоотношения социалистического и кооперативного движения в России в их историческом развитии. Пг., 1919.
- Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972.
- Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX в. М., 1967.
- Шамарин Э. В.* Государственно-правовые взгляды предшественников научного социализма в России. Киев, 1973.
- Шахматов Б. М. Л. О.* Бланки и революционная Россия (отзывы, влияния, связи). — Французский ежегодник. 1981. М., 1983.
- Штрэнге М. М.* Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВОЧНИКИ И УКАЗАТЕЛИ

- Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80-х годов. — Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е соверш. перераб. изд., т. 40. Собат — социализм. М., (1926). Приложение.
- Галин Г. А., Эймонтова Р. Г.* Революционные демократы России середины XIX века. Рекомендательный указатель литературы. М., 1972.
- Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 1, ч. I. От предшественников декабристов до 50-х годов XIX в.; ч. II. Шестидесятые годы. М., 1927—28; т. 2, вып. 1—4. Семидесятые годы. М., 1929—32; т. 3, вып. 1—2. Восьмидесятые годы (от А до З). М., 1933—34.
- Добровольский Л. М.* Запрещенная книга в России. 1825—1904. Архивно-библиографические разыскания. М., 1962.
- История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 2, ч. 1—2. 1801—1856. М., 1977—78; т. 3, ч. 1—4. 1857—1894. М., 1979—82.
- История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. М.—Л., 1962.
- История русской философии. Указатель литературы, изданной в СССР на русском языке в 1917—1967 гг. М., 1975, ч. 1—3.
- История русской философии. Указатель литературы, изданной в СССР на русском языке в 1968—1977 гг. М., 1981, ч. 1—2.
- Народничество в работах советских исследователей за 1953—1970 гг. Указатель литературы. Сост. Н. Я. Крайнева и П. В. Пронина. М., 1971.
- Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. М., 1959.
- Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979.
- Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1981—82, ч. 1—3.
- Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Листовки. М., 1977, ч. 1—3.
- Стуков Ю. И.* Революционные народники и первые рабочие-революционеры России середины 60-х — 80-х гг. XIX в. Рекомендательный указатель литературы. М., 1972.
- Эллидин М. К.* Библиографический каталог. Профили редакторов и сотрудников. Женева, 1906.
- Яковлев Гр.* Фердинанд Лассаль в русской литературе. Опыт библиографии произведений Лассалья и о Лассале на русском языке. Харьков. 1926.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

<i>АЛ</i>	Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения 1873—1875 гг. Л., 1970.
<i>Белинский</i>	<i>Белинский В. Г.</i> Собрание сочинений в девяти томах. М., 1976—82.
<i>ВЕ</i>	«Вестник Европы», журнал.
<i>Герцен</i>	<i>Герцен А. И.</i> Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1954—65.
<i>Герцен, ПСС</i>	<i>Герцен А. И.</i> Полное собрание сочинений и писем, т. 1—22. Пг., 1919—25.
<i>ГМ</i>	«Голос минувшего», журнал.
<i>Д</i>	«Дело», журнал.
<i>ДП</i>	«Дело петрашевцев», т. 1—3. М.— Л., 1937—51.
<i>ЖЗЛ</i>	«Жизнь замечательных людей» — биографическая серия издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
<i>«За пять лет». 1860</i>	«За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть первая Искандера». Лондон, 1860.
<i>К</i>	«Колокол», газета.
<i>Лавров</i>	<i>Лавров П. Л.</i> Избранные сочинения на социально-политические темы, т. 1—4. М., 1934—35.
<i>Ленин</i>	<i>Ленин В. И.</i> Полное собрание сочинений, т. 1—55, 5-е изд. М., 1958—65.
<i>ЛН</i>	«Литературное наследство», сборники.
<i>Маркс, Энгельс и рев. Россия</i>	К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
<i>МБ</i>	«Мир божий», журнал.
<i>Милютин</i>	<i>Милютин В. А.</i> Избранные произведения. М., 1946.
<i>Михайлов, Соч.</i>	<i>Михайлов М. Л.</i> Сочинения в трех томах. М., 1958.
<i>НЭЛ</i>	Народническая экономическая литература. Избранные произведения. М., 1958.
<i>Огарев</i>	<i>Огарев Н. П.</i> Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1—2. М., 1952—56.
<i>ОЗ</i>	«Отечественные записки», журнал.
<i>Петрашевцы</i>	Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. [М.], 1953.
<i>ПЗ</i>	«Полярная звезда», альманах.
<i>Писарев</i>	<i>Писарев Д. И.</i> Сочинения, т. 1—4. М., 1955—56.
<i>Писарев, ПСС</i>	<i>Писарев Д. И.</i> Полное собрание сочинений в шести томах. СПб., 1894—1907; Изд. 5-е. СПб., 1909—13.
<i>Плеханов</i>	<i>Плеханов Г. В.</i> Избранные философские произведения, т. 1—5. М., 1956—58.

- ПР* «Пламенные революционеры» — серия художественных биографий Издательства политической литературы ЦК КПСС.
- РБ* «Русское богатство», журнал.
- РН* Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов, т. 1—2. М.— Л., 1964—65.
- РС* «Русское слово», журнал.
- С* «Современник», журнал.
- Ткачев* *Ткачев П. Н.* Сочинения в двух томах. М., 1975—76.
- Ткачев, Избр. соч.* *Ткачев П. Н.* Избранные сочинения на социально-политические темы в семи томах, т. 1—6. М., 1932—37.
- Фонвизин* *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма, т. 1—2. Иркутск, 1979—82.
- Фурье* *Фурье Ш.* Избранные сочинения, т. 1—4. М.— Л., 1954.
- Чернышевский* *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений, т. 1—16. М., 1939—53.
- Шелгунов, Шелгунова, Михайлов* *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания в двух томах. {М.}, 1967.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Августин Блаженный Аврелий (354—430), родонач. христиан. философии истории — 117
- Агассис Жан Луи (1807—1873), швейц. и амер. (в США с 1846) естествоиспытатель-антидарвинист — 304, 309
- Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), рус. публицист, поэт, славянофил — 18
- Аксельрод Павел Борисович (1850—1928), участ. росс. рев. движения, социалист-народник, с 1883 чл. ГОТ, затем меньшевик, после 1917 эмигрант, враг Сов. власти — 436, 444, 445, 524, 544, 555
- Александр I (1777—1825), росс. император — 222
- Александр II (1818—1881), росс. император — 10, 47, 62, 185, 240, 244, 296, 313, 327, 334, 444, 447, 448, 455, 463, 465, 478, 483, 484, 494, 523, 525, 536, 555
- Александр III (1845—1894), росс. император — 466, 536
- Альбер Александр (1815—1895), фр. социалист — 164
- Андросов Василий Петрович (1803—1841), рус. экономист и писатель — 23, 24
- Аничков Виктор Михайлович (1830—1877), генерал, проф. Академии ген. штаба, ред. (вместе с Н. Г. Чернышевским и Н. Н. Обручевым) «Воен. сборника» — 352
- Анненков Павел Васильевич (1812 или 1813—1887), рус. публицист, лит. критик и мемуарист. Либерал-западник — 27
- Антонелли Петр Дмитриевич (1825—?), агент охраны, выдавший петрашевцев — 204
- Анфантен Бартеlemi Проспер (1796—1864), фр. социалист-утопист, последователь Сен-Симона, первосвященник («отец») сенсимонист, общины — 22, 23, 78, 80, 123, 150, 184, 396
- Аптекман Осип Васильевич (1849—1926), рев.-народник, позднее сблизился с большевиками, историк рус. рев. движения — 555
- Аргиропуло Перикл Эммануилович (1839—1862), рус. рев.-р, коммунист-утопист; в 1860—1861 вместе с П. Г. Заичневским создал рев. кружок яковин. направления — 49, 50, 163, 327
- Аристотель (384—322 до н. э.), древнегреч. философ и ученый-энциклопедист — 81, 522
- Ахшарумов Дмитрий Дмитриевич — 168, 184, 204, 210—213, 217
- Ахшарумов Дмитрий Иванович (1785—1837), рус. воен. деятель и историк, отец Д. Д. Ахшарумова — 211
- Бабеф Грахх, наст. имя Франсуа Ноэль (1760—1797), фр. коммунист-утопист,

* Указатель составлен ко всей хрестоматии, кроме библиографии. Объем сведений об именах определяется нуждами понимания текста. Имена тех русских социалистов, о которых в хрестоматии имеются биографические справки, не описываются. В указателе они выделены курсивом. В указателе употребляются (кроме содержащихся в Списке условных обозначений) сокращения названий революционных организаций: ЗВ — «Земля и воля», НВ — «Народная воля», ЧП — «Черный передел», ГОТ — «Группа «Освобождение труда», КМО — «Кирилло-Мефодиевское общество», а также рус.—русский, рев.—революционный, революция и др. общепонятные сокращения.

- деятель Вел. фр. рев., руководитель движения «во имя равенства» — 7, 38, 56, 114, 120, 142—144, 156, 164, 235, 236, 238, 320, 325, 396, 413
- Бабст Иван Кондратьевич (1823—1881), рус. бурж. экономист и историк — 18, 54, 283, 291, 295
- Базар Сент-Аман (1791—1832), фр. социалист-утопист, последователь Сен-Симона, вождь тайной организации карбонариев и первосвященник (вместе с Анфантемом) сенсимонист. общины — 184
- Бакулич В. Б., сов. историк — 51
- Бакунин Михаил Александрович — 26, 30, 49, 63—65, 67—69, 71—73, 93, 114, 165, 225, 368, 391, 392—394, 413, 414, 417, 444, 445, 484, 496, 511
- Баласогло Александр Пантелеймонович (1813—1880-е гг.), поэт, петрашевец, демократ — 168
- Балланш Пьер Симон (1776—1847), фр. писатель, философ-идеалист — 90
- Барро Одилон (1791—1873), фр. полит. деятель — 182
- Барро (Баро) Пьер Антуан Казимир (1799—1869), фр. публицист, социалист, с 1830 один из лидеров сенсимонистов — 23
- Бартнев Виктор Иванович (1838—1918), рус. рев-р — 445
- Бастия Фредерик (1801—1850), представитель фр. вульгар. политэкономии — 414
- Баховен Иоганн Якоб (1815—1887), швейц. историк права и семьи — 309
- Белинский Виссарион Григорьевич — 14, 26, 28, 31, 32, 36, 47, 92—94, 109—111, 187, 239, 286, 394
- Белозерский Василий Михайлович (1825—1899), укр. либер. публицист — 25
- Бентам Иеремия (1748—1832), англ. философ, социолог, юрист — 283
- Беранже Пьер Жан (1780—1857), фр. поэт-песенник, демократ, близкий к идеям утопич. социализма — 184, 212, 297
- Берви-Флеровский Василий Васильевич (Вильгельм Вильгельмович) — 15, 49, 63, 64, 68, 71, 437, 445—448, 462, 463
- Бердяев Аркадий Васильевич (ок. 1820—?), рус. либер. общ. деятель — 23
- Бехер Эрнест, автор кн. «Рабочий вопрос...» — 368, 374, 376, 391
- Бибилов Петр Алексеевич (1832—1875), рус. публицист и переводчик, демократ — 352
- Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815—1898), рейхсканцлер Герм. империи в 1871—1890 — 399, 481
- Благосветлов Григорий Евлампиевич (1824—1880), рус. публицист, демократ и социалист, член ЗВ 1860-х гг., изд.-ред. РС и Д — 16, 49, 62, 64, 312, 353
- Блан Луи (1811—1882), фр. утопич. социалист, в рев. 1848 чл. Врем. правительства и глава Люксембургской комиссии, вел соглашат. политику — 26, 32, 93, 111, 151, 165, 166, 208, 271, 273, 284, 297, 327, 336, 363, 372, 373, 393, 396—398, 413
- Бланки Луи Огюст (1805—1881), фр. коммунист-утопист, участ. рев. 1830 и 1848, организатор ряда тайных обществ и заговоров — 56, 141, 153, 165, 166
- Боборыкин Петр Дмитриевич (1896—1921), рус. писатель — 367
- Болотников Иван Исаевич (? — 1608), предводитель крестьян. восстания 1606—1607—518
- Боткин Василий Петрович (1811 или 12—1869), рус. писатель, западник, либерал, в 1830—1840-х гг. был близок с В. Г. Белинским, А. И. Герценом, с конца 1850-х гг. противник рев. демократии — 23, 27, 93, 109, 110, 187
- Брайт Джон (1811—1889), лидер англ. либералов — 295
- Будда (Шакья Муни и др., наст. имя Сиддхартхе Гаутама) (623—544 до н. э.), основатель религии буддизма — 519
- Булавин Кондратий Афанасьевич (ок. 1660—1708), донской казак, предводитель антифеод. восстания — 517
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), рус. реакц. писатель и журналист, полит. доносчик — 28
- Буонаротти Филиппо Микеле (1761—1837), деятель рев. движения Франции и Италии, утопист-коммунист, якобинец, соратник и продолжатель идей Бабефа — 238, 396
- Бурбоны, королев. династия во Франции в 1589—1792, 1814—1815, 1815—1830 — 473, 480
- Бутаевич-Петрашевский Михаил Васильевич — 15, 27, 29, 31, 34, 42, 75, 132, 167—169, 183, 184, 186, 203, 204, 209, 212, 217, 463
- Бутовский Александр Иванович (1817—1890), рус. вульгар. экономист, крупн. чиновник — 186, 187, 202
- Бэкон Френсис (Фрэнсис) (1561—

1626), родоначальник англ. материализма, автор утопич. романа «Новая Атлантида» (1627) — 85, 162, 202

Бэр Карл Максимович (Карл Эрнст) (1792—1876), рус. естествоиспытатель — 469, 471, 480

Бюргер Годфрид Август (1747—1794), нем. поэт-просветитель — 164

Бюше Филипп Жозеф (1796—1865), фр. историк, один из идеологов христиан. социализма — 85, 90

Вайян Эдуар Мари (1840—1915), фр. рев-р, социалист-бланкист, чл. Париж. коммуны и Ген. совета I Интернационала — 368

Валлес Жюль (1832—1885), фр. писатель, рев-р-социалист, чл. Париж. коммуны и I Интернационала — 364

Валлич Э. И., сов. историк — 22

Варзар (Варзер) Василий Егорович (1851—1940), рус. сов. экономист-статистик, в молодости был близок к народникам-лавристам, участ. «хождения в народ» — 72, 445

Ващенко Эрст Герасимович (1825—?), петрашевец, чл. кружка Н. С. Кашкина — 184, 210

Вейтлинг Вильгельм (1808—1871), основоположник нем. социалистич. литературы, сторонник уравнил. коммунизма — 393

Вернадский Иван Васильевич (1821—1884), рус. бурж. экономист — 324

Виленская Э. С., сов. историк — 62

Витберг Александр Лаврентьевич (1787—1855), рус. художник и архитектор — 91

Владимир Святославович (? — 1015), князь новгородский с 969, киевский — с 980, ввел на Руси христианство — 135

Вовчок Марко, наст. имя и фам. — Мария Александровна Вилинская-Маркович (1833—1907), укр. и рус. писательница рев.-демокр. направления — 295

Водовозов Василий Васильевич (1864—1933), рус. мелкобурж. публицист, юрист и экономист, в 1926 эмигрировал — 27

Волгин В. П., сов. историк — 91

Володин А. И., сов. философ — 23

Волховский Феликс Вадимович (1846—1914), рус. рев-р-народник, поэт и публицист, в 1900-е гг. эсер — 62, 524

Вольтер, наст. имя Мари Франсуа Аруэ (1694—1778), фр. писатель и философ-просветитель — 105

Воронцов Василий Павлович (1847—1918), рус. экономист, социолог и публицист, с 1880-х гг. один из идеол. либер. народничества, противник марксизма — 544

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), рус. поэт и лит. критик — 24

Гагг Луиза Ивановна (1795—1851), мать А. И. Герцена — 112

Гагарин Павел Павлович (1789—1872), чл. следств. комиссии по делу петрашевцев, председ. суда над ишутинцами, в 1864—1872 председ. Комитета министров — 209

Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893/94), рус. публицист, демократ, затем либерал, народник — 64

Гакстаузен Август (1792—1866), прусский чиновник, экономист, путешествовал по России, издал труд о рус. общине — 33, 128, 129, 136, 163, 246, 264, 283

Галицкий П. А., автор рукописи «Секты социалистов» (конец 1830-х гг.) — 23

Галлер Карл Людвиг (1768—1854), швейц. гос. деятель, историк и юрист — 451, 462

Гарибальди Джузеппе (1807—1882), народ. герой Италии, один из вождей рев.-демокр. крыла движения за объединение Италии — 146, 394, 480, 526

Гаррингтон (Харрингтон) Джеймс (1611—1677), англ. публицист периода бурж. рев. Разработал конституцию утопич. бурж.-дворянской республики («Республика Океания», 1656) и пытался осуществить ее — 202

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), нем. философ-идеалист и диалектик — 26, 31, 88, 160, 166, 204, 222, 223, 239, 284, 369, 392

Гейне Генрих (1797—1856), нем. поэт и публицист, рев. демократ — 297, 336, 350

Геккер Фридрих Франц Карл (1811—1881), нем. мелкобурж. демократ, один из руков. республикан. восстания в Бадене (1848) — 271, 285

Генрих IV (1553—1610), король Франции с 1589, первый из династии Бурбонов; отменил недоимки с крестьян. Легенда приписывает ему проект «христиан. республики» в Европе — 146, 165

- Гервер (Хервер) Георг (1817—1875), нем. рев.-демократич. поэт и публицист — 162, 393
- Герцен Александр Иванович — 6, 13—15, 18—20, 22—24, 28, 29, 31—35, 37—43, 46, 48—50, 55, 56, 59, 60, 63—67, 69, 76—81, 83—91, 110, 112—114, 117, 144, 153, 161—165, 183, 220, 224—226, 239, 284—286, 296—298, 311, 324, 327, 334, 337, 352, 353, 364, 369, 392—394, 416, 444, 483, 534
- Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832), нем. поэт, натуралист, философ — 124
- Гизо Франсуа (1787—1874), фр. историк и гос. деятель — 89, 182, 210, 284, 325
- Гильдебранд Бруно (1812—1878), нем. экономист и статистик, противник социализма — 54
- Гнейст Генрих Рудольф (1816—1895), нем. бурж. юрист и полит. деятель — 316, 324
- Гоббс Томас (1588—1679), представитель англ. механистич. материализма — 183, 522
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), рус. писатель-реалист — 12, 93, 104, 110, 168
- Голицын Александр Федорович (1796—1864), рус. гос. деятель, в 1849 председ. комиссии по разбору и анализу бумаг петрашевцев, с 1862 председ. Особой следств. комиссии по борьбе с рев. движением — 27, 209
- Головинский Василий Андреевич (1829—1874?), петрашвец, сторонник крестьян. восстания — 132, 168
- Голубева (Яснева) Мария Петровна (1861—1936), участница рос. рев. движения с 1880-х гг., якобинка (под влиянием П. Г. Заичневского), с 1901 член КПСС — 326
- Гончаров Иван Александрович (1812—1891), рус. писатель — 287, 445
- Гранже Е., фр. бланкист — 368
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829), рус. писатель — 295
- Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864), рус. лит. критик, поэт — 321
- Григорьев Николай Петрович (1822—1886), петрашвец — 132
- Гроссман Л. П., сов. писатель — 24
- Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901), рус. воен. и гос. деятель — 519, 522
- Гюго Виктор Мари (1802—1885), фр. писатель-демократ — 79, 150, 223, 300, 308
- Д'Аламбер Жан Лерон (1717—1783), фр. математик, механик и философ-просветитель — 416
- Даниельсон Николай Францевич (1844—1918), рус. экономист и публицист, в 1860—1870-х гг. близок к рев. народникам, перевел «Капитал» К. Маркса, корреспондент К. Маркса и Ф. Энгельса, с 1880-х гг. один из лидеров либерал. народничества — 451, 552
- Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885), рус. публицист, социолог и естествоиспытатель, в 1840-е гг. петрашвец, фурьерист, впоследствии панславист — 29, 184
- Данте Алигьери (1265—1321), итал. поэт-гуманист — 97
- Дантон Жорж Жак (1759—1794), деятель Вел. фр. рев., один из вождей якобинцев — 160
- Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882), англ. естествоиспытатель, создатель дарвинизма — 309, 451, 462, 465, 476, 481
- Дарте Огюстен Александр (1765—1797), деятель Вел. фр. рев., якобинец, затем бабувист, участ. в «заговоре равных» — 413
- Де Боу Джеймс Дэнвуди Браунсон (1820—1867), амер. экономист, статистик и журналист — 228, 238
- Дебу Ипполит Матвеевич (1824 или 1819—1890), петрашвец, впоследствии переводчик соч. Ф. Энгельса и К. Каутского — 168, 184, 204, 210, 212
- Дебу Константин Матвеевич (1810—1868), петрашвец — 168, 184, 204, 210, 212, 217
- Дейч Лев Григорьевич (1855—1941), участник рос. рев. движ., чл. *ЗВ* и *ЧП*, затем *ГОТ*, социал-демократ, меньшевик, после 1917 историк рев. движения — 511, 544, 547, 555
- Дидро Дени (1713—1784), фр. философ-материалист, писатель, идеолог рев. фр. буржуазии — 287, 416
- Дионисий I Старший (Сиракузский) (ок. 432—367 до н. э.), тиран Сиракуз с 406—149
- Добролюбов Николай Александрович — 35, 47—49, 240, 242, 286—298, 367, 436, 437, 524
- Долгушин Александр Васильевич (1848—1885), рев. народник, социалист, в 1869 организатор кружка «сибиряков», в 1872—1873 — кружка «долгушинцев» бунтар. направления, предшеств. «хождения в народ» — 71, 448, 497

- Достоевский Михаил Михайлович (1820—1864), рус. писатель и публицист, с 1847 петрашевец, в 1861—1864 ред. ж. «Время» и «Эпоха», органов почвенников, брат Ф. М. Достоевского — 168, 351, 367
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), рус. писатель, в 1847—1849 петрашевец. С 1860-х гг. с позиций почвенничества и христиан. социализма критиковал революционеров — 12, 29, 71, 132, 168, 169, 351, 367, 445
- Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895), укр. публицист, историк, фольклорист, бурж. либерал — 392, 524
- Дрепэр (Дрейпер) Джон Уильям (1811—1882), амер. естествоиспытатель, философ позитивист. направления, к социализму относился враждебно — 513, 521
- Дуров Сергей Федорович (1816—1869), петрашевец, поэт — 168, 184
- Дюринг Евгений (1833—1921), нем. философ-эклектик, противник марксизма — 521
- Евклид (3 в. до н. э.), древнегреч. математик — 136
- Европеус Александр Иванович (1827—1885), петрашевец, экономист, в 1850—1860-х гг. был одним из руков. либерал. тверского дворянства, сотр. в С — 168, 184, 210, 217
- Европеус Павел Иванович (1829—1872), петрашевец — 184
- Егоров Б. Ф., сов. литературовед — 29
- Екатерина II (1729—1796), росс. императрица с 1762 — 313, 315
- Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), рус. воен. и гос. деятель — 218
- Есаков Евгений Семенович (1825—?), петрашевец — 184
- Есаулов — 210
- Жаклар Шарль Виктор (1840—1903), участн. Париж. коммуны, близкий к бланкистам — 354
- Желябов Андрей Иванович — 523—526, 532
- Жеребцов Николай Арсениевич (1807—1868), историк и публицист славянофил. ориентации — 288, 294
- Жуковский Николай Иванович (1833—1895), рус. рев-р — 63, 413, 445
- Жуковский Юлий Галактионович (1833—1907), рус. экономист-эклектик, публицист, историк общ. мысли. Противник марксизма — 353, 367, 369, 370, 372, 390, 391, 465
- Заболоцкий-Десятовский Андрей Парфенович (1808—1881), рус. гос. деятель, экономист и писатель — 110
- Завалишин Дмитрий Иринархович (1804—1892), декабрист — 298
- Загорский (Загурский) Ян (1842—1909), польск. рев-р, участ. восст. 1863, сторонник М. А. Бакунина — 413
- Заичневский Петр Григорьевич — 15, 49, 50, 54, 55, 163, 326—328, 334, 368
- Зайончковский П. А., сов. историк — 25, 27
- Зайцев Варфоломей Александрович (1842—1882), рус. публицист-социалист, лит. критик, в 1860-х гг. сотр. РС, ОЗ, загранич. газ. «Общее дело» (с 1877) — 16, 49, 64, 353, 354, 364, 391
- Засулич Вера Ивановна (1849—1919), участница росс. рев. движ., народница, чл. ЦП, в 1883 один из орг. ГОТ, затем социал-демократка, меньшевичка — 417, 496, 511, 544, 551, 565
- Захарьина (Герцен) Наталья Александровна (1822—1852), жена А. И. Герцена — 86, 91
- Зибер Николай Иванович (1844—1888), рус. экономист, один из первых популяризаторов эконо. учения К. Маркса в России — 394, 521, 522
- Зильберфарб И. И., сов. историк — 27, 32
- Иванов Иван Иванович (?—1869), рус. рев-р, студент — 414
- Иванчин-Писарев Александр Иванович (1849—1916), рев. народник, чл. кружка «чайковцев», ЗВ, НВ, с 1893 чл. ред. РБ — 72, 445
- Иванюков Иван Иванович (1844—1912), рус. либерал. историк — 18
- Игнатов Василий Николаевич (1854—1885), рус. рев-р, с 1870-х гг. народник, с 1883 чл. ГОТ — 544
- Изабелла II (1830—1904), исп. королева в 1833—1868 — 474, 480
- Итенберг Б. С., сов. историк — 68
- Ишутин Николай Андреевич (1840—1879), рус. рев-р, организатор и руков. тайн. рев. об-ва в Москве в 1863—1866 (ишутинцы) — 61, 62, 367, 437, 445, 465
- Кабе Этьен (1788—1856), фр. публицист, идеолог утопич. «мирного коммунизма» — 114, 150, 164, 165, 212, 306, 309, 396—398, 419

- Кавеньяк Луи Эжен (1802—1857), фр. генерал и гос. деятель. Душитель июньского (1848) восстания в Париже — 244
- Кавур Камилло Бенсо (1810—1861), итал. умеренно-либер. общ. и гос. деятель — 146, 164
- Каковский Иван Павлович (1859—1881), рус. рев-р-народник с середины 1870-х гг., народоволец — 525, 533
- Калиновский Константин Семенович (Кастусь) (1838—1864), белорус. рев. демократ, в 1863—1864 возглавил крест. восстание. Казнен — 49
- Кампанелла Томмазо (1568—1639), итал. философ, поэт, полит. деятель, создатель коммунистич. утопии. Автор книги «Город Солнца» — 7, 123, 202
- Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866), рев-р, ишутинец, 4 апр. 1866 стрелял в Александра II — 47, 62, 63, 354, 437, 444, 455, 463, 465
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), рус. писатель, историк, идеолог просвещенного абсолютизма — 21, 22
- Карл X (1757—1836), фр. король в 1824—1830. Свергнут Иол. рев. — 249
- Карлейль Томас (1795—1881), англ. историк, философ и публицист — 364
- Катенев Василий Петрович (1830—1856), литератор, петрашевец — 204
- Катон Младший (или Утический) (95—46 до н. э.), республиканец в Др. Риме — 180
- Кашкин Николай Сергеевич (1829—1914), петрашевец, у него собирався кружок так наз. «чистых фуьрьеристов» — 132, 168, 184, 204, 212
- Кенэ Франсуа (1694—1774), фр. экономист, основоположник школы физиократов, объясняющих происх. капитала из процесса производства — 38
- Кетчер Николай Христофорович (1809—1886), рус. писатель и переводчик, в 1831 входил в кружок А. И. Герцена и Н. П. Огарева, затем перешел на бурж.-либерал. позиции — 86—88
- Кибальчич Николай Иванович* — 534—536, 542
- Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), рус. религ. философ, лит. критик и публицист, славянофил — 12
- Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), рус. гос. деятель, участвовал в подготовке крест. реформы 1861—185
- Клемм Фридрих Густав (1802—1867), нем. бурж. историк и литературовед — 304, 309
- Клеопатра (69—30 до н. э.), царица Египта — 483, 487
- Клибанов А. И., сов. историк — 20
- Коваленский Михаил Николаевич (1874—1923), рус. историк — 66
- Ковальский Иван Мартынович (1850—1878), рев. народник, чл. «Общества народ. освобождения». Расстрелян — 368
- Коган Л. А., сов. философ — 20
- Козьмин Б. П., сов. историк — 56, 60, 364
- Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842), рус. поэт-демократ — 149, 165, 285
- Колюпанов Николай Петрович (1827—1894), рус. либер. публицист и общ. деятель — 39
- Консидеран Виктор (1808—1893), фр. социалист-утопист, последователь Ш. Фурье. Выдвинул идеи «примирения классов» (через производит. ассоциации) и «чистой демократии», в 1832—1849 ред. ж. «Фаланстер», «Фаланга», основатель газ. «Мирная демократия» (1843—1851) — 26, 32, 325, 397
- Константин Николаевич (1827—1892), вел. князь, 2-й сын Николая I — 489
- Конт Огюст (1798—1857), фр. философ, был секретарем Сен-Симона, один из основоположников позитивизма и бурж. социологии — 204, 238, 309, 336, 348, 397
- Костомаров Николай Иванович (1817—1885), рус. и укр. историк, писатель, один из руков. бурж.-либерал. крыла КМО (1846—1847) — 27
- Кошелев Александр Иванович (1806—1883), рус. общ. деятель, славянофил, автор умеренно-либерал. проектов крестьян. реформы — 39, 40
- Краевский Андрей Александрович (1810—1889), рус. издатель и журналист умеренно-либерал. направления — 93
- Кривенко Сергей Николаевич (1847—1906), рус. публицист-народник, с 1890 правый либерал народник — 69
- Кромвель Оливер (1599—1658), деятель Англ. бурж. рев., с 1853 диктатор Англии — 160
- Кропоткин Александр Алексеевич (1840—1866), рус. общ. деятель, ученый — 483
- Кропоткин Петр Алексеевич* — 15, 49, 68, 482—485, 493, 543
- Куприянов Михаил Васильевич (1854—1878), рус. рев-р-народник, «чайковец» — 368
- Курне Фредерик Этьен (1839—1885), фр. журналист, бланкист — 368

- Курочкин Василий Степанович (1831—1875), рус. поэт-демократ, в 1861—1863 один из руков. *ЗВ*, изд. сатирич. ж. «Искра» (1859—1873) — 212
- Курочкин Николай Степанович (1830—1884), рус. поэт-демократ, петрашевец, с 1861 чл. *ЗВ* — 65
- Кюстин Адольф (1790—1857), фр. путешественник, писатель-монархист, автор кн. «Россия в 1839 году» (1843), содержащей отрицательную характеристику самодержавия — 129
- Лавелз (Лавале) Эмиль Луи Виктор де (1822—1892), бельг. экономист и социолог — 385
- Лавров Петр Лаврович — 15, 49, 63, 65, 69, 71, 73, 161, 225, 241, 242, 298, 310, 354, 368, 387, 414, 418, 443—445, 465, 475, 481, 496, 511, 542, 543
- Ламенне Фелисите Робер де (1782—1854), фр. публицист и религ. философ, один из родонач. христиан. социализма — 24, 25, 495
- Лассаль Фердинанд (1825—1864), нем. мелкобурж. социалист, родонач. разновидности оппортунизма (лассальянства) в рабоч. движении — 152, 160, 166, 336, 414
- Лафарг Поль (1842—1911), один из основателей фр. рабочей партии, чл. I Интернационала, теоретик марксизма — 415
- Лебассю Жозефина, фр. писательница, автор ром. «Сенсимонистка» (1830-е гг.) — 24
- Лейбниц Годфрид Вильгельм (1646—1716), нем. философ-идеалист — 162, 522
- Лемке Михаил Константинович (1872—1923), сов. историк — 28, 37
- Ленин (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924), учитель и вождь трудящихся всего мира, продолжатель дела К. Маркса и Ф. Энгельса в эпоху империализма и социалист. революций, организатор КПСС и основатель Советского гос-ва — 6—8, 10, 11, 13—15, 17, 19, 23, 29, 34, 37, 39, 43, 46, 48, 63, 67, 71, 73, 74, 93, 113, 114, 241, 368, 466, 485, 526, 545
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), рус. поэт — 93
- Леру Пьер (1797—1871), фр. философ, последователь Сен-Симона, один из основат. христиан. социализма. Ввел слово «социализм» — 24, 26, 110, 150, 165, 208, 327, 393
- Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781), теоретик нем. Просвещения, основоположник нем. классич. литературы — 240, 287
- Лефранс Гюстав Адольф (1826—1901), участ. рев. 1848 во Франции, чл. I Интернационала и Париж. коммуны, примыкал к прудонистам и бакунистам — 354
- Ликург, легендар. греч. законодатель (9—8 вв. до н. э.) — 519
- Линней Карл (1707—1778), швед. естествоиспытатель — 522
- Линтон Вильям (Уильям) Джемс (1812—1897), англ. поэт, публицист и художник, чартист — 163
- Липперт Карл Роберт, нем. журналист, переводчик, сотр. *ОЗ* 1840-х гг. — 27, 110
- Липранди Иван Петрович (1790—1880), историк и публицист, чиновник мин-ва внутр. дел, вел наблюдение за петрашевцами, входил в комис. по разбору их бумаг — 29
- Лициний Валерий Лициниан (ок. 250—325), рим. император в 308—324 — 24, 91
- Лопатин Герман Александрович (1845—1918), рев. народник, организатор (вместе с Ф. Волховским) «Рублевого об-ва» (1868), поэт, друг К. Маркса, первый переводчик «Капитала» на рус. яз., с 1870 чл. Ген. совета I Интернационала — 62, 65, 242, 417, 445
- Лоренц Фридрих Карлович (1803—1861), рус. историк — 109
- Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), сов. гос. и парт. деятель — 299
- Львов Федор Николаевич (1823—1885), петрашевец, позднее сотр. в изд. А. И. Герцена и в С — 168, 184
- Людовик XV (1710—1774), фр. король с 1715—104
- Людовик XVIII (1765—1824), фр. король с 1814—1815 и 1815—1824 — 249
- Людовик-Филипп (Луи-Филипп) (1773—1850), фр. король в 1830—1848 — 159, 182, 539
- Лютер Мартин (1483—1546), деятель Реформации в Германии, основатель лютеранской религии — 81, 177, 261
- М. В., корреспондент Ф. Буонаротти (или Г. Бабефа) — 235, 238
- Мабли Габриэль Бонно де (1709—1785), фр. социальный утопист, приверженец уравнит. аскетич. коммунизма — 7
- Мадзини (Маццини) Джузеппе (1805—

- 1872), вождь демократич. крыла движ. за нац. независимость и объединение Италии, организатор тайных обществ («Молодая Италия» и др.). В 1849 глава правительства Итал. республики — 146, 147, 480
- Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), рус. поэт — 309
- Майков Валериан Николаевич (1823—1847), рус. лит. критик и публицист, ред. «Карманного словаря иностр. слов» петрашевцев (в I. 1845), сотр. *ОЗ* и *С* — 30, 168, 186
- Макиавелли Никколо (1469—1527), итал. полит. мыслитель, сторонник сильной власти в гос-ве (в т. ч. лобыми средствами) — 370, 371, 391
- Маликов Александр Капитонович (1839—1904), рус. общ. деятель — 71
- Мальтус Томас Роберт (1766—1834), англ. бурж. экономист, автор антинауч. теории прогрессирующего «абсолют. избытка» народонаселения как оправдания социал. неравенства — 129, 187, 190, 193, 320, 325, 451, 452, 515, 522
- Марешаль, сенсимонист — 23
- Маркевич Николай Андреевич (1804—1860), укр. историк и поэт — 110
- Маркс Карл (1818—1883), основоположник науч. коммунизма, учитель и вождь междунар. пролетариата — 7, 26, 31, 38, 39, 42, 44, 64, 66, 67, 240, 242, 287, 307, 325, 327, 365, 368, 369, 390, 391, 393, 394, 417, 437, 440, 445, 446, 447, 462, 465, 494—496, 499, 508, 511, 513, 515, 519, 521, 522, 533, 535, 538, 542, 543, 545—547, 550, 551, 554—555
- Маурер Георг Людвиг (1790—1872), нем. историк и юрист — 385
- Мезенцов Николай Владимирович (1827—1878), рус. гос. деятель, с 1864 нач. штаба корпуса жандармов, с 1876 шеф жандармов. Убит С. М. Степняком-Кравчинским — 497, 509
- Мелье Жан (1664—1729), фр. философ-материалист, атеист, утопист-коммунист — 7
- Мехмед (Мехмет) II эль фатих («Завоеватель») (Османлис?) (1432—1481), турец. султан в 1444 и с 1451, захвативший Константинополь (1453) — 143, 164
- Мечников Лев Ильич (1838—1888), рус. географ и социолог. В рев. движении с 1856, в 1860 сражался в отрядах Дж. Гарибальди, сотр. в *К*, *С*, *ОЗ* — 61, 64
- Милль Джон Стюарт (1806—1873), англ. экономист, один из основателей позитивист. философии, сторонник бурж. реформизма — 44, 51, 147, 232, 239, 240, 267, 270, 273, 274, 284, 285, 309, 353, 364
- Милоков Александр Петрович (1817—1897), рус. общ. деятель, писатель, был близок к петрашевцам — 24, 168
- Милютин Владимир Алексеевич — 32, 33, 42, 168, 185—187, 202, 239
- Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), рус. воен. и гос. деятель, в 1861—1881 воен. министр, умеренный либерал — 185
- Милютин Николай Алексеевич (1818—1872), рус. гос. деятель, фактич. руководитель работы по подготовке крестьян. реформы 1861 — 185
- Минье Франсуа Огюст Мари (1796—1884), фр. историк — 325
- Мирабо Оноре Габриель Рикети (1749—1791), деятель Вел. фр. рев., тайный агент королев. двора — 449
- Михайлов Ларион Михайлович (?—1845), отец М. Л. Михайлова — 297
- Михайлов Михаил Ларионович (Илларионович) — 49, 52, 53, 153, 296—299, 300, 308, 311, 312, 324, 367
- Михайлов Тимофей Михайлович (1859—1881), рус. рев.-р, чл. *НВ*, участ. покушения на Александра II 1 марта 1881. Казнен — 524
- Михайловский Николай Константинович — 15, 63, 68, 391, 416, 464—466, 480, 483, 544, 555
- Мишле Жюль (1798—1874), фр. мелкобурж. историк-романтик — 309
- Мольер, наст. имя и фам. Жан Батист Поклен (1622—1673), фр. драматург — 149, 309
- Момбелли Николай Александрович (1823—1902), петрашовец, автор проекта «Братства взаим. помощи» — 132, 168, 184
- Мор Томас (1478—1535), англ. гуманист, гос. деятель и писатель, создатель одной из первых соц. утопий (от назв. кн. «Утопия», 1516) — 7, 22, 120, 162, 202, 370, 371
- Мордвинов Николай Александрович (1827—1884), петрашовец, социалист, в 1855 распространял соч. А. И. Герцена, в 1859 познакомился с Н. Г. Чернышевским, в 1860-х гг. сблизился с *ЗВ* — 24
- Морелли, представитель раннего фр. утопич. коммунизма XVIII в. — 7, 179, 180, 184, 202
- Мрочковский Валериан (1840—1889), участ. польск. восст. 1863, предста-

- витель демокр. крыла польской эмиграции, бакунист — 418
- Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866), рус. гос. деятель. За жестокость при подавлении польск. восст. 1863 прозван «вешателем». В 1866 возглавлял Верховную следств. комиссию по делу Д. В. Каракозова — 310
- Мышкин Ипполит Николаевич (1848—1885), рус. рев-р-народник, социалист. Расстрелян — 72, 249
- Мэн (Мен, Мейн) Генри Джеймс Самнер (1822—1888), англ. юрист и историк права — 385
- Мюнцер Томас (ок. 1490—1525), нем. рев-р, вождь плебейско-крестьян. масс в Германии в период крестьян. войны 1525—7, 123, 142
- Надеждин Николай Иванович (1804—1856), рус. критик, историк и этнограф — 93
- Налбандян Микаэл (Налбандов Михаил Лазаревич) (1829—1866), армян. рев. демократ. В нач. 1860-х гг. участ. в деятельности рев. эмиграции, в обсуждении проекта прог. ЗВ. Социалистич. взгляды изложил в ст. «Две строки» (1861) и «Земледелие как верный путь» (1862) — 48, 49
- Накэ А., фр. полит. деятель, вместе с М. А. Бакуниным входил в состав лев. крыла «Лиги мира и свободы» (1867—1868) — 413
- Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), фр. император в 1804—1814 и 1815—158
- Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808—1873), фр. император в 1852—1870 — 165, 295, 308, 333, 399, 481
- Негрескул Михаил Федорович (ок. 1843—1871), участ. студ. движения — 65
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877/78), рус. поэт, рев. демократ, с 1847 по 1866 (совместно с И. И. Панаевым) изд.-ред. С и в 1868—1877 ред.—ОЗ (с М. Е. Салтыковым-Щедриным и Г. З. Елисеевым) — 16, 64, 93, 465
- Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1882), организатор тайн. об-ва «Народ. расправа» и одноим. журнала (совместно с М. А. Бакуниным), автор «Катехизиса революционера», проповедовал иезуитское правило «цель оправдывает средства», использовал мистификации и провокации. Нечаевщина осуждена I Интернационалом и отвергнута рус. рев.—65—68, 225, 367, 394, 414, 445
- Никитенко Александр Васильевич (1804—1877), рус. лит. критик, историк литературы, цензор. В 1847—1848 — офиц. ред. С — 28, 204
- Николадзе Нико (Николай) Яковлевич (1843—1928), груз. и рус. общ. деятель, публицист, лит. критик. В 1860-х гг. сотр. С и К, участ. в деятельности «молодой эмиграции», с 1881 сотр. ОЗ — 49, 60, 64
- Николаев Петр Федорович (1844—1910), рус. рев-р, публицист, социолог. Участ. студ. движения 1860-х гг., чл. организации ишутинцев (написал для нее проект устава и план будущ. обществ. строя), рев. народник. На ка-торге встречался с Н. Г. Чернышевским. Один из организат. партии «Народ. право» — 54, 55
- Николай I (1796—1855), росс. император с 1825 — 10, 23, 76, 112, 163, 169, 185, 225, 286, 448, 481
- Ножин Николай Дмитриевич (1841—1866), рус. рев-р, биолог-дарвинист, социолог, чл. ЗВ, был близок к ишутинцам — 465
- Ньютон Исаак (1643—1727), англ. математик, основатель классич. физики — 263
- Оболенский Евгений Петрович (1796—1865), декабрист, республиканец, нач. штаба восстания, участ. подготовки крестьян. реформы 1861—223
- О'Брайен Джеймс (1802—1864), англ. журналист, деятель чартистского движения — 413
- Обручев Владимир Александрович (1836—1912), участ. рев. движения 1860-х гг., сотр. С (с 1859), был причастен к «Великоруссу» — 49, 352
- Обручев Николай Николаевич (1830—1904), рус. воен. и гос. деятель, участ. рев.-демокр. движения, один из организат. ЗВ 1860-х гг. — 48, 238
- Овсянник-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853—1920), рус. литературовед и языковед — 392, 445
- Огарев Николай Платонович — 6, 20, 22—24, 29, 31, 48—50, 59—61, 63, 64, 76—78, 80—83, 85—91, 112—114, 224—226, 237, 238, 296, 297, 311, 327, 367, 392, 393, 413, 444, 509, 534
- Огарев Платон Богданович (?—1838), отец Н. П. Огарева — 224
- Огарева Марья Львовна, урожд. Рославлева (?—1853), первая жена Н. П. Огарева — 89

- Одоевский Владимир Федорович (1803 или 1804?—1869), рус. писатель и философ-идеалист — 30, 110
- Оливье Эмиль (1825—1913), фр. гос. и общ. деятель — 294, 295
- Ольшевский Леонид, участ. рев. движения 1860-х гг., в 1862 вместе с П. Н. Ткачевым создал кружок, близкий *ЗВ* — 369
- Орлик О. В., сов. историк — 23
- Островский Александр Николаевич (1823—1886), рус. драматург — 287
- Оуэн Роберт (1771—1858), англ. социалист-утопист — 7, 51, 62, 138, 142, 143, 150, 164, 174—176, 257, 265, 289, 291, 320, 321, 336
- Павленков Флорентий Федорович (1839—1900), рус. книгоиздатель — 91
- Пакстон Джозеф (1803—1865), англ. архитектор и садовод — 285
- Пальм Александр Иванович (1822—1885), рус. писатель, петрашевец — 16, 168, 187
- Панаев Иван Иванович (1812—1862), рус. писатель и журналист — 93
- Пантин И. К., сов. философ — 36, 63
- Пенн Уильям (1644—1718), англ. полит. деятель, принадлежал к религ. секте квакеров, основал колонию в Сев. Америке (ныне штат Пенсильвания) — 24, 87, 91
- Перейр (Перейра) Эмиль (1800—1875), фр. банкир, полит. публицист, с 1829 по 1834 входил в сенсимонист. общину — 150, 165
- Перовская Софья Львовна (1853—1881), рев. народница, входила в организацию «чайковцев», *ЗВ*, в исполком *НВ*, организатор и участ. покушений на Александра II. Казнена — 524
- Перро Шарль (1628—1703), фр. писатель, сказочник — 163
- Пестель Павел Иванович (1793—1826), декабрист, основатель «Южн. общества», республиканец. Казнен — 22, 76
- Петр I Великий (1672—1725), рус. царь с 1682, росс. император с 1721—13, 89, 130, 141, 165
- Петров Антон Петрович (1824—1861), крестьянин, в апр. 1861 в с. Бездна возглавил выступление крестьян против грабит. реформы. Расстрелян — 330, 334
- Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885), рус. общ. деятель, философ, поэт, утопич. христиан. социалист в духе Ф. Ламенне — 23, 29
- Пий IX (1792—1878), с 1846 папа римский — 481
- Пиль Роберт (1788—1850), англ. премьер-министр — 137, 164
- Писарев Дмитрий Иванович — 17, 18, 49, 55, 59, 65, 335—337, 351, 353, 391, 416, 424, 437, 555
- Платон (428 или 427—348 или 347 до н. э.), древнегреч. философ-идеалист. Автор социальной утопии — республики философов с сохранением рабства — 85, 165, 180, 202, 289, 304, 317, 324
- Плеханов Георгий Валентинович — 10, 31, 33, 73, 296, 417, 466, 510—512, 521, 522, 542, 544—546, 548, 550, 554, 555
- Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), рус. поэт и лит. критик, петрашевец, после ссылки сотр. *С* и *ОЗ* — 16, 24, 168, 203
- Плимак Е. Г., сов. философ и литературовед — 21, 29
- Плутарх (ок. 45 — ок. 127), древнегреч. писатель и историк — 112
- Подольский Сергей Андреевич (1850—1891), укр. публицист, экономист, рев. народник — 445
- Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), рус. писатель, либерал. бурж. историк и журналист, издавал ж. «Москов. телеграф» (1825—1834) — 77, 90
- Поляков Николай Петрович (1843—1905), рус. издатель — 445
- Порошин Виктор Степанович (1811—1868), рус. либерал. экономист — 27, 28, 185
- Потье Эжен (1816—1887), фр. пролетар. поэт-демократ, чл. I Интернационала и Париж. коммуны, автор гимна «Интернационал» (1871) — 297
- Поццо ди Борго Карл Андрей (1764—1842), корсиканец, рус. дипломат (на рус. службе с 1803) — 23
- Прудон Пьер Жозеф (1809—1865), фр. мелкобурж. социалист, теоретик анархизма — 26, 113, 119, 121, 150, 163, 208, 232, 258, 272, 289, 297, 302, 303, 305, 306, 309, 327, 336, 352, 353, 354, 362—365, 369, 372, 373, 393, 397, 398, 413, 416, 468, 484
- Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742—1775), предводитель Крестьян. войны 1773—1775. Казнен — 64, 330, 409, 411, 450, 484, 506, 509, 517, 520, 534
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), рус. поэт — 24, 97, 110, 112, 124, 129, 481

- Радищев Александр Николаевич (1749—1802), рус. рев. мыслитель, писатель, провозвестник рев. идей в России — 21, 76
- Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671), предводитель Крестьян. войны 1670—1671. Казнен — 64, 330, 406, 409, 411, 506, 509, 517, 520, 534, 551
- Ралли-Арборе или Ралии Земфирий (Замфир) Константинович (1848—1933), рус. рев-р, молдав. писатель — 72
- Реклю Жан Жак Элизе (1830—1905), фр. географ, социолог, один из теоретиков анархизма. Чл. I Интернационала, примыкал к бакунистам, участ. Париж. коммуны — 484
- Решетников Федор Михайлович (1841—1871), рус. писатель-демократ — 64, 437, 445
- Рихтер Дмитрий Иванович (1848—1919), рус. экономист, географ, этнограф и статистик — 445
- Робеспьер Максимилиен Мари Изидор де (1758—1794), деятель Вел. фр. рев., один из руков. якобинцев, гл. рев. правительства (1793—1794). Казнен — 110, 234, 235, 344, 526
- Рогачев Дмитрий Михайлович (1851—1884), рев. народник, «чайковец», один из инициаторов «хождения в народ» — 495
- Родбертус-Ягцов Карл Иоганн (1805—1875), нем. бурж. экономист, один из идеологов прусского «гос. социализма» — 512, 521
- Романовы, с 1613 царск. и в 1721—1917 император. династия в России — 335
- Ротшильды, финанс. династия в Зап. Европе. Основатель — М. А. Ротшильд (1743—1812) — 119, 181, 263
- Рошер Вильгельм Георг Фридрих (1817—1894), нем. вульгар. бурж. экономист — 316, 324
- Руге Арнольд (1802—1880), нем. философ-младогегельянец, бурж. радикал — 393
- Рудницкая Е. Л., сов. историк — 60, 90, 91
- Русанов Николай Сергеевич (1859—1939), рус. публицист, рев-р-народник, затем эсер, после 1917 эмигрировал — 73
- Руссо Жан Жак (1712—1778), фр. писатель и философ-просветитель. В трактате «Об обществ. договоре» (1762) дал картину идеального об-ва в естеств. состоянии, где равенство мелкой собственности при личном труде является основой свободы каждого — 112, 117, 172, 304, 309, 344, 349, 352, 462, 471, 480, 522
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826), рус. поэт. Руководитель восст. 14 декабря 1825. Казнен — 112
- Рындзюнский П. Г., сов. историк — 20
- Рысаков Николай Иванович (1861—1881), народоволец, первым бросил в Александра II бомбу 1 марта 1881. Казнен — 523, 524
- Савич Н. И., укр. помещик, чл. КМО (1846—1847) — 27
- Сажин Михаил Петрович (1845—1934), рев. народник, бакунист — 364
- Сазонов Николай Иванович (1815—1862), рус. публицист и общ. деятель, утопич. социалист — 23
- Сакулин П. Н., сов. литературовед — 30
- Салтыков-Шедрин (наст. фам. Салтыков) Михаил Евграфович (1826—1889), рус. писатель-сатирик, рев. демократ. В 1840-х гг. примыкал к петрашевцам — 12, 16, 28, 56, 57, 59, 168, 186, 465
- Самарин Юрий Федорович (1819—1876), рус. философ, историк — 165
- Самнер (Сёмнер) Чарльз (1811—1874), полит. деятель США — 399
- Санд Жорж, наст. имя Аврора Дюпен, по мужу — Дюдеван (1804—1876), фр. писательница, в романах 1830—1840-х гг. выразила идеи сенсимонизма и христиан. социализма П. Леру, эмансипации женщин; участ. рев. 1848 во Франции — 26, 93, 150, 309
- Сватиков Сергей Григорьевич (1880—1942), рус. сов. историк, библиограф — 66
- Сей Жан Батист (1767—1832), фр. экономист, один из родонач. вульгар. политэкономии — 123, 204, 361
- Семевский Василий Иванович (1848/49—1916), рус. историк народнич. направления — 27, 42, 183, 204, 213
- Сен-Жюст Луи (1767—1794), деятель Вел. фр. рев., сторонник М. Робеспьера. Казнен — 110
- Сенковский Осип (Юлиан) Иванович (1800—1858), рус. писатель, журналист, востоковед — 109
- Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760—1825), фр. мыслитель, социалист-утопист — 7, 22, 24, 51, 76, 78, 81, 85, 86, 90, 113, 119, 120, 138, 142, 174, 177, 184, 185, 224, 235, 236, 246, 260—262, 264, 284, 297, 320, 322—324, 336, 371, 396

- Сераковский Зыгмунт (1826—1863), рос. рев. демократ, сотр. К и С, в 1863 руководитель восст. в Литве. Казнен — 352
- Серно-Соловьевич Александр Александрович (1838—1869), рус. рев. демократ, один из руков. ЗВ — 60, 298
- Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834—1866), рус. рев. демократ, публицист, один из организат. и руков. ЗВ — 48, 49, 52, 59, 238
- Серов Александр Николаевич (1820—1871), рус. композитор — 372
- Сисмонди Жан Шарль Леонар Симонд де (1773—1842), швейц. экономист и историк, идеолог мелкобурж. товарн. производства — 325
- Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910), лит. критик, публицист — 37
- Скальковский Константин Аполлонович (1843—1906), инженер, бурж. публицист — 477, 481
- Слепцов Александр Александрович (1836—1906), рус. рев-р, один из организат. и руков. ЗВ 1860-х гг. — 48, 49, 238
- Слепцов Василий Алексеевич (1836—1878), рус. писатель-демократ. Под влиянием ром. «Что делать?» М. Г. Чернышевского основал в 1863 коммуны — 16, 61, 64
- Смарагдов Семен Николаевич (1805—1871), рус. историк официозн. направления — 110
- Смит Адам (1723—1790), шотл. экономист и философ, один из классиков бурж. политэкономии — 257, 267, 284, 321, 364, 451, 452
- Соколов Николай Васильевич — 49, 62, 352—354, 362—365
- Сократ (470/469—399 до н. э.), древнегреч. философ — 89, 261
- Спенсер Герберт (1820—1903), англ. философ, один из родоначальников позитивизма и органич. школы в социологии — 467, 468, 473, 475, 480
- Спешнев Николай Александрович (1821—1882), рус. рев-р и утопич. социалист, один из руков. петрашевцев — 29, 132, 168, 184, 210
- Спиноза Бенедикт (Барух) (1632—1677), нидерл. философ-материалист и атеист — 117, 161
- Станкевич Николай Васильевич (1813—1840), рус. обществ. деятель, философ, поэт — 92, 392
- Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович — 71, 72, 448, 495, 497, 508, 509, 543
- Стефанович Яков Васильевич (1854—1915), рев. народник — 555
- Стефенсон (Стивенсон) Джордж (1781—1848), англ. конструктор и изобретатель — 268
- Струве Густав (1805—1870 или 1871), нем. полит. деятель. Бурж. демократ — 271, 285
- Сыромятников, купец — 477, 481
- Съейес (Сийес, Сийес, Сиэс) Эмманюэль Жозеф (1748—1836), деятель Вел. фр. рев. (до революции аббат). В брошюре «Что такое третье сословие?» (1789) выдвинул лозунг: буржуазия была ничем, она станет всем. Один из основателей Якобинск. клуба. Затем способствовал установлению власти Наполеона I — 146, 301, 309
- Сю Эжен (1804—1867), фр. писатель-фурьерист, истолковывавший учение Ш. Фурье в сентиментальном духе — 30, 99, 110, 150
- Танеев Владимир Иванович (1840—1921), рус. общ. деятель, утопич. социалист, адвокат на процессе нечаевцев в 1871 — 16
- Таратута Е. А., сов. писательница — 495
- Твардовская В. А., сов. историк — 73
- Тест Жан Батис (1780—1852), фр. гос. деятель — 150, 165
- Тихомиров Лев Александрович (1852—1923), публицист, чл. организации «чайковцев», ЗВ, Исполкома НВ, с 1888 ренегат, монархист — 72, 535
- Ткачев Петр Никитич — 49, 56, 62—65, 68, 69, 71, 73, 328, 366—368, 369, 384, 385, 390—392, 417, 445, 538, 542
- Толстой А. Д., студент, петрашвец — 204
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), рус. писатель — 71
- Толь (Толль) Феликс-Эммануил Густавович (1823—1867), рус. педагог и писатель-демократ, петрашвец — 168
- Трансон Абель Этьенн Луи (1805—1876), фр. математик, сенсимонист — 90
- Трусов Антон Данилович (1835—1886), рус. рев. демократ, участ. Польск. восст. 1863, один из основат. Рус. секции I Интернационала — 445
- Тургенев Александр Иванович (1784—1845), рус. общ. деятель, историк — 26, 27
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), рус. писатель — 287, 445
- Тургенев Николай Иванович (1789—1871), рус. экономист, декабрист — 238

- Тьер Адольф (1797—1877), фр. гос. деятель, историк — 86, 365, 519
- Тьерри Огюстен (1795—1856), фр. историк — 89, 325
- Тюрго Анн Робер Жак (1727—1781), фр. гос. деятель, философ-просветитель и экономист — 241
- Тютчев Федор Иванович (1803—1873), рус. поэт — 12
- Уваров Сергей Семенович (1786—1855), рус. гос. деятель — 28, 169
- Уинстэли Джерард (1609 — после 1652), англ. утопич. социальный мыслитель, идеолог лев. крыла рев. демократии во время Англ. бурж. рев. XVII в., автор коммунистич. утопии «Закон свободы» (1652) — 7
- Ульянов Александр Ильич (1866—1887), рус. рев-р, брат В. И. Ленина, с 1886 чл. «Террористич. фракции» *НВ*, один из авторов ее программы, участ. в подготовке покушения на Александра III. Казнен — 543
- Уракова (в замужестве Михайлова) Ольга Васильевна (? — 1841), мать М. Л. Михайлова — 297
- Успенский Глеб Иванович (1843—1902), рус. писатель рев.-народнич. направления — 64
- Успенский Николай Васильевич (1837—1889), рус. писатель — 64
- Утин Борис Исаакович (1832—1872), петрашевец, юрист и публицист — 204
- Утин Николай Исаакович (1841—1883), участ. росс. рев. движения, чл. руков. центра *ЗВ* в 1862, с 1863 эмигрант, основатель газ. «Народ. дело» (1869—1870), чл. I Интернационала и основатель его Рус. секции — 49, 60, 64, 67, 413, 445
- Фавр Жюль (1809—1880), фр. полит. деятель — 294, 295
- Федосов И. А., сов. историк — 22
- Фейербах Людвиг Андреас (1804—1872), нем. философ-материалист и атеист — 26, 31, 56, 168, 204, 205, 239
- Фейербах Фридрих Генрих (1806—1880), последователь учения и брат Л. А. Фейербаха — 204
- Фердинанд VII (1784—1853), король Испании в 1808 и 1814—1833 — 480
- Филиппов Павел Николаевич (1825—1855), студент, петрашевец — 168
- Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814), нем. философ, субъективный идеалист — 392
- Фишер Куно (1824—1907), нем. философ-гегельянец — 372
- Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745—1792), рус. писатель — 218
- Фонвизин Иван Александрович (1790—1853), декабрист — 223
- Фонвизин Михаил Александрович — 15, 218—220, 223
- Франц-Иосиф I (1890—1916), император Австрии и король Венгрии с 1848, с 1867 — Австро-Венгрии — 163, 483
- Фрейтаг Густав (1816—1895), нем. писатель — 310
- Фурье Шарль (1772—1837), фр. утопич. социалист — 7, 22, 27, 30, 32, 51, 76, 80, 85, 88—90, 113, 119, 120, 123, 138, 142, 150, 162, 167, 174, 178, 180, 183—184, 185, 193, 194, 202—204, 206, 209, 210, 212, 215—217, 235, 239, 284, 297, 309, 320—322, 325, 354, 362, 396, 416, 456, 463
- Ханыков Александр Владимирович — 30, 168, 184, 203—205, 209, 210, 217, 239
- Ханыков Николай Владимирович (1819—1878), рус. востоковед, историк и дипломат — 203
- Ханыков Яков Владимирович (1818—1862), рус. гос. деятель, географ — 203
- Хессин Н. В., сов. философ — 41
- Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), рус. религиоз. философ, славянофил — 30
- Худяков Иван Александрович (1842—1876), рус. рев-р, этнограф, фольклорист. В 1865—1866 руководитель петерб. отделения организации ишутинец — 49, 61, 62, 368, 437, 445, 465
- Цеткин Клара (1857—1933), деятель герм. и междунард. коммунистич. движения — 418
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856), рус. философ и публицист — 12, 24
- Черкезов Варлаам Николаевич (Джан Асланович) (1846—1925), рус. рев-р, ишутинец — 445
- Чернышевский Николай Гаврилович — 10, 12, 14, 19, 30, 35, 40—49, 51, 52, 55, 59—61, 63, 69, 153, 188, 202, 206, 210, 239—242, 283—287, 297—298, 311, 324, 327, 337, 351—353, 367, 386—388, 391, 416, 436—448, 465, 483, 511, 524
- Чистов К. В., сов. историк — 20

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), рус. юрист, историк, философ-идеалист — 12

Шашков Серафим Серафимович (1841—1882), рус. историк, публицист-демократ народнич. направления — 64

Швейцер Иоганн Баптист (1833—1875), деятель герм. рабоч. движения, лас-сальянец — 365

Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861), укр. поэт, художник, рев. демократ — 29, 205

Шелгунов Николай Васильевич — 15, 49, 52, 62, 64, 296, 298, 310—312, 324, 325, 448, 466, 543

Шелгунова (урожд. Михаэлис) Людмила Петровна (1832—1901), переводчица и дет. писательница, жена Н. В. Шелгунова — 301, 302, 313, 343

Шеллер-Михайлов (наст. фам. Шеллер) Александр Константинович (1838—1900), рус. писатель, поэт и публицист-демократ — 16

Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775—1854), философ-идеалист — 284, 393

Шеффле Альберт Эберхард (1831—1903), нем. бурж. экономист и социолог — 444, 445

Шиллер* Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805), нем. поэт, драматург — 112

Шишко Леонид Эммануилович (1852—1910), рус. рев.-народник, публицист и историк — 72, 495, 535

Штейн Лоренц фон (1815—1890), нем. бурж. юрист, экономист и историк — 26, 27

Штрэндман Роман Романович (1825—1869?), петрашевец — 168

Шульце-Делич Герман (1808—1883), нем. мелкобурж. политич. деятель, вульгар. (в духе Ф. Бастиа) экономист — 414

Шапов Афанасий Прокофьевич (1831—1876), рус. историк, публицист-демократ — 49, 50, 57, 58, 64

Щеголев П. Е., сов. литературовед, историк рев. движения — 209, 217

Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790), рус. общ. и гос. деятель, историк, публицист — 22

Эдуард III (1312—1377), англ. король — 184

Эллидин Михаил Константинович (1835—1908), рус. рев.-р — 64

Энгельс Фридрих (1820—1895), один из основоположников науч. коммунизма, друг и соратник К. Маркса, вождь и учитель международного пр-та — 7, 26, 31, 42, 44, 53, 66, 67, 69, 240, 242, 287, 309, 311, 325, 327, 365, 368, 390, 391, 393, 394, 417, 444, 447, 462, 465, 511, 521, 535, 542, 543, 545—547, 550, 551, 554—556

Ювенал Децим Юний (ок. 60 — ок. 127), рим. поэт-сатирик — 364

Яковлев Иван Алексеевич (1767—1846), отец А. И. Герцена — 112

Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), рус. философ-материалист, декабрист — 219

Ястржембский Иван (Фердинанд) Львович (1814—1886), экономист, петрашевец — 42, 168

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агита/ция,— торы 373, 432, 473, 515, 520
 Анархи/я,— изм,— исты 84, 87, 181, 187, 191, 192, 221, 361, 371—374, 378—382, 388, 397, 402, 403, 543, 550
 Антагонизмы 123, 130, 153, 177, 178, 221, 301, 330, 349, 475
 — классовые 547
 Аристократия 84, 87, 108, 124—126, 143, 146, 191, 288, 315, 342, 361, 399, 425
 Артели 132—134, 141, 145, 152, 161, 238, 403, 405, 432, 486—488, 491, 492, 500, 516, 527, 530, 531
 Ассоциации/я,— и 80, 85, 144, 175, 196, 207, 208, 236, 245, 262, 272, 275, 317—323, 343, 346, 359, 362, 372—376, 397, 400, 402, 420, 527, 530
 — кооперативные 399, 402
 Атеизм 397, 401
- Банки 359, 398, 399, 403, 531, 552
 Барщина 149—151, 156
 Бедн/ость,— ые,— яки 87, 98, 108, 110, 118, 121, 138, 156, 182, 189, 190, 221, 230, 244—247, 260, 261, 291, 296, 317—319, 323, 329, 332, 343, 349, 350, 359—362, 499, 501
 Бед/ы,— ствия народные 98, 197, 200, 206, 247, 260, 282, 340, 378, 380, 408, 411, 412, 433, 471, 479, 520
 Благосостояние 92, 102, 107, 118, 143, 146, 172, 175, 184, 189—194, 198, 221, 222, 230, 244, 248, 249, 252, 257, 259, 262, 263, 274, 275, 313, 314, 318, 323, 337, 347, 358, 370, 449, 487, 534
 Бога/тство,— чи,— тые 83, 88, 110, 118—123, 126, 140, 151, 156, 175, 181, 182, 189, 193—197, 200, 201, 209, 216, 217, 221, 244, 247, 249, 261, 320, 322, 332, 340, 342, 344, 349, 358, 359, 372, 397, 400, 420, 429, 435, 451—455, 459, 489, 499—504, 553
- Борьба 89, 97, 106, 116, 120, 121, 126, 130, 137, 138, 157, 177, 189, 191, 196, 207, 209, 231, 260, 288, 292, 302, 330, 339, 350, 361, 362, 370, 371, 381—383, 405, 420—422, 435, 436, 442, 453, 457, 461, 482, 493, 500, 504, 506, 508, 517—520, 532—534, 537, 538, 547, 549, 551, 552
 — всех против всех 176, 260, 425, 429, 493
 — интересов 188, 192, 474
 — классовая — см. Классовая борьба
 — партий 249, 318, 356
 — за существование 361, 419, 440—441, 451, 454
 Брак (церковный, гражданский) 171, 193, 305, 308, 332, 402, 460
 Брат/ство,— ья 87, 93, 96, 97, 103—110, 121, 124, 127, 133, 221, 244, 245, 306, 333, 341, 348, 381, 382, 389, 454, 456, 499, 500, 504, 505, 527
 Бунт 331, 403, 404, 406, 409—413, 432, 531, 533, 540, 541, 551
 Будущее 89, 95—99, 112, 116—118, 125—131, 137—140, 143, 145, 152, 154, 170, 173, 188, 197, 199, 206—208, 216, 218, 222, 229, 235, 236, 239, 270—273, 276, 283, 293, 300, 301, 313—323, 333—339, 345, 350, 374, 380, 388, 397, 402
 Буржуазия 104, 118, 119, 132, 146, 155, 292, 318, 319, 342, 362, 379, 384, 398, 399, 408, 429, 439, 508, 539, 554
- Власть 84, 98, 99, 106, 110, 121, 129, 137, 143, 150, 158, 178, 186, 196, 221, 227, 230, 237, 262, 271, 292, 313, 315, 316, 318, 329, 331, 376, 381, 384, 400, 404, 414, 423, 430, 433, 436, 449, 450, 457, 459, 461, 476, 487, 500, 505, 528, 530, 531, 538
 — выборная 431

— государственная 160, 373, 382, 384, 387, 388, 431, 508
 — ее захват 366, 382, 538, 550
 Войны 88, 138, 160, 183, 211, 212, 260, 261, 316, 324, 330, 331, 339, 350, 356, 398, 408
 — крестьянские 152, 551
 Восстание 137, 225, 271, 313, 330, 331, 334, 411, 440, 505, 523, 532, 536, 540, 541
 Вооруженные силы 148, 156, 234, 274, 313, 329, 331, 332, 379, 421, 435, 531, 532
 Воспитание общественное 117, 137, 143, 176, 183, 235, 237, 262, 301, 303, 305, 307, 321, 332, 345, 356, 376, 378, 384, 396, 402, 406, 457, 459
 Выборные, доверенные 233, 234, 331, 487—492, 506, 530
 Гармоническое (всестороннее) развитие, Гармония 81, 83, 87, 127, 142, 172, 174, 179, 180, 184, 190, 191—196, 208, 211, 229, 261, 377, 427, 461, 462, 473
 Горо/д,— жане 117, 134—138, 212, 216, 217, 222, 236, 249, 280, 292, 331, 332, 487
 Господ/ство,— а 45, 177, 222, 276, 292, 294, 297, 342, 421, 426, 437, 440, 458, 500, 527, 529, 547
 — капитала 341, 405, 428, 457
 — политическое — см. Политическое господство
 — сословное 435, 539
 Государство 81, 85, 89, 100, 118, 128—132, 134, 136, 137, 140, 146, 147, 156, 157, 160, 162, 172, 208, 212, 222, 230, 237, 245, 274, 316, 319, 329, 339, 349, 350, 366, 376—379, 382, 386—388, 396, 398—403, 407, 410, 420—422, 425, 427, 433, 450, 459; 492, 506, 516—521, 539, 540, 553, 554
 — буржуазное (европейское) 84, 85, 136, 219, 352, 376
 — народное (рабочее) 146, 376
 — его разрушение 402, 516
 Грамот/ность,— а 149, 229, 423, 454
 Дворян/ство,— е 104, 106, 118, 121, 133—136, 148, 153, 155, 315, 317, 330, 409, 410, 539
 Демократи/зация,— я 133, 146, 249, 250, 271, 288, 397
 Деревня, село 129, 133, 134, 183, 334, 356, 392, 404, 411, 412, 454, 487, 490, 491, 506, 520, 530—532, 540
 Деспотизм 106, 208, 293, 294, 302, 331, 333, 349, 401, 409, 425, 523, 537, 551, 562

Дети 488, 489, 502, 505, 530
 Диктатура 221, 306, 307, 333, 452
 Добро,— детели 82, 98, 99, 102, 108, 109, 127, 141, 156, 161, 188, 191, 234, 282, 313, 344, 348—350, 360, 370, 371, 389, 500
 Достоинство 101, 105, 127, 159, 191, 228, 253, 275, 340, 357, 360, 362, 419, 433
 Досуг 125, 158, 342, 409, 430, 503
 Духовенство 317, 452, 539
 Женский вопрос, женское движение 153, 237, 298, 303, 403, 429
 Завод/ь,— чики 450, 487, 491, 500, 520, 527, 529—532
 Закон/ь,— ность 87, 98, 99, 105, 118, 121, 147, 158, 171, 181, 186, 195, 197, 207, 209, 212, 215, 222, 233, 235, 244, 249, 253, 255, 269, 294, 302, 304, 317, 318, 332, 362, 369, 372, 388, 397, 419, 425, 433, 454, 455, 475, 477, 505, 513—515, 530, 531, 540, 541, 552
 — абсолютный 251, 370
 — гражданские 98, 172, 190
 — естественные, природные 171—176, 193, 194, 201, 215, 217, 235, 239, 357, 358, 377, 454, 474, 506, 513
 — общественного развития 138, 194, 195, 253, 293, 307, 521
 Западни/чество,— ки 148, 315, 551, 555
 Заработная плата 120, 192, 193, 248, 258, 321, 411, 439, 468, 553 — см. также Плата за труд
 Землевладе/ние,— лец 129, 227, 231, 248—252, 266, 314, 385, 454, 455, 516
 Земля 106, 124, 129, 130, 133, 134, 137, 141, 146—149, 152, 154, 260, 268, 269, 278, 280, 313—316, 329—331, 388, 399, 401, 402, 405, 407, 435, 454, 490, 491, 499—501, 505, 506, 515, 518, 520, 527, 530, 532, 539, 553
 — обработка ее — см. Обработка...
 — общинное, общественное владение, пользование ею — см. Общинное...
 — раздел ее 130, 132, 135, 139, 145
 Зло 94, 106, 108, 120, 123, 132, 142, 151, 181, 182, 191, 197, 198, 234, 235, 253, 293, 297, 302, 336, 346, 349, 370, 380, 409, 411, 430, 433, 454, 464, 489, 504, 505, 519
 Золотой век 173, 207, 471
 Идеал(ы) 97, 101, 116, 117, 123, 125, 146, 150—156, 173, 198, 199, 223, 244, 248, 249, 302, 371, 374, 377, 380, 384—389, 392, 407, 422, 439, 450, 457—459, 464, 469, 474, 482, 486—493, 505, 517, 548, 551

- коммунистические 239, 384, 386
- народный 147, 384—386, 402, 406, 407, 409, 411, 506, 518
- общественные, социальные 196, 197, 231, 235, 259, 317, 384, 385, 421, 456
- Идеи 83, 84, 101, 102, 121, 122, 126, 127, 175, 197, 199, 201, 204, 209, 221, 223, 231, 256, 264, 275, 289, 291, 301, 306, 310, 314, 316, 322, 325, 326, 338, 348, 350, 361, 363, 371, 375, 377, 378, 382, 398, 423, 427, 451, 452, 470, 536, 539, 550, 551
- коммунистические, социалистические 187, 244, 396, 415
- революционные 131, 396, 436
- социальные 120, 123, 124, 126, 151, 153, 235, 426, 440, 441
- Икари/я, — йцы 123, 139, 151, 398
- Имущество 154, 219, 230, 286, 329, 332, 435, 457, 459—461
- Индивид,— уум,— уал,— уальность 88, 100, 122, 170, 370, 400, 467—474, 476, 513, 514, 521
- Индивидуализм 137, 200, 314, 322, 378, 382, 385
- Индустри/я,— ализм 88, 203, 207, 298, 322, 323
- Интеллигенция 153, 324, 379, 441, 520, 521, 537, 547, 549, 551, 554
- Интересы 102, 127, 133, 172, 176, 177, 191, 196, 201, 208, 221, 248, 262, 268, 274, 288, 308, 319, 329, 338, 346, 348, 357, 370, 371, 374—376, 379, 382, 396, 398, 414, 434, 443, 445, 453, 470, 472, 513, 521, 541, 546, 548, 550, 554
- господствующих классов 188, 256, 373, 434, 546
- личные, частные 177, 178, 190, 200, 257, 268, 290, 313, 349, 357, 370
- общие, общественные 92, 95, 178, 189, 196, 200, 244, 319, 360, 514
- общечеловеческие, человечества 173, 300, 378
- Интернационал 403, 434, 437, 440, 441, 443
- «Капитал» (К. Маркса) 437, 499, 521, 538
- Капитал 94, 110, 118, 120, 139—142, 149, 153, 155, 157, 161, 175, 176, 181, 182, 188, 192, 193, 201, 247, 248, 251, 252, 256, 257, 260, 268, 289, 292, 319, 321, 322, 329, 330, 346, 358, 363, 373, 374, 405, 413, 425, 435, 439, 449, 473, 476, 488, 489, 492, 513, 548, 553
- движимый, недвижимый 257, 508
- оборотный — см. Оборотный капитал
- общественный, народный 247, 347
- Капитали/зм,— сты 98, 142, 157, 189, 193, 207, 246, 248, 257, 292, 330, 343, 359, 363, 380, 402, 440, 449, 450, 452, 488, 514, 515, 520, 552, 553
- Класс(ы) 107, 164, 184, 189, 204, 219, 264, 274, 288, 292, 307, 322, 341, 413, 422, 431, 451, 468, 469, 507, 537, 540, 546, 548
- высшие, господствующие, капиталистов 96, 221, 229, 249, 287, 376, 420, 434, 435, 439, 468, 518, 521
- земледельческие 106, 222, 246, 252
- низшие 109, 196, 229, 249, 261, 347—348, 468
- образованные 108, 342, 347
- привилегированные 189, 314, 399, 405, 407, 452, 487, 540
- рабочий — см. Рабочий класс
- трудящиеся, производителей 188—193, 250, 274, 288, 292, 322, 323, 374, 398, 399, 435, 445
- Коллективизм, коллективная деятельность 321, 431, 435, 473, 510, 514, 516, 518, 519, 521
- Коллективное пользование землей 229, 411, 516
- Коммуни/зм,— сты 121—123, 132, 134, 137, 150, 180, 182, 208, 221, 223, 239, 240, 257, 270—273, 320, 331, 364, 377, 384—386, 393, 400
- Коммуны 80, 86, 150, 207, 434—440, 442
- Конкуренция 130, 141, 193, 246, 260, 262, 388, 405, 425, 429
- Конституци/я,— онализм,— онный 89, 90, 98, 121, 136, 143, 149, 212, 249, 314, 329, 356, 383, 414, 435, 508, 533
- Коопера/ция,— тивный (ая, ое, ые) 150, 405, 406, 421, 425—427, 471, 473, 476, 515, 522
- Кредит, Кредитные общества 191, 300, 323, 359, 374, 399
- Крепостн/ое право,— ичество,— ки 105, 131, 133, 135, 136, 149, 153, 222, 252, 288, 294, 415, 425
- Крепостные 136, 222, 228, 361
- Крестьяне 105, 121, 125, 129, 131, 133—136, 146, 159, 189, 204, 207, 227, 229, 233, 234, 315, 329—331, 333, 385, 397, 404, 405, 411—415, 421, 422, 437, 456, 490—492, 505, 510, 514, 516, 518—520, 529, 531, 532, 540, 541, 553
- их освобождение 133, 149, 153, 160, 233, 313, 315, 410, 491
- Кризисы 137, 147, 156, 189, 227, 259, 260, 330, 513
- Кула/чество,— ки 378, 379, 410, 415, 516, 529, 531, 553
- Либерал/изм,— ы 77, 123, 124, 136, 148, 153, 181, 183, 249, 250, 373, 380, 387, 445, 479, 517

- Личность 95, 99—109, 127, 129, 131,
 134, 135, 137, 144, 146, 152—154, 161,
 172, 174, 181, 200, 207, 231, 232, 244,
 245, 257, 295, 302, 321, 338—340, 343,
 345, 348, 375, 378, 396, 403, 415, 419—
 421, 424, 426, 429—434, 436, 442, 460,
 468, 470, 471, 476, 490, 507, 514
 Любовь 84, 87, 89, 97, 104, 108—110, 117,
 119, 127, 132, 142, 159, 171—173, 176,
 177, 180, 181, 248, 262, 276, 305, 320,
 349, 350, 384, 455, 456, 500, 504
 Мануфактура 100, 101, 106, 188, 323
 Маркси/зм,—сты 403, 513, 543, 547, 551
 Массы 116, 119, 121—124, 138, 142, 145,
 152, 179, 236, 244, 245, 250, 260, 266,
 271, 288, 289, 293—295, 302, 330, 342,
 348, 371, 405, 412, 423, 432, 440, 443,
 446, 452, 453, 467, 471, 505, 506, 513,
 515—518, 539, 553
 Мастерские 139, 153, 157, 271, 281, 345,
 373, 467
 Материальные положение, средства,
 условия 100, 101, 244, 248, 250, 292,
 318, 323, 338, 345, 352, 372, 376
 Машины 87, 100, 101, 118, 140, 142, 175,
 189, 191, 192, 260, 268, 278, 280, 339,
 343, 358, 433, 491, 501—503, 514, 527
 Международные общества рабочих
 157—159, 399, 422, 428, 481, 499
 *
 Наделы 152, 230, 330, 454, 491, 514
 Наемник, наемный работник, наемный
 труд 188, 189, 229, 252, 256, 268, 269,
 331, 479, 491
 Народни/чество,— ки, хождение в народ
 415, 437, 441, 454, 505, 518—520, 544,
 550
 Народное представительство 383, 530,
 532
 Насилие 88, 127, 133, 141, 143, 149, 155—
 157, 227—232, 339, 356, 361—363, 382,
 383, 409, 455, 504, 523, 527
 Наследств/о,— енный (ая, ое, ые) 129,
 140, 141, 159, 190, 230, 231, 246, 252,
 306, 332, 400, 435, 452, 493
 Наук/а,— и 88, 89, 95, 96, 99, 101, 106,
 107, 116—119, 122, 123, 132, 135, 141,
 148—151, 153, 167, 176, 177, 179, 183,
 186, 189, 192, 194—199, 201, 209, 215—
 217, 228, 231, 232, 236, 237, 244, 260,
 265, 268, 301—303, 307, 308, 314, 320,
 323, 343, 346, 357, 358, 361, 373, 375,
 378, 380, 397, 398, 402, 404, 405, 408,
 420, 424, 426, 428, 438, 457, 460, 462,
 464, 473, 474, 476, 479, 502, 503, 513,
 518, 520, 527, 528, 535
 Национальный (ая, ое, ые) 103, 104, 133
 — вопрос 105, 422, 433
 — единство 137
 — особенности 248, 389, 390
 — отношения 239
 — разделение, разделенность 389, 422
 — чувства 389
 Нация, народность 84, 96, 104, 107, 130,
 173, 177, 183, 208, 235, 248, 250, 273,
 347, 389, 420, 422, 473, 507
 Неимущие 80, 118, 119, 124, 157, 318
 Неравенство 106, 201, 315, 323, 340, 380,
 381, 384, 389, 400, 461, 467, 553
 Несправедливость 122, 123, 196, 489, 523,
 551
 Нищета 99, 106, 108—111, 119, 123,
 181—183, 188, 189, 193, 216, 217, 221,
 227, 246, 356—360, 406, 407, 502
 Новый человек, новые люди 79, 242, 276,
 310, 347, 349
 Нравственно/сть,— е 80, 86, 99, 102, 108,
 110, 119, 120, 127, 154, 156, 193, 217,
 248, 251, 282, 302, 304, 306, 307, 335,
 342, 348, 350, 360, 371, 374, 376, 378,
 381, 383, 419, 432, 433, 442, 443, 453,
 454, 460, 472, 482, 489, 528, 534, 551,
 552
 Нью-Гармони 143, 176
 Нью-Ленарк 143, 176, 320
 Оборот капитала, оборотный капитал
 123, 193, 257
 Образ жизни 98, 117, 129, 130, 242, 282,
 365, 467
 Образован/ие,— ность 88, 98, 106—
 109, 125, 146, 172, 173, 190, 228, 229,
 232—234, 247, 250, 288, 304, 306, 308,
 356, 358, 396, 401—403, 405, 420, 427,
 430, 435, 487, 488, 529, 531
 Общественный договор 117, 172, 349,
 471, 522
 Общественный (ая, ое, ые)
 — владение (пользование) землей 180,
 183, 222, 383, 411, 488, 514, 553
 — деятельность 83, 97, 178, 191, 196,
 206, 371, 422, 427, 519
 — жизнь, быт 83, 142, 170—173, 176,
 177, 181, 182, 186, 197, 200, 213, 254,
 261, 266, 293, 322, 323, 333, 339, 341,
 345, 357, 370, 375, 381, 388, 389, 403,
 424, 426, 427, 430, 431, 451, 458, 486,
 538, 548
 — мнение 99, 138, 196, 316, 347, 408, 431
 — науки 215, 232, 323
 — потребности 182, 195, 422, 426, 431
 — права 130, 232, 487
 — развитие 100, 197, 341, 386—389,
 426, 427, 432, 437, 452, 467—470, 514,
 519, 538, 548
 — реформы 261, 289, 290, 317, 390,
 426, 516, 520

- сознание 89, 179, 191, 195, 347
- устройство 85, 87, 118, 120, 121, 129, 139, 141, 148, 160, 175, 185, 191, 193, 194, 198, 200, 209, 231, 232, 235, 239, 249, 250, 290, 304, 325, 330, 335, 377, 380, 386, 392, 397, 398, 403, 414, 421—425, 433, 435, 437, 467, 468, 479, 489, 519, 540
- учреждения 236, 267, 348, 383, 386, 387
- фонды 401
- Общечеловеческое 140, 173, 208, 232
- Община (ы) 86, 89, 129—137, 142, 152, 153, 175, 176, 206, 227—233, 331, 332, 378, 384—386, 403, 407—410, 414, 415, 432, 472, 479, 486—488, 501, 514, 517, 527—531, 553
- военная казачья 133, 134, 514
- западноевропейская 513
- земледельческая, сельская 128—133, 145, 152, 231, 315, 331, 383, 402, 488, 518, 531, 552
- Кабе 306
- коммуны 383, 385, 386
- ее разложение, разрушение 513, 552
- раскольничьи 541
- Общинный (ая, ое, ые)
- быт, устройство 128, 130, 133—135, 137, 142, 151, 204, 222, 229, 321, 378, 517
- владение землей, ее обработка 135, 141, 142, 145, 149—152, 159, 224, 227—231, 236, 244—252, 254, 264, 266, 331, 384, 386—388, 390, 422, 479, 487, 514
- самоуправление 141, 152, 384, 402, 422
- учреждения 540, 553
- обязанности
- Овенизм (Оуэнизм) 175, 176, 320
- Организация труда 123, 150, 181, 191, 200, 262, 263, 345, 349, 372, 428
- Орудия труда, производства 118, 150, 176, 189, 269, 323, 340, 374, 379, 383, 402, 487, 488, 501, 510, 515, 516, 519, 527
- Освобождение 103, 120, 122, 133, 159, 230, 399
- всенародное, народное 213, 398, 401, 403—409, 412, 413, 524, 537, 551, 552
- личности 160, 257, 507
- пролетариата 546, 547, 550
- труда, трудящихся 100, 361, 405, 507, 539, 552, 554
- Отечество, Родина 84, 143, 179, 208, 222, 223, 297, 316, 323, 438, 491, 514, 519, 554
- «От каждого по способности, каждому по потребности» 182, 411, 457
- «От каждого по способностям, каждому по труду» 201, 236, 262, 263, 323

Отношения

- гражданские 172
- меж (ду)человеческие 171, 172, 177, 197, 217, 239, 303, 339, 345, 387, 487, 520
- между мужчиной и женщиной 171, 194, 302, 307, 308, 348, 385, 428, 456, 460
- общественные, социальные, социально-политические 182, 194, 235, 253, 274, 389, 390, 460, 515, 516, 518, 520, 522, 547, 548
- труда к производству, к капиталу 140, 188, 189, 191, 192, 251, 256, 374, 428, 546
- хозяйственные 185, 191, 198, 376
- человека к природе 195, 252, 473

- Парижская коммуна 434—439, 442, 481, 506, 538, 539
- Парламент 90, 124, 128, 158, 250, 414, 533
- Партия (и) 99, 138, 184, 207, 249, 271, 291, 293, 334, 373, 420, 421, 435, 436, 439—443, 468, 508, 518, 523, 527, 533, 540, 543, 546, 548, 549
- буржуазные 537
- коммунистическая 271
- народные 329, 330
- политические 356, 399, 440
- прогрессивные 549
- рабочая (социалистическая) 440, 443, 549, 551
- радикальные 439
- (социально —) революционная 137, 331, 333, 383, 515, 516, 518, 520, 529, 536, 537, 540, 541
- социалистическая 183, 271, 442, 443, 534, 537
- Патриотизм 82, 118, 156, 293, 324, 325
- Пауперизм 111, 188, 343
- Переворот социальный, государственный 110, 120, 135, 137, 142, 147, 149, 153—157, 160, 179, 213, 219, 250, 271, 272, 293, 300, 322, 325, 336, 350, 356, 381—385, 407, 414, 423, 435, 436, 440—442, 489, 492, 513, 517, 531—533, 537—540
- Передел земель (полей) 152, 183, 331, 491, 517, 518, 520, 530
- Периоды общественного развития 261, 473, 552
- Плата за труд 188, 192, 227, 269, 358, 405, 468, 491
- Политический (ая, ое, ие)
- борьба 356, 440, 537, 538, 546, 550
- власть 383
- вопросы 99, 317, 322, 421, 428, 429, 433
- движения 151, 474

- деятельность 438, 440, 456
- жизнь 369, 519, 549
- обстановка, положение 89, 257, 399, 401, 451
- освобождение 401, 402
- отношения 369, 374, 383
- права, свободы 180, 250, 288, 330, 357, 376, 401, 454
- программа 414, 421, 429, 435, 440, 539, 550
- реформы 356, 383, 519
- система 129, 338, 537, 539, 540
- устройство, организация 127, 133, 139, 316, 325, 335, 393, 401, 402, 508, 537
- учреждения 390, 402, 538
- Польза, полезность 87, 174—176, 190, 217, 245, 254, 260, 265, 274, 289, 294, 317, 329, 332, 359, 370, 371, 376, 405, 419, 420, 425, 426, 429, 432, 453, 487, 501—503
- Поместья, помещики 87, 105, 124, 135, 136, 153, 189, 227, 228, 233, 234, 313—316, 329, 330, 380, 454, 490, 491, 499, 500, 506, 508, 529, 527
- Порядок 105, 124, 151, 157, 159, 186, 190, 192, 209, 212, 230, 245, 248, 254, 265, 266, 273, 300, 301, 303, 315, 318, 356, 379, 432, 457—460, 472, 500—503, 531, 548
- буржуазный 244, 245, 361
- новый 361, 376, 439, 500, 504
- старый 96, 127, 140, 142, 362, 376, 377, 432, 519, 533, 540
- существующий 122, 153, 155, 200, 215, 221, 231, 330—333, 363, 381, 500, 541
- Потреб/ление, — ители 106, 176, 188, 189, 235, 244, 259, 340, 342, 358, 476, 553
- Потребности 88, 151, 157, 160, 170, 174, 175, 179, 180, 188, 190, 191, 201, 236, 246, 253—257, 263, 266, 274, 307, 338, 339, 341, 371, 383, 388, 398, 403, 420—429, 438, 442, 450, 453, 457, 459, 460, 517, 521, 527, 553
- естественные 182, 349
- личные 258, 419, 431
- материальные 207
- их удовлетворение 371, 372, 428
- физиологические 254, 259
- Потрясения, катаклизмы, катастрофы общественные 137, 145, 157, 189, 227, 259, 360, 361, 414, 440, 513
- Почвенники, «почва» 104, 107, 125, 144, 145, 150, 151, 156, 170, 179, 231, 232, 305, 313, 346, 386, 422, 428—430, 437, 441, 443, 474, 518, 520, 521, 551
- Права (о) 80, 86, 88, 105, 107, 117, 119, 120, 127, 129—135, 138, 143, 149, 152, 159, 176, 191, 201, 221, 227—230, 232, 250, 263, 292, 304, 306, 313—318, 329, 331, 333, 369—373, 375, 403, 422, 435, 459, 506, 517, 528, 530, 534, 540, 549
- естественные, натуральные 152, 157, 171, 172, 207, 401
- гражданские 293, 294, 332
- женщин 301, 303, 402
- на землю 129, 139, 141, 149, 151—153
- избирательные 399, 530
- мужчин 301, 302, 402
- наследования 401
- общественные — см. Общественные права
- общечеловеческие, всеобщие 231, 441
- политические — см. Политические права
- расширение их 294
- собственности 133, 146, 148, 155, 162, 221, 256, 361—363, 449, 517, 518
- на труд 140, 372, 487
- человека 112, 139, 149, 244, 245, 255, 263, 334, 372, 379, 388, 409, 507
- Правление — см. Управление
- Праздн/ость, — ые 148, 261, 349
- Практический (ая, ое, ие)
- вопросы, задачи 518, 546
- деятельность 88, 173, 290, 366, 452, 519
- программы борьбы 552
- Предвидение 95, 186, 199, 357
- Предприимчивость 247, 340
- Предрасудки 96, 106, 119, 124, 156, 179, 204, 215, 216, 303, 486, 502
- Преобразования 128, 142, 172, 173, 179, 197, 206, 221, 246, 303, 317, 350, 383, 396, 404
- Привилегии 184, 191, 308, 317, 374, 375, 397—399, 401
- Привычки 106, 107, 119, 124, 126, 230, 231, 245, 248, 274, 379, 390, 409, 422, 425, 426, 432, 433, 445, 513—515, 539, 554
- Принуждение 175, 200, 237, 422, 433, 460
- Притесн/ения, — ители 191, 192, 330, 407, 422, 447
- Программа борьбы, общественного переустройства 121, 125, 144, 336, 384, 389, 420, 421, 439, 441, 442, 481, 487, 507, 513, 527, 537, 538, 544, 549, 550, 552
- Прогресс 95, 101—103, 136, 150, 170, 177, 180, 189, 192, 198, 208, 255, 260, 261, 265, 270, 274, 291—293, 300, 362, 375, 380, 382, 405, 420, 423, 430, 453, 459, 467, 469—471, 475, 477, 515, 518, 519, 539, 543
- буржуазный 357, 385
- исторический 97, 338
- Прогрессивные движения, деятельность 261, 270, 271, 380

- Производительность 118, 142, 188, 193, 320, 449, 553
- Производительные силы, производители 40, 189, 191—193, 196, 236, 249, 256, 260, 358, 375, 449, 476, 510, 519
- Производственные отношения 369, 450
- Производство 123, 175, 176, 181, 188—191, 201, 244—246, 252, 254—259, 268—270, 275, 292, 340, 358, 373—375, 400, 405, 428, 430, 435, 449, 476, 488, 489, 506, 513, 514, 521, 527, 554
- Прозвол 95, 101, 151, 170, 174, 175, 191, 192, 198, 228, 292, 294, 307, 343, 379, 384, 410, 507, 529, 539
- Пролетариат 98, 106, 111, 119, 121, 124, 129, 134, 139, 143, 146, 153, 164, 188, 207, 219, 221, 222, 236, 240, 246, 260, 292, 308, 313, 315, 317—323, 336, 342, 348, 356, 360, 361, 405—407, 410, 412, 413, 421, 434, 435, 439, 440, 449, 479, 546
- Промышленность 94, 106, 132, 135, 142, 172, 181, 182, 188—193, 196, 207, 208, 228, 229, 244, 262, 263, 268, 292, 305, 308, 345, 379, 457, 468, 473, 476, 479, 514, 516, 553
- Пропаганда 153, 250, 383, 397, 409, 412—415, 431, 437, 516—520, 535, 547—549, 553
- Просвещение 80, 82, 104, 105, 107—109, 254, 292
- Простонародье, простолюдины 257, 261, 262, 271, 279, 293, 323
- Профсоюзы, тред-юнионы 258, 344, 399
- Пьянство 408, 443
- Работа 88, 97, 98, 100, 107, 119, 124, 133, 139, 140, 146, 149, 151, 153, 155, 158, 175, 179, 193, 212, 216, 222, 234, 251, 252, 254—256, 258, 260, 267, 268, 273, 278—280, 283, 288, 289, 304, 330, 342, 344, 358, 400, 411, 422, 430, 450, 456, 471, 473, 488, 491, 501—505, 527, 529, 531, 550
- Работник, — чий 98, 114, 121, 122, 124, 125, 132, 135, 138, 139, 146, 151—153, 155, 157, 161, 188, 189, 192, 193, 212, 216, 236, 244, 248, 256—260, 267—269, 273—275, 278, 282, 292, 305, 320, 389, 402, 405, 406, 411, 412, 420, 421, 430, 435, 436, 440, 449, 450, 452, 456, 458, 468, 487, 489, 491, 495, 499—502, 513, 514, 516, 527—529, 531—533, 547, 551, 554
- Рабочий класс 200, 449, 546, 554
- его интересы 373, 376, 434, 549
- Рабочий (ая, ее, ие)
- вопрос 345, 374, 428, 479
- народ 530, 531
- организации (в том числе тайные) 235, 333, 420, 428, 473, 474, 531, 532
- Раб/ство, — ы 81, 88, 90, 98, 100, 103, 105, 127—129, 142, 143, 151, 160, 180, 191, 215, 222, 258, 294, 302, 304, 307, 315, 338—340, 356, 357, 361, 371, 374, 388, 389, 409, 411, 425, 435, 454, 471, 504, 527
- Равенство 98, 121, 123, 131, 135, 140, 156, 201, 276, 304, 321, 380, 384, 455, 458—461, 479, 486, 487, 490, 492, 529
- всеобщее, абсолютное 221, 273, 330, 381, 401
- имущественное 315, 460
- перед законом 221, 315, 317
- полов 301, 307, 332
- Равноправие 237, 276, 286, 371, 372, 420
- Разделение труда 191, 192, 267, 468, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477
- Распределение 118, 123, 140, 190, 200, 201, 212, 229, 235, 254, 256, 257, 269, 273, 307, 321, 323, 332, 372, 435, 488
- Реакци/я, — онеры 129, 137, 143, 160, 256, 271, 272, 302, 420, 437, 548, 551
- Революционеры 121, 137, 138, 158, 271, 322, 326, 331, 379, 380, 381, 382, 384, 390, 397, 403, 407, 408, 409, 412, 414, 446, 457, 465, 506, 517, 519, 549, 550, 551, 555
- Революционный (ая, ое, ые)
- движение 136, 222, 330, 412, 433, 506, 543, 548, 551
- комитет 331, 333
- период 329, 433
- приемы 515
- программа 331, 506
- традиции 554
- чувства 551
- Революция 81, 84, 85, 86, 91, 120, 121, 123, 125, 126, 132, 135, 136, 138, 139, 144, 148, 151, 152, 154, 160, 180, 182, 204, 234, 235, 236, 316, 317, 318, 319, 322, 324, 326, 330, 331, 336, 350, 360, 366, 380, 381, 382, 384, 385, 386, 389, 396, 398, 400, 404, 406, 410, 411, 423, 426, 427, 431, 433, 435, 440, 445, 446, 450, 479, 490, 494, 506, 513, 523, 535, 536, 539
- аграрная 520, 521
- народная 406, 413, 507
- политическая 131, 148, 156, 361, 428, 537, 538, 539
- религиозная 156, 361
- русская 137, 406
- социалистическая 553
- социальная 131, 133, 164, 380, 383, 386, 389, 396, 399, 403, 406—409, 426, 428, 432, 435, 439, 442, 443, 492, 518
- экономическая 439

- Регламентация 254, 255, 345, 397, 479
 Регресс 469, 470, 471
 Религия, Религиозный вопрос 83, 85, 86, 91, 92, 118, 120, 122, 123, 126, 127, 137, 154, 156, 172, 190, 207, 212, 215, 217, 224, 237, 295, 330, 350, 370, 397, 401, 407—409, 420, 422, 426, 435, 457, 462, 507, 530
 Ремес/ленники,— ла 100, 176, 233, 260, 268, 331, 340, 344, 345, 358, 460, 488, 552, 553
 Республика 81, 84, 85, 120, 126, 129, 133, 134, 142, 148, 152, 154, 156, 180, 289, 330, 332, 333, 334, 356, 396, 434
 Реформ(ы)(а),— аторы 139, 182, 197, 265, 293, 306, 324, 373, 377, 383, 427, 437, 440, 517, 519, 522, 548
 Самобыт/ность,— ное развитие 53, 103, 127, 159, 487, 518, 551, 553
 Самодержавие 129, 130, 132, 222, 414, 508
 Самостоятельный путь развития 228, 258, 344, 552
 Самоуправление 134, 137, 232
 Свобода(ы) 82, 105, 132, 135, 137, 151, 154, 160, 180, 191, 196, 207, 211, 227, 237, 250, 258—260, 276, 291, 294, 295, 302, 304, 307, 308, 309, 313, 321, 340, 341, 357, 361, 362, 381, 397, 401, 457, 458—462, 464, 479, 507, 508, 528, 534
 — личностная, личная 87, 127, 131, 133, 141, 227, 302, 321, 322, 357, 388, 421, 479, 487, 528
 — мнений 528
 — полная, неограниченная 152, 175, 190, 192, 196, 331, 388, 400, 411, 441, 461
 — равенство, братство 106, 121, 124, 362, 472
 — слова, прессы, печати, агитации, собраний 213, 249, 250, 294, 530
 Секты (религиозно-коммунистические) 85, 420, 426, 514
 Сельское хозяйство 248, 249, 268
 Семья 84, 98, 120, 152, 153, 154, 159, 216, 221, 227, 230, 244, 252, 268, 301, 302, 303, 306, 307, 330, 332, 375, 384, 385, 409, 425, 427, 428, 435, 457, 458, 488, 531
 Сенсимонизм 76, 77, 80, 81, 85, 86, 121, 122, 132, 149, 153, 154, 182, 224, 260—264, 322, 323, 396, 397
 Славянофилы 131, 132, 148, 266
 Собственники 80, 98, 121, 129, 139, 142, 146, 156, 157, 227, 229, 236, 248, 252, 315, 320, 363, 373, 452, 458, 460, 479, 539, 554
 Собственность 105, 110, 120, 123, 134, 136, 142, 146, 150, 151, 154, 157, 158, 161, 222, 227, 229, 231, 232, 256, 257, 273, 317, 318, 320, 329, 330, 343, 362, 375, 427, 429, 452, 458, 459, 460, 461
 — государственная 248, 249, 539
 — земельная, поземельная 106, 133, 139, 159, 189, 190, 228, 245, 248, 249, 252, 315, 405, 452
 — коллективная 156, 159, 403, 405
 — личная 159, 162, 230, 245, 251, 379, 403
 — наследственная 329, 403
 — национальная 97, 320
 — общественная, общая 175, 176, 182, 401, 530
 — общинная 228, 229, 235, 422
 — частная — см. Частная собственность
 Совесть 105, 108, 110, 153, 217, 233, 234, 294, 363, 370, 491
 Сознание народное 95, 96, 99, 100, 117, 142, 148, 149, 170, 173, 406
 Солдат/ы,— чина 132, 313, 316, 332, 379, 491, 532
 Солидарность 122, 156, 172, 176, 184, 191, 192, 196, 319, 378, 384, 415, 421, 429, 431, 433, 434, 437, 453, 454, 472, 521
 Соревнование 95, 192
 Сословия (е) 100, 106, 107, 160, 207, 236, 237, 263, 264, 274, 289, 329, 410, 414, 420, 507, 529, 539
 — буржуазное 104, 540
 — высшее, господствующее, привилегированное 107, 221, 249, 289, 376, 453, 507, 508, 540, 541
 — образованное 142, 184, 344
 — рабское 236, 247, 291, 356, 421, 428, 529
 — их разъединение, разделение 95
 — сельское 134, 189
 — среднее 107, 146, 155, 257, 258, 266, 320
 — третье — см. Третье сословие
 Социализм 76, 89, 91, 92, 121, 122, 123, 125—128, 130—132, 134, 135, 137, 139, 140, 142, 149, 150—154, 157, 162, 179, 180, 181, 183, 208, 221, 224, 231, 234, 236, 238, 239, 271, 306, 315, 326, 334, 351, 361, 363, 377, 389, 390, 396, 397, 398, 399, 400, 427, 429, 437, 438, 443, 445, 507, 513, 514, 518, 519, 520, 521, 547—551
 — государственный 398, 400
 — европейский, западный 153, 231, 516, 539
 — научный 415, 424, 426, 428, 494, 549, 550, 551, 552, 554
 — рабочий 429, 430, 431—435, 440
 — революционный 396, 428
 — утопический — см. Утопический социализм
 Социалисты 76, 118, 178, 179, 182, 183, 235, 240, 270, 271, 272, 286, 306, 326,

- 361, 362, 363, 389, 397, 438, 439, 440, 442, 443, 452, 468, 486, 487, 495, 508, 515, 518, 521, 522, 527, 528
- буржуазные 397, 547, 554
- революционеры 423, 431, 433, 437, 438, 439, 442, 445, 506, 510, 547, 549
- Социалистический (ая, ое, ие)
- общежитие 429
- строй 492, 507, 529
- убеждения 386, 443, 535
- строй, устройство — см. Общественный
- чувства 95, 515
- Способности 96, 100, 153, 182, 190, 212, 263, 305, 307, 318, 342, 358, 362, 363, 396, 397, 400, 442, 467, 480, 487
- Способ производства 176, 188, 191, 252, 358, 552
- Справедливость 105, 120, 153, 171, 172, 177, 189, 196, 245, 249, 273, 289, 290, 291, 294, 295, 305, 306, 337, 348, 371, 376, 384, 398, 400, 401, 410, 411, 415, 419, 420, 440, 450, 457, 489
- Среда 153, 156, 170, 206, 419, 435, 436, 457, 458, 460, 471, 507, 531, 540, 541, 548, 549
- Стачки 157, 428, 449, 531
- Стратегия (революции) 158
- Строй 301, 428, 432, 434, 487, 493, 551
- буржуазный 435, 440
- конституционный 508
- справедливый 420, 437
- Суд, Судьи, Судопроизводство, Правосудие 98, 108, 120, 127, 143, 152, 159, 184, 188, 212, 213, 227, 229, 233, 249, 304, 314, 330, 331, 343, 430, 433, 492, 505
- Счастье 82, 97, 110, 117, 121, 135, 154, 172, 173, 175, 190, 197, 206, 207, 215, 216, 217, 244, 276, 283, 290, 305, 307, 313, 314, 319, 320, 321, 339, 343, 349, 449, 451, 453, 454, 456, 460, 473, 474, 494, 499, 500—504, 507, 527, 528, 529
- Тактика революционная 508, 550
- Творчество 89, 161, 256, 358, 424, 482
- Теории — см. Учения
- Террор, — изм., — исты 110, 142, 331, 436, 507, 535
- Техника, Технология 266, 358, 375, 430, 442, 514, 516, 520
- Тиран/ия, — ы 94, 143, 360, 374, 457
- Товарищества 141, 258, 259, 262, 275, 405, 449
- Труд 83, 94, 105, 116, 136, 147, 148, 151, 153, 160, 174, 175, 178, 179, 180, 181, 190, 191, 193, 212, 216, 235, 236, 245, 247, 249, 251, 252, 254, 257, 259, 267, 269, 275, 280, 282, 283, 286, 287, 288, 289, 290, 305, 306, 308, 321, 323, 338, 341, 343, 349, 350, 352, 358, 359, 362, 363, 373, 374, 375, 398, 420, 428, 429, 432, 434, 443, 445, 449, 450, 457, 459, 460, 468, 471, 472, 473, 476, 479, 487, 489, 501, 505, 516, 518, 527, 528, 548
- коллективный 383, 435, 516
- народный 519, 540
- производительный 258, 339, 341, 349, 435
- умственный 192, 232, 343, 344, 396, 402
- фабричный 527
- физический 189, 192, 282, 319, 343, 344, 345, 346, 396, 402, 467, 468
- Трудающиеся, труженики 153, 249, 256, 258, 259, 261, 267, 269, 288, 289, 323, 338, 343, 429, 445
- Тунеяд/цы, — ство 236, 323, 363, 490, 527
- Угнет/ение, — енны, — атели 86, 300, 361, 456, 528, 529
- Управл/ение, — яющие; (Правление) 123, 135, 138, 141, 250, 318, 430, 435, 458, 467, 530, 532
- демократическое 458
- деспотическое 331
- конституционное 84, 458
- общественное 322, 387, 403, 414
- Утопии 119, 122, 125, 126, 185, 197, 198, 199, 200, 201, 221, 245, 272, 275, 289, 291, 301, 317, 370, 371, 374, 375, 377, 379, 383, 388, 430, 450, 514
- Утопический социализм 196, 198, 555
- Учения (е), Теории 82, 85, 86, 119, 132, 147, 150, 153, 154, 196, 198, 199, 200, 201, 231, 232, 235, 264, 267, 317, 319, 320, 325, 346, 348, 349, 370, 377, 388, 402, 403, 404, 405, 452, 487, 530, 549, 551
- коммунистические 218, 222, 258, 351
- политические 132, 369, 370
- социалистические 179, 203, 218, 222, 223, 351, 398, 426, 428, 514, 527, 551, 552
- социальные 122, 148, 149, 153, 180, 181, 182, 218, 301, 315, 347, 369, 370, 424, 426, 428, 429, 451, 474, 475
- экономическое 119, 196, 197, 198, 200, 257, 314, 320, 340, 347, 357, 428, 543
- Ученые 95, 98, 107, 110, 118, 292, 300, 304, 324, 345, 366, 402, 420, 451, 459, 460, 487, 501, 502
- Фабрик/и, — анты 101, 118, 121, 124, 134, 139, 157, 244, 248, 258, 260, 268, 269, 292, 332, 342, 349, 450, 487, 491, 500, 506, 508, 513, 514, 515, 520, 527, 529, 530, 531, 532, 539, 552, 554
- Фазы развития 197, 386, 387, 425, 440, 441, 513, 514, 552

Фалан/стер,— га 81, 121, 132, 139, 150, 151, 162, 194, 321, 397, 456

Феодал/изм,— ы 80, 82, 86, 89, 106, 118, 130, 135, 191, 222, 257, 289, 292, 293, 340, 341, 361, 513

Формы 295, 492

— землевладения 230

— правления 148, 322, 378

— собственности 227, 231, 248, 249

Фурьер/зм,— сты 85, 88, 121, 122, 123, 132, 149, 153, 154, 156, 162, 178, 180, 194, 203, 216, 322, 323, 397

Хозяева 146, 161, 257, 258, 260, 268, 269, 275, 279, 305, 388, 458, 487, 491, 499, 500, 501, 527, 528, 529

Царизм, царь 80, 84, 110, 132, 135, 136, 143, 150, 160, 212, 225, 233, 234, 277, 282, 313, 314, 329, 330, 335, 409, 410, 455, 499, 501, 505, 518, 520, 523, 540

Церковь 156, 184, 332, 408, 422, 455, 492

Цивилизация 79, 105, 107, 109, 117, 121, 124, 125, 130, 146, 151, 154, 159, 161, 207, 229, 252, 288, 304, 341, 342, 343, 344, 356, 357, 361, 362, 388, 430, 445, 451, 453, 454, 459, 462, 471, 473, 547

— западная 147, 231, 232, 265, 357, 436, 451, 453, 454, 481

Частный (ая, ое, ые)

— выгода 101, 215, 260, 262, 292, 313, 330, 348, 357, 502

— собственность 134, 151, 176, 182, 207, 248, 251, 252, 435, 539, 553

Человек 81, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 96, 97, 99, 100, 102, 103, 105, 107, 108, 110, 116, 118, 122, 125, 127, 128, 130, 136, 137, 144, 156, 170—175, 178, 180, 184, 186, 188, 189, 190, 191, 194, 195, 197, 198, 206, 212, 215—217, 227, 229, 230, 244, 250—251, 253, 254, 256, 263, 267, 268, 272, 273, 275, 288, 290, 291, 293, 294, 307, 314, 317, 321, 330, 331, 332,

334, 335, 338—342, 344, 349, 350, 358, 359, 362, 370, 371, 372, 377, 378, 381, 388, 396, 399, 400, 420, 424, 425, 427, 431, 435, 456, 457—462, 470, 473, 474, 490, 499, 501—504, 528, 529

— новый 79

«Черный передел» 517, 520, 538, 549, 550

Эгоизм 82, 84, 87, 102, 127, 137, 320, 378, 381, 426, 461, 462

Экономи/ка,— сты,— зм 195—197, 257, 314, 316, 357, 362, 363, 369, 371, 373, 405, 452, 468, 475

Экономический (ая, ое, ие) 141, 142, 405, 435, 477, 539

— вопросы 120, 139, 185, 189, 316, 317, 319, 320, 329, 347, 409, 421, 428, 429, 439, 440, 457, 459

— деятельность 246, 253, 254, 321, 388

— законы 246, 254, 357, 519

— интересы 370, 398, 546

— организации, учреждения 193, 195, 196, 539

— отношения 195, 246, 374, 375, 383, 519, 520, 538

— переворот 148, 155, 156, 435, 439, 440, 441

— положение 230, 231, 318, 371, 373, 380, 384, 399, 404, 442, 537

— прогресс 247, 270, 274, 378

— развитие 151, 191, 232, 245, 264, 352, 464, 513, 521, 552, 553

— реформы 317, 359, 376, 383, 519

— сфера 190, 253, 376, 538

— устройство 147, 148, 159, 188, 189, 200, 244, 259, 267, 273, 274, 315, 330, 341, 346, 357, 401, 440, 518, 547

Эксплуататор/ы,— ские классы 307, 379, 380, 397, 413

Эксплуатация (человека человеком) 122, 125, 292, 305, 339, 359, 388, 401, 423, 425, 426, 430, 457, 520

Экспроприация 383, 506

— земли 518, 519, 539

— экспроприаторов 435

Эмансипация 301, 302, 304, 435

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ	5	АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ	
ПРОЛОГ	76	ХАНЫКОВ	
ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ		Биографическая справка	203
БЕЛИНСКИЙ		Библиография	205
Биографическая справка	92	Тексты	206
Библиография	94	Примечания	209
Тексты	95		
Примечания	109	ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ	
		АХШАРУМОВ	
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ		Биографическая справка	211
ГЕРЦЕН		Библиография	214
Биографическая справка	112	Тексты	215
Библиография	114	Примечания	217
Тексты	116		
Примечания	161	МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ	
		ФОНВИЗИН	
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ		Биографическая справка	218
БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ		Библиография	220
И ПЕТРАШЕВЦЫ		Тексты	221
Биографическая справка	167	Примечания	223
Библиография	169		
Тексты	170	НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧ	
Примечания	183	ОГАРЕВ	
ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ		Биографическая справка	224
МИЛЮТИН		Библиография	226
Биографическая справка	185	Тексты	227
Библиография	187	Примечания	237
Тексты	188		
Примечания	202		

**НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ**

Биографическая справка	239
Библиография	242
Тексты	244
Примечания	283

**НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ДОБРЮЛОВ**

Биографическая справка	286
Библиография	287
Тексты	288
Примечания	295

**МИХАИЛ ЛАРИОНОВИЧ
(ИЛЛАРИОНОВИЧ) МИХАЙЛОВ**

Биографическая справка	296
Библиография	299
Тексты	300
Примечания	308

**НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
ШЕЛГУНОВ**

Биографическая справка	310
Библиография	312
Тексты	313
Примечания	324

**ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ
ЗАИЧНЕВСКИЙ**

Биографическая справка	326
Библиография	328
Тексты	329
Примечания	334

**ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ
ПИСАРЕВ**

Биографическая справка	335
Библиография	337
Тексты	338
Примечания	351

**НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
СОКОЛОВ**

Биографическая справка	352
Библиография	354
Тексты	356
Примечания	363

**ПЕТР НИКИТИЧ
ТКАЧЕВ**

Биографическая справка	366
Библиография	368
Тексты	369
Примечания	390

**МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
БАКУНИН**

Биографическая справка	392
Библиография	394
Тексты	396
Примечания	413

ПЕТР ЛАВРОВИЧ ЛАВРОВ

Биографическая справка	415
Библиография	418
Тексты	419
Примечания	443

**ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
(ВИЛЬГЕЛЬМ ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ)
БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ**

Биографическая справка	446
Библиография	448
Тексты	449
Примечания	462

**НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
МИХАЙЛОВСКИЙ**

Биографическая справка	464
Библиография	466
Тексты	467
Примечания	480

**ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ
КРОПОТКИН**

Биографическая справка	482
Библиография	485
Тексты	486
Примечания	493

**СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ**

Биографическая справка	494
Библиография	497
Тексты	499
Примечания	508

**ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ
ПЛЕХАНОВ**

Биографическая справка	510
Библиография	512
Тексты	513
Примечания	521

**АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ
ЖЕЛЯБОВ**

Биографическая справка	523
Библиография	526
Тексты	527
Примечание	533

**НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
КИБАЛЬЧИЧ**

Биографическая справка	534
Библиография	536
Тексты	537
Примечания	541

ЭПИЛОГ 543

Вводная статья	543
Библиография	545
Тексты	546
Примечания	554

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 556

**СПИСОК УСЛОВНЫХ
ОБОЗНАЧЕНИЙ 562**

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 564

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ . . . 578

У85

Утопический социализм в России: Хрестоматия/
А. И. Володин, Б. М. Шахматов; Общ. ред. А. И. Володина.—
М.: Политиздат, 1985.— 590 с.

Книга знакомит читателей с творчеством наиболее видных представителей утопического социализма в России, его богатой и сложной полувековой историей развития — от А. И. Герцена и Н. П. Огарева в начале 30-х годов XIX в. до возникновения в России первой марксистской группы «Освобождение труда» в 1883 г.

Книга снабжена примечаниями, справочно-библиографическим аппаратом, предметным и именным указателями.

Адресуется студентам и преподавателям вузов, широкому кругу читателей, интересующихся историей социалистической мысли.